Александр Пушкин

ПАМЯТНИК А. С. ПУШКИНУ В МОСКВЕ.

Работа скульптора А. Опекушина. 1880 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДЕСЯТИ ТОМАХ

* * *

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1979

А. С. ПУШКИН

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

ПИСЬМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1979

Печатается на основе
Полного собрания сочинений
А. С. Пушкина,
изданного Академией наук СССР

$П\frac{70301-553}{042(02)-79}$ Подписное

ПИСЬМА

(1815—1837)

1815

1. И. И. МАРТЫНОВУ.

28 ноября 1815 г. Из Царского Села в Петербург.

(Черновое)

Милостивый государь,
Иван Иванович!

Вашему превосходительству угодно было, чтобы я написал пиесу на приезд государя императора; исполняю ваше повеленье.— Ежели чувства любви и благодарности к великому монарху нашему, начертанные мною, будут не совсем недостойны высокого предмета моего, сколь счастлив буду я, ежели его сиятельство граф Алексей Кириллович благоволит поднести государю императору слабое произведенье неопытного стихотворца!

Надеясь на крайнее Ваше снисхожденье, честь имею пребыть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Пушкин.

1815 года 28 ноября,
Царское Село.

1816

2. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

27 марта 1816 г. Из Царского Села в Москву.

27 марта 1816.

Князь Петр Андреевич,

Признаюсь, что одна только надежда получить из Москвы русские стихи Шапеля и Буало могла победить благословенную мою леность. Так и быть; уж не пеняйте, если письмо мое заставит зевать ваше пиитическое сиятельство; сами виноваты; зачем дразнить было несчастного царскосельского пустынника, которого уж и без того дергает бешеный демон бумагомарания. С моей стороны прямо объявляю вам, что я не намерен оставить вас в покое, покамест хромой софийский почтальон не принесет мне вашей прозы и стихов. Подумайте хорошенько об этом, делайте, что вам угодно — но я уже решился и поставлю на своем.

Что сказать вам о нашем уединении? Никогда Лицей (или Ликей, только, ради бога, не *Лицея)* не казался мне так несносным, как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединенье в самом деле вещь очень глупая, назло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто бы живали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину:

Блажен, кто в шуме городском...[1]

Правда, время нашего выпуска приближается; остался год еще. Но целый год еще плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного!.. целый год еще дремать перед кафедрой... это ужасно. Право, с радостью согласился бы я двенадцать раз перечитать все 12 песен пресловутой «Россиады», даже с присовокупленьем к тому и премудрой критики Мерзлякова, с тем только, чтобы граф Разумовский сократил время моего заточенья.— Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и в невинном удовольствии погребать покойную Академию и Беседу губителей российского слова. Но делать нечего,

[1] См. т. I, стр. 160.

Не всем быть можно в ровной доле,
И жребий с жребием не схож.—

От скуки часто пишу я стихи довольно скучные (а иногда и очень скучные), часто читаю стихотворения, которые их не лучше, недавно говел и исповедовался — всё это вовсе незабавно. Любезный арзамасец! утешьте нас своими посланиями — и обещаю вам если не вечное блаженство, то по крайней мере искреннюю благодарность всего Лицея.

Простите, князь — гроза всех князей стихотворцев на Ш.— Обнимите Батюшкова за того больного, у которого, год тому назад, завоевал он Бову Королевича. Не знаю, успею ли написать Василью Львовичу. На всякий случай обнимите и его за ветреного племянника. Valeas.

Александр Пушкин.

Ломоносов вам кланяется.

3. В. Л. ПУШКИНУ.

28 (?) декабря 1816 г. Из Царского Села в Москву.

Тебе, о Нестор Арзамаса,
В боях воспитанный поэт,—
Опасный для певцов сосед
На страшной высоте Парнаса,
Защитник вкуса, грозный *Вот!*
Тебе, мой дядя, в новый год
Веселья прежнего желанье
И слабый сердца перевод —
В стихах и прозою посланье.

В письме Вашем Вы называли меня братом; но я не осмелился назвать Вас этим именем, слишком для меня лестным.

Я не совсем еще рассудок потерял,
От рифм бахических шатаясь на Пегасе.
Я знаю сам себя, хоть рад, хотя не рад,
Нет, нет, вы мне совсем не брат,
Вы дядя мой и на Парнасе.

Итак, любезнейший из всех дядей-поэтов здешнего мира, можно ли мне надеяться, что Вы простите девятимесячную беременность пера ленивейшего из поэтов племянников?

Да, каюсь я, конечно, перед вами
Совсем неправ пустынник-рифмоплет;
Он в лености сравнится лишь с богами,
Он виноват и прозой и стихами,
Но старое забудьте в новый год.

Кажется, что судьбою определены мне только два рода писем — обещательные и извинительные; первые в начале годовой переписки, а последние при последнем ее издыхании. К тому же приметил я, что и вся она состоит из двух посланий,— это мне кажется непростительным.

Но вы, которые умели
Простыми песнями свирели
Красавиц наших воспевать,
И с гневной музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной осмеять,
И мучить бледного Шишкова
Священным Феба языком,
И лоб угрюмый Шаховского
Клеймить единственным стихом!
О вы! которые умели
Любить, обедать и писать,
Скажите искренно, ужели
Вы не умеете прощать!

28 декабря 1816 года.

P. S. Напоминаю себя моим незабвенным. Не имею более времени писать; но — надобно ли еще обещать? Простите, вы все, которых любит мое сердце и которые любите еще меня.

Шапель Андреевич конечно
Меня забыл давным-давно,
Но я люблю его сердечно
За то, что любит он беспечно
И петь и пить свое вино,
И над всемирными глупцами
Своими резвыми стихами
Смеяться — право, пресмешно.

4. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

25—30 декабря 1816 г. (?) В Петербурге.

Monsieur!

Nous vous renvoyons Voltaire, M-lle d'Orléans, Mon père et ma mère, etc., le tout

4
3
———
total 7

Et par-dessus le marché M-r de Küchelbecker vous envoye 4 vol. d'Amphion. Bien des remerciements pour ma part. Mon cher M. Jouckofsky, j'espère que demain j'aurai le plaisir de vous voir; Zadig, Tristam etc. sont priés bien humblement de dîner chez nous aujourd'hui, s'il est possible.

Retournez le feuillet. Pouchkine.

1817

5. С. С. ФРОЛОВУ.

4 апреля 1817 г. Из Царского Села в Петербург.

4 апреля 1817 года.

Почтеннейший Степан Степанович,

Извините, ежели старинный приятель пишет вам только две строчки с половиной — в будущую почту напишет он две страницы $^1/_2$.

Егоза Пушкин.

6. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ и В. Л. ПУШКИНУ.[1]

1 сентября 1817 г. Из Петербурга в Москву.

Любезный князь,

Если увидите вы Ломоносова, то напомните ему письмо, которое должен был он мне вручить и которое потерял он у Луи, между тем как я скучал в псковском моем уединенье. Я очень недавно приехал в Петербург и желал бы как можно скорее его оставить для Москвы, то есть для Вяземского; не знаю, сбудется ли мое желание; покамест с нетерпением ожидаю твоих новых стихов и прошу у тебя твоего благословения.

1 Sept. 1817. Пушкин.

Адрес: Их высокопреосвященствам
Василью Львовичу Вот
и Петру Андреевичу Асмодею.
В Москве.

---

[1] *Листок с частью письма, обращенной к В. Л. Пушкину, оторван.*

1819

7. А. И. ТУРГЕНЕВУ.

9 июля 1819 г. В Петербурге.

Очень мне жаль, что я не простился ни с вами, ни с обоими Мирабо. Вот вам на память послание Орлову; примите его в ваш отеческий карман, напечатайте в собственной типографии и подарите один экземпляр пламенному питомцу Беллоны, у трона верному гражданину. Кстати о Беллоне: когда вы увидите белоглазого Кавелина, поговорите ему, хоть ради вашего Христа, за Соболевского, воспитанника Университетского пансиона. Кавелин притесняет его за какие-то теологические мнения и достойного во всех отношениях молодого человека вытесняет из пансиона, оставляя его в нижних классах, несмотря на успехи и великие способности. Вы были покровителем Соболевского, вспомните об нем и — как кардинал-племянник — зажмите рот доктору теологии Кавелину, который добивается в инквизиторы.— Препоручаю себя вашим молитвам и прошу камергера Don Basile забыть меня по крайней мере на три месяца.

1819, 9 июля. Пушкин.

8. Н. И. КРИВЦОВУ.

Вторая половина июля — начало августа 1819 г.
Из Михайловского в Лондон.

(Черновое)

Помнишь ли ты, житель свободной Англии, что есть на свете Псковская губерния, твой ленивец, которого ты верно помнишь, который о тебе каждый день грустит, на которого сердишься и... Я не люблю писать писем. Язык и голос едва ли достаточны для наших мыслей — а перо так глупо, так медленно — письмо не может заменить разговора. Как бы то ни было, я виноват, знавши, что мое письмо может на минуту напомнить тебе об нашей России, о вечерах у Тургеневых и Карамзиных.

9. П. Б. МАНСУРОВУ.

27 октября 1819 г. Из Петербурга в Новгород.

Насилу упросил я Всеволожского, чтоб он позволил мне написать тебе несколько строк, любезный Мансуров, чудо-черкес! Здоров ли ты, моя радость; весел ли ты, моя прелесть— помнишь ли нас, друзей твоих (мужеского полу)... Мы не забыли тебя и в 7 часов с $^1/_2$ каждый день поминаем в театре рукоплесканьями, вздохами — и говорим: свет-то наш Павел! что-то делает он теперь в великом Новгороде? завидует нам — и плачет о Кр...... (разумеется, нижним проходом). Каждое утро крылатая дева летит на репетицию мимо окон нашего Никиты, по-прежнему подымаются на нее телескопы - - - — но увы... ты не видишь ее, она не видит тебя. Оставим элегии, мой друг. Исторически буду говорить тебе о наших. Всё идет по-прежнему; шампанское, слава богу, здорово — актрисы также — то пьется, а те - - - - - - — аминь, аминь. Так и должно. У Юрьева - - - - - -, слава богу, здоров — у меня открывается маленький; и то хорошо. Всеволожский Н. играет; мел столбом! деньги сыплются! Сосницкая и кн. Шаховской толстеют и глупеют — а я в них не влюблен — однако ж его вызывал за его дурную комедию, а ее за посредственную игру. Tolstoy болен — не скажу чем — у меня и так уже много- - - - - - в моем письме. Зеленая лампа нагорела — кажется, гаснет — а жаль — масло есть (т. е. шампанское нашего друга). Пишешь ли ты, мой собрат — напишешь ли мне, мой холосенький. Поговори мне о себе — о военных поселеньях. Это всё мне нужно — потому, что я люблю тебя — и ненавижу деспотизм. Прощай, лапочка.

27 oct. 1819. Пушкин.

1820

10. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

28 марта 1820 г. Из Петербурга в Варшаву.

(Отрывок)

Deux grands auteurs, les héros du Parnasse
Sont par le monde et choyés et chéris.
En vain leur Muse et détonne et grimace,
Des Visigoths ils sont les favoris.
Gertain Quidam distinguant leurs écrits
De ces Messieurs nous désigne la place.
L'un est, dit-il, le chantre du Midi,
L'autre du Nord. Touchez là. C'est bien dit :
Tant l'un est sec! et tant l'autre est de glace!

Поэма моя на исходе — думаю кончить последнюю песнь на этих днях. Она мне надоела — потому и не присылаю тебе отрывков.

1820 Пушкин.
28 март.

11. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Около (не позднее) 21 апреля 1820 г.
Из Петербурга в Варшаву.

Я читал моему преображенскому приятелю — несколько строк, тобою мне написанных в письме к Тургеневу, и поздравил его с счастливым испражнением пиров Гомеровых. Он отвечал, что - - - - - твое, а не его. Желательно, чтоб дело на этом остановилось — он, кажется, боится твоей сатирической палицы; твои первые четыре стиха насчет его в послании к Дмитриеву — прекрасны; остальные, нужные для пояснения личности, слабы и холодны — и, дружба в сторону, Катенин стоит чего-нибудь

получше и позлее. Он опоздал родиться — и своим характером и образом мыслей весь принадлежит 18 столетию. В нем та же авторская спесь, те же литературные сплетни и интриги, как и в прославленном веке философии. Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этим не удивишь; что ни говори, век наш не век поэтов — жалеть, кажется, нечего — а всё-таки жаль. Круг поэтов делается час от часу теснее — скоро мы будем принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи друг другу на ухо.— И то хорошо. Покамест присылай нам своих стихов; они пленительны и оживительны — «Первый снег» прелесть; «Уныние» — прелестнее. Читал ли ты последние произведения Жуковского, в бозе почивающего? слышал ты его «Голос с того света» — и что ты об нем думаешь? Петербург душен для поэта. Я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит мою душу. Поэму свою я кончил. И только последний, т. е. окончательный, стих ее принес мне истинное удовольствие. Ты прочтешь отрывки в журналах, а получишь ее уже напечатанную— она так мне надоела, что не могу решиться переписывать ее клочками для тебя.— Письмо мое скучно, потому что с тех пор, как я сделался историческим лицом для сплетниц Санкт-Петербурга, я глупею и старею не неделями, а часами. Прости. Отвечай мне — пожалуйста — я очень рад, что придрался к переписке.

Пушкин.

12. Н. И. ГНЕДИЧУ.

17—19 апреля или 29 апреля — 4 мая 1820 г.
В Петербурге.

Чаадаев хотел меня видеть непременно — и просил отца прислать меня к нему как можно скорее... по счастию — тут и всё.— Дело шло о новых слухах, которые нужно предупредить. Благодарю за участие и беспокойство.

Пушкин.

13. Л. С. ПУШКИНУ.

24 сентября 1820 г. Из Кишинева в Петербург.

Кишинев. 24 сент. 1820.

Милый брат, я виноват перед твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длинным письмом и подробными рассказами. Начинаю с яиц Леды. Приехав в Екатеринославль, я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку,

по моему обыкновенью. Генерал Раевский, который ехал на Кавказ с сыном и двумя дочерьми, нашел меня в жидовской хате, в бреду, без лекаря, за кружкою оледенелого лимонада. Сын его (ты знаешь нашу тесную связь и важные услуги, для меня вечно незабвенные), сын его предложил мне путешествие к Кавказским водам, лекарь, который с ним ехал, обещал меня в дороге не уморить, Инзов благословил меня на счастливый путь — я лег в коляску больной; через неделю вылечился. Два месяца жил я на Кавказе; воды мне были очень нужны и черезвычайно помогли, особенно серные горячие. Впрочем, купался в теплых кисло-серных, в железных и в кислых холодных. Все эти целебные ключи находятся не в дальном расстоянье друг от друга, в последних отраслях Кавказских гор. Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видел великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижными; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной. Кавказский край, знойная граница Азии,— любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением. Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои — излишними. Должно надеяться, что эта завоеванная сторона, до сих пор не приносившая никакой существенной пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею, не будет нам преградою в будущих войнах — и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии. Видел я берега Кубани и сторожевые станицы — любовался нашими казаками. Вечно верхом; вечно готовы драться; в вечной предосторожности! Ехал в виду неприязненных полей свободных, горских народов. Вокруг нас ехали 60 казаков, за нами тащилась заряженная пушка, с зажженным фитилем. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на них положиться; в надежде большого выкупа — они готовы напасть на известного русского генерала. И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан какого-нибудь чеченца. Ты понимаешь, как эта тень опасности нравится мечтательному воображению. Когда-нибудь прочту тебе мои замечания на черноморских и донских казаков — теперь тебе не скажу об них ни слова. С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма. Морем приехали мы в *Керчь*. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапея, думал я — на ближней горе посереди кладбища увидел я груду камней, утесов, грубо высеченных — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на *Золотом холме*. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею,— вот

всё, что осталось от города *Пантикапеи.* Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками; какой-то француз прислан из Петербурга для разысканий — но ему недостает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится. Из Керчи приехали мы в *Кефу,* остановились у Броневского, человека почтенного по непорочной службе и по бедности. Теперь он под судом — и, подобно Старику Виргилия, разводит сад на берегу моря, недалеко от города. Виноград и миндаль составляют его доход. Он не умный человек, но имеет большие сведения об Крыме, стороне важной и запущенной. Отсюда морем отправились мы мимо полуденных берегов Тавриды, в *Юрзуф,* где находилось семейство Раевского. Ночью на корабле написал я Элегию, которую тебе присылаю; отошли ее *Гречу* без подписи. Корабль плыл перед горами, покрытыми тополами, виноградом, лаврами и кипарисами; везде мелькали татарские селения; он остановился в виду Юрзуфа. Там прожил я три недели. Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посереди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нем героя, славу русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душою; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатерининского века, памятник 12 года; человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества. Старший сын его будет более нежели известен. Все его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная. Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался,— счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение,— горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда — увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского. Будешь ли ты со мной? скоро ли соединимся? Теперь я один в пустынной для меня Молдавии. По крайней мере пиши ко мне — благодарю тебя за стихи; более благодарил бы тебя за прозу. Ради бога, почитай поэзию — доброй, умной старушкою, к которой можно иногда зайти, чтоб забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милым болтаньем и сказками; но влюбиться в нее — безрассудно. Михайло Орлов с восторгом повторяет .... *русским безвестную!..* я также. Прости, мой друг! обнимаю тебя. Уведомь меня об наших. Всё ли еще они в деревне. Мне деньги нужны, нужны! Прости. Обними же за меня Кюхельбекера и Дельвига. Видишь ли ты иногда молодого Молчанова? Пиши мне обо всей братье.

Пушкин.

14. АРЗАМАСЦАМ.

20-е числа сентября 1820 г. (?) Из Кишинева в Петербург.

(Черновое)

В лето 5 от Липецкого потопа — мы, превосходительный Рейн и жалобный сверчок, на лужице города Кишинева, именуемой *Быком,* сидели и плакали, воспоминая *тебя, о Арзамас,* ибо благородные гуси величественно барахтались пред нашими глазами в мутных водах упомянутой речки. Живо представились им ваши отсутствующие превосходительства, и в полноте сердца своего положили они уведомить о себе членов православного братства, украшающего берега Мойки и Фонтанки —

15. Н. И. ГНЕДИЧУ.

4 декабря 1820 г. Из Каменки в Петербург.

Вот уже восемь месяцев, как я веду странническую жизнь, почтенный Николай Иванович. Был я на Кавказе, в Крыму, в Молдавии и теперь нахожусь в Киевской губернии, в деревне Давыдовых, милых и умных отшельников, братьев генерала Раевского. Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь рассеянное, было недавно разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя.— Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов. Вы поверите легко, что, преданный мгновенью, мало заботился я о толках петербургских. Поэму мою, напечатанную под вашим отеческим надзором и поэтическим покровительством, я не получил — но сердечно благодарю вас за милое ваше попечение. Некоторые №-ра «Сына» доходили до меня. Видел я прекрасный перевод «Андромахи», которого читали вы мне в вашем эпикурейском кабинете, и вдохновенные строфы:

Уже в последний раз приветствовать я мнил
и проч.

Они оживили во мне воспоминанья об вас и чувство прекрасного, всегда драгоценное для моего сердца, но не примирили меня с критиками, которые нашел я в том же «Сыне отечества». Кто такой этот В., который хвалит мое целомудрие, укоряет меня в бесстыдстве, говорит мне: *красней,* несчастный? (что, между прочим, очень неучтиво), говорит, что *характеры* моей поэмы писаны *мрачными* красками этого нежного, чувствительного

Корреджио и *смелою кистию Орловского,* который кисти в руки не берет и рисует только почтовые тройки да киргизских лошадей? Согласен со мнением неизвестного эпиграммиста — критика его для меня *ужасно как тяжка.* Допросчик умнее, а тот, кто взял на себя труд отвечать ему (благодарность и самолюбие в сторону), умнее всех их. В газетах читал я, что «Руслан», напечатанный для приятного препровожденья скучного времени, продается с превосходною картинкою — кого мне за нее благодарить? Друзья мои! надеюсь увидеть вас перед своей смертию. Покамест у меня еще поэма готова или почти готова. Прощайте — нюхайте гишпанского табаку и чихайте громче, еще громче.

Каменка, 4 декабря 1820. Пушкин.

Где Жуковский, уехал ли он с ее высочеством? Обнимаю с братским лобзанием Дельвига и Кюхельбекера. Об них нет ни слуха ни духа — журнала его не видал; писем также.

Мой адрес: В Кишинев — Его превосходительству Ивану Никитичу Инзову.

1821

16. В. Л. ДАВЫДОВУ (?)

Первая половина марта 1821 г. Кишинев (?)

(Черновое)

Уведомляю тебя о происшествиях, которые будут иметь следствия, важные не только для нашего края, но и для всей Европы.

Греция восстала и провозгласила свою свободу. Теодор Владимиреско, служивший некогда в войске покойного князя Ипсиланти, в начале февраля нынешнего года вышел из Бухареста с малым числом вооруженных арнаутов и объявил, что греки не в силах более выносить притеснений и грабительств турецких начальников, что они решились освободить себя от ига незаконного, что намерены платить только подати, наложенные правительством. Сия прокламация встревожила всю Молдавию. Князь Суццо и русский консул напрасно хотели удержать распространение бунта — пандуры и арнауты отовсюду бежали к смелому Владимиреско — и в несколько дней он уже начальствовал 7000 войска.

21 февраля генерал князь Александр Ипсиланти с двумя из своих братьев и с князем Георгием Кантакузеном — прибыл в Яссы из Кишинева, где оставил он мать, сестер и двух братий. Он был встречен тремястами арнаутов, князем Суццо и русским консулом и тотчас принял начальство города. Там издал он прокламации, которые быстро разлилися повсюду,— в них сказано, что Феникс Греции воскреснет из своего пепла, что час гибели для Турции настал *и проч., и что Великая держава одобряет подвиг великодушный!* Греки стали стекаться толпами под его трое знамен, из которых одно трехцветно, на другом развевается крест, обвитый лаврами, с текстом *сим знаменем победиши,* на третьем изображен возрождающийся Феникс.— Я видел письмо одного инсургента: с жаром описывает он обряд освящения знамен и меча князя Ипсиланти, восторг духовенства и народа и прекрасные минуты Надежды и Свободы...

В Яссах всё спокойно. Семеро турков были приведены к Ипсиланти и тотчас казнены — странная новость со стороны евро-

пейского генерала. В Галацах турки в числе 100 человек были перерезаны; двенадцать греков также убиты.

Известие о возмущении поразило Константинополь. Ожидают ужасов, но еще их нет. Трое бежавших греков находятся со вчерашнего дня в здешнем карантине. Они уничтожили многие ложные слухи. Старец Али принял христианскую веру и окрещен именем Константина; двухтысячный отряд его, который шел на соединение с сулиотами, уничтожен турецким войском.

Восторг умов дошел до высочайшей степени, все мысли устремлены к одному предмету — к независимости древнего отечества. В Одессах я уже не застал любопытного зрелища: в лавках, на улицах, в трактирах — везде собирались толпы греков, все продавали за ничто имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты, все говорили об Леониде, об Фемистокле, все шли в войско счастливца Ипсиланти. Жизнь, имения греков в его распоряжении. Сначала имел он два миллиона. Один *Паули* дал 600 тысяч пиастров с тем, чтоб ему их возвратить по восстановлении *Греции.* 10 000 греков записались в войско.

Ипсиланти идет на соединение с Владимиреско. Он называется главнокомандующим северных греческих войск и уполномоченным Тайного Правительства. Должно знать, что уже тридцать лет составилось и распространилось тайное общество, коего целию было освобождение Греции. Члены общества разделены на три степени... Низшую степень составляла военная сила, вторую — граждане, члены сей степени имели право каждый приписать себе товарищей — но не воинов, которых избирала только третья, высшая степень. Ты видишь простой ход и главную мысль сего общества, которого основатели еще неизвестны... Отдельная вера, отдельный язык, независимость книгопечатания, с одной стороны просвещение, с другой глубокое невежество — всё покровительствовало вольнолюбивым патриотам — все купцы, всё духовенство до последнего монаха считалось в обществе, которое ныне торжествует.

Вот тебе подробный отчет последних происшествий нашего края.

Странная картина! Два великих народа, давно падших в презрительное ничтожество, в одно время восстают из праха — и, возобновленные, являются на политическом поприще мира. Первый шаг Александра Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо начал — и, мертвый или победитель, отныне он принадлежит истории — 28 лет, оторванная рука, цель великодушная! — завидная участь. Кинжал изменника опаснее для него сабли турков; Константин-паша после освобождения не совестней будет Клодовика или Владимира, ибо влияние молодого мстителя Греции должно его встревожить. Признаюсь, я бы советовал князю Ипсиланти предупредить престарелого злодея: нравы той страны, где он теперь действует, оправдают политическое убийство.

Важный вопрос: что станет делать Россия; займем ли мы Молдавию и Валахию под видом миролюбивых посредников; перейдем ли мы за Дунай союзниками греков и врагами их врагов? Во всяком случае буду уведомлять —

17. А. А. ДЕЛЬВИГУ.

23 марта 1821 г. Из Кишинева в Петербург.

Друг Дельвиг, мой парнасский брат...[1]

Жалею, Дельвиг, что до меня дошло только одно из твоих писем, именно то, которое мне доставлено любезным Гнедичем, вместе с девственной «Людмилою».— Ты не довольно говоришь о себе и об друзьях наших — о путешествиях Кюхельбекера слышал я уж в Киеве. Желаю ему в Париже дух целомудрия, в канцелярии Нарышкина дух смиренномудрия и терпения, об духе любви я не беспокоюсь, в этом нуждаться не будет, о празднословии молчу — дальный друг не может быть излишне болтлив. В твоем отсутствии сердце напоминало о тебе, об твоей музе — журналы. Ты всё тот же — талант прекрасный и ленивый. Долго ли тебе шалить, долго ли тебе разменивать свой гений на серебряные четвертаки. Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени, напиши своего «Монаха». Поэзия мрачная, богатырская, сильная, байроническая — твой истинный удел — умертви в себе ветхого человека — не убивай вдохновенного поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебе, что кончил я новую поэму — «Кавказский пленник», которую надеюсь скоро вам прислать. Ты ею не совсем будешь доволен и будешь прав; еще скажу тебе, что у меня в голове бродят еще поэмы, но что теперь ничего не пишу. Я перевариваю воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые; чем нам и жить, душа моя, под старость нашей молодости — как не воспоминаниями? —

Недавно приехал в Кишинев и скоро оставляю благословенную Бессарабию — есть страны благословеннее. Праздный мир не самое лучшее состояние жизни. Даже и Скарментадо кажется неправ — самого лучшего состояния нет на свете, но разнообразие спасительно для души.—

Друг мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мне, что делается с братом — ты его любишь, потому что меня любишь, он человек умный во всем смысле слова — и в нем прекрасная душа. Боюсь за его молодость, боюсь воспитания, которое дано будет ему обстоятельствами его жизни и им самим — другого воспитания нет для существа, одаренного душою. Люби

---

[1] См. т. II, стр. 32.

его, я знаю, что будут стараться изгладить меня из его сердца,— в этом найду выгоду.— Но я чувствую, что мы будем друзьями и братьями не только по африканской нашей крови.

Прощай. А. Пушкин.
1821 г. марта 23.
Кишинев.

18. Н. И. ГНЕДИЧУ.

24 марта 1821 г. из Кишинева в Петербург.

В стране, где Юлией венчанный...[1]

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Иванович, нашло меня в пустынях Молдавии: оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца. Благодарю за воспоминание, за дружбы, за хвалу, за упреки, за формат этого письма — всё показывает участие, которое принимает живая душа ваша во всем, что касается до меня. Платье, сшитое, по заказу вашему, на «Руслана и Людмилу», прекрасно; и вот уже четыре дни как печатные стихи, виньета и переплет детски утешают меня. Чувствительно благодарю почтенного ; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности.— Не скоро увижу я вас; здешние обстоятельства пахнут долгой, долгою разлукой! молю Феба и казанскую богоматерь, чтоб возвратился я к вам с молодостью, воспоминаньями и еще новой поэмой:— та, которую недавно кончил, окрещена «Кавказским пленником». Вы ожидали многого, как видно из письма вашего,— найдете малое, очень малое. С вершин заоблачных бесснежного Бешту видел я только в отдаленье ледяные главы Казбека и Эльбруса. Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущельях Кавказа — я поставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил два месяца — где возвышаются в дальном расстоянии друг от друга четыре горы, отрасль последняя Кавказа;— во всей поэме не более 700 стихов — в скором времени пришлю вам ее — дабы сотворили вы с нею, что только будет угодно.

Кланяюсь всем знакомым, которые еще меня не забыли,— обнимаю друзей. С нетерпеньем ожидаю девятого тома «Русской истории». Что делает Николай Михайлович? здоровы ли он, жена и дети? Это почтенное семейство ужасно недостает моему сердцу.— Дельвигу пишу в вашем письме. Vale.

1821 марта 24. Пушкин.
Кишинев.

---

[1] См. т. II, стр. 33.

19. А. И. ТУРГЕНЕВУ.

7 мая 1821 г. Из Кишинева в Петербург.

Не правда ли, что вы меня не забыли, хотя я ничего не писал и давно не получал об вас никакого известия? Мочи нет, почтенный Александр Иванович, как мне хочется недели две побывать в этом пакостном Петербурге: без Карамзиных, без вас двух, да еще без некоторых избранных, соскучишься и не в Кишиневе, а вдали камина княгини Голицыной замерзнешь и под небом Италии. В руце твои предаюся, отче! Вы, который сближены с жителями Каменного острова, не можете ли вы меня вытребовать на несколько дней (однако ж не более) с моего острова Пафмоса? Я привезу вам за то сочинение во вкусе Апокалипсиса и посвящу вам, христолюбивому пастырю поэтического нашего стада; но сперва дайте знать минутным друзьям моей минутной младости, чтоб они прислали мне денег, чем они чрезвычайно обяжут *искателя новых впечатлений.* В нашей Бессарабии в впечатлениях недостатку нет. Здесь такая каша, что хуже овсяного киселя. Орлов женился; вы спросите, каким образом? Не понимаю. Разве он ошибся плешью и ------ головою. Голова его тверда; душа прекрасная; но чёрт ли в них? Он женился; наденет халат и скажет:

Beatus qui procul...

Верьте, что, где б я ни был, душа моя, какова ни есть, принадлежит вам и тем, которых умел я любить.

Кишинев. Пушкин.
7 мая 1821.

Если получу я позволение возвратиться, то не говорите ничего никому, и я упаду, как снег на голову.

20. ДЕГИЛЬИ.

6 июня 1821 г. В Кишиневе.

Avis à M-r Deguilly, ex-officier français.

Il ne suffit pas d'être un J. F.; il faut encore l'être franchement.

A la veille d'un foutu duel au sabre, on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament. On ne fabrique pas des contes à dormir debout avec les autorités de la ville, afin d'empêcher une égratignure. On ne compromet pas deux fois son second.*

* Ni un général qui daigne recevoir un pied-plat dans sa maison.

Tout ce qui est arrivé, je l'ai prévu, je suis fâché de n'avoir pas parié.

Maintenant tout est fini, mais prenez garde à vous.

Agréez l'assurance des sentiments que vous méritez.

6 juin 1821. Pouchkine.

Notez encore que maintenant en cas de besoin je saurai faire agir mes droits de gentilhomme russe, puisque vous n'entendez rien au droit des armes.

21. Л. С. ПУШКИНУ и О. С. ПУШКИНОЙ.

27 июля 1821 г. Из Кишинева в Петербург.

Брату.

Здравствуй, Лев, не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мне дельного ничего не говоришь — я называю дельным всё, что касается до тебя. Пиши ко мне, покамест я еще в Кишиневе. Я тебе буду отвечать со всевозможной болтливостью, и пиши мне по-русски, потому что, слава богу, с моими конституционными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку. Если ты в родню, так ты литератор (сделай милость, не поэт): пиши же мне об новостях нашей словесности; что такое «Сотворение мира» Милонова? что делает Катенин? Он ли задавал вопросы Воейкову в «Сыне отечества» прошлого года? Кто на ны? «Черная шаль» тебе нравится — ты прав, но ее чёрт знает как напечатали. Кто ее так напечатал? пахнет Глинкой. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что он славная душа — и что я люблю его, как должно. Вот еще важнее: постарайся свидеться с Всеволожским — и возьми у него на мой счет число экземпляров моих сочинений (буде они напечатаны), розданное моими друзьями — экземпляров 30. Скажи ему, что я люблю его, что он забыл меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его, Овошникову его, Лампу его — и всё елико друга моего. Поцелуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова — пожелай здравия калмыку — и напиши мне обо всем.

Пришли мне «Тавриду» — Боброва. Vale.

27 июля. Твой брат А.

Сестре.

Êtes-vous de retour de votre voyage? avez-vous visité de nouveau les souterrains, les châteaux, les cascades de Narva? cela vous a-t-il amusé? aimez-vous toujours vos promenades solitaires? quels sont

vos chiens favoris? avez-vous oublié la mort tragique d'Omphale et de Bizarre? qu'est-ce qui vous amuse? que lisez-vous? avez-vous revu la voisine Annette Voulf? montez-vous à cheval? quand revenez-vous à Pétersbourg? que font les Korf? êtes-vous mariée, êtes-vous prête à l'être? doutez-vous de mon amitié? bonjour, ma bonne amie.

22. С. И. ТУРГЕНЕВУ.

21 августа 1821 г. Из Кишинева в Одессу.

Поздравляю вас, почтенный Сергей Иванович, с благополучным прибытием из Турции чуждой в Турцию родную. С радостию приехал бы я в Одессу побеседовать с вами и подышать чистым европейским воздухом, но я сам в карантине, и смотритель Инзов не выпускает меня, как зараженного какою-то либеральною чумою. Скоро ли увидите вы северный Стамбул? обнимите там за меня милого нашего муфти Александра Ивановича и мятежного драгомана брата его; его преосвященству писал я письмо, на которое ответа еще не имею. Дело шло об моем изгнании — но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня в Бессарабии. Пред вами я виноват; полученное от вас письмо я через два дни перечитываю — но до сих пор не отвечал — надеюсь на великодушное прощение и на скорое свидание.

Кланяюсь Чу, если Чу меня помнит — а Долгорукий меня забыл.

21 авг. Пушкин.

23. Н. И. ГРЕЧУ.

21 сентября 1821 г. Из Кишинева в Петербург.

Извините, любезный наш Аристарх, если опять беспокою вас письмами и просьбами; сделайте одолжение — доставьте письмо, здесь прилагаемое, брату моему: молодой человек меня забыл и не прислал мне даже своего адреса.

Вчера видел я в «Сыне отечества» мое послание к Ч — у; уж эта мне цензура! Жаль мне, что слово *вольнолюбивый* ей не нравится: оно так хорошо выражает нынешнее libéral, оно прямо русское, и верно почтенный А. С. Шишков даст ему право гражданства в своем словаре, вместе с шаротыком и с топталищем. Там напечатано *глупца философа;* зачем глупца? стихи относятся к Американцу Толстому, который вовсе не глупец; но лишняя брань не беда. А скромное письмо мое насчет моего же письма — видно, не лезет сквозь цензуру? Плохо.

Дельвигу и Гнедичу пробовал я было писать — да они и в ус не дуют. Что б это значило: если просто забвение, то я им не пеняю: забвенье — естественный удел всякого отсутствующего; я бы и сам их забыл, если бы жил с эпикурейцами, в эпикурейском кабинете, и умел читать Гомера; но если они на меня сердятся или разочли, что письма их мне не нужны — так плохо.

Хотел было я прислать вам отрывок из моего «Кавказского пленника», да лень переписывать; хотите ли вы у меня купить весь кусок поэмы? длиною в 800 стихов; стих шириною — 4 стопы; разрезано на 2 песни. Дешево отдам, чтоб товар не залежался. Vale.

21 сентября 1821, Пушкин.
Кишинев.

1822

24. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

2 января 1822 г. Из Кишинева в Москву.

Попандопуло привезет тебе мои стихи, Липранди берется доставить тебе мою прозу — ты, думаю, видел его в Варшаве. Он мне добрый приятель и (верная порука за честь и ум) не любим нашим правительством и в свою очередь не любит его. В долгой разлуке нашей одни дурацкие журналы изредка сближали нас друг с другом. Благодарю тебя за все твои сатирические, пророческие и вдохновенные творенья, они прелестны — благодарю за все вообще — бранюсь с тобою за одно послание к Каченовскому; как мог ты сойти в *арену* вместе с этим хилым кулачным бойцом — ты сбил его с ног, но он облил бесславный твой венок кровью, желчью и сивухой... Как с ним связываться — довольно было с него легкого хлыста, а не сатирической твоей палицы. Ежели я его задел в послании к Ч.—, то это не из ненависти к нему, но чтобы поставить с ним на одном ряду Американца Толстого, которого презирать мудренее. Жуковский меня бесит — что ему понравилось в этом Муре? чопорном подражателе безобразному восточному воображению? Вся «Лалла-Рук» не стоит десяти строчек «Тристрама Шанди»; пора ему иметь собственное воображенье и крепостные вымыслы. Но каков Баратынский? Признайся, что он превзойдет и Парни и Батюшкова — если впредь зашагает, как шагал до сих пор — ведь 23 года счастливцу! Оставим всё ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасенья нет. Кавказский мой пленник кончен — хочу напечатать, да лени много, а денег мало — и меркантильный успех моей прелестницы Людмилы отбивает у меня охоту к изданиям — желаю счастия дяде — я не пишу к нему; потому что опасаюсь журнальных почестей — скоро ли выйдут его творенья? все они вместе не стоят *Буянова;* а что-то с ним будет в потомстве? Крайне опасаюсь, чтобы двоюродный брат мой не почелся моим сыном — а долго ли до греха. Пиши мне, с кем ты хочешь и как хочешь — стихами или прозой — ей-богу буду отвечать.

2 январь 1822. Пушкин.

Пишу тебе у Рейна — всё тот же он, не изменился, хоть и женился. Начал он тебе было диктовать письмо в своем роде — но заблагорассудил изорвать его. Он тебе кланяется и занят ужасно сургучом.

П р и б а в л е н и е.

Орлов велел тебе сказать, что он делает палки сургучные, а палки в дивизии своей уничтожил.

25. Л. С. ПУШКИНУ.

24 января 1822 г. Из Кишинева в Петербург.

Сперва хочу с тобою побраниться; как тебе не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина — во-вторых, письма твои слишком коротки — ты или не хочешь или не можешь мне говорить открыто обо всем — жалею; болтливость братской дружбы была бы мне большим утешением. Представь себе, что до моей пустыни не доходит ни один дружний голос — что друзья мои как нарочно решились оправдать элегическую мою мизантропию — и это состояние несносно. Письмо, где говорил я тебе о Тавриде, не дошло до тебя — это меня бесит — я давал тебе несколько препоручений самых важных в отношении ко мне — чёрт *с ними;* постараюсь сам быть у вас на несколько дней — тогда дела пойдут иначе. Ты говоришь, что Гнедич на меня сердит, он прав — я бы должен был к нему прибегнуть с моей новой поэмой — но у меня шла голова кругом — от него не получал я давно никакого известия; Гречу должно было писать — и при сей верной оказии предложил я ему «Пленника». К тому же ни Гнедич со мной, ни я с Гнедичем не будем торговаться и слишком наблюдать каждый свою выгоду, а с Гречем я стал бы бессовестно торговаться, как со всяким брадатым ценителем книжного ума. Спроси у Дельвига, здоров ли он, все ли, слава богу, пьет и кушает — каково нашел мои стихи к нему и пр. О прочих дошли до меня темные известия. Посылаю тебе мои стихи, напечатай их в «Сыне» (без подписи и без ошибок). Если хочешь, вот тебе еще эпиграмма, которую, ради Христа, не распускай, в ней каждый стих — правда.

Иной имел мою Аглаю...[1]

Хочешь еще? на Каченовского —

---

[1] См. т. II, стр. 122.

Клеветник без дарованья...[1]

покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя,
твой друг Демьян.

24 генв. 1822.

26. В. Ф. РАЕВСКОМУ.

1821 г.— начало февраля 1822 г. В Кишиневе.

Пришли мне, Раевский, *Histoire de Crimée,* книга не моя, и у меня ее требуют. *Vale et mihi faveas.*

Пушкин.

27. Н. И. ГНЕДИЧУ.

29 апреля 1822 г. Из Кишинева в Петербург.

29 апреля 1822. Кишинев.

Parve (neč invideo) sine me, liber, ibis in urbem,
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не из притворной скромности прибавлю: Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! недостатки этой повести, поэмы или чего вам угодно так явны, что я долго не мог решиться ее напечатать. Поэту возвышенному, просвещенному ценителю поэтов, вам предаю моего «Кавказского пленника»; в награду за присылку прелестной вашей идиллии (о которой мы поговорим на досуге) завещаю вам скучные заботы издания; но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотворение сказкой, повестию, поэмой или вовсе никак не называйте, издайте его в двух песнях или только в одной, с предисловием или без; отдаю вам его в полное распоряжение. Vale.

Пушкин.

28. П. А. КАТЕНИНУ.

20-е числа апреля — май 1822 г. Из Кишинева в Петербург.

(Черновое)

. . . Я не ..... чести быть поэтом, но эта похвала показалась бы мне не очень лестною.

Я прочел, конечно, твое письмо к Гречу с большим удовольствием, и во-первых, потому что ты даешь мне знать о себе только через журналы...

[1] См. т. II, стр. 66.

29. А. А. БЕСТУЖЕВУ.

21 июня 1822 г. Из Кишинева в Петербург.

Милостивый государь
Александр Александрович,

Давно собирался я напомнить вам о своем существовании. Почитая прелестные ваши дарования и, признаюсь, невольно любя едкость вашей остроты, хотел я связаться с вами на письме, не из одного самолюбия, но также из любви к истине. Вы предупредили меня. Письмо ваше так мило, что невозможно с вами скромничать. Знаю, что ему не совсем бы должно верить, но верю поневоле и благодарю вас, как представителя вкуса и верного стража и покровителя нашей словесности.

Посылаю вам мои бессарабские бредни и желаю, чтоб они вам пригодились. Кланяйтесь от меня цензуре, старинной моей приятельнице; кажется, голубушка еще поумнела. Не понимаю, что могло встревожить ее целомудренность в моих элегических отрывках — однако должно нам настоять из одного честолюбия — отдаю их в полное ваше распоряжение. Предвижу препятствия в напечатании стихов к Овидию, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа — по-видимому, ее настращали моим именем; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи под именем кого вам угодно (например, услужливого Плетнева или какого-нибудь нежного путешественника, скитающегося по *Тавриде)*, повторяю вам, она ужасно бестолкова, но впрочем довольно сговорчива. Главное дело в том, чтоб имя мое до нее не дошло, и всё будет слажено.

С живейшим удовольствием увидел я в письме вашем несколько строк К. Ф. Рылеева, они порука мне в его дружестве и воспоминании. Обнимите его за меня, любезный Александр Александрович, как я вас обниму при нашем свидании.

21 июня 1822.
Кишинев.

Пушкин.

30. Н. И. ГНЕДИЧУ.

27 июня 1822 г. Из Кишинева в Петербург.

Письмо ваше такое существительное, которому не нужно было прилагательного, чтоб меня искренне обрадовать. От сердца благодарю вас за ваше дружеское попечение. Вы избавили меня от больших хлопот, совершенно обеспечив судьбу «Кавказского пленника». Ваши замечания насчет его недостатков совершенно справедливы и слишком снисходительны; но дело сдела-

но. Пожалейте обо мне: живу меж гетов и сарматов; никто не понимает меня. Со мною нет просвещенного Аристарха, пишу как-нибудь, не слыша ни оживительных советов, ни похвал, ни порицаний. Но какова наша цензура? признаюсь, никак не ожидал от нее таких больших успехов в эстетике. Ее критика приносит честь ее вкусу. Принужден с нею согласиться во всем: *небесный пламень* слишком обыкновенно; *долгий поцелуй* поставлено слишком *на выдержку* (trop hasardé). *Его томительную негу вкусила тут она вполне* — дурно, очень дурно — и потому осмеливаюсь заменить этот киргиз-кайсацкий стишок следующими: *какой угодно* поцелуй разлуки

Союз любви запечатлел.

Рука с рукой, унынья полны,
Сошли ко брегу в тишине —
И русский в шумной глубине
Уже плывет и пенит волны,
Уже противных скал достиг,
Уже хватается за них.
Вдруг *и проч.*—

С подобострастием предлагаю эти стихи на рассмотрение цензуры — между тем поздравьте ее от моего имени. Конечно, иные скажут, что эстетика не ее дело; что она должна воздавать Кесареве Кесарю, а Гнедичеве Гнедичу, но мало ли что говорят.

Я отвечал Бестужеву и послал ему кое-что. Нельзя ли опять стравить его с Катениным? любопытно бы. Греч рассмешил меня до слез своею сравнительной скромностию. Жуковскому я также писал, а он и в ус не дует. Нельзя ли его расшевелить? Нельзя ли потревожить и Слёнина, если он купил остальные экземпляры «Руслана»? С нетерпением ожидаю «Шильонского узника»; это не чета «Пери» и достойно такого переводчика, каков певец Громобоя и Старушки. Впрочем, мне досадно, что он переводит, и переводит отрывками — иное дело Тасс, Ариост и Гомер, иное дело песни Маттисона и уродливые повести Мура. Когда-то говорил он мне о поэме «Родрик» Саувея; попросите его от меня, чтоб он оставил его в покое, несмотря на просьбу одной прелестной дамы. Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной. Тогда некоторые люди упадут, и посмотрим, где очутится Ив. Ив. Дмитриев — с своими *чувствами и мыслями,* взятыми из Флориана и Легуве. Так-то пророчу я не в своей земле — а между тем не предвижу конца нашей разлуки. Здесь у нас *молдованно* и тошно; ах, боже мой, что-то с ним делается — судьба его меня беспокоит до крайности — напишите мне об нем, если будете отвечать.

Пушкин.

27 июня.

31. П. А. КАТЕНИНУ.

19 июля 1822 г. Из Кишинева в Петербург.

Ты упрекаешь меня в забывчивости, мой милый: воля твоя! Для малого числа избранных желаю еще увидеть Петербург. Ты, конечно, в этом числе, но дружба — не итальянский глагол *piombare,* ты ее так же хорошо не понимаешь. Ума не приложу, как ты мог взять на свой счет стих:

И сплетней разбирать игривую затею.

Это простительно всякому другому, а не тебе. Разве ты не знаешь несчастных сплетней, коих я был жертвою, и не твоей ли дружбе (по крайней мере так понимал я тебя) обязан я первым известием об них? Я не читал твоей комедии, никто об ней мне не писал; не знаю, задел ли меня Зельский. Может быть, да, вероятнее — нет. Во всяком случае не могу сердиться. Если б я имел что-нибудь на сердце, стал ли бы я говорить о тебе наряду с теми, о которых упоминаю? Лица и отношения слишком различны. Если б уж на то решился, написал ли стих столь слабый и неясный, выбрал ли предметом эпиграммы прекрасный перевод комедии, которую почитал я непереводимою? Как дело ни верти, ты всё меня обижаешь. Надеюсь, моя радость, что это всё минутная туча и что ты любишь меня. Итак, оставим сплетни и поговорим об другом. Ты перевел «Сида»; поздравляю тебя и старого моего Корнеля, «Сид» кажется мне лучшею его трагедиею. Скажи: имел ли ты похвальную смелость оставить пощечину рыцарских веков на жеманной сцене 19-го столетия? Я слыхал, что она неприлична, смешна, ridicule. Ridicule! Пощечина, данная рукою гишпанского рыцаря воину, поседевшему под шлемом! ridicule! Боже мой, она должна произвести более ужаса, чем чаша Атреева. Как бы то ни было, надеюсь увидеть эту трагедию зимой, по крайней мере постараюсь. Радуюсь, предвидя, что пощечина должна отяготеть на ланите Толченова или Брянского. Благодарю за подробное донесение, знаю, что долг платежом красен, но non erat his locus... Прощай, Эсхил, обнимаю тебя, как поэта и друга...

19 июля.

32. Л. С. ПУШКИНУ и О. С. ПУШКИНОЙ.

21 июля 1822 г. Из Кишинева в Петербург.

Ты на меня дуешься, милый; нехорошо. Пиши мне пожалуйста и как тебе угодно; хоть на шести языках; ни слова тебе не скажу — мне без тебя скучно — что ты делаешь? в службе ли ты? пора, ей-богу пора. Ты меня в пример не бери — если упустишь

время, после будешь тужить — в русской службе должно непременно быть 26 лет полковником, если хочешь быть чем-нибудь, когда-нибудь; — следственно, разочти; — тебе скажут: учись, служба не пропадет. А я тебе говорю: служи — учение не пропадет. Конечно, я не хочу, чтоб ты был такой же невежда, как В. И. Козлов, да ты и сам не захочешь. Чтение — вот лучшее учение — знаю, что теперь не то у тебя на уме, но всё к лучшему.

Скажи мне — вырос ли ты? Я оставил тебя ребенком, найду молодым человеком; скажи, с кем из моих приятелей ты знаком более? что ты делаешь, что ты пишешь? Если увидишь Катенина, уверь его ради Христа, что в послании моем к Чаадаеву нет ни одного слова об нем; вообрази, что он принял на себя стих *И сплетней разбирать игривую затею;* я получил от него полукислое письмо, он жалуется, что писем от меня не получил, не моя вина. Пиши мне новости литературные; что мой «Руслан»? не продается? не запретила ли его цензура? дай знать... Если же Слёнин купил его, то где же деньги? а мне в них нужда. Каково идет издание Бестужева? читал ли ты мои стихи, ему посланные? что «Пленник»? Радость моя, хочется мне с вами увидеться; мне в Петербурге дела есть. Не знаю, буду ли к вам, а постараюсь. Мне писали, что Батюшков помешался: быть нельзя; уничтожь это вранье. Что Жуковский, и зачем он ко мне не пишет? Бываешь ли ты у Карамзина? Отвечай мне на все вопросы, если можешь, — и поскорее. Пригласи также Дельвига и Баратынского. Что Вильгельм? есть ли об нем известия?

Прощай.
Отцу пишу в деревню.

21 июля.

Ma bonne et chère amie, je n'ai pas besoin de vos lettres pour me rassurer sur votre amitié, mais elles me sont uniquement nécessaires comme quelque chose qui vient de vous — je vous embrasse et je vous aime — amusez-vous et mariez-vous.

33. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

1 сентября 1822 г. Из Кишинева в Москву.

1 сентября.

Посуди сам, сколько обрадовали меня знакомые каракулки твоего пера. Почти три года имею про тебя только неверные известия стороною — а здесь не слышу живого слова европейского. Извини меня, если буду говорить с тобою про Толстого, мнение твое мне драгоценно. Ты говоришь, что стихи мои никуда не годятся. Знаю, но мое намерение было не заводить остроумную

литературную войну, но резкой обидой отплатить за тайные обиды человека, с которым расстался я приятелем и которого с жаром защищал всякий раз, как представлялся тому случай. Ему показалось забавно сделать из меня неприятеля и смешить на мой счет письмами чердак князя Шаховского, я узнал обо всем, будучи уже сослан, и, почитая мщение одной из первых христианских добродетелей,— в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью. Уголовное обвинение, по твоим словам, выходит из пределов поэзии; я не согласен. Куда не досягает меч законов, туда достает бич сатиры. Горацианская сатира, тонкая, легкая и веселая, не устоит против угрюмой злости тяжелого пасквиля. Сам Вольтер это чувствовал. Ты упрекаешь меня в том, что из Кишинева, под эгидою ссылки, печатаю ругательства на человека, живущего в Москве. Но тогда я не сомневался в своем возвращении. Намерение мое было ехать в Москву, где только и могу совершенно очиститься. Столь явное нападение на графа Толстого не есть малодушие. Сказывают, что он написал на меня что-то ужасное. Журналисты должны были принять отзыв человека, обруганного в их журнале. Можно подумать, что я с ними заодно, и это меня бесит. Впрочем, я свое дело сделал и с Толстым на бумаге более связываться не хочу. Я бы мог оправдаться перед тобой сильнее и яснее, но уважаю твои связи с человеком, который так мало на тебя походит.

Каченовский представитель какого-то мнения! voilà des mots qui hurlent de se trouver ensemble. Мне жаль, что ты не вполне ценишь прелестный талант Баратынского. Он более чем подражатель подражателей, он полон истинной элегической поэзии. «Шильонского узника» еще не читал. То, что видел в «Сыне отечества», прелестно...

Он на столбе, как вешний цвет,
Висел с опущенной главой.

Ты меня слишком огорчил — предположением, что твоя живая поэзия приказала долго жить. Если правда — жила довольно для славы, мало для отчизны. К счастию, не совсем тебе верю, но понимаю тебя — лета клонят к прозе, и если ты к ней привяжешься не на шутку, то нельзя не поздравить Европейскую Россию. Впрочем, чего тебе дожидаться? неужели тебя пленяет ежемесячная слава Прадтов? Предприми постоянный труд, пиши в тишине самовластия, образуй наш метафизический язык, зарожденный в твоих письмах,— а там что бог даст. Люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России, тогда надеюсь с тобою более сблизиться; покамест обнимаю тебя от души.

П.

Посылаю тебе поэму в мистическом роде — я стал придворным.

34. Л. С. ПУШКИНУ.

4 сентября 1822 г. Из Кишинева в Петербург.

4 сентября.

На прошедшей почте — (виноват: с Долгоруким) — я писал к отцу, а к тебе не успел, а нужно с тобою потолковать кой о чем. Во-первых, о службе. Если б ты пошел в военную — вот мой план, который предлагаю тебе на рассмотрение. В гвардию тебе незачем; служить 4 года юнкером вовсе не забавно. К тому же тебе нужно, чтоб о тебе немножко позабыли. Ты бы определился в какой-нибудь полк корпуса Раевского — скоро был бы ты офицером, а потом тебя перевели бы в гвардию — Раевский или Киселев — оба не откажут. Подумай об этом, да, пожалуйста, не слегка: дело идет о жизни. — Теперь, моя радость, поговорю о себе. Явись от меня к Никите Всеволожскому — и скажи ему, чтоб он, ради Христа, погодил продавать мои стихотворенья, до будущего года — если же они проданы, явись с той же просьбой к покупщику. Ветреность моя и ветреность моих товарищей наделала мне беды. Около 40 билетов розданы — само по себе разумеется, что за них я буду должен заплатить. В послании к *Овидию* перемени таким образом:

Ты сам — дивись, Назон, дивись судьбе превратной,
Ты, с юных дней презрев волненья жизни ратной,
Привыкнув *и проч.*

Кстати об стихах: то, что я читал из «Шильонского узника», прелесть. С нетерпением ожидаю успеха «Орлеанской ц----». Но актеры, актеры! — 5-стопные стихи без рифм требуют совершенно новой декламации. Слышу отсюда драммоторжественный рев *Глухо-рева*. Трагедия будет сыграна тоном «Смерти Роллы». Что сделает великолепная Семенова, окруженная так, как она окружена? Господь защити и помилуй — но боюсь. Не забудь уведомить меня об этом и возьми от Жуковского билет для 1-го представления на мое имя. Читал стихи и прозу Кюхельбекера — что за чудак! Только в его голову могла войти жидовская мысль воспевать Грецию, великолепную, классическую, поэтическую Грецию, Грецию, где всё дышит мифологией и героизмом, — славянорусскими стихами, целиком взятыми из Иеремия. Что бы сказал Гомер и Пиндар? — но что говорят Дельвиг и Баратынский? «Ода к Ермолову» лучше, но стих: Так пел в Суворова влюблен Державин... слишком уже греческий — стихи к Грибоедову достойны поэта, некогда написавшего: Страх при звоне меди заставляет народ устрашенный толпами стремиться в храм священный. Зри, боже! число, великий, унылых, тебя просящих, сохранить им — цел труд, многим людям принадлежащий и проч. Справься об этих стихах у барона Дельвига.

Батюшков прав, что сердится на Плетнева; на его месте я бы с ума сошел со злости — «Б. из Рима» не имеет человеческого

смысла, даром что «Новость на Олимпе» очень мила. Вообще мнение мое, что Плетневу приличнее проза, нежели стихи, — он не имеет никакого чувства, никакой живости — слог его бледен, как мертвец. Кланяйся ему от меня (т. е. Плетневу — а не его слогу) и уверь его, что он наш Гёте.

А. П.

Mon père a eu une idée lumineuse — c'est celle de m'envoyer des habits — rappelez-là lui de ma part.—

Еще слово — скажи Слёнину, чтоб он мне присылал Сукина Сына Отечества 2-ю половину года. Может вычесть, что стоит, из своего долга.

Милый мой, у вас пишут, что луч денницы проникал в полдень в темницу Хмельницкого. Это не Хвостов написал — вот что меня огорчило — что делает Дельвиг! чего он смотрит!

35. Я. Н. ТОЛСТОМУ.

26 сентября 1822 г. Из Кишинева в Петербург.

Милый Яков Николаевич! Приступаю тотчас к делу. Предложение князя Лобанова льстит моему самолюбию, но требует с моей стороны некоторых изъяснений. Я хотел сперва печатать мелкие свои сочинения по подписке, и было рóздано уже около 30 билетов — обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никите Всеволожскому, а самому отступиться от издания — разумеется, что за розданные билеты должен я заплатить, и это первое условие. Во-вторых, признаюсь тебе, что в числе моих стихотворений иные должны быть выключены, многие переправлены, для всех должен быть сделан новый порядок, и потому мне необходимо нужно пересмотреть свою рукопись; третье: в последние три года я написал много нового; благодарность требует, чтоб я всё переслал князю Александру, но цензура, цензура!.. Итак, милый друг, подождем еще два, три месяца — как знать, — может быть, к новому году мы свидимся, и тогда дело пойдет на лад. Покамест прими мои сердечные благодаренья; ты один изо всех моих товарищей, минутных друзей минутной младости, вспомнил обо мне кстати или некстати. Два года и шесть месяцев не имею от них никакого известия, никто ни строчки, ни слова. . . . .

Горишь ли ты, лампада наша...[1]

Ты пишешь мне о своих стихотвореньях, а я в бессарабской глуши, не получая ни журналов, ни новых книг,— не знал об издании

[1] См. т. II, стр. 108.

книги, которая утешила бы меня в моем уединении. Прости, милый, до свидания — и до послания. Обними наших. Что Всеволожские? что Мансуров? что Барков? что Сосницкие? что Хмельницкий? что Катенин? что Шаховской? что Ежова? что граф Пушкин? что Семеновы? что Завадовский? что весь Театр?

26 сентября 1822 г. А. Пушкин.
Кишинев.

Письмо твое, писанное в июле, я получил только вчера.

36. Н. И. ГНЕДИЧУ.

27 сентября 1822 г. Из Кишинева в Петербург.

Приехали «Пленники» — и сердечно вас благодарю, милый Николай Иванович. Перемены, требуемые цензурою, послужили в пользу моего; признаюсь, что я думал увидеть знаки роковых ее когтей в других местах и беспокоился — например, если б она переменила стих *простите, вольные станицы,* то мне было бы жаль. Но слава богу! *горький поцелуй* прелесть. *Ей дней* ей-ей не благозвучнее *ночей; уповательных* мечтаний; *упоительных. На домы* дождь и град; *на долы* — вот единственные ошибки, замеченные мною. Александр Пушкин мастерски литографирован, но не знаю, похож ли, примечание издателей очень лестно — не знаю, справедливо ли. Перевод Жуковского est un tour de force. Злодей! в бореньях с трудностью силач необычайный! Должно быть Байроном, чтоб выразить с столь страшной истиной первые признаки сумасшествия, а Жуковским, чтоб это перевыразить. Мне кажется, что слог Жуковского в последнее время ужасно возмужал, хотя утратил первоначальную прелесть. Уж он не напишет ни «Светланы», ни «Людмилы», ни прелестных элегий 1-ой части «Спящих дев». Дай бог, чтоб он начал создавать.

Князь Александр Лобанов предлагает мне напечатать мои мелочи в Париже. Спасите ради Христа; удержите его по крайней мере до моего приезда — а я вынырну и явлюсь к вам. Катенин ко мне писал, не знаю, получил ли мой ответ. Как ваш Петербург поглупел! а побывать там бы нужно. Мне брюхом хочется театра и кой-чего еще. Дельвигу и Баратынскому буду писать. Обнимаю вас от души.

27 сент. Кишинев. А. Пушкин.

Я писал к брату, чтоб он Слёнина упросил не печатать моего портрета — если на то нужно мое согласие, то я не согласен.

37. Л. С. ПУШКИНУ.

Сентябрь (после 4) — октябрь (до 6) 1822 г.
Из Кишинева в Петербург.

Vous êtes dans l'âge ou l'on doit songer à la carrière que l'on doit parcourir; je vous ai dit les raisons pourquoi l'état militaire ma parait préférable à tous les autres. En tout cas votre conduite va décider pour longtemps de votre réputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable: vous n'en rabattrez pas de beaucoup.— Ne les jugez pas par votre coeur, que je crois noble et bon et qui de plus est encore jeune; méprisez les le plus poliment qu'il vous sera possible: c'est le moyen de se tenir en garde contre les petits prejugés et les petites passions qui vont vous froisser à votre entrée dans le monde.

Soyez froid avec tout le monde: la familiarité nuit toujours; mais surtout gardez-vous de vous y abandonner avec vos supérieurs, quelles que soient leurs avances. Ceux-ci vous dépassent bien vite et sont bien aises de vous avilir au moment où l'on s'y attend le moins.

Point de petits soins, défiez vous de la bienveillance dont vous pouvez être susceptible: les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujours charmés de juger des antres par eux-mêmes.

N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la plupart du temps est une perfidie.— Point de protection, car elle asservit et dégrade.

J'aurais voulu vous prémunir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'âge de ses plus douces illusions. Ce que j'ai à vous dire à l'égard des femmes serait parfaitement inutile. Je vous observerai seulement, que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajou du 18 siècle. A l'égard de celle que vous aimerez, je souhaite de tout mon coeur que vous l'ayez.

N'oubliez jamais l'offense volontaire; peu ou point de paroles et ne vengez jamais l'injure par l'injure.

Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permettent pas de briller, ne tâchez pas de pallier vos privations, affectez plutôt l'ezcès contraire: le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponneries de la vanité nous rendent ridicules et méprisables.

N'empruntez jamais, souffrez plutôt la misère; croyez qu'elle n'est pas aussi terrible qu'on se la peint et surtout que la certitude ou l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel.

Les principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse expérience. Puissiez-vous les adopter sans jamais y être contraint.

Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra coûter à ma vanité; mais ce n'est pas ce qui m'arrêterait lorsqu'il s'agit de l'intérêt de votre vie.

38. Л. С. ПУШКИНУ.

Октябрь 1822 г. Из Кишинева в Петербург.

Если б ты был у меня под рукой, моя прелесть, то я бы тебе уши выдрал. Зачем ты показал Плетневу письмо мое? в дружеском обращении я предаюсь резким и необдуманным суждениям; они должны оставаться между нами — вся моя ссора с Толстым происходит от нескромности князя Шаховского. Впрочем, послание Плетнева, может быть, первая его пиеса, которая вырвалась от полноты чувства. Оно блещет красотами истинными. Он умел воспользоваться своим выгодным против меня положением; тон его смел и благороден. На будущей почте отвечу ему.

Скажи мне, милый мой, шумит ли мой «Пленник»? *A-t-il produit du scandale,* пишет мне Orlof, *voilà l'essentiel.* Надеюсь, что критики не оставят в покое характера Пленника, он для них создан, душа моя; я журналов не получаю, так потрудись, напиши мне их толки — не ради исправления моего, но ради смирения кичливости моей.

Я карабкаюсь и, может быть, явлюсь у вас. Но не прежде будущего года . . . . . Жуковскому я писал, он мне не отвечает; министру я писал — он и в ус не дует — о други, Августу мольбы мои несите! но Август смотрит сентябрем... Кстати: получено ли мое послание к Овидию? будет ли напечатано? что Бестужев? жду календаря его. Я бы тебе послал и новые стихи, да лень. Прощай, милый.

Окт. 1822. Кишинев. А. П.

Друг мой, попроси И. В. Слёнина, чтоб он, за вычетом остального долга, прислал мне два экз. «Людмилы», два экз. «Пленника», один «Шильонского узника», книгу Греча — и Цертелева древние стихотворения. Поклонись ему от меня.

39. В. П. ГОРЧАКОВУ.

Октябрь — ноябрь 1822 г. Из Кишинева в Гура-Гальбин.

Замечания твои, моя радость, очень справедливы и слишком снисходительны — зачем не утопился мой Пленник вслед за Черкешенкой? как человек — он поступил очень благоразумно — но в

герое поэмы не благоразумия требуется.— Характер Пленника неудачен; доказывает это, что я не гожусь в герои романтического стихотворения. Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века. Конечно, поэму приличнее было бы назвать «Черкешенкой» — я об этом не подумал.

Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести; но всё это ни с чем не связано и есть истинный *hors d'oeuvre.* Вообще я своей поэмой очень недоволен и почитаю ее гораздо ниже «Руслана» — хоть стихи в ней зрелее. Прощай, моя радость.

П.

На отдельном листе:

5 стр. Читайте: *изгнанной лиры.*

Когда я погибал безвинный, безотрадный
И шёпот клеветы внимал со всех сторон,
Когда кинжал измены хладный,
Когда любви тяжелый сон
Меня терзали и мертвили,
Я близ тебя *и проч.*

7 стр.

Как жертву милую, как верный цвет надежд,
Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем;
Я жертва клеветы и мстительных невежд;
Но сердце укрепив свободой и терпеньем,
Я ждал *и проч.*

40. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Ноябрь — декабрь 1822 г. Из Кишинева в Петербург.

(Черновое)

Я долго не отвечал тебе, мой милый Плетнев; собирался отвечать стихами, достойными твоих, но отложил попечения, положение твое против меня слишком выгодно, и ты слишком хорошо, умеючи им воспользовался. Если первый стих твоего послания написан так же от души, как и все прочие,— то я не раскаиваюсь в минутной моей несправедливости — она доставила неожиданное украшение словесности. Если же ты на меня сердит, то стихи твои, как они ни прелестны, никогда не утешат меня. Ты конечно б

извинил мои легкомысленные строки, если б знал, как часто бываю подвержен так называемой хандре. В эти минуты я зол на целый свет, и никакая поэзия не шевелит моего сердца. Не подумай, однако, что не умею ценить неоспоримого твоего дарования. Чувство изящного не совсем во мне притупилось — и когда я в совершенной памяти — твоя гармония, поэтическая точность, благородство выражений, стройность, чистота в отделке стихов пленяют меня, как поэзия моих любимцев.

Не вполне подтверждаю то, что писал о твоей «Ироиде», но признаюсь — это стихотворение недостойно ни тебя, ни Батюшкова. Многие приняли его за сочинение последнего. Знаю, что с посредственным писателем этого не случится — но Батюшков, не будучи доволен твоей элегией, рассердился на тебя за ошибку других — а я рассердился после Батюшкова.

Извини мое чистосердечие, но оно залог моего к тебе уважения. Sine ira, милый певец, по рукам и до свидания.

По письмам моего брата вижу, что он с тобою дружен. Завидую ему и тебе.

1823

41. Л. С. ПУШКИНУ.

1—10 января 1823 г. Из Кишинева в Петербург.

Душа моя, как перевести по-русски *bévues?* — должно бы издавать у нас журнал *Revue des Bévues.* Мы поместили бы там выписки из критик Воейкова, полудневную денницу Рылеева, его же герб российский на вратах византийских — (во время Олега герба русского не было, а двуглавый орел есть герб византийский и значит разделение Империи на Западную и Восточную — у нас же он ничего не значит). Поверишь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи ваших журналов, чтоб не найти с десяток этих *bévues,* поговори об этом с нашими да похлопочи о книгах. Ты ко мне совсем не пишешь, да и все вы что-то примолкли. Скажи, ради Христа, Жуковскому — чтоб он продиктовал Якову строчки три на мое имя. Батюшков в Крыму. Орлов с ним видался часто. Кажется мне, он из ума шутит. Дельвигу поклон, Баратынскому также. Этот ничего не печатает, а я читать разучусь. Видишь ли ты Тургенева и Карамзина?

Чем тебя попотчевать? вот *стихи Ф. Глинке* —

Когда средь оргий жизни шумной...[1]

Я послал было их через тебя, но ты письма моего не получил, покажи их Глинке, обними его за меня и скажи ему, что он всё-таки почтеннейший человек здешнего мира.

42. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ.

13 января 1823 г. Из Кишинева в Петербург.

Monsieur le Comte,

Attaché par ordre de Sa Majesté auprès de Monsieur le Général-gouverneur de la Bessarabie, je ne puis sans une permission expresse venir à Pétersbourg, où m'appellent les affaires d'une fa-

[1] См. т. II, стр. 117.

mille que je n'ai pas vue depuis trois ans. Je prends la liberté de m'adresser à Votre Excellence pour La supplier de m'accorder un semestre de deux ou trois mois.

J'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond et la considération la plus haute,

Monsieur le Comte,
de Votre Excellence,
le très humble et très obéissant serviteur
Alexandre Pouchkine.

13 janvier 1823. Kichinef.

43. Л. С. ПУШКИНУ.

30 января 1823 г. Из Кишинева в Петербург.

Благоразумный Левинька!

Благодарю за письмо — жалею, что прочие не дошли — пишу тебе, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами, — и всё то благо, всё добро. Пиши мне о Дидло, об Черкешенке Истоминой, за которой я когда-то волочился, подобно Кавказскому пленнику. Бестужев прислал мне «Звезду» — эта книга достойна всякого внимания; жалею, что Баратынский поскупился — я надеялся на него. Каковы стихи к Овидию? душа моя, и «Руслан», и «Пленник», и «Noël», и всё дрянь в сравнении с ними. Ради бога, люби две звездочки, они обещают достойного соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылееву и прочим знаменитым нашим поэтам. «Мечта воина» привела в задумчивость воина, что служит в иностранной коллегии и находится ныне в бессарабской канцелярии. Эта «Мечта» напечатана с ошибочного списка — призванье вместо взыванье, *тревожных дум,* слово, употребляемое знаменитым Рылеевым, но которое по-русски ничего не значит. *Воспоминание и брата и друзей* стих трогательный, а в «Звезде» просто плоский. Но всё это не беда; были бы деньги. Я рад, что Глинке полюбились мои стихи — это была моя цель. В отношении его я не Фемистокл; мы с ним приятели и еще не ссорились за мальчика. Гнедич у меня перебивает лавочку —

Увы, напрасно ждал тебя жених печальный

и проч. — непростительно прелестно. Знал бы своего Гомера, а то и нам не будет места на Парнасе. Дельвиг, Дельвиг! пиши ко мне и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя — добился ты наконец до точности языка — единственной вещи, которой у тебя недоставало. En avant! marche.

Приехал ли царь? впрочем, это я узнаю прежде, чем ты мне ответишь. Ты собираешься в Москву — там увидишь ты моих друзей — напомни им обо мне; также и родне моей, которая, впрочем, мало заботится о судьбе племянника, находящегося в *опале:* может быть, они правы — да и я не виноват...

Прощай, душа моя! Если увидимся, то-то зацелую, заговорю и зачитаю. Я ведь тебе писал, что кюхельбекерно мне на чужой стороне. А где Кюхельбекер?

Ты мне пишешь об NN: en voilà assez. Assez так assez; а я всё при своем мнении.

Ты не приказываешь жаловаться на погоду — в августе месяце — так и быть — а ведь неприятно сидеть взаперти, когда гулять хочется. Прощай еще раз.

30 янв.

44. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

6 февраля 1823 г. Из Кишинева в Москву.

Как тебе не стыдно не прислать своего адреса; я бы давно тебе написал. Благодарю тебя, милый Вяземский! пусть утешит тебя бог за то, что ты меня утешил. Ты не можешь себе представить, как приятно читать о себе суждение умного человека. До сих пор, читая рецензии Воейкова, Каченовского и проч.— мне казалось, что подслушиваю у калитки литературные толки приятельниц Варюшки и Буянова. Всё, что ты говоришь о романтической поэзии, прелестно, ты хорошо сделал, что первый возвысил за нее голос — французская болезнь умертвила б нашу отроческую словесность. У нас нет театра, опыты Озерова ознаменованы поэтическим слогом — и то не точным и заржавым; впрочем, где он не следовал жеманным правилам французского театра? Знаю, за что полагаешь его поэтом романтическим: за мечтательный монолог Фингала — *нет! песням никогда надгробным я не внемлю,* но вся трагедия написана по всем правилам парнасского православия; а романтический трагик принимает за правило одно вдохновение — признайся: всё это одно упрямство. Благодарю за щелчок цензуре, но она и не этого стоит: стыдно, что благороднейший класс народа, класс мыслящий как бы то ни было, подвержен самовольной расправе трусливого дурака. Мы смеемся, а кажется лучше бы дельно приняться за Бируковых; пора дать вес своему мнению и заставить правительство уважать нашим голосом — презрение к русским писателям нестерпимо; подумай об этом на досуге, да соединимся — дайте нам цензуру строгую, согласен, но не бессмысленную — читал ли ты мое послание Бирукову? если нет, вытребуй его от брата или от Гнедича; читал я твои стихи в «Полярной звезде»; все прелесть — да, ради Христа, прозу-то не забывай; ты да Карамзин одни владеют ею. Глинка владеет языком чувств... это

что такое! Бестужева статья об нашей братьи ужасно молода — но у нас всё, елико печатано, имеет действие на святую Русь: зато не должно бы ничем пренебрегать, и должно печатать благонамеренные замечания на всякую статью — политическую, литературную — где только есть немножко смысла. Кому, как не тебе, взять на себя скучную, но полезную должность надзирателя наших писателей. Стихи мои ищут тебя по всей России — я ждал тебя осенью в Одессу и к тебе бы приехал — да мне всё идет наперекор. Не знаю, нынешний год увижусь ли с тобою. Пиши мне покамест, если по почте, так осторожнее, а по *оказии* что хочешь — да нельзя ли твоих стихов? мочи нет хочется; дядя прислал мне свои стихотворения — я было хотел написать об них кое-что, более для того, чтоб ущипнуть Дмитриева, нежели чтоб порадовать нашего старосту; да невозможно; он так глуп, что язык не повернется похвалить его и не сравнивая с экс-министром — Доратом. Видишь ли ты иногда Чаадаева? он вымыл мне голову за пленника, он находит, что он недовольно *blasé*; Чаадаев по несчастию знаток по этой части; оживи его прекрасную душу, поэт! ты верно его любишь — я не могу представить себе его иным, что прежде. Еще слово об «Кавказском пленнике». Ты говоришь, душа моя, что он сукин сын за то, что не горюет о черкешенке, но что говорить ему — *всё понял он* выражает всё; мысль об ней должна была овладеть его душою и соединиться со всеми его мыслями — это разумеется — иначе быть нельзя; не надобно всё высказывать — это есть тайна занимательности. Другим досадно, что *пленник* не кинулся в реку вытаскивать мою черкешенку — да, сунься-ка; я плавал в кавказских реках, — тут утонешь сам, а ни черта не сыщешь; мой пленник умный человек, рассудительный, он не влюблен в черкешенку — он прав, что не утопился. Прощай, моя радость.

6 февр. 1823. Пушкин.

У нас послезавтра бал — приезжай потанцевать — Полторацкие зовут.

Счастие супружеское.

Дома сидя я без дела,
Буду нежно говорить:
Ах, мой друг т 〈 . . . 〉
Прикажите покурить.

вот модные стихи в Кишиневе — не мои — Полторацкого — в честь будущей моей женитьбы.

45. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Март 1823 г. Из Кишинева в Москву.

Благодарю тебя за письмо, а не за стихи: мне в них не было нужды — «Первый снег» я читал еще в 20 году и знаю наизусть. Не написал ли ты чего нового? пришли, ради бога, а то Плетнев и Рылеев отучат меня от поэзии. Сделай милость, напиши мне обстоятельнее о тяжбе своей с цензурою. Это касается всей православной кучки. Твое предложение собраться нам всем и жаловаться на Бируковых может иметь худые последствия. На основании военного устава, если более двух офицеров в одно время подают рапорт, таковой поступок приемлется за бунт. Не знаю, подвержены ли писатели военному суду, но общая жалоба с нашей стороны может навлечь на нас ужасные подозрения и причинить большие беспокойства... Соединиться тайно — но явно действовать в одиночку, кажется, вернее. В таком случае должно смотреть на поэзию, с позволения сказать, как на ремесло. Руссо не впервой соврал, когда утверждает que c'est le plus vil des métiers. Pas plus vil qu'un autre. Аристократические предубеждения пристали тебе, но не мне — на конченную свою поэму я смотрю, как сапожник на пару своих сапог: продаю с барышом. Цеховой старшина находит мои ботфорты не по форме, обрезывает, портит товар; я в накладе; иду жаловаться частному приставу; всё это в порядке вещей. Думаю скоро связаться с Бируковым и стану доезжать его в этом смысле — но за 2000 верст мудрено щелкать его по носу. Я барахтаюсь в грязи молдавской, чёрт знает когда выкарабкаюсь. Ты — барахтайся в грязи отечественной и думай:

Отечества и грязь сладка нам и приятна.

Сверчок.

Вот тебе несколько пакостей:

Христос воскрес.

Христос воскрес, моя Ревекка!..[1]

Эпиграмма.

Клеветник без дарованья...[2]

Лечись — иль быть тебе Панглосом...[3]

---

[1] См. т. II, стр. 71.
[2] См. т. II, стр. 66.
[3] См. т. II, стр. 75.

Иной имел мою Аглаю...[1]

Оставя честь судьбе на произвол...[2]

Этих двух не показывай никому — ни Денису Давыдову.

46. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

5 апреля 1823 г. Из Кишинева в Москву.

Мои надежды не сбылись: мне нынешний год нельзя будет приехать ни в Москву, ни в Петербург. Если летом ты поедешь в Одессу, не завернешь ли по дороге в Кишинев? я познакомлю тебя с героями Скулян и Секу, сподвижниками Иордаки, и с гречанкою, которая целовалась с Байроном.

Правда ли, что говорят о Катенине? мне никто ничего не пишет — Москва, Петербург и Арзамас совершенно забыли меня.

Охотников приехал? привез ли тебе письма и прочее?

Говорят, что Чаадаев едет за границу — давно бы так; но мне его жаль из эгоизма — любимая моя надежда была с ним путешествовать — теперь бог знает когда свидимся.

Важный вопрос и, сделай милость, отвечай: где Мария Ивановна Ко́рсакова, что живет или жила против — какого монастыря (Страстного, что ли), жива ли она, где она; если умерла, чего боже упаси, то где ее дочери, замужем ли и за кем, девствуют ли, или вдовствуют и проч. — мне до них дела нет, но я обещался обо всем узнать подробно.

Кстати не знаешь ли, минуло ли 15 лет генералу Орлову? или нет еще?

5 апреля. А. П.

Стихов, ради бога, стихов, да свеженьких.

47. Н. И. ГНЕДИЧУ.

13 мая 1823 г. Из Кишинева в Петербург.

Благодарю вас, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы бессарабского пустынника. Он молчит, боясь надоедать тем, которых любит, но очень рад случаю поговорить с вами об чем бы то ни было.

---

1 См. т. II, стр. 122.

2 См. т. II, стр. 69.

Если можно приступить ко второму изданию «Руслана» и «Пленника», то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попечение; но ваши предложения останавливают меня по многим причинам. 1) Уверены ли вы, что цензура, поневоле пропустившая в 1-й раз «Руслана», нынче не опомнится и не заградит пути второму его пришествию? Заменять же прежнее новым в ее угоду я не в силах и не намерен. 2) Согласен с вами, что предисловие есть пустословие довольно скучное, но мне никак нельзя согласиться на присовокупление новых бредней моих; они мною обещаны Якову Толстому и должны поступить в свет особливо. Правда, есть у меня готовая поэмка, да NB цензура. Tout bien vu, не кончить ли дела предисловием? Дайте попробовать, авось не наскучу. Я что-то в милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité
Ni cet excès d'honneur ni cette indignité.

Как бы то ни было, воспользуюсь своим *случаем,* говоря ей правду неучтивую, но, быть может, полезную. Я очень знаю меру понятия, вкуса и просвещения этой публики. Есть у нас люди, которые выше ее; этих она недостойна чувствовать; другие ей по плечу; этих она любит и почитает. Помню, что Хмельницкий читал однажды мне своего «Нерешительного»; услыша стих «И должно честь отдать, что немцы аккуратны», я сказал ему: вспомните мое слово, при этом стихе всё захлопает и захохочет. — А что тут острого, смешного? очень желал бы знать, сбылось ли мое предсказание.

Вы, коего гений и труды слишком высоки для этой детской публики, что вы делаете, что делает Гомер? Давно не читал я ничего прекрасного. Кюхельбекер пишет мне четырестопными стихами, что он был в Германии, в Париже, на Кавказе и что он падал с лошади. Всё это кстати о «Кавказском пленнике». От брата давно не получал известия, о Дельвиге и Баратынском также — но я люблю их и ленивых. Vale, sed delenda est censura.

13 мая. Кишинев. Пушкин.

Своего портрета у меня нет — да и на кой чёрт иметь его.

Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в светлое воскресение выпускать на волю птичку? вот вам стихи на это —

В чужбине свято наблюдаю...[1]

Напечатают ли без имени в «Сыне отечества»?

---

[1] См. т. II, стр. 134.

48. А. А. БЕСТУЖЕВУ.

13 июня 1823 г. Из Кишинева в Петербург.

Милый Бестужев,

Позволь мне первому перешагнуть через приличия и сердечно поблагодарить *тебя* за «Полярную звезду», за твои письма, за статью о литературе, за «Ольгу» и особенно за «Вечер на биваке». Всё это ознаменовано твоей печатью, т. е. умом и чудесной живостью. О «Взгляде» можно бы нам поспорить на досуге, признаюсь, что ни с кем мне так не хочется спорить, как с тобою да с Вяземским — вы одни можете разгорячить меня. Покамест жалуюсь тебе об одном: как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? кого же мы будем помнить? Это умолчание не простительно ни тебе, ни Гречу — а от тебя его не ожидал. Еще слово: зачем хвалить холодного однообразного Осипова, а обижать Майкова. «Елисей» истинно смешон. Ничего не знаю забавнее обращения поэта к порткам:

Я мню и о тебе, исподняя одежда,
Что и тебе спастись худа была надежда!

А любовница Елисея, которая сожигает его штаны в печи,

Когда для пирогов она у ней топилась:
И тем подобною Дидоне учинилась.

А разговор Зевеса с Меркурием, а герой, который упал в песок

И весь седалища в нем образ напечатал.
И сказывали те, что ходят в тот кабак,
Что виден и поднесь в песке сей самый знак, —

всё это уморительно. Тебе, кажется, более нравится благовещение, однако ж «Елисей» смешнее, следственно, полезнее для здоровья.

В рассуждении 1824 года, постараюсь прислать тебе свои бессарабские бредни; но нельзя ли вновь осадить цензуру и, со второго приступа, овладеть моей Анфологией? «Разбойников» я сжег — и поделом. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского; если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц «Полярной звезды», то напечатай его. Впрочем, чего бояться читательниц? их нет и не будет на русской земле, да и жалеть не о чем.

Я уверен, что те, которые приписывают новую сатиру Аркадию Родзянке, ошибаются. Он человек благородных правил и не станет воскрешать времена слова и дела. Донос на человека со-

сланного есть последняя степень бешенства и подлости, да и стихи, сами по себе, недостойны певца сократической любви.

Дельвиг мне с год уже ничего не пишет. Попеняйте ему и обнимите его за меня, он вас, т. е. тебя, обнимет за меня — прощай, до свиданья.

13 июня. А. П.

49. НЕИЗВЕСТНОМУ.

Октябрь 1820 г. — июнь 1823 г. В Кишиневе.

Voilà, mon colonel, une lettre de Kroupensky que je viens de recevoir. Ayez la bonté de m'attendre.

Pouchkine.

50. НЕИЗВЕСТНОЙ.

Июнь — июль 1823 г. Кишинев — Одесса.

(Черновое)

Ce n'est pas pour vous braver que je vous écris, mais j'ai eu la faiblesse de vous avouer une passion ridicule et je veux m'en expliquer franchement. Ne feignez rien, ce serait indigne de vous — la coquetterie serait une cruauté frivole et surtout bien inutile — votre colère, je n'y croirai pas plus — en quoi puis-je vous offenser; je vous aime avec tant d'élan de tendresse, si peu de privauté — votre orgueil même ne peut en être blessé.

Si j'avais des espérances, cela ne serait pas la veille de votre départ que j'aurais attendu pour me declarer. N'attribuez mon aveu qu'à une exaltation dont je n'étais plus le maître, qui allait jusqu'à la défaillance. Je ne demande rien, je ne sais moi-même ce que je veux — cependant je vous . . . .

51. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

19 августа 1823 г. Из Одессы в Москву.

Мне скучно, милый Асмодей, я болен, писать хочется — да сам не свой. Мне до тебя дело есть: Гнедич хочет купить у меня второе издание «Руслана» и «Кавказского пленника» — но timeo danaos, т. е. боюсь, чтоб он со мной не поступил, как прежде. Я обещал ему предисловие — но от прозы меня тошнит. Перепишись с ним — возьми на себя это второе издание и освяти его

своею прозой, единственною в нашем прозаическом отечестве. Не хвали меня, но побрани Русь и русскую публику — стань за немцев и англичан — уничтожь этих маркизов классической поэзии... Еще одна просьба: если возьмешься за издание — не лукавь со мною, возьми с меня, что оно будет стоить — не дари меня — я для того только до сих пор и не хотел иметь с тобою дела, милый мой аристократ. Отвечай мне по extra-почте!

Я брату должен письмо. Что он за человек? говорят, что он славный малый и московский франт — правда ли?

Прощай, моя прелесть,— вперед буду писать тебе толковее. А Орлов?

19 авг.

52. Л. С. ПУШКИНУ.

25 августа 1823 г. Из Одессы в Петербург.

Мне хочется, душа моя, написать тебе целый роман — три последние месяца моей жизни. Вот в чем дело: здоровье мое давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу — я оставил мою Молдавию и явился в Европу. Ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и, ей-богу, обновили мне душу. Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляет мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе — кажется и хорошо — да новая печаль мне сжала грудь — мне стало жаль моих покинутых цепей. Приехал в Кишинев на несколько дней, провел их неизъяснимо элегически — и, выехав оттуда навсегда, — о Кишиневе я вздохнул. Теперь я опять в Одессе и всё еще не могу привыкнуть к европейскому образу жизни — впрочем, я нигде не бываю, кроме в театре. Здесь Туманский. Он добрый малый, да иногда врет — например, он пишет в Петербург письмо, где говорит между прочим обо мне: Пушкин открыл мне немедленно свое сердце и porte-feuille— любовь и пр... — фраза, достойная В. Козлова; дело в том, что я прочел ему отрывки из «Бахчисарайского фонтана» (новой моей поэмы), сказав, что я не желал бы ее напечатать, потому что многие места относятся к одной женщине, в которую я был очень долго и очень глупо влюблен, и что роль Петрарки мне не по нутру. Туманский принял это за сердечную доверенность и посвящает меня в Шаликовы — помогите! — Здесь еще Раич. Знаешь ли ты его? Будет Родзянка-предатель — жду его с нетерпением. Пиши же мне в Одессу — да поговорим о деле.

Изъясни отцу моему, что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучался; в учителя не могу идти; хоть я знаю закон божий и 4 первые правила — но служу и не по своей воле — и в отставку идти невозможно. — Всё и все меня обманывают — на ко-

го же, кажется, надеяться, если не на ближних и родных. На хлебах у Воронцова я не стану жить — не хочу и полно — крайность может довести до крайности — мне больно видеть равнодушие отца моего к моему состоянию, хоть письма его очень любезны. Это напоминает мне Петербург — когда, больной, в осеннюю грязь или в трескучие морозы я брал извозчика от Аничкова моста, он вечно бранился за 80 коп. (которых верно б ни ты, ни я не пожалели для слуги). Прощай, душа моя — у меня хандра — и это письмо не развеселило меня.

Одесса, 25 августа.

Так и быть, я Вяземскому пришлю «Фонтан» — выпустив любовный бред — а жаль!

53. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

14 октября 1823 г. Из Одессы в Москву.

По твоему совету, милый Асмодей, я дал знать Гнедичу, что поручаю тебе издание «Руслана» и «Пленника», следственно дело сделано. Не помню, просил ли я тебя о вступлении, предисловии и т. п., но сердечно благодарю тебя за обещание. Твоя проза обеспечит судьбу моих стихов. О каких переменах говорил тебе Раич? я никогда не мог поправить раз мною написанное. В «Руслане» должно только прибавить эпилог и несколько стихов к 6-ой песне, слишком поздно доставленные мною Жуковскому. «Руслан» напечатан исправно, ошибок нет, кроме *свежий сон* в самом конце. Не помню, как было в рукописи, но свежий сон тут смысла не имеет. «Кавказский пленник» иное дело.

Остановлял он долго взор — должно: вперял он неподвижный взор. *Живи — и путник оживает.* Живи — и пленник оживает. Пещеры *темная* прохлада — *влажная.* И вдруг на *домы* дождь и град — *долы.* В чужой *аул ценою злата* — за много злата (впрочем, как хочешь).

Не много радостных *ей дней*
Судьба на долю *ниспослала.*

Зарезала меня цензура! я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать *ей дней* в конце стиха. Ночей, ночей — ради Христа, *ночей Судьба на долю ей послала.* То ли дело. *Ночей,* ибо днем она с ним не видалась — смотри поэму. И чем же ночь неблагопристойнее дня? которые из 24 часов именно противны духу нашей цензуры? Бируков добрый малый, уговори его или я слягу.

На смертном поле свой бивак

У меня прежде было *У стен Парижа.* Не лучше ли, как думаешь? *верил я надежде И уповательным мечтам.* Это что? *Упоительным* мечтам. Твоя от твоих: помнишь свое прелестное послание Давыдову? Да вот еще два замечания, в роде антикритики. 1) *Под влажной буркой.* Бурка не промокает и влажна только сверху, следственно, можно спать под нею, когда нечем иным накрыться — а сушить нет надобности. 2) *На берегу заветных вод.* Кубань — граница. На ней карантин, и строго запрещается казакам переезжать *об' он' пол.* Изъясни это потолковее забавникам «Вестника Европы». Теперь замечание типографическое: *Всё понял он...* несколько точек, в роде Шаликова и — á la ligne *прощальным взором* и пр. Теперь я согласен в том, что это место писано слишком в обрез, да силы нет ни поправить, ни прибавить. Sur ce — обнимаю тебя с надеждой и благодарностию.

Письмо твое я получил через Фурнье и отвечал по почте. Дружба твоя с Шаховским радует миролюбивую мою душу. Он, право, добрый малый, изрядный автор и отличный сводник. Вот тебе новость в том же роде. Здесь Стурдза монархический; я с ним не только приятель, но кой о чем и мыслим одинаково, не лукавя друг перед другом. Читал ли ты его последнюю brochure о Греции? Граф Ланжерон уверяет меня qu'il y a trop de bon Dieu. Здесь Северин, но я с ним поссорился и не кланяюсь. Вигель здесь был и поехал в Содом-Кишинев, где, думаю, будет виц-губернатором. У нас скучно и холодно. Я мерзну под небом полуденным.

14 окт. Одесса. А. П.

Замечания твои насчет моих «Разбойников» несправедливы; как сюжет, c'est un tour de force, это не похвала, напротив; но, как слог, я ничего лучше не написал. «Бахчисарайский фонтан», между нами, дрянь, но эпиграф его прелесть. Кстати об эпиграфах — знаешь ли эпиграф «Кавказского пленника»?

Под бурей рока твердый камень,
В волненьях страсти — легкий лист.

Понимаешь, почему не оставил его. Но за твои четыре стиха я бы отдал три четверти своей поэмы. Addio.

54. А. Н. РАЕВСКОМУ (?)

15—22 октября 1823 г. Одесса.

(Черновое)

Je réponds à votre P. S. comme à ce qui intéresse surtout votre vanité. Madame Sobansky n'est pas encore de retour à Odessa, je

n'ai donc pas encore pu faire usage de votre lettre; en deuxième lieu comme ma passion a baissé de beaucoup et qu'en attendant je suis amoureux ailleurs — j'ai réfléchi. Et comme Lara Hansky assis sur mon canapé j'ai decidé de ne plus me mêler de cette affaire-là. C'est-à-dire que je ne montrerai pas votre épître à M-me Sobansky, comme j'en avais d'abord eu l'intention (en ne lui cachant que ce que jettait sur vous l'intèrêt d'un caractère Melmothique) — et voici ce que je me suis proposé — votre lettre ne sera que citée avec les restrictions convenables; en revanche j'y ai prépare tout au long une belle réponse dans laquelle, je me donne sur vous tout autant d'avantages que vous en avez pris sur moi dans votre lettre, j'y commence par vous dire: je ne suis pas votre dupe, aimable Job Lovelace, je vois votre vanité et votre faible à travers l'affectation de votre cynisme etc., le reste dans le même genre. Croyez que ça fasse de l'effet — mais comme je vous estime toujours pour mon maître en fait de morale, je vous demande pour tout cela votre permission et surtout vos conseils,—mais dépêchez-vous, car on arrive. J'ai eu de vos nouvelles, on m'a dit qu'Atala Hansky vous avait rendu fat et ennuyeux — votre dernière lettre n'est pas ennuyeuse. Je souhaite que la mienne puisse un moment vous distraire dans vos douleurs. M-r votre oncle qui est un cochon comme vous savez a été ici, a brouillé tout le monde et s'est brouillé avec tout le monde. Je lui prépare une fameuse lettre en sous-accord № 2, mais cette fois-ci il aura du gros J. F. afin qu'il soit du secret comme tout le monde.

55. Ф. Ф. ВИГЕЛЮ.

22 октября — 4 ноября 1823 г. Из Одессы в Кишинев.

(Черновое)

Проклятый город Кишинев!..[1]

Это стихи, следственно, шутка — не сердитесь и усмехнитесь, любезный Филипп Филиппович,— вы скучаете в вертепе, где скучал я три года. Желаю вас рассеять хоть на минуту — и сообщаю вам сведения, которых вы требовали от меня в письме к Шварцу; из трех знакомцев, думаю, годен на употребление в пользу собственно самый меньшой: NB. он спит в одной комнате с братом Михаилом и трясутся немилосердно — из этого можете вывести важные заключения, предоставляю их вашей опытности и благоразумию — старший брат, как вы уже заметили, глуп, как архиерейский жезл — Ванька ------ — следственно, чёрт с ними — об-

---

[1] См. т. II, стр. 140.

нимите их от меня дружески — сестру также — и скажите им, что Пушкин целует ручки *Майгин* и желает ей счастья на земле — умалчивая о небесах — о которых не получил еще достаточных сведений. Пульхерии Варфоломей объявите за тайну, что я влюблен в нее без памяти и буду на днях экзекутор и камер-юнкер в подражание другу Завальевскому; Полторацким поклон и старая дружба! Алексееву то же и еще что-нибудь. Где и что Липранди? Мне брюхом хочется видеть его. У нас холодно, грязно — обедаем славно — я пью, как Лот содомский, и жалею, что не имею с собой ни одной дочки. Недавно выдался нам молодой денек — я был президентом попойки — все перепились и потом поехали по------

56. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

4 ноября 1823 г. Из Одессы в Москву.

4 ноября. Одесса.

Вот тебе, милый и почтенный Асмодей, последняя моя поэма. Я выбросил то, что цензура выбросила б и без меня, и то, что не хотел выставить перед публикою. Если эти бессвязные отрывки покажутся тебе достойными тиснения, то напечатай, да сделай милость, не уступай этой суке цензуре, отгрызывайся за каждый стих и загрызи ее, если возможно, в мое воспоминание. Кроме тебя у меня *там* нет покровителей; еще просьба: припиши к «Бахчисараю» предисловие или послесловие, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы, Софьи Киселевой; прилагаю при сем полицейское послание, яко материал; почерпни из него сведения (разумеется, умолчав об их источнике). Посмотри также в «Путешествии» Апостола-Муравьева статью «Бахчисарай», выпиши из нее что посноснее — да заворожи всё это своею прозою, богатой наследницею твоей прелестной поэзии, по которой ношу траур. Полно, не воскреснет ли она, как тот, который пошутил? Что тебе пришло в голову писать оперу и подчинить поэта музыканту? Чин чина почитай. Я бы и для Россини не пошевелился. Что касается до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница. Вроде «Дон-Жуана» — о печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша так своенравна, что с нею невозможно и размерить круга своего действия — лучше об ней и не думать — а если брать, так брать, не то, что и когтей марать.

А. П.

Новое издание очень мило — с богом— милый ангел или аггел Асмодей.

Вообрази, что я еще не читал твоей статьи, победившей цензуру! вот каково жить по-азиатски, не читая журналов. Одесса город европейский — вот почему русских книг здесь и не водится.

А. П.

Василию Львовичу дяде кланяюсь и пишу на днях.

57. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

11 ноября 1823 г. Из Одессы в Москву.

Вот тебе и «Разбойники». Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из стражей мною не выдуманы. Некоторые стихи напоминают перевод «Шильонского узника». Это несчастие для меня. Я с Жуковским сошелся нечаянно, отрывок мой написан в конце 1821 года.

11 ноября.

58. А. А. ДЕЛЬВИГУ.

16 ноября 1823 г. Из Одессы в Петербург.

Мой Дельвиг, я получил все твои письма и отвечал почти на все. Вчера повеяло мне жизнию лицейскою, слава и благодарение за то тебе и моему Пущину! Вам скучно, нам скучно: сказать ли вам сказку про белого быка? Душа моя, ты слишком мало пишешь, по крайней мере слишком мало печатаешь. Впрочем, я живу по-азиатски, не читая ваших журналов. На днях попались мне твои прелестные сонеты — прочел их с жадностью, восхищением и благодарностию за вдохновенное воспоминание дружбы нашей. Разделяю твои надежды на Языкова и давнюю любовь к непорочной музе Баратынского. Жду и не дождусь появления в свет ваших стихов; только их получу, заколю агнца, восхвалю господа — и украшу цветами свой шалаш — хоть Бируков находит это слишком сладострастным. Сатира к Гнедичу мне не нравится, даром что стихи прекрасные; в них мало перца; *Сомов безмундирный* непростительно. Просвещенному ли человеку, русскому ли сатирику пристало смеяться над независимостию писателя? Это шутка, достойная коллежского советника Измайлова. Жду также «Полярной звезды». Жалею, что мои элегии писаны против религии и правительства: я полу-Хвостов: люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать в печать (а видеть их в печати). Ты просишь «Бахчисарайского фонтана». Он на днях отослан к Вяземскому. Это бессвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь и

всё-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь донельзя. Бируков ее не увидит за то, что он фи-дитя, блажной дитя. Бог знает когда и мы прочитаем ее вместе — скучно, моя радость! вот припев моей жизни. Если б хоть брат Лев прискакал ко мне в Одессу! где он, что он? ничего не знаю. Друзья, друзья, пора променять мне почести изгнания на радость свидания. Правда ли, что едет к вам Россини и итальянская опера? — боже мой! это представители рая небесного. Умру с тоски и зависти.

16 ноября. А. П.

Вели прислать мне немецкого «Пленника».

59. А. А. ШИШКОВУ.

Август — ноябрь 1823 г. Из Одессы в Тульчин.

С ума ты сошел, милый Шишков; ты мне писал несколько месяцев тому назад: Милостивый государь, лестное ваше знакомство, честь имею, покорнейший слуга... так что я не узнал моего царскосельского товарища. Если заблагорассудишь писать ко мне, вперед прошу тебя быть со мною на старой ноге. Не то мне будет грустно. До сих пор жалею, душа моя, что мы не столкнулись с тобою на Кавказе; могли бы мы и стариной тряхнуть, и поповесничать, и в язычки постучать. Впрочем, судьба наша, кажется, одинакова, и родились мы, видно, под единым созвездием. Пишет ли к тебе общий наш приятель Кюхельбекер? Он на меня надулся, бог весть почему. Помири нас. Что стихи? куда зарыл ты свой золотой талант? под снега ли Эльбруса, под тифлисскими ли виноградниками? Если есть у тебя что-нибудь, пришли мне — право, сердцу хочется.

Обнимаю тебя — письмо мое бестолково, да некогда мне быть толковее.

А. П.

Недавно узнал я, что ты знакомец и родственник почтенному нашему Александру Ивановичу. Он доставляет мне случай снестись с тобою, а сам завален бумагами и делами — любить тебя есть ему время, а писать к тебе — навряд.

60. Н. И. КРИВЦОВУ.

Октябрь — ноябрь 1823 г (?) Из Одессы (?) в Тулу.

Милый мой Кривцов,

Помнишь Пушкина? Не думай, что он впервые после разлуки пишет к тебе. Но бог знает почему письма мои к тебе не доходили. О тебе доходят до меня только темные слухи. А ты ни строчкой не порадовал изгнанника. Правда ли, что ты стал аристократом? — Это дело. Но не забывай демократических друзей 1818 года. Все мы разбрелись. Все мы переменились. А дружба, дружба —

61. МАЙГИН N. и НЕИЗВЕСТНОЙ.

Ноябрь (после 4) 1823 г. Из Одессы в Кишинев.

(Черновое)

Oui, sans doute je les ai devinées, les deux femmes charmantes qui ont daigné se ressouvenir de l'hermite d'Odessa, ci-devant hermite de Kichinef. J'ai baisé mille fois ces lignes qui m'ont rappelé tant de folie, de tourment, d'esprit, de grâce, de soirées, mazourka etc. Mon dieu que vous êtes cruelle, Madame, de croire que je puis m'amuser là où je ne puis ni vous rencontrer ni vous oublier. Hélas, aimable Maiguine, loin de vous tout malaise, tout maussade, mes facultés s'anéantissent, j'ai perdu jusqu'au talent des caricatures, quoique la famille du Prince Mourouzi soit si bien digne de m'en inspirer. Je n'ai qu'une idée — celle de revenir encore à vos pieds et de vous consacrer, comme le disait ce bon homme de poète, le petit bout de vie qui me reste... Vous rappelez-vous de la petite correction que vous avez faite dans le temple de l'a... — mon dieu, si vous la répétiez ici! Mais est-il vrai que vous comptez venir à Odessa — venez au nom du ciel, nous aurons pour vous attirer bal, opéra italien, soirées, concerts, sigisbées, soupirants, tout ce qui vous plaira; je contreferai le singe, je médirai et je vous dessinerai M-me de . . . . dans les 36 postures da l'Arétin.

A propos de l'Arétin je vous dirai que je suis devenu chaste et vertueux, c'est à dire en paroles, car ma conduite a toujours été telle. C'est un véritable plaisir de me voir et de m'entendre parler — cela vous engagera-t-il à presser votre arrivée. Encore une fois venez au nom du ciel et pardonnez moi des libertés avec lesquelles j'écris a celles qui ont trop d'esprit pour être prudes mais que j'aime et que je respecte le plus moralement encore.

Quant à vous, charmante boudeuse, dont l'écriture m'a fait palpiter (quoique par grand hasard elle ne fût point contrefaite) ne

dites par que vous connaissez mon caractère; vous ne m'eussiez pas affligé en faisant semblant de douter de mon dévouement et de mes regrets.

Devinez qui à votre tour.

S. qui passait pour avoir des goûts anti-physiques l'a à passer un fil par le trou d'une aiguille en mouillant le bout — A. dit de lui qu'il excellait partout où il fallait de la patience et de la salive.

62. А. И. ТУРГЕНЕВУ.

1 декабря 1823 г. Из Одессы в Петербург.

1 декабря.

Вы помните Кипренского, который из поэтического Рима напечатал вам в «Сыне отечества» поклон и свое почтение. Я обнимаю вас из прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но ценя в полной мере и ваше воспоминание и дружеское попечение, которому обязан я переменою своей судьбы. Надобно подобно мне провести три года в душном азиатском заточении, чтоб почувствовать цену и не вольного европейского воздуха. Теперь мне было бы совершенно хорошо, если б не отсутствие кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня, я стал скучен, как Грибко, и благоразумен, как Чеботарев,

исчезла прежня живость,
Простите ль иногда мою мне молчаливость,
Мое уныние?.. терпите, о друзья,
Терпите хоть за то, что к вам привязан я.

Кстати о стихах: вы желали видеть оду на смерть Наполеона. Она не хороша, вот вам самые сносные строфы:

Когда надеждой озаренный...[1]

Вот последняя:

Да будет омрачен позором...[2]

Эта строфа ныне не имеет смысла, но она писана в начале 1821 года — впрочем это мой последний либеральный бред, я закаялся и написал на днях подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа (Изыде сеятель сеяти семена своя):

Свободы сеятель пустынный...[3]

---

[1] См. т. II, стр. 57.
[2] См. т. II, стр. 60.
[3] См. т. II, стр. 145.

Поклон братьям и братье. Благодарю вас за то, что вы успокоили меня насчет Николая Михайловича и Катерины Андреевны Карамзиных — но что делает поэтическая, незабвенная, конституциональная, анти-польская, небесная княгиня Голицына? возможно ли, чтоб я еще жалел о вашем Петербурге.

Жуковскому грех; чем я хуже принцессы Шарлотты, что он мне ни строчки в три года не напишет. Правда ли, что он переводит «Гяура»? а я на досуге пишу новую поэму, «Евгений Онегин», где захлёбываюсь желчью. Две песни уже готовы.

63. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

1—8 декабря 1823 г. Из Одессы в Москву.

Конечно ты прав, и вот тебе перемены —

Язвительные лобзания напоминают тебе твои------? поставь *пронзительных*. Это будет ново. Дело в том, что моя Грузинка кусается, и это непременно должно быть известно публике. *Хладного скопца* уничтожаю из уважения к давней девственности Анны Львовны.

Не зрит лица его гарем.
Там . . . .
И не утешены никем,
Стареют жены.

Меня ввел во искушение Бобров: он говорит в своей «Тавриде»: *Под стражею скопцов гарема*. Мне хотелось что-нибудь у него украсть, а к тому же я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе.

Но верой матери моей
Была твоя — —

если найдешь удачную перемену, то подари меня ею; если ж нет, оставь так, оно довольно понятно. Нет ничего легче поставить *Равна, Грузинка, красотою*, но *инка кр*... а слово Грузинка тут необходимо — впрочем, делай, что хочешь.

Апостол написал свое путешествие по Крыму; оно печатается — впрочем, ожидать его нечего.

Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чаадаева; в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благородно с его стороны.

Посылаю «Разбойников».

Как бишь у меня? *Вперял он неподвижный взор?* Поставь *любопытный*, а стих всё-таки калмыцкий.

64. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

20 декабря 1823 г. Из Одессы в Москву.

Какая б ни была вина

так и у меня начерно.

Символ конечно дерзновенный,
Незнанья жалкая вина.

Вина, culpa, faute. Symbole téméraire, faute deplorable de l'ignorance. У нас слово *вина* имеет два значенья: одно из них здесь не имело бы смысла. Оставь эти стихи, пускай они

Aux Saumaises futurs préparent des tortures.

Я бы хотел знать, нельзя ли в переписке нашей избегнуть какнибудь почты — я бы тебе переслал кой-что слишком для нее тяжелое. Сходнее нам в Азии писать по оказии. Что Кривцов? Его превосходительство мог бы мне аукнуть. Я жду «Полярной звезды» в надежде видеть тебя распечатного. Что журнал Анахарсиса Клоца-Кюхельбекера? Рисунок с фонтана оставим до другого издания. Печатай скорее; не ради славы прошу, а ради Мамона.

20 декабря.

Поздравляю тебя с рождеством спасителя нашего господа Иисуса Христа.

Ты, кажется, сбираешься сделать заочное описание Бахчисарая? брось это. Мадригалы Софье Потоцкой, это дело другое. Впрочем, в моем эпилоге описание дворца в нынешнем его положении подробно и верно, и Зонтаг более моего не заметит. Что если б ты заехал к нам на Юг нынче весною? Мы бы провели лето в Крыму, куда собирается пропасть дельного народа, женщин и мужчин. Приезжай, ей-богу веселее здесь, чем у вас на Севере.

1824

65. А. А. БЕСТУЖЕВУ.

12 января 1824 г. Из Одессы в Петербург.

Конечно я на тебя сердит и готов с твоего позволения браниться хоть до завтра. Ты напечатал именно те стихи, об которых я просил тебя: ты не знаешь, до какой степени это мне досадно. Ты пишешь, что без трех последних стихов элегия не имела бы смысла. Велика важность! а какой же смысл имеет: *Как ясной влагою полубогиня грудь — воздымала?* или: *с болезнью и мольбой Твои глаза,* и проч.

Я давно уже не сержусь за опечатки, но в старину мне случалось забалтываться стихами, и мне грустно видеть, что со мною поступают, как с умершим, не уважая ни моей воли, ни бедной собственности. Это простительно Воейкову, но *et tu autem, Brute*!

Гнедич шутит со мной шутки в другом роде. Он разгласил, будто бы все новые стихи, обещанные мною Я. Толстому, проданы уже ему, Гнедичу. Толстой написал мне письмо пресухое, в котором он справедливо жалуется на мое легкомыслие, отказался от издания моих стихотворений, уехал в Париж, и мне об нем нет ни слуху ни духу. Он переписывается с тобою в «Сыне отечества»; напиши ему слово обо мне, оправдай меня в его глазах да пришли его адрес.

Повторяю тебе в последний раз мои пени и просьбы и обнимаю тебя sans rancune и с благодарностью за всё остальное — прозу и стихи. Ты — всё ты: т. е. мил, жив, умен. Баратынский — прелесть и чудо, «Признание» — совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий, хотя бы наборщик клялся мне Евангелием поступать со мною милостивее. Рылеева «Войнаровский» несравненно лучше всех его «Дум», слог его возмужал и становится истинно-повествовательным, чего у нас почти еще нет. Дельвиг — молодец. Я буду ему писать. Готов христосоваться с тобой стихами, но сделай милость..... пощади. Прощай, мой милый Walter. Туманского вчера и сегодня я не видал и письма твоего не отдавал. Он славный малый, но, как поэта, я не люблю его. Дай бог ему премудрости.

1824, 12 янв. Одесса. А. П.

66. Ф. В. БУЛГАРИНУ.

1 февраля 1824 г. Из Одессы в Петербург.

С искренней благодарностью получил я 1-й № «Северного архива», полагая, что тем обязан самому почтенному издателю, с тем же чувством видел я снисходительный ваш отзыв о татарской моей поэме. Вы принадлежите к малому числу тех литераторов, коих порицания или похвалы могут быть и должны быть уважаемы. Вы очень меня обяжете, если поместите в своих листках здесь прилагаемые две пьесы. Они были с ошибками напечатаны в «Полярной звезде», отчего в них и нет никакого смысла. Это в людях беда не большая, но стихи не люди. Свидетельствую вам искреннее почтение.

Одесса. 1 февраля 1824 г. Пушкин.

67. Л. С. ПУШКИНУ.

Январь (после 12) — начало февраля 1824 г.
Из Одессы в Петербург.

Так как я дождался оказии, то и буду писать тебе спустя рукава. Н. Раевский здесь. Он о тебе привез мне недостаточные известия; зачем ты с ним чинился и не поехал повидаться со мною? денег не было? после бы сочлись — а иначе бог знает когда сойдемся. Ты знаешь, что я дважды просил Ивана Ивановича о своем отпуске чрез его министров — и два раза воспоследовал всемилостивейший отказ. Осталось одно — писать прямо на его имя — такому-то, в Зимнем дворце, что против Петропавловской крепости, не то взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мне становится невтерпеж. Ubi bene ibi patria. А мне bene там, где растет трин-трава, братцы. Были бы деньги, а где мне их взять? что до славы, то ею в России мудрено довольствоваться. Русская слава льстить может какому-нибудь В. Козлову, которому льстят и петербургские знакомства, а человек немного порядочный презирает и тех и других. Mais pourquoi chantais-tu? на сей вопрос Ламартина отвечаю — я пел, как булочник печет, портной шьет, Козлов пишет, лекарь морит — за деньги, за деньги, за деньги — таков я в наготе моего цинизма. Плетнев пишет мне, что «Бахчисарайский фонтан» у всех в руках. Благодарю вас, друзья мои, за ваше милостивое попечение о моей славе! благодарю в особенности Тургенева, моего благодетеля; благодарю Воейкова, моего высокого покровителя и знаменитого друга! Остается узнать, раскупится ли хоть один экземпляр печатный теми, у которых есть полные рукописи; но это бездели-

ца — поэт не должен думать о своем пропитании, а должен, как Корнилович, писать с надеждою сорвать улыбку прекрасного пола. Душа моя, меня тошнит с досады — на что ни взгляну, всё такая гадость, такая подлость, такая глупость — долго ли этому быть? Кстати о гадости — читал я «Федру» Лобанова — хотел писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина — перо вывалилось из рук. И об этом у вас шумят, и это называют ваши журналисты прекраснейшим переводом известной трагедии г. Расина! Voulez vous découvrir la trace de ses pas—

. . . . .надеешься найти
Тезея жаркий след иль темные пути —

мать его в рифму! вот как всё переведено. А чем же и держится Иван Иванович Расин, как не стихами, полными смысла, точности и гармонии! План и характеры «Федры» верх глупости и ничтожества в изобретении — Тезей не что иное, как первый Мольеров рогач; Ипполит, le superbe, le fier Hypolite—et même un peu farouche, Ипполит, суровый скифский- - - - - - - — не что иное, как благовоспитанный мальчик, учтивый и почтительный —

D'un mensonge si noir . . . . . и проч.

прочти всю эту хвалебную тираду и удостоверишься, что Расин понятия не имел об создании трагического лица. Сравни его с речью молодого любовника Паризины Байроновой, увидишь разницу умов. А Терамен аббат и сводник — Vous-même où seriez vous etc...— вот глубина глупости. С Рылеевым мирюсь — «Войнаровский» полон жизни. Что Кюхля? Дельвигу буду писать, но, если не успею, скажи ему, чтоб он взял у Тургенева «Олега вещего» и напечатал. Может быть, я пришлю ему отрывки из «Онегина»; это лучшее мое произведение. Не верь Н. Раевскому, который бранит его — он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядочно не расчухал.

68. А. А. БЕСТУЖЕВУ.

8 февраля 1824 г. Из Одессы в Петербург.

Ты не получил, видно, письма моего. Не стану повторять то, чего довольно и на один раз. О твоей повести в «Полярной звезде» скажу, что она не в пример лучше (т. е. занимательнее) тех, которые были напечатаны в прошлом годе, et c'est beaucoup dire. Корнилович славный малый и много обещает — но зачем пишет он *для снисходительного внимания милостивой государыни* NN и ожидает *ободрительной улыбки прекрасного пола* для продолжения любопытных своих трудов? Всё это старо, ненужно и слишком уже пахнет шаликовскою невинностию. Булгарин говорит, что Н. Бестужев отличается *новостию мыслей.* Можно бы с бóльшим

уважением употреблять слово *мысли*. Арабская сказка прелесть; советую тебе держать за ворот этого Сенковского. Между поэтами не вижу Гнедича, это досадно; нет и Языкова — и его жаль; (похабный) мадригал А. Родзянки можно бы оставить покойному Нахимову; *вчера — — — люблю и мыслю* поместят со временем в грамматику для примера бессмыслицы. Плетнева «Родина» хороша, Баратынский — чудо — мои пиесы плохи: Вот тебе и всё о «Полярной».

Радуюсь, что мой «Фонтан» шумит. Недостаток плана не моя вина. Я суеверно перекладывал в стихи рассказ молодой женщины.

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впрочем, я писал его единственно для себя, а печатаю потому, что деньги были нужны.

Третий пункт и самый нужный с эпиграфом *без церемонии:* ты требуешь от меня десятка пиес, как будто у меня их сотни. Едва ли наберу их и пяток, да и то не забудь моих отношений с цензурой. Даром у тебя брать денег не стану; к тому же я обещал Кюхельбекеру, которому верно мои стихи нужнее, нежели тебе. Об моей поэме нечего и думать — если когда-нибудь она и будет напечатана, то верно не в Москве и не в Петербурге. Прощай, поклон Рылееву, обними Дельвига, брата и братью

8 февр. 1824.

69. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

8 марта 1824 г. Из Одессы в Москву.

От всего сердца благодарю тебя, милый европеец, за неожиданное послание или посылку. Начинаю почитать наших книгопродавцев и думать, что ремесло наше, право, не хуже другого. Одно меня затрудняет, ты продал всё издание за 3000 р., а сколько ж стоило тебе его напечатать? Ты всё-таки даришь меня, бессовестный! Ради Христа, вычти из остальных денег, что тебе следует, да пришли их сюда. Расти им незачем. А у меня им не залежаться, хоть я, право, не мот. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо я не принадлежу к нашим писателям 18-го века: я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть для улыбки прекрасного пола.

Жду с нетерпением моего «Фонтана», т. е. твоего предисловия. Недавно прочел я твои давишние замечания на Булгарина, это лучшая из твоих полемических статей. «Жизни Дмитриева» еще не видал. Но, милый, грех тебе унижать нашего Крылова.

Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непростительному пристрастию судишь вопреки своей совести и покровительствуешь чёрт знает кому. И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова; все его сатиры — одного из твоих посланий, а всё прочее первого стихотворения Жуковского. Ты его когда-то назвал Le poète de notre civilisation, быть так, хороша наша civilisation!

Твое поручение отыскать тебе дом обрадовало меня несказанно. Дело не к спеху, однако изволь изъяснить мне потолковее, что такое *в начале лета и не дорого.* Лев Нарышкин, с которым я уж об этом говорил, уезжает в чужие края *в начале лета.* Он нанимает здесь дом за 500 р. в месяц, и дачу не очень помню за сколько. Я бы советовал тебе для детей нанять дачу, потому что в городе пыль несносна. Буду еще хлопотать; впрочем, твоего *слишком дорого* не понимаю; ты деньги всё ведь истратишь, если не на то, так на другое. Жду ответа. С. Волконского здесь еще нет.

8 марта 1824.
Одесса.

70. И. Н. ИНЗОВУ (?)

Около 8 марта 1824 г. Одесса.

(Черновое)

Je vous envoie, Général, les 360 roubles que je vous dois depuis si longtemps; veuillez recevoir mes sincères remerciements, quant aux excuses, je n'ai pas le courage de vous en faire. Je suis confus et humilié de n'avoir pu jusqu'à présent vous payer cette dette — le fait est que je crevais de misère.

Agréez, Général, les assurances de mon profond respect.

71. Л. С. ПУШКИНУ.

1 апреля 1824 г. Из Одессы в Петербург.

Вот что пишет ко мне Вяземский:

«В „Благонамеренном" читал я, что в каком-то ученом обществе читали твой „Фонтан" еще до напечатания. На что это похоже? И в Петербурге ходят тысяча списков с него — кто ж после будет покупать; я на совести греха не имею и проч.».

Ни я. Но мне скажут: а какое тебе дело? ведь ты взял свои 3000 р.— а там хоть трава не расти.— Всё так, но жаль, если книгопродавцы, в первый раз поступившие по-европейски, обдернутся и останутся в накладе — да вперед невозможно и мне будет про-

давать себя с барышом. Таким образом, обязан я за всё про всё — друзьям *моей славы* — чёрт их возьми и с нею; тут смотри как бы с голоду не околеть, а они кричат *слава!* Видишь, душа моя, мне на всех вас досадно; требую от тебя одного: напиши мне, как «Фонтан» расходится — или запишусь в графы Хвостовы и сам раскуплю половину издания. Что это со мною делают журналисты! Булгарин хуже Воейкова — как можно печатать партикулярные письма — мало ли, что мне приходит на ум в дружеской переписке — а им бы всё и печатать. Это разбой; решено: прерываю со всеми переписку — не хочу с ними иметь ничего общего. А они, глупо ругай или глупо хвали меня — мне всё равно — их ни в грош не ставлю, а публику почитаю наравне с книгопродавцами — пусть покупают и врут, что хотят.

1 апреля 1824.

Письмо это доставит тебе Синявин, *адъютант* графа Воронцова, славнейший малый, мой приятель; он доставит тебе обо мне все сведения, которых только пожелаешь. Мне сказывали, что ты будто собираешься ко мне; куда тебе! Разве на казенный счет да в сопровождении жандарма. Пиши мне. Ни ты, ни отец ни словечка не отвечаете мне на мои элегические отрывки — денег не шлете — а подрываете мой книжный торг. Куда хорошо.

72. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Начало апреля 1824 г. Из Одессы в Москву.

Сейчас возвратился из Кишинева и нахожу письма, посылки и «Бахчисарай». Не знаю, как тебя благодарить; «Разговор» прелесть, как мысли, так и блистательный образ их выражения. Суждения неоспоримы. Слог твой чудесно шагнул вперед. Недавно прочел я и «Жизнь Дмитриева»; всё, что в ней рассуждение — прекрасно. Но эта статья tour de force et affaire de parti. Читая свои критические сочинения и письма, я и сам собрался с мыслями и думаю на днях написать коё-что о нашей бедной словесности, о влиянии Ломоносова, Карамзина, Дмитриева и Жуковского. Авось и тисну; тогда du choc des opinions jaillira de l'argent. Знаешь ли что? твой «Разговор» более писан для Европы, чем для Руси. Ты прав в отношении романтической поэзии. Но старая ----- классическая, на которую ты нападаешь, полно, существует ли у нас? это еще вопрос.— Повторяю тебе перед Евангелием и святым причастием, что Дмитриев, несмотря на всё старое свое влияние, не имеет, не должен иметь более весу, чем Херасков или дядя Василий Львович. Разве он один представляет в себе классическую нашу словесность, как Мордвинов заключает в себе одном всю русскую оппозицию? и чем он классик? где его трагедии, поэмы дидактические или эпические? разве классик в посланиях

к Севериной да в эпиграммах, переведенных из Гишара? — Мнения «Вестника Европы» не можно почитать за мнения, на «Благонамеренного» сердиться невозможно. Где же враги романтической поэзии? где столпы классические? Обо всем этом поговорим на досуге. Теперь поговорим о деле, т. е. о деньгах. Слёнин предлагает мне за «Онегина», сколько я хочу. Какова Русь, да она в самом деле в Европе — а я думал, что это ошибка географов. Дело стало за цензурой, а я не шучу, потому что дело идет о будущей судьбе моей, о независимости — мне необходимой. Чтоб напечатать «Онегина», я в состоянии — — — т. е. или рыбку съесть, или на - - - сесть. Дамы принимают эту пословицу в обратном смысле. Как бы то ни было, готов хоть в петлю. Кюхельбекеру, Матюшкину, Верстовскому усердный мой поклон, буду немедленно им отвечать. Брата я пожурил за рукописную известность «Бахчисарая». Каков Булгарин и вся братья! Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники. Прости, душа — да пришли мне денег.

А. П.

Ты не понял меня, когда я говорил тебе об оказии — почтмейстер мне в долг верит, да мне не верится.

73. В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ (?)

Апрель — первая половина мая (?) 1824 г. Одесса.

(Отрывок)

читая Шекспира и Библию, святый дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира.— Ты хочешь знать, что я делаю,— пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать, qu'il ne peut exister d'être intelligent, Créateur et régulateur, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастию, более всего правдоподобная.

74. А. И. КАЗНАЧЕЕВУ.

22 мая 1824 г. В Одессе.

(Вторая черновая редакция)

Почтенный Александр Иванович! Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, не знаю, в праве ли отозваться на предписание его сиятельства. Как бы то ни было, надеюсь на вашу снисходительность и приемлю смелость объясниться откровенно насчет моего положения.

Семь лет я службою не занимался, не написал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником. Эти семь лет, как вам известно, вовсе для меня потеряны. Жалобы с моей стороны были бы не у места. Я сам заградил себе путь и выбрал другую цель. Ради бога, не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость. Думаю, что граф Воронцов не захочет лишить меня ни того, ни другого.

Мне скажут, что я, получая 700 рублей, обязан служить. Вы знаете, что только в Москве или Петербурге можно вести книжный торг, ибо только там находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно должен отказываться от самых выгодных предложений единственно по той причине, что нахожусь за 2000 верст от столиц. Правительству угодно вознаграждать некоторым образом мои утраты, я принимаю эти 700 рублей не так, как жалование чиновника, но как паёк ссылочного невольника. Я готов от них отказаться, если не могу быть властен в моем времени и занятиях. Вхожу в эти подробности, потому что дорожу мнением графа Воронцова, так же как и вашим, как и мнением всякого честного человека.

Повторяю здесь то, что уже известно графу Михаилу Семеновичу: если бы я хотел служить, то никогда бы не выбрал себе другого начальника, кроме его сиятельства; но, чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался от всех выгод службы и от всякой надежды на дальнейшие успехи в оной.

Знаю, что довольно этого письма, чтоб меня, как говорится, уничтожить. Если граф прикажет подать в отставку, я готов; но чувствую, что, переменив мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надеюсь.

Еще одно слово: Вы, может быть, не знаете, что у меня аневризм. Вот уж 8 лет, как я ношу с собою смерть. Могу представить свидетельство которого угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня в покое на остаток жизни, которая верно не продлится.

Свидетельствую вам глубокое почтение и сердечную преданность.

75. А. И. КАЗНАЧЕЕВУ.

Начало (после 2) июня 1824 г. В Одессе.

(Черновое)

Je suis bien fâché que mon congé vous ait fait tant de peine, et l'affliction que vous m'en témoignez me touche sincèrement. Quant à la crainte que vous avez relativement aux suites que ce congé peut avoir, je ne la crois pas, fondée. Que regretterais-je —

est-ce ma carrière manquée? C'est une idée à laquelle j'ai eu le temps de me résigner.— Sont-ce mes appointements? — Puisque mes occupations litteraires peuvent me procurer plus d'argent il est tout naturel de leur sacrifier des occupations de mon service etc. Vous me parlez de protection et d'amitié. Deux choses incompatibles; je ne puis ni ne veux prétendre à l'amitié de C-te Woronzof, encore moins à sa protection: rien que je sache ne dégrade plus que le patronage, et j'estime trop cet homme pour vouloir m'abaisser devant lui. Là-dessus j'ai des préjugés démocratiques qui valent bien les préjugés de l'orgueil de l'Aristocratie.

Je suis fatigué de dépendre de la digestion bonne ou mauvaise de tel et tel chef, je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier galopin anglais qui vient y promener parmi nous sa platitude et son baragouin.

Je n'aspire qu'à l'indépendance — pardonnez-moi le mot en faveur de la chose — à force de courage et de persévérance je finirai par en jouir. J'ai déjà vaincu ma répugnance d'écrire et de vendre mes vers pour vivre — le plus grand pas est fait. Si je n'écris encore que sous l'influence capricieuse de l'inspiration, les vers une fois écrits je ne les regarde plus que comme une marchandise à tant la pièce.— Je ne conçois pas la *consternation* de mes amis (je ne sais pas trop ce que c'est que mes amis).

Il n'y a pas de doute que le C-te Woronzof qui est un homme d'esprit saura me donner le tort dans l'opinion du public — triomphe très flatteur et dont je le laisserai jouir tout à son gié vu que je me soucie tout autant de l'opinion de ce public que du blâme et de l'admiration de nos journaux.

76. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

7 июня 1824 г. Из Одессы в Москву.

Жена твоя приехала сегодня, привезла мне твои письма и мадригал Василия Львовича, в котором он мне говорит: *ты будешь жить с княгинею прелестной:* не верь ему, душа моя, и не ревнуй. Письма твои обрадовали меня по многим отношениям: кажется, ты успокоился после своей эпиграммы. Давно бы так! Критики у нас, чувашей, не существует, палки как-то неприличны; о поединке и смех и грех было и думать: то ли дело цып-цып или цыц-цыц. Пришли мне эпиграмму Грибоедова. В твоей неточность: и *визг* такой; должно *писк.* Впрочем, она прелестна. То, что ты говоришь насчет журнала, давно уже бродит у меня в голове. Дело в том, что на Воронцова нечего надеяться. Он холоден ко всему, что не он; а меценатство вышло из моды. Никто из нас не захочет *великодушного покровительства просвещенного вельможи,* это обветшало вместе с Ломоносовым. Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима. Мы одни должны

взяться за дело и соединиться. Но беда! мы все лентяй на лентяе — материалы есть, материалисты есть, но où est le cul de plomb qui poussera ça? где найдем своего составителя, так сказать, своего Каченовского? (в смысле Милонова — что для издателя хоть «Вестника Европы», не надобен тут ум, потребна только ----). Еще беда: ты *Sectaire*, а тут бы нужно много и очень много терпимости: я бы согласился видеть Дмитриева в заглавии нашей кучки, а ты уступишь ли мне моего Катенина? отрекаюсь от Василья Львовича; отречешься ли от Воейкова? Еще беда: мы все прокляты и рассеяны по лицу земли — между нами сношения затруднительны, нет единодушия; золотое *кстати* поминутно от нас выскользает. Первое дело: должно приструнить все журналы и держать их в *решпекте* — ничего легче б не было, если б мы были вместе и печатали бы завтра, что решили бы за ужином вчера; а теперь сообщай из Москвы в Одессу замечание на какую-нибудь глупость Булгарина, отсылай его к Бирукову в Петербург и печатай потом через два месяца в revue des bévues. Нет, душа моя Асмодей, отложим попечение, далеко кулику до Петрова дня — а еще дале бабушке до Юрьева дня.

Радуюсь, что мог услужить тебе своей денежкой, сделай милость, не торопись. С женою отошлю тебе 1-ую песнь «Онегина». Авось с переменой министерства она и напечатается — покамест мне предлагают за второе издание «Кавказского пленника» 2000 рублей. Как думаешь? согласиться? Третье ведь от нас не ушло.

Прощай, милый; пишу тебе в пол-пьяна и в постеле — отвечай.

77. Л. С. ПУШКИНУ.

13 июня 1824 г. Из Одессы в Петербург.

13 июня.

Ты спрашиваешь моего мнения насчет булгаринского вранья — чёрт с ним. Охота тебе связываться с журналистами на словах, как Вяземскому на письме. Должно иметь уважение к самому себе. Ты, Дельвиг и я можем все трое плюнуть на сволочь нашей литературы — вот тебе и весь мой совет. Напиши мне лучше что-нибудь о «Северных цветах» — выйдут ли и когда выйдут? С переменою министерства ожидаю и перемены цензуры. А жаль..... la coupe était pleine. Бируков и Красовский невтерпеж были глупы, своенравны и притеснительны. Это долго не могло продлиться. На каком основании начал свои действия дедушка Шишков? Не запретил ли он «Бахчисарайский фонтан» из уважения к святыне Академического словаря и неблазно составленному слову *водомет?* Шутки в сторону, ожидаю добра для литературы вообще и посылаю ему лобзание не яко Иуда-Арзамасец, но яко Разбойник-Романтик. Попытаюсь толкнуться ко вратам цензуры с первою

главой или песнью «Онегина». Авось пролезем. Ты требуешь от меня подробностей об «Онегине» — скучно, душа моя. В другой раз когда-нибудь. Теперь я ничего не пишу; хлопоты другого рода. Неприятности всякого рода; скучно и пыльно. Сюда приехала княгиня Вера Вяземская, добрая и милая баба — но мужу был бы я больше рад. Жуковского я получил. Славный был покойник, дай бог ему царство небесное! Слушай, душа моя, деньги мне нужны. Продай на год «Кавказского пленника» за 2000 р. Кому бишь? Вот перемены: И *путник* оживает — и пленник. Остановлял он долго взор — вперял он любопытный взор. *И уповательным* мечтам — И упоительным. *Не много .... ей дней — ночей* — ради бога. Прощай.

78. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

24—25 июня 1824 г. Из Одессы в Москву.

Я ждал отъезда Трубецкого, чтоб написать тебе спустя рукава. Начну с того, что всего ближе касается до меня. Я поссорился с Воронцовым и завел с ним полемическую переписку, которая кончилась с моей стороны просьбою в отставку. Но чем кончат власти, еще неизвестно. Тиверий рад будет придраться; а европейская молва о европейском образе мыслей графа Сеяна обратит всю ответственность на меня. Покамест не говори об этом никому. А у меня голова кругом идет. По твоим письмам к княгине Вере вижу, что и тебе и кюхельбекерно и тошно; тебе грустно по Байроне, а я так рад его смерти, как высокому предмету для поэзии. Гений Байрона бледнел с его молодостию. В своих трагедиях, не выключая и Каина, он уже не тот пламенный демон, который создал «Гяура» и «Чильд Гарольда». Первые две песни «Дон-Жуана» выше следующих. Его поэзия видимо изменялась. Он весь создан был навыворот; постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал — пропел и замолчал; и первые звуки его уже ему не возвратились — после 4-ой песни Ghild-Harold Байрона мы не слыхали, а писал какой-то другой поэт с высоким человеческим талантом. Твоя мысль воспеть его смерть в 5-ой песне его Героя прелестна — но мне не по силам — Греция мне огадила. О судьбе греков позволено рассуждать, как о судьбе моей братьи негров, можно тем и другим желать освобождения от рабства нестерпимого. Но чтобы все просвещенные европейские народы бредили Грецией — это непростительное ребячество. Иезуиты натолковали нам о Фемистокле и Перикле, а мы вообразили, что пакостный народ, состоящий из разбойников и лавочников, есть законнорожденный их потомок и наследник их школьной славы. Ты скажешь, что я переменил свое мнение. Приехал бы ты к нам в Одессу посмотреть на соотечественников Мильтиада и ты бы со мною согласился. Да посмотри, что писал тому несколько лет сам Байрон в замечаниях

на Child Harold — там, где он ссылается на мнение Фовеля, французского консула, помнится, в Смирне.— Обещаю тебе, однако ж, вирши на смерть его превосходительства.

Хотелось мне с тобою поговорить о перемене министерства. Что ты об этом думаешь? я и рад и нет. Давно девиз всякого русского есть *чем хуже, тем лучше*. Оппозиция русская, составившаяся, благодаря русского бога, из наших писателей, каких бы то ни было, приходила уже в какое-то нетерпение, которое я исподтишка поддразнивал, ожидая чего-нибудь. А теперь, как позволят Фите Глинке говорить своей любовнице, что она божественна, что у ней очи небесные и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдут врать своим чередом, чины своим чередом, Русь своим чередом — вот как Шишков сделает всю обедню ------. С другой стороны деньги, «Онегин», святая заповедь Корана — вообще мой эгоизм. Еще слово: я позволил брату продать второе издание «Кавказского пленника». Деньги были нужны — а (как я говорил) 3-е издание от нас не уйдет. Да ты пакостишь со мною: даришь меня и связываешься чёрт знает с кем. Ты задорный издатель — а Гнедич хоть и не выгодный приятель, зато уж копейки не подарит и смирно себе сидит, не бранясь ни с Каченовским, ни с Дмитриевым.

А. П.

Пришли же и ты мне стихов.

79. А. А. БЕСТУЖЕВУ.

29 июня 1824 г. Из Одессы в Москву.

Милый Бестужев, ты ошибся, думая, что я сердит на тебя — лень одна мне помешала отвечать на последнее твое письмо (другого я не получил). Булгарин другое дело. С этим человеком опасно переписываться. Гораздо веселее его читать. Посуди сам: мне случилось когда-то быть влюблену без памяти. Я обыкновенно в таком случае пишу элегии, как другой мажет ---- свою кровать. Но приятельское ли дело вывешивать напоказ мокрые мои простыни? Бог тебя простит! но ты острамил меня в нынешней «Звезде» — напечатав три последние стиха моей элегии; чёрт дернул меня написать еще кстати о «Бахчисарайском фонтане» какие-то чувствительные строчки и припомнить тут же элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяние, когда увидел их напечатанными. Журнал может попасть в ее руки. Что ж она подумает, видя с какой охотою беседую об ней с *одним из петербургских моих приятелей*. Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгариным — что проклятая Элегия доставлена тебе чёрт знает кем — и что никто не виноват. Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я более, чем мнениями всех журналов на

свете и всей нашей публики. Голова у меня закружилась. Я хотел просто напечатать в «Вестнике Европы» (единственном журнале, на которого не имею права жаловаться), что Булгарин не был вправе пользоваться перепискою двух частных лиц, еще живых, без согласия их собственного. Но перекрестясь предал это всё забвению. Отзвонил и с колокольни долой. Мне грустно, мой милый, что ты ничего не пишешь. Кто же будет писать? М. Дмитриев да А. Писарев? хороши! если бы покойник Байрон связался браниться с полупокойником Гёте, то и тут бы Европа не шевельнулась, чтоб их стравить, поддразнить или окатить холодной водой. Век полемики миновался. Для кого же занимательно мнение Дмитриева о мнении Вяземского или мнение Писарева о самом себе? Я принужден был вмешаться, ибо призван был в свидетельство М. Дмитриевым. Но больше не буду. «Онегин» мой растет. Да чёрт его напечатает — я думал, что цензура ваша поумнела при Шишкове — а вижу, что и при старом по-старому.— Если согласие мое, не шутя, тебе нужно для напечатания «Разбойников», то я никак его не дам, если не пропустят *жид* и *харчевни* (скоты! скоты! скоты), а *попа* — к чёрту его. Кончу дружеской комиссией — постарайся увидеть Никиту Всеволожского, лучшего из минутных друзей моей минутной младости. Напомни этому милому, беспамятному эгоисту, что существует некто А. Пушкин, такой же эгоист и приятный стихотворец. Оный Пушкин продал ему когда-то собрание своих стихотворений за 1000 р. ассигнациями. Ныне за ту же цену хочет у него их купить. Согласится ли Аристипп Всеволодович? Я бы в придачу предложил ему мою дружбу mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles. Покажи ему мое письмо. Мужайся — дай ответ скорей, как говорит бог Иова или Ломоносова.

29 июня 1824.
Одесса.

80. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

5 июля 1824 г. Одесса.

(Набросок)

Французы ничуть не ниже англичан в истории. Если первенство чего-нибудь да стоит, то вспомните, что Вольтер первый пошел по новой дороге — и внес светильник философии в темные архивы истории. Робертсон сказал, что если бы Вольтер потрудился указать на источники своих сказаний, то бы он, Робертсон, никогда не написал своей «Истории». 2-е, Лемонте есть гений 19-го столетия — прочти его «Обозрение царствования Людовика XIV» и ты поставишь его выше Юма и Робертсона. Рабо де Сент Этьен — дрянь.

5 июля 1824.
Одесса.

Век романтизма не настал еще для Франции — Лавинь бьется в старых сетях Аристотеля — он ученик трагика Вольтера, а не природы —

Tous le recueils de poésies nouvelles dites Romantiques sont la honte de la littérature française.

Ламартин хорош в «Наполеоне», в «Умирающем поэте» — вообще хорош какой-то новой гармонией.

Никто более меня не любит прелестного André Chénier — но он из классиков классик — от него так и несет древней греческой поэзией.

Вспомни мое слово: первый гений в отечестве Расина и Буало — ударится в такую бешеную свободу, в такой литературный карбонаризм — что что́ твои немцы — а покамест поэзии во Франции менее, чем у нас.

81. А. И. ТУРГЕНЕВУ.

14 июля 1824 г. Из Одессы в Петербург.

Вы уж узнали, думаю, о просьбе моей в отставку; с нетерпеньем ожидаю решения своей участи и с надеждой поглядываю на ваш север. Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым; дело в том, что он начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением, я мог дождаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желания. Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое. Старичок Инзов сажал меня под арест всякий раз, как мне случалось побить молдавского боярина. Правда — но зато добрый мистик в то же время приходил меня навещать и беседовать со мною об гишпанской революции. Не знаю, Воронцов посадил ли бы меня под арест, но уж верно не пришел бы ко мне толковать о конституции Кортесов. Удаляюсь от зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой. Зная старую вашу привязанность к шалостям окаянной музы, я было хотел прислать вам несколько строф моего «Онегина», да лень. Не знаю, пустят ли этого бедного «Онегина» в небесное царствие печати; на всякий случай попробую. Последняя перемена министерства обрадовала бы меня вполне, если бы вы остались на прежнем своем месте. Это истинная потеря для нас, писателей; удаление Голицына едва ли может оную вознаградить. Простите, милый и почтенный! Это письмо будет вам доставлено княгиней Волконской, которую вы так любите и которая так любезна. Если вы давно не видались с ее дочерью, то вы изумитесь правоте и верности прелестной ее головы. Обнимаю всех, то есть весьма немногих — целую руку К. А. Карамзиной и княгине Голицыной constitutionnelle ou anti-constitutionnelle, mais toujours adorable comme la liberté.

14 juillet. А. П.

82. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

15 июля 1824 г. Из Одессы в Москву.

За что ты меня бранишь в письмах к своей жене? за отставку? т. е. за мою независимость? За что ты ко мне не пишешь? Приедешь ли к нам в полуденную пыль? Дай бог! но поладишь ли ты с здешними властями — это вопрос, на который отвечать мне не хочется, хоть и можно бы. Кюхельбекер едет сюда — жду его с нетерпением. Да и он ничего ко мне не пишет; что он не отвечает на мое письмо? Дал ли ты ему «Разбойников» для «Мнемозины»? — Я бы и из «Онегина» переслал бы что-нибудь, да нельзя: всё заклеймено печатью отвержения. Я было хотел сбыть с рук «Пленника», но плутня Ольдекопа мне помешала. Он перепечатал «Пленника», и я должен буду хлопотать о взыскании по законам. Прощай, моя радость. Благослови, преосвященный владыко Асмодей.

15 июля.

83. В. Л. ДАВЫДОВУ (?)

Июнь 1823 г.— июль 1824 г. Кишинев — Одесса.

(Черновое)

С удивлением слышу я, что ты почитаешь меня врагом освобождающейся Греции и поборником турецкого рабства. Видно, слова мои были тебе странно перетолкованы. Но что бы тебе ни говорили, ты не должен был верить, чтобы когда-нибудь сердце мое недоброжелательствовало благородным усилиям возрождающегося народа. Жалея, что принужден оправдываться перед тобою, повторю и здесь то, что случалось мне говорить касательно греков.

Люди по большой части самолюбивы, беспонятны, легкомысленны, невежественны, упрямы; старая истина, которую всё-таки не худо повторить. Они редко терпят противуречие, никогда не прощают неуважения; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяют всякую новость; и, к ней привыкнув, уже не могут с нею расстаться.[1]

Когда что-нибудь является общим мнением, то глупость общая вредит ему столь же, сколько единодушие ее поддерживает. Греки между европейцами имеют гораздо более вредных поборников, нежели благоразумных друзей. Ничто еще не было столь *народно,* как дело греков, хотя многие в их политическом отношении были важнее для Европы.

---

[1] *Этот абзац отчеркнут; по-видимому, Пушкин предполагал перенести его в другое место.*

84. В. Л. ДАВЫДОВУ (?)

Июнь 1823 г. — июль 1824 г. Кишинев — Одесса.

(Черновое) [1]

...de Constantinople — un tas de gueux timides, voleurs et vagabonds qui n'ont pu même soutenir le premier feu de la mauvaise mousqueterie turque, formerait une singulière troupe dans l'armée du Comte Vitgenstein. Quant à ce qui regarde les officiers, ils sont pires que les soldats. Nous avons vu ces nouveaux Léonidas dans les rues d'Odessa et de Kichinev — plusieurs nous sont personellement connus, nous certifions leur complète nullité — ils ont trouvé l'art d'être insipides, même au moment où leur conversation devait intéresser tout européen — aucune idée de l'art militaire, nul point d'honneur, nul enthousiasme — les français et les russes qui se trouvent ici leur marquent un mépris dont ils ne sont que trop dignes, ils supportent tout même les coups de bâton avec un sang-froid digne de Thémistocle. Je ne suis ni un barbare ni un apôtre de l'Alcoran, la cause de la Grèce m'intéresse vivement, c'est pour cela même que je m'indigne en voyant ces misérables revêtus de ministère sacré de défenseurs de la liberté.

85. И. С. ДЕСПОТУ-ЗЕНОВИЧУ.

8 августа 1824 г. В селе Колпине.

Александр Пушкин сердечно благодарит Игнатия Семеновича Зеновича за его заочное гостеприимство. Он оставляет его дом, искренно сожалея, что не имел счастия познакомиться с почтенным хозяином.

8 августа 1824.

86. А. Н. ВУЛЬФУ.

20 сентября 1824 г. Из Михайловского в Дерпт.

Здравствуй, Вульф, приятель мой!.. [2]

В самом деле, милый, жду тебя с отверстыми объятиями и с откупоренными бутылками. Уговори Языкова да отдай ему мое письмо; так как я под строгим присмотром, то если вам обоим заблагорассудится мне отвечать, пришли письма под двойным конвертом на имя сестры твоей Анны Николаевны.

До свиданья, мой милый.

А. П.

---

[1] *Верхний край письма оторван.*

[2] См. т. II, стр. 171.

87. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

8 или 10 октября 1824 г. Из Михайловского в Москву.

Мой милый, наконец ты подал голос — деловую записку твою получил исправно — вот тебе ответ. Ольдекоп украл и соврал; отец мой никакой сделки с ним не имел. Доверенность я бы тебе переслал; но погоди; гербовая бумага в городе, должно взять какое-то свидетельство в городе — а я в глухой деревне. Если можно без нее обойтись, то начни действия, единственный, деятельный друг! По письму дяди вижу, что княгиня Вера Федоровна к тебе приехала; ты ничем не достоин своей жены (разве стихами, да и тех уж не пишешь). Немедленно буду к ней писать; я всё хотел наверное знать место ее пребывания. En attendant mettez moi à ses pieds et dites lui qu'elle est une âme charmante. О моем житье-бытье ничего тебе не скажу — скучно, вот и всё.

Каков граф Воронцов?

Полугерой, полуневежда...[1]

Кстати о стихах: сегодня кончил я поэму «Цыганы». Не знаю, что об ней сказать. Она покамест мне опротивела, только что кончил и не успел обмыть запревшие - - - -. Посылаю тебе маленькое поминаньице за упокой души раба божия Байрона — я было и целую панихиду затеял, да скучно писать про себя — или, справляясь в уме с таблицей умножения, глупости Бирукова, разделенного на Красовского. Брат Лайон тебе кланяется. Пришли мне стихов, умираю скучно.

88. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Конец октября 1824 г. Из Михайловского в Петербург.

Не знаю, получил ли ты очень нужное письмо; на всякий случай повторю вкратце о деле, которое меня задирает заживо. 8-летняя Родоес Сафианос, дочь грека, падшего в Скулянской битве героя, воспитывается в Кишиневе у Катерины Христофоровны Крупенской, жены бывшего виц-губернатора Бессарабии. Нельзя ли сиротку приютить? она племянница русского полковника, следственно может отвечать за дворянку. Пошевели сердце Марии, поэт! и оправдаем провиденье. О себе говорить не намерен, я хладнокровно не могу всего этого раздумать; может быть, тебя рассержу, вывалив что у меня на сердце. Брат привезет тебе мои стихи, жду твоих, как утешения. Обнимаю тебя горячо, хоть и грустно. Введи меня в семейство Карамзина, скажи им, что я для них тот же. Обними из них кого можно; прочим — всю мою душу.—

---

[1] См. т. II, стр. 371.

89. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Конец октября 1824 г. Из Михайловского в Петербург.
(Черновое)

Ты издал дядю моего...[1]

Беспечно и радостно полагаюсь на тебя в отношении моего «Онегина»!— Созови мой Ареопаг, ты, Жуковский, Гнедич и Дельвиг — от вас ожидаю суда и с покорностью приму его решение.

Жалею, что нет между вами Баратынского, говорят, он пишет.

90. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.

Конец октября 1824 г. Из Михайловского
в Москву (или Остафьево)

(Черновое)

Belle, bonne Princesse Véra, âme charmante et généreuse! Je ne vous remercierai pas pour votre lettre, les paroles seraient trop froides et trop faibles pour vous exprimer mon attendrissement et ma reconnaissance... Votre douce amitié suffirait à toute âme moins égoïste que la mienne; tel que je suis, elle seule me consola de bien des chagrins et seule a pu calmer la rage de l'ennui qui consume ma sotte existence. Vous désirez la connaître, cette sotte existence: ce que j'avais prévu s'est trouvé vrai. Ma présence au milieu de ma famille n'a fait que redoubler des chagrins assez rudes. On m'a reproché mon exil; on se croit entraîné dans mon malheur, on prétend que je prêche l'athéisme à ma soeur qui est une créature céleste et à mon frère qui est très drôle et très jeune, qui admirait mes vers et que j'ennuie très certainement. Dieu seul sait, si je songe à lui? Mon père a eu la faiblesse d'accepter un emploi qui dans tous les cas le mit dans une fausse position à mon égard; cela fait que je passe à cheval et dans les champs tout le temps que je ne suis pas au lit. Tout ce qui me rappelle le mer m'attriste — le bruit d'une fontaine me fait mal à la lettre — je crois qu'un beau ciel me ferait pleurer de rage; но слава богу небо у нас сивое, а луна точная репка... A l'égard de mes voisins je n'ai eu que la peine de les rebuter d'abord; ils ne m'excèdent par — je jouis parme eux de la réputation *d'Onéguine* — et voilà, je suis prophète en mon pays. Soit. Pour toute ressource je vois souvent une bonne vieille voisine — j'écoute ses conversations patriarcales. Ses filles assez mauvaises sous tous les rapports me jouent du Rossini que j'ai fait venir. Je suis dans la meilleure position possible pour ache-

---

[1] См. т. II, стр. 204.

ver mon roman poétique, mais l'ennui est une froide Muse — et mon poème n'avance guère — voilà pourtant une strophe que je vous dois — montrez-la au *Prince Pierre.* Dites lui de ne pas juger du tout par cet échantillon.

Adieu, ma respectable Princesse, je suis à vos pieds bien tristement, ne montrez cette lettre qu'à ceux qui l'aime et qui prennent à moi l'intérêt de l'amitié et non de la curiosité. Au nom du ciel, un mot d'Odessa — de vos enfants! — avez-vous consulté le docteur de Mili? que fait-il — и что Мили?

91. Н. В. ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Конец октября 1824 г. Из Михайловского в Петербург.

(Черновое)

Не могу поверить, чтобы ты забыл меня, милый Всеволожский,— ты помнишь Пушкина, проведшего с тобою столько веселых часов,— Пушкина, которого ты видал и пьяного и влюбленного, не всегда верного твоим субботам, но неизменного твоего товарища в театре, наперсника твоих шалостей, того Пушкина, который отрезвил тебя в страстную пятницу и привел тебя под руку в церковь театральной дирекции, да помолишься господу богу и насмотришься на госпожу Овошникову. Сей самый Пушкин честь имеет напомнить тебе ныне о своем существовании и приступает к некоторому делу, близко до него касающемуся... Помнишь ли, что я тебе полупродал, полупроиграл рукопись моих стихотворений? Ибо знаешь: игра несчастливая родит задор. Я раскаялся, но поздно — ныне решился я исправить свои погрешности, начиная с моих стихов; большая часть оных ниже посредственности и годится только на совершенное уничтожение, некоторых хочется мне спасти. Всеволожский милый, царь не дает мне свободы! продай мне назад мою рукопись,— за ту же цену 1000 (я знаю, что ты со мной спорить не станешь; даром же взять не захочу). Деньги тебе доставлю с благодарностью, как скоро выручу — надеюсь, что мои стихи у Слёнина не залежатся. Передумай и дай ответ. Обнимаю тебя, моя радость, обнимаю и крошку Всеволодчика. Когда-то свидимся... когда-то...

92. Б. А. АДЕРКАСУ.

Конец октября (31?) 1824 г. Из Михайловского во Псков.

(Отрывок)

Милостивый государь Борис Антонович,

Государь император высочайше соизволил меня послать в поместье моих родителей, думая тем облегчить их горесть и участь сына. Неважные обвинения правительства сильно подействовали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нежной любви его к прочим детям. Решился для его спокойствия и своего собственного просить его императорское величество, да соизволит меня перевести в одну из своих крепостей. Ожидаю сей последней милости от ходатайства вашего превосходительства.

93. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

31 октября 1824 г. Из Михайловского и Тригорского в Петербург.

Милый, прибегаю к тебе. Посуди о моем положении. Приехав сюда, был я всеми встречен как нельзя лучше, но скоро всё переменилось: отец, испуганный моей ссылкою, беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь; Пещуров, назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче — быть моим шпионом; вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мне с ним объясниться; я решился молчать. Отец начал упрекать брата в том, что я преподаю ему безбожие. Я всё молчал. Получают бумагу, до меня касающуюся. Наконец, желая вывести себя из тягостного положения, прихожу к отцу, прошу его позволения объясниться откровенно... Отец осердился. Я поклонился, сел верхом и уехал. Отец призывает брата и повелевает ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé (Жуковский, думай о моем положении и суди). Голова моя закипела. Иду к отцу, нахожу его с матерью и высказываю всё, что имел на сердце целых три месяца. Кончаю тем, что говорю ему в последний раз. Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я *его бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить...* Перед тобою не оправдываюсь. Но чего же он хочет для меня с уголовным своим обвинением? рудников сибирских и лишения чести? спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем. Не говорю тебе о том, что терпят за меня брат и сестра — еще раз спаси меня.

31 окт. А. П.

Поспеши: обвинение отца известно всему дому. Никто не верит, но все его повторяют. Соседи знают. Я с ними нэ хочу объясняться — дойдет до правительства, посуди, что будет. Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нет. Я hors la loi.

P. S. Надобно тебе знать, что я уже писал бумагу губернатору, в которой прошу его о крепости, умалчивая о причинах. П. А. Осипова, у которой пишу тебе эти строки, уговорила меня сделать тебе и эту доверенность. Признаюсь, мне немного на себя досадно, да, душа моя,— голова кругом идет.

94. Л. С. ПУШКИНУ.

1—10 ноября 1824 г. Из Тригорского в Петербург.

Дела мои всё в том же порядке, я в Михайловском редко, Annette очень смешна; сестра расскажет тебе мои нэвые фарсы. Все там о тебе сожалеют, я ревную и браню тебя — скука смертная везде.

Скажи от меня Жуковскому, чтоб он помолчал о происшествиях ему известных. Я решительно не хочу выносить сору из Михайловской избы — и ты, душа, держи язык на привязи.

Видел ты всех святых? Шумит ли Питер? что твой приезд и что «Онегин»?

NB. Пришли мне: 1) Oeuvres le Lebrun, odes, élégles etc.— найдешь у St. Florent. 2) Серные спички. 3) Карты, т. е. картежные (об этом скажи Михайле; пусть он их и держит и продает). 3) «Жизнь Емельки Пугачева». 4) «Путешествие по Тавриде» Муравьева. 5) Горчицы и сыру; но это ты и сам мне привезешь. Что наши литературные паны и что сволочь?

Я тружусь во славу Корана и написал еще кое-что — лень прислать.

Прощай, отвыкни со временем от Нащокина, от Сабурова, от вина и от Воейковой — а то будешь un freluquet, что гораздо хуже, чем Myrtil и godelureau dissolu.

Языков будет в Дерпт не прежде января.

Всем поклон — пиши же живее.

95. Л. С. ПУШКИНУ.

1—10 ноября 1824 г. Из Михайловского в Петербург.

Брат, вот тебе картинка для «Онегина» — найди искусный и быстрый карандаш.

Если и будет другая, так чтоб всё в том же *местоположении*. Та же сцена, слышишь ли? Это мне нужно непременно.

Да пришли мне калоши — с Михайлом.

Под рисунком

1 хорош — 2 должен быть *опершися на гранит,* 3 лодка, 4 крепость, Петропавловская.

96. Л. С. ПУШКИНУ.

Первая половина ноября 1824 г. Из Михайловского в Петербург.

Брат, ты мне пришлешь немецкую критику «Кавказского пленника»? (спросить у Греча) да книг, ради бога книг. Если гг. издатели не захотят удостоить меня присылкою своих альманаков, то скажи Слёнину, чтоб он мне их препроводил, в том числе и «Талию» Булгарина. Кстати о талии: на днях я мерялся поясом с Евпраксией, и тальи наши нашлись одинаковы. След. из двух одно: или я имею талью 15-летней девушки, или она талью 25-летнего мужчины. Евпраксия дуется и очень мила, с Анеткою бранюсь; надоела! Еще комиссии: пришли мне рукописную мою книгу да портрет Чаадаева, да *перстень* — мне грустно без него; рискни — с Михайлом. Надеюсь, что разбойники тебя не ограбили. NB. Как можно ездить без оружия! Это и в Азии не делается.

Что «Онегин»? перемени стих *Звонок раздался,* поставь: Швейцара мимо он стрелой. В «Разговоре» после *Искал вниманье красоты* нужно непременно:

Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви,
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои.

Не забудь *Фон-Визина* писать Фонвизин. Что он за нехрист? он русский, из перерусских русский. Здесь слышно, будто губернатор приглашает меня во Псков. Если не получу особенного *повеления,* верно я не тронусь с места. Разве выгонят меня отец и мать. Впрочем, я всего ожидаю. Однако поговори, заступник мой, с Жуковским и с Карамзиным. Я не прошу от правительства полумилостей; это было бы полумера, и самая жалкая. Пусть оставят меня так, пока царь не решит моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надеялся на перемену судьбы моей, но со мной он поступил не только строго, но и несправедливо. Не надеясь на его снисхождение, надеюсь на справедливость его. Как бы то ни было, не желаю быть в Петербурге, и верно нога моя дома уж не будет. Сестру целую очень. Друзей моих также — тебя в особенности. Стихов, стихов, стихов! Conversations de Byron! Walter Scott! это пища души. Знаешь

мои занятия? до обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! Ах! боже мой, чуть не забыл! вот тебе задача: историческое, сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории.

Прощай, моя радость. Что ж чухонка Баратынского? я жду.

97. И. М. РОКОТОВУ.

Середина августа — середина ноября 1824 г.
Из Михайловского в Стехнево.

Monsieur, je me serais fait un devoir de vous envoyer ma calèche, mais pour le moment je n'ai pas de chevaux à ma disposition. Si vous voulez bien l'envoyer chercher, elle est à vos odres. Si Monsieur votre frère me faisait l'honneur de passer chez moi, j'aurais été enchanté de le recevoir et de renouveler une connaissance aussi aimable.

Quant à ce qui regarde la prix, j'aurais voulu la vendre, comme j'ai eu l'honneur de vous le dire, pour 1500.

Au reste je m'en rapporterai absolument à la décision de Monsieur votre frère.

Agréez les assurances du respect le plus profond et de la considération la plus parfaite.— Monsieur, votre très humble et obéissant serviteur

Mercredi. Alexandre Pouchkine.

P. S. Mon père vous présente ses respects. Il espère la prochaine fois avoir la double satisfaction de recevoir à Михайловское vous et Monsieur votre frère.

98. Л. С. ПУШКИНУ.

Начало 20-х чисел ноября 1824 г. Из Михайловского
в Петербург.

Скажи моему гению-хранителю, моему Жуковскому, что, слава богу, всё кончено. Письмо мое к Адеркасу у меня, наши, думаю, доехали, а я жив и здоров. Что это у вас? потоп! ничто проклятому Петербургу! voilà une belle occasion à vos dames de faire bidet. Жаль мне «Цветов» Дельвига; да надолго ли это его задержит в тине петербургской? Что погреба? признаюсь, и по них сердце болит. Не найдется ли между вами Ноя, для насажде-

ния винограда? На святой Руси не штука ходить нагишом, а хамы смеются. Впрочем, это всё вздор. А вот важное: тётка умерла! Еду завтра в Святые горы и велю отпеть молебен или панихиду, смотря по тому, что дешевле. Думаю, что наши отправятся в Москву; добрый путь! Печатай, печатай «Онегина» и с «Разговором». Обними Плетнева и Гнедича; обоим буду писать на будущей почте. Вот тебе: Анна Николаевна на тебя сердита. Рокотов пересказал Прасковье Александровне твои письма в *Лубны* и к матери. Опять сплетни! и ты хорош. Всё-таки она приказала тебя, *пустельгу,* расцеловать. Евпраксея уморительно смешна, я предлагаю ей завести с тобою философическую переписку. Она всё завидует сестре, что та пишет и получает письма. Отправь с Михайлом всё, что уцелело от Александрийского пожара, да книги, о которых упоминаю в письме с сестрой. Библию, Библию! и французскую непременно. Образ жизни моей всё тот же, стихов не пишу, продолжаю свои «Записки» да читаю «Клариссу», мочи нет какая скучная дура! Жду твоих писем, что Всеволожский, что моя рукопись, что письмо мое к княгине Вере Федоровне? Будет ли картинка у «Онегина»? что делают Полярные господа? что Кюхля? Прощай, душа моя, будь здоров и не напейся пьян, как тот — после своего потопа. NB. Я очень рад этому потопу, потому что зол. У вас будет голод, слышишь ли? Торопи Дельвига, присылай мне чухонку Баратынского, не то прокляну тебя. Скажи сестре, что я получил письмо к ней от милой кузины графини Ивелич и распечатал, полагая, что оно столько же ответ мне, как и ей: объявление о потопе, о Колосовой, ум, любезность и всё тут. Поцелуй ее за меня, т. е. сестру Ольгу,— а графине Екатерине дружеское рукожатие. Скажи Сабурову, чтоб он не дурачился, усовести его. Пиши же ко мне.

Ах, милый, богатая мысль! распечатал нарочно. Верно есть *бочки* per fas et nefas, продающиеся в Петербурге,— купи, что можно будет, подешевле и получше. Этот потоп — оказия.

99. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

29 ноября 1824 г. Из Михайловского в Петербург.

Мне жаль, милый, почтенный друг, что наделал эту всю тревогу; но что мне было делать? я сослан за строчку глупого письма, что́ было бы, если правительство узнало бы обвинение отца? это пахнет палачом и каторгою. Отец говорил после: *Экой дурак, в чем оправдывается! да он бы еще осмелился меня бить! да я бы связать его велел!*— зачем же обвинять было сына в злодействе несбыточном? *да как он осмелился, говоря с отцом, непристойно размахивать руками?* Это дело десятое. *Да он убил отца словами!*— каламбур и только. Воля твоя, тут и поэзия не поможет.

Что ж, милый? будет ли что-нибудь для моей маленькой гречанки? она в жалком состоянии, а будущее для нее и того жалчее. Дочь героя, Жуковский! Они родня поэтам по поэзии. Но полумилорд Воронцов даже не полугерой. Мне жаль, что он бессмертен твоими стихами, а делать нечего. Получил я вчера письмо от Вяземского, уморительно смешное. Как мог он на Руси сохранить свою веселость?

Ты увидишь Карамзиных — тебя да их люблю страстно. Скажи им от меня что хочешь.

29 ноября.

100. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

29 ноября 1824 г. Из Михайловского в Москву.

Ольдекоп, мать его в рифму; надоел! плюнем на него и квит. Предложение твое касательно моих элегий несбыточно и вот почему: в 1820 г. переписал я свое вранье и намерен был издать его по подписке; напечатал билеты и роздал около сорока. Я проиграл потом рукопись мою Никите Всеволожскому (разумеется, с известным условием). Между тем принужден был бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошел по рукам — и доныне правоверные ожидают его. Теперь поручил я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступим к изданию элегий, посланий и смеси. Должно будет объявить в газетах, что так как розданные билеты могли затеряться по причине долговременной остановки издания, то довольно будет, для получения экземпляра, одного имени с адресом, ибо (солжем на всякий страх) имена всех г.г. подписавшихся находятся у Издателя. Если понесу убыток и потеряю несколько экземпляров, пенять не на кого, сам виноват (это остается *между нами).* Брат увез «Онегина» в Петербург и там его напечатает. Не сердись, милый; чувствую, что в тебе теряю вернейшего попечителя, но в нынешние обстоятельства всякий другой мой издатель невольно привлечет на себя внимание и неудовольствия. Дивлюсь, как письмо Тани очутилось у тебя. NB. Истолкуй это мне. Отвечаю на твою критику: *Нелюдим* не есть мизантроп, т. е. ненавидящий людей, а убегающий от людей. Онегин нелюдим для деревенских соседей; Таня полагает причиной тому то, что *в глуши, в деревне всё ему скучно* и что *блеск* один может привлечь его... если, впрочем, смысл и не совсем точен, то тем более истины в письме; письмо женщины, к тому же 17-летней, к тому же влюбленной! Что ж, душа моя, твоя проза о Байроне? я жду, не дождусь. Смерть моей тетки frétillon не внушила ли какого-нибудь перевода Василию Львовичу? нет ли хоть эпитафии?

Пиши мне: Ее высокородию Парасковье Александровне Осиповой, в Опочку, в село Тригорское, для дост. А. С. и всё тут, да

найди для конверта ручку почетче твоей. Прощай, добрый слышатель; отвечай же мне на мое полуслово. Княгине Вере я писал; получила ли она письмо мое? Не кланяюсь, а поклоняюсь ей.

29 ноября.

Знаешь ли ты мою «Телегу жизни»?

Хоть тяжело подчас в ней бремя...[1]

Можно напечатать, пропустив русский титул...

101. Л. С. ПУШКИНУ и О. С. ПУШКИНОЙ.

4 декабря 1824 г. Из Михайловского в Петербург.

Не стыдно ли Кюхле напечатать ошибочно моего «Демона»! моего «Демона»! после этого он и «Верую» напечатает ошибочно. Не давать ему за то ни «Моря», ни капли стихов от меня.

N3. г. Издатель «Онегина»,

Стихи для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть.

Понимаете? да нельзя ли еще под «Разговором» поставить число *1823 год?* Стих: Вся жизнь одна ли, две ли ночи — надобно бы выкинуть, да жаль — хорош. Жаль еще, что Поэт не побранил потомства в присутствии своего Книгопродавца. Mes arrière-neveux me devraient cet ombrage. С журналистами делай что угодно, дарю тебе мои мелочи на пряники; продавай или дари, что упомнишь, а переписывать мочи нет. Михайло привез мне всё благополучно, а Библии нет. Библия для христианина то же, что история для народа. Этой фразой (наоборот) начиналось прежде предисловие «Истории» Карамзина. При мне он ее и переменил.— Закрытие феатра и запрещение балов — мера благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно, народ не участвует в увеселениях высшего класса, но во время общественного бедствия не должно дразнить его обидной роскошью. Лавочники, видя освещение бель-этажа, могли бы разбить зеркальные окна, и был бы убыток. Ты видишь, что я беспристрастен. Желал бы я похвалить и прочие меры правительства, да газеты говорят об одном розданном миллионе. Велико дело миллион, но соль, но хлеб, но овес, но вино? об этом зимою не грех бы подумать хоть в одиночку, хоть комитетом. Этот потоп с ума мне нейдет, он вовсе не так забавен, как с первого взгляда кажется. Если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай из Онегин-

---

[1] См. т. II, стр. 148.

ских денег. Но прошу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного. Ничуть не забавно стоять в «Инвалиде» наряду с идиллическим коллежским асессором Панаевым. Пришли же мне «Эду» Баратынскую. Ах он чухонец! да если она милее моей Черкешенки, так я повешусь у двух сосен и с ним никогда знаться не буду.

4 дек.

Милая Оля, благодарю за письмо, ты очень мила, и я тебя очень люблю, хоть этому ты и не веришь. Si ce que vous dites concernant le testament d'Анна Львовна est vrai, c'est très joli de sa part. Au vrai j'ai toujours aimé ma pauvre tante, et je suis fâché que Chalikof ait pissé sur son tombeau. Няня исполнила твою комиссию, ездила в Святые горы и отправила панихиду или что было нужно. Она целует тебя, я также. Твои троегорские приятельницы несносные дуры, кроме матери. Я у них редко. Сижу дома да жду зимы.

Лев! сожги письмо мое.

Кланяйся Василию Васильевичу Энгельгардту и Гнедичу, и Плетневу, и Онегину, и Слёнину. Присылай мне «Старину»: это приятная новость. Торопи Дельвига; надеюсь, что не претерпел он убытку. Что Козлов слепой? ты читал ему «Онегина»?

102. А. Г. РОДЗЯНКЕ.

8 декабря 1824 г. Из Михайловского в Лубны.

Милый Родзянко, твой поклон меня обрадовал; не решишься ли ты, так как ты обо мне вспомнил, написать мне несколько строчек? Они бы утешили мое одиночество.

Объясни мне, милый, что такое А. П. Керн, которая написала много нежностей обо мне своей кузине? Говорят, она премиленькая вещь — но *славны Лубны за горами*. На всякий случай, зная твою влюбчивость и *необыкновенные таланты* во всех отношениях, полагаю дело твое сделанным или полусделанным. Поздравляю тебя, мой милый: напиши на это всё элегию или хоть эпиграмму.

Полно врать. Поговорим о поэзии, т. е. о твоей. Что твоя романтическая поэма «Чуп»? Злодей! не мешай мне в моем ремесле — пиши сатиры хоть на меня, не перебивай мне мою романтическую лавочку. Кстати: Баратынский написал поэму (не прогневайся — про *Чухонку)*, и эта чухонка, говорят, чудо как мила.— А я про *Цыганку;* каков? подавай же нам скорее свою *Чупку* —

ай да Парнас! ай да героини! ай да честна́я компания! Воображаю, Аполлон, смотря на них, закричит: зачем ведете мне не ту? А какую ж тебе надобно, проклятый Феб? гречанку? итальянку? чем их хуже чухонка или цыганка. - - - - - т. е. оживи лучом вдохновения и славы.

Если Анна Петровна так же мила, как сказывают, то верно она моего мнения: справься с нею об этом. Поклон Порфирию и всем моим старым приятелям.

Прости, украинский мудрец...[1]

8 дек.

103. Д. М. ШВАРЦУ.

Около 9 декабря 1824 г. Из Михайловского в Одессу.

(Черновое)

Буря, кажется, успокоилась, осмеливаюсь выглянуть из моего гнезда и подать вам голос, милый Дмитрий Максимович. Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревне — скучно, да нечего делать; здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни итальянской оперы. Но зато нет — ни саранчи, ни милордов Уоронцовых. Уединение мое совершенно — праздность торжественна. Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством, и то вижу его довольно редко — целый день верхом — вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, раз ее видели, она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно. Об Одессе ни слуху ни духу. Сердце вести просит — долго не смел затеять переписку с оставленными товарищами — долго крепился, но не утерпел. Ради бога! слово живое об Одессе — скажите мне, что у вас делается — скажите, во-первых, выздоровела ли маленькая графиня Гурьева, я сердечно желаю всего счастья, почт. и благ.

104. Л. С. ПУШКИНУ.

Около (не позднее) 20 декабря 1824 г.
Из Михайловского в Петербург.

Вульф здесь, я ему ничего еще не говорил, но жду тебя — приезжай хоть с Прасковьей Александровной, хоть с Дельвигом; переговориться нужно непременно.

---

[1] См. т. II, стр. 215.

С Рокотовым я писал к тебе — получи это письмо непременно. Тут я по глупости лет прислал тебе святочную песенку. Ветреный юноша Рокотов может письмо затерять — а ничуть не забавно мне попасть в крепость *pour des chansons*.

Христом и богом прошу скорее вытащить «Онегина» из-под цензуры — слава... ее ... — деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи — режь, рви, кромсай хоть все 54 строфы, но денег, ради бога, денег!—

У меня с Тригорскими завязалось дело презабавное — некогда тебе рассказывать, а уморительно смешно. Благодарю тебя за книги, да пришли же мне всевозможные календари, кроме Придворного и Академического. Кстати — начало речи старика Шишкова меня тронуло, да конец подгадил всё. Что ныне цензура? Напиши мне нечто о

Карамзине, ой, ых.
Жуковском
Тургеневе А.
Северине
Рылееве и Бестужеве

И вообще о толках публики. Насели ли на Воронцова? Царь, говорят, бесится — за что бы, кажется, да люди таковы!—

Пришли мне бумаги почтовой и простой, если вина, так и сыру, не забудь и (говоря по-делилевски) витую сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки — т. е. штопер.

Мне дьявольски не нравятся петербургские толки о моем побеге. Зачем мне бежать? Здесь так хорошо! Когда ты будешь у меня, то станем трактовать *о банкире, о переписке, о месте пребывания Чаадаева*. Вот пункты, о которых можешь уже осведомиться.

Кто думает ко мне заехать? Избави меня

От усыпителя глупца,
От пробудителя нахала!—

впрочем, всех милости просим. С посланным посылай, что задумаешь —addio.

Получил ли ты письмо мое о Потопе, где я говорю тебе voilà une belle occasion pour nos dames de faire bidet?

NB. NB. Хотел послать тебе стихов, да лень.

105. Л. С. ПУШКИНУ.

20—23 декабря 1824 г. Из Михайловского в Петербург.

Брат! здравствуй — писал тебе на днях; с тебя довольно. Поздравляю тебя с рожеством господа нашего и прошу поторопить Дельвига. Пришли мне «Цветов» да «Эду» да поезжай к Энгель-

гардтову обеду. Кланяйся господину Жуковскому. Заезжай к Пущину и Малиновскому. Поцелуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина.

Да пришли мне кольцо, мой Лайон.

105а. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.

11 января 1825 (?). Из Михайловского в Москву.

Divine Princesse, je vous salue de tout mon coeur. De tout mon coeur, Princesse divine, je vous salue. Princesse, je vous salue, divine de mon coeur etc.

1825

106. К. Ф. РЫЛЕЕВУ.

25 января 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Благодарю тебя за *ты* и за письмо. Пущин привезет тебе отрывок из моих «Цыганов». Желаю, чтоб они тебе понравились. Жду «Полярной звезды» с нетерпеньем, знаешь для чего? для «Войнаровского». Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бестужев пишет мне много об «Онегине» — скажи ему, что он неправ: ужели хочет он изгнать всё легкое и веселое из области поэзии? куда же денутся сатиры и комедии? следственно, должно будет уничтожить и «Orlando furioso», и «Гудибраса», и «Pucelle», и «Вер-Вера», и «Ренике-фукс», и лучшую часть «Душеньки», и сказки Лафонтена, и басни Крылова etc. etc. etc. etc. etc... Это немного строго. Картины светской жизни также входят в область поэзии, но довольно об «Онегине».

Согласен с Бестужевым во мнении о критической статье Плетнева — но не совсем соглашаюсь с строгим приговором о Жуковском. Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? потому что зубки прорезались? Что ни говори, Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности; к тому же переводный слог его останется всегда образцовым. Ох! уж эта мне республика словесности. За что казнит, за что венчает? Что касается до Батюшкова, уважим в нем несчастия и не созревшие надежды. Прощай, поэт.

25 янв.

107. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

25 января 1825 г. Из Михайловского в Москву.

Что ты замолк? получил ли ты от меня письмо, где говорил я тебе об Ольдекопе, о собрании моих элегий, о Татьяне etc. В «Цветах» встретил я тебя и чуть не задохся со смеху, прочитав твою «Черту местности». Это маленькая прелесть. «Чистосердечный ответ» растянут: рифмы *слёзы, розы* завели тебя. Краткость одно из достоинств сказки эпиграмматической. *Сквозь кашель и*

сквозь слёзы очень забавно, но вся мужнина речь до *за гробом ревность мучит* растянута и натянута. *Еще мучительней вдвойне* едва ли не плеоназм. Вот тебе критика длиннее твоей пиесы — да ты один можешь ввести и усовершенствовать этот род стихотворения. Руссо в нем образец, и его похабные эпиграммы стократ выше од и гимнов.— Прочел я в «Инвалиде» объявление о «Телеграфе». Что там моего? «Море» или «Телега»? Что мой Кюхля, за которого я стражду, но всё люблю? говорят, его обстоятельства не хороши — чем не хороши? Жду к себе на днях брата и Дельвига — покамест я один-одинешенек; живу недорослем, валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни. Стихи не лезут. Я, кажется, писал тебе, что мои «Цыганы» никуда не годятся: не верь — я соврал — ты будешь ими очень доволен. «Онегин» печатается; брат и Плетнев смотрят за изданием; не ожидал я, чтоб он протерся сквозь цензуру — честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое «Второе послание цензору»? там между прочим

Обдумав наконец намеренья благие...[1]

Так Арзамасец говорит ныне о деде Шишкове, tempora altri! вот почему я не решился по твоему совету к нему прибегнуть в деле своем с Ольдекопом. В подлостях нужно некоторое благородство. Я же подличал благонамеренно — имея в виду пользу нашей словесности и усмиренье кичливого Красовского. Прощай, кланяйся княгине — детей поцелуй. Не правда ли, что письмо мое напоминает *le faire* Василья Львовича? Вот тебе и стишки в его же духе.

Приятелям

Враги мои, покамест я ни слова...[2]

Напечатай где-нибудь.
25 янв.

Как ты находишь статью, что написал наш Плетнев? экая ералашь! Ты спишь, Брут! Да скажи мне, кто у вас из Москвы так горячо вступился за немцев против Бестужева (которого я не читал). Хочешь еще эпиграмму?

Наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах...[3]

Не выдавай меня, милый; не показывай этого никому: *Фита* бо друг сердца моего, муж благ, незлобив, удаляйся от всякия скверны.

---

[1] См. т. II, стр. 198.
[2] См. т. II, стр. 221.
[3] См. т. II, стр. 270.

108. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

28 января 1825 г. Из Тригорского в Москву.

Пущин привезет тебе 600 рублей. Отдай их княгине Вере Федоровне и с моей благодарностию. Савелов большой подлец. Посылаю при сем к нему дружеское письмо. Перешли его (в конверте) в Одессу *по оказии,* а то по почте он скажет: не получил. Охотно извиняю и понимаю его

Но умный человек не может быть не плутом!

A propos. Читал я Чацкого — много ума и смешного в стихах, но во всей комедии ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкий совсем не умный человек — но Грибоедов очень умен. Пришлите же мне ваш «Телеграф». Напечатан ли там Хвостов? что за прелесть его послание! достойно лучших его времен. А то он было сделался посредственным, как Василий Львович, Иванчин-Писарев — и проч. Каков Филимонов в своем Инвалидном объявлении. Милый, теперь одни глупости могут еще развлечь и рассмешить меня. Слава же Филимонову!

Пишу тебе в гостях с разбитой рукой — упал на льду не с лошади, а с лошадью: большая разница для моего наездническского честолюбия.

28 янв.

109. А. А. БЕСТУЖЕВУ.

Конец января 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Рылеев доставит тебе моих «Цыганов». Пожури моего брата за то, что он не сдержал своего слова — я не хотел, чтоб эта поэма известна была прежде времени — теперь нечего делать — принужден ее напечатать, пока не растаскают ее по клочкам.

Слушал Чацкого, но только один раз, и не с тем вниманием, коего он достоин. Вот что мельком успел я заметить:

Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным. Следственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова. Цель его — характеры и резкая картина нравов. В этом отношении Фамусов и Скалозуб превосходны. Софья начертана не ясно: не то - - - - -, не то московская кузина. Молчалин не довольно резко подл; не нужно ли было сделать из него и труса? старая пружина, но штатский трус в большом свете между Чацким и Скалозубом мог быть очень забавен. Les propos de bal, сплетни, рассказ Репетилова о клобе, Загорецкий, всеми отъявленный и везде принятый,— вот черты истинно комического гения.— Теперь вопрос.

В комедии «Горе от ума» кто умное действующее лицо? ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, проведший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями. Всё, что говорит он, очень умно. Но кому говорит он всё это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловыми и тому под.* Кстати что такое Репетилов? в нем 2, 3, 10 характеров. Зачем делать его гадким? довольно, что он ветрен и глуп с таким простодушием; довольно, чтоб он признавался поминутно в своей глупости, а не мерзостях. Это смирение черезвычайно ново на театре, хоть кому из нас не случалось *конфузиться*, слушая ему подобных кающихся?— Между мастерскими чертами этой прелестной комедии — недоверчивость Чацкого в любви Софии к Молчалину прелестна!— и как натурально! Вот на чем должна была вертеться вся комедия, но Грибоедов видно не захотел — его воля. О стихах я не говорю: половина — должны войти в пословицу.

Покажи это Грибоедову. Может быть, я в ином ошибся. Слушая его комедию, я не критиковал, а наслаждался. Эти замечания пришли мне в голову после, когда уже не мог я справиться. По крайней мере говорю прямо, без обиняков, как истинному таланту.

Тебе, кажется, «Олег» не нравится; напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического. Лист кругом; на сей раз полно.

Я не получил «Литературных листков» Булгарина, тот №, где твоя критика на Бауринга. Вели прислать.

110. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Конец (после 28) января 1825 г. Из Михайловского в Москву.

Некогда мне писать княгине — благодари ее за попечение, за укоризны, даже за советы, ибо всё носит отпечаток ее дружбы, для меня драгоценной.— Ты конечно прав; более чем когда-нибудь обязан я уважать себя — унизиться перед правительством была бы глупость — довольно ему одного Граббе.

---

* Cleon Грессетов не умничает с Жеронтом, ни с Хлоей.

Я писал тебе на днях — и послал некоторые стихи. Ты мне пишешь: пришли мне *все стихи.* Легко сказать! Пущин привезет тебе отрывки из «Цыганов»— заветных покамест нет.

111. Л. С. ПУШКИНУ.

Конец января — первая половина февраля 1825 г.
Из Михайловского в Петербург.

Я с тобою не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинам: 1) потому что это было бы напрасно... «Цыганов», нечего делать, перепишу и пришлю к вам, а вы их тисните. Твои опасенья насчет приезда ко мне вовсе несправедливы. Я не в Шлиссельбурге, а при физической возможности свидания лишить оного двух братьев была бы жестокость без цели, следственно вовсе не в духе нашего времени, ни... —

Жду шума от «Онегина»; покамест мне довольно скучно: ты мне не присылаешь Conversations de Byron, добро! но, милый мой, если только возможно, отыщи, купи, выпроси, укради «Записки» Фуше и давай мне их сюда; за них отдал бы я всего Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouché! Он по мне очаровательнее Байрона. Эти записки должны быть сто раз поучительнее, занимательнее, ярче записок Наполеона, т. е. как политика, потому что в войне я ни черта не понимаю. На своей скале (прости боже мое согрешение!) Наполеон поглупел — во-первых, лжет как ребенок,* 2) судит о таком-то не как Наполеон, а как парижский памфлетер, какой-нибудь Прадт или Гизо. Мне что-то очень, очень кажется, что Bertrand и Monthaulon подкуплены! тем более, что самых важных сведений именно и не находится. Читал ты записки Napoléon? Если нет, так прочти: это, между прочим, прекрасный роман, mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille.

Довольно о вздоре, поговорим о важном. *Мой* Коншин написал, ей-богу, миленькую пьесу «Девушка влюбленному поэту»— кроме *автора́ми.* А куда он Ковшин! его «Элегия» в «Цветах» какова? Твое суждение о комедии Грибоедова слишком строго. Бестужеву писал я об ней подробно; он покажет тебе письмо мое. По журналам вижу необыкновенное брожение мыслей; это предвещает перемену министерства на Парнасе. Я министр иностранных дел, и кажется, дело до меня не касается. Если «Палей» пойдет, как начал, Рылеев будет министром.— Плетнев неосторожным усердием повредил Баратынскому; но «Эда» всё поправит. Что Баратынский?.. И скоро ль, долго ль?.. как узнать? Где вестник искупленья? Бедный Баратынский, как об нем подумаешь, так поневоле постыдишься унывать. Прощай, стихов новых нет — пишу «Записки», но и презренная проза мне надоела.

---

* Т. е. заметно.

Приехал граф Воронцов? узнай и отпиши мне, как отозвался он обо мне в свете — а о другом мне и знать не нужно.

Присоветуй Рылееву в новой его поэме поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его арапская рожа произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы.

112. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

19 февраля 1825 г. Из Михайловского в Москву.

Скажи от меня Муханову, что ему грех шутить со мною шутки журнальные. Он без спросу взял у меня начало «Цыганов» и распустил его по свету. Варвар! ведь это кровь моя, ведь это деньги! теперь я должен и «Цыганов» распечатать, а вовсе не вовремя.

«Онегин» напечатан, думаю, уже выступил в свет. Ты увидишь в «Разговоре Поэта и Книгопродавца» мадригал князю Шаликову. Он милый поэт, человек достойный уважения, и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна. Он именно поэт прекрасного пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement.

Что же «Телеграф» обетованный? Ты в самом деле напечатал «Телегу», проказник? Прочие журналы все получаю — и более чем когда-нибудь чувствую необходимость какой-нибудь Edinburgh review. Да вот те Христос: литература мне надоела — прозы твоей брюхом хочу. Что издание Фонвизина?

19 февр.

Кланяюсь княгине и целую руки, хоть это из моды вышло.

113. Н. И. ГНЕДИЧУ.

23 февраля 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Кажется, Вам обязан «Онегин» покровительством Шишкова и счастливым избавлением от Бирукова. Вижу, что дружба Ваша не изменилась, и это меня утешает.

Нынешние мои обстоятельства не позволяют мне и желать Ваших писем. Но жду стихов Ваших, хоть печатных, хоть рукописных. Песни греческие прелесть и tour de force. Об остроумном предисловии можно бы потолковать? Сходство песенной поэзии обоих народов явно — но причины?.. Брат говорил мне о скором совершении Вашего Гомера. Это будет первый классический, европейский подвиг в нашем отечестве (чёрт возьми это отече-

ство). Но, отдохнув после «Илиады», что предпримете Вы в полном цвете гения, возмужав во храме Гомеровом, как Ахилл в вертепе Кентавра? Я жду от Вас эпической поэмы. *Тень Святослава скитается не воспетая*, писали Вы мне когда-то. А Владимир? а Мстислав? а Донской? а Ермак? а Пожарский? История народа принадлежит поэту.

Когда Ваш корабль, нагруженный сокровищами Греции, входит в пристань при ожиданье толпы, стыжусь Вам говорить о моей мелочной лавке № 1.— Много у меня начато, ничего не кончено. Сижу у моря, жду перемены погоды. Ничего не пишу, а читаю мало, потому что Вы мало печатаете.

23 февр., день объявления греческого бунта Александром Ипсиланти.

114. Л. С. ПУШКИНУ.

Конец февраля 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Получил, мой милый, милое письмо твое. Дельвига с нетерпением ожидаю. Жалею о строгих мерах, принятых в твоем отношении. Читал объявление об «Онегине» в «Пчеле»: жду шума. Если издание раскупится — то приступи тотчас к изданию другому или условься с каким-нибудь книгопродавцем. Отпиши о впечатлении, им призведенном. У меня произошла перемена в министерстве: Розу Григорьевну я принужден был выгнать за непристойное поведение и слова, которых не должен я был вынести. А то бы она уморила няню, которая начала от нее худеть. Я велел Розе подать мне счеты. Она показала мне, что за два года (1823 и 4) ей ничего не платили (?). И считает по 200 руб. на год, итого 400 рублей.— По моему счету ей следует 100 р. Наличных денег у ней 300 р. Из оных 100 выдам ей, а 200 перешлю в Петербург. Узнай и отпиши обстоятельно, сколько именно положено ей благостыни и заплачено ли что-нибудь в эти два года. Я нарядил комитет, составленный из Василья, Архипа и старосты. Велел перемерить хлеб и открыл некоторые злоупотребления, т. е. несколько утаенных четвертей. Впрочем, она мерзавка и воровка. Покамест я принял бразды правления.

Ты спрашиваешь, зачем пишу я Булгарину? потому что он мне друг. Есть у меня еще друзья: Сабуров Яшка, Муханов, Давыдов и проч. Эти друзья не в пример хуже Булгарина. Они на днях меня зарежут — покамест я почтенному Фаддею Венедиктовичу послал два отрывка из «Онегина», которых нет ни у Дельвига, ни у Бестужева, не было и не будет... а кто виноват? всё друзья, всё треклятые друзья.

Кланяйся моему другу Воейкову. Над или под «Морем и землею» должно было поставить «Идиллия Мосха». От этого я бы

не удавился, а Бион старик при своем остался б. То же и об Иване Ивановиче Парни — но тут я сам виноват.

Если придет тебе пакет на имя Дельвига, то распечатай — позволяю. Плетнева целую и буду писать.

Да пришлите же мне «Старину» и «Талию», господи помилуй, не допросишься. Здесь письмо к Издателю или - - - - - - - «Невского альманаха». Прочитай его да доставь. Он, каналья, лжет на меня в афишках да мне присылает свое вранье — добро! Начало «Кота» Измайлова очень мило.

P. S. Слепой поп перевел *Сираха* (смотр. «Инвалид» № какой-то), издает по подписке — подпишись на несколько экз.

115. Л. С. ПУШКИНУ.

Конец февраля — начало марта 1825 г.
Из Михайловского в Петербург.

Я было послал это в «Сын отечества», да кажется, журнал сей противу меня восстанет, судя по сухому объявлению «Пчелы». В таком случае мне не годится там явиться, как даннику атамана Греча и есаула Булгарина. Дарю отрывки тебе: печатай, где хочешь.

116. Л. С. ПУШКИНУ.

14 марта 1825 г. Из Тригорского в Петербург.

Брат, обнимаю тебя и падам до ног. Обнимаю также и алжирца Всеволожского. Перешли же мне проклятую мою рукопись — и давай уничтожать, переписывать и издавать. Как жаль, что тебя со мною не будет! дело бы пошло скорее и лучше — Дельвига жду, хоть он и не поможет. У него твой вкус, да не твой почерк. Элегии мои переписаны — потом послания, потом смесь, потом благословясь и в цензуру.

Душа моя, горчицы, рому, что-нибудь в уксусе — да книг: Conversations de Byron, Mémoires de Fouché, «Талию», «Старину», да Sismondi (littérature), да Schlegel (dramaturgie), если есть у St. Florent. Хотел бы я также иметь «Новое издание Собрания русских стихотворений», да дорого — 75 р. Я и за всю Русь столько не даю. Посмотри однако ж.

Каченовский восстал на меня. Напиши мне, благопристоен ли тон его критик — если нет — пришлю эпиграмму.

У вас ересь. Говорят, что в стихах — стихи не главное. Что же главное? проза? должно заранее истребить это гонением, кнутом, кольями, песнями на голос *Один сижу во компании* и тому под.

Анна Николаевна тебе кланяется и очень жалеет, что тебя

здесь нет; потому что я влюбился и миртильничаю. Знаешь ее кузину Анну Ивановну Вульф; ecce femina!

Мочи нет, хочется Дельвига. Писал я тебе о калошах? не надобно их. Гнедича песни получил. На днях буду писать ему с претензиями. Покамест благодари его — думаю, что экз. «Онегина» ты ему от меня поднес. Что касается до оных дам, надеюсь, что это шутка. А чего доброго! Однако ж это было бы мне во всяком случае очень неприятно.

Тригорское. 14 марта.

Достань у Рылеева или у Бестужева мои мелкие стихотворения и перешли мне скорее.

«Что ж ты обещался *мне* прислать Парни?»

117. Л. С. ПУШКИНУ.

14 марта 1825 г. Из Михайловского в Петербург.
По получении рукописи. 14 марта.

Напрасно воображаешь ты, что я на тебя сержусь — и не думал. Несколько раз писал тебе, видно еще до тебя не дошло. Всеволожский со мною шутит. Я должен ему 1000, а не 500, переговори с ним и благодари очень за рукопись. Он славный человек, хоть и женится. Тотчас займусь новым собранием и перешлю тебе.

Ради бога, погоди в рассуждении отставки. Может быть, тебя притесняют без ведома царя. Просьбу твою могут почесть следствием моего внушения etc. etc. etc. — Погоди хоть Дельвига.

Уведомь о Баратынском — свечку поставлю за Закревского, если он его выручит.

118. Л. С. ПУШКИНУ и П. А. ПЛЕТНЕВУ.

15 марта 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Брат Лев
и брат Плетнев!

Третьего дня получил я мою рукопись. Сегодня отсылаю все мои новые и старые стихи. Я выстирал черное белье наскоро, а новое сшил на живую нитку. Но с вашей помощию надеюсь, что барыня публика меня по щекам не прибьет, как непотребную прачку.

Ошибки правописания, знаки препинания, описки, бессмыслицы прошу самим исправить — у меня на то глаз недостанет.— В порядке пиес держитесь также вашего благоусмотрения. Только не подражайте изданию Батюшкова — исключайте, марайте

с плеча. Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себе в помощники Жуковского, не во гнев Булгарину, и Гнедича, не во гнев Грибоедову. Эпиграфа или не надо, или из A. Chénier. Виньетку бы не худо; даже можно, даже нужно — даже ради Христа, сделайте; именно: *Психея, которая задумалась над цветком.* (Кстати: что прелестнее строфы Жуковского: *Он мнил, что вы с ним однородные* и следующей. Конца не люблю.) Что, если б волшебная кисть Ф. Толстого... —

Нет! слишком дорога!
А ужасть, как мила! . . . . .

К тому же, кроме Уткина, ничей резец не достоин его карандаша.— Впрочем, это всё наружность. Иною прелестью пленяется...

Пересчитав посылаемые вам стихотворения, нахожу 60 или около (ибо часть подземным богам непредвидима). Бируков — человек просвещенный; кроме его я ни с кем дела иметь не хочу. Он и в *грозное время* был милостив и жалостлив. Ныне повинуюсь его приговорам безусловно.

Что сказать вам об издании? Печатайте каждую пиесу на особенном листочке, исправно, чисто, как последнее издание Жуковского — и пожалуйста без ~~~~~ и без ——— * ——— и без═══════ вся эта пестрота безобразна и напоминает Азию. Заглавие крупными буквами — и à la ligne. — Но каждую штуку особенно — хоть бы из четырех стихов состоящую (разве из двух, так можно à la ligne и другую).

60 пиес! довольно ли будет для одного тома? не прислать ли вам для наполнения «Царя Никиту и 40 его дочерей»?

Брат Лев! не серди журналистов! дурная политика!

Брат Плетнев! не пиши *добрых* критик! будь зубаст и бойся приторности!

Простите, дети! Я пьян.

15 марта.

119. А. А. БЕСТУЖЕВУ.

24 марта 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Во-первых, пришли мне свой адрес, чтоб я не докучал Булгарину. Рылееву не пишу. Жду сперва «Войнаровского». Скажи ему, что в отношении мнения Байрона он прав. Я хотел было покривить душой, да не удалось. И Bowles и Byron в своем споре заврались; у меня есть на то очень дельное опровержение. Хочешь перешлю? переписывать скучно. Откуда ты взял, что я льщу Рылееву? мнение свое о его «Думах» я сказал вслух и ясно; о поэмах его также. Очень знаю, что я его учитель в стихотворном

языке, но он идет своею дорогою. Он в душе поэт. Я опасаюсь его не на шутку и жалею очень, что его не застрелил, когда имел тому случай — да чёрт его знал. Жду с нетерпением «Войнаровского» и перешлю ему все свои замечания. Ради Христа! чтоб он писал — да более, более!

Твое письмо очень умно, но всё-таки ты неправ, всё-таки ты смотришь на «Онегина» не с той точки, всё-таки он лучшее произведение мое. Ты сравниваешь первую главу с «Дон-Жуаном».— Никто более меня не уважает «Дон-Жуана» (первые пять песен, других не читал), но в нем ничего нет общего с «Онегиным». Ты говоришь о сатире англичанина Байрона и сравниваешь ее с моею, и требуешь от меня таковой же! Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня *сатира?* о ней и помину нет в «Евгении Онегине». У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатиры. Самое слово *сатирический* не должно бы находиться в предисловии. Дождись других песен... Ах! если б заманить тебя в Михайловское!.. ты увидишь, что если уж и сравнивать «Онегина» с «Дон-Жуаном», то разве в одном отношении: кто милее и прелестнее (gracieuse), Татьяна или Юлия? 1-я песнь просто быстрое введение, и я им доволен (что очень редко со мною случается). Сим заключаю полемику нашу... Жду «Полярной звезды». Давай ее сюда. Предвижу, что буду с тобою согласен в твоих мнениях литературных. Надеюсь, что наконец отдашь справедливость Катенину. Это было бы кстати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать суждения свои сродно мыслящему созданию. *Бескорыстное* признание в оном требует душевной силы. Впрочем, этому буду рад для Катенина, а для себя жду твоих повестей, да возьмись за роман — кто тебя держит. Вообрази: у нас ты будешь первый во всех значениях этого слова, в Европе также получишь свою цену — во-первых, как истинный талант, во-вторых, по новизне предметов, красок etc... Подумай, брат, об этом на досуге... да тебе хочется в ротмистра!

24 март. Михайловское.

120. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.

24 марта 1825 г. Из Михайловского в Москву.

Chère et respectable Princesse, votre lettre m'a navré le coeur. Je n'avais pas l'idée du malheur qui vous est arrivé; je n'essaierai pas de vous consoler, mais je partage du fond de l'âme vos chagrins et vos angoisses. J'espère qu'à l'heure qu'il est le Prince et les enfants sont convalescents. Puisqu'Онегин peut le distraire, je m'en vais dès ce moment me mettre à le copier et je lui enverrai. J'écrirai aussi à mon frère pour qu'il lui envoye ce qu'il peut avoir de mes vers. Je demande seulement au Prince qu'il garde tout cela pour lui seul, et qu'il n'en lise rien à personne au monde.

Pouchtchine a eu tort de vous parler de mes inquiétudes et de mes conjectures qui se sont trouvées fausses. Je n'ai aucune relation avec Odessa, j'ignore complètement ce qui s'y passe.

Chère Princesse, soyez tranquille, s'il est possible. Donnez-moi des nouvelles de Votre famille et comptez-moi toujours au nombre de ceux qui vous sont le plus dévoués.

24 marz

121. Л. С. ПУШКИНУ.

27 марта 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Душа моя, что за прелесть бабушкин кот! я перечел два раза и одним духом всю повесть, теперь только и брежу Трифоном Фалелеичем Мурлыкиным. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину. Погорельский ведь Перовский, не правда ли?

Об Вяземском получил известие. Перешли ему, душа моя, всё, что ты имеешь на бумаге и в памяти из моих новых сочинений. Этим очень обяжешь меня и загладишь пакости твоего чтеньебесия.

Получил ли ты мои стихотворенья? Вот в чем должно состоять предисловие: Многие из сих стихотворений — дрянь и недостойны внимания российской публики — но как они часто бывали печатаны бог весть кем, чёрт знает под какими заглавиями, с поправками наборщика и с ошибками издателя — так вот они, извольте-с кушать-с, хоть это-с - - - - - с (сказать это помягче). 2) Мы (сиречь издатели) должны были из полного собрания выбросить многие штуки, которые могли бы показаться темными, будучи написаны в обстоятельствах неизвестных или малозанимательных для почтеннейшей публики (российской) или могущие быть занимательными единственно некоторым частным лицам, или слишком незрелые, ибо г. Пшк. изволил печатать свои стишки в 1814 году (т. е. 14-ти лет), или как угодно. 3) Пожалуйста, без малейшей похвалы мне. Это непристойность, и в «Бахчисарайском фонтане» я забыл заметить это Вяземскому. 4) Всё это должно быть выражено романтически, без буфонства. Напротив. Во всем этом полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, ведь он не поверит — ну по крайней мере столь же хороша. Доволен ли он? Да перешли на всякий случай это предисловие в Михайловское, а я пришлю вам замечанья свои.

Когда пошлешь стихи мои Вяземскому, напиши ему, чтоб он никому не давал, потому что эдак меня опять обокрадут — у меня нет родительской деревни с соловьями и с медведями. Прощай. Сестру поцелуй.

Великая пятница.

Я «Телеграфом» очень доволен — и мышлю или мыслю поддержать его. Скажи это и Жуковскому. Дельвига нет еще!

Так как Воейков ведет себя хорошо, то думаю прислать и ему стихов — то ли дело не красть, не ругаться по-матерну, не перепечатывать, писем не перехватывать и проч.— люди не осудят, а я скажу спасибо.

Тиснуть еще стихи княгине Голицыной-Суворовой, возьми их от нее. Думаю, что «Послание к Овидию», «Вчера был день» и «Море» могут быть, разнообразия ради, помещены в Элегиях — да и вообще можно переменить весь порядок. Réponse s'il vous plait.

Не напечатать ли в конце «Воспоминания в Царском Селе» с Notой, что они писаны мною 14-лет — и с выпискою из моих «Записок» (об Державине), ась?

Нет.

Да тиснуть еще мою «Птичку» да четыре стиха *о дружбе:* Что дружба? легкий пыл похмелья...[1]

122. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Конец марта — начало апреля 1825 г.
Из Михайловского в Москву.

Надеюсь, что ты выздоровел — с нетерпением ожидаю о том официального известия. Брат перешлет тебе мои стихи, я переписываю для тебя «Онегина»— желаю, чтоб он помог тебе улыбнуться. В первый раз улыбка читателя me sourit (Извини эту плоскость: в крови!..). А между тем будь мне благодарен — отроду ни для кого ничего не переписывал, даже для Голицыной — из сего следует, что я в тебя влюблен, как кюхельбекерский Державин в Суворова.

Занимает ли еще тебя российская литература? я было на Полевого очень ощетинился за «Невский альманах» и за пародию Жуковского. Но теперь с ним помирился. Я даже такого мнения, что должно непременно поддержать его журнал. Хочешь? Я согласен.

Стихотворения мои отосланы в Петербург под Бирукова. Почти всё известно уже. Но всё нужно было соединить воедино. Изо всего, что должно было предать забвению, более всего жалею о своих эпиграммах — их всех около 50 и все оригинальные — но, по несчастию, я могу сказать, как Chamfort: Tous ceux contre lesquels j'en ai fait sont encore en vie, а с живыми — полно, не хочу ссориться.

---

[1] *Слова от* «да четыре стиха» *до конца зачеркнуты.*

Из послания к Чаадаеву вымарал я стихи, которые тебе не понравились — единственно для тебя, из уважения к тебе — а не потому, что они другим не по нутру.

Кланяйся Давыдову, который забыл меня. Сестра Ольга в него влюблена и поделом. Кстати или нет: он критиковал ей в «Бахчисарайском фонтане» Заремины очи. Я бы с ним согласился, если б дело шло не о востоке. Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам. Кстати еще — знаешь, почему не люблю я Мура?— потому что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европеец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен в «Гяуре», в «Абидосской невесте» и проч.—

123. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

7 апреля 1825 г. Из Михайловского в Москву.

7 апреля

Нынче день смерти Байрона — я заказал с вечера обедню за упокой его души. Мой поп удивился моей набожности и вручил мне просвиру, вынутую за упокой раба божия боярина Георгия. Отсылаю ее к тебе.

«Онегина» переписываю. Немедленно и он явится к тебе.

Сейчас получил я «Войнаровского» и «Думы» с письмом Пущина — предложение Селивановского, за три поэмы 12 000 р., кажется, должен я буду отклонить по причине новой типографической плутни. «Бахчисарайский фонтан» перепечатан.

Прощай, милый, у меня хандра, и нет ни единой мысли в голове моей — кланяйся жене. Я вам обоим душою предан.

А. П.

124. Л. С. ПУШКИНУ.

7 апреля 1825 г. Из Тригорского в Петербург.

Сейчас получил от тебя письмо и повестку, вероятно от Плетнева. Письмо Анне Николаевне отдал не прочитав и сжег его тотчас (из опасения — или из ревности, как хочешь). Она в претензии за твои нежности и за то, что они тебя усыпили.— «Полярной» еще не получил. Справься, ради бога, об «Фонтане». Селивановский предлагает мне *12 000 р.*, а я должен от них отказаться — эдак с голоду умру — с отцом да с Ольдекопом. Прощай, я бешен.

Благодарю очень за *Отрывок* из письма *Баратынского.* Дельвига здесь еще нет.

On vous permet d'écrire des lettres — mais *sous l'adresse de notre soeur* (пойми!). C'est ainsi, voyez-vous, que j'écris à Анна Ивановна Вульф, sous le nom d'Euphrosine. Господи Суси Христе! Quelles misères!.. Целуй Ольгу.

Вот тебе мой вчерашний *im-promptu*

Семейственной любви и нежной дружбы ради...[1]

Сожги же это, показав ей.

Variantes en l'honneur de M-lle NN[2]

M-lle NN находит, что первый текст тебе приличен, Honny soit etc...

Я заказал обедню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти). Анна Николаевна также, и в обеих церквах Тригорского и Воронича происходили молебствия. Это немножко напоминает la messe de Frédéric II pour le repos de l'âme de M-r de Voltaire. Вяземскому посылаю вынутую просвиру отцом Шкодой — за упокой поэта.

125. А. С. ШИШКОВУ.

Около 7 апреля 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

(Черновое)

Г-н Ольдекоп в прошлом 1824 году перепечатал мое сочинение «Бахчисарайский фонтан» без моего соизволения — чем и лишил меня 3000. Отец мой, статский советник С. Л. Пушкин, хотя и жаловался вашему высокопревосходительству за сие неуважение собственности, но не только не получил удовлетворения, но еще уверился я из письма вашего в том, что г. Ольдекоп пользуется вашего высокопревосходительства покровительством. Выключенный из службы, следственно, не получая жалования и не имея другого дохода, кроме своих сочинений, решился я прибегнуть с жалобою к самому вашему высокопревосходительству, надеясь, что вы не захотите лишить меня хлеба — не из личного неудовольствия противу г. Ольдекопа, совсем для меня незнакомого, но единственно для охранения себя от воровства.

126. А. Н. ВУЛЬФУ.

Март — апрель (до 20) 1825 г. Из Тригорского в Дерпт.

Любезный Алексей Николаевич — Благодарю Вас за воспоминанья. Обнимаю Вас братски. Также и Языкова — послание

[1] См. т. II, стр. 277.
[2] См. т. II, стр. 277.

его и чувствительная Элегия — прелесть — в послании, после *тобой хранимого певца,* стих пропущен. А стих Языкова мне дорог. Перешлите мне его.

А. П.

127. Л. С. ПУШКИНУ.

22 и 23 апреля 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Фуше, O Euvres dramatiques de Schiller, Schlegel, Don Juan (последние 6-я и пр. песни), новое Walter Scott, «Сибирский вестник» *весь* — и всё это через St. Florent, а не через Слёнина.— Вино, вино, ром (12 бутылок), горчицы, Fleur d'Orange, чемодан дорожный. *Сыру лимбургского* (книгу об верховой езде — хочу жеребцов выезжать: вольное подражание Alfieri и Байрону).

Как я был рад баронову приезду. Он очень мил! Наши барышни все в него влюбились — а он равнодушен, как колода, любит лежать на постеле, восхищаясь Чигиринским старостою. Приказывает тебе кланяться, мысленно тебя целуя 100 раз, желает тебе 1000 хороших вещей (например, устриц).

23.

Сейчас получил письмо от тебя. Благодарю за обещание предисловия. Думаю, что можно начать благословясь. О «послании к Чаадаеву» скажу тебе, что пощечины повторять не нужно — Толстой явится у меня во всем блеске в 4-й песне «Онегина», если его пасквиль этого стоит, и посему попроси его эпиграмму и пр. от Вяземского (непременно). Ты, голубчик, не находишь толку в моей луне — что ж делать, а напечатай уж так. Если Сабуров не уехал еще в Одессу, то попроси его обо мне там ничего не врать. Жалею, что не могу быть уверену и в твоей молчаливости. Скажи сестре, что я поссорил ее с Анной Николаевной, показав и не читав нечаянно письмо, где она говорит: elle me boude mais je m'en fous или подобное. Я Анету уверил, что сестра сердится очень на нее, и всё через твои сплетни.

Des bretelles
Des bottes (или не нужно).

Плетневу поклон да пара слов. На днях к нему пишу.

128. Л. С. ПУШКИНУ.

Апрель (не позднее 24) 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Доставь это Вяземскому, повторив просьбы, чтоб он никому не показывал, да и сам не пакости.

129. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

20-е числа апреля (не позднее 24) 1825 г.
Из Михайловского в Москву.

Дельвиг у меня. Через него пересылаю тебе 2 главу «Онегина» (тебе единственно и только для тебя переписанного). За разговор с няней без письма брат получил 600 р.— ты видишь, что это деньги, следственно должно держать их под ключом. От тебя нет ни слуху ни духу. Надеюсь, что ты здоров, о другом надеяться не смею, но судьба, кажется, могла бы быть довольна.

Улыбнись, мой милый, вот тебе «Элегия на смерть Анны Львовны».

Ох, тетенька! ох, Анна Львовна... [1]

(Я да Дельвиг).

Кстати: зачем ты не хотел отвечать на письма Дельвига? он человек, достойный уважения во всех отношениях, и не чета нашей литературной санкт-петербургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его «Цветы» * на следующий год. Мы все об них постараемся. Что мнишь ты о «Полярной»?.. Есть ли у тебя какие-нибудь известия об Одессе? перешли мне что-нибудь о том.

130. АЛЕКСАНДРУ I.

20-е числа апреля (не позднее 24) 1825 г.
Из Михайловского в Петербург.
(Черновое)

Je me serais fait un devoir de supporter ma disgrâce dans un respectueux silence, si la nécessité ne me contraignit à le rompre.

Ma santé a été fortement altérée dans ma première jeunesse, jusqu'à présent je n'ai pas eu le moyen de me traiter. Un anévrisme que j'ai depuis une dizaine d'années exigerait aussi une prompte opération. Il est facile de s'assurer de la verité de ce que j'avance.

---

[1] См. т. II, стр. 327.

* Да нет ли у тебя и прозы?

On m'a reproché, Sire, d'avoir jadis compté sur la générosité de votre caractère, j'avoue qu'aujourd'hui c'est à elle seule que j'ai recours. Je supplie votre majesté de me permettre de me retirer quelque part *en Europe*, où je ne sois pas dénué de tout secours.

131. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

20-е числа апреля (не позднее 25) 1825 г.
Из Михайловского в Петербург.

Вот тебе человеческий ответ: мой аневризм носил я 10 лет и с божией помощию могу проносить еще года три. Следственно, дело не к спеху, но Михайловское душно для меня. Если бы царь меня до излечения отпустил за границу, то это было бы благодеяние, за которое я бы вечно был ему и друзьям моим благодарен. Вяземский пишет мне, что друзья мои в отношении властей изверились во мне: напрасно. Я обещал Николаю Михайловичу два года ничего не писать противу правительства и не писал. «Кинжал» не против правительства писан, и хоть стихи и не совсем чисты в отношении слога, но намерение в них безгрешно. Теперь же всё это мне надоело; если меня оставят в покое, то верно я буду думать об одних пятистопных без рифм. Смело полагаясь на решение твое, посылаю тебе черновое к самому Белому; кажется, подлости с моей стороны ни в поступке, ни в выражении нет. Пишу по-французски, потому что язык этот деловой и мне более по перу. Впрочем, да будет воля твоя: если покажется это непристойным, то можно перевести, а брат перепишет и подпишет за меня.

Всё это тринь-трава. Ничего не говорил я тебе о твоих «Стихотворениях». Зачем слушаешься ты маркиза Блудова? пора бы тебе удостовериться в односторонности его вкуса. К тому же не вижу в нем и бескорыстной любви к твоей славе. Выбрасывая, уничтожая самовластно, он не исключил из собрания *послания к нему* — произведения, конечно, слабого. Нет, Жуковский,

Веселого пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И - - - - его - - -

«Надпись к Гёте», «Ах, если б мой милый», «Гению» — всё это прелесть; а где она? Знаешь, что выйдет? После твоей смерти всё это напечатают с ошибками и с приобщением стихов Кюхельбекера. Подумать страшно. Дельвиг расскажет тебе мои литературные занятия. Жалею, что нет у меня твоих советов или хоть присутствия — оно вдохновение. Кончи, ради бога, *«Водолаза»*.

Ты спрашиваешь, какая цель у «Цыганов»? вот на! Цель поэзии — поэзия — как говорит Дельвиг (если не украл этого). Думы Рылеева и целят, а всё невпопад.

132. Л. С. ПУШКИНУ.

Первая половина мая 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Жив, жив Курилка!

Как! жив еще Курилка журналист?..[1]

Вот тебе требуемая эпиграмма на Каченовского, перешли ее Вяземскому. А между тем пришли мне тот № «Вестника Европы», где напечатан 2-й разговор лже-Дмитриева, это мне нужно для предисловия к «Бахчисарайскому фонтану». Не худо бы мне переслать и весь процесс (и «Вестник» и «Дамский журнал»).

Подпись слепого поэта тронула меня несказанно. Повесть его прелесть — сердись он, не сердись — а *хотел простить — простить не мог* достойно Байрона. Виденье, конец прекрасны. Послание, может быть, лучше поэмы — по крайней мере ужасное место, где поэт описывает свое затмение, останется вечным образцом мучительной поэзии. Хочется отвечать ему стихами, если успею, пошлю их с этим письмом.

Гнедич не получил моего письма? Жаль, оно, сколько помню, было очень забавно. В том же пакете находилось два очень нужные — тебе и Плетневу. Что Плетнев умолк? Конечно, бедный болен, иль «Войнаровским» недоволен — кстати, каковы мои замечания? надеюсь, не скажешь, что я ему кажу — а виноват: «Войнаровский» мне очень нравится. Мне даже скучно, что его здесь нет у меня.

Если можно, пришли мне последнюю *Genlis* — да Child-Harold — Lamartine (то-то чепуха должна быть!), да вообще что-нибудь новенького, да и «Старину». «Талию» получил и письмо от издателя. Не успел еще пробежать: «Ворожея» показалась мне *du bon comique*. А Хмельницкий моя старинная любовница. Я к нему имею такую слабость, что готов поместить в честь его целый куплет в 1-ую песнь «Онегина» (да кой чёрт! говорят, он сердится, если об нем упоминают, как о драматическом писателе). Вяземский прав — а всё-таки на него сердит. Надеюсь, что Дельвиг и Баратынский привезут мне и Анахарзиса Клоца, который верно сердится на меня за то, что мне не по нутру *Резвоскачущая кровь Грибоедова.*

---

[1] См. т. II, стр. 225.

Дельвигу объятия мои отверсты. Жду от него писем из эгоизма и пр., из аневризма и проч.

Письмо Жуковского наконец я разобрал. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Он святой, хотя родился романтиком, а не греком, и человеком, да каким еще!

Тиснуть «Сарское Село» и с Нотой. Напрасно объявляли о «Братьях разбойниках». Их бы можно напечатать и в «Разных стихотворениях». Богатая мысль напечатать «Наполеона», да цензура... лучшие строфы потонут.

133. К. Ф. РЫЛЕЕВУ.

Вторая половина мая 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Думаю, ты уже получил замечания мои на «Войнаровского». Прибавлю одно: везде, где я ничего не сказал, должно подразумевать похвалу, знаки восклицания, прекрасно и проч. Полагая, что хорошее писано тобою с умыслу, не счел я за нужное отмечать его для тебя.

Что сказать тебе о думах? во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы «Петра в Острогожске» чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из *общих мест* (Loci topici). Описание места действия, речь героя и — нравоучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имен (исключаю «Ивана Сусанина», первую думу, по коей начал я подозревать в тебе истинный талант). Ты напрасно не поправил в «Олеге» *герба России.* Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: Таже повеси щит свой на вратех на показание победы.

Об «Исповеди Наливайки» скажу, что мудрено что-нибудь у нас напечатать истинно хорошего в этом роде. Нахожу отрывок этот растянутым; но и тут, конечно, наложил ты свою печать.

Тебе скучно в Петербурге, а мне скучно в деревне. Скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа. Как быть. Прощай, поэт,— когда-то свидимся?

134. АННЕ Н. ВУЛЬФ.

Март — май 1825 г. (?) Из Михайловского в Тригорское.

Voici, Mademoiselle, encore une lettre pour mon frère. Je Vous supplie de la prendre sous votre protection. De grâce, les plumes que vous avez eu la magnanimité de me tailler et que j'ai eu l'insolence d'oublier! Ne m'en veuillez pas.

135. А. А. БЕСТУЖЕВУ.

Конец мая — начало июня 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Отвечаю на первый параграф твоего «Взгляда». У римлян век посредственности предшествовал веку *гениев* — грех отнять это титло у таковых людей, каковы Виргилий, Гораций, Тибулл, Овидий и Лукреций, хотя они * — кроме двух последних, шли столбовою дорогою подражания. Критики греческой мы не имеем. В Италии Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Ариосту, сии предшествовали Alfieri и Foscolo. У англичан Мильтон и Шекспир писали прежде Аддисона и Попа, после которых явились Southey, Walter Scott, Moor и Byron — из этого мудрено вывести какое-нибудь заключение или правило. Слова твои вполне можно применить к одной французской литературе.

У *нас есть критика, а нет литературы.* Где же ты это нашел? именно критики у нас и недостает. Отселе репутации Ломоносова ** и Хераскова, и если последний упал в общем мнении, то верно уж не от критики Мерзлякова. Кумир Державина $^1/_4$ золотой, $^3/_4$ свинцовый доныне еще не оценен. Ода к Фелице стоит на ряду с «Вельможей», ода «Бог» с одой «На смерть Мещерского», ода к Зубову недавно открыта. Княжнин безмятежно пользуется своею славою, Богданович причислен к лику великих поэтов, Дмитриев также. Мы не имеем ни единого комментария, ни единой критической книги. Мы не знаем, что такое Крылов, Крылов, который столь же выше Лафонтена, как Державин выше Ж. Б. Руссо. Что же ты называешь критикою? «Вестник Европы» и «Благонамеренный»? библиографические известия Греча и Булгарина? свои статьи? но признайся, что это всё не может установить какого-нибудь мнения в публике, не может почесться уложением вкуса. Каченовский туп и скучен. Греч и ты остры и забавны — вот всё, что можно сказать об вас — но где же критика? Нет, фразу твою скажем наоборот; литература кой-какая у нас есть, а критики нет. Впрочем, ты сам немного ниже с этим соглашаешься.

У одного только народа критика предшествовала литературе — у германцев.

Отчего у нас нет гениев и мало талантов? Во-первых, у нас Державин и Крылов, во-вторых, где же бывает *много* талантов.

Ободрения у нас нет — и слава богу! отчего же нет? Державин, Дмитриев были *в ободрение* сделаны министрами. Век Екатерины — век ободрений; от этого он еще не ниже другого. Карамзин, кажется, ободрен; Жуковский не может жаловаться, Крылов так-

---

* Виноват! Гораций не подражатель.

** Уважаю в нем великого человека, но, конечно, не великого поэта. Он понял истинный источник русского языка и красоты оного: вот его главная услуга.

же. Гнедич в тишине кабинета совершает свой подвиг; посмотрим, когда появится его Гомер. Из неободренных вижу только себя да Баратынского — и не говорю: слава богу! *Ободрение может оперить только обыкновенные дарования.* Не говорю об Августовом веке. Но Тасс и Ариост оставили в своих поэмах следы княжеского покровительства. Шекспир лучшие свои комедии написал *по заказу* Елизаветы. Мольер был камердинером Людовика; бессмертный «Тартюф», плод самого сильного напряжения комического гения, обязан бытием своим заступничеству монарха; Вольтер *лучшую свою* поэму писал под покровительством Фридерика... Державину покровительствовали три царя — ты не то сказал, что хотел; я буду за тебя говорить.

Так! мы можем праведно гордиться: наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем пред ними отличается, что не носит на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы. С Державиным умолкнул голос лести — а как он льстил?

О вспомни, как в том восхищенье
Пророча, я тебя хвалил:
Смотри, я рек, триумф минуту,
А добродетель век живет.

Прочти послание к Александру (Жуковского 1815 года). Вот как русский поэт говорит русскому царю. Пересмотри наши журналы, всё текущее в литературе... Об нашей-то лире можно сказать, что Мирабо сказал о Сиесе. Son silence est une calamité publique. Иностранцы нам изумляются — они отдают нам полную справедливость — не понимая, как это сделалось. Причина ясна. У нас писатели взяты из высшего класса общества — аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою, а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин,— дьявольская разница!

Всё, что ты говоришь о нашем воспитании, о чужестранных и междуусобных (прелесть!) подражателях,— прекрасно, выражено сильно и с красноречием сердечным. Вообще мысли в тебе кипят. Об «Онегине» ты не высказал всего, что имел на сердце; чувствую почему и благодарю — но зачем же ясно не обнаружить своего мнения? — покамест мы будем руководствоваться личными нашими отношениями, критики у нас не будет — а ты достоин ее создать.

Твой «Турнир» напоминает «Турниры» W. Scott'а. Брось этих немцев и обратись к нам, православным; да полно тебе писать *быстрые* повести с романтическими переходами — это хорошо для поэмы байронической. Роман требует *болтовни;* высказывай всё

начисто. Твой Владимир говорит языком немецкой драмы, смотрит на солнце в полночь* etc. Но описание стана Литовского, разговор плотника с часовым прелесть; конец также. Впрочем, везде твоя необыкновенная живость.

Рылеев покажет, конечно, тебе мои замечания на его Войнаровского, а ты перешли мне свои возражения. Покамест обнимаю тебя от души.

Еще слово: ты умел в 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности — а нынешний год и спасибо не сказал старику Шишкову. Кому же как не ему обязаны мы нашим оживлением?

136. А. А. ДЕЛЬВИГУ.

Первые числа (не позже 8) июня 1825 г.
Из Михайловского в Петербург.

Жду, жду писем от тебя — и не дождусь — не принял ли ты опять во услужение покойного Никиту — или ждешь оказии? — проклятая оказия! Ради бога, напиши мне что-нибудь: ты знаешь, что я имел несчастие потерять бабушку Чичерину и дядю Петра Львовича — получил эти известия без приуготовления и нахожусь в ужасном положении — утешь меня, это священный долг дружбы (сего священного чувства).

Что делают мои «Разные стихотворения?» видел ли их Бируков Грозный? От Плетнева не получаю ни единой строчки; что мой «Онегин»? продается ли? кстати: скажи Плетневу, чтоб он Льву давал из моих денег на орехи, а не на комиссии мои, потому что это напрасно: такого бессовестного комиссионера нет и не будет. По твоем отъезде перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка (вот почему он и ниже Ломоноосова). Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо. Он не только не выдерживает *оды,* но не может выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что ж в нем: *мысли, картины и движения истинно поэтические;* читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника. Ей-богу, его гений думал по-татарски — а русской грамоты не знал за недосугом. Державин, со временем переведенный, изумит Европу, а мы из гордости народной не скажем всего, что мы знаем об нем (не говоря уж о его министерстве). У Державина должно сохранить будет од восемь да несколько отрывков, а прочее сжечь. Гений его можно сравнить с гением Суворова — жаль, что наш поэт слишком часто кричал петухом,— довольно об Державине — что делает Жуковский? — Передай мне его мнение о 2-ой главе «Онегина» да о том, что у меня в пяльцах. Какую

---

* Стр. 330.

Крылов выдержал операцию? дай бог ему многие лета! — Его «Мельник» хорош, как «Демьян и Фока». Видел ли ты Николая Михайловича? идет ли вперед «История»? где он остановится? Не на избрании ли Романовых? Неблагодарные! Шесть Пушкиных подписали избирательную грамоту! да двое руку приложили за неумением писать! А я, грамотный потомок их, что я? где я...

137. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ и Л. С. ПУШКИНУ.

25 мая и около середины июня 1825 г.
Из Михайловского в Москву.

Ты спрашиваешь, доволен ли я тем, что сказал ты обо мне в «Телеграфе». Что за вопрос? Европейские статьи так редки в наших журналах! а твоим пером водят и вкус и пристрастие дружбы. Но ты слишком бережешь меня в отношении к Жуковскому. Я не следствие, а точно ученик его, и только тем и беру, что не смею сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его. В бореньях с трудностью силач необычайный. Переводы избаловали его, изменили; он не хочет сам созидать, но он, как Voss, гений перевода. К тому же смешно говорить об нем, как об отцветшем, тогда как слог его еще мужает. Былое сбудется опять, а я всё чаю в воскресении мертвых. Читал твое о «Чернеце», ты исполнил долг своего сердца. Эта поэма, конечно, полна чувства и *умнее* «Войнаровского», но в Рылееве есть более замашки или размашки в слоге. У него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого я бы дорого дал. Зато «Думы» дрянь, и название сие происходит от немецкого dumm, а не от польского, как казалось бы с первого взгляда. Стихи Неелова прелесть, недаром я назвал его некогда le chantre de la merde! (Это между нами и потомством будь сказано). Статьи и стихов Шаликова не читал. Неужто он обижается моими стихами? вот уж тут-то я невинен, как барашек! спросите у братца Леона: он скажет вам, что, увидев у меня имя князя Шаликова, он присоветовал мне заменить его Батюшковым — я было и послушался, да стало жаль et j'ai remis bravement Chalikof! Это могу доказать черновою бумагою. Твои каламбуры очень милы — здешние девицы находят их весьма забавными, а всё-таки жду твое о Байроне. Благодарю за Casimir (как бы выкроить из него calembour? выгадай-ка). Ты, кажется, любишь Казимира, а я так нет. Конечно, он поэт, но всё не Вольтер, не Гёте... далеко кулику до орла! — Первый гений *там* будет романтик и увлечет французские головы бог ведает куда. Кстати: я заметил, что все (даже и ты) имеют у нас самое темное понятие о романтизме. Об этом надобно будет на досуге потолковать, но не теперь; мочи нет устал. Писал ко всем — даже и к Булгарину.

25 мая.

Ты вызываешься сосводничать мне *Полевого*. Дело в том, что я рад помогать ему, а условий верно никаких не выполню — следственно и денег его мне не надобно. Да ты смотри за ним — ради бога! и ему случается завираться. Например, Дон Кихот искоренил в Европе странствующих рыцарей!!! — В Италии, кроме Dante единственно, не было романтизма. А он в Италии-то и возник. Что ж такое Ариост? а предшественники его, начиная от Buovo d'Antona до Orlando inamorato? как можно писать так наобум! А ты не пренебрегай журнальными мелочами: Наполеон ими занимался и был лучшим журналистом Парижа (как заметил, помнится, Фуше).

(Приписка Л. С. Пушкину)

Вяземскому, который на днях у вас будет. Не то отдать А. И. Тургеневу для доставления в Москву.

Тебе ничего не пишу, мусье Lion, за то, что за тобою еще несколько ответов.

138. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Начало июля 1825 г. Из Михайловского
в Царское Село.

Думаю, что ты уже получил ответ мой на предложения «Телеграфа». Если ему нужны стихи мои, то пошли ему, что тебе попадется (кроме «Онегина»), если же мое имя, как сотрудника, то не соглашусь из благородной гордости, т. е. амбиции: «Телеграф» человек порядочный и честный — но враль и невежда; а вранье и невежество журнала делится между его издателями; в часть эту входить не намерен. Несмотря на перемену министерства и на улучшения цензуры, всё-таки не могу отвечать за Красовского с братьею; пожалуй, я подряжусь выставлять по стольку-то пиес, да в накладе может остаться журнал, если так восхощет бог да Бируков.— Я всегда был склонен аристократичествовать, а с тех пор как пошел мор на Пушкиных, я и пуще зачуфырился: стихами торгую en gros, а свою мелочную, лавку № 1, запираю. К тому же, между нами, брат Лев у меня на руках; от отца ему денег на девок да на шампанское не будет; так пускай «Телеграф» с ним сделается, и дай бог им обоим расторговаться с моей легкой руки. A demain les affaires sérieuses... Какую песню из Béranger перевел дядя Василий Львович? уж не le bon Dieu ли? Объяви ему за тайну, что его в том подозревают в Петербурге и что готовится уже следственная комиссия, составленная из графа Хвостова, Магницкого и г-жи Хвостовой (автора «Камина» и, следственно, соперницы Василия Львовича). Не худо уведомить его, что уже давно был бы он сослан, если б не

чрезвычайная известность (extrême popularité) его «Опасного соседа». Опасаются шума! — Как жаль, что умер Алексей Михайлович! и что не видал я дядиной травли! Но Дмитриев жив, всё еще не потеряно.— Я послал в «Пчелу», а не в «Телеграф» мою *опечатку,* потому что в Москву почта идет несносно долго; Полевой напрасно огорчился, ты не напрасно прибавил *журнальным,* а я недаром отозвался, et le diable n'y perd rien. Вот еще эпиграмма на «Благонамеренного», который, говорят, критиковал моих «Приятелей»:

Недавно я стихами как-то свистнул...[1]

Отослано к *Полевому.* Ты уже, думаю, босоножка, полощешься в морской лужице, а я наслаждаюсь душным запахом смолистых почек берез, под кропильницею псковского неба, и жду, чтоб Некто повернул сверху кран и золотые дожди остановились.— Фита в сторону, у нас холодно и грязно — жду разрешения моей участи.

139. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Начало июля 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Неожиданная милость его величества тронула меня несказанно, тем более, что здешний губернатор предлагал уже мне иметь жительство во Пскове, но я строго придерживался повеления высшего начальства. Я справлялся о псковских операторах; мне указали там на некоторого Всеволожского, очень искусного по ветеринарной части и известного в ученом свете по своей книге об лечении лошадей.

Несмотря на всё это, я решился остаться в Михайловском, тем не менее чувствуя отеческую снисходительность его величества.

Боюсь, чтоб медленность мою пользоваться монаршей милостию не почли за небрежение или возмутительное упрямство. Но можно ли в человеческом сердце предполагать такую адскую неблагодарность.

Дело в том, что, 10 лет не думав о своем аневризме, не вижу причины вдруг об нем расхлопотаться. Я всё жду от человеколюбивого сердца императора, авось-либо позволит он мне со временем искать стороны мне по сердцу и лекаря по доверчивости собственного рассудка, а не по приказанию высшего начальства.

Обнимаю тебя горячо.

А. Пушкин.

1825.
Михайловское.

---

[1] См. т. II, стр. 228.

140. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

13 июля 1825 г. Из Михайловского в Царское Село.

Брат писал мне, что ты в Царском Селе, что он переписал для тебя мои стихи, а от тебя жду, жду письма и не дождусь — что ты? в Ревеле или еще нет? и что твой Байрон или Бейрон (Toi dont le monde encore ignore le vrai nom!). Сейчас прочел твои замечания на замечания Дениса на замечания Наполеона — чудо-хорошо! твой слог, живой и оригинальный, тут еще живее и оригинальнее. Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного точного языка прозы — т. е. языка мыслей). Об этом есть у меня строфы три и в «Онегине». За твоей статьею следует моя о M-me de Staël. Но не разглашай этого: тут есть одно *великодушие,* поставленное, во-первых, ради цензуры, а во-вторых, для вящего *анонима* (род онанизма журнального). Вероятно, ты уже знаешь царскую ко мне милость и позволение приехать во Псков. Я справлялся о тамошних операторах; мне рекомендуют Всеволожского, очень искусного коновала; увидим. Покамест, душа моя, я предпринял такой литературный подвиг, за который ты меня расцелуешь: романтическую трагедию! — смотри, молчи, же: об этом знают весьма немногие. Читал ты моего «А. Шенье в темнице»? Суди об нем, как езуит — по намерению.

Милый мой! мое намерение обнять тебя, но плоть немощна. Прости, прощай — с тобою ли твоя княгиня-лебедушка! кланяйся ей от арзамасского гуся.

13 июля.

Передо мной моя трагедия. Не могу вытерпеть, чтоб не выписать ее заглавия: *Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве писал раб божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7333, на городище Ворониче.* Каково?

141. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Около (не позднее) 19 июля 1825 г.
Из Тригорского (?) в Петербург.

Милый мой поэт, вот еще тебе поправка в «А. Шенье» (в посвящении Николаю Раевскому последняя строфа)

Певцу etc.
Несу надгробные цветы etc.

Что не слышно тебя! у нас осень, дождик шумит, ветер шумит, лес шумит — шумно, а скучно. Женится ли Дельвиг? опиши мне всю церемонию. Как он хорош должен быть под венцом! жаль, что я не буду его шафером.

Скажи от меня Козлову, что недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поет его «Венецианскую ночь» на голос гондольерского речитатива — я обещал известить о том милого, вдохновенного слепца. Жаль, что он не увидит ее — но пусть вообразит себе красоту и задушевность — по крайней мере дай бог ему ее слышать!

Questo è scritto in presenza della donna, comme ognum puo veder. Addio caro poeta. Scrivete mi, vi prego.

Tutto il vostro.

142. АННЕ Н. ВУЛЬФ.

21 июля 1825 г. Из Михайловского в Ригу.

Je vous écris après m'être enivré bien tristement: vous voyez que je tiens parole.

Hé bien! êtes vous à Riga? avez vous fait des conquêtes? vous marierez-vous bientôt? Avez vous trouvé des Houlans? mandez-moi tout cela dans le plus grand détail, car vous savez que malgré mes mauvaises plaisanteries, je m'intéresse véritablement à tout ce que vous concerne. Je voulais vous gronder, mais je n'en ai pas le courage à une distance si respectueuse. Pour de la morale et des conseils, vous en aurez. Ecoutez bien — 1) Au nom du ciel, ne soyez étourdie qu'avec vos amis (au masculin), ceux-ci n'en profiteront que pour leur propre compte, au lieu que les *amies* vous feront du tort; car mettez-vous dans la tête que toutes sont aussi vaines et aussi bavardes que vousmême. 2) Portez des robes courtes, car vous avez de très jolis pieds, et ne vous ébouriffez pas les tempes quand même ça serait la mode, puisque vous avez le malheur d'avoir une figure ronde. 3) Vous êtes devenue bien savante depuis quelque temps, mais n'en faites pas semblant, et si un houlan vous dit, что с вами нездорово вальсировать, ne riez pas, ne minaudez pas, ne paraissez pas en être fière; mouchez-vous, détournez la tête et parlez d'autre chose. 4) N'oubliez pas la dernière édition de Byron.

Savez vous pourquoi je voulais vous gronder? non? La fille perverse, sans sentiment et sans etc. ...et vos promesses donc, les avez vous tenues? allons, je ne vous en parlerai plus et je vous pardonne, d'autant plus que je ne m'en suis souvenu moi-même qu'après votre départ. C'est singulier — où donc avais-je ma tête? Sur ce, parlons d'autres choses.

Tout Trigorsky chante. Не мила ей прелесть N3: ночи, et cela me serre le coeur, hier M-r *Alexis* et moi nous avons parlé quatre heures de suite. Jamais nous n'avons eu une aussi longue conversation. Devinez ce qui nous a uni tout à coup. Ennui? *conformité de*

sentiment? je n'en sais rien. Je me promène toutes les nuits dans mon jardin, je dis: elle était là — la pierre qu'elle a heurtée est sur ma table auprès d'une héliotrope, fanée, j'écris beaucoup de vers — tout cela, si vous voulez, ressemble beaucoup à de l'amour mais je vous jure qu'il n'en est rien. Si j'étais amoureux, j'aurais en *dimanche* des convulsions de rage et de jalousie, et je n'ai été que piqué... cependant l'idée que je ne suis rien pour elle, qu'après avoir éveillé, occupé son imagination, je n'ai qu'amusé sa curiosité, que mon souvenir ne la rendra pas un moment plus distraite au milieu de ses triomphes ni plus sombre dans ses jours de tristesse, que ses beaux yeux s'attacheront sur quelque fat de Riga avec la même expression déchirante et voluptueuse... non, cette idée m'est insupportable, dites lui que j'en mourrai; — non, ne le lui dites pas; elle s'en moquerait, cette délicieuse créature. Mais dites-lui, que si son coeur n'a pas pour moi une tendresse secrète, un penchant mélancolique et mystérieux, je la méprise, entendez vous? oui, je la méprise malgré tout l'étonnement que doit lui causer un sentiment aussi nouveau.

Adieu, M-lle la Baronne, recevez l'hommage de votre prosaïque adorateur.

21 juillet.

P. S. Envoyez moi le recette que vous m'avez promise, j'ai fait tant de farces que je n'en peux plus — *maudite visite, maudit départ!*

143. А. А. ДЕЛЬВИГУ.

23 июля 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Сейчас узнаю, что ты ко мне писал, но письмо твое до меня не дошло, дай бог, чтоб новый Никита им воспользовался! я чрезвычайно за тебя беспокоюсь; не сказал ли ты чего-нибудь лишнего или необдуманного; участие дружбы можно перетолковать в другую сторону — а я боюсь быть причиною неприятностей для лучших из друзей моих.

Мне пишет Петр Александрович, что обо мне намерены переложить. Напрасно; письмо моей матери ясно; ответ окончателен. Во Пскове, конечно, есть лекаря — чего ж мне более?

С братом я в сношения входить не намерен. Он знал мои обстоятельства и самовольно затрудняет их. У меня нет ни копейки денег в минуту нужную, я не знаю, когда и как я получу их. Беспечность и легкомыслие эгоизма извинительны только до некоторой степени. Если он захочет переписать мои стихи, вместо того чтоб читать их на ужинах и украшать ими альбом Воейковой, то

я буду ему благодарен, если нет, то пусть отдаст он рукопись мою тебе, а ты уж похлопочи с Плетневым.

Ты, слышал я, женишься в августе, поздравляю, мой милый — будь счастлив, хоть это чертовски мудрено. Целую руку твоей невесте и заочно люблю ее, как дочь Салтыкова и жену Дельвига.

23 июля.

Прасковья Александровна уехала, и я один.

Зачем было заменять мое письмо, дельное и благоразумное, письмом моей матери? Не полагаясь ли на чувствительность . . .? . . . . . Ошибка важная! в первом случае я бы поступил прямодушно, во втором могли только подозревать мою хитрость и неуклончивость.

Некто Вибий Серен, по доносу своего сына, был присужден римским сенатом к заточению на каком-то безводном острове. Тиберий воспротивился сему решению, говоря, что человека, коему дарована жизнь, не должно лишать способов к поддержанию жизни. Слова, достойные ума светлого и человеколюбивого! — чем более читаю Тацита, тем более мирюсь с Тиберием. Он был один из величайших государственных умов древности.

144. А. П. КЕРН.

25 июля 1825 г. Михайловское.

J'ai eu la faiblesse de vous demander la permission de vous écrire et vous l'étourderie ou la coquetterie de me le permettre. Une correspondance ne mène à rien, je le sais; mais je n'ai pas la force de résister au désir d'avoir un mot de votre jolie main.

Votre visite à Trigorsky m'a laissé une impression plus forte et plus pénible, que celle qu'avait produite jadis notre rencontre chez Оленин. Ce que j'ai de mieux à faire au fond de mon triste village, est de tâcher de ne plus penser à vous. Vous devriez me le souhaiter aussi, pour peu que vous ayez de la pitié dans l'âme — mais la frivolité est toujours cruelle et vous autres, tout en tournant des têtes à tort et à travers, vous êtes enchantées de savoir une âme souffrante en votre honneur et gloire.

Adieu, divine. J'enrage et je suis à vos pieds. Mille tendresses à Ермолай Федорович et mes compliments à M-r Voulf.

25 jllt.

Je reprends la plume, car je meurs d'ennui et ne puis m'occuper que de vous. J'espère que vous lirez cette lettre en cachette — la cacherez vous encore dans votre sein? me répondrez vous bien longuement? écrivez moi tout ce qui vous passera par la tête, je vous

en conjure. Si vous craignez ma fatuité, si vous ne voulez pas vous compromettre, contrefaites votre écriture, signez un nom de fantaisie — mon coeur saura vous reconnaître. Si vos expressions seront aussi douces que vos regards, hélas! je tâcherais d'y croire ou de me tromper, c'est égal.— Savez vous bien qu'en relisant ces lignes, je suis honteux de leur ton sentimental — que dira Анна Николаевна? Ах вы чудотворка или чудотворица!

Savez-vous quoi? écrivez-moi comme cela et comme cela; c'est si joli.

145. П. А. ОСИПОВОЙ.

25 июля 1825 г. Из Михайловского в Ригу.

Voici, Madame, deux lettres à votre adresse qui viennent d'arriver. L'une est de Pletnef et était incluse dans la mienne.

J'espère que lorsque vous aurez reçu ces lettres vous serez arrivée à Riga gaiment et heureusement. Mes amis de Pétersbourg étaient persuadés que je vous accompagnerais. Pletnef m'écrit une nouvelle assez étrange; la décision de Sa Majesté leur a paru un malentendu et l'on est résolu de lui en parler de nouveau. Mes amis se donneront tant de peine, qu'on finira par m'enfermer à Schlusselbourg où certes je n'aurais pas le voisinage de Trigorsky, qui tout désert qu'il est maintenant, est encore pour moi une consolation.

J'attends bien impatiemment de vos nouvelles — donnez m'en, je vous en supplie. Je ne vous parle pas de ma respectueuse amitié, ni de mon éternelle reconnaissance. Je vous salue du fond de mon âme.

25 juillet.

146. Л. С. ПУШКИНУ.

28 июля 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Если б Плетнев показал тебе мои письма, так ты бы понял мое положение. Теперь пишу тебе из необходимости. Ты знал, что деньги мне будут нужны, я на тебя полагался, как на брата — между тем год прошел, а у меня ни полушки. Если б я имел дело с одними книгопродавцами, то имел бы тысяч 15.

Ты взял от Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатил 500, доплатил ли остальные 500? и осталось ли что-нибудь от остальной тысячи?

Заплачены ли Вяземскому 600 р.?

Я отослал тебе мои рукописи в марте — они еще не собраны, не цензированы. Ты читаешь их своим приятелям до тех пор, что они наизусть передают их московской публике. Благодарю.

Дельвига письма до меня не доходят. Издание поэм моих не двинется никогда. Между тем я отказался от предложения Заикина. Теперь прошу, если возможно, возобновить переговоры...

Словом, мне нужны деньги или удавиться. Ты знал это, ты обещал мне капитал прежде году — а я на тебя полагался.

Упрекать тебя не стану, а благодарить ей-богу не за что.

28 июля.

При сем письмо Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами: прошу единственно вполне истолковать Плетневу мои обстоятельства — полагаюсь на его дружбу — если ж ты захочешь продиктовать «Цыганов» для отдачи в цензуру, покамест не перешлю своего списка,— я почту себя очень обязанным.

147. И. Ф. МОЙЕРУ.

29 июля 1825 г. Из Михайловского в Дерпт.

Сейчас получено мною известие, что В. А. Жуковский писал вам о моем аневризме и просил вас приехать во Псков для совершения операции; нет сомнения, что вы согласитесь; но умоляю вас, ради бога не приезжайте и не беспокойтесь обо мне. Операция, требуемая аневризмом, слишком маловажна, чтоб отвлечь человека знаменитого от его занятий и местопребывания. Благодеяние ваше было бы мучительно для моей совести. Я не должен и не могу согласиться принять его; смело ссылаюсь на собственный ваш образ мыслей и на благородство вашего сердца.

Позвольте засвительствовать вам мое глубочайшее уважение, как человеку знаменитому и другу Жуковского.

Село Михайловское
29 июля 1825 г.

Александр Пушкин.

148. П. А. ОСИПОВОЙ.

29 июля 1825 г. Из Михайловского в Ригу.

Vous avez reçu, Madame, de Pskov une lettre inutile que j'ai anéantie.— Je vous envoie une autre de Batova et une autre de ma mère. Vous verrez quelle belle âme est ce Жуковский. Cependant comme je ne puis absolument pas me faire faire l'opération par Moer je viens de lui écrire pour le conjurer de ne pas venir à Pskov. Je ne sais d'où viennent les espérances de ma mère, mais il y a longtemps que je ne crois plus aux espérances.

Rocotof a été me voir le lendemain de votre départ, il eût été plus aimable de me laisser m'ennuyer tout seul. Hier j'ai rendu visite au château de Trigorsky, à son jardin, à sa bibliothèque. Sa solitude est véritablement poétique, puisqu'elle est pleine de vous et de votre souvenir. Ses aimables hôtes devraient bien se hâter d'y retourner, mais ce souhait tient trop à mon égoïsme de famille; si Riga vous amuse, amusez-vous et souvenez-vous quelquefois de l'exilé de Trigorsky (c. à. d. de Michaïlovsky), vous voyez que je confonds nos habitations et toujours par habitude.

29 juillet.

Au nom du ciel, Madame, n'écrivez rien a ma mère concernant mon refus à Moer. Cela ne ferait qu'un bruit inutile, car mon parti est pris.

149. Н. Н. РАЕВСКОМУ-СЫНУ.

Вторая половина июля (после 19) 1825 г.
Из Михайловского в Белогородку или в Белую Церковь.

(Черновое)

Où êtes-vous? j'ai vu par les gazettes que vous aviez changé de régiment. Je souhaite que cela vous amuse. Que fait votre frère? vous ne m'en dites rien dans votre lettre du 13 mai; se traite-t-il?

Voilà ce qui me regarde: Mes amis se sont donnés beaucoup de mouvement pour obtenir une permission d'aller me faire traiter, ma mère a écrit à Sa majesté et là-dessus on m'a accordé la permission d'aller à Pskof et d'y demeurer même, mais je n'en ferai rien; je n'y ferai qu'une course de quelques jours. En attendant je suis très isolé: la seule voisine que j'allais voir est partie pour Riga et je n'ai à la lettre d'autre compagnie que ma vieille bonne et ma tragédie; celle-ci avance et j'en suis content. En l'écrivant j'ai-réfléchi sur la tragédie en général. C'est peut-être le genre le plus méconnu. Les classiques et les romantiques ont tous basé leurs loix sur la *vraisemblance*, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame. Sans parler déjà du temps etc. quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux moitiés dont l'une est occupée par deux mille personnes, qui sont censées n'être pas vues par ceux qui sont sur les planches. 2) *la langue.* Par exemple, le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Hélas! j'entends les doux sons de la langue Grecque etc. Voyez les anciens: leurs masques tragiques, leur double personnage — tout cela n'est il pas une invraisemblance conventionnelle? 3) le temps, le lieu etc. etc. Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais souciés de la vraisemblance. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid. Ha, vous voulez la règle de 24 heures? Soit, et là-dessus il vous entasse des événements pour 4 mois.

Rien de plus inutile à mon avis, que les petits changements de règles reçues: Alfieri est profondément frappé du ridicule de l'*a-parte*, il le supprime et là-dessus allonge le monologue et pense avoir fait faire une révolution dans le système de la tragédie; quelle puérilité!

La vraisemblance des situations et la vérité du dialogue — voilà la véritable règle de la tragédie. (Je n'ai pas lu Calderon ni Vega) mais quel homme que ce Schakespeare! je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère (les femmes n'ont pas de caractère, elles ont des passions dans leur jeunesse; et voilà pourquoi il est si facile de les peindre), ce Byron donc a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère; son orgueil à l'un, sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième etc. et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants — ce n'est pas là de la tragédie.—

On a encore une manie: quand on a conçu un caractère, tout ce qu'on lui fait dire, même les choses les plus étrangères, en porte essentiellement l'empriente (comme les pédants et les marins des vieux romans de Fielding). Un conspirateur dit: *Donnez-moi à boire* en conspirateur — ce n'est que ridicule. Voyez le Haineux de Byron *(ha pagato)* cette monotonie, cette affectation de laconisme, de rage continuelle, est-ce la nature? De là cette gêne et cette timidité de dialogue. Voyez Schakespeare. Lisez Schakespeare, il ne craint jamais de compromettre son personnage, il le fait parler avec tout l'abandon de la vie, car il est sûr en temps et lieu de lui faire trouver le langage de son caractère.

Vous me demanderez: votre tragédie est-elle une tragédie de caractère ou de coutume? J'ai choisi le genre le plus aisé, mais j'ai tâché de les unir tous deux. J'écris et je pense. La plupart des scènes ne demandent que du raisonnement; quand j'arrive à une scène qui demande de l'inspiration, j'attends ou je passe pardessus — cette manière de travailler m'est tout-à-fait nouvelle. Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développée, je puis créer.

150. П. А. ОСИПОВОЙ.

1 августа 1825 г. Из Михайловского в Ригу.

J'arrive à l'instant de chez vous; la petite se porte très bien et m'a reçu de la manière la plus aimable. Nous avons eu un temps affreux, du vent, des orages etc.— voici toutes les nouvelles que je puis vous donner, je suppose que celles de votre intendant seront plus variées. Recevez, Madame, les assurances de ma parfaite considération et de mon attachement. Je me recommande au souvenir de toute votre aimable famille.

1 août.

151. Н. А. ПОЛЕВОМУ.

2 августа 1825 г. Из Михайловского в Москву.

Милостивый государь,

Виноват перед вами, долго не отвечал на ваше письмо, хлопоты всякого рода не давали мне покоя ни на минуту. Также не благодарил я вас еще за присылку «Телеграфа» и за удовольствие, мне доставленное вами в моем уединении,— это непростительно.

Радуюсь, что стихи мои могут пригодиться вашему журналу (конечно, лучшему из всех наших журналов). Я писал князю Вяземскому, чтоб он потрудился вам их доставить — у него много моих бредней.

Надеюсь на вашу снисходительность и желаю, чтоб они понравились нашей публике.

Свидетельствую вам искреннее свое уважение.

2 августа. Александр Пушкин.
Михайловское.

152. П. А. ОСИПОВОЙ.

8 августа 1825 г. Из Михайловского в Ригу.

C'est hier que j'ai reçu, Madame, votre lettre du 31, du lendemain de votre arrivée à Riga. Vous ne sauriez vous imaginer combien cette marque d'affection et de souvenir m'a été sensible. Elle a été droit à mon âme, et c'est bien du fond de l'âme que je vous en remercie.

C'est à Trigorsky que j'ai reçu votre lettre. Анна Богдановна m'a dit qu'on vous y attendait vers la mi-août. Je n'ose l'espérer.

Que vous disait donc M-r Kern concernant la surveillance paternelle de M-r Adercass à mon égard? sont-ce des ordres positifs? M-r Kern, y est-il pour quelque chose? ou ne sont-ce que des bruits publics?

Je suppose, Madame, qu'à Riga vous êtes plus au fait des nouvelles européennes que je ne le suis à Michailovsky. Quant à celles de Petersbourg je ne sais rien de ce qui s'y passe. Nous attendons l'automne, mais nous avons encore quelques beaux jours et grâce à vous j'ai toujours des fleurs sur ma fenêtre.

Adieu, Madame. Recevez l'assurance de mon tendre et respectueux dévouement. Croyez qu'il n'y a de vrai et de bon sur la terre que l'amitie et la liberté. C'est vous qui m'avait fait apprécier le charme de la première.

8 août.

153. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

10 августа 1825 г. Из Михайловского в Ревель.

Накупался ли ты в море и куда из Ревеля думаешь отправиться? напиши пожалуйста, а я из Михайловского не тронусь. Что твой Байрон? перешли мне его прежде печати; да нет ли стихов покойного поэта Вяземского, хоть эпиграмм? Знаешь ли его лучшую эпиграмму: *Что нужды? говорит расчетливый* etc Виноват! я самовластно сделал в ней перемены, перемешав стихи следующим образом: 1, 2, 3—7, 8—4, 5, 6.— Не напечатать ли, сказав: *Нет, я в прихожую пойду путем доходным*, если цензура не пропустит осьмого стиха, так и без него обойдемся: главная прелесть: *Я не поэт, а дворянин!* и еще прелестнее после посвящения «Войнаровского», на которое мой Дельвиг уморительно сердится.

Что Карамзины? я бы к ним писал, но боюсь приличия — а всё люблю их от всего сердца. Жуковский со мной так проказит, что нельзя его не обожать и не сердиться на него. Какова наша текучая словесность? настоящий ------! Мне жаль, что от Кюхельбекера отбили охоту к журналам, он человек дельный с пером в руках — хоть и сумасброд. Жду разбора Шихматова, то-то вранья, чаю! Сейчас прочел антикритику Полевого. Нет, мой милый, не то и не так! — Разбор «Новой пиитики басен» — вот критика. Когда-то мы возьмемся за журнал! мочи нет хочется, а покамест смотри хоть за Полевым. Чем мне тебя попотчевать? вот тебе мои бон-мо (ради соли, вообрази, что это было сказано чувствительной девушке, лет 26): Qu'st ce que le sentiment?— Un supplément du tempérament.

Что более вам нравится? запах розы или резеды? — Запах селедки.

10 авг.

154. П. А. ОСИПОВОЙ.

11 августа 1825 г. Из Михайловского в Ригу.

Vous parlerai-je de ma reconnaissance? C'est bien aimable à vous, Madame, de ne pas oublier votre hermite. Vos lettres m'enchantent autant que vos soins généreux me touchent. Je ne sais que deviendra mon avenir, mais ce que je sais c'est que les sentiments que je vous ai voués seront éternellement les mêmes. J'ai été aujourd'hui encore à Trigorsky. La petite se porte très bien et est très jolie. Je crois comme vous, Madame, que les bruits qui sont venus à M-r Kern sont faux, mais vous avez raison: il ne faut pas les négliger. Ces jours-ci j'ai été chez Pechtchourof, l'avocat patelin — comme vous l'appelez — il me croyait à Pskof (N3). Je compte voir

encore mon vieux nègre de Grand'-Oncle qui, je suppose, va mourir un de ces quatre matins et il faut que j'aie de lui des mémoires concernant mon aïeul.

Je présente mes respects à toute l'aimable famille et suis, Madame, votre tout dévoué.

11 août.

155. В. И. ТУМАНСКОМУ.

13 августа 1825 г. Из Михайловского в Одессу.

Буря, кажется, успокоилась; осмеливаюсь выглянуть из моего гнезда. Милый мой Туманский, у меня до тебя просьба, надеюсь, что не откажешься оказать мне истинное одолжение. Вот в чем дело: за несколько дней пред моим отъездом из Одессы Савелов и я играли у Лучича; Лучич проиграл мне 900 р., из коих 300 заплатил мне на другой же день, а остальные 600 перевел на Савелова, который и согласился. При моем внезапном отъезде я занял эти 600 р. у княгини Вяземской (с согласия же Савелова). После узнаю, что он отрекается от своего долгу. Деньги эти пропали, так и быть, но боюсь, чтоб это не перетолковали мои приятели, которых у меня много, и все охотники до толков. Расскажи это просто, par manière de conversation, Лучичу. Он человек честный и верно не солжет в деле, касающемся до чести. Повторяю, что денег этих мне не нужно и что даже возиться с Савеловым я не намерен. Отпиши мне отзыв Лучича; вот и всё.

Об Одессе, кроме газетных известий, я ничего не знаю, напиши мне что-нибудь. О себе скажу тебе, что я совершенно один; царь позволил мне ехать во Псков для операции моего аневризма, и Мойер хотел ко мне приехать — но я просил его не беспокоиться и думаю, не тронусь из моей деревни. Друзья мои за меня хлопотали против воли моей и, кажется, только испортили мою участь. Что ты? что твоя поэзия? Изредка и слишком редко попадаются мне твои стихи. Сделай милость, не забывай своего таланта. Боюсь, чтоб проза жизни твоей не одолела поэзии души. «Девушка влюбленному поэту» — прелесть! *сидя с авторáми* одно не хорошо.

Не так ли:

Со мной ведете ль разговоры,
Вам замечательней всего
Ошибки слога моего.
Без выраженья ваши взоры etc.

Кланяйся всем бывшим моим товарищам, свидетельствую свое почтение Варваре Дмитриевне и Александру Ивановичу. Прощай, мой милый.

13 авг.

Адрес мой: в Опочку, в село Тригорское. Ее высокородию Прасковье Александровне Осиповой.

156. А. П. КЕРН.

13 и 14 августа 1825 г. Из Михайловского в Ригу.

Je relis votre lettre en long et en large et je dis: милая! прелесть! divine!.. et puis: ах мерзкая!.. Pardon, belle et douce; mais c'est comme ça. Il n'y a pas de doute que vous êtes divine, mais quelquefois vous n'avez pas le sens commun; pardon encore une fois et consolez-vous, car vous n'en êtes que plus jolie. Par exemple que voulez vous dire avec ce cachet qui doit vous *convenir et vous plaire* (l'heureux cachet!) et dont vous me demandez le sujet? à moins qu'il n'y ait là un sous-entendu, je ne conçois pas ce que vous désirez. Me demandex-vous une devise? ce serait tout-à-fait à la Netty. Allons, gardez toujours le: Не скоро, а здорово, pourvu que cela ne soit pas la devise de votre voyage à Trigorsky — et parlons d'autre chose. Vous me dites que je ne connais pas votre caractère. Que m'importe votre caractère? je ne m'en moque pas mal — est-ce que les jolies femmes doivent avoir un caractère? l'essentiel ce sont les yeux, les dents, les mains et les pieds — (j'y aurais joint le coeur, mais votre cousine a trop décrié ce mot). Vous dites qu'il est facile de vous connaître; vous vouliez dire de vous aimer? je suis assez de cet avis, et j'en suis même la preuve — je me suis conduit avec vous comme un enfant de 14 ans — c'est indigne — mais depuis que je ne vous vois plus, je reprends peu à peu l'ascendant que j'avais perdu, et je m'en sers pour vous gronder. Si jamais nous nous reverrons, promettez moi..... — Non, je ne veux pas de vos promesses; et puis une lettre est si froide, une prière par poste n'a ni force, ni émotion, et un refus n'a ni grâce, ni volupté. Au revoir donc — et parlons d'autre chose. Comment va la goutte de M-r votre époux? j'espère qu'il en a eu une bonne attaque le surlendemain de votre arrivée. Поделом ему! Si vous saviez quelle aversion mêlée de respect je ressens pour cet homme! Divine, au nom du Ciel, faites qu'il joue et qu'il ait la goutte, la goutte! C'est ma seule espérance.

En relisant encore votre letrre, j'y trouve un terrible si que je n'avais pas remarqué d'abord. *Si ma cousine reste je viendrai cet automne etc.* — au nom du Ciel, qu'elle reste donc! tâchez de l'amuser, rien de plus facile; ordonnez à quelque officier de votre garnison d'être amoureux d'elle, et quand il sera temps de partir, ennuyez-la en lui enlevant son soupirant; rien encore de plus facile. Ne lui montrez pas cela au moins: par entêtement elle est capable de faire tout le contraire de ce qu'il faut. Que faites-vous de votre cousin? mandez-le moi, mais franchement. Envoyez-le bien vite à son université, je ne sais pourquoi je n'aime pas plus ces étudiants

que le fait M-r Kern. C'est un bien digne homme que M-r Kern, un homme sage, prudent etc.; il n'a qu'un seul défaut — c'est celui d'être votre mari. Comment peut-on être votre mari? c'est ce dont je ne puis me faire une idée, non plus que du paradis.

Ceci était écrit hier. Aujourd'hui, jour de poste, je ne sais pourquoi je m'étais mis en tête de recevoir une lettre de vous. Cela n'a pas eu lieu et je suis d'une humeur de chien le plus injustement du monde; j'aurais dû être reconnaissant pour la fois passée, je le sais; mais que voulez-vous? je vous supplie, divine — compatissez à ma faiblesse, écrivez moi, aimez moi et je tâcherai alors d'être aimable. Adieu, дайте ручку.

14 août.

157. О. С. ПУШКИНОЙ.

10—15 августа 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Ma bonne amie, je vous crois arrivée. Mandez-moi quand vous comptez partir pour Moscou et donnez-moi votre adresse. Je suis bien triste de ce qui m'est arrivé, mais je l'avais prédit, ce qui est très consolant comme vous savez. Je ne me plains pas de ma mère, au contraire je lui suis reconnaissant, elle a cru me faire du bien, elle s'y est prise chaudement, ce n'est pas sa faute si elle s'est trompee. Mais mes amis — ils ont fait expressément ce que je les avais conjuré de ne pas faire. Quelle rage de me prendre pour un sot et de me pousser dans un malheur que j'avais prévu, que je leur avais indiqué? On aigrit Sa Majesté, on prolonge mon exil, on se moque de mon existence, et lorsqu'on est étonné de toutes ces bévues, on me fait ses compliments sur mes beaux vers et l'on va souper. Que voulez-vous, je suis triste et découragé — l'idée d'aller à Pskoff me parait souverainement ridicule, mais comme on sera bien aise de me savoir hors de Михайловское, j'attends qu'on m'en signifie l'ordre. Tout cela est d'une légèreté, d'une cruauté inconcevable. Encore un mot: ma santé demande un autre climat, on n'en a pas dit un mot à Sa Majesté. Est-ce sa faute s'il n'en sait rien? On me dit que le public est indigné; je le suis aussi, mais c'est de l'insouciance et de la frivolité de ceux qui se mêlent de mes affaires. O, mon dieu, délivrez-moi de mes amis!

Няня заочно у вас, Ольга Сергеевна, ручки целует голубушке моей.

158. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

14 и 15 августа 1825 г. Из Михайловского в Ревель.

14 авг.

Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору, но кто ж виноват, что ты столь же редко говоришь на нем, как дамы 1807-го года на славяно-росском. И нет над тобою как бы некоего Шишкова или Сергея Глинки, или иной няни Василисы, чтоб на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться в рифмах, извольте жаловаться в стихах. Благодарю очень за «Водопад». Давай мутить его сейчас же.

...с гневом
Сердитый влаги властелин —

Вла Вла звуки музыкальные, но можно ли, напр., сказать о молнии *властительница небесного огня?* Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь. Перемени как-нибудь, валяй его с каких-нибудь *стремнин, вершин* и тому подобное.

2-я строфа — прелесть! — Дождь брызжет от (такой-то) сшибки
Твоих *междуусобных* волн.

Междуусобный значит *mutuel*, но не заключает в себе идеи брани, спора — должно непременно тут дополнить смысл.

5-ая и 6-ая строфы прелестны.

Но ты питомец тайной бури.

Не питомец, скорее родитель — и то не хорошо — не соперник ли? *тайной,* о гремящем водопаде говоря, не годится — о буре физической — также. *Игралище глухой войны* — не совсем точно. *Ты не зерцало* и проч. Не яснее ли и не живее ли: *Ты не приемлешь их лазури etc.** Точность требовала бы *не отражаешь.* Но твое повторение *ты* тут нужно.

Под грозным знаменьем etc. *Хранишь* etc., но вся строфа сбивчива. Зародыш непогоды в водопаде: темно. Вечно бьющий *огонь,* тройная метафора. Не вычеркнуть ли всю строфу?

Ворвавшись — чудно-хорошо. Как *средь пустыни* etc. Не должно тут двойным сравнением развлекать внимания — да и сравнение не точно. *Вихорь и пустыню* уничтожь-ка — посмотри, что выйдет из того:

Как ты, внезапно разгорится.

---

* Впрочем, это придирка.

Вот видишь ли? Ты сказал об водопаде *огненном* метафорически, т. е. *блистающий, как огонь,* а здесь уж переносишь к жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь как нельзя хуже, но ты понимаешь меня).

Итак, не лучше ли:

Как ты, *пустынно* разразится

etc. а? или что другое — но *разгорится* слишком натянуто. Напиши же мне: в чем ты со мною согласишься. Твои письма гораздо нужнее для моего ума, чем операция для моего аневризма. Они точно оживляют меня, как умный разговор, как музыка Россини; как похотливое кокетство итальянки. Пиши мне, во Пскове это для меня будет благоденянье. Я созвал *нежданных* гостей, прелесть — не лучше ли еще *незваных.* Нет, cela serait de l'esprit.

При сем деловая бумага, ради бога, употреби ее в дело.

На отдельном листе:

1811 года дядя мой Василий Львович, по благорасположению своему ко мне и ко всей семье моей, во время путешествия из Москвы в Санкт-Петербург, взял у меня взаймы 100 рублей ассигнациями, данных мне на орехи покойной бабушкой моей Варварой Васильевной Чичериной и покойной тетушкой Анной Львовною. Свидетелем оного займа был известный Игнатий; но и сам Василий Львович, по благородству сердца своего, от оного не откажется. Так как оному прошло уже более 10 лет без всякого с моей стороны взыскания или предъявления, и как я потерял уже всё законное право на взыскание вышеупомянутых 100 рублей (с процентами за 14 лет, что составляет более 200 рублей), то униженно молю его высокоблагородие, милостивого государя дядю моего заплатить мне сии 200 рублей по долгу христианскому — получить же оные деньги уполномочиваю князя Петра Андреевича Вяземского, известного литератора.

Коллежский секретарь
Александр Сергеев сын Пушкин.

15 августа 1825.
Село Михайловское.

159. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

17 августа 1825 г. Из Михайловского
в Петербург.

Отче, в руце твои предаю дух мой. Мне право совестно, что жилы мои так всех вас беспокоят — операция аневризма ничего не значит, и, ей-богу, первый псковской коновал с ними бы мог

управиться. Во Псков поеду не прежде как в глубокую осень, оттуда буду тебе писать, светлая душа.— На днях виделся я у Пещурова с каким-то доктором-аматёром: он пуще успокоил меня — только здесь мне кюхельбекерно; согласен, что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегией в роде Коншина. Кстати об элегиях, трагедия моя идет, и думаю к зиме ее кончить; вследствие чего, читаю только Карамзина да летописи. Что за чудо эти 2 последние тома Карамзина! какая жизнь! c'est palpitant comme la gazette d'hier, писал я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть: нельзя ли мне доставить или жизнь *Железного колпака,* или житие какого-нибудь *юродивого.* Я напрасно искал Василия Блаженного в Четьих Минеях — а мне бы очень нужно.

Обнимаю тебя от души. Вижу по газетам, что Перовский у вас. Счастливец! он видел и Рим и Везувий.

17 августа. П.

160. А. П. КЕРН.

21 (?) августа 1825 г. Из Михайловского в Ригу.

Vous êtes désolante; j'étais en train de vous écrire des folies, qui vous eussent fait mourir de rire, et voilà que votre lettre vient m'attrister au beau milieu de ma verve. Tâchez de vous défaire de ces spasmes qui vous rendent si intéressante, mais qui ne valent pas le diable, je vous en avertis. Pourquoi faut-il donc que je vous gronde? Si vous aviez le bras en écharpe, il ne fallait pas m'écrire. Quelle mauvaise tête!

Dites-moi donc, que vous a-t-il fait ce pauvre mari? N'est-il pas jaloux par hasard? hé bien, je vous jure qu'il n'aurait pas tort; vous ne savez pas (ou ce qui est bien pire) vous ne voulez pas ménager les gens. Une jolie femme est bien maîtresse... d'être la maîtresse... Mon Dieu, je n'irai pas prêcher de la morale. Mais encore, on doit des égards au mari, sinon personne ne voudrait l'être. N'opprimez pas trop le métier, il est nécessaire de par le monde. Tenez, je vous parle à coeur ouvert. A 400 v. de distance vous avez trouvé le moyen de me rendre jaloux; qu'est ce donc que cela doit être à quatre pas? — (NB: Je voudrais bien savoir pourquoi M-r votre cousin n'est parti de Riga que le 15 du courant, et pourquoi son nom s'est-il trouvé trois fois au bout de votre plume dans votre lettre à moi? sans indiscrétion peut-on le savoir?). Pardon, divine, si je vous dis franchement ma façon de penser; c'est une preuve du véritable intérêt que je vous porte; je vous aime beaucoup plus que vous ne croyez. Tâchez donc de vous accommoder tant soit peu de ce maudit M-r Kern. Je conçois bien que ce ne doit pas être un grand génie, mais enfin ce n'est pas non plus tout-à-fait un imbécile. De

la douceur, de la coquetterie (et surtout, au nom du Ciel, des refus, des refus et des refus) le mettront à vos pieds, place que je lui envie du fond de mon âme; mais que voulez-vous? — Je suis au désespoir du départ d'Annette; quoiqu'il en soit il faut absolument que vous veniez cet automne ici ou bien à Pskov. On pourra prétexter une maladie d'Annette. Qu'en pensez-vous? répondez-moi, je vous en supplie; et n'en dites rien à Alexis Voulf.— Vous viendrez? — n'est ce pas? — jusque-là ne décidez rien à l'égard de votre mari. Vous êtes jeune, une carrière entière est devant vous — lui...... Enfin soyez sûre que je ne suis pas de ceux, qui ne conseilleront jamais un parti violent — quelquefois c'est inévitable — mais d'abord il faut raisonner et ne pas faire d'éclat inutile.

Adieu, il fait nuit, et votre image m'apparait toute triste et toute voluptueuse — je crois voir votre regard, votre bouche entrouverte. Adieu — je crois être à vos pieds, je les presse, je sens vos genoux — je donnerai tout mon sang pour une minute de réalité. Adieu et croyez à mon délire; il est ridicule mais vrai.

161. А. П. КЕРН.

28 августа 1825 г. Из Михайловского в Ригу.

Voici une lettre pour M-me votre tante, vous pouvez la garder si par hasard on n'est plus à Riga. Dites-moi, peut-on être aussi étourdie que vous l'êtes? comment une lettre adressée à vous, est-elle tombée en d'autres mains que les vôtres? Mais comme ce qui est fait est fait — parlons de ce que nous aurons à faire.

Si M-r votre époux vous ennuie trop, quittez-le — mais savez-vous comment? vous laissez là toute la famille, vous prenez la poste vers Ostrof et vous arrivez... où? à Trigorsky? pas du tout: à Michailovsky. Voilà le beau projet qui me tracasse l'imagination depuis un quart d'heure. Mais concevez-vous quel serait mon bonheur? Vous me direz: « Et l'éclat, et le scandale? » Que diable! en quittant un mari le scandale est complet, le reste n'est rien ou peu de chose.— Mais avouez que mon projet est romanesque? — Conformité de caractère, haine de barrières, organe du vol très prononcé, etc. etc.— Concevez-vous l'étonnement de M-me votre tante? Il s'ensuivra une rupture. Vous verrez votre cousine en secret, c'est le moyen de rendre l'amitié moins insipide — et Kern une fois mort — vous êtes libre comme l'air... Eh bien, qu'en dites-vous? quand je vous disais que j'étais en état de vous donner un conseil hardi et imposant!

Parlons sérieusement, c'est-à-dire froidement: vous reverrai-je? l'idée que non me fait frissonner.— Vous me direz: consolez-vous. Fort bien, mais comment? devenir amoureux? impossible. Il faut d'abord oublier vos spasmes — m'expatrier? m'etrangler? me marier?

Tout cela présente de grandes difficultés, j'y répugne... Ha! vos lettres, à propos. Comment les recevrai-je? Votre tante ne veut pas de cette correspondance si chaste, si innocente (et le moyen... à 400 verstes). Il est probable que nos lettres seront interceptées, lues, commentées et puis brulées en cérémonie. Tâchez de déguiser votre écriture et je verrai le reste.— Mais écrivez moi et beaucoup en long et en large et en diagonale (terme de géométrie). Voilà ce que c'est que *diagonale*.[1] Mais surtout donnez moi l'espérance de nous revoir. Si non, je tâcherai vraiment d'être amoureux autre part. J'oubliais: je viens d'écrire à Netty une lettre bien tendre, bien basse. Je raffole de Netty. Elle est naïve — et vous ne l'êtes pas. Pourquoi n'êtes vous pas naïve. N'est-ce pas que je suis beaucoup plus aimable par poste qu'en face? hé bien, si vous venez, je vous promets d'être extrêmement aimable — je serai gai lundi, exalté mardi, tendre mercredi, leste jeudi, vendredi, samedi et dimanche je serai tout ce qu'il vous plaira et toute la semaine à vos pieds. *Adieu.*

28 août.

Ne décachetez pas la lettre ci-jointe. Ce n'est pas bien. M-me votre tante s'en fâcherait.

Mais admirez comme le bon Dieu mêle les choses: M-me Ossipof décachette une lettre à vous, vous décachetez une lettre à elle, je décachette une lettre de Netty — et nous y trouvons tous de quoi nous édifier — vraiment c'est un charme!

162. П. А. ОСИПОВОЙ.

28 августа 1825 г. Из Михайловского в Ригу.

Oui, madame, honny soit qui mal y pense. Ha, les méchants qui croient qu'une correspondance puisse mener à quelque chose! Serait-ce par expérience qu'ils le savent? mais je leur pardonne, faites en de même et continuons.

Votre dernière lettre (de minuit) est charmante; j'ai ri de tout mon coeur: mais vous êtes trop sévère envers votre aimable nièce; il est vrai qu'elle est étourdie, mais patience: encore une vingtaine d'années et elle se corrigera, je vous le promets; quant à sa coquetterie, vous avez tout-à-fait raison, elle est désolante. Comment ne pas se contenter de plaire à Sire Kern, puisqu'elle a ce bonheur? Non, il faut encore qu'elle tourne la tête à M-r votre fils, à son Cousin! arrivée à Trigorsky, il lui passe par l'esprit de captiver M-r Rokotof et moi; ce n'est pas tout: arrivée à Riga, elle voit dans sa maudite forteresse un maudit prisonnier, elle devient la coquette Providence

---

[1] *Эта фраза написана из угла в угол письма — по диагонали.*

de ce sacré каторжник! ce n'est pas tout, vous m'apprenez qu'il y a dans l'affaire encore des uniformes! ha, par exemple, c'en est trop: M-r Rokotof le saura, et nous verrons ce qu'il en dira. Mais, Madame, croyez-vous sérieusement qu'elle fasse la coquette *indifférement*? elle dit que non; j'aime à la croire, mais ce qui me rassure encore plus, c'est que tout le monde n'a pas la même manière de faire la cour, et pourvu que les autres soient respectueux, timides et délicats, c'est tout ce qu'il me faut. Je vous remercie, Madame, de n'avoir pas rendu ma lettre, elle était trop tendre, et dans les circonstances actuelles, ce serait ridicule de ma part. Je m'en vais lui écrire une autre, avec l'impertinence qui me caractérise, et décidément je m'en vais rompre avec elle; il ne sera pas dit que j'ai tâché de porter le trouble au sein d'une famille; que Ермолай Федорович puisse m'accuser de n'avoir pas de Principes et que sa femme puisse se moquer de moi.— Que vous êtes aimable d'avoir trouvé le portrait ressemblant: «hardie dans etc.» N'est-ce pas? Elle dit encore que non; mais c'est fini, je ne la croirai plus.

Adieu, Madame, c'est avec bien de l'impatience que j'attends votre arrivée — nous médirons de la Netty du Nord que je regretterai toujours d'avoir vue, et encore plus de ne pas avoir possédée. Pardonnez cet aveu un peu trop sincère à celui qui vous aime bien tendrement quoique bien différemment.

Michailovs.

163. К. Ф. РЫЛЕЕВУ.

Вторая половина июня — август 1825 г.
Из Михайловского в Петербург.

(Черновое)

Мне досадно, что Рылеев меня не понимает — в чем дело. Что у нас не покровительствуют литературу, и что слава богу? зачем же об этом говорить? pour réveiller le chat qui dort? напрасно. Равнодушию правительства и притеснению цензуры обязаны мы духом нынешней нашей словесности. Чего ж тебе более? загляни в журналы в течение шести лет посмотри, сколько раз упоминали обо мне, сколько раз меня хвалили поделом и понапрасну — а об нашем приятеле ни гугу, как будто на свете его не было. Почему это? уж верно не от гордости или радикализма такого-то журналиста, нет — а всякий знает, что, хоть он расподличайся, никто ему спасибо не скажет и не даст ни пяти рублей — так лучше ж даром быть благородным человеком. Ты сердишься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством. (NB, мое дворянство старее). Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит от состояния писателей? Мы не мо-

жем подносить наших сочинений вельможам, ибо по своему рождению почитаем себя равными им. Отселе гордость etc. Не должно русских писателей судить, как иноземных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия. Там стихами живут, а у нас граф Хвостов прожился на них. Там есть нечего, так пиши книгу, а у нас есть нечего, служи, да не сочиняй. Милый мой, ты поэт и я поэт, но я сужу более прозаически и чуть ли от этого не прав. Прощай, мой милый, что ты пишешь?

164. А. Н. ВУЛЬФУ.

Конец августа 1825 г. Из Михайловского в Дерпт.

Любезный Алексей Николаевич,

Я не успел благодарить Вас за дружеское старание о проклятых моих сочинениях, чёрт с ними и с цензором, и с наборщиком, и с *tutti quanti* — дело теперь не о том. Друзья мои и родители вечно со мною проказят. Теперь послали мою коляску к Мойеру с тем, чтоб он в ней ко мне приехал и опять уехал и опять прислал назад эту бедную коляску. Вразумите его. Дайте ему от меня честное слово, что я не хочу этой операции, хотя бы и очень рад был с ним познакомиться. А об коляске, сделайте милость, напишите мне два слова, что она? где она? etc.—

Vale, mi fili in spirito. Кланяюсь Языкову. Я написал на днях подражание элегии его «Подите прочь».

165. П. А. КАТЕНИНУ.

Первая половина (не позднее 14) сентября 1825 г.
Из Михайловского в Кологрив.

Ты не можешь себе вообразить, милый и почтенный Павел Александрович, как обрадовало меня твое письмо, знак неизменившейся твоей дружбы... Наша связь основана не на одинаковом образе мыслей, но на любви к одинаковым занятиям. Ты огорчаешь меня уверением, что оставил поэзию — общую нашу любовницу. Если это правда, что ж утешает тебя, кто утешит ее?.. Я думал, что в своей глуши — ты созидаешь; нет — ты хлопочешь и тягаешься — а между тем годы бегут.

Heu fugant, Posthume, Posthume, labuntur anni.

А что всего хуже, с ними улетают и страсти и воображение. Послушайся, милый, запрись да примись за романтическую трагедию в 18-ти действиях (как трагедии Софии Алексеевны). Ты сделаешь переворот в нашей словесности, и никто более тебя того не достоин. Прочел в Булгарине твое 3-е действие, прелестное

в величавой простоте своей. Оно мне живо напомнило один из лучших вечеров моей жизни; помнишь?.. На чердаке князя Шаховского.

Как ты находишь первый акт «Венцеслава»? По мне чудно-хорошо. Старика Rotrou, признаюсь, я не читал, по-гишпански не знаю, а от Жандра в восхищении; кончена ли вся трагедия?

Что сказать тебе о себе, о своих занятиях? Стихи покамест я бросил и пишу свои mémoires, то есть переписываю набело скучную, сбивчивую, черновую тетрадь; четыре песни «Онегина» у меня готовы, и еще множество отрывков, но мне не до них. Радуюсь, что 1-я песнь тебе по нраву — я сам ее люблю; впрочем, на все мои стихи я гляжу довольно равнодушно, как на старые проказы с К...., с театральным майором и проч.; больше не буду!— Addio, Poeta, a rivederla, ma quando?..

166. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

13 и 15 сентября 1825 г. Из Михайловского в Москву.

13 сентября.

Сам съешь! — Заметил ли ты, что все наши журнальные антикритики основаны на *сам съешь*? Булгарин говорит Федорову: ты лжешь, Федоров говорит Булгарину: сам ты лжешь. Пинский говорит Полевому: *ты невежда.* Полевой возражает Пинскому: *ты сам невежда,* один кричит: ты крадешь! другой: сам ты крадешь!— и все правы. Итак сам съешь, мой милый; ты сам ищешь полудня в четырнадцать часов.— Очень естественно, что милость царская огорчила меня, ибо новой милости не смею надеяться,— а Псков для меня хуже деревни, где по крайней мере я не под присмотром полиции. Вам легко на досуге укорять меня в неблагодарности, а были бы вы (чего боже упаси) на моем месте, так, может быть, пуще моего взбеленились. Друзья обо мне хлопочут, а мне хуже да хуже. Сгоряча их проклинаю, одумаюсь, благодарю за намерение, как езуит, но всё же мне не легче. Аневризмом своим дорожил я пять лет, как последним предлогом к избавлению, ultima ratio libertatis — и вдруг последняя моя надежда разрушена проклятым дозволением ехать лечиться в ссылку! Душа моя, поневоле голова кругом пойдет. Они заботятся о жизни моей; благодарю — но чёрт ли в эдакой жизни. Гораздо уж лучше от нелечения умереть в Михайловском. По крайней мере могила моя будет живым упреком, и ты бы мог написать на ней приятную и полезную эпитафию. Нет, дружба входит в заговор с тиранством, сама берется оправдать его, отвратить негодование; выписывают мне Мойера, который, конечно, может совершить операцию и в сибирском руднике; лишают меня права жаловаться (не в стихах, а в прозе, дьявольская разница!), а там не велят и беситься. Как не так!— Я знаю, что право жаловаться

ничтожно, как и все прочие, но оно есть в природе вещей: погоди. Не демонствуй, Асмодей: мысли твои об общем мнении, о суете гонения и страдальчества (положим) справедливы — но помилуй... это моя религия; я уже не фанатик, но всё еще набожен. Не отнимай у схимника надежду рая и страх ада.

Зачем не хочу я согласиться на приезд ко мне Мойера?— я не довольно богат, чтоб выписывать себе славных докторов и платить им за свое лечение — Мойер друг Жуковскому — но не Жуковский. Благодеяний от него не хочу. Вот и всё.

Ты признаешься, что в своем «Водопаде» ты более писал о страстном человеке, чем о воде. Отселе и неточность некоторых выражений. Благодарю от души Карамзина за Железный колпак, что он мне присылает; в замену отошлю ему по почте свой цветной, который полно мне таскать. В самом деле, не пойти ли мне в юродивые, авось буду блаженнее! Сегодня кончил я 2-ую часть моей трагедии — всех, думаю, будет четыре. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Не говори, однако ж, этого никому. Благодарю тебя и за замечание Карамзина о характере Бориса. Оно мне очень пригодилось. Я смотрел на него с политической точки, не замечая поэтической его стороны: я его засажу за Евангелие, заставлю читать повесть об Ироде и тому подобное. Ты хочешь *плана?* возьми конец десятого и весь одиннадцатый том, вот тебе и *план.*

Ах, мой милый, вот тебе каламбур на мой аневризм: друзья хлопочут о моей *жиле, а я об жилье.* Каково?

15 сентября.

Resumé: Вы находите, что позволение ехать во Псков есть шаг вперед, а я думаю, что шаг назад,— но полно об аневризме — он мне надоел, как наши журналы.

Жалею, что о Staël писал Муханов (если адъютант Раевского), он мой приятель, и я бы не тронул его, а всё же он виноват. M-me Staël наша — не тронь ее — впрочем, я пощадил его. Как мне жаль, что Полевой пустился без тебя в антикритику! Он длинен и скучен, педант и невежда — ради бога, надень на него строгий мундштук и выезжай его — на досуге. Будут и стихи, но погоди немного.

Горчаков мне живо напомнил Лицей, кажется, он не переменился во многом — хоть и созрел и, следственно, подсох. Ты вбил ему в голову, что я объедаюсь гонением. Ох, душа моя — меня тошнит... но предлагаемое да едят.

167. АЛЕКСАНДРУ I.

Начало июля — сентябрь (до 22) 1825 г.
Из Михайловского в Петербург.

(Черновое)

Des propos inconsidérés, des vers satiriques me firent remarquer dans le public, le bruit se répandit que j'avais été traduit et fouetté à la chancellerie secrète.

Je fus le dernier à apprendre ce bruit qui était devenu général, je me vis flétri dans l'opinion, je suis découragé — je me battais, j'avais 20 ans en 1820 — je délibérais si je ne ferais pas bien de me suicider ou d'assassiner — V.

Dans le 1-er cas je ne faisais qu'assurer un bruit qui me déshonorait, en l'autre je ne me vengeais pas puisqu'il n'y avait pas d'outrage, je commettais un crime, je sacrifiais à l'opinion d'un public que je méprise un homme auquel tenait tout et talent dont j'avais été l'admirateur involontaire.

Telles furent mes réflexions. Je les communiquais à un ami qui fut parfaitement de mon avis. Il me conseilla des démarches de justification envers l'autorité — j'en sentis l'inutilité.

Je résolus de mettre tant d'indécence, de jactance dans mes discours et mes écrits qu'enfin l'autorité soit obligé de me traiter en criminel — j'espérais la Sibérie ou la forteresse comme réhabilitation.

La conduite magnanime, libérale de l'autorité me toucha profondément, en déracinant entièrement une ridicule calomnie. Depuis jusqu'à ma disgrâce s'il m'est quelquefois échappé des plaintes contre un ordre de choses reçu, si quelquefois je m'abandonnais à de jeunes déclamations, je suis pourtant bien sûr d'avoir toujours respecté soit dans mes écrits soit dans mes discours la Personne de Votre Majesté.

Sire, on m'a accusé d'avoir compté sur la générosité de votre caractère — je vous ai dit la verité avec une franchise dont il serait impossible d'être capable envers tout autre souverain du monde.

Aujourd'hui j'ai recours à cette générosité. Ma santé a été fortement altérée dans ma jeunesse — un anévrisme de coeur exige une prompte opération ou un traitement prolongé. Le séjour de Pscov, la ville qui m'a été assignée, ne peut me procurer aucun secours, je supplie Votre Majesté de me permettre le séjour d'une de nos capitales ou bien de m'ordonner un endroit de l'Europe où je pourrais prendre soin de mon existence.

168. А. П. КЕРН.

22 сентября 1825 г. Из Михайловского в Ригу.

Au nom du ciel n'envoyez pas à M-me Ossipof la lettre que vous avez trouvée dans votre paquet. Ne voyez-vous pas qu'elle était écrite uniquement pour votre édification particulière? Gardez-la pour vous ou vous allez nous brouiller. J'avais entrepris de faire votre paix, mais j'en désespère après vos dernières étourderies...... A propos — vous me jurez vos grands dieux que vous ne faites la coquette avec personne, et vous tutoyez votre cousin, vous lui dites: *je méprise ta mère.* C'est affreux; il fallait dire: *votre mère*, et même il ne fallait dire rien du tout, car la phrase a diablement eu de l'effet. Jalousie à part, je vous conseille de rompre cette correspondance, en ami qui vous est véritablement dévoué sans phrases et sans simagrées. Je ne conçois pas quel est votre but de faire la coquette avec un jeune étudiant (qui n'est pas poète) à une distance aussi respectable. Quand il était près de vous, vous savez que je trouvais cela tout naturel — car il faut être raisonnable. Voilà qui est dit. N'est ce pas? point de correspondance — je vous réponds qu'il n'en sera pas moins amoureux.— Parlez-vous sérieusement en paraissant approuver mon projet? Annette en eu la chair de poule, et moi la tête m'en a tourné de joie; mai je ne crois pas au bonheur et cela est bien pardonnable. Voudrez-vous, ange d'amour, persuader une âme incrédule et flétrie? — Mais venez du moins à Pskov; cela vous sera facile.— Le coeur me bat, ma vue se trouble, je languis à cette seule idée.— Ne serait-elle qu'une vaine espérance, comme tant d'autres?.. Venons au fait: d'abord il faut un prétexte: une maladie d'Annette — qu'en dites-vous? ou bien, ne ferez-vous pas un voyage à Pétersbourg?.. Vous me le ferez savoir. Oui? — Ne me trompez pas, bel ange! que je vous sois redevable de quitter la vie en connaissant le bonheur! — Ne me parlez pas d'admiration; ce sentiment n'en est pas un. Parlez-moi d'amour; j'en ai soif. Mais surtout ne me parlez pas de vers... Votre conseil d'écrire à Sa Majesté m'a touché comme une preuve de ce que vous avez songé à moi — je t'en remercie à genoux, mais je ne puis le suivre. Il faut que le sort décide de mon existence; je ne veux pas m'en mêler...— L'espérance de vous revoir encore belle et jeune est la seule chose qui me soit chère.— Encore une fois, ne me trompez pas.

22 sept. Михайловское.

Demain, c'est la fête de M-me votre tante; je serai donc à Trigorsky. Votre idée de marier Annette, pour avoir un refuge, est délicieuse, mais je ne la lui ai pas communiquée. Répondez, je vous en supplie, aux points principaux de cette lettre, et je croirai que le monde vaut encore la peine d'être habité. —

169. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Вторая половина (не позднее 24) сентября 1825 г.
Из Михайловского в Москву.

Горчаков доставит тебе мое письмо. Мы встретились и расстались довольно холодно — по крайней мере с моей стороны. Он ужасно высох — впрочем, так и должно; зрелости нет у нас на севере, мы или сохнем, или гнием; первое всё-таки лучше. От нечего делать я прочел ему несколько сцен из моей комедии, попроси его не говорить об них, не то об ней заговорят, а она мне опротивит, как мои «Цыганы», которых я не мог докончить по сей причине. Радуюсь, однако, участи моей песни «Режь меня». Это очень близкий перевод, посылаю тебе дикий напев подлинника. Покажи это Вьельгорскому — кажется, мотив — чрезвычайно счастливый. Отдай его Полевому и с песней.— Сестра мне пишет из Москвы — видаешься ли ты с нею? Ради бога, докажи Василию Львовичу, что элегия на смерть *Анны Львовны* не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника. Он восклицает «а она его сестре 15 000 оставила!..» Это напоминает чай, которым он поил Милонова. Дело в том, что конечно Дельвиг более виноват, нежели я. Похлопочи обо мне, душа моя, как о брате —

Сатирик и поэт любовный...[1]

Variante: *Василий Львович тонкий, острый.*

Кланяюсь княгине и сестре — некогда более писать.

Не потеряй этих нот, если не будут они гравированы, покажи это Верстовскому.

170. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

6 октября 1825 г. Из Тригорского в Петербург.

На днях, увидя в окошко осень, сел я в тележку и прискакал во Псков. Губернатор принял меня очень мило, я поговорил с ним о своей жиле, посоветовался с очень добрым лекарем и приехал обратно в свое Михайловское. Теперь, имея обстоятельные сведения о своем аневризме, поговорю об нем толком. П. А. Осипова, будучи в Риге, со всею заботливостью дружбы говорила обо мне оператору Руланду; операция не штука, сказал он, но следствия могут быть важны: больной должен лежать несколько недель неподвижно etc. Воля твоя, мой милый,— ни во Пскове, ни в Михайловском я на то не соглашусь; всё равно умереть со скуки

---

[1] См. т. II, стр. 282.

или с аневризма; но первая смерть вернее другой.— Я постели не вытерплю, во что бы то ни стало. 2-е, псковский лекарь говорит: можно обойтись и без операции, но нужны строгие предосторожности: не ходите много пешком, не ездите верхом, не делайте сильных движений etc. etc. Ссылаюсь на всех; что мне будет делать в деревне или во Пскове, если всякое физическое движение будет мне запрещено? Губернатор обещался отнестись, что лечиться во Пскове мне невозможно — итак погодим, авось ли царь что-нибудь решит в мою пользу.

Теперь 3-й § (и самый важный), Мойера не хочу решительно. Ты пишешь: *прими его, как меня*. Мудрено. Я не довольно богат, чтоб выписывать себе славных операторов — а даром лечиться не намерен — он не ты. Конечно, я с радостию и благодарностью дал бы тебе срезать не только становую жилу, но и голову; от тебя благодеянье мне не тяжело — а от другого не хочу. Будь он тебе расприятель, будь он сын Карамзина.

Милый мой, посидим у моря, подождем погоды; я не умру; это невозможно; бог не захочет, чтоб «Годунов» со мною уничтожился. Дай срок: жадно принимаю твое пророчество; пусть трагедия искупит меня... но до трагедий ли нашему черствому веку? По крайней мере оставь мне надежду.— Чувствую, что операция отнимет ее у меня. Она закабалит меня на 10 лет ссылочной жизни. Мне уже не будет ни надежды, ни предлога — страшно подумать, отче! не брани меня и не сердись, когда я бешусь; подумай о моем положении; вовсе не завидное, что ни толкуют. Хоть кого с ума сведет.

Тригорское.
6 окт.

171. А. Н. ВУЛЬФУ.

10 октября 1825 г. Из Михайловского в Дерпт.

Милый Алексей Николаевич, чувствительно благодарю вас за дружеское исполнение моих препоручений и проч. Почтенного Мойера благодарю от сердца, вполне чувствую и ценю его благосклонность и намерение мне помочь — но повторяю решительно: ни во Пскове, ни в моей глуши лечиться я не намерен. О коляске моей осмеливаюсь принести вам нижайшую просьбу. Если (что может случиться) деньги у вас есть, то прикажите, наняв лошадей, отправить ее в Опочку, если же (что также случается) денег нет — то напишите, сколько их будет нужно.— На всякий случай поспешим, пока дороги не испортились... Что скажу вам нового? Вы, конечно, уже знаете всё, что касается до приезда Анны Петровны. Муж ее очень милый человек, мы познакоми-

лись и подружились. Желал бы я очень исполнить желание ваше касательно подражания Языкову, но не нахожу его под рукой. Вот начало:

Как широко...[1]

Не написал ли Языков еще чего-нибудь в том же роде? или в другом? перешлите нам — мы будем очень благодарны.

10 окт.

172. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Около 7 ноября 1825 г. Из Михайловского в Москву.

В глуши, измучась жизнью постной...[2]

Благодарствую, душа моя, и целую тебя в твою поэтическую ----- — с тех пор как я в Михайловском, я только два раза хохотал; при разборе новой пиитики басен и при посвящении ----- ----- твоего.— Как же мне не любить тебя? как мне перед тобой не подличать — но подличать готов, а переписывать, воля твоя, не стану — смерть моя и только.

Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедиею, в ней же первая персона Борис Годунов! Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын! Юродивый мой малый презабавный; на Марину у тебя -------— ибо она полька, и собою преизрядна (вроде Катерины Орловой, сказывал это я тебе?). Прочие также очень милы; кроме капитана Маржерета, который всё поматерну бранится; цензура его не пропустит. Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат! Ты уморительно критикуешь Крылова; молчи, то знаю я сама, да эта крыса мне кума. Я назвал его представителем *духа* русского народа — не ручаюсь, чтоб он отчасти не вонял.— В старину наш народ назывался смерд (см. господина Карамзина). Дело в том, что Крылов преоригинальная туша, граф Орлов дурак, а мы разини и пр. и пр. ...

Я из Пскова написал тебе было уморительное письмо — да сжег. Тамошний архиерей отец Евгений принял меня как отца Евгения. Губернатор также был весьма милостив; дал мне переправить свои стишки-с. Вот каково! Прощай, мой милый.

---

[1] См. т. II, стр. 290.
[2] См. т. II, стр. 283.

173. А. А. ДЕЛЬВИГУ.

Октябрь — первая половина ноября 1825 г.
Из Михайловского в Петербург.

Брови царь нахмуря...[1]

Вот тебе, душа моя, приращение к куплетам Эристова. Поцелуй его от меня в лоб. Я помню его отроком, вырвавшимся из-под полоцких езуитов. Благословляю его во имя Феба и святого Болия безносого.

Писал я брату об «Андрее Шенье». Впрочем, твоя святая воля. Я боюсь, чтоб том «Разных стихотворений» не был слишком тонок. Возьми себе весь портрет Татьяны до *От Ричардсона без ума,* да еще конец от *Своим пенатам возвращенный.* Как ты думаешь? отпиши, покамест еще не женился.

Кланяйся от меня почтенному, умнейшему Арзамасцу, будущему своему тестю — а из жены своей сделай Арзамаску — непременно.

Жду писем.

174. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Вторая половина ноября 1825 г. Из Михайловского в Москву.

Я думал, что ты давно получил от Льва Сергеича 600 р., украденные Савеловым,— узнаю, что Лев их промотал; извини его и жди оброка, что соберу на днях с моего сельца Санкт-Петербурга.

Милый, мне надоело тебе писать, потому что не могу являться тебе в халате, нараспашку и спустя рукава. Разговор наш похож на предисловие г-на Лемонте. Мы с тобою толкуем — лишь о Полевом да о Булгарине — а они несносны и в бумажном переплете. Ты умен, о чем ни заговори — а я перед тобою дурак дураком. Условимся, пиши мне и не жди ответов.

Твоя статья о «Аббатстве» Байрона? Что за чудо «Дон-Жуан»! я знаю только пять первых песен; прочитав первые две, я сказал тотчас Раевскому, что это Chef-d'oeuvre Байрона, и очень обрадовался, после увидя, что Walter Scott моего мнения. Мне нужен английский язык — и вот одна из невыгод моей ссылки: не имею способов учиться, пока пора. Грех гонителям моим! И я, как А. Шенье, могу ударить себя в голову и сказать: Il y avait quelque chose là... извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру. Мочи нет сердит: не выспался и не --------.

---

[1] См. т. II, стр. 284.

Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? чёрт с ними! слава богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах, невольно, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностию, то марая своих врагов. Его бы уличили, как уличили Руссо,— а там злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением. Поступок Мура лучше его «Лалла-Рук» (в его поэтическом отношенье). Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции.— Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы,— иначе.— Писать свои Mémoires заманчиво и приятно. Никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя. Предмет неистощимый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искренним — невозможность физическая. Перо иногда остановится, как с разбега перед пропастью,— на том, что посторонний прочел бы равнодушно. Презирать — braver — суд людей не трудно; презирать суд собственный невозможно.

175. А. А. БЕСТУЖЕВУ.

30 ноября 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Я очень обрадовался письму твоему, мой милый, я думал уже, что ты на меня дуешься,— радуюсь и твоим занятиям. Изучение новейших языков должно в наше время заменить латинский и греческий — таков дух века и его требования. Ты — да, кажется, Вяземский — одни из наших литераторов — учатся; все прочие разучаются. Жаль! высокий пример Карамзина должен был их образумить. Ты едешь в Москву; поговорим там с Вяземским об журнале; он сам чувствует в нем необходимость, а дело было бы чудно-хорошо. Ты пеняешь мне за то, что я не печатаюсь — надоела мне печать — опечатками, критиками, защищениями etc... однако поэмы мои скоро выйдут. И они мне надоели; Руслан молокосос, Пленник зелен — и пред поэзией кавказской природы поэма моя — голиковская проза. Кстати: кто писал о горцах в «Пчеле»? вот поэзия! не Якубович ли, герой моего воображенья? Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева etc. — в нем много, в самом деле, романтизма. Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде — поэма моя была бы лучше. Важная вещь! Я написал трагедию и ею очень доволен; но страшно в свет выдать — робкий вкус наш не стерпит истинного романтизма. Под романтизмом у нас разумеют Ламартина. Сколько я ни читал о роман-

тизме, всё не то; даже Кюхельбекер врет. Что такое его «Духи»? до сих пор я их не читал. Жду твоей новой повести, да возьмись-ка за целый роман — и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе всё будет слог сбиваться на Коцебятину. Кланяюсь планщику Рылееву, как говаривал покойник Платов, но я, право, более люблю стихи без плана, чем план без стихов. Желаю вам, друзья мои, здравия и вдохновения.

30 ноября.

176. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Конец ноября — начало (не позднее 3) декабря 1825 г.
Из Михайловского в Москву.

Ты приказывал, моя радость, прислать тебе стихов для какого-то альманаха (чёрт его побери), вот тебе несколько эпиграмм, у меня их пропасть, избираю невиннейших.

Совет

Поверь: когда и мух и комаров...[1]

Соловей и кукушка

В лесах, во мраке ночи праздной...[2]

Движенье

Движенья нет, сказал мудрец брадатый...[3]

Дружба

Что дружба? легкий пыл похмелья...[4]

Мадригал

Нет ни в чем вам благодати...[5]

177. П. А. КАТЕНИНУ.

4 декабря 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Письмо твое обрадовало меня по многим причинам: 1) что оно писано из Петербурга, 2) что «Андромаха» наконец отдана на театр, 3) что ты собираешься издать свои стихотворения, 4) (и

[1] См. т. II, стр. 248.
[2] См. т. II, стр. 250.
[3] См. т. II, стр. 249.
[4] См. т. II, стр. 251.
[5] См. т. II, стр. 321.

что должно было бы стоять первым) что ты любишь меня по-старому. Может быть, нынешняя перемена сблизит меня с моими друзьями. Как верный подданный, должен я, конечно, печалиться о смерти государя; но, как поэт, радуюсь восшествию на престол Константина I. В нем очень много романтизма; бурная его молодость, походы с Суворовым, вражда с немцем Барклаем напоминают Генриха V.— К тому ж он умен, а с умными людьми всё как-то лучше; словом, я надеюсь от него много хорошего. Как бы хорошо было, если бы нынешней зимой я был свидетелем и участником твоего торжества! участником, ибо твой успех не может быть для меня чуждым; но вспомнят ли обо мне? Бог весть. Мне, право, совестно, что тебе так много наговорили о моих «Цыганах». Это годится для публики, но тебе надеюсь я представить что-нибудь более достойное твоего внимания. «Онегин» мне надоел и спит; впрочем, я его не бросил. Радуюсь успехам Каратыгина и поздравляю его с твоим ободрением. Признаюсь — мочи нет хочется к вам. Прощай, милый и почтенный. Вспомни меня во время первого представления «Андромахи».

4 декабря.

178. В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.

1—6 декабря 1825 г. Из Михайловского в Москву.

Прежде чем поблагодарю тебя, хочу с тобою побраниться. Получив твою комедию, я надеялся найти в ней и письмо. Я трес, трес ее и ждал, не выпадет ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно: ничего не выдрочил и со злости духом прочел «Духов», * сперва про себя, а потом и вслух. Нужна ли тебе моя критика? Нет! не правда ли? всё равно; критикую: ты сознаешься, что характер поэта не правдоподобен; сознание похвальное, но надобно бы сию неправдоподобность оправдать, извинить в самой комедии, а не в предисловии. Поэт мог бы сам совеститься, стыдиться своего суеверия: отселе новые, комические черты. Зато Калибан — прелесть. Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Жуковского. Это простительно Цертелеву, а не тебе. Ты скажешь, что насмешка падает на подражателей, а не на него самого. Милый, вспомни, что ты, если пишешь для нас, то печатаешь для черни; она принимает вещи буквально. Видит твое неуважение к Жуковскому и рада.

Сир слово старое. Прочтут иные *сыр* etc.— очень мило и дельно. От жеманства надобно нас отучать. — Пас стада главы моей (вшей?). Впрочем везде, где поэт бредит Шекспиром, его *легкое воздушное творенье,* речь Ариеля и последняя тирада,— прекрасно. О стихосложении скажу, что оно небрежно, не всегда нату-

* Calembour! reconnais-tu le sang?

рально, выражения не всегда точно-русские — например, слушать *в оба уха, брось* вид угрюмый, *взгляд унылый,* молодец ретивый, сдернет чепец *на старухе* etc. Всё это я прощаю для Калибана, который чудо как мил. Ты видишь, мой милый, что я с тобою откровенен по-прежнему; и уверен, что этим тебя не рассержу,— но вот чем тебя рассержу: князь Шихматов, несмотря на твой разбор и смотря на твой разбор, бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля... ай-ай, больше не буду! не бей меня.

179. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

4—6 декабря 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Милый, дело не до стихов — слушай *в оба уха*: Если я друзей моих не слишком отучил от ходатайства, вероятно они вспомнят обо мне... Если брать, так брать — не то, что и совести марать — ради бога, не просить у царя позволения мне жить в Опочке или в Риге; чёрт ли в них? *а просить или о въезде в столицу, или о чужих краях.* В столицу хочется мне для вас, друзья мои,— хочется с вами еще перед смертию поврать; но, конечно, благоразумнее бы отправиться за море. Что мне в России делать? Покажи это письмо Жуковскому, который, может быть, на меня сердит. Он как-нибудь это сладит. Да нельзя ли дам взбуторажить?.. Душа! я пророк, ей-богу пророк! Я «Андрея Шенье» велю напечатать церковными буквами во имя отца и сына etc.— выписывайте меня, красавцы мои, а не то не я прочту вам трагедию свою. Кстати: Борька также вывел юродивого в своем романе. И он байроничает, описывает самого себя! — мой юродивый, впрочем, гораздо милее Борьки — увидишь. Вот тебе письма к двум еще юродивым. Воейков не напроказил ли чего-нибудь? Я его сентябрьской книжки не читал. Он что-то со мною трусит. Кюхельбекера «Духи» — дрянь; стихов хороших очень мало; вымысла нет никакого. Предисловие одно порядочно.— Не говори этого ему — он огорчится.

Неужто «Илья Муромец» Загорского? если нет, кто ж псевдоним, если да: как жаль, что он умер!

180. А. П. КЕРН.

8 декабря 1825 г. Из Тригорского в Ригу.

Je ne m'attendais guère, enchanteresse, à votre souvenir, c'est du fond de mon âme que je vous en remercie. Byron vient d'acquérir pour moi un nouveau charme — toutes ses héroïnes vont revêtir dans mon imagination des traits qu'on ne peut oublier. C'est vous que je verrai dans Gulnare et dans Leila — l'idéal de Byron lui-même ne pouvait être plus divin. C'est donc vous, c'est toujours

vous que le sort envoie pour enchanter ma solitude! Vous êtes l'ange de consolation — mais je ne suis qu'un ingrat, puisque je murmure encore... Vous *allez* à Pétersbourg, mon exil me pèse plus que jamais. Peut-être que le changement qui vient d'arriver me rapprochera de vous, je n'ose l'espérer. Ne croyons pas à l'espérance, ce n'est qu'une jolie femme, elle nous traite en vieux maris. Que fait le vôtre, mon doux génie? Sabez que c'est sous ses traits que je m'imagine les ennemis de Byron, y compris sa femme.

8 déc.

Je reprends la plume pour vous dire que je suis à vos genoux, que je vous aime toujours, que je vous déteste quelquefois, qu'avant-hier j'ai dit de vous des horreurs, que je vous baise vos belles mains, que je les rebaise encore en attendant mieux, que je n'en peux plus, que vous êtes divine etc.

1826

181. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Вторая половина (не позднее 25) января 1826 г.
Из Михайловского в Петербург.

Душа моя, спасибо за «Стихотворения Александра Пушкина», издание очень мило; кое-где ошибки, это в фальшь не ставится. Еще раз благодарю сердечно и обнимаю дружески.

Что делается у вас в Петербурге? я ничего не знаю, все перестали ко мне писать. Верно вы полагаете меня в Нерчинске. Напрасно, я туда не намерен — но неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучит. Надеюсь для них на милость царскую. Кстати: не может ли Жуковский узнать, могу ли я надеяться на высочайшее снисхождение, я шесть лет нахожусь в опале, а что ни говори — мне всего 26. Покойный император в 1824 году сослал меня в деревню за две строчки нерелигиозные — других художеств за собою не знаю. Ужели молодой наш царь не позволит удалиться куда-нибудь, где бы потеплее? — если уж никак нельзя мне показаться в Петербурге — а?

Прости, душа, скучно мочи нет.

182. А. А. ДЕЛЬВИГУ.

20-е числа января 1826 г. Из Михайловского
в Петербург.

Милый барон! вы обо мне беспокоитесь и напрасно. Я человек мирный. Но я беспокоюсь — и дай бог, чтобы было понапрасну. Мне не сказывали, что А. Раевский под арестом. Не сомневаюсь в его политической безвинности. Но он болен ногами, и сырость казематов будет для него смертельна. Узнай, где он, и успокой меня. Прощай, мой милый друг.

П.

183. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

20-е числа января 1826 г. Из Михайловского
в Петербург.

Я не писал к тебе, во-первых, потому, что мне было не до себя, во вторых, за неимением верного случая. Вот в чем дело: мудрено мне требовать твоего заступления пред государем; не хочу охмелить тебя в этом пиру. Вероятно, правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел, но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто ж, кроме полиции и правительства, не знал о нем? о заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности. Всё-таки я от жандарма еще не ушел, легко, может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных. А между ими друзей моих довольно (NB: оба ли Раевские взяты, и в самом ли деле они в крепости? напиши, сделай милость). Теперь положим, что правительство и захочет прекратить мою опалу, с ним я готов условливаться (буде условия необходимы), но вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня. Мое будущее поведение зависит от обстоятельств, от обхождения со мною правительства etc.

Итак, остается тебе положиться на мое благоразумие. Ты можешь требовать от меня свидетельств об этом новом качестве. Вот они.

В Кишиневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пущиным и Орловым.

Я был масон в Кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи.

Я наконец был в связи с большою частью нынешних заговорщиков.

Покойный император, сослав меня, мог только упрекнуть меня в безверии.

Письмо это неблагоразумно, конечно, но должно же доверять иногда и счастию. Прости, будь счастлив, это покамест первое мое желание.

Прежде, чем сожжешь это письмо, покажи его Карамзину и посоветуйся с ним. Кажется, можно сказать царю: Ваше величество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться?

Говорят, ты написал стихи на смерть Александра — предмет богатый! — Но в течение десяти лет его царствования лира твоя молчала. Это лучший упрек ему. Никто более тебя не имел права сказать: глас лиры — глас народа. Следственно, я не совсем был виноват, подсвистывая ему до самого гроба.

184. А. А. ДЕЛЬВИГУ.

Начало февраля 1826 г. Из Михайловского в Петербург.

Насилу ты мне написал и то без толку, душа моя. Вообрази, что я в глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отовсюду прекратилась, а ты пишешь мне, как будто вчера мы целый день были вместе и наговорились досыта. Конечно, я ни в чем не замешан, и если правительству досуг подумать обо мне, то оно в том легко удостоверится. Но просить мне как-то совестно, особенно ныне; образ мыслей моих известен. Гонимый шесть лет сряду, замаранный по службе выключкою, сосланный в глухую деревню за две строчки перехваченного письма, я, конечно, не мог доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавал полную справедливость истинным его достоинствам, но никогда я не проповедовал ни возмущений, ни революции — напротив. Класс писателей, как заметил Alfieri, более склонен к умозрению, нежели к деятельности, и если 14 декабря доказало у нас иное, то на то есть особая причина. Как бы то ни было, я желал бы *вполне* и *искренно* помириться с правительством, и, конечно, это ни от кого, кроме его, не зависит. В этом желании более благоразумия, нежели гордости с моей стороны.

С нетерпением ожидаю решения участи несчастных и обнародование заговора. Твердо надеюсь на великодушие молодого нашего царя. Не будем ни суеверны, ни односторонни — как французские трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира. Прощай, душа моя.

Пушкин.

Ты взял 2000 у меня и хорошо сделал, но сделай так, чтоб прежде великого поста они находились опять у Плетнева.

185. П. А. КАТЕНИНУ.

Первая половина февраля 1826 г. Из Михайловского в Петербург.

Отвечаю тебе по порядку. Стихи о Колосовой были написаны в письме, которое до тебя не дошло. Я не выставил полного твоего имени, потому что с Катениным говорить стихами только о ссоре моей с актрисою показалось бы немного странным.

Будущий альманах радует меня несказанно, если разбудит он тебя для поэзии. Душа просит твоих стихов; но знаешь ли что? Вместо альманаха не затеять ли нам журнала в роде Edinburgh Review? Голос истинной критики необходим у нас; кому же, как не тебе, забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности

новое, истинное направление? Покамест, кроме тебя, нет у нас критики. Многие (в том числе и я) много тебя обязаны; ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли. Если б согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принес бы ты русской словесности: как думаешь? Да что «Андромаха» и собрание твоих стихов?

186. А. А. ДЕЛЬВИГУ.

20 февраля 1826 г. Из Михайловского в Петербург.

Мой друг барон, я на тебя не дулся и долгое твое молчание великодушно извинял твоим Гименеем

Io hymen Hymenaee io,
Io hymen Hymenaee!

т. е. чёрт побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чёрт побери. Когда друзья мои женятся, им смех, а мне горе; но так и быть: апостол Павел говорит в одном из своих посланий, что лучше взять себе жену, чем идти в геенну и во огнь вечный,— обнимаю и поздравляю тебя — рекомендуй меня баронессе Дельвиг.

Очень благодарен за твои известия, радуюсь, что тевтон Кюхля не был Славянин — а охмелел в чужом пиру. Поведение великого князя Михаила в отношении к нему очень благородно. Но что Иван Пущин? Мне сказывали, что 20, т. е. сегодня, участь их должна решиться — сердце не на месте; но крепко надеюсь на милость царскую. Меры правительства доказали его решимость и могущество. Большего подтверждения, кажется, не нужно. Правительство может пренебречь ожесточение некоторых обличенных...

Я писал Жуковскому — и жду ответа. Покамест я совершенно один. Прасковья Александровна уехала в Тверь, сейчас пишу к ней и отсылаю «Эду» — что за прелесть эта «Эда»! Оригинальности рассказа наши критики не поймут. Но какое разнообразие! Гусар, Эда и сам поэт, всякий говорит по-своему. А описания лифляндской природы! а утро после первой ночи! а сцена с отцом! — чудо! — Видел я и Слепушкина, неужто никто ему не поправил «Святки», «Масленицу», «Избу»? у него истинный, *свой* талант; пожалуйста, пошлите ему от меня экз. «Руслана» и моих «Стихотворений» — с тем, чтоб он мне не подражал, а продолжал идти своею дорогою. Жду «Цветов».

187. П. А. ОСИПОВОЙ.

20 февраля 1826 г. Из Михайловского в Тверь.

Madame,

Voici le nouveau poème de Baratinsky, que Delvig vient de m'envoyer; c'est un chef-d'œuvre de grâce, d'élégance et de sentiment. Vous en serez enchantée.

Je présume, Madame, que vous êtes maintenant à Twer, je souhaite que vous y passiez votre temps agréablement, mais pas assez pour oublier totalement Trigorsky, où après vous avoir regrettée, nous commençons déjà à vous attendre.

Recevez, Madame, l'assurance de ma haute considération et de mon parfait dévouement.

20 févr.

Veuillez, Madame, présenter mes hommages à M-lle votre fille ainsi qu'à M-lle Netty.

188. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

3 марта 1826 г. Из Михайловского в Петербург.

Карамзин болен! — милый мой, это хуже многого — ради бога успокой меня, не то мне страшно вдвое будет распечатывать газеты. Гнедич не умрет прежде совершения «Илиады» — или реку в сердце своем: несть Феб. Ты знаешь, что я пророк. Не будет вам «Бориса», прежде чем не выпишете меня в Петербург — что это в самом деле? стыдное дело. Сле-Пушкину дают и кафтан, и часы, и полумедаль, а Пушкину полному — шиш. Так и быть: отказываюсь от фрака, штанов и даже от академического четвертака (что мне следует), по крайней мере пускай позволят мне бросить проклятое Михайловское. Вопрос: невинен я или нет? но в обоих случаях давно бы надлежало мне быть в Петербурге. Вот каково быть верноподданным! забудут и квит. Получили ли мои приятели письма мои дельные, т. е. деловые? Что ж не отвечают? — А ты хорош! пишешь мне: переписывай да нанимай писцов опочеких да издавай «Онегина». Мне не до «Онегина». Чёрт возьми «Онегина»! я сам себя хочу издать или выдать в свет. Батюшки, помогите.

3 марта.

189. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

7 марта 1826 г. Из Михайловского в Петербург.

Поручая себя ходатайству Вашего дружества, вкратце излагаю здесь историю моей опалы. В 1824 году явное недоброжелательство графа Воронцова принудило меня подать в отставку. Давно расстроенное здоровье и род аневризма, требовавшего немедленного лечения, служили мне достаточным предлогом. Покойному государю императору не угодно было принять оного в уважение. Его величество, исключив меня из службы, приказал сослать в деревню за письмо, писанное года три тому назад, в котором находилось суждение об афеизме, суждение легкомысленное, достойное, конечно, всякого порицания.

Вступление на престол государя Николая Павловича подает мне радостную надежду. Может быть, его величеству угодно будет переменить мою судьбу. Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости.

7 марта 1826. Александр Пушкин.

Село Михайловское.

190. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

7 (?) марта 1826 г. Из Михайловского в Петербург.

Мой милый, очень благодарен тебе за все известия.— Вместе с твоим получил я письмо и от Заикина с уведомлением о продаже «Стихотворений Александра Пушкина» и с предложениями. Ты говоришь, мой милый, что некоторых пиес уже цензор не пропустит; каких же? «А. Шенье»? итак, погодим с новым изданием; время не уйдет, всё перемелется — будет мука — тогда напечатаем второе, добавленное, исправленное издание (однако скажи: разве были какие-нибудь неудовольствия по случаю моих «Стихотворений»? или это одни твои предположения?) Знаешь ли? уж если печатать что, так возьмемся за «Цыганов». Надеюсь, что брат по крайней мере их перепишет — а ты пришли рукопись ко мне — я доставлю предисловие и, может быть, примечания — и с рук долой. А то всякий раз, как я об них подумаю или прочту слово в журналах, у меня кровь портится — в собрании же моих поэм для новинки поместим мы другую повесть вроде *Верро*, которая у меня в запасе. Жду ответа.

При сем письмо к Жуковскому в треугольной шляпе и в башмаках. Не смею надеяться, но мне бы сладко было получить свободу от Жуковского, а не от другого — впрочем, держусь стоической пословицы: не радуйся нашед, не плачь потеряв.

Какого вам «Бориса» и на какие лекции? в моем «Борисе» бранятся по-матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу.

Прощай, мой друг; деньги мои держи крепко, никому не давай. Они мне нужны. Сдери долг и с Дельвига.

191. И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ.

Около (не позднее) 11 марта 1826 г. Из Михайловского во Псков.

Милостивый государь Иван Ермолаевич.

Сердечно благодарю вас за письмо, приятный знак вашего ко мне благорасположения. Стихотворения Слепушкина получил и перечитываю всё с бо́льшим и бо́льшим удивлением. Ваша прекрасная мысль об улучшении состояния поэта-крестьянина, надеюсь, не пропадет. Не знаю, соберусь ли я снова к вам во Псков; вы не совершенно отнимаете у меня надежду вас увидеть в моей глуши; благодарим покамест и за то.

Кланяюсь князю Цицианову; жалею, что не отнял у него своего портрета. Что нового в ваших краях?

Остаюсь с искренним уважением вашим покорнейшим слугою.

Александр Пушкин.

192. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Конец апреля — начало мая 1826 г. Из Михайловского в Москву.

Милый мой Вяземский, ты молчишь, и я молчу; и хорошо делаем — потолкуем когда-нибудь на досуге. Покамест дело не о том. Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино (в мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи). Ты видишь, что тут есть о чем написать целое послание во вкусе Жуковского *о попе;* но потомству не нужно знать о наших человеколюбивых подвигах.

При сем с отеческою нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется, а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню — хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно ей-богу... но тут уж не до совести. Прощай, мой ангел, болен ли ты или нет; мы все больны — кто чем. Отвечай же подробно.

193. А. Н. ВУЛЬФУ.

7 мая 1826 г. Из Пскова или Острова в Дерпт.

Вы мне обещали писать из Дерпта и не пишете. Добро. Однако я жду вас, любезный филистер, и надеюсь обнять в начале следующего месяца. Не правда ли, что вы привезете к нам и вдохновенного? Скажите ему, что этого я требую от него именем славы и чести России. Покамест скажите мне, не чрез Дерпт ли проедет Жуковский в Карлсбад? Языков должен это знать. Получаете ли вы письма от Анны Николаевны (с которой N3 мы совершенно помирились перед ее выездом) и что делает Вавилонская блудница Анна Петровна? Говорят, что Болтин очень счастливо метал против почтенного Ермолая Федоровича. Мое дело — сторона; но что скажете вы? Я писал ей: Vous avez placé vos enfants, c'est très bien. Mais avez-vous placé votre mari? celui-ci est bien plus embarassant. Прощайте, любезный Алексей Николаевич, привезите же Языкова и с его стихами.

7 мая.

Видел я в Синске некоторые нескромные гекзаметры и сердечно им позавидовал.

194. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Вторая половина (не позднее 24) мая 1826 г.
Из Михайловского в Москву.

Судьба не перестает с тобою проказить. Не сердись на нее, не ведает бо, что творит. Представь себе ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадит ее на цепь? не ты, не я, никто. Делать нечего, так и говорить нечего.

Видел ли ты мою Эду? вручила ли она тебе мое письмо? Не правда ли, что она очень мила?

Я не благодарил тебя за стансы Ольге. Как же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности к настоящему положению? — Счастливее, чем Андрей Шенье,— я заживо слышу голос вдохновения.

Твои стихи к Мнимой Красавице (ах извини: Счастливице) слишком умны.— А поэзия, прости господи, должна быть глуповата. Характеристика зла. Экой ты *неуимчивый,* как говорит моя няня. «Семь пятниц» лучший твой водевиль.

Напиши же мне что-нибудь, моя радость. Я без твоих писем глупею: это нездорово, хоть я и поэт.

Правда ли, что Баратынский женится? боюсь за его ум. Законная - - - - - — род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит. Ты, может быть, исключение. Но и тут я уверен, что ты гораздо был бы умнее, если лет еще 10 был холостой. Брак холостит душу. Прощай и пиши.

Михайловское.
Май.

195. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

27 мая 1826 г. Из Пскова в Петербург.

Ты прав, любимец муз,— воспользуюсь правами блудного зятя и грядущего барина и письмом улажу всё дело. Должен ли я тебе что-нибудь или нет? отвечай. Не взял ли с тебя чего-нибудь мой человек, которого отослал я от себя за дурной тон и дурное поведение? Пора бы нам отослать и Булгарина, и «Благонамеренного», и Полевого, друга нашего. Теперь не до того, а, ей-богу, когда-нибудь примусь за журнал. Жаль мне, что с Катениным ты никак не ладишь. А для журнала — он находка. Читал я в газетах, что Lancelot в Петербурге, чёрт ли в нем? читал я также, что 30 словесников давали ему обед. Кто эти бессмертные? Считаю по пальцам и не досчитаюсь. Когда приедешь в Петербург, овладей этим Lancelot (которого я ни стишка не помню) и не пускай его по кабакам отечественной словесности. Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда — при англичанах дурачим Василья Львовича; пред M-me de Staël заставляем Милорадовича отличаться в мазурке. Русский барин кричит: мальчик! забавляй Гекторку (датского кобеля). Мы хохочем и переводим эти барские слова любопытному путешественнику. Всё это попадает в его журнал и печатается в Европе — это мерзко. Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство. Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне *свободу*, то я месяца не останусь. Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры и - - - - - - - — то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-ой песне «Онегина» я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нем дарование приметно — услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится — ай-да умница.

27 мая.

Прощай.
Думаю, что ты уже в Петербурге, и это письмо туда отправится. Грустно мне, что не прощусь с Карамзиными — бог знает, свидимся ли когда-нибудь. Я теперь во Пскове, и молодой доктор спьяна сказал мне, что без операции я не дотяну до 30 лет. Незабавно умереть в Опоческом уезде.

196. И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ.

3 июня 1826 г. Из Преображенского во Псков.

С тобой мне вновь считаться довелось...[1]

Сделайте одолжение, пятьсот рублей, которые вы мне должны, возвратить не мне, но Гавриилу Петровичу Назимову, чем очень обяжете преданного вам душевно

3 июня 1826. Александра Пушкина.
Преображенское.

197. НИКОЛАЮ I.

11 мая — первая половина июня 1826 г.
Из Михайловского в Петербург.

Всемилостивейший государь!

В 1824 году, имев несчастие заслужить гнев покойного императора легкомысленным суждением касательно афеизма, изложенным в одном письме, я был выключен из службы и сослан в деревню, где и нахожусь под надзором губернского начальства.

Ныне с надеждой на великодушие Вашего императорского величества, с истинным раскаянием и с твердым намерением не противуречить моими мнениями общепринятому порядку (в чем и готов обязаться подпискою и честным словом) решился я прибегнуть к Вашему императорскому величеству со всеподданнейшею моею просьбою.

Здоровье мое, расстроенное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чем и представляю свидетельство медиков: осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие краи.

Всемилостивейший государь,
Вашего императорского величества
верноподданный
Александр Пушкин.

На отдельном листе:

Я нижеподписавшийся обязуюсь впредь ни к каким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать; свидетельствую при сем, что я ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них.

11 мая 1826. 10-го класса Александр Пушкин.

---

[1] См. т. II, стр. 312.

198. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

10 июля 1826 г. Из Михайловского в Петербург.

Коротенькое письмо твое огорчило меня по многим причинам. Во-первых, что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина? довольно и одной, написанной мною в такое время, когда Карамзин меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие и сердечную к нему приверженность. До сих пор не могу об этом хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другие, сколько знаю, глупы и бешены: ужели ты мне их приписываешь? Во-вторых. Кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ах, милый... слышишь обвинение, не слыша оправдания, и решишь: это Шемякин суд. Если уж Вяземский etc., так что же прочие? Грустно, брат, так грустно, что хоть сейчас в петлю.

Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти? Отечество вправе от тебя того требовать. Напиши нам его жизнь, это будет 13-й том «Русской истории»; Карамзин принадлежит истории. Но скажи *всё;* для этого должно тебе будет иногда употребить то красноречие, которое определяет Гальяни в письме о цензуре.— Я писал тебе в Петербург, еще не зная о смерти Карамзина. Получил ли ты это письмо? отпиши. Твой совет кажется мне хорош — я уже писал царю, тотчас по окончании следствия, заключая прошение точно твоими словами. Жду ответа, но плохо надеюсь. Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова. Если б я был потребован комиссией, то я бы, конечно, оправдался, но меня оставили в покое, и, кажется, это не к добру. Впрочем, чёрт знает. Прощай, пиши.

10 июля.

Что Катерина Андреевна?

199. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

14 августа 1826 г. Из Михайловского в Петербург.

Так море, древний душегубец...[1]

Сердечно благодарю тебя за стихи. Ныне каждый порыв из вещественности — драгоценен для души. Критику отложим до другого раза. Правда ли, что Николая Тургенева привезли на корабле в Петербург? Вот каково море наше хваленое! Еще таки я всё

[1] См. т. II, стр. 298.

надеюсь на коронацию: повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна. Из моих записок сохранил я только несколько листов и перешлю их тебе, только для тебя. Прощай, душа.

14 августа.

Ты находишь письмо мое холодным и сухим. Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы.

200. П. А. ОСИПОВОЙ.

4 сентября 1826 г. Из Пскова в Тригорское.

Je suppose, Madame, que mon brusque départ avec un фельдъегерь vous a surpris autant que moi. Voici le fait: chez nous autres on ne peut rien faire sans un фельд-егерь; on m'en donne un, pour plus de sûreté. D'après une lettre très aimable du baron Дибич il ne tient qu'à moi d'en être tout fier. Je vais tout droit à Moscou, où je compte être le 8 du mois courant; dès que je serai libre je reviens en toute hâte à Trigorsky où désormais mon coeur est fixé pour toujours.

Pskov. 4 Sept.

201. П. А. ОСИПОВОЙ.

16 сентября 1826 г. Из Москвы в Тригорское.

Voici 8 jours que je suis à Moscou sans avoir eu encore le temps de vous écrire, cela vous prouve, Madame, combien je suis affairé. L'Empereur m'a reçu de la manière la plus aimable. Moscou est bruyant et dans les fêtes, à tel point que j'en suis déjà fatigué et que je commence à soupirer après Михайловское, c'est à dire après Trigorsky; je compte partir tout au plus dans deux semaines.— Aujourd'hui, 15 Septembre nous avons la grande fête populaire; il y aura trois verstes de tables dressées au Девичье поле; les pâtés ont été fournis à la сажень comme si c'etait du bois; comme il y a quelques semains que ces pâtés sont cuits, on aura de la peine à les avaler et les digérer, mais le respectable public aura des fontaines de vin pour les humecter; voici la nouvelle du jour. Demain il y a bal chez la C-tesse Orlof; un immense manège a été converti en salle; elle en a emprunté pour 40000 r. de bronze et il y a mille personnes d'invités. On parle beaucoup de nouveaux réglement, très sévères, concernant les duels, et d'un nouveau code de censure; comme je ne l'ai pas vu, je ne puis rien en dire.— Excusez le décousu de ma lettre, elle vous peint tout à fait le décousu de ma vie

actuelle. Je suppose que M-lles Annettes sont déjà à Trigorsky. Je les salue de loin et de tout mon coeur, ainsi que toute votre charmante famille.— Agréez, Madame, l'assurance de mon profond respect et de l'attachement inaltérable que je vous ai voué pour la vie.

Moscou. 15 Sept.[1] Pouchkine.

202. В. В. ИЗМАЙЛОВУ.

9 октября 1826 г. В Москве.

Милостивый государь
Владимир Васильевич,

Извините, что до сих пор я не мог отвечать Вам; разные обстоятельства, печальные и хлопотливые, мне помешали.

Радуюсь, что могу чем-нибудь угодить первому почтенному покровителю моей музы. Я непременно доставлю Василью Львовичу стихи для Вашего альманаха.

Уезжаю из Москвы с искренним сожалением, что не имел случая возобновить нашего заочного знакомства.

Примите искренние уверения в глубочайшем почтении и сердечной моей преданности.

А. Пушкин.

9 октября 1826.
Москва.

203. В. А. МУХАНОВУ.

9 сентября — октябрь 1826 г. В Москве.

Bonjour; venez chez moi demain soir à 8 heures — Nous lirons «Годунов».

204. В. А. МУХАНОВУ.

9 сентября — 1 ноября 1826 г. В Москве.

Будь у меня вечером и привези Хомяковых.

А. П.

---

[1] *Пушкин ошибся в датировке: письмо написано 16 сентября.*

205. В. П. ЗУБКОВУ (?)

1—2 ноября 1826 г. (?) В Москве.

J'espérais vous voir et vous parler encore avant mon départ, mais mon mauvais sort me poursuit dans tout ce que je veux. Adieu donc, cher ami — je vais m'enterrer à la campagne jusqu'au premier janvier — je pars la mort dans le coeur.

206. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.

3 ноября 1826 г. Из Торжка в Москву.

Je m'empresse, madame la princesse, de vous envoyer les ceintures. Vous voyez que j'ai une belle occasion de vous faire un madrigal à propos de la ceinture de Vénus etc.— mais le madrigal et le sentiment sont devenus également ridicules. Que vous dirai-je de mon voyage? il continue sous les plus heureux auspices — sauf un chemin détestable et des ямщик insupportables. Les cahots, les coups de coudes etc. incommodent beaucoup mes deux compagnons de voyage — je leur demande pardon de la liberté grande, mais quand on fait tant que d'aller ensemble, il faut bien se passer quelque chose. S. P.* est mon bon ange; mais *l'autre* est mon démon; cela me trouble dans mes méditations poétiques et amoureuses le plus mal à propos du monde.

Adieu, madame la Princesse,— je m'en vais m'enterrer au milieu de mes voisins. Priez Dieu pour le repos de mon âme. Si vous daignez m'envoyer à Опочка une petite lettre de quatre pages, cela serait de votre part une coquetterie tout à fait aimable. Vous qui savez tourner un billet mieux que feue ma tante, n'aurez-vous pas cette extrême bonté? (NB. *billet* est désormais synonyme de *musique)*. Adieu donc. Je suis à vos pieds et vous secoue la main à l'anglaise, puisqu'à toute force vous ne voulez pas que je vous la baise.

Torjok, 3 Nov.

Y a-t-il assez de sous-oeuvres. Au nom de Dieu n'en donnez pas la clef à M-r votre époux. Je m'y oppose formellement.

* Ce n'est pas Serge Pouchkine bien entendu.

207. С. А. СОБОЛЕВСКОМУ.

9 ноября 1826 г. Из Михайловского в Москву.

9 ноября.

Мой милый Соболевский — я снова в моей избе. Восемь дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на перекладных. Дорогою бранил тебя немилосердно; но в доказательства дружбы (сего священного чувства) посылаю тебе мой Itinéraire от Москвы до Новагорода. Это будет для тебя инструкция. Во-первых, запасись вином, ибо порядочного нигде не найдешь. Потом

На голос: *Жил да был петух индейский*

У Гальяни иль Кольони...[1]

На каждой станции советую из коляски выбрасывать пустую бутылку; таким образом ты будешь иметь от скуки какое-нибудь занятие. Прощай, пиши.

208. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

9 ноября 1826 г. Из Михайловского в Москву.

Вот я в деревне. Доехал благополучно без всяких замечательных пассажей; самый неприятный анекдот было-то, что сломались у меня колесы, растрясенные в Москве другом и благоприятелем моим г. Соболевским. Деревня мне пришла как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни, хамов и моей няни — ей-богу приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву *о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости,* молитвы, вероятно, сочиненной при царе Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом. Получила ли княгиня поясы и письмо мое из Торжка? Долго здесь не останусь, в Петербург не поеду; буду у вас к 1-му... она велела! Милый мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление, но всё-таки лучше с вами видеться — чем переписываться. К тому же журнал... Я ничего не говорил тебе о твоем решительном намерении соединиться с Полевым, а ей-богу — грустно. Итак, никогда порядочные литераторы вместе у нас ничего не произведут! всё в одиночку. Полевой, Погодин, Сушков, Завальевский, кто бы ни издавал журнал, всё равно. Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом и царствовать самовластно и едино-

---

[1] См. т. II, стр. 316 и 317.

властно. Мы слишком ленивы, чтоб переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала; вот зачем и издатель существует; но он должен 1) знать грамматику русскую, 2) писать со смыслом, т. е. согласовать существительное с прилагательным и связывать их глаголом.— А этого-то Полевой и не умеет. Ради Христа, прочти первый параграф его известия о смерти Румянцева и Растопчина. И согласись со мной, что ему невозможно доверить издания журнала, освященного нашими именами. Впрочем, ничего не ушло. Может быть, не Погодин, а я буду хозяин нового журнала. Тогда как ты хочешь, а уж Полевого ты пошлешь к -------. Прощай, князь Вертопрахин, кланяйся княгине Ветране, которая, надеюсь, выздоровела. Что наши? Что Запретная Роза? что Тимашева? как жаль, что я не успел с нею завести благородную интригу! но и это не ушло.

9 ноября.

Сейчас перечел мои листы о Карамзине — нечего печатать. Соберись с духом и пиши. Что ты сделал для Дмитриева (которого N3 ты один еще поддерживаешь), то мы требуем от тебя для тени Карамзина — не Дмитриеву чета! — Здесь нашел я стихи Языкова. Ты изумишься, как он развернулся, и что из него будет. Если уж завидовать, так вот кому я должен бы завидовать. Аминь, аминь глаголю вам. Он всех нас, стариков, за пояс заткнет.— Ах! каламбур! Скажи княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои поясы.

209. Н. М. ЯЗЫКОВУ.

9 ноября 1826 г. Из Михайловского в Дерпт.

Милый Николай Михайлович — сейчас из Москвы, сейчас видел *Ваше* «Тригорское». Спешу обнять и поздравить Вас. Вы ничего лучше не написали, но напишете — много лучшего. Дай бог Вам здоровия, осторожности, благоденственного и мирного жития! Царь освободил меня от цензуры. Он сам мой цензор. Выгода, конечно, необъятная. Таким образом, «Годунова» тиснем. О цензурном уставе речь впереди. Пишите мне. Обнимаю Вас и Вульфа.

Получили ли Вы мои стихи? У меня их нет. Пришлите мне их, да кстати и первое послание.

О Москве напишу Вам много.

210. М. П. ПОГОДИНУ.

29 ноября 1826 г. Из Пскова в Москву.

Милый и почтенный, ради бога, как можно скорее остановите в московской цензуре всё, что носит мое имя,— *такова воля высшего начальства;* покамест не могу участвовать и в вашем жур-

нале — но всё перемелется и будет мука, а нам хлеб да соль. Некогда пояснять; до свидания скорого. Жалею, что договор наш не состоялся.

Ноября 29. Псков.

Александр Пушкин.

211. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

29 ноября 1826 г. Из Пскова в Петербург.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, я не знал, должно ли мне было отвечать на письмо, которое удостоился получить от Вашего превосходительства и которым был я тронут до глубины сердца. Конечно, никто живее меня не чувствует милость и великодушие государя императора, так же как снисходительную благосклонность Вашего превосходительства.

Так как я действительно в Москве читал свою трагедию некоторым особам (конечно, не из ослушания, но только потому, что худо понял высочайшую волю государя), то поставляю за долг препроводить ее Вашему превосходительству, в том самом виде, как она была мною читана, дабы Вы сами изволили видеть дух, в котором она сочинена; я не осмелился прежде сего представить ее глазам императора, намереваясь сперва выбросить некоторые непристойные выражения. Так как другого списка у меня не находится, то приемлю смелость просить Ваше превосходительство оный мне возвратить.

Мне было совестно беспокоить ничтожными литературными занятиями моими человека государственного, среди огромных его забот; я роздал несколько мелких моих сочинений в разные журналы и альманахи по просьбе издателей; прошу от Вашего превосходительства разрешения сей неумышленной вины, если не успею остановить их в цензуре.

С глубочайшим чувством уважения, благодарности и преданности, честь имею быть,

Псков.
1826 г. Ноября 29.

милостивый государь,
Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Пушкин.

212. Н. С. АЛЕКСЕЕВУ.

1 декабря 1826 г. Из Пскова в Кишинев.

Приди, о друг, дай прежних вдохновений.
Минувшею мне жизнию повей!..

Не могу изъяснить тебе моего чувства при получении твоего письма. Твой почерк, опрятный и чопорный, кишиневские звуки, берег Быка, Еврейка, Соловкина, Калипсо. Милый мой, ты возвратил меня Бессарабии! я опять в своих развалинах — в моей темной комнате, перед решетчатым окном или у тебя, мой милый, в светлой, чистой избушке, смазанной из молдавского - - - -. Опять рейн-вейн, опять Champan, и Пущин, и Варфоломей, и всё... Как ты умен, что написал ко мне первый! мне бы эта счастливая мысль никогда в голову не пришла, хоть и часто о тебе вспоминаю и жалею, что не могу ни бесить тебя, ни наблюдать твои маневры вокруг острога. Был я в Москве и думал: авось, бог милостив, увижу где-нибудь чинно сидящего моего черного друга, или в креслах театральных или в ресторации за бутылкой. Нет — так и уехал во Псков — так и теперь опять еду в белокаменную. Надежды нет иль очень мало. По крайней мере пиши же мне почаще, а я за новости кишиневские стану тебя потчевать новостями московскими. Буду тебе сводничать старых твоих любовниц — я чай дьявольски состарелись. Напиши кто? Я готов доныне идти по твоим следам, утешаясь мыслию, что орогачу друга.

Липранди обнимаю дружески, жалею, что в разные времена съездили мы на счет казенный и не соткнулись где-нибудь.

Прощай, отшельник бессарабский,
Лукавый друг души моей —
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей.

1 дек. А. П.

213. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

1 декабря 1826 г. Из Пскова в Москву.

Ангел мой Вяземский или пряник мой Вяземский, получил я письмо твоей жены и твою приписку, обоих вас благодарю и еду к вам и не доеду. Какой! меня доезжают!.. изъясню после. В деревне я писал презренную прозу, а вдохновение не лезет. Во Пскове вместо того, чтобы писать 7-ую главу «Онегина», я проигрываю в штос четвертую: не забавно. Отовсюду получил письма и всюду отвечаю. Adieu, couple si étourdi en apparence, adieu,

князь Вертопрахин и княгиня Вертопрахина. Ты видишь, что у меня недостает уж и собственной простоты для переписки.

1 дек. Псков.

При сем письмо к Алексееву (род моего Сушкова), отдай для доставления Киселеву — вой — вым, как хошь.

214. В. П. ЗУБКОВУ.

1 декабря 1826 г. Из Пскова в Москву.

Cher Zoubkof, vous n'avez pas reçu de lettre de moi et en voici la raison: je voulais vous arriver comme une bombe le 1 décembre c. à d. aujourd'hui, il y a donc 5 à 6 jours que je suis parti de mon maudit village en перекладная — vu les chemins détestables. Les ямщик de Pskov n'ont eu rien de plus pressé que de me verser, j'ai le côte foulé, la poitrine malade, je ne puis respirer, de rage je joue et je perds. En voilà assez: j'attends que je sois tant soit peu mieux pour reprendre la poste.

Vos deux lettres sont charmantes, mon arrivée eût été la meilleure réponse aux réflexions, objections etc. Mais puisque me voilà dans une auberge de Pskov au lieu d'être aux pieds de Sophie, jasons, c. à d. raisonnons.

J'ai 27 ans, cher ami. Il est temps de vivre, c. à d. de connaître le bonheur. Vous me dites qu'il ne peut être éternel: belle nouvelle! Ce n'est pas mon bonheur à moi qui m'inquiète, pourrais-je n'être pas le plus heureux de hommes auprès d'elle — je tremble seulement en songeant au sort qui, peut-être, l'attend — je tremble de ne pouvoir la rendre aussi heureuse que je le désire. Ma vie jusqu'à présent si errante, si orageuse, mon caractère inégal, jaloux, susceptible, violent et faible tout à la fois — voilà ce qui me donne des moments de réflexions pénibles. Dois-je attacher à un sort aussi triste, à un caractère aussi malheureux, le sort d'un être si doux, si beau?.. Mon dieu, qu'elle est jolie! et que ma conduite avec elle a été ridicule. Cher ami, tâchez d'effacer les mauvaises impressions qu'elle a pu lui donner — dites lui que je suis plus raisonnable que je n'en ai la mine et la preuve — что тебе в голову придет. Мерзкий этот Панин, два года влюблен, а свататься собирается на Фоминой неделе — а я вижу раз ее в ложе, в другой на бале, а в третий сватаюсь! Si elle trouve que Панин a raison, elle doit croire que je suis fou, n'est-ce pas? — expliquez lui donc que c'est moi qui ai raison, que quand on l'a vue il n'y a pas à balancer, que je ne puis avoir des prétentions à la séduction, que j'ai donc très bien fait d'en venir tout droit au dénouement, qu'une fois qu'on l'aime il est impossible de l'aimer d'avantage, comme il est impossible de

la trouver plus belle encore avec le temps, car il est impossible d'être plus belle. Ангел мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее Паниным скверным и жени меня.

А. П.

A Moscou, je vous dirai quelque chose. Je tiens à ma turquoise tout infâme qu'elle est. Je félicite le comte Samoilof.

215. С. А. СОБОЛЕВСКОМУ.

1 декабря 1826 г. Из Пскова в Москву.

Вот в чем дело: освобожденный от цензуры, я должен, однако ж, прежде чем что-нибудь напечатать, представить оное выше; хотя бы безделицу. Мне уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову. Конечно, я в точности исполню высшую волю и для того писал Погодину дать знать в цензуру, чтоб моего ничего нигде не пропускали. Из этого вижу для себя большую пользу: освобождение от альманашников, журнальщиков и прочих щепетильных литературщиков. С Погодиным уговоримся снова.

Перешли письмо Зубкову, без задержания малейшего. Твои догадки — гадки; виды мои гладки. На днях буду у вас, покамест сижу или лежу во Пскове. Мне пишут, что ты болен: чем ты объелся? Остановлюсь у тебя.

216. И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ.

Первая половина декабря 1826 г. Из Пскова в Петербург.

Милый Иван Ермолаевич — если Вы меня позабыли, то напоминаю Вам о своем существовании. Во Пскове думал я Вас застать, поспорить с Вами и срезать штос — но судьба определила иное. Еду в Москву, коль скоро будут деньги и снег. Снег-то уж падает, да деньги-то с неба не валятся.

Прощайте, пишите мне в Москву.

Видаете ли Вы Дельвига?

217. Н. М. ЯЗЫКОВУ.

21 декабря 1826 г. Из Москвы в Дерпт.

Письмо ваше получил я во Пскове и хотел отвечать из Новагорода — вам, достойному певцу того и другого. Пишу, однако ж, из Москвы — куда вчера привез я ваше «Тригорское». Вы знаете

по газетам, что я участвую в «Московском вестнике», следственно и вы также. Адресуйте же ваши стихи в Москву на Молчановку в дом Ренкевичевой, оттуда передам их во храм бессмертия. Непременно будьте же наш. Погодин вам убедительно кланяется.

Я устал и болен — потому вам и не пишу более. Вульфу кланяюсь, обещая мое высокое покровительство.

21 ноября.[1]

«Тригорское» ваше, с вашего позволения, напечатано будет во 2-м № «Московского вестника».

Рады ли вы журналу? пора задушить альманахи — Дельвиг наш. Один Вяземский остался тверд и верен «Телеграфу» — жаль, но что ж делать.

---

[1] *Описка, вместо* декабря.

218. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

3 января 1827 г. Из Москвы в Петербург.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

С чувством глубочайшей благодарности получил я письмо Вашего превосходительства, уведомляющее меня о всемилостивейшем отзыве его величества касательно моей драматической поэмы. Согласен, что она более сбивается на исторический роман, нежели на трагедию, как государь император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное.

В непродолжительном времени буду иметь честь, по приказанию Вашего превосходительства, переслать Вам мелкие мои стихотворения.

С чувством глубочайшего почтения, благодарности и преданности честь имею быть

Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Пушкин.

3 января 1827.
Москва.

219. П. П. КАВЕРИНУ.

18 февраля 1827 г. Из Москвы в Боровск.

Вот тебе янтарь, душа моя Каверин,— каково поживаешь ты в свином городке; здесь тоска по-прежнему — Зубков на днях едет к своим хамам — наша съезжая в исправности — частный пристав Соболевский бранится и дерется по-прежнему, шпионы, драгуны, - - - - - и пьяницы толкутся у нас с утра до вечера.

Прощай до свиданья.

18 февр.

220. В. И. ТУМАНСКОМУ.

Февраль (не позднее 23) 1827 г. Москва.

Милый мой Туманский — ты верно ко мне писал, потому что верно любишь по-старому, но я не получал от тебя ни строчки. Уж не почта ли виновата? — справься и возьми свои меры. На всякий случай пиши на имя *Погодина к книгопродавцу Ширяеву в Москву*. Кстати: надеюсь на тебя, как на каменную стену — Погодин не что иное, как *имя, звук пустой* — дух же я, т. е. мы все, православные. Подкрепи нас прозою своею и утешь стихами. Прощай, пришли «Одессу», мой отрывок.

А. П.

221. А. А. МУХАНОВУ.

Вторая половина февраля (после 18) 1827 г. В Москве.

Милый мой Муханов, когда же свидимся мы, чтоб ехать к дяде? Заезжай к Яру, я там буду обедать, и оставь записку.

А. П.

222. А. А. ДЕЛЬВИГУ.

2 марта 1827 г. Из Москвы в Петербург.

Милый мой, на днях, рассердясь на тебя и на твое молчание, написал я Веневитинову суровое письмо. Извини: у нас была весна, оттепель — и я ни слова от тебя не получал около двух месяцев — поневоле взбесишься. Теперь у нас опять мороз, весну дуру мы опять спровадили, от тебя письмо получено — всё, слава богу, благополучно. Жду «Цыганов» и тотчас тисну. Ты пеняешь мне за «Московский вестник» — и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а чёрт свое. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать — всё это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы......— «Московский вестник» сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая? (Впрочем, на этот метафизический вопрос можно бы и отвечать, да N3). А время вещь такая, которую с никаким «Вестником» не стану я терять. Им хуже, если они меня не слушают.

Лев был здесь — малый проворный, да жаль, что пьет. Он задолжал у вашего Andrieux 400 рублей и ублудил жену гарнизонного майора. Он воображает, что имение его расстроено и что

истощил всю чашу жизни. Едет в Грузию, чтоб обновить увядшую душу. Уморительно.

Плетнев, наш мизантроп, пишет мне трогательное письмо; жалуется на меня, на тебя, на твой гран-пасианс и говорит: мне страшно думать: это люди! Плетнев, душа моя! что тут страшного? люди — сиречь дрянь, - - - - -. Плюнь на них да и квит.

2 марта.

Скорей же «Цыганов» — да что твои Цветы цветочки.

223. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

22 марта 1827 г. Из Москвы в Петербург.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

Стихотворения, доставленные бароном Дельвигом Вашему превосходительству, давно не находились у меня: они мною были отданы ему для альманаха «Северные цветы» и должны были быть напечатаны в начале нынешнего года. Вследствие высочайшей воли я остановил их напечатание и предписал барону Дельвигу прежде всего предоставить оные Вашему превосходительству.

Чувствительно благодарю Вас за доброжелательное замечание касательно пиесы: «19 октября». Непременно напишу барону Дельвигу, чтоб заглавные буквы имен — и вообще всё, что может подать повод к невыгодным для меня заключениям и толкованиям, было им исключено.

Медлительность моего ответа происходит оттого, что последнее письмо, которое удостоился я получить от Вашего превосходительства, ошибкою было адресовано во Псков.

С чувством глубочайшего почтения и сердечной преданности, честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Пушкин.

22 марта 1827.
Москва.

224. В. Д. СОЛОМИРСКОМУ.

15 апреля 1827 г. В Москве.

A l'instant, si vous le désirez, venez avec un témoin.

15 avr. A. P.

225. М. П. ПОГОДИНУ.

Апрель (до 23) 1827 г. В Москве.

Ради господа бога, оставьте «Черкешенку» в покое; вы больно огорчите меня, если ее напечатаете. У вас «К Языкову», тисните, но зато я решительно в двух следующих № не помещусь.

А. П.

226. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

24 апреля 1827 г. Из Москвы в Петербург.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

Семейные обстоятельства требуют моего присутствия в Петербурге: приемлю смелость просить на сие разрешения у Вашего превосходительства.

С глубочайшим почтением и с душевной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Пушкин.

Москва, 1827.
24 апр.

227. А. А. МУХАНОВУ.

Февраль — первая половина мая 1827 г. В Москве.

Envoyez moi le plan de Pétersbourg. Quand nous reverrons-nous?

A. P.

Vous êtes malade? Je viendrai ce soir chez vous.

228. Л. С. ПУШКИНУ.

18 мая 1827 г. Из Москвы в Тифлис.

Что ты мне не пишешь, и что не пишет ко мне твой командир? Завтра еду в Петербург увидаться с дражайшими родителями, comme on dit, и устроить свои денежные дела. Из Петербурга поеду или в чужие края, т. е. в Европу, или восвояси, т. е. во

Псков, но вероятнее в Грузию, не для твоих прекрасных глаз, а для Раевского. Письмо мое доставит тебе М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Приезжай на Кавказ и познакомься с нею — да прошу не влюбиться в дочь.

Кончилась ли у вас война? видел ли ты Ермолова, и каково вам после его? Пиши ко мне на имя сестры, а она куда-нибудь да перешлет мне.

18 мая. А. П.

229. П. А. ОСИПОВОЙ.

Около (не позднее) 10 июня 1827 г.
Из Петербурга в Тригорское.

Je suis bien coupable envers vous mais pas tant que vous pouvez le penser. Arrivé à Moscou je vous ai tout de suite écrit en adressant mes lettres на Ваше имя в почтамт. Il se trouve que vous ne les avez pas reçues. Cela m'a découragé, et je n'ai plus repris la plume. Puisque vous daignez vous intéresser encore à moi, que vous dirai-je, Madame, de mon séjour à Moscou, et de mon arrivée à Pétersbourg — l'insipidité et la stupidité de nos deux capitales sont égales, quoique diverses, et comme j'ai des prétentions à l'impartialité, je dirai que si l'on m'eût donné à choisir entre les deux, j'aurais choisi Trigorsk — à peu prés comme Arlequin, qui sur la question qu'aimerait-il mieux: d'être roué ou pendu? répondit: j'aime mieux une soupe au lait.— Je suis ici sur mon départ et je compte absolument venir passer quelques jours à Михайловское: je salue en attendant de tout mon coeur vous et tout ce qui tient à vous.

230. М. П. ПОГОДИНУ.

10 июня 1827 г. Из Петербурга в Москву.

Очень вас благодарю и с поспешностию отсылаю корректуру — ай да Соболевский, ай да Байбак! что тут он нагородил! —

От него получил я письмо и на днях отвечу — покамест я с вожделением думаю о Silleri по 11 р. ассигнациями.

10 июня.

231. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

29 июня 1827 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

По приезде моем в С.-Петербург являлся я к Вам, но не имел счастия найти дома. Полагая, что Вы заблагорассудите сами потребовать меня, до сих пор я Вас не беспокоил. Теперь осмеливаюсь просить Вас дозволить мне к Вам явиться, где и когда будет угодно Вашему превосходительству.

С чувством глубочайшего почтения и преданности честь имею быть

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

1827. 29 июня.
СПб.

232. С. А. СОБОЛЕВСКОМУ.

15 июля 1827 г. Из Петербурга в Москву.

15 июля.

Вечор узнал я о твоем горе и получил твои два письма. Что тебе скажу? про старые дрожжи не говорят трожды; не радуйся нашед, не плачь потеряв — посылаю тебе мою наличность, остальные 2500 получишь вслед. «Цыганы» мои не продаются вовсе; деньги же эти — трудовые, в поте лица моего выпонтированные у нашего друга Полторацкого. Приезжай в Петербург, если можешь. Мне бы хотелось с тобою свидеться да переговорить о будущем. Перенеси мужественно перемену судьбы твоей, т. е. по одежке тяни ножки — всё перемелется, будет мука. Ты видишь, что, кроме пословиц, ничего путного тебе сказать не сумею. Прощай, мой друг.

233. Е. М. ХИТРОВО.

18 июня 1827 г. (?) В Петербурге.

Madame,

Je ne sais comment Vous exprimer toute ma reconnaissance pour l'intérêt que vous daignez prendre à ma santé; je suis presque confus de me porter si bien. Une circonstance bien importune me

prive aujourd'hui du bonheur d'être chez vous. Veuillez recevoir mes regrets et mes excuses ainsi que l'hommage de ma haute considération.

18 juillet. Pouchkine.

234. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

20 июля 1827 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

В 1824 году г. статский советник Ольдекоп без моего согласия и ведома перепечатал стихотворение мое «Кавказский пленник» и тем лишил меня невозвратно выгод второго издания, за которое уже предлагали мне в то время книгопродавцы 3000 рублей. Вследствие сего родитель мой, статский советник Сергей Львович Пушкин, обратился с просьбою к начальству, но не получил никакого удовлетворения, а ответствовали ему, что. г. Ольдекоп перепечатал-де «Кавказского пленника» для справок оригинала с немецким переводом, что к тому же не существует в России закона противу перепечатывания книг, и что имеет он, статский советник Пушкин, преследовать Ольдекопа токмо разве яко мошенника, на что не смел я согласиться из уважения к его званию и опасения заплаты за бесчестие.

Не имея другого способа к обеспечению своего состояния, кроме выгод от посильных трудов моих, и ныне лично ободренный Вашим превосходительством, осмеливаюсь наконец прибегнуть к высшему покровительству, дабы и впредь оградить себя от подобных покушений на свою собственность.

Честь имею быть с чувством глубочайшего почтения, благодарности и преданности

Вашего превосходительства,
милостивый государь,
покорнейшим слугою
Александр Пушкин.

С.-Петербург.
20 июля 1827.

235. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

20 июля 1827 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

Честь имею препроводить на рассмотрение Вашего превосходительства новые мои стихотворения. Если Вы соблаговолите снабдить меня свидетельством для цензуры, то, вследствие Вашего

снисходительного позволения, осмеливаюсь просить Вас о доставлении всех сих бумаг издателю моих сочинений, надворному советнику Петру Александровичу Плетневу.

Препровождая при сем записку о деле моем с г. Ольдекопом, с глубочайшим почтением и преданностию имею честь быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Александр Пушкин.

С.-Петербург.
20 июля 1827.

236. А. А. ДЕЛЬВИГУ.

31 июля 1827 г. Из Михайловского в Ревель.

ЭЛЕГИЯ.

Под небом голубым страны своей родной...[1]

Вот тебе обещанная элегия, душа моя. Теперь у тебя отрывок из «Онегина», отрывок из «Бориса» да эта пьеса. Постараюсь прислать еще что-нибудь. Вспомни, что у меня на руках «Московский вестник» и что я не могу его оставить на произвол судьбы и Погодина. Если кончу послание к тебе о черепе твоего деда, то мы и его тиснем. Я в деревне и надеюсь много писать, в конце осени буду у вас; вдохновенья еще нет, покамест принялся я за прозу. Пиши мне о своих занятиях. Что твоя проза и что твоя поэзия? Рыцарский Ревель разбудил ли твою заспанную музу? у вас Булгарин? кстати: Сомов говорил мне о его «Вечере у Карамзина». Не печатай его в своих «Цветах». Ей-богу неприлично. Конечно, вольно собаке и на владыку лаять, но пускай лает она на дворе, а не у тебя в комнатах. Наше молчание о Карамзине и так неприлично; не Булгарину прерывать его. Это было б еще неприличнее. Что твоя жена? помогло ли ей море? Няня ее целует, а я ей кланяюсь.— Пиши же.

31 июля. Михайловское.

237. М. П. ПОГОДИНУ.

Вторая половина (не позднее 30) августа 1827 г.
Из Михайловского в Москву.

Отрывок из «Онегина».

В начале жизни мною правил...[2]

Что вы делаете? что наш «Вестник»? Посылаю вам лоскуток «Онегина» ему на шапку. «Фауст» и другие стихи не вышли еще

---

[1] См. т. II, стр. 297.
[2] См. т. V, стр. 442.

из-под царской цензуры; коль скоро получу, перешлю к вам. Я убежал в деревню, почуя рифмы.

Пока не требует поэта...[1]

Назовите эти стихи да и тисните. Vale.
Что делает мой бедный Байбак? где он?

238. М. П. ПОГОДИНУ.

31 августа 1827 г. Из Михайловского в Москву.

Победа, победа! «Фауста» царь пропустил, кроме двух стихов: *Да модная болезнь, она Недавно вам подарена.* Скажите это от меня господину, который вопрошал нас, *как мы смели* представить пред очи его высокородия такие стихи! Покажите ему это письмо и попросите его высокородие от моего имени впредь быть учтивее и снисходительнее. Плетнев доставит Вам сцену, с копией отношения Бенкендорфа. Если московская цензура всё-таки будет упрямиться, то напишите мне, а я опять буду беспокоить государя императора всеподданнейшей просьбою и жалобами на неуважение высочайшей его воли.

Теперь обратимся к другому предмету. Вы хотите издать «Уранию»!!! et tu, Brute!!.. Но подумайте: на что это будет похоже? Вы, издатель европейского журнала в азиатской Москве, Вы, честный литератор между лавочниками литературы, вы!...... Нет, вы не захотите марать себе рук альманашной грязью. У Вас *много накопилось статей, которые не входят в журнал;* но каких же? Quod licet Uraniae, licet тем паче «Московскому вестнику»; не только *licet,* но *decet. Есть и другие причины.* Какие? деньги? деньги будут, будут. Ради бога, не покидайте «Вестника»; на будущий год обещаю Вам *безусловно* деятельно участвовать в его издании: для того разрываю непременно все связи с альманашниками обеих столиц. Главная ошибка наша была в том, что мы хотели быть слишком дельными; стихотворная часть у нас славная; проза может быть еще лучше, но вот беда: в ней слишком мало вздору. Ведь верно есть у вас повесть для «Урании»? давайте ее в «Вестник». Кстати о повестях: они должны быть непременно существенной частию журнала, как моды у «Телеграфа». У нас не то, что в Европе,— повести в диковинку. Они составили первоначальную славу Карамзина; у нас про них еще толкуют.

Ваша индейская сказка «Переправа» в европейском журнале обратит общее внимание, как любопытное открытие учености, у нас тут видят просто повесть и важно находят ее глупою. Чувствуете разницу? Вестник Московский, по моему беспристрастно-

---

[1] См. т. III, стр. 23.

му, совестному мнению,— лучший из русских журналов. В «Телеграфе» похвально одно ревностное трудолюбие — а хороши одни статьи Вяземского — но зато за одну статью Вяземского в «Телеграфе» отдам три дельные статьи «Московского вестника». Его критика поверхностна или несправедлива, но образ его побочных мыслей и их выражения резко оригинальны, он мыслит, се́рдит и заставляет мыслить и смеяться: важное достоинство, особенно для журналиста! Если вы с ним увидитесь, скажите ему, что я пред ним виноват, но что всё собираюсь загладить свою вину. Не знаю, увижу ли я вас нынче; по крайней мере хочется зимою побывать в белокаменной. До свидания, милый и любезный. Весь Ваш без церемоний.

31 авг. Михайловское.

P. S. Еще слово: издание «Урании», ей-богу, может, хотя и несправедливо, повредить вам в общем мнении порядочных людей. Прочтите, что́ Вяземский сказал об альманахе издателя «Благонамеренного»; он совершенно прав. Публика наша глупа, но не должно ее морочить. Так точно как журнальный сыщик Сережа глуп, но не должно его наверное обыгрывать в карты. Издатель журнала должен все силы употребить, дабы сделать свой журнал как можно совершенным, а не бросаться за барышом. Лучше уж прекратить издание; но сие было бы стыдно. Говорю вам просто и прямо, потому что вас искренно уважаю. Прощайте.

«Стансы к царю» им позволены, «Песни о Стеньке» не пропущены.

239. А. П. КЕРН.

1 сентября 1827 г. Из Тригорского в Петербург.

Анна Петровна, я Вам жалуюсь на Анну Николавну — она меня не целовала в глаза, как Вы изволили приказывать. Adieu, belle dame.

Весь ваш
Яблочный Пирог.

240. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

10 сентября 1827 г. Из Опочки в Петербург.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

С благоговением и благодарностию получил я чрез Ваше превосходительство отзыв государя императора. Почитаю за счастие во всем повиноваться высочайшей его воле.

Что касается до моего дела с г. Ольдекопом, то я не осмелюсь вновь по оному беспокоить Ваше превосходительство. Вы изволили весьма справедливо заметить, что и там, где находятся положительные законы насчет перепечатания книг, не возбраняется издавать переводы вместе с подлинниками. Но сие относится только к сочинениям древних или умерших писателей, если же допустить у нас, что перевод дает право на перепечатание подлинника, то невозможно будет оградить литературную собственность от покушений хищника.

Повергая сие мое мнение на благоусмотрение Вашего превосходительства, полагаю, что в составлении постоянных правил для обеспечения литературной собственности вопрос о праве перепечатывать книгу при переводе, замечаниях или предисловии весьма важен.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

Опочка.
1827. 10 сентября.

241. А. Ф. СМИРДИНУ.

25 октября 1827 г. В Петербурге.

Милостивый государь мой
Александр Филиппович,

По желанию Вашему позволяю Вам напечатать вторично поэму мою «Бахчисарайский фонтан» числом тысячу экземпляров.

Ваш покорный слуга
Александр Пушкин.

25 октябрь. 1827.
С.-Петербург.

242. Ф. В. БУЛГАРИНУ.

Ноябрь (до 18) 1827 г. В Петербурге.

Напрасно думали Вы, любезнейший Фаддей Венедиктович, чтоб я мог забыть свое обещание — Дельвиг и я непременно явимся к Вам с повинным желудком сегодня в $3^1/_2$ часа. Голова и сердце мое давно Ваши.

А. Пушкин.

243. Л. С. ПУШКИНУ.

21 ноября 1827 г. Из Петербурга в Тифлис.

Dites à Rajevsky qu'il m'écrive à l'adresse de mon père Vous eussiez dû faire de même.

244. С. А. СОБОЛЕВСКОМУ.

Ноябрь (после 10) 1827 г. Из Петербурга в Москву.

Безалаберный! полно тебе писать глупости Анне Петровне, напиши мне слово путное. Где «Онегина» 2-я часть? здесь ее требуют, остановилась из-за нее продажа и других глав. А кто виноват? ты, живот, Калибан etc.— еще слово: ты перевелся на Трубецкого, а он терпел, терпел целый месяц — а как стало невтерпеж, пристал ко мне внезапно: давай денег! — денег — а где их взять? — Что ваши, т. е. наши? Погодин мне писал, а я, виноват, весь изленился, не отвечал еще и не послал стихов — да они сами меня обескуражили. Здесь в Петербурге дают мне (à la lettre) 10 рублей за стих,— а у вас в Москве — хотят меня заставить даром и исключительно работать журналу. Да еще говорят: он богат, чёрт ли ему в деньгах. Положим так, но я богат через мою торговлю стишистую, а не прадедовскими вотчинами, находящимися в руках Сергея Львовича.

А. П.

Баронесса тебе кланяется — и целует нежно.

245. М. П. ПОГОДИНУ.

Около (не позднее) 17 декабря 1827 г.
Из Петербурга в Москву.

Теперь я должен перед вами зело извиняться за долгое молчание.— Непонятная, неотразимая, неизъяснимая лень мною овладела, это еще лучшее оправдание мое. Посылаю вам Туманского (кроме «Голубые глаза», взятые для Дельвига), отрывок из «Онегина» и «Стансы» пропущенные — на днях пришлю «Москву» и др. Извините меня перед Калайдовичем; у меня чисто ничего не осталось после здешней альманашной жатвы, а писать еще некогда.

Весь ваш А. П.

Я не лишен прав гражданства и могу быть цензирован нашею цензурою, если хочу,— а с каждым нравоучительным четверостишием я к высшему цензору не полезу — скажите это им.

246. С. А. СОБОЛЕВСКОМУ.

Декабрь 1827 г. (?) Из Петербурга в Москву.

Если бы ты просто написал мне, приехав в Москву, что ты не можешь прислать мне 2-ю главу, то я без хлопот ее бы перепечатал. Но ты всё обещал, обещал — и благодаря тебя во всех книжных лавках продажа 1-й и 3-й глав остановилась. Покорно благодарю.—

Что из этого следует?

Что ты безалаберный.

Что ты ольдекопничаешь и воейковствуешь, перепечатывая нас, образцовых великих людей — Мерзлякова, двух Пушкиных, Великопольского, Подолинского, Полевого и проч.

Хорош!

247. П. А. ОСИПОВОЙ.

24 января 1828 г. Из Петербурга в Тригорское.

Je suis si honteux, Madame, d'avoir été si longtemps sans vous écrire, que j'ose à peine prendre la plume; ce n'est que le souvenir de votre amitié, souvenir qui me sera éternellement délicieux, et l'assurance que j'ai de l'indulgence de votre bonté, qui m'enhardissent encore aujourd'hui. Delvig, qui abandonne ses Fleurs pour des épines diplomatiques, vous parlera de notre existence à Pétersbourg. Je vous avoue que cette existence est assez sotte, et que je brûle de la changer de manière ou d'autre. Je ne sais si je viendrai encore à Михайловское. Cependant c'eût été mon désir. Je vous avoue, Madame, que le bruit et le tumulte de Pétersbourg m'est devenu tout à fait etranger — je les supporte avec impatience. J'aime mieux votre beau jardin et le joli rivage de la Сороть. Vous voyez, Madame, que mes goûts sont encore poétiques malgré la vilaine prose de mon existence actuelle. Il est vrai qu'il est difficile de vous écrire et de n'être pas poète.

Agréez, Madame, l'assurance de mon respect et de mon entier dévouement. Je salue de tout mon coeur toute votre charmante famille. Comment se trouve M-lle Euphrosine de son séjour à Torjok? et y fait-elle beaucoup de conquêtes?

24 Janvier. A. P.

248. Е. М. ХИТРОВО.

6 февраля 1828 г. В Петербурге.

Que vous êtes aimable d'avoir songé à consoler de votre souvenir l'ennui de ma réclusion. Toute sorte d'embarras, de chagrins, de désagréments etc., m'avaient tenu plus que jamais éloigné du monde et ce n'est que malade moi-même, que j'ai appris l'accident de M-lle la comtesse. Arnt a eu la bonté de m'en donner des nouvelles et de me dire qu'elle allait beaucoup mieux. Dès que mon état me le permettra, j'espère, Madame, avoir le bonheur de venir de

suite vous présenter mes respectueux hommages, en attendant je m'ennuie, sans avoir même la distraction d'une souffrance physique.

Pouchkine.

Lundi.

Je prends la liberté, Madame, de vous envoyer la 4 et 5 partie d'Онегин, qui viennent de paraître; je souhaite de bien bon coeur qu'elles vous fassent sourire.

249. Е. М. ХИТРОВО.

10 февраля 1828 г. В Петербурге.

Un aussi triste malade que moi ne mérite guère d'avoir une soeur grise aussi aimable que vous, Madame. Mais je suis bien reconaissant de cette charité toute chrétienne et toute charmante. Je suis charmé que vous protégiez mon ami Онегин; votre remarque critique est aussi juste que fine, comme tout ce que vous dites; je me serais empressé d'en venir recueillir d'autres, si je ne boitais encore un peu, et si je ne craignais les escaliers. Jusqu'à présent je ne me permets que le rez de chaussée.

Daignez recevoir, Madame, l'hommage de ma reconnaissance et de ma parfaite considération.

Vendredi. Pouchkine.

250. М. П. ПОГОДИНУ.

19 февраля 1828 г. Из Петербурга в Москву.

Это слишком серьезно. См. замечание издателя «Московского вестника» о замечании издателя «Московского телеграфа» («Московский вестник», 1828, № 2). Вот как должно их доезжать!

А Флимуш проклятый? а Магазины, Моды?

251. М. П. ПОГОДИНУ.

19 февраля 1828 г. Из Петербурга в Москву.

Вы всеконечно правы и угадали, что я в *примечании* Булгарина совсем не участвовал — ни делом, ни словом, ни согласием, ни ве́дением. Когда б я видел его корректуру, то верно б уже не пропустил выходку, которая так вас беспокоит. Печатайте ваше возражение, если вы думаете, что «Северная пчела» того стоит,

а я не вмешиваюсь, ибо мое правило: не трогать чего знаете. Впрочем, здесь никто не заметил замечания.

О герой Шевырев! О витязь великосердый! — подвизайся, подвизайся! — А вы, любезный Михайло Петрович, утешьтесь и, как говорит Тредьяковский, плюньте на суку «Северную пчелу».

19 февр.

На днях пришлю вам прозу — да Христа ради, не обижайте моих сирот-стишонков опечатками и т. п.

Шевыреву пишу особо. Грех ему не чувствовать Баратынского — но бог ему судья.

252. С. А. СОБОЛЕВСКОМУ.

Вторая половина февраля 1828 г. Из Петербурга в Москву.

Безалаберный!

Ты ничего не пишешь мне о 2100 р., мною тебе должных, а пишешь мне о M-me Kern, которую с помощию божией я на днях ----. Вот в чем дело: хочешь ли оную сумму получить с «Московского вестника» — узнай, в состоянии ли они мне за нынешний год выдать 2100? и дай ответ — если нет, то получишь их с Смирдина в разные сроки. Что, душа моя Калибан? как это тебе нравится? Пиши мне о своих делах и планах. Кто у вас производит, кто потребляет? Кто этот атенеический мудрец, который так хорошо разобрал IV и V главу? Зубарев? или Иван Савельич? Я собирался к вам, мои милые, да не знаю, попаду ли: во всяком случае в Петербурге не остаюсь.

253. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

5 марта 1828 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

Позвольте мне принести Вашему превосходительству чувствительную мою благодарность за письмо, которое удостоился я получить.

Снисходительное одобрение государя императора есть лестнейшая для меня награда, и почитаю за счастие обязанность мою следовать высочайшему его соизволению.

С чувством глубочайшего почитания и сердечной преданности, честь имею быть

милостивый государь,
Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

5 марта 1828.
СПб.

Осмеливаюсь беспокоить Вас покорнейшей просьбою: лично узнать от Вашего превосходительства будущее мое назначение.

254. П. А. ОСИПОВОЙ.

Около (не позднее) 10 марта (?) 1828 г.
Из Петербурга в Тригорское.

Je prends la liberté de vous envoyer les trois derniers chants d'Онегин, je souhaite qu'ils puissent mériter votre approbation. J'y joins un exemplaire pour M-elle Euphrosine, en la remerciant beaucoup de la réponse laconique qu'elle a daigné faire à ma question. Je ne sais, Madame, si j'aurai le bonheur de vous voir cette année; on dit que vous vouliez venir à Pétersbourg. Est-il vrai? cependant je compte toujours sur le voisinage de Trigorsk et de Зуево. Le sort aura beau faire, il faudra bien qu'a la fin nous nous réunissions sous les sorbiers de la Сороть. Agréez, Madame, vous et toute votre famille, l'assurance de mon respect, de mon amitié, de mes regrets et de mon parfait dévouement.

255. И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ.

Конец марта 1828 г. Из Петербурга в Москву.

Любезный Иван Ермолаевич,

Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал мне, что цензура не пропускает их, как личность, без моего согласия. К сожалению, я не мог согласиться.

Глава Онегина вторая
Съезжала скромно на тузе,

и ваше примечание,— конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Прочие очень милы. Мне кажется, что вы немножко мною недовольны. Правда ли? По крайней мере отзывается чем-то горьким ваше последнее стихотворение. Неужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбивого друга, включить неприязненные строфы в 8-ю главу «Онегина»? NB. Я не проигрывал 2-й главы, а ее экземплярами заплатил свой долг, так точно, как вы заплатили мне свой родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедии. Что, если напечатать мне сие благонамеренное возражение? Но я надеюсь, что я не потерял вашего дружества и что мы при первом свидании мирно примемся за карты и за стихи.

Простите. Весь Ваш А. П.

256. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

18 апреля 1828 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

По приказанию Вашего превосходительства, являлся я сегодня к Вам, дабы узнать решительно свое назначение, но меня не хотели пустить и позволить мне дожидаться.

Извините, Ваше превосходительство, если вновь осмеливаюсь Вам докучать, но судьба моя в Ваших руках, и Ваша неизменная снисходительность ободряет мою нескромность.

С истинным, глубочайшим почтением и сердечной преданностию, честь имею быть

Вашего превосходительства,
милостивый государь,
покорнейшим слугою
Александр Пушкин.

18 апреля.

257. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

21 апреля 1828 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

Искренне сожалея, что желания мои не могли быть исполнены, с благоговением приемлю решение государя императора и приношу сердечную благодарность Вашему превосходительству за снисходительное Ваше обо мне ходатайство.

Так как следующие 6 или 7 месяцев остаюсь я, вероятно, в бездействии, то желал бы я провести сие время в Париже, что, может быть, впоследствии мне уже не удастся. Если Ваше превосходительство соизволите мне испросить от государя сие драгоценное дозволение, то вы мне сделаете новое, истинное благодеяние.

Пользуюсь сим последним случаем, дабы испросить от Вашего превосходительства подтверждения данного мне Вами на словах позволения: вновь издать раз уже напечатанные стихотворения мои.

Вновь поручая судьбу мою великодушному Вашему ходатайству, с глубочайшим почтением, совершенной преданностию и сердечной благодарностию, честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Пушкин.

СПб. 1828.
21 апреля.

258. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.

26 апреля 1828 г. Из Петербурга в Москву.

Ваше сиятельство! Его сиятельство, несмотря на свою ревность, позволил моему благородию написать Вам несколько строф (т. е. строк). Во-первых, позвольте повергнуться мне к ножкам Вашего сиятельства и принести всеподданнейшую мою благодарность за собачку (символ моей к Вам верности), вышитую на канве собственными Вашими ручками и присланную мне в мое чухонское уединение.— Что делаете Вы, бесподобная княгиня, в Вашей саратовской степи, и что делает его сиятельство Павел, которого письма составляют единственное утешение наше? En second lieu je vous remercie pour la charmante lettre dont vous m'avez honoré. Je ne l'ai pas pour le moment sur mon coeur (c'est à dire dans ma poche), c'est pourquoi je me réserve pour un autre temps le plaisir de babiller et de vous faire la confession pleine et entière que vous me demandez. Salut.

А. Р.

259. Н. М. ЯЗЫКОВУ.

14 июня 1828 г. Из Петербурга в Дерпт.

К тебе сбирался я давно...[1]

Стихов, ради бога стихов! Душа просит. Простите, желал бы сказать до свидания.

14 июня.
СПб.

260. М. П. ПОГОДИНУ.

1 июля 1828 г. Из Петербурга в Москву.

Простите мне долгое мое молчание, любезный Михайло Петрович; право, всякий день упрекал я себя в неизвинительной лени, всякий день собирался к вам писать и всё не собрался. По сему самому не присылал вам ничего и в «Московский вестник». Правда, что и посылать было нечего; но дайте сроку — осень у ворот; я заберусь в деревню и пришлю вам оброк сполна. Надобно, чтоб наш журнал издавался и на следующий год. Он, конечно, буде сказано между нами, первый, единственный журнал на святой Руси. Должно терпением, добросовестностию, благородством и

[1] См. т. III, стр. 65.

особенно настойчивостию оправдать ожидания истинных друзей словесности и ободрение великого Гёте. Честь и слава милому нашему Шевыреву. Вы прекрасно сделали, что напечатали письмо нашего германского патриарха. Оно, надеюсь, даст Шевыреву более весу во мнении общем. А того-то нам и надобно. Пора уму и знаниям вытеснить Булгарина и Федорова; я здесь на досуге поддразниваю их за несогласие их мнений с мнением Гёте. За разбор «Мысли», одного из замечательнейших стихотворений текущей словесности, уже досталось нашим северным шмелям от Крылова, осудившего их и Шевырева, каждого по достоинству. Вперед! и да здравствует «Московский вестник»! Растолковали ли Вы Телеграфу, что он дурак? Ксенофонт Телеграф, в бытность свою в С.-Петербурге, со мною в том было согласился (но сие да будет между нами; Телеграф добрый и честный человек и с ним я ссориться не хочу). Кланяйтесь Калибану. На днях пишу к нему. Пришлю ему денег, а Вам стихов. За сим обнимаю вас от сердца.

1 июля.

Кстати: похвалите «Славянина», он нам нужен, как навоз нужен пашне, как свинья нужна кухне, а Шишков русской Академии. На днях читал я стихи Языкова, где говорит он о своих стихах:

Что ж? в Белокаменную с богом,
В «Московский вестник» — Трудно, брат,
Он выступает в чине строгом,
Разборчив, строг, аристократ —
Так и приязнь ему не в лад
Со мной, парнасским демагогом.
Ну, в «Афиней».— Что «Афиней»?
Журнал казенно-философский,
Отступник Пушкина, злодей,
«Благонамеренный» московский.

261. С. А. СОБОЛЕВСКОМУ.

3 июля 1828 г. Из Петербурга в Москву.

Посылаю тебе что мог пока собрать: 1750 р. Из коих отошли, ради Христа, 250 Зубкову. Писать пока некогда. Прощай, обжирайся на здоровье.

3 июля.

Мой адрес: на имя Плетнева Петра Александровича — в Екатерининский институт.

262. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

Вторая половина (не ранее 17) августа 1828 г.
В Петербурге.

(Черновое)

Вследствие высочайшего повеления господин обер-полицеймейстер требовал от меня подписки в том, что я впредь без предварительной обычной цензуры... Повинуюсь священной для меня воле; тем не менее прискорбна мне сия мера. Государь император в минуту для меня незабвенную изволил освободить меня от цензуры, я дал честное слово государю, которому изменить я не могу, не говоря уж о чести дворянина, но и по глубокой, искренней моей привязанности к царю и человеку. Требование полицейской подписки унижает меня в собственных моих глазах, и я, твердо чувствую, того не заслуживаю, и дал бы и в том честное мое слово, если б я смел еще надеяться, что оно имеет свою цену. Что касается до цензуры, если государю императору угодно уничтожить милость, мне оказанную, то, с горестью приемля знак царственного гнева, прошу Ваше превосходительство разрешить мне, как надлежит мне впредь поступать с моими сочинениями, которые, как Вам известно, составляют одно мое имущество.

Надеюсь, что Ваше превосходительство поймете и не примете в худую сторону смелость, с которою решаюсь объяснить. Она знак искреннего уважения человека, который чувствует себя...

263. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

1 сентября 1828 г. Из Петербурга в Пензу.

Благодарствуй за письмо — оно застало меня посреди хлопот и неприятностей всякого рода. Отвечаю наскоро на все твои запросы.

Быть может, некогда восплачет обо мне

стих Гнедича (который теперь здесь) в переводе его Вольтерова «Танкреда»:

Un jour elle pleurera l'amant qu'elle a trahi;
Ce coeur qu'elle a perdu, ce coeur qu'elle déchire.

Успокоился ли ты? Пока Киселев и Полторацкие были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом

А в ненастные дни собирались они
часто.
Гнули,- - - - - - - - - - от 50-ти
на 100.

И выигрывали и отписывали
мелом.
Так в ненастные дни занимались они
делом.

Но теперь мы все разбрелись. Киселев, говорят, уже в армии; Junior в деревне; Голицын возится с Глинкою и учреждает родственно-аристократические праздники. Я пустился в свет, потому что бесприютен. Если б не твоя медная Венера, то я бы с тоски умер. Но она утешительно смешна и мила. Я ей пишу стихи. А она произвела меня в свои сводники (к чему влекли меня и всегдашняя склонность и нынешнее состоянье моего Благонамеренного, о коем можно сказать то же, что было сказано о его печатном тезке: ей-ей намерение благое, да исполнение плохое).

Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее.

Прямо, прямо на восток.

Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец «Гавриилиада»; приписывают ее мне; донесли на меня, и я, вероятно, отвечу за чужие проказы, если кн. Дмитрий Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность. Это да будет между нами. Всё это не весело, но критика кн. Павла веселит меня, как прелестный цвет, обещающий со временем плоды. Попроси его переслать мне свои замечания; я буду на них отвечать непременно. Благодарю тебя умом и сердцем, т. е. вкусом и самолюбием — за портрет Пелагеи Николаевны. Стихов ей не шлю, ибо на такой дистанции не стреляют даже и турки. Перед княгиней Верой не смею поднять очей; однако ж вопрошаю, что думает она о происшествиях в Одессе (Раевский и графиня Воронцова).

Addio, idol mio — пиши мне всё в Петербург — пока —

1 сент.

264. Е. М. ХИТРОВО.

Август — первая половина октября 1828 г. (?)
В Петербурге.

Mon Dieu, Madame, en disant des phrases en l'air, je n'ai jamais songé à des allusions inconvenantes. Mais voilà comme vous êtes toutes et voilà pourquoi les femmes comme il faut et les grands sentiments sont ce que je crains le plus au monde. Vivent les grisettes. C'est bien plus court et bien plus commode. Si je ne viens pas chez vous, c'est que je suis très occupé, que je ne puis m'absenter que tard, que j'ai mille personnes que je dois voir et que je ne vois pas.

Voulez-vous que je vous parle bien franchement? Peutêtre suis-je élégant et comme il faut dans mes écrits; mais mon cœur est tout vulgaire et mes inclinations toutes tiers-état. Je suis soûl d'intrigues, de sentiments, de correspondance, etc. etc. J'ai le malheur d'avoir une liaison avec une personne d'esprit, maladive et passionnée — qui me fait enrager, quoique je l'aime de tout mon coeur. En voilà bien assez pour mes soucis et surtout pour mon tempérament.

Ma franchise ne vous fâchera pas? n'est-ce pas? Pardonnez-moi donc des phrases qui n'avaient pas le sens commun et qui surtout ne vous regardaient en aucune manière.

265. Е. М. ХИТРОВО.

Август — первая половина октября 1828 г. (?)

В Петербурге.

D'ou diable prenez vous que je sois fâché? mais j'ai des embarras par-dessus la tête. Pardonnez mon laconisme et mon style de jacobin.

Mercredi.

266. Н. В. ПУТЯТЕ.

Январь — середина октября 1828 г. (?) В Петербурге.

M'étant approché hier d'une dame qui parlait à M-r de Lagrenée, celui-ci lui dit assez haut pour que je l'entendisse: renvoyez-le. Me trouvant forcé de demander raison de ce propos, je vous prie, Monsieur, de vouloir bien vous rendre auprès de M-r de Lagrenée et de lui parler en conséquence.

Réponse s'il vous plait. Pouchkine.

267. А. Н. ВУЛЬФУ.

27 октября 1828 г. Из Малинников в Петербург.

Тверской Ловелас С.-Петербургскому Вальмону здравия и успехов желает.

Честь имею донести, что в здешней губернии, наполненной вашим воспоминанием, всё обстоит благополучно. Меня приняли с достодолжным почитанием и благосклонностию. Утверждают, что вы *гораздо хуже меня* (в моральном отношении), и потому не смею надеяться на успехи, равные вашим. Требуемые от меня

пояснения насчет вашего петербургского поведения дал я с откровенностию и простодушием — отчего и потекли некоторые слезы и вырвались некоторые недоброжелательные восклицания, как например: *какой мерзавец! какая скверная душа!* но я притворился, что их не слышу. При сей верной оказии доношу вам, что Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перла в море и что я намерен на днях в нее влюбиться.

Здравствуйте; поклонение мое Анне Петровне, дружеское рукопожатие баронессе etc.

27 окт.

268. П. А. ОСИПОВОЙ.

3 ноября 1828 г. Из Малинников в Тригорское.

Mille remerciements, Madame, pour l'intérêt que vous daignez prendre à votre tout dévoué serviteur. Je serais venu chez vous absolument, mais la nuit m'a surpris je ne sais trop comment au beau milieu de mes rêveries. Ma santé est aussi bonne que possible.

A demain donc, Madame, et veuillez encore une fois recevoir mes tendres remerciements.

3 novembre.

269. А. А. ДЕЛЬВИГУ.

Середина ноября 1828 г. Из Малинников в Петербург.

Ответ Катенину.

Напрасно, пламенный поэт... [1]

Вот тебе в «Цветы» ответ Катенину вместо ответа Готовцовой, который не готов. Я совершенно разучился любезничать: мне так же трудно проломать мадригал, как и -----. А всё Софья Остафьевна виновата. Не знаю, долго ли останусь в здешнем краю. Жду ответа от Баратынского. К новому году, вероятно, явлюся к вам в Чухландию. Здесь мне очень весело. Прасковью Александровну я люблю душевно; жаль, что она хворает и всё беспокоится. Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито; скажи это графу Хвостову. Петр Маркович здесь повеселел и уморительно мил. На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда приехать. Дети его родственницы, балованные ребятишки, хотели непременно туда же ехать. Мать принесла им изюму и черносли-

[1] См. т. III, стр. 82.

ву и думала тихонько от них убраться. Но Петр Маркович их взбуторажил, он к ним прибежал: дети! дети! мать вас обманывает — не ешьте черносливу; поезжайте с нею. Там будет Пушкин — он весь сахарный, а зад его яблочный, его разрежут и всем вам будет по кусочку — дети разревелись; не хотим черносливу, хотим Пушкина. Нечего делать — их повезли, и они сбежались ко мне облизываясь — но увидев, что я не сахарный, а кожаный, совсем опешили. Здесь очень много хорошеньких девчонок (или девиц, как приказывает звать Борис Михайлович), я с ними вожусь платонически, и от того толстею и поправляюсь в моем здоровье — прощай, поцелуй себя в пупок, если можешь. Сестра просит для своего *Голубчика* моего *Ворона;* как ты думаешь. Пускай шурин гравирует, а ты печатай. Vale et mihi favere, как Евгений Онегин. Баронессе не говорю ничего — однако ж целую ручку, но весьма чопорно.

270. А. А. ДЕЛЬВИГУ.

26 ноября 1828 г. Из Малинников в Петербург.

И недоверчиво и жадно...[1]

Вот тебе ответ Готовцовой (чёрт ее побери), как ты находишь ces petits vers froids et coulants. Что-то написал ей мой Вяземский? а от меня ей мало барыша. Да в чем она меня и впрям упрекает — ? в неучтивости ли противу прекрасного полу, или в похабностях, или в беспорядочном поведении? Господь ее знает. Правда́ ли, что ты едешь зарыться в смоленской крупе? видишь, какую ты кашу наварил. Посылаешь меня за Баратынским, а сам и драла. Что мне с тобою делать? Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфы в «Онегина» и стращают мною ребят как букою. А я езжу по пороше, играю в вист по 8 гривн роберт — и таким образом прилепляюсь к прелестям добродетели и гнушаюсь сетей порока — скажи это нашим дамам; я приеду к ним омолодившийся и телом и душою — — — полно. Я что-то сегодня с тобою разоврался.

26 ноября.

Что «Илиада» и что Гнедич?

---

[1] См. т. III, стр. 83.

271. ИЗДАТЕЛЯМ «СЕВЕРНЫХ ЦВЕТОВ НА 1829 ГОД».

Декабрь 1828 г. Из Москвы в Петербург.

П. А. Катенин дал мне право располагать этим прекрасным стихотворением. Я уверен, что вам будет приятно украсить им ваши «Северные цветы».

272. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

5 или 7 января 1829 г. В. Москве.

Баратынский у меня — я еду часа через три. Обеда не дождусь, а будет у нас завтрак вроде en petit couragé. Постараемся напиться не en grand cordonnier, как сапожники — а так, чтоб быть en petit couragé, под куражем. Приезжай, мой ангел.

273. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Около 25 января 1829 г. Из Петербурга в Пензу.

Уехал ли ты из Москвы? не думаю — на всякий случай пишу тебе в Пензу, где ты когда-нибудь да прочтешь мое послание. Был я у Жуковского. Он принимает в тебе живое, горячее участие, арзамасское — не придворное. Он было хотел, получив первое известие от тебя, прямо отнестися письмом к государю, но раздумал и, кажется, прав. Мнения, слова Жуковского должны иметь большой вес, но для искоренения неприязненных предубеждений нужны объяснения и доказательства — и тем лучше, ибо князь Дмитрий может представить те и другие. Жуковский сказывал мне о совете своем отнестися к Бенкендорфу. А я знаю, что это будет для тебя неприятно и тяжело. Он, конечно, перед тобою неправ; на его чреде не должно обращать внимания на полицейские сплетни и еще менее с укоризною давать знать об них aux personnes qui en sont l'objet. Mais comme au fond c'est un brave et digne homme, trop distrait pour vous garder rancune et trop distingué pour chercher à vous nuire, ne vous laissez pas aller à l'inimitié et tâchez de lui parler tout franchement. Сделай милость, забудь выражение *развратное его поведение*, оно просто ничего не значит. Жуковский со смехом говорил, что говорят, будто бы ты пьяный был у девок, и утверждает, что наша поездка к бабочке-Филимонову, в неблагопристойную Коломну, подала повод этому упреку. Филимонов, конечно, --------, а его бабочка, конечно, рублевая, парнасская Варюшка, в которую и жаль и гадко что-нибудь нашего --------. Впрочем, если б ты вошел и в неметафорический ------. Всё ж не беда.

Я захожу в ваш милый дом,
Как вольнодумец в храм заходит.

Правительство не дама, не Princesse Moustache: прюднчать ему не пристало. Аминь, поговорим о другом. Я в Петербурге с неделю, не больше. Нашел здесь всё общество в волнении удивительном. Веселятся до упаду и в стойку, т. е. на раутах, которые входят здесь в большую моду. Давно бы нам догадаться: мы сотворены для раутов, ибо в них не нужно ни ума, ни веселости, ни общего разговора, ни политики, ни литературы. Ходишь по ногам как по ковру, извиняешься — вот уже и замена разговору. С моей стороны, я от раутов в восхищении и отдыхаю от проклятых обедов Зинаиды. (Дай бог ей ни дна ни покрышки; т. е. ни Италии, ни графа Риччи!) Я не читал еще журналов. Говорят, что Булгарин тебя хвалит. В какую-то силу? — Читал «Цветы»? Каково «Море» Жуковского — и каков его Гомер, за которого сердится Гнедич, как откупщик на контрабанду. Прощай, нет ни времени, ни места.

274. М. ШИМАНОВСКОЙ.

Июль — август 1828 г. или конец января — февраль 1829 г.
В Петербурге.

C'est avec bien de l'empressement que j'accepte votre charmante invitation. J'ai eu des nouvelles indirectes du Prince Wiazemsky; il doit être à l'heure qu'il est chez la Princesse.

Agréez, Madame, l'hommage de ma parfaite considération.

A. Pouchkine.

275. НЕИЗВЕСТНОЙ.

Конец 1828 г. — 4 марта 1829 г. В Петербурге.

(Черновое)

Certainement, Madame, l'heure qui vous conviendrait sera toujours la mienne. A demain donc, et puisse le 7-me chant d'Онегин mériter....

276. С. Д. ПОЛТОРАЦКОМУ.

25 марта 1829 г. В Москве.

Ты совершенно забыл меня, мой милый.

А. П.

277. И. М. СНЕГИРЕВУ.

9 апреля 1829 г. В Москве.

Милостивый государь
Иван Михайлович,

Сделайте одолжение объяснить, на каком основании не пропускаете вы мною доставленное замечание в «Московский телеграф»? Мне необходимо, чтоб оно было напечатано, и я принужден буду в случае отказа отнестись к высшему начальству вместе с жалобою на пристрастие не ведаю к кому.

Поручаю себя в ваше благорасположение и прошу принять уверения в искреннем моем уважении и преданности.

А. Пушкин.

278. И. А. ЯКОВЛЕВУ.

Вторая половина марта — апрель 1829 г. (?)
В Москве.

Любезный Иван Алексеевич,

Тяжело мне быть перед тобою виноватым, тяжело и извиняться, тем более, что знаю твою delicacy of gentlemen. Ты едешь на днях, а я всё еще в долгу. Должники мои мне не платят, и дай бог, чтоб они вовсе не были банкроты, а я (между нами) проиграл уже около 20 тысяч. Во всяком случае ты первый получишь свои деньги. Надеюсь еще их заплатить перед твоим отъездом. Не то позволь вручить их Алексею Ивановичу, твоему батюшке; а ты предупреди, сделай милость, что эти 6 тысяч даны тобою мне взаймы. В конце мая и в начале июня денег у меня будет кучка, но покамест я на мели и карабкаюсь.

Весь твой А. П.

279. Н. И. ГОНЧАРОВОЙ.

1 мая 1829 г. В Москве.

C'est à genoux, c'est en versant des larmes de reconnaissance que j'aurais dû Vous écrire, à présent que le Comte Tolstoy m'a rapporté Votre réponse: cette réponse n'est pas un refus, Vous me permettez l'espérance. Cependant si je murmure encore, si de la tristesse et de l'amertume se mêlent à des sentiments de bonheur, ne m'accusez point d'ingratitude; je conçois la prudence et la tend-

resse d'une mère! — Mais pardonnez à l'impatience d'un coeur malade et privé de bonheur. Je pars à l'instant, j'emporte au fond de l'âme l'image de l'être céleste qui Vous doit le jour.— Si Vous avez quelques ordres à me donner, veuillez les adresser au comte de Tolstoy, qui me les fera parvenir.

Daignez, Madame, accepter l'hommage de ma profonde considération.

1 mai 1829. Pouchkine.

280. Б. Г. ЧИЛЯЕВУ.

24 мая 1829 г. Из Коби в Квешети.

(Черновое)

Несколько путешественников, следующих по казенной надобности, находятся здесь в самом затруднительном положении и, зная по слухам Вашу снисходительность, решились прибегнуть к Вашему покровительству.

Сделайте милость послать к старшине аробщиков. О сем просят убедительнейше артиллерии подполковник Бауман, граф Мусин-Пушкин и я.

Примите и т. д.

281. Ф. И. ТОЛСТОМУ.

27 мая — 10 июня 1829 г. Из Тифлиса в Москву.

(Черновое)

Сейчас узнаю, что было здесь на мое имя письмо, полагаю, любезный граф, что от тебя. Крайне жалею, что оно уже отправлено в действующий отряд, куда еще я не так легко и не так скоро попаду, — делать нечего. Путешествие мое было довольно скучно. Начать, что, поехав на Орел, а не прямо на Воронеж, сделал я около 200 верст лишних, зато видел Ермолова. Хоть ты его не очень жалуешь, принужден я тебе сказать, что я нашел в нем разительное сходство с тобою не только в обороте мыслей и во мнениях, но даже и в чертах лица и в их выражении. Он был до крайности мил. Дорога через Кавказ скверная и опасная — днем я тянулся шагом с конвоем пехоты и каждую дневку ночевал — зато видел Казбек и Терек, которые стоят Ермолова. Теперь прею в Тифлисе, ожидая разрешения графа Паскевича.

282. М. П. ПОГОДИНУ.

Конец сентября — 12 октября 1829 г. (?) В Москве.

Извините меня, ради бога — обязанность, так сказать, священная. . . . . До свидания. Извините еще раз.

А. П.

283. А. Н. ВУЛЬФУ.

16 октября 1829 г. Из Малинников в Петербург.

Проезжая из Арзрума в Петербург, я своротил вправо и прибыл в Старицкий уезд для сбора некоторых недоимок. Как жаль, любезный Ловлас Николаевич, что мы здесь не встретились! то-то побесили б мы баронов и простых дворян! по крайней мере, честь имею представить Вам подробный отчет о делах наших и чужих.

I) *В Малинниках* застал я одну Анну Николаевну с флюсом и с Муром. Она приняла меня с обыкновенной своей любезностию и объявила мне следующее:

a) Евпраксия Николаевна и Александра Ивановна отправились в Старицу посмотреть новых уланов.

b) Александра Ивановна заняла свое воображение отчасти талией и задней частию Кусовникова, отчасти бакенбардами и картавым выговором Юргенева.

c) Гретхен хорошеет и *час от часу делается невиннее.* (Сейчас Анна Николаевна объявила, что она того не находит.)

II) *В Павловском* Фридерика Ивановна страждет флюсом; Павел Иванович стихотворствует с отличным успехом. На днях исправил он наши общие стихи следующим образом:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.

Не правда ли, что это очень мило.

III) *В Бернове* я не застал уже толсто- - - - - Минерву. Она с своим ревнивцем отправилась в Саратов. Зато *Netty*, нежная, томная, истерическая, *потолстевшая Netty* — здесь. Вы знаете, что Миллер из отчаяния кинулся к ее ногам; но она сим не тронулась. Вот уже третий день как я в нее влюблен.

IV) *Разные известия.* Поповна (ваша Кларисса) в Твери. Писарева кто-то прибил, и ему велено подать в отставку. Князь Максютов влюблен более чем когда-нибудь. *Иван Иванович* на строгом диэте (- - - - - - своих одалисок раз в неделю). Недавно узнали мы,

что *Netty*, отходя ко сну, имеет привычку крестить все предметы, окружающие ее постелю. Постараюсь достать (как памятник непорочной моей любви) сосуд, ею освященный... Сим позвольте заключить поучительное мое послание.

16 окт.

284. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

10 ноября 1829 г. В Петербурге.

Mon Général,

C'est avec la plus profonde douleur que je viens d'apprendre que Sa Majesté était mécontente de mon voyage à Arzroum. La bonté indulgente et libérale de Votre Excellence et l'intérêt qu'elle a toujours daigné me témoigner, m'inspirent la confiance d'y recourir encore et de m'expliquer avec franchise.

Arrivé au Caucase, je ne pus résister au désir de voir mon frère qui sert dans le régiment des dragons de Nijni-novgorod et dont j'étais séparé depuis 5 ans. Je crus avoir le droit d'aller à Tiflis. Arrivé là, je ne trouvai plus l'armée. J'écrivis à Николай Раевский, un ami d'enfance, afin qu'il obtint pour moi la permission de venir au camp. J'y arrivai le jour du passage de Sagan-lou. Une fois là, il me parut embarrassant d'éviter de prendre part aux affaires qui devaient avoir lieu et c'est ainsi que j'assistai à la campagne moitié soldat, moitié voyageur.

Je sens combien ma position a été fausse et ma conduite étourdie; mais au moins n'y a-t-il que de l'étourderie. L'idée qu'on pourrait l'attribuer à tout autre motif me serait insupportable. J'aimerais mieux éprouver la disgrâce la plus sévère que de passer pour ingrat aux yeux de celui auquel je dois tout, auquel je suis prêt à sacrifier mon existence, et ceci n'est pas une phrase.

Je supplie Votre excellence d'être en cette occasion ma providence et suis avec la plus haute considération.

Mon Général!

10 novembre — de Votre Excellence
1829. — le très humble et très obéissant serviteur
St-P. — Alexandre Pouchkine.

285. С. Д. КИСЕЛЕВУ.

15 ноября 1829 г. Из Петербурга в Москву.

Любезный Сергей Дмитриевич,

На днях приехал я в Петербург, о чем и даю тебе знать, ибо, может быть, твой поверенный приятель был уже здесь без меня,

Адрес мой у *Демута.* Что ты? что наши? В Петербурге тоска, тоска. . . . . .

Если ты увидишь еще Вяземского, то погоняй его сюда. Мы все ждем его с нетерпением. Кланяйся неотъемлемым нашим Ушаковым. Скоро ли, боже мой, приеду из Петербурга в Hôtel d'Angleterre мимо Карса! по крайней мере мочи нет хочется.

15 ноября
П. Б.

Весь твой
Пушкин.

286. О. М. СОМОВУ.

Первая половина декабря 1829 г. В Петербурге.

Отрывок из «Евгения Онегина», глава VIII. Пришлите мне назад листик этот.

287. НЕИЗВЕСТНОЙ.

Конец (до 26) декабря 1829 г. Петербург.

(Черновое, отрывок)

Ecrivez à Olga sans rancune. Elle vous aime beaucoup et elle serait consolée par votre souvenir.

1830

288. Е. Ф. ТИЗЕНГАУЗЕН.

1 января 1830 г. В Петербурге.

Язык и ум теряя разом...[1]

Bien entendu, Comtesse, que vous serez un vrai Cyclope. Acceptez cette platitude comme une preuve de ma parfaite soumission à vos ordres. Si j'avais cent têtes et cent coeurs, ils seraient tous à votre service.

Agréez l'assurance de ma haute considération.

1 janvier. Pouchkine.

289. Н. И. ГНЕДИЧУ.

6 января 1830 г. В Петербурге.

Я радуюсь, я счастлив, что несколько строк, робко наброшенных мною в «Газете», могли тронуть вас до такой степени. Незнание греческого языка мешает мне приступить к полному разбору «Илиады» вашей. Он не нужен для вашей славы, но был бы нужен для России. Обнимаю вас от сердца. Если вы будете у Andrieux, то я туда загляну. Увижусь с вами прежде.

Весь ваш Пушкин.

290. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

7 января 1830 г. В Петербурге.

Mon Général,

M'étant présenté chez Votre Excellence et n'ayant pas eu le bonheur de la trouver chez elle, je prends la liberté de lui adresser la demande qu'elle m'a permise de lui faire.

Tandis que je ne suis encore ni marié, ni attaché au service, j'aurais désiré faire un voyage soit en France, soit en Italie. Cepen-

---

[1] См. т. III, стр. 154.

dant s'il ne me l'était pas accordé, je demanderais la grâce de visiter la Chine avec la mission qui va s'y rendre.

Oserais-je vous importuner encore? Pendant mon absence, M-r Joukovsky avait voulu imprimer ma tragédie, mais il n'en a pas reçu d'autorisation formelle. Il me serait gênant, vu mon manque de fortune, de me priver d'une quinzaine de milles roubles que peut me rapporter ma tragédie, et il me serait triste de renoncer à la publication d'un ouvrage que j'ai longtemps médité et dont je suis le plus content.

M'en rapportant entièrement à Votre bienveillance, je suis, Mon Général,

de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

7 janvier
1830.

291. М. Н. ЗАГОСКИНУ.

11 января 1830 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь
Михайло Николаевич,

Прерываю увлекательное чтение Вашего романа, чтоб сердечно поблагодарить Вас за присылку «Юрия Милославского», лестный знак Вашего ко мне благорасположения. Поздравляю Вас с успехом полным и заслуженным, а публику с одним из лучших романов нынешней эпохи. Все читают его. Жуковский провел за ним целую ночь. Дамы от него в восхищении. В «Литературной газете» будет о нем статья Погорельского. Если в ней не всё будет высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай бог Вам многие лета — т. е. дай бог нам многие романы.

С искренним уважением и преданностию, честь имею быть

Вашим покорнейшим слугою
А. Пушкин.

11 января 1830.
СПб.

292. Е. М. ХИТРОВО.

Первая половина января 1830 г. В Петербурге.

Vous devez me trouver bien ingrat, bien mauvais sujet. Mais je vous conjure de ne pas juger sur l'apparence. Il m'est impossible aujourd'hui de me rendre à vos ordres. Quoique sans parler du bon-

heur d'être chez vous il suffirait de la curiosité pour m'y attirer. Des vers d'un chrétien, d'un évêque russe en réponse à des couplets sceptiques! c'est vraiment une bonne fortune.

A. P.

293. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

18 января 1830 г. В Петербурге.

Je viens de recevoir le lettre que Votre Excellence a daigné m'écrire. A Dieu ne plaise que je fasse la moindre objection à la volonté de celui qui m'a comblé de tant de bienfaits. Je m'y serais soumis même avec joie, si je pouvais seulement être sûr de n'avoir pas encouru son mécontentement.

Je prends bien mal mon temps, mon Général, pour recourir à votre bienveillance, mais c'est un devoir sacré qui m'y oblige. Des liens d'amitié et de reconnaissance m'attachent à une famille aujourd'hui bien malheureuse: la veuve du général Raievsky vient de m'écrire pour m'engager à faire quelques démarches en sa faveur, auprès de ceux qui puissent faire parvenir sa voix jusqu'au trône de Sa Majesté. Le choix qu'elle a fait de moi prouve déjà à quel point elle est dénuée d'amis, d'espérances et de ressources. La moitié de la famille est exilée, l'autre à la veille d'une ruine complète. Les revenus suffisent à peine pour payer les intérêts d'une dette immense. Madame Raievsky sollicite à titre de pension le traitement entier de feu son mari, réversible sur ses filles en cas de mort. Cela suffira pour la préserver de la mendicité. En m'adressant à vous, Général, c'est plutôt le guerrier que le ministre, et l'homme bon et sensible, plutôt que l'homme d'état, que j'espère intéresser au sort de la veuve du héros de 1812, du grand homme dont la vie fut si brillante et la mort si triste.

Daignez agréer, Mon Général, l'hommage de ma haute considération.

Je suis avec respect
Votre très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

1830, 18 janvier.
S^{t}-P.

294. М. О. СУДИЕНКЕ.

22 января 1830 г. Из Петербурга в Очкино.

Mon cher Soudenko, si vous n'avez pas été payé jusqu'à présent, c'est la faute de mon commissionnaire, qui avait égaré l'adresse du vôtre. Quant à moi, j'avais tout à fait oublié son nom, et vos 4000 vous attendaient tout cachetés, depuis plus de 6 mois.

Arrivé à Pétersbourg, je vous avais écrit à Чернигов (?) pour savoir au juste votre adresse, pour vous féliciter avec votre mariage et pour vous proposer 50 r. à prendre. Vous m'apprenez que vous avez perdu l'appétit et que vous ne déjeunez plus comme en temps jadis. C'est dommage; faites de l'exercice, venez en poste à Pétersbourg, et cela reviendra. Здесь у нас, мочи нет, скучно: игры нет, а я всё-таки проигрываюсь. Об Яковлеве имею печальные известия. Он в Париже. Не играет, к девкам не ездит и учится по-английски. Долгорукий приехал на днях. Этот подает надежду. Покамест умираю со скуки. Приезжай, мой милый, или с горя я к тебе приеду. Прощай, душа моя; будь счастлив и прости мне невольное несдержание слова.

22 января 1830. А. Пушкин.
С.-Петербург.

295. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Конец января 1830 г. Из Петербурга в Москву.

Высылай ко мне скорее Дельвига, если ты сам не едешь. Скучно издавать газету одному с помощию Ореста, несносного друга и товарища. Все Оресты и Пилады на одно лицо. Очень благодарю тебя за твою прозу — подавай ее поболее. Ты бранишь «Милославского», я его похвалил. Где гроза, тут и милость. Конечно, в нем многого недостает, но многое и есть: живость, веселость, чего Булгарину и во сне не приснится. Как ты находишь Полевого? Чтенье его «Истории» заменило Жуковскому чтение Муравьева статс-секретаря. Но критика Погодина ни на что не похожа. Как бы Каченовского взбесить? стравим их с Полевым.

Правда ли, что моя Гончарова выходит за архивного Мещерского? Что делает Ушакова, моя же? Я собираюсь в Москву — как бы не разъехаться. Я напечатал твое «К ним» противу воли Жуковского. Конечно, я бы не допустил к печати ничего слишком горького, слишком озлобленного. Но элегическую---------позволено сказать, когда невтерпеж приходится благородному человеку. Кланяюсь всем твоим и грозному моему критику Павлуше. Я было написал на него ругательскую антикритику, слогом «Галатеи» — взяв в эпиграф *Павлуша медный лоб приличное названье!* собирался ему послать, не знаю куда дел.

296. К. А. СОБАНЬСКОЙ.

2 февраля 1830 г. В Петербурге.

(Черновое)

C'est aujourd'hui le 9 anniversaire du jour où je vous ai vu pour la première fois. Ce jour a décidé de ma vie.

Plus j'y pense, plus je vois que mon existence est inséparable de la vôtre; je suis né pour vous aimer et vous suivre — tout autre soin de ma part est erreur ou folie; loin de vous je n'ai que les remords d'un bonheur dont je n'ai pas su m'assouvir. Tôt ou tard il faut bien que j'abandonne tout, et que je vienne tomber à vos pieds. L'idée de pouvoir un jour avoir un coin de terre en Crimée est la seule qui me sourit et me ranime au milieu de mes mornes regrets. Là je pourrai venir en pèlerinage, errer autour de votre maison, vous rencontrer, vous entrevoir...

297. К. А. СОБАНЬСКОЙ.

2 февраля 1830 г. В Петербурге.

(Черновое)

Vous vous jouez de mon impatience, vous semblez prendre plaisir à me désappointer, je ne vous verrai donc que demain — soit. Cependant je ne puis m'occuper que de vous.

Quoique vous voir et vous entendre soit pour moi le bonheur, j'aime mieux vous écrire que vous parler. Il y a en vous une ironie, une malice qui aigrissent et découragent. Les sentiments deviennent pénibles et les paroles du coeur se tournent en pures plaisanteries en votre présence. Vous êtes le démon, c'est à dire *celui qui doute et nie*, comme le dit l'Ecriture.

Dernièrement, vous avez cruellement parlé du passé. Vous m'avez dit ce que je tâchais de ne pas croire — pendant 7 ans entiers. Pourquoi cela?

Le bonheur est si peu fait pour moi, que je ne l'ai pas reconnu quand il était devant moi. Ne m'en parlez donc plus, au nom du Christ. Le remords, si tant est que je l'eusse connu, le remords aurait eu sa volupté — un regret pareil ne laisse à l'âme que des pensées de rage, de blasphème.

Chère Ellénore, permettez-moi de vous donner ce nom qui me rappelle et les lectures brûlantes de mes jeunes années et le doux fantôme qui me séduisait alors, et votre propre existence si violente, si orageuse, si différente de ce qu'elle devait être. Chère Ellénore, vous le savez, j'ai subi toute votre puissance. C'est à vous que je dois d'avoir connu tout ce que l'ivresse de l'amour a de plus con-

vulsif et de plus douloureux comme tout ce qu'elle a de plus stupide. De tout cela il ne m'est resté qu'une faiblesse de convalescent, un attachement bien doux, bien vrai, et qu'un peu de crainte qu'il m'est impossible de surmonter.

Si jamais vous lisez cela, je sais bien ce que vous penserez — que de maladresse — il est humilié du passé, voilà tout. Il mérite bien que je le joue encore. Il a toute la fatuité de Satan son maître. N'est-ce pas.

Cependant en prenant la plume je voulais vous demander quelque chose — je ne sais plus quoi — ha oui — c'est de l'amitié. Cette demande est bien vulgaire, bien... C'est comme un mendiant qui demanderait du pain — le fait est qu'il me faut votre intimité.

Et cependant vous êtes toujours aussi belle que le jour de la traversé ou bien celui du baptême, lorsque vos doigts me touchèrent le front. Cette impression me reste encore — froide, humide. C'est elle qui m'a rendu catholique. Mais vous allez vous faner; cette beauté va pencher tout à l'heure comme une avalanche. Votre âme restera debout quelque temps encore, au milieu de tant de charmes tombés — et puis elle s'en ira et peut-être jamais la mienne, sa timide esclave, ne la rencontrera dans l'infini de l'éternité.

Et bien, qu'est-ce qu'une âme? Ça n'a ni regard, ni mélodie — mélodie peut-être...

298. К. М. БОРОЗДИНУ.

Около (после) 4 февраля 1830 г. В Петербурге.

(Черновое)

Издателям «Литературной газеты» вместо К. С. Сербиновича дали недавно в цензоры профессора Щеглова, который своими замечаниями поминутно напоминает лучшие времена Бирукова и Красовского — в доказательство позвольте привести Вам один из тысячи примеров: Давыдов в одном послании Зайцевскому и Казарскому говорит:

О будьте вы оба отечества щит,
Перун вековечной державы!

Цензор усомнился, можно ли допустить называть таковым образом двух капитан-лейтенантов и вымарал приветствие не по чину. Издатели решились прибегнуть к Вашему покровительству и просить, если только то возможно, дать другого, менее своенравного цензора, если уже невозможно возвратить г-на Сербиновича.

299. М. О. СУДИЕНКЕ.

12 февраля 1830 г. Из Петербурга в Стародуб.

Vous m'écrivez, mon cher Soudenko, une lettre si horriblement cérémonieuse que j'en suis tout étourdi. Les 4000 r. en question vous attendaient tout cachetés depuis le mois de juillet; mais j'avais perdu l'adresse de votre homme d'affaires et je n'avais pas la vôtre. Il y a un mois que M-r Lerch est venu revendiquer la somme et qu'il l'a touchée tout de suite. Je voulais vous envoyer le reçu qu'il m'a laissé, mais je ne sais ce que j'en ai fait. Pardon encore une fois, et merci pour la complaisance que vous avez eu d'attendre si longtemps.

Je quitte Pétersbourg ces jours-ci; je passerai probablement l'été à la campagne. Peut-être viendrai-je dans vos contrées. Vous me permettrez, j'espère, de venir frapper à votre porte. Si vous voulez m'écrire en attendant, adressez vos lettres e. в. Петру Александровичу Плетневу в Екатерининском Институте. Addio, a rivederla.

12 Février 1830. A. Pouchkine.

300. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.

1 марта 1830 г. Из Петербурга в Москву.

Виноват я перед Вами, княгиня. Простите великодушно. На днях явлюсь к Вам с повинною. Целую Павлушу.

А. П.

301. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

14 марта 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Третьего дня приехал я в Москву и прямо из кибитки попал в концерт, где находилась вся Москва. Первые лица, попавшиеся мне навстречу, были Н. Гончарова и княгиня Вера; а вслед за ними братья Полевые. Приезд государев сделал большое впечатление. Арестованные были призваны к Бенкендорфу, который от имени царя и при Волкове и Шульгине объявил, что всё произошло от неразумения, что государь очень обо всем этом жалеет, что виноват Шульгин etc. Волков прибавил, что он радуется оправданию своему пред московским дворянством, что ему остается испросить прощения, или лучше примирения, графини Потемкиной — и таким образом всё кончено и все довольны.

Княгиня Вера очень мило и очень умно говорила о тебе Бенкендорфу. Он извинялся перед Потемкиной: Quant à M-me Карцов tout ce qu'elle dit c'est comme si elle chantait... А жена твоя: Vous eussiez pu remarquer, Général, qu'elle chantait faux. Отселе изъяснения. Puisque nous sommes sur le pied de la franchise vous me permettrez, Général, de vous répéter la demande de la C-sse Potemkine: la réhabilitation de mon mari. — Он сказал ей, что недоволен твоим меморием. Я не читал его: что такое? Ты жалеешь о том, что тебя не было в Москве, а я так нет. Знаешь разницу между пушкой и единорогом? Пушка сама по себе, а единорог сам по себе. Потемкин и Сибелев сами по себе, а ты сам по себе. Не должно смешивать эти два дела. Здесь ты бы был, конечно, включен в общую амнистию, но ты достоин и должен требовать особенного оправдания — а не при сей верной оказии. Но это всё безделица, а вот что важно: Киселев женится на Лизавете Ушаковой, и Катерина говорит, что они счастливы до гадости. Вчера обедал я у Дмитриева с Жихаревым. Дмитриев сердит на Полевого и на цензора Глинку: я не теряю надежды затащить его в полемику. Дай срок. Прощай, помяни меня на вечере у Катерины Андреевны и пиши мне к Копу.

14 марта.

Запечатай и отошли записку Гагарину Театральному.

Вот тебе и другое письмо.

302. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

16 марта 1830 г. Из Москвы в Петербург.

У меня есть на столе письмо, уже давно к тебе написанное — я побоялся послать его тебе по почте. Жена твоя, вероятно, полнее и дельнее рассказала тебе, в чем дело. Государь, уезжая, оставил в Москве проект новой организации, контрреволюции революции Петра. Вот тебе случай писать политический памфлет, и даже его напечатать, ибо правительство действует или намерено действовать в смысле европейского просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу. Что твое здоровье? Каков ты с министрами? и будешь ли ты в службе новой? Знаешь ли ты, кто в Москве возвысил свой оппозиционный голос выше всех? Солнцев. Каков? Он объявил себя обиженным в лице Сибелева и цугом поехал к нему на съезжу, несмотря на слезы Лизаветы Львовны и нежные просьбы Ольги Матвеевны. Москва утихла и присмирела. Жду концертов и

шуму *за проект*. Буду тебе передавать свои наблюдения о духе Московского клуба. Прощай, кланяюсь твоим. Не могу еще привыкнуть не у них проводить вечера мои. Кажется мне, что я развращаюсь.

16 марта.

303. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

21 марта 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

В 1826 году получил я от государя императора позволение *жить в Москве,* а на следующий год от Вашего высокопревосходительства дозволение приехать в Петербург. С тех пор я *каждую зиму* проводил в Москве, осень в деревне, никогда не испрашивая предварительного дозволения и не получая никакого замечания. Это отчасти было причиною невольного моего проступка: поездки в Арзрум, за которую имел я несчастие заслужить неудовольствие начальства.

В Москву намереваяся приехать еще в начале зимы и, встретив Вас однажды на гулянии, на вопрос Вашего высокопревосходительства, что намерен я делать? имел я счастие о том Вас уведомить. Вы даже изволили мне заметить: vous êtes toujours sur les grands chemins.

Надеюсь, что поведение мое не подало правительству повода быть мною недовольным.

С искренним и глубоким почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга
21 марта 1830. Александр Пушкин.
Москва.

304. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

24 марта 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Mon Général,

La lettre dont vous m'avez honoré, m'a causé un chagrin véritable; je vous supplie de m'accorder un moment d'indulgence et d'attention. Malgré quatre ans d'une conduite égale, je n'ai pu obtenir la confiance de l'autorité. Je vois avec peine que la moindre de mes démarches éveille le soupçon et la malveillance. Pardonnez-moi, mon Général, la liberté de mes doléances, mais, au nom du ciel,

daignez entrer un instant dans ma position et voyez combien elle est embarrassante. Elle est si précaire que je me vois à tout moment à la veille d'un malheur que je ne puis ni prévoir ni éviter. Si jusqu'à présent je n'ai pas essuyé quelque disgrâce, je le dois, non à la connaissance de mes droits, de mon devoir, mais uniquement à votre bienveillance personnelle. Mais que demain vous ne soyez plus ministre, après-demain je suis coffré. M-r Boulgarine, qui dit avoir de l'influence auprès de vous, est devenu un de mes ennemis les plus acharnés à propos d'une critique qu'il m'a attribuée. Après l'infâme article qu'il a publié sur moi, je le crois capable de tout. It m'est impossible de ne pas vous prévenir sur mes relations avec cet homme, car il pourrait me faire un mal infini.

Je comptais de Moscou aller à la campagne de Pskov, cependant si Nicolas Raievsky vient à Poltava, je supplie Votre Excellence de me permettre d'aller l'y trouver.

Agreéz, Mon Général, l'hommage de ma haute considération et de mon entier dévouement

de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

24 mars 1830.
Moscou.

305. Н. А. ПОЛЕВОМУ.

27 марта 1830 г. В Москве.

Сделайте одолжение, милостивый государь Николай Алексеевич, дайте мне знать, что делать мне с Писаревым, с его обществом и с моим дипломом? Всё это меня чрезвычайно затрудняет.

Весь Ваш
А. Пушкин.

306. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Вторая половина (не ранее) 18 марта 1830 г.
Из Москвы в Петербург.

Посылаю тебе драгоценность: донос Сумарокова на Ломоносова. Подлинник за собственноручною подписью видел я у Ив. Ив. Дмитриева. Он отыскан в бумагах Миллера, *надорванный*, вероятно, в присутствии и, вероятно, сохраненный Миллером, как документ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай из

этого статью и тисни в «Литературной газете». Письмо мое доставит тебе Гончаров, брат красавицы: теперь ты угадаешь, что тревожит меня в Москве. Если ты можешь влюбить в себя Елизу, то сделай мне эту божескую милость. Я сохранил свою целомудренность, оставя в руках ее не плащ, а рубашку (справься у княгини Мещерской), а она преследует меня и здесь письмами и посылками. Избавь меня от Пентефреихи. Булгарин изумил меня своею выходкою, сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно — но распутица, лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы, а дубины в 800 верст длины в России нет кроме гр. Панина. Жену твою вижу часто, т. е. всякий день. Наше житье-бытье сносно. Дядя жив, Дмитриев очень мил. Зубков член клуба. Ушаков крив. Вот тебе просьба. Погодин собрался ехать в чужие края, он может обойтиться без вспоможения, но всё-таки лучше бы. Поговори об этом с Блудовым, да пожарче. Строев написал tables des matières «Истории» Карамзина, книгу нам необходимую. Ее надобно напечатать, поговори Блудову и об этом. Прощай. Мой сердечный поклон всему семейству.

В доносе пропущено слово *оскорбляя.*

Батюшков умирает.

307. Н. И. ГОНЧАРОВОЙ.

5 апреля 1830 г. В Москве.

Maintenant, Madame, que vous m'avez accordé la permission de vous écrire, je suis aussi ému, en prenant la plume, que si j'étais en votre présence. J'ai tant de choses à dire et plus j'y pense, plus les idées me viennent tristes et décourageantes. Je m'en vais vous les exposer toutes sincères et toutes diffuses, en implorant votre patience, votre indulgence surtout.

Lorsque je la vis pour la première fois, sa beauté venait d'être à peine aperçue dans le monde; je l'aimai, la tête me tourna, je la demandai, votre réponse, toute vague qu'elle était, me donna un moment de délire; je partis la même nuit pour l'armée; demandez-moi ce que j'allais y faire je vous jure que je n'en sais rien, mais une augoisse involontaire me chassait de Moscou; je n'aurais pu y soutenir ni votre présence, ni la sienne. Je vous avais écrit; j'espérais, j'attendais une réponse — elle ne venait pas. Les torts de ma première jeunesse se présentèrent à mon imagination; ils n'ont ete que trop violents, et la calomnie les a encore aggravés; le bruit en est devenu, malheureusement, populaire. Vous pouviez y ajouter foi, je n'osais m'en plaindre, mais j'étais au désespoir.

Que de tourments m'attendaient à mon retour! Votre silence, votre air froid, l'accueil de Mademoiselle Natalie si léger, si inattentif... je n'eus pas le courage de m'expliquer, j'allais à Pétersbourg

la mort dans l'âme. Je sentais que j'avais joué un rôle bien ridicule, j'avais été timide pour la première fois de ma vie et ce n'est pas la timidité qui dans un homme de mon âge puisse plaire à une jeune personne de l'âge de M-lle votre fille. Un de mes amis va à Moscou, m'en rapporte un mot de bienveillance qui me rend la vie, et maintenant que quelques paroles gracieuses que vous avez daigné m'adresser auraient dû me combler de joie — je suis plus malheureux que jamais. Je vais tâcher de m'expliquer.

L'habitude et une longue intimité pourraient seules me faire gagner l'affection de M-lle votre fille; je puis espérer me l'attacher à la longue, mais je n'ai rien pour lui plaire; si elle consent à me donner sa main, je n'y verrai que la preuve de la tranquille indifférence de son coeur. Mais entourée d'admiration, d'hommages, de séductions, cette tranquillité lui durera-t-elle? On lui dira qu'un malheureux sort l'a seul empêchée de former d'autres liens plus égaux, plus brillants, plus dignes d'elle,— peut-être ces propos seront-ils sincères, mais à coup sûr elle les croira tels. N'aura-t-elle pas des regrets? ne me regardera-t-elle pas comme un obstacle, comme un ravisseur frauduleux? ne me prendra-t-elle pas en aversion? Dieu m'est témoin que je suis prêt à mourir pour elle, mais devoir mourir pour la laisser veuve brillante et libre de choisir demain un nouveau mari — cette idée — c'est l'enfer.

Parlons de la fortune; j'en fais peu de cas. La mienne m'a suffi jusqu'à présent. Me suffira-t-elle marié? je ne souffrirai pour rien au monde que ma femme connût des privations, qu'elle ne fût pas là où elle est appelée à briller, à s'amuser. Elle a le droit de l'exiger. Pour la satisfaire je suis prêt à lui sacrifier tous les goûts, toutes les passions de ma vie, une existance toute libre et toute aventureuse. Toutefois ne murmurera-t-elle pas si sa position dans le monde ne sera pas aussi brillante qu'elle le mérite et que je l'aurais désiré?

Telles sont, en partie, mes anxiétés. Je tremble que vous ne les trouviez trop raisonnables. Il y en a une que je ne puis me résoudre à confier au papier...

Daignez agréer, Madame, l'hommage de mon entier dévouement et de ma haute considération.

Samedi.

A. Pouchkine.

308. Н. О. и С. Л. ПУШКИНЫМ.

6—11 апреля 1830 г. Из Москвы в Петербург.

(Черновое)

Mes très chers parents, je m'adresse à vous dans un moment qui va fixer mon sort pour le reste de ma vie.

Je veux me marier à une jeune personne que j'aime depuis un

an — M-lle Natalie Gontcharof. J'ai son consentement, celui de sa mère. Je vous demande votre bénédiction non comme une vaine formalité, mais dans l'intime persuasion que cette bénédiction est nécessaire à mon bien-être — et puisse la dernière moitié de mon existence être pour vous plus consolante que ne le fut ma triste jeunesse.

La fortune de M-me Gontcharof étant très dérangée et dépendant en partie de celle de son beau-père, cet article est le seul obstacle qui s'oppose à mon bonheur. Je n'ai pas la force de songer à y renoncer. Il m'est bien plus aisé d'espérer que vous viendrez à mon secours. Je vous en conjure, écrivez-moi ce que vous pouvez faire pour...

309. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

16 апреля 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Mon Général,

Je suis tout embarrassé de m'adresser à l'Autorité dans une circonstance purement personnelle, mais ma position et l'intérêt que vous avez bien voulu me témoigner jusqu'à présent m'en font une obligation.

Je dois me marier à M-lle Gontcharof que vous avez dû voir à Moscou, j'ai son consentement et celui de sa mère; deux objections m'ont été faites: ma fortune et ma position à l'égard du gouvernement. Quant à la fortune, j'ai pu répondre qu'elle était suffisante, grâce à Sa Majesté qui m'a donné les moyens de vivre honorablement de mon travail. Quant à ma position, je n'ai pu cacher qu'elle était fausse et douteuse. Exclu du service en 1824, cette flétrissure me reste. Sorti du Lycée en 1817 avec le rang de la 10me classe, je n'ai jamais reçu les deux rangs que me revenaient de droit, mes chefs négligeant de me présenter et moi ne me souciant pas de le leur rappeler. Il me serait maintenant pénible de rentrer au service, malgré toute ma bonne volonté. Une place toute subalterne, telle que mon rang me permet de l'occuper, ne peut me convenir. Elle me distrairait de mes occupations littéraires qui me font vivre et ne ferait que me donner des tracasseries sans but et sans utilité. Je n'y dois donc plus songer. M-me Gontcharof est effrayée de donner sa fille à un homme qui aurait le malheur d'être mal vu de l'empereur... Mon bonheur dépend d'un mot de bienveillance de celui pour lequel mon dévouement et ma reconnaissance sont déjà purs et sans bornes.

Encore une grâce: En 1826 j'apportai à Moscou ma tragédie de Годунов, écrite pendant mon exil. Elle ne vous fut envoyée, telle que vous l'avez vue, que pour me disculper. L'empereur ayant daigné la lire m'a fait quelques critiques sur des passages trop libres et je dois l'avouer, Sa Majesté n'avait que trop raison. Deux ou trois

passages ont aussi attiré son attention, parce qu'ils semblaient présenter des allusions aux circonstances alors récentes, en les relisant actuellement je doute qu'on puisse leur trouver ce sens-là. Tous les troubles se ressemblent. L'auteur dramatique ne peut répondre des paroles qu'il met dans la bouche des personnages historiques. Il doit les faire parler selon leur caractère connu. Il ne faut donc faire attention qu'à *l'esprit dans lequel est conçu l'ouvrage entier*, à l'impression qu'il doit produire. Ma tragédie est une œuvre de bonne foi et je ne puis en conscience supprimer ce qui me paraît essentiel. Je supplie Sa Majesté de me pardonner la liberté que je prends de la contredire; je sais bien que cette opposition de poète peut prêter à rire, mais jusqu'à présent j'ai toujours constamment refusé toutes les propositions des libraires; j'étais heureux de pouvoir faire en silence ce sacrifice à la volonté de Sa Majesté. Les circonstances actuelles me pressent, et je viens supplier Sa Majesté de me délier les mains et de me permettre d'imprimer ma tragédie comme je l'entends.

Encore une fois je suis tout honteux de vous avoir entretenu si longuement de moi. Mais votre indulgence m'a gâté et j'ai beau n'avoir rien fait pour mériter les bienfaits de l'empereur, j'espère et je crois toujours en lui.

Je suis avec la considération la plus haute

de Votre Excellence

le très humble et obéissant serviteur

16 avril 1830. Alexandre Pouchkine.

Moscou.

Je vous supplie, Mon Général, de me garder le secret.

310. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.

15—18 апреля (?) 1830 г. В Москве.

Chère Princesse, voilà vos livres — je vous les renvoie les larmes aux yeux. Quelle idée avez-vous de partir aujourd'hui — и на кого вы нас покидаете? Je viens chez vous dans un moment.

311. Е. М. ХИТРОВО.

Середина (15—20) апреля 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Je vous demande, Madame, un million d'excuses d'avoir été si effrontément paresseux. Que voulez-vous, c'est plus fort que moi — la poste est pour moi une torture. Permettez-moi de vous présenter

mon frère et veuillez lui accorder une partie de la bienveillance que vous daignez m'accorder.

Recevez, Madame, l'assurance de ma haute considération.

A. Pouchkine.

312. Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН.

25 апреля 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Madame la Comtesse,

Il est bien cruel à vous d'être si aimable et de me faire éprouver si vivement la douleur d'être exilé de votre salon. Au nom du ciel, Madame la Comtesse, n'allez pas croire cependant qu'il m'ait fallu le bonheur inesperé de recevoir une lettre de vous pour regretter un séjour que vous embellissez. J'espère que l'indisposition de Madame votre Mère n'a pas eu de suite et ne vous donne plus d'inquiétude. J'aurais déjà voulu être à vos pieds et vous remercier de votre gracieux souvenir, mais mon retour est encore bien incertain.

Me permetterez-vous de vous dire, Madame la Comtesse, que vos reproches sont aussi injustes que votre lettre est séduisante. Croyez que je resterai toujours l'admirateur le plus sincère de vos grâces si simples, de votre conversation si affable et si entraînante, quand même vous avez le malheur d'être la plus brillante de nos nobles dames.

Daignez, Madame la Comtesse, recevoir encore une fois l'hommage de ma reconnaissance et celui de ma haute considération.

25 avril 1830. A. Pouchkine.
Moscou.

313. М. П. ПОГОДИНУ.

26 апреля 1830 г. В Москве.

Пушкин приходил поздравить Вас с новоселием.

314. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.

Конец (не позднее 28) апреля 1830 г. Из Москвы в Остафьево.

Vous avez raison de trouver l'*Ane* délicieux. C'est un des ouvrages les plus marquants du moment. On l'attribue à V. Hugo — j'y vois plus de talent que dans le *dernier jour* où il y ea a beaucoup,

Quant à la phrase qui vous a embarrassée — je vous dirai d'abord de ne pas prendre au sérieux tout ce qu'avance l'auteur. Tout le monde a préconisé le premier amour, il a trouvé plus piquant de parler du second. Peut-être a-t-il raison. Le premier amour est toujours une affaire de sentiment: plus il fut bête, et plus il laisse de souvenirs délicieux. Le second est une affaire de volupté — voyez-vous. On pourrait pousser le parallèle beaucoup plus loin. Mais je n'en ai guère le temps. Mon mariage avec Natalie (qui par parenthèse est mon cent-treizième amour) est décidé. Mon père me donne 200 paysans que j'engage au lombard, et vous, chère Princesse, je vous engage à être ma посаженная мать.

A vos pieds A. P.

Erratum, variante: après 200 *paysans:*
Je les engage au lombard, et vous, divine Princesse, à être ma посаженая мать.

315. С. П. ШЕВЫРЕВУ.

29 апреля 1830 г. Из Москвы в Рим.

Примите и мой сердечный привет, любезный Степан Петрович; мы, жители прозаической Москвы, осмеливаемся писать к Вам в поэтический Рим, надеясь на дружбу Вашу. Возвратитесь обогащенные воспоминаниями, новым знанием, вдохновениями, возвратитесь и оживите нашу дремлющую северную литературу.

А. П.

316. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

2 мая 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Благодарю тебя, мой милый, за твои поздравления и мадригалы — я в точности передам их моей невесте. Правда ли, что ты собираешься в Москву? Боюсь графини Фикельмон. Она удержит тебя в Петербурге. Говорят, что у Канкрина ты при особых поручениях и настоящая твоя служба при ней. Приезжай, мой милый, да влюбись в мою жену, а мы поговорим об газете иль альманахе. Дельвиг в самом деле ленив, однако ж его «Газета» хороша, ты много оживил ее. Поддерживай ее, покамест нет у нас другой. Стыдно будет уступить поле Булгарину. Дело в том, что чисто литературной газеты у нас быть не может, должно принять в союзницы или Моду, или Политику. Соперничествовать с Раичем и Шаликовым как-то совестно. Но неужто Булгарину отдали монополию политических новостей? Неужто, кроме «Северной пчелы», ни один

журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетрясение и что Камера депутатов закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволения? справься-ка с молодыми министрами, да и с Бенкендорфом. Тут дело идет не о политических мнениях, но о сухом изложении происшествий. Да и неприлично правительству заключать союз — с кем? с Булгариным и Гречем. Пожалуйста, поговори об этом, но втайне: если Булгарин будет это подозревать, то он, по своему обыкновению, пустится в доносы и клевету — и с ним не справишься.

Отчего не напечатано мое посвящение тебе в третьем издании «Фонтана»? Неужто мой цензор не пропустил? Это для меня очень досадно. Узнай, пожалуйста, как и зачем.

Сегодня везу к моей невесте Солнцева. Жаль, что представлю его не в прежнем его виде, доставившем ему камергерство. Она более благоговела бы перед родственным его брюхом. Дядя Василий Львович также плакал, узнав о моей помолвке. Он собирается на свадьбу подарить нам стихи. На днях он чуть не умер и чуть не ожил. Бог знает чем и зачем он живет. — Сказывал ты Катерине Андреевне о моей помолвке? я уверен в ее участии — но передай мне ее слова — они нужны моему сердцу, и теперь не совсем счастливому. Прощай, мой милый, обнимаю тебя и Жуковского.

2 мая.

317. Н. О. и С. Л. ПУШКИНЫМ и О. С. ПАВЛИЩЕВОЙ.

3 мая 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Mes chers Parents, j'ai reçu encore deux de vos lettres. Je ne puis vous répondre que ce que vous savez déjà: que tout est arrangé, que je suis le plus heureux des hommes et que je vous aime de toute mon âme.

Sa Majesté m'a fait la grâce de me témoigner sa bienveillante satisfaction du mariage que je vais contracter. Elle m'a permis d'imprimer ma tragédie comme je l'entendais. Dites-le à mon frère pour qu'il le redise à Pletnef — qui m'oublie par paranthèse ainsi que Delvig.

J'ai remis votre lettre à M-me Gontcharof, je suppose qu'elle va vous répondre aujourd'hui. Mon oncle Матвей Михайлович s'est présenté chez elle avant-hier. Lui et ma tante ont pris la plus grande part *à mon bonheur* (je suis tout étourdi d'employer cette expression). Il y a quelques jours que je n'ai vu mon oncle Василий Львович. Je sais qu'il va mieux.

Merci, ma chère Olga, de votre amitié et de vos compliments. J'ai lu votre lettre à Natalie, qui en a ri et qui vous embrasse.

Je vous embrasse aussi, mes chers Parents. Peut-être ces jours-

ci ferai-je un voyage à Kalouga chez le grandpère de Natalie. Je voudrais bien que la noce se fît avant le carême qui va venir. Adieu encore une fois.

3 mai.

318. А. Н. ГОНЧАРОВУ.

3 мая 1830 г. Из Москвы в Полотняный завод.

Милостивый государь,

Афанасий Николаевич!

С чувством сердечного благоговения обращаюсь к Вам, как главе семейства, которому отныне принадлежу. Благословив Наталию Николаевну, благословили Вы и меня. Вам обязан я больше нежели чем жизнию. Счастие Вашей внуки будет священная, единственная моя цель и всё, чем могу воздать Вам за Ваше благодеяние.

С глубочайшим уважением, преданностию и благодарностию честь имею быть,

милостивый государь,

Вашим покорнейшим слугою.

3 мая 1830. Александр Пушкин.

Москва.

319. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Около (не позднее) 5 мая 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Милый! победа! Царь позволяет мне напечатать «Годунова» в первобытной красоте: вот что пишет мне Бенкендорф:

«Pour ce qui regarde votre tragédie de Godounof, Sa Majesté vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité».

Слушай же, кормилец: я пришлю тебе трагедию мою с моими поправками — а ты, благодетель, явись к Фон-Фоку и возьми от него письменное дозволение (нужно ли оно?).

Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Александру Пушкину, являясь перед Россией с «Борисом Годуновым», заговорить об Фаддее Булгарине? кажется, неприлично. Как ты думаешь? реши.

Скажи: имел ли влияние на расход «Онегина» отзыв «Северной пчелы»? Это для меня любопытно. Знаешь ли что? у меня есть презабавные материалы для романа «Фаддей Выжигин». Теперь

некогда, а со временем можно будет написать это. Какое действие произвела вообще и в частности статья о Видоке? пожалуйста, отпиши.

Ах, душа моя, какую женку я себе завел! —

Сейчас получил письмо твое — благодарю, душа моя. Заключай условия, какие хочешь — только нельзя ли вместо четырех лет — три года — выторгуй хоть 6 месяцев. Не продать ли нам Смирдину и трагедию? Поручение твое к моей невесте исполнено. Она заочно рекомендуется тебе и жене твоей. Что касается до будущего местопребывания моего, то сам не знаю — кажется, от Петербурга не отделаюсь. Царь со мною очень мил.

320. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

7 мая 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Mon Général,

C'est à la sollicitude de Votre Excellence que je dois la grâce nouvelle, dont l'empereur vient de me combler: veuillez recevoir l'expression de ma profonde reconnaissance. Jamais dans mon coeur je n'ai méconnu la bienveillance, j'ose le dire, toute paternelle que me portait Sa Majesté, jamais je n'ai mal interpêté l'intérêt que toujours vous avez bien voulu me témoigner; ma demande n'a été faite que pour tranquilliser une mère inquiète et que la calomnie avait encore effarouchée.

Veuillez recevoir, Mon Général, l'hommage de ma haute considération.

Votre très humble et très obéissant serviteur

7 mai 1830.
Moscou.

Alexandre Pouchkine.

321. Е. М. ХИТРОВО.

18 мая 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Je ne sais encore si je viendrai à Pétersbourg — les chaperons que vous avez la bonté de me promettre sont bien brillants pour ma pauvre Natalie. Je suis bien à leurs pieds et aux vôtres, Madame.

18 mai.

322. М. П. ПОГОДИНУ.

15—20 мая 1830 г. В Москве.

Сделайте одолжение, скажите, могу ли надеяться к 30 мая иметь 5000 р. или на год по 10 проц., или на 6 мес. по 5 проц. — Что четвертое действие?

А. П.

323. Е. М. ХИТРОВО.

19—24 мая 1830 г. Из Москвы в Петербург.

D'abord permettez-moi, Madame, de vous remercier pour Hernani. C'est un des ouvrages du temps que j'ai lu avec le plus de plaisir. Hugo et Sainte-Beuve sont sans contredit les seuls poètes français de l'époque, surtout Sainte-Beuve — et à ce propos, s'il est possible d'avoir à Pétersbourg les *Consolations* de ce dernier, faites une oeuvre de charité, au nom du ciel envoyez-les moi.

Quant à mon mariage, vos réflexions là-dessus seraient parfaitement justes, si vous m'eussiez jugé moi-même moins poétiquement. Le fait est que je suis bon homme et que je ne demande pas mieux que d'engraisser et d'être heureux — l'un est plus facile que l'autre. (Pardon, Madame: je m'aperçois que j'ai commencé ma lettre sur une feuille déchirée — je n'ai pas le courage de la recommencer).

Il est bien aimable à vous, Madame, de vous intéresser à ma situation vis-à-vis le maître. Mais quelle place voulez-vous que j'occupe auprès de lui — je n'en vois aucune qui puisse me convenir. J'ai le dégoût des affaires et des *boumagui*, comme le dit le comte Langeron. Etre gentilhomme de la Chambre n'est plus de mon âge, et puis que ferai-je à la cour? ni ma fortune ni mes occupations ne me le permettent. Les parents de ma femme se soucient fort peu d'elle et de moi. Je le leur rends de tout mon coeur. Ces relations sont fort agréables et je ne les changerai jamais.

324. М. П. ПОГОДИНУ.

19—24 мая 1830 г. В Москве.

Сделайте божескую милость, помогите. К воскресенью мне деньги нужны непременно, а на вас вся моя надежда.

А. П.

325. И. Ф. АНТИПИНУ и Ф. И. АБАКУМОВУ.

27 мая 1830 г. Полотняный завод.

Александр Пушкин с чувством живейшей благодарности принимает знак лестного внимания почтенных своих соотечественников Ивана Фомича Антипина и Фаддея Ивановича Абакумова.

27 мая 1830.
Полотняный завод.

326. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

29 мая 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Mon Général,

Je supplie Votre Excellence de me pardonner encore une fois mon importunité.

Le bisaïeul de ma promise a eu jadis la permission d'élever dans sa terre de *Полотняный завод* un monument à l'impératrice Cathérine II. La statue colossale qu'il en a taif fondre en bronze à Berlin est tout à fait manquée et n'a jamais pu être érigée. Elle se trouve depuis plus de 35 ans ensevelie dans les caves de la maison. Des marchands de cuivre en ont offert 40 000 roubles, mais le propriétaire actuel, M-r Gontcharof, n'y a jamais voulu consentir. Il tenait à cette statue, toute difforme qu'elle était, comme au souvenir des bienfaits de la grande souveraine. Il craignait qu'en l'anéantissant il ne perdît aussi le droit d'ériger le monument. Le mariage de sa petite-fille qui s'est décidé inopinément l'a trouvé tout à fait sans ressources et après l'Empereur il n'y a guère que feu son auguste grand'mère qui puisse nous tirer d'embarras. M-r Gontcharof consent, quoiqu'à contre-cœur, à se défaire de la statue, mais il craint de perdre un droit auquel il tient. Je supplie donc Votre Excellence de vouloir bien me faire parvenir, premièrement, la permission de faire fondre la statue en question, secondement, la grâce de conserver à M-r Gontcharof le droit d'ériger dès qu'il le pourra un monument à la bienfaitrice de sa famille.

Agréez, mon Général, l'hommage de mon parfait dévouement et de ma haute considération

de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur

29 mai 1830.
Moscou.

Alexandre Pouchkine.

327. М. П. ПОГОДИНУ.

29 мая 1830 г. В Москве.

Выручите, если возможно, а я за вас буду бога молить с женой и малыми детушками. Завтра увижу ли вас и нет ли чего готового? (в трагедии, понимается).

29 мая. А. П.

328. НЕИЗВЕСТНОМУ.

Апрель — май 1830 г. В Москве.

Voilà ma tragédie. Je voulais vous l'apporter moi-même, mais tous ces jours-ci j'ai fait le jeune homme, c'est à dire que je dormais tout le long du jour.

329. Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.

Начало июня 1830 г. Из Москвы в Полотняный завод.

(Черновое)

Me voilà dans ce Moscou si triste, si ennuyeux lorsque vous n'y êtes pas. Je n'ai pas eu le courage de passer par la Nikitskaya, encore moins de venir demander des nouvelles d'Agraféna. Vous ne saurez imaginer l'angoisse que donne votre absence, je me repens d'avoir quitté Zavod — toutes mes craintes me reviennent plus vives et plus noires. Je voudrais pouvoir espérer que cette lettre ne vous trouvera plus à Zavod — je compte les quarts d'heure qui me séparent de vous.

330. М. П. ПОГОДИНУ.

20-е числа мая — 6 июня 1830 г. В Москве.

Как вы думаете, есть надежда на Надеждина или Надоумко недоумевает?

А. П.

331. М. П. ПОГОДИНУ.

30 мая — 6 июня 1830 г. В Москве.

Могу ли к вам заехать и когда? и будут ли деньги? у бога, конечно, всего много, но он взаймы не дает, а дарит кому захочет, так я более на вас надеюсь, чем на него (прости господи мое прегрешение).

А. П.

Post-scriptum et Nota bene: Румянцов *уничтожил* рогатки (chevaux de Frise), а ввел *карреи* кагульские.

332. М. П. ПОГОДИНУ.

30 мая — 6 июня 1830 г. В Москве.

Если уж часть, так бо́льшую, ради бога.

А. П.

333. М. П. ПОГОДИНУ.

30 мая — 6 июня 1830 г. В Москве.

Надеждин хоть изрядно нас *тешит* иногда (*тесать*) или *чешет* etc., но лучше было бы, если он теперь потешил. Две тысячи лучше одной, суббота лучше понедельника etc.

Весь ваш etc.

334. А. Н. ГОНЧАРОВУ.

7 июня 1830 г. Из Москвы в Полотняный завод.

Милостивый государь
Афанасий Николаевич,

Каждый день ожидал я обещанных денег и нужных бумаг из Петербурга и до сих пор их не получил. Вот причина моего невольного молчания. Думаю, что буду принужден в конце сего месяца на несколько дней отправиться в Петербург, чтоб привести дела свои в порядок.

Что касается до памятника, то я тотчас по своем приезде в Москву писал о нем Бенкендорфу. Не знаю, уехал ли он с государем и где теперь он находится. Ответ его, вероятно, не замедлит.

Позвольте мне, милостивый государь Афанасий Николаевич, еще раз сердечно Вас благодарить за отеческие милости, оказанные Вами Наталии Николаевне и мне. Смею надеяться, что со временем заслужу Ваше благорасположение. По крайней мере жизнь моя будет отныне посвящена счастию той, которая удостоила меня своего выбора и которая так близка Вашему сердцу.

С глубочайшим почтением и беспредельной преданностию имею счастие быть,

милостивый государь,
Ваш покорнейший слуга
Александр Пушкин.

7 июня 1830.
Москва.

335. М. П. ПОГОДИНУ.

8—9 июня 1830 г. В Москве.

Слава в вышних богу, а на земле вам, любезный и почтенный! ваши 1800 р. ассигнациями получил с благодарностию, а прочие чем вы скорее достанете, тем меня более одолжите. Впрочем, я не обязался именно к которому числу.

Весь ваш
А. П.

336. М. П. ПОГОДИНУ.

12 июня 1830 г. В Москве.

Чувствую, что я вам надоедаю, да делать нечего. Скажите, сделайте одолжение, когда именно могу надеяться получить остальную сумму.

Четверг. А. П.

337. А. Н. ГОНЧАРОВУ.

28 июня 1830 г. Из Москвы в Полотняный завод.

Милостивый государь
Афанасий Николаевич,

Только сейчас получил я бумагу Вашего поверенного и не успел еще ее пробежать. Осмеливаюсь повторить Вам то, что уже говорил я Золотову: главное дело не вооружить противу себя Канкрина, а никак не вижу, каким образом Вам без него обойтиться. Государь, получив просьбу Вашу, отдаст ее непременно на рас-

смотрение министра финансов, а министр, уже раз отказавши, захочет и теперь поставить на своем. Временное вспоможение (двумя или тремя стами тысяч) хотя вещь и затруднительная, но всё легче, ибо зависит единственно от произвола государева. На днях еду в Петербург, и если бумага Ваша не будет иметь желаемого успеха, то готов (если прикажете) хлопотать об этом вспоможении и у Бенкендорфа и у Канкрина. Что касается до заложения Заводов, то хотя я и уверен в согласии молодых Ваших родственников и в их повиновении Вашей воле, но в их отсутствие не осмелюсь действовать мимо их. Надеюсь, что мое чистосердечие не повредит мне в Вашем ко мне благорасположении, столь драгоценном для меня: мне казалось лучше объясниться прямо и откровенно, чем обещать и не выполнить.

Ожидая дальнейших Ваших приказаний, препоручаю себя Вашему благорасположению и честь имею быть с глубочайшим почтением и сердечной преданностию,

милостивый государь,

Ваш покорнейший слуга

Александр Пушкин.

28 июня 1830.
Москва.

338. М. П. ПОГОДИНУ.

Вторая половина июня 1830 г. В Москве.

Сердечно благодарю Вас, любезный Михайло Петрович, заемное письмо получите на днях. Как Вам кажется «Письмо» Чаадаева? и когда увижу Вас?

А. П.

339. М. П. ПОГОДИНУ.

Май — июнь 1830 г. (?) В Москве.

Когда будет время, заезжайте ко мне поутру, я всегда дома.

А. П.

340. В. С. ОГОНЬ-ДОГАНОВСКОМУ.

Май — июнь 1830 г. В Москве.

(Черновое)

Я с охотою взялся бы выкупить Ваши долги, но срок оным векселям, по словам Вашим, два года, а следующие Вам 24 800 рублей обязан я выплатить в течение 4 лет. Я никак не в состоянии,

по причине дурных оборотов, заплатить вдруг 25 тысяч. Всё, что могу за Ваш 25-тысячный вексель выдать, 20 с вычетом 10 процентов за год — т. е. 18 тысяч рублей, в таковом случае извольте отписать ко мне и я не премину чрез Вас или чрез кого Вам будет угодно доставить Вам...

341. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

4 июля 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

Имел я счастие получить письмо Вашего высокопревосходительства от 26 прошедшего месяца. Вашему благосклонному ходатайству обязан я всемилостивейшим соизволением государя на просьбу мою; Вам и приношу привычную, сердечную мою благодарность.

На днях должен я буду, по своим делам, приехать в Петербург, и буду иметь счастие явиться к Вашему высокопревосходительству.

С глубочайшим почтением и сердечной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

4 июля 1830.
Москва.

342. М. Н. ЗАГОСКИНУ.

14 июля 1830 г. В Москве.

Милостивый государь
Михайла Николаевич,

Брат вчерашнего австрийского императора Щепина возымел сильное желание быть принятым в театральную школу. Препоручаю его высочество Вашему покровительству.

Сегодня или завтра еду в Петербург на несколько дней. Надеюсь при своем возвращении найти Вас и всё семейство Ваше в добром здоровии.

Весь Ваш
А. Пушкин.

14 июля.
Москва.

343. Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.

20 июля 1830 г. Из Петербурга в Москву.

J'ai l'honneur de vous présenter mon frère (qui vous trouve si jolie pour son propre compte et que je vous supplie de bien recevoir malgré cela). Mon voyage a été ennuyeux à périr. Никита Андреевич m'avait acheté un бричка qui s'est brisé à première station — je l'ai rajusté avec des épingles — à la seconde c'était à recommencer — ainsi de suite. Enfin j'ai trouvé à quelques verstes de Novgorod votre Всеволожский dont la roue était brisée. Nous avons achevé le voyage ensemble en parlant beaucoup des tableaux du prince Galitzine. Pétersbourg me paraît déjà bien ennuyeux, et je compte abréger mon séjour le plus que je pourrai.— Demain commenceront mes visites à vos parents. Наталья Кирилловна est à la campagne. Катерина Ивановна à Парголово (village finois, où demeure la comtesse Polié).— En fait de très jolies femmes je n'ai encore vu que M-me et M-lle Malinovsky avec lesquelles j'ai été tout étonné de dîner hier.

Je suis pressé. Je baise les mains à Наталья Ивановна que je n'ose encore appeler maman et à vous aussi, mon ange, puisque vous ne me permettez pas de vous embrasser. Mes hommages à Mesdemoiselles vos soeurs.—

20 juillet. A. P.

344. Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.

Около (не позднее) 29 июля 1830 г. Из Петербурга в Москву.

Mon frère vous a-t-il remis ma lettre, et pourquoi ne m'envoyez-vous pas le reçu comme vous me l'aviez promis? je l'attends avec impatience et le moment où je l'aurai me dédommagera de l'ennui de mon séjour ici. Il faut que je vous raconte ma visite à Наталья Кирилловна. J'arrive, je me fais annoncer, elle me reçoit à sa toilette comme une très jolie femme du siècle passé. C'est vous qui épousez ma petite nièce? — Oui, Madame.— Comment donc? j'en suis très étonnée; je n'en suis pas informée, Наташа ne m'en a rien écrit. (Ce n'est pas de vous qu'elle parlait c'était de maman). Là-dessus je lui ai dit que le mariage ne s'était décidé que depuis très peu de temps, que les affaires dérangées d'Афанасий Николаевич, celles de Наталья Ивановна etc. etc. Elle n'en a tenu compte: Наташа sait combien je l'aime, Наташа m'a toujours écrit dans toutes les occasions de la vie, Наташа m'écrira — et maintenant, Monsieur, que nous sommes parents, j'espère que vous viendrez me voir souvent,

Puis elle a beaucoup demandé des nouvelles de maman, de Николай Афанасьевич, de vous; elle m'a répété les compliments de l'Empereur à votre égard — et nous nous sommes séparés très bons amis.— N'est-ce pas que Наталья Ивановна lui écrira?

Je n'ai pas encore vu Иван Николаевич. Il était aux manoeuvres et il n'est rentré à Strelna que d'hier. Je viendrai avec lui à Pargolovo, car tout seul je n'en ai ni l'envie, ni le courage.

Ces jours-ci j'ai fait écrire mon père à Афанасий Николаевич mais peut-être viendra-t-il lui-même à Pétersbourg. Que fait la grand'maman de Zavode, celle de bronze, s'entend? Cette question ne vous engagera-t-elle pas à me répondre? Que faites-vous? qui voyez-vous? où vous promenez-vous? irez-vous à Rostof? m'écrirez-vous? Au reste n'allez pas vous effrayer de toutes ces questions vous pouvez fort bien n'y pas répondre — puisque vous me prenez toujours pour un сочинитель.— J'ai été ces jours-ci voir mon Egyptienne. Elle s'est beaucoup intéressée à vous. Elle m'a fait dessiner votre profil, elle m'a témoigné le désir de faire votre connaissance, je prends donc la liberté de vous la recommander. Прошу любить и жаловать. Sur ce, je vous salue. Mes respects, mes hommages à maman, à vos soeurs. Au revoir.

345. Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.

30 июля 1830 г. Из Петербурга в Москву.

Voici une lettre d'Афанасий Николаевич que vient de m'envoyer Иван Николаевич. Vous ne vous imaginez pas combien elle m'embarrasse. Il aura la permission à laquelle il tient tant. Mais quant à ce qui regarde Zavode je n'ai ni le crédit qu'il me croit, ni la volonté d'agir contre le gré de Наталья Ивановна et à l'insu de votre frère aîné. Ce qu'il y a de pis, c'est que je prévois de nouveaux délais — en vérité, c'est impatientant. Je n'ai pas encore vu Катерина Ивановна, elle est à Pargolovo chez la comtesse Polier qui est presque folle, qui dort jusqu'à 6 heures du soir et qui ne reçoit personne. Hier M-me Bagréef, la fille de Spéransky, m'a envoyé chercher pour me laver la tête de ce que je n'ai pas encore rempli les formalités — mais en vérité je n'en ai presque pas la force. Je vais peu dans le monde. On vous y attend avec impatience. Les belles dames me demandent à voir votre portrait, et ne me pardonnent pas de ne pas l'avoir. Je m'en console en passant des heures entières devant une madone blonde qui vous ressemble comme deux gouttes d'eau, et que j'aurais achetée, si elle ne coûtait pas 40 000 roubles. Афанасий Николаевич aurait du troquer contre elle la vilaine grand'maman, puisque jusqu'à présent il n'a pu parvenir à la fondre. Sérieusement je crains que cela ne retarde notre mariage, à moins que Наталья Ивановна ne consente à me charger de votre trousseau. Mon ange, tâchez de grâce.

Je suis un étourdi, mon ange: en relisant la lettre d'Афанасий Николаевич, je vois qu'il ne songe plus à engager son bien de Zavod, et qu'il veut, d'après mon avis, demander un secours momentané. C'est autre chose. En ce cas-là je vais à l'instant chez mon cousin Канкрин lui demander une audience. Je n'ai pas encore vu Benkendorf et tant mieux, je tâcherai d'arranger tout dans une seule audience.

Adieu, мой ангел. Mes hommages à toute votre famille, que j'ose regarder comme mienne.

30 juillet.

M'enverrez-vous un reçu?

346. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.

4 августа 1830 г. Из Петербурга в Москву.

Здравствуйте, княгиня. Как досадно, что вы не застали меня в Москве; j'avais tant de choses à vous dire. J'avoue à ma honte que je m'amuse à Pétersbourg et je ne sais trop comment et quand je serai de retour. Может быть с князем, en tout cas au revoir.

A. P.

347. М. Я. ФОН-ФОКУ.

9 августа 1830 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Максим Яковлевич,

Препровождая к Вашему превосходительству записку о деле г. Гончарова, с глубочайшим почтением и благодарностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою.
9 августа 1830. Александр Пушкин.

348. Ф. Н. ГЛИНКЕ.

12—13 августа 1830 г. (?) В Твери (?).

А. Пушкин просит Ф. Н. Глинку уделить ему несколько минут.

349. А. Н. ГОНЧАРОВУ.

14 августа 1830 г. Из Москвы в Полотняный завод.

Милостивый государь
Афанасий Николаевич,

По приказанию Вашему являлся я к графу Канкрину и говорил о Вашем деле, т. е. о вспоможении денежном; я нашел министра довольно неблагосклонным. Он говорил, что сие дело зависит единственно от государя; я просил от него по крайней мере обещания не прекословить государю, если его величеству угодно будет оказать Вам от себя оное вспоможение. Министр дал мне слово.

Что касается до позволения перелить памятник, то Вы получите немедленно бумагу на имя Ваше от генерала Бенкендорфа. Судьба моя зависит от Вас; осмеливаюсь вновь умолять Вас о разрешении ее. Вся жизнь моя будет посвящена благодарности.

С глубочайшим почтением и сердечной преданностию имею счастие быть,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

14 августа 1830.
Москва.

350. Е. М. ХИТРОВО.

21 августа 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Que je vous dois de reconnaissance, Madame, pour la bonté que vous avez eu de me mettre un peu au fait de ce qui se passe en Europe! Personne ici ne reçoit les journaux de France et en fait d'opinion politique sur tout ce qui vient de se passer, le Club anglais a décidé que le Prince Dmitri Galitzin a eu tort d'interdire l'écarté par ordonnance. Et c'est au milieu de ces orangs-outans que je suis condamné à vivre au moment le plus intéressant de notre siècle. Pour surcroît de peine et d'embarras mon pauvre oncle Василий Львович vient de mourir. Il faut avouer que jamais oncle n'est mort plus mal à propos. Voilà mon mariage retardé encore de 6 semaines, et Dieu sait quand je pourrai revenir à Pétersbourg.

La Parisienne ne vaut pas la Marseillaise. Ce sont des couplets de vaudeville. Je meurs d'envie de lire le discours de Chateaubriand en faveur du duc de Bordeaux. Ça a été encore un beau moment pour lui. En tout cas le voilà donc encore dans l'opposition. Qu'est-ce que l'opposition du *Temps?* veut-il une république? Ceux qui l'ont voulu dernièrement ont hâté le couronnement de Louis-Philippe; il

leur doit des places de chambellan et des pensions. Le mariage de M-me de Genlis avec Lafayette serait tout à fait convenable. Et c'est l'évêque Talleyrand qui devrait les unir. C'est ainsi que la révolution serait consommée.

Je vous supplie, Madame, de me mettre aux pieds de mesdames les comtesses vos filles et de vouloir bien accepter l'hommage de mon dévouement et de ma haute considération.

21 août. A. Pouchkine.
Moscou.

351. А. Н. ГОНЧАРОВУ.

24 августа 1830 г. Из Москвы в Полотняный завод.

Милостивый государь
Афанасий Николаевич,

Сердечно жалею, что старания мои были тщетны и что имею так мало влияния на наших министров: я бы за счастие почел сделать что-нибудь Вам угодное.

Смерть дяди моего, Василья Львовича Пушкина, и хлопоты по сему печальному случаю расстроили опять мои обстоятельства. Не успел я выйти из долга, как опять принужден был задолжать. На днях отправляюсь я в нижегородскую деревню, дабы вступить во владение оной. Надежда моя на Вас одних. От Вас одних зависит решение судьбы моей.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию имею счастие быть,

милостивый государь,
24 августа. Вашим покорнейшим слугою.
Москва. Александр Пушкин.

352. Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.

Последние числа августа 1830 г. В Москве.

Je pars pour *Нижний* incertain de mon sort. Si M-me votre mère est décidée à rompre notre mariage et vous à lui obéir, je souscrirai à tous les motifs qu'elle voudra en donner, quand même ils seraient aussi raisonnables que la scène qu'elle m'a faite hier et les injures qu'il lui plaît de me prodiguer.

Peut-être a-t-elle raison et moi ai-je eu tort de croire un moment que le bonheur était fait pour moi. En tout cas vous êtes parfaitement libre; quant à moi je vous donne ma parole d'honneur de n'appartenir qu'à vous ou de ne me marier jamais.

A. P.

353. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.

Последние числа августа 1830 г. В Москве.

Je pars brouillé avec M-me Gontcharof. Le lendemain du bal elle m'a fait la scène la plus ridicule que vous puissiez vous imaginer. Elle m'a dit des choses qu'en conscience je n'ai pu entendre. Je ne sais encore si mon mariage est rompu, mais l'occasion est là, et j'ai laissé la porte toute grande ouverte. Je n'ai pas voulu en parler au prince, mais dites-le lui, et gardez-moi tous deux le secret. Ha, la maudite chose que le bonheur! Addio, chère Princesse. Ecrivez-moi un mot à Лукоянов в село Болдино.

354. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

31 августа 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Хорош!.. не хотел со мною проститься и ни строчки мне не пишешь. Сейчас еду в Нижний, т. е. в Лукоянов, в село Болдино — пиши мне туда, коли вздумаешь.

Милый мой, расскажу тебе всё, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30-ти лет жизни игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день от дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери — отселе размолвки, колкие обиняки, ненадежные примирения — словом, если я и не несчастлив, по крайней мере не счастлив. Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданом да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда. Всё это не очень утешно. Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского.

Так-то, душа моя. От добра добра не ищут. Чёрт меня догадал бредить о счастии, как будто я для него создан. Должно было мне довольствоваться независимостию, которой обязан я был богу и тебе. Грустно, душа моя, обнимаю тебя и целую наших.

31 авг.

355. Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.

9 сентября 1830 г. Из Болдина в Москву.

Ma bien chère, ma bien aimable Наталья Николаевна — je suis à vos genoux pour vous remercier et vous demander pardon de l'inquiétude que je vous ai causée.

Votre lettre est charmante et m'a tout à fait rassuré. Mon séjour ici peut se prolonger par une circonstance tout à fait imprévue: je croyais que la terre que m'a donnée mon père était un bien à part, mais elle se trouve faire partie d'un village de 500 paysans, et il faudra procéder au partage. Je tâcherai d'arranger tout cela le plus vite possible. Je crains encore plus les quarantaines qu'on commence à établir ici. Nous avons dans nos environs la choléra morbus (une très jolie personne). Et elle pourra m'arrêter une vingtaine de jours de plus. Que de raisons pour me dépêcher! Mes respectueux hommages à Наталья Ивановна, je lui baise les mains bien humblement et bien tendrement. Je vais écrire à l'instant à Афанасий Николаевич. Celui-ci, avec votre permission, est bien impatientant. Remerciez bien M-lles Cathérine et Alexandrine pour leur aimable souvenir et encore une fois pardonnez-moi et croyez je ne suis heureux que là où vous êtes.

9 sept., Boldino.

356. А. Н. ГОНЧАРОВУ.

9 сентября 1830 г. Из Болдина в Полотняный завод.

Милостивый государь
Афанасий Николаевич,

Из письма, которое удостоился я получить, с крайним сожалением заметил я, что Вы предполагаете во мне недостаток усердия. Примите, сделайте милость, мое оправдание. Не осмелился я взять на себя быть ходатаем по Вашему делу единственно потому, что опасался получить отказ, не в пору приступая с просьбою к государю или министрам. Сношения мои с правительством подобны вешней погоде: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка... Вам угодно было спросить у меня совета насчет пути, по которому препроводить Вам к государю просьбу о временном вспоможении: думаю, всего лучше и короче чрез А. Х. Бенкендорфа. Он человек снисходительный, благонамеренный и чуть ли не единственный вельможа, чрез которого нам доходят частные благодеяния государя.

Препоручая себя Вашему благорасположению, имею счастие быть с глубочайшим почтением и сердечной преданностию,

милостивый государь,
Ваш покорнейший слуга
Александр Пушкин.

9 сентября 1830.
С. Болдино.

357. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

9 сентября 1830 г. Из Болдина в Петербург.

Я писал тебе премеланхолическое письмо, милый мой Петр Александрович, да ведь меланхолией тебя не удивишь, ты сам на это собаку съел. Теперь мрачные мысли мои порассеялись; приехал я в деревню и отдыхаю. Около меня колера морбус. Знаешь ли, что это за зверь? того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусает — того и гляди, что к дяде Василью отправлюсь, а ты и пиши мою биографию. Бедный дядя Василий! знаешь ли его последние слова? приезжаю к нему, нахожу его в забытьи, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчав: *как скучны статьи Катенина!* и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воином, на щите, le cri de guerre à la bouche! Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать. Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши сколько хошь. А невеста пуще цензора Щеглова, язык и руки связывает... Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выйти за меня и без приданого. Приданое не уйдет. Зовет меня в Москву — я приеду не прежде месяца, а оттоле к тебе, моя радость. Что делает Дельвиг, видишь ли ты его? Скажи ему, пожалуйста, чтоб он мне припас денег; деньгами нечего шутить; деньги вещь важная — спроси у Канкрина и у Булгарина.

Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; езди верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов. Прости ж, моя милая.

9 сент. 1830. Болдино.

Что моя трагедия? я написал элегическое маленькое предисловие, не прислать ли тебе его? Вспомни однако ж, что ты обещал мне свое: дельное, длинное. А цена трагедии, 10 или 12?

358. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

29 сентября 1830 г. Из Болдина в Петербург.

Болдино, 29 сент.

Сейчас получил письмо твое и сейчас же отвечаю. Как же не стыдно было тебе понять хандру мою, как ты ее понял? хорош и Дельвиг, хорош и Жуковский. Вероятно, я выразился дурно; но это вас не оправдывает. Вот в чем было дело: *теща* моя отлагала свадьбу за приданым, а уж, конечно, не я. Я бесился. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупые ссоры; и

это бесило меня. Хандра схватила, и черные мысли мной овладели. Неужто я хотел иль думал отказаться? но я видел уж отказ и утешался чем ни попало. Всё, что ты говоришь о свете, справедливо; тем справедливее опасения мои, чтоб тетушки да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой жене моей пустяками. Она меня любит, но посмотри, Алеко Плетнев, как *гуляет вольная луна.* etc. Баратынский говорит, что в женихах счастлив только дурак; а человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим. Доселе он я — а тут он будет мы. Шутка! Оттого-то я тещу и торопил; а она, как баба, у которой долог лишь волос, меня не понимала да хлопотала о приданом, чёрт его побери. Теперь понимаешь ли ты меня? понимаешь, ну, слава богу! Здравствуй, душа моя, каково поживаешь, а я, окончa дела мои, еду в Москву сквозь целую цепь карантинов. Месяц буду в дороге по крайней мере. Месяц я здесь прожил, не видя ни души, не читая журналов, так что не знаю, что делает Филипп и здоров ли Полиньяк; я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешнюю мужикам о холере; ты бы со смеху умер, да не стоишь ты этого подарка. Прощай, душа моя; кланяйся от меня жене и дочери.

359. Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.

30 сентября 1830 г. Из Болдина в Москву.

Me voici sur le point de me mettre en voiture, quoique mes affaires ne soient pas terminées et je suis déjà tout découragé. Vous êtes bien bonne de ne promettre qu'un délai de six jours à Богородецк. On vient de me dire qu'il y a cinq quarantaines établies depuis ici jusqu'à Moscou, et que dans chacune il me faudra passer 14 jours, comptez un peu et puis imaginez quelle chienne d'humeur je dois avoir. Pour surcroît de bonheur la pluie a commencé et comme de raison pour ne plus finir qu'au commencement du traînage. Si quelque chose peut me consoler, c'est la sagesse avec laquelle les routes sont pratiquées d'ici à Moscou: figurez-vous un parapet de chaque côté, point de fossé, point d'issue pour l'eau; ce qui fait que la route est une boîte à boue. En revanche les piétons vont très commodément sur des trottoirs bien secs et se moquent des voitures embourbées. Que maudite soit l'heure où je me décidais à vous quitter pour arriver dans ce beau pays de boue, de peste et d'incendie — car nous ne voyons que ça.

Que faites vous en attendant? comment vont les affaires et que dit le grand-papa? Savez-vous ce qu'il m'a écrit? la grand'maman ne vaut, dit-il, que 7 000 r. et cela ne vaut pas la peine de la déranger dans sa retraite. Ça valait bien la peine de faire tant d'embarras! Ne vous moquez pas de moi, car j'enrage. Notre mariage semble toujours fuir devant moi, et cette peste avec ses quarantaines n'est-elle pas la plus mauvaise plasanterie que le sort ait pu ima-

giner. Мой ангел, votre affection est la seule chose de ce monde qui m'empêche de me pendre à la porte cochère de mon triste château (où par parenthèse mon ayeul avait fait pendre un français, un outchitel, un abbé Nicole dont il était mécontent), conservez-la moi, cette affection, et croyez que tout mon bonheur est là. Me permettez-vous de vous embrasser? ça ne tire pas à conséquence à 500 verstes de distance et à travers cinq quarantaines. Ces quarantaines ne me sortent pas de la tête. Adieu donc, mon ange. Mes tendres hommages à Наталья Ивановна; je salue de tout mon cœur vos sœurs et M-r Serge. Avez-vous des nouvelles des autres?

30 sept.

360. Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.

11 октября 1830 г. Из Болдина в Москву.

L'entrée à Moscou est interdite et me voilà confiné à Boldino. Au nom du ciel, chère Наталья Николаевна, écrivez-moi malgré que vous ne le vouliez pas. Dites-moi où êtes-vous? avez-vous quitté Moscou? y a-t-il un chemin de travers qui puisse me mener à vos pieds? Je suis tout découragé et ne sais vraiment que faire. Il est clair que cette année (maudite année) notre mariage n'aura pas lieu. Mais n'est-ce pas que vous avez quitté Moscou? S'exposer de gaîté de cœur au beau milieu de la peste serait impardonnable. Je sais bien qu'on exagère toujours le tableau de ses ravages et le nombre des victimes; une jeune femme de Constantionople me disait jadis qu'il n'y avait que la canaille qui mourait de la peste — tout cela est bel et bon; mais il faut encore que les gens comme il faut prennent leurs précautions, car c'est là ce qui les sauve et non leur élégance et leur bon ton. Vous êtes donc à la campagne, bien à couvert de la choléra, n'est-ce pas? Envoyez-moi donc votre adresse et le bulletin de votre santé. Quant à nous, nous sommes cernés par les quarantaines, mais l'épidémie n'a pas encore pénétré. Boldino a l'air d'une île entourée de rochers. Point de voisins, point de livres. Un temps affreux. Je passe mon temps à griffonner et à enrager. Je ne sais que fait le pauvre monde, et comment va mon ami Polignac. Ecrivez-moi de ses nouvelles, car ici je ne lis point de journaux. Je deviens si imbécile que c'est une bénédiction. Что дедушка с его медной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда ли? Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, как бы дать крюку и приехать к вам через Кяхту или через Архангельск? Дело в том, что для друга семь верст не крюк; а ехать прямо на Москву значит семь верст киселя есть (да еще какого? Московского!). Voilà bien de mauvaises plaisanteries. Je ris jaune, comme disent les poissardes. Adieu. Mettez-moi aux pieds

de M-me votre mére; mes bien tendres hommages à toute la famille. Adieu, mon bel ange. Je baise le bout de vos ailes, comme disait Voltaire à des gens qui ne vous valaient pas.

11 octobre.

361. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Около (не позднее) 29 октября 1830 г. Из Болдина в Петербург.

Я сунулся было в Москву, да узнав, что туда никого не пускают, воротился в Болдино да жду погоды. Ну уж погода! Знаю, что не так страшен чёрт, як его малюют; знаю, что холера не опаснее турецкой перестрелки — да отдаленность, да неизвестность — вот что мучительно. Отправляясь в путь, писал я своим, чтоб они меня ждали через 25 дней. Невеста и перестала мне писать, и где она, до сих пор не ведаю. Каково? то есть, душа моя Плетнев, хоть я и не из иных прочих, так сказать — но до того доходит, что хоть в петлю. Мне и стихи в голову не лезут, хоть осень чудная, и дождь, и снег, и по колено грязь. Не знаю, где моя; надеюсь, что уехала из чумной Москвы, но куда? в Калугу? в Тверь? в Карлово к Булгарину? ничего не знаю. Журналов ваших я не читаю; кто кого? Скажи Дельвигу, чтоб он крепился; что я к нему явлюся непременно на подмогу, зимой, коли здесь не околею. Покамест он уж может заказать виньетку на дереве, изображающую меня голенького, в виде Атланта, на плечах поддерживающего «Литературную газету». Что моя трагедия? отстойте ее, храбрые друзья! не дайте ее на съедение псам журнальным. Я хотел ее посвятить Жуковскому со следующими словами: я хотел было посвятить мою трагедию Карамзину, но так как нет уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина сказали мне, чтоб я посвятил любимый труд памяти отца. Итак, если еще можно, то напечатай на заглавном листе

Драгоценной для россиян памяти
Николая Михайловича
Карамзина
сей труд, гением его вдохновенный,
с благоговением и благодарностию посвящает
А. Пушкин.

362. Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.

Около (не позднее) 29 октября 1830 г. Из Болдина
в Москву.

Милостивая государыня Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить вам по-русски, а вы, мой ангел, отвечайте мне хоть по-чухонски, да только отвечай-

те. Письмо ваше от 1-го октября получил я 26-го. Оно огорчило меня по многим причинам: во-первых, потому, что оно шло ровно 25 дней; 2) что вы первого октября были еще в Москве, давно уже зачумленной; 3) что вы не получили моих писем; 4) что письмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня, видимо, сердитесь, между тем как я пренесчастное животное уж без того. Где вы? что вы? я писал в Москву, мне не отвечают. Брат мне не пишет, полагая, что его письма, по обыкновению, для меня неинтересны. В чумное время дело другое; рад письму проколотому; знаешь, что по крайней мере жив, и то хорошо. Если вы в Калуге, я приеду к вам через Пензу; если вы в Москве, т. е. в московской деревне, то приеду к вам через Вятку, Архангельск и Петербург. Ей-богу, не шучу — но напишите мне, где вы, а письмо адресуйте в *Лукояновский уезд,* в село Абрамово, для пересылки в Болдино. Скорей дойдет. Простите. Целую ручки у матушки; кланяюсь в пояс сестрицам.

363. Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.

4 ноября 1830 г. Из Болдина в Москву.

Le 9 vous étiez encore à Moscou! mon père me l'écrit; il m'écrit encore que mon mariage est rompu. En est-ce assez pour me pendre? je vous dirai encore qu'il y a 14 quarantaines depuis Лукоянов jusqu'à Moscou. Est-ce bon? Maintenant je m'en vais vous raconter une anecdote. Un de mes amis faisait la cour à une jolie femme. Un jour qu'il vient chez elle, il trouve sur sa table un album qu'il ne connaissait pas — il veut le voir — Madame se jette dessus et le lui arrache; nous sommes quelquefois aussi curieux que vous autres, belles dames. Mon ami employe toute son éloquence, toutes les ressources de son esprit, pour se faire rendre l'album. Madame tient bon; il est obligé d'y renoncer. Quelque temps après cette pauvre petite femme meurt. Mon ami assiste à son enterrement et vient consoler le pauvre mari. Ils fouillent ensemble dans les tiroirs de la défunte. Mon ami apperçoit le mystérieux album. Il s'en saisit, il l'ouvre, il était tout blanc à l'exception d'un seul feuillet où étaient écrits ces 4 mauvais vers du «Кавказский пленник»:

Не долго женскую любовь
Печалит хладная разлука,
Пройдет любовь, настанет скука

etc... Maintenant parlons d'autre chose. Quand je dis parlons d'autres choses, je veux dire, revenons à nos moutons. Comment n'avez-vous pas honte d'être restées à la Nikitska — en temps de peste? C'est bon pour votre voisin Адриан qui doit faire de bonnes affaires. Mais Наталья Ивановна, mais vous! — en vérité je ne vous conçois pas.

Je ne sais comment parvenir jusqu'à vous. Je crois que Вятка est encore libre. En ce cas j'irai par là. Ecrivez-moi cependant à Абрамово для доставления в Болдино. Vos lettres me parviendront toujours.

Adieu, que Dieu vous conserve. Mettez-moi aux pieds de M-me votre mère.

4 Nov.

Mes hommages à toute la famille.

364. А. А. ДЕЛЬВИГУ.

4 ноября 1830 г. Из Болдина в Петербург.

Посылаю тебе, барон, вассальскую мою подать, именуемую Цветочною, по той причине, что платится она в ноябре, в самую пору цветов. Доношу тебе, моему владельцу, что нынешняя осень была детородна, и что коли твой смиренный вассал не околеет от сарацинского падежа, холерой именуемого и занесенного нам крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то в замке твоем, «Литературной газете», песни трубадуров не умолкнут круглый год. Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но, не получая журналов, отстал от века и не знаю, в чем дело — и кого надлежит душить, Полевого или Булгарина. Отец мне ничего про тебя не пишет. А это беспокоит меня, ибо я всё-таки его сын — т. е. мнителен и хандрлив (каково словечко?). Скажи Плетневу, что он расцеловал бы меня, видя мое осеннее прилежание. Прощай, душа, на другой почте я, может быть, еще что-нибудь тебе пришлю.

4 ноября.

Я живу в деревне как в острове, окруженный карантинами. Жду погоды, чтоб жениться и добраться до Петербурга — но я об этом не смею еще и думать.

365. М. П. ПОГОДИНУ.

Начало ноября 1830 г. Из Болдина в Москву.

Из «Московских ведомостей», единственного журнала, доходящего до меня, вижу, любезный и почтенный Михайло Петрович, что вы не оставили Матушки нашей. Дважды порывался я к вам, но карантины опять отбрасывали меня на мой несносный островок, откуда простираю к вам руки и вопию гласом велиим. Пошлите мне слово живое, ради бога. Никто мне ничего не пишет. Думают, что я холерой схвачен или зачах в карантине. Не знаю, где и что моя невеста. Знаете ли вы, можете ли узнать? ради бога, узнайте

и отпишите мне: в Лукояновский уезд в село Абрамово, для пересылки в село Болдино. Если при том пришлете мне вечевую свою трагедию, то вы будете моим благодетелем, истинным благодетелем. Я бы на досуге вас раскритиковал — а то ничего не делаю; даже браниться не с кем. Дай бог здоровье Полевому! его второй том со мною и составляет утешенье мое. Посылаю вам из моего Пафмоса Апокалипсическую песнь. Напечатайте, где хотите, хоть в «Ведомостях» — но прошу вас и требую именем нашей дружбы не объявлять *никому* моего имени. Если московская цензура не пропустит ее, то перешлите Дельвигу, но также без моего имени и не моей рукою переписанную... А главного-то и не сказал: срок моему долгу в следующем месяце, но я не смею надеяться заплатить вам: не я лгу, и не мошна лжет — лжет холера и прилыгают пять карантинов, нас разделяющих. Прощайте, будьте живы.

Что брат?

366. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

5 ноября 1830 г. Из Болдина в Москву.

Отправляюсь, мой милый в зачумленную Москву — получив известие, что невеста ее не покидала. Что у ней за сердце? твердою дубовою корой, тройным булатом грудь ее вооружена, как у Горациева мореплавателя. Она мне пишет очень милое, хотя бестемпераментное письмо. Брат Лев дал мне знать о тебе, о Баратынском, о холере... Наконец и от тебя получил известие. Ты говоришь: худая вышла нам очередь. Вот! да разве не видишь ты, что мечут нам чистый баламут; а мы еще понтируем! Ни одной карты налево, а мы всё-таки лезем. Поделом, если останемся голы как бубны. — Здесь я кое-что написал. Но досадно, что не получал журналов. Я был в духе ругаться и отделал бы их на их же манер. В полемике, мы скажем с тобою, и нашего тут капля меду есть. Радуюсь, что ты принялся за Фонвизина. Что ты ни скажешь о нем, или кстати о нем, всё будет хорошо, потому что будет сказано. Об истине (т. е. о точности применения истины) нечего тебе заботиться: пуля виноватого сыщет. Все твои литературные обозрения полны этих пуль-дур. Собери-ка свои статьи критические, посмотри, что за перестрелка подымется. Когда-то свидимся? заехал я в глушь Нижнюю, да и сам не знаю, как выбраться? Точно еловая шишка в - - -; вошла хорошо, а выйти так и шершаво. Кстати: о Лизе голенькой не имею никакого известия. О Полиньяке тоже. Кто плотит за шампанское, ты или я? Жаль, если я. Кабы знал, что заживусь здесь, я бы с ней завел переписку взасос и с подогревцами, т. е. на всякой почте по листу кругом — и читал бы в нижегородской глуши le Tems и le Globe. Каков государь? молодец! того и гляди, что наших каторжников простит — дай бог ему здоровье. Дай бог вам всем здоровья, друзья. Покамест же-

лать лучшего нечего. Здесь крестьяне величают господ титлом Ваше здоровье; титло завидное, без коего все прочие ничего не значат.

5 ноября.

367. П. А. ОСИПОВОЙ.

5 (?) ноября 1830 г. Из Болдина в Опочку.

C'est dans la solitude de Boldino, Madame, que j'ai reçu vos deux lettres à la fois. Il faut avoir été absolument seul, comme je le suis maintenant, pour savoir le prix d'une voix amie et de quelques lignes tracées par quelqu'un que nous chérissons. Je suis bien aise que mon Père ait, grâce à vous, bien supporté la nouvelle de la mort de Василий Львович. Je craignais beaucoup, je vous l'avoue, sa santé et ses nerfs si affaiblis Il m'a écrit plusieurs lettres où il paraît que la crainte de la choléra en a remplacé la douleur. Cette maudite choléra! ne dirait on pas que c'est une mauvaise plaisanterie du sort? J'ai beau faire, il m'est impossible d'arriver jusqu'à Moscou; je suis cerné par toute une échelle de quarantaines et cela de tout côté, le gouvernement de Nijni étant juste le centre de la peste. Cependant je pars après-demain et Dieu sait combien de mois je mettrai à faire 500 verstes que je parcours ordinairement en 48 heures.

Vous me demandez, madame, ce que c'est que le mot *toujour* qui se trouve dans une phrase de ma lettre. Je ne m'en souviens pas, Madame. Mais en tout cas ce mot ne peut être que l'expression et la devise de mes sentiments pour vous et toute votre famille. Je suis fâché si ma phrase présentait un sens inamical — et je vous supplie de la corriger. Ce que vous me dites de la cympathie est bien vrai et bien délicat. Nous sympathisons aves les malheureux par une espèce d'égoïsme: nous voyons que, dans le fond, nous ne sommes pas les seuls. Sympathiser avec le bonheur suppose une âme bien noble et bien désintéressée. Mais le bonheur....... c'est un grand *peut-être*, comme le disait Rabelais du paradis ou de l'éternité. Je suis l'athée du bonheur; je n'y crois pas, et ce n'est qu'après de mes bons et anciens amis que je suis un peu sceptique.

Dès que je serai à Pétersbourg, vous recevrez, Madame, tout ce que j'ai imprimé. Mais ici je n'en ai pas les moyens de rien vous envoyer. Je vous salue, Madame, de tout mon cœur, vous et toute votre famille. Adieu, au revoir. Croyez à mon entier dévouement.

A. Pouchkine.

368. Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.

18 ноября 1830 г. Из Болдина в Москву.

Boldino, 18 Nov.

Encore à Boldino, toujours à Boldino. Ayant appris que vous n'aviez pas quitté Moscou, j'ai pris la poste et je suis parti. Arrivé sur la grand'route, je vis que vous aviez raison; que les 14 quarantaines n'étaient que des avant-postes — qu'il n'y avait de vraies quarantaines que trois. J'arrivais bravement à la première (à Sévasleika, gouvernement de Vladimir). l'inspecteur demande ma feuille de route, en m'apprenant que je n'aurai que 6 jours d'arrêts à subir. Puis il jette les yeux sur la feuille. Вы не по казенной надобности изволите ехать? — Нет, по собственной самонужнейшей.— Так извольте ехать назад на другой тракт. Здесь не пропускают.— Давно ли? — Да уж около 3 недель.— И эти свиньи губернаторы не дают этого знать? — Мы не виноваты-с.— Не виноваты! а мне разве от этого легче? нечего делать — еду назад в Лукоянов; требую свидетельства, что еду не из зачумленного места. Предводитель здешний не знает, может ли после поездки моей дать мне это свидетельство — я пишу губернатору, а сам в ожидании его ответа, свидетельства и новой подорожной сижу в Болдине да кисну. Voilà comment j'ai fait 400 verstes sans avoir bougé de ma tanière.

Ce n'est pas tout: de retour ici j'espérais du moins avoir de vos lettres. Ne voilà-t-il pas qu'un ivrogne de maître de poste à Mourome s'avise de mêler les paquets, de manière qu'Арзамас reçoit la poste de Казань, Нижний celle de Лукоянов et que votre lettre (s'il y en a une) se promène maintenant je ne sais où et me viendra quand il plaira à Dieu. Je suis tout découragé et puisque nous voilà en carême — (dites maman que ce carême-ci, je ne l'oublierai de longtemps) je ne veux plus me dépêcher; je laisserai aller les choses, et je resterai les bras croisés. Mon père m'écrit toujours que mon mariage est rompu. Ces jours-ci il m'apprendra peut-être que vous êtes mariée... Il y a là de quoi perdre la tête. Béni soit le prince Chalikof qui enfin m'a appris que la choléra a diminué. Voilà depuis trois mois la seule bonne nouvelle qui soit parvenue jusqu'à moi.— Adieu, мой ангел, portez-vous bien, ne vous mariez pas à M-r Davidof, et pardonnez-moi ma mauvaise humeur. Mettez-moi aux pieds de maman, bien des choses à tout le monde. Adieu.

369. Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.

26 ноября 1830 г. Из Болдина в Москву.

D'après votre lettre du 19 novembre je vois bien qu'il faut que je m'explique. Je devais quitter Boldino le 1-r octobre. La veille j'allais à une trentaine de verstes de chez moi chez la princesse

Galitzin pour savoir au juste le nombre des quarantaines, le chemin le plus court etc. Comme sa campagne se trouve sur le grand chemin, la princesse s'était chargée de savoir tout cela au juste.

Le lendemain 1-r octobre en revenant chez moi, je reçois la nouvelle que la choléra a pénétré jusqu'à Moscou, que l'empereur y est et *que les habitants l'ont tous abandonnée.* Cette dernière nouvelle me rassure un peu. Ayant appris cependant que l'on délivrait des certificats pour un passage libre ou, au moins, pour un temps moindre de quarantaine, j'écris à cet effet à Нижний. On me répond que le certificat me serait délivré à Лукоянов (comme quoi Boldino n'est pas infecté). En même temps on m'apprend que *l'entrée et la sortie de Moscou sont interdites.* Cette dernière nouvelle et surtout l'incertitude de votre séjour (je ne recevais de lettre de personne à commencer par M-r mon frère, qui se soucie de moi comme de l'an 40) m'arrêtent à Boldino. Arrivé à Moscou, je craignais ou plutôt j'espérais *de ne pas vous y trouver*, et quand même on m'y aurait laissé pénétrer, *j'étais sûr qu'on ne m'en laisserait pas sortir.* En attendant le bruit que Moscou était désert se confirmait et me rassurait.

Tout à coup je reçois de vous un petit billet où vous m'apprenez que vous n'y avez pas songé... Je prends la poste; j'arrive à Лукоянов où l'on me refuse un passe-port sous prétexte que j'étais choisi pour inspecter les quarantaines de mon district. Je me décide à continuer ma route après avoir envoyé une plainte à Нижний. Arrivé sur le territoire de Vladimir, je trouve que la grand'route est interceptée et que personne n'en savait rien, tellement les choses sont ici en ordre. Je reviens à Boldino, où je resterai jusqu'à ce que je n'aie reçu le passeport et le certificat, c'est-à-dire jusqu'à ce qu'il plaira à Dieu.

Vous voyez donc (si toutefois vous daignez me croire) que mon séjour ici est forcé, que je ne demeure pas chez la princesse Galitzin, quoique je lui aie rendu une visite; que mon frère cherche à s'excuser quand il dit m'avoir écrit dès le commencement de la choléra, et que vous avez tort de vous moquer de moi.

Sur ce — je vous salue.

26 nov.

Абрамово n'est pas la campagne de la princesse Galitzin comme vous le croyez — mais une station à 12 verstes de Boldino, Лукоянов en est à 50.

Comme il paraî que vous n'êtes pas disposée à me croire sur parole je vous envoye deux documents de ma détention forcée.

Je ne vous ai pas dit la moitié de toutes les contrariétés que j'ai eu à essuyer. Mais ce n'est pas en vain que je suis venu me fourrer ici. Si je n'avais pas été de mauvais humeur en venant à la campagne, je serais retourné à Moscou dès la seconde station, où

j'ai appris que la choléra ravageait Нижний. Mais alors je ne me souciais pas de rebrousser chemin et je ne demandais pas mieux que la peste.

370. А. Н. ВЕРСТОВСКОМУ.

Вторая половина ноября 1830 г. Из Болдина в Москву.

Сегодня должен я был выехать из Болдина. Известие, что Арзамас снова оцеплен, остановило меня еще на день. Надо было справиться порядком и хлопотать о свидетельстве. Где ты достал краски для ногтей? Скажи Нащокину, чтоб он непременно был жив, во-первых, потому что он мне должен; 2) потому, что я надеюсь быть ему должен; 3) что если он умрет, не с кем мне будет в Москве молвить слова живого, т. е. умного и дружеского. Итак, пускай он купается в хлоровой воде, пьет мяту — и, по приказанию графа Закревского, не предается унынию (для сего нехудо ему поссориться с Павловым, яко с лицом, уныние наводящим).

Не можешь вообразить, как неприятно получать проколотые письма: так шершаво, что невозможно ими подтереться — anum расцарапаешь.

371. М. П. ПОГОДИНУ.

Последние числа ноября 1830 г. Из Болдина в Москву.

Я было опять к вам попытался: доехал до Севаслейки (первого карантина). Но на заставе смотритель, увидев, что еду по собственной самонужнейшей надобности, меня не пустил и протурил назад в мое Болдино. Как быть? в утешение нашел я ваши письма и «Марфу». И прочел ее два раза духом. Ура! — я было, признаюсь, боялся, чтоб первое впечатление не ослабело потом; но нет — я всё-таки при том же мнении: «Марфа» имеет европейское, высокое достоинство. Я разберу ее как можно пространнее. Это будет для меня изучение и наслаждение. Одна беда: слог и язык. Вы неправильны до бесконечности. И с языком поступаете, как Иоанн с Новым городом. Ошибок грамматических, противных духу его усечений, сокращений — тьма. Но знаете ли? и эта беда не беда. Языку нашему надобно воли дать более (разумеется, сообразно с духом его). И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная наша правильность. — Скоро ли выйдет ваша «Марфа»? Не посылаю вам замечаний (частных), потому что некогда вам будет переменять то, что требует перемены. До другого издания. Покамест скажу вам, что антидраматическим показалось мне только одно место: разговор Борецкого с Иоанном: Иоанн не сохраняет своего величия (не в образе речи, но в отношении к предателю). Борец-

кий (хоть и новгородец) с ним слишком запанибрата; так торговаться мог бы он разве с боярином Иоанна, а не с ним самим. Сердце ваше не лежит к Иоанну. Развив драматически (то есть умно, живо, глубоко) его политику, вы не могли придать ей увлекательности чувства вашего — вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогом несколько надутым. Вот главная критика моя. Остальное... остальное надобно будет хвалить при звоне Ивана великого, что и выполнит со всеусердием ваш покорнейший пономарь.

А. П.

Что за прелесть сцена послов! как вы поняли русскую дипломатику! А вече? а посадник? а князь Шуйский? а князья удельные? Я вам говорю, что это всё достоинства — ШЕКСПИРОВСКОГО!..

О слоге упомяну я вкратце, предоставя его журналам, которые, вероятно, подымут его на царя (и поделом), а вы их послушайтесь. Для вас же пришлю я подробную критику, надстрочную. Простите, до свидания. Поклон Языкову.

372. Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.

Около (не позднее) 1 декабря 1830 г. Из Платавы в Москву.

Voici encore un document — veuillez tourner la feuille.

Je suis arrêté à la quarantaine de Платава. On ne m'y laisse pas entrer, parce que je suis en *перекладной*, ayant brisé ma voiture. Je vous supplie de faire savoir mon triste cas au prince Дмитрий Galitzin — et de le prier d'employer son influence pour me faire entrer à Moscou. Je vous salue de tout mon coeur ainsi que maman et toute la famille. Ces jours-ci je vous ai écrit une lettre un peu dure — mais c'est que je n'avais pas la tête à moi — pardonnez-la moi, car je m'en repens. Me voilà à 75 verstes de chez vous et Dieu sait si je vous verrai dans 75 jours.

P. S. Ou bien envoyez-moi une voiture ou une calèche à la quarantaine à Платава en mon nom.

373. Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.

2 декабря 1830 г. Из Платавы в Москву.

Il est inutile de m'envoyer la calèche, j'avais été faussement averti. Me voilà en quarantaine avec la perspective de rester prisonnier pendant 14 jours — après quoi j'espère être à vos pieds.

Ecrivez-moi, je vous supplie, à la quarantaine de Platava. Je crains que je ne vous aie fâchée. Vous me pardonneriez si vous saviez tous les désagréments que j'ai eu à cause de cette peste. Au moment où j'allais partir, au commencement d'octobre, on me nomme inspecteur de district — charge que j'aurais acceptée absolument, si en même temps je n'eus appris que la Choléra était à Moscou. J'ai eu toutes les peines du monde en me débarrasser. Puis vient la nouvelle de ce que Moscou est cerné, que l'entrée en est défendue. Puis mes malheureuses tentatives d'évasion, puis la nouvelle que vous n'aviez pas quitté Moscou — enfin votre dernière lettre qui m'a mis au désespoir. Comment avez-vous eu le courage de l'écrire? Comment avez-vous pu croire que je restais confiné à Нижний à cause de cette sacrée princesse Galitzine? connaissez-vous cette princesse Galitzine? A elle seule elle est grosse comme toute votre famille, y compris moi. En vérité je suis prêt à être dur de nouveau. Mais enfin me voilà en quarantaine et pour le moment je ne désire rien de plus. Вот до чего мы дожили — что рады, когда нас на две недели посодят под арест в грязной избе к ткачу, на хлеб да на воду! —

Нижний n'est plus cerné — les quarantaines ont été anéanties à Vladimir la veille de mon départ. Cela ne m'a pas empêché d'être retenu près de Sévasleika, vu que le gouverneur avait négligé d'envoyer savoir à l'inspecteur que la quarantaine n'existait plus. Si vous pouviez vous imaginer seulement le quart des désordres que ces quarantaines ont entraîné, vous ne concevriez pas comment on peut s'en débarrasser. Adieu. Mes respectueux hommages à maman. Je salue de tout mon coeur M-lles vos soeurs et M-r Serge.

Platava. *2 déc.*

374. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

9 декабря 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Милый! я в Москве с 5 декабря. Нашел тещу озлобленную на меня, и насилу с нею сладил,— но слава богу — сладил. Насилу прорвался я и сквозь карантины — два раза выезжал из Болдина и возвращался. Но слава богу, сладил и тут. Пришли мне денег сколько можно более. Здесь ломбард закрыт, и я на мели. Что «Годунов»? Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: *2 последние* главы «Онегина», 8-ю и 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400), которую выдадим Anonyme. Несколько драматических сцен или маленьких трагедий, именно: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы» и «Дон-Жуан». Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще

не всё (весьма секретное).* Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется — и которые напечатаем также Anonyme. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает. Итак, русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! жаль — но чего смотрел и Дельвиг? охота ему было печатать конфектный билетец этого несносного Лавинья. Но всё же Дельвиг должен оправдаться перед государем. Он может доказать, что никогда в его «Газете» не было и тени не только мятежности, но и недоброжелательства к правительству. Поговори с ним об этом. А то шпионы-литераторы заедят его как барана, а не как барона. Прости, душа, здоров будь — это главное.

9 декабря.

375. Е. М. ХИТРОВО.

9 декабря 1830 г. Из Москвы в Петербург.

En rentrant à Moscou, Madame, j ai trouvé chez la princesse Dolgorouky un paquet de votre part. C'était des gazettes de France et la tragédie de Dumas — tout était nouvelles pour moi, malheureux pestiféré de Нижний. Quelle année! quels événements! La nouvelle de l'insurrection de Pologne m'a tout à fait bouleversé. Nos vieux ennemis seront donc exterminés et c'est ainsi que rien de ce qu'a fait Alexandre ne pourra subsister, car rien n'est basé sur les véritables intérêts de la Russie, et ne pose que sur des considérations de vanité personnelles, d'effet théâtral etc.... Connaissez-vous le mot sanglant de maréchal votre père? A son entrée à Vilna, les Polonais vinrent se jetter à ses pieds. Встаньте, leur dit-il, помните, что вы русские.— Nous ne pouvons que plaindre les Polonais. Nous sommes trop puissants pour les haïr, la guerre qui va s'ouvrir sera une guerre d'extermination — ou du moins devrait l'être. L'amour de la patrie, tel qu'il peut exister dans une âme polonaise, a toujours été un sentiment funèbre. Voyez leur poète Mickévicz.— Tout cela m'attriste beaucoup. La Russie a besoin de repos. Je viens de la parcourir. La sublime visite de l'empereur a ranimé Moscou, mais il n'a pu être à la fois dans tous les 16 gouvernements empestés. Le peuple est abattu et irrité. L'année 1830 est une triste année pour nous. Espérons — c'est toujours bien fait d'espérer.

9 décembre.

---

* для тебя единого.

376. Е. М. ХИТРОВО.

11 декабря 1830 г. Из Москвы в Петербург.

Mon père vient de m'envoyer une lettre que vous m'avez adressée à la campagne. Vous devez être aussi assurée de ma reconnaissance, que je le suis de l'intérêt que vous daignez prendre à mon sort. Je ne vous en parlerai donc pas, Madame. Quant à la nouvelle de ma rupture, elle est fausse et n'est fondée que sur ma longue retraite et mon silence habituel avec mes amis. Ce qui m'intéresse pour le moment, c'est ce qui se passe en Europe. Les élections de la France sont, dites-vous, dans un bon esprit. Qu'appelez-vous un bon esprit? Je tremble qu'ils ne mettent en tout cela la pétulance de la victoire, et que Louis-Philippe ne soit par trop roi-soliveau. La nouvelle loi des élections mettra au banc des dèputès une génération jeune, violente, peu effrayée des excès de la révolution républicaine qu'elle n'a connue que par les mémoires et qu'elle n'a pas traversée. Je ne lis pas encore les journaux, car je n'ai pas encore eu le temps de me reconnaître. Quant aux journaux russes je vous avoue que la suppression de la Gazette littéraire m'a fort étonné. Sans doute l'éditeur a eu tort d'insérer le billet de bonbon de Casimir la Vigne — mais ce journal est si inoffensif, si ennuyeux dans sa gravité qu'il n'est lu que des littérateurs et qu'il est tout à fait étranger même aux allusions de la politique. J'en suis fâché pour Delvig, homme tranquille, père de famille, tout à fait estimable et auquel cependant la sottise ou l'inadvertance d'un moment peuvent nuire auprès du gouvernement et cela dans un moment où il sollicitait pour sa mère, veuve du général Delvig, une pension de Sa Majesté.

Veuillez, Madame, me mettre aux pieds des comtesses vos filles, dont la bienveillance m'est plus que précieuse. et souffrez que je reste aux vôtres.

11 déc.

377. Н. С. АЛЕКСЕЕВУ.

26 декабря 1830 г. Из Москвы в Бухарест.

Мой милый, как несправедливы — — твои упреки моей забывчивости и лени! Из писем твоих вижу я, душа моя, что мои до тебя не доходят. Не знаю, кого винить, не смею никого винить; но я писал к тебе несколько раз или (чтоб не солгать) два раза — стихами и прозою, как бывало в старину. Ты пишешь, что ты постарел, мой вечно юный; желал бы посмотреть на твою лысину и морщины; вероятно, и ты не узнал бы меня: я оброс бакенбардами, остригся под гребешок — остепенился, обрюзг — но это еще ничего — я сговорен, душа моя, сговорен и женюсь! и

непременно дам тебе знать, что такое женатая жизнь. Пиши мне, мой милый, о тех местах, где ты скучаешь, но которые сделались уже милы моему воображению,— о берегах Быка, о Кишиневе, о красавицах — вероятно, состарившихся — о Еврейке, которую так долго и так упорно таил ты от меня, своего черного друга — о Пульхерии, о Стамо, о Худобашеве, об Инзове, об Липранди, словом обо всех близких моему воспоминанию, женщинах и мужчинах, живых и мертвых. Пребывание мое в Бессарабии доселе не оставило никаких следов ни поэтических ни прозаических. Дай срок — надеюсь, что когда-нибудь ты увидишь, что ничто мною не забыто. Прости, радость моя. Пиши же мне.

26 дек.

378. П. В. НАЩОКИНУ.

Декабрь (после 5) 1830 г. в Москве.

Сейчас еду богу молиться и взял с собою последнюю сотню. Узнай, пожалуйста, где живет мой татарин, и, коли можешь, достань с своей стороны тысячи две.

379. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Конец (не ранее 27—28) декабря 1830 г. Из Москвы в Остафьево.

К тебе собираюсь. Но по службе должен провести сегодняшний и завтрашний день в Москве у невесты. «Северных цветов» еще не получил. «Борис Годунов» здесь, но у меня его еще нет. Поклон мой всем вам.

1831

380. Н. А. ПОЛЕВОМУ.

1 января 1831 г. В Москве.

Милостивый государь
Николай Алексеевич,

Искренно благодарю Вас за присылку «Телеграфа», приятное для меня доказательство, что наше литературное разногласие не совсем расстроило наши прежние сношения. Жалею, что еще не могу доставить Вам «Бориса Годунова», который уже вышел, но мною не получен.

С истинным почтением честь имею быть,
милостивый государь,
Ваш покорнейший слуга
1 генв. 1831. Александр Пушкин.

381. П. Я. ЧААДАЕВУ.

2 января 1831 г. В Москве.

Voici, mon ami, celui de mes ouvrages que j'aime le mieux. Vous le lirez, puisqu'il est de moi — et vous m'en direz votre avis. En attendant, je vous embrasse et vous souhaite une bonne année.

2 Janvier.

382. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

2 января 1831 г. Из Москвы в Остафьево.

2 янв. 1831.

Стихи твои прелесть — не хочется мне отдать их в альманах; лучше отошлем их Дельвигу. Обозы, поросята и бригадир удивительно забавны. Яковлев издает к масленице альманах «Блин». Жаль, если первый блин его будет комом. Не отдашь ли ты ему

«Обозы», а «Девичий сон» Максимовичу? Яковлев тем еще хорош, что отменно храбр и готов намазать свой блин жиром Булгарина и икрою Полевого — пошли ему свои сатирические статьи, коли есть. Знаешь ли ты, какие подарки получил я на новый год? Билет на «Телеграф» да билет на «Телескоп» — от *издателей в знак искреннего почтения*. Каково? И в «Пчеле» предлагают мне мир, упрекая нас (тебя да меня) в неукротимой вражде и службе вечной Немезиде. Всё это прекрасно; одного жаль — в «Борисе» моем выпущены народные сцены, да матерщина французская и отечественная; а впрочем, странно читать многое напечатанное. «Северные цветы» что-то бледны. Каков шут Дельвиг, в круглый год ничего сам не написавший и издавший свой альманах в поте лиц наших? На днях у тебя буду, с удовольствием привезу и шампанское — радуюсь, что бутылка за мною. С Полиньяком я помирился. Его вторичное заточение в Венсене, меридиан, начертанный на полу его темницы, чтение Вальтер Скотта, всё это романически трогательно — а всё-таки палата права. Речьми адвокатов я недоволен — все они робки. Один Ламене в состоянии был бы aborder bravement la question. О Польше нет ни слуху ни духу. Я видел письмо Чичерина к отцу, где сказано il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre. Здесь некто бился об заклад, бутылку V. C. P. противу тысячи руб., что Варшаву возьмут без выстрела. Денис здесь. Он написал красноречивый Éloge Раевского. Мы советуем написать ему жизнь его. Киреевский наш здесь. Вечор видел его. Лиза голенькая пишет мне отчаянное, политическое письмо. Кажется, последние происшествия произвели на петербургское общество сильное действие. Если б я был холост, то съездил бы туда. Новый год встретил я с цыганами и с Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пела песню, в таборе сложенную, на голос *приехали сани:*

Давыдов с ноздрями,
Вяземский с очками,
Гагарин с усами,
Д — Митюша,
В — Петруша,
Г — Федюша
Девок испугали
И всех разогнали и проч.

Знаешь ли ты эту песню? Addio, поклон всем твоим, до свидания.

383. М. П. ПОГОДИНУ.

3 января 1831 г. В Москве.

Вот вам «Борис». Доставьте, сделайте милость, один экземпляр Никодиму Надоумке, приславшему мне билет на «Телескоп». Мы живем во дни переворотов — или переоборотов (как лучше?). Мне пишут из Петербурга, что «Годунов» имел успех. Вот еще для меня диковинка. Выдавайте ж «Марфу».

Сейчас отняли у меня экземпляр Надеждина; завтра пришлю другой.

384. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

7 января 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Что с тобою, душа моя? как побранил ты меня в сентябре за мою хандру, с тех пор нет мне о тебе ни слуха ни духа. Деньги (2000) я получил. Прелестное издание «Бориса» видел. Послание твое к Гнедко прочел, ответ его не прочел — знаю, что ты жив, а писем от тебя всё нет. Уж не запретил ли тебе генерал-губернатор иметь со мною переписку? чего доброго! Уж не сердишься ли? Кажется, не за что. Отвечай же мне, а не то буду беспокоиться.

Теперь поговорим о деле. Видел я, душа моя, «Цветы»; странная вещь, непонятная вещь! Дельвиг ни единой строчки в них не поместил. Он поступил с нами, как помещик со своими крестьянами. Мы трудимся — а он сидит на судне да нас побранивает. Не хорошо и не благоразумно. Он открывает нам глаза и мы видим, что мы в дураках. Странная вещь, непонятная вещь! — Бедный Глинка работает как батрак, а проку всё нет. Кажется мне, он с горя рехнулся. Кого вздумал просить к себе в кумовья! вообрази, в какое положение приведет он и священника и дьячка, и куму и бабку, да и самого кума, — которого заставят же отрекаться от дьявола, плевать, дуть, сочетаться и прочие творить проделки. Нащокин уверяет, что всех избаловал покойник царь, который у всех крестил ребят. Я до сих пор от дерзости Глинкиной опомниться не могу. Странная вещь, непонятная вещь!

Пишут мне, что «Борис» мой имеет большой успех: Странная вещь, непонятная вещь! по крайней мере я того никак не ожидал. Что тому причиною? Чтение Вальтера Скотта? голос знатоков, коих избранных так мало? крик друзей моих? мнение двора? — Как бы то ни было, я успеха трагедии моей у вас не понимаю. В Москве то ли дело? здесь жалеют о том, что я совсем, совсем упал; что моя трагедия подражание «Кромвелю» Виктора Гюго; что стихи без рифм не стихи; что Самозванец не должен был так неосторожно открыть тайну свою Марине, что это с его стороны очень ветрено и неблагоразумно — и тому подобные глубокие критические

замечания. Жду переводов и суда немцев, а о французах не забочусь. Они будут искать в «Борисе» политических применений к Варшавскому бунту, и скажут мне, как наши: «Помилуйте-с!..» Любопытно будет видеть отзыв наших Шлегелей, из коих один Катенин знает свое дело. Прочие попугаи или сороки Инзовские, которые картавят одну им натверженную --------. Прости, мой ангел. Поклон тебе, поклон — и всем вам. Кстати: поэма Баратынского чудо. Addio.

7 янв.

385. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

10—13 января 1831 г. Из Москвы в Остафьево.

Постараюсь взять отпуск и приехать на именины к тебе. Но не обещаюсь. Брат, вероятно, будет. Толстой к тебе собирается. Вчера видел я кн. Юсупова и исполнил твое препоручение, допросил его о Фонвизине, и вот чего добился. Он очень знал Фонвизина, который несколько времени жил с ним в одном доме. *C'était un autre Beaumarchais pour la conversation...* Он знает пропасть его bon mots, да не припомнит. А покамест рассказал мне следующее: Майков, трагик, встретя Фонвизина, спросил у него, заикаясь по своему обыкновению: видел ли ты мою «Агриопу»? — видел — что ж ты скажешь об этой трагедии? — Скажу: Агриопа ------------. Остро и неожиданно! Не правда ли? Помести это в биографии, а я скажу тебе спасибо. Что до «Телескопа» (другая Агриопа), то у меня его покамест нету,— да напиши к Салаеву, чтоб он тебе всю эту дрянь послал. Твою статью о Пушкине пошлю к Дельвигу — что ты чужих прикармливаешь? свои голодны. Максимовичу однако ж отдал «Обозы», скрепя сердце. Кланяюсь княгине и благодарю за любезный зов. О Польше не слыхать. В Англии, говорят, бунт. Чернь сожгла дом Веллингтона. В Париже тихо. В Москве также.

386. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

13 января 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Пришли мне, мой милый, экземпляров 20 «Бориса», для московских прощалыг, не то разорюсь, покупая его у Ширяева.

Душа моя, вот тебе план жизни моей: я женюсь в сем месяце, полгода проживу в Москве, летом приеду к вам. Я не люблю московской жизни. Здесь живи не как хочешь — как тетки хотят. Теща моя та же тетка. То ли дело в Петербурге! заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексевна. Что «Газета» наша? надобно нам об ней поду-

мать. Под конец она была очень вяла; иначе и быть нельзя: в ней отражается русская литература. В ней говорили под конец об одном Булгарине; так и быть должно: в России пишет один Булгарин. Вот текст для славной филиппики. Кабы я не был ленив, да не был жених, да не был очень добр, да умел бы читать и писать, то я бы каждую неделю писал бы обозрение литературное — да лих терпения нет, злости нет, времени нет, охоты нет. Впрочем, посмотрим.

Деньги, деньги: вот главное, пришли мне денег. И я скажу тебе спасибо. Да что же ты не пишешь ко мне, бессовестный?

13 янв.

387. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

18 января 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

С чувством глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзыв государя императора о моей исторической драме. Писанный в минувшее царствование, «Борис Годунов» обязан своим появлением не только частному покровительству, которым удостоил меня государь, но и свободе, смело дарованной монархом писателям русским в такое время и в таких обстоятельствах, когда всякое другое правительство старалось бы стеснить и оковать книгопечатание.

Позвольте мне благодарить усердно и Ваше высокопревосходительство, как голос высочайшего благоволения и как человека, принимавшего всегда во мне столь снисходительное участие.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию есмь, милостивый государь,
Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга

18 января 1831.
Москва.
Александр Пушкин.

388. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

19 января 1831 г. Из Москвы в Остафьево.

Вчера получили мы горестное известие из Петербурга — Дельвиг умер гнилою горячкою. Сегодня еду к Салтыкову, он, вероятно, уже всё знает. Оставь «Адольфа» у меня — на днях перешлю тебе нужные замечания.

389. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

21 января 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Что скажу тебе, мой милый! Ужасное известие получил я в воскресение. На другой день оно подтвердилось. Вчера ездил я к Салтыкову объявить ему всё — и не имел духу. Вечером получил твое письмо. Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нем как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и всё.

Вчера провел я день с Нащокиным, который сильно поражен его смертию,— говорили о нем, называя его покойник Дельвиг, и этот эпитет был столь же странен, как и страшен. Нечего делать! согласимся. Покойник Дельвиг. Быть так.

Баратынский болен с огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здоров — и постараемся быть живы.

21 янв.

390. Е. М. ХИТРОВО.

21 января 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Vous avez bien raison, Madame, de me reprocher le séjour de Moscou. Il est impossible de n'y pas s'abrutir. Vous connaissez l'épigramme contre la société d'un ennuyeux:

On n'est pas seul, on n'est pas deux.

C'est l'épigraphe de mon existence. Vos lettres sont le seul rayon qui me vienne de l'Europe.

Vous souvenez-vous du bon temps où les gazettes étaient ennuyeuses? nous nous en plaignions. Certes, si nous ne sommes pas contents aujourd'hui, c'est que nous sommes difficiles.

La question de la Pologne est facile à décider. Rien ne peut la sauver qu'un miracle et il n'est point de miracle. Son salut est dans le désespoir, *una salus nullam sperare salutem*, ce qui est un nonsens. Ce n'est qu'une exaltation convulsive et générale qui puisse offrir aux polonais une chance quelconque. Les jeunes gens ont donc raison, mais les modérés l'emporteront et nous aurons le gouvernement de Varsovie, ce qui devait être fait depuis 33 ans. De tous les polonais il n'y a que Mickévicz qui m'intéresse. Il était à Rome au commencement de la révolte, je crains qu'il ne soit venu à Varsovie, assister aux dernières crises de sa patrie.

Je suis mécontent de nos articles officiels. Il y règne un ton d'ironie qui messied à la puissance. Ce qu'il y a de bon, c'est à

dire la franchise, vient de l'Empereur; ce qu'il y a de mauvais, c'est à dire la jactance et l'attitude pugilaire, vient de son secrétaire. Il n'est pas besoin d'exalter les Russes contre la Pologne. Notre opinion est toute prononcée depuis 18 ans.

Les Français ont presque fini de m'intéresser. La révolution devrait être finie et chaque jour on en jette de nouvelles semences. Leur roi, avec son parapluie sous le bras, est par trop bourgeois. Ils veulent la république et ils l'auront — mais que dira l'Europe et où trouveront-ils Napoléon?

La mort de Delvig me donne le spleen. Indépendamment de son beau talent, c'était une tête fortement organisée et une âme de la trempe non commune. C'était le meilleur d'entre nous. Nos rangs commencent à s'éclaircir.

Je vous salue bien tristement, Madame.

21 Janvier.

391. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

31 января 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Сейчас получил 2000 р., мой благодетель. Satis est, domine, satis est. На сей год денег мне больше не нужно. Отдай Софии Михайловне остальные 4000 — и я тебя более беспокоить не буду.

Бедный Дельвиг! помянем его «Северными цветами» — но мне жаль, если это будет ущерб Сомову — он был искренно к нему привязан — и смерть нашего друга едва ли не ему всего тяжеле: чувства души слабеют и меняются, нужды жизненные не дремлют.

Баратынский собирается написать жизнь Дельвига. Мы все поможем ему нашими воспоминаниями. Не правда ли? Я знал его в Лицее — был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души — и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского — с ним толковал обо всем, *что душу волнует, что сердце томит.* Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами. Отвечай мне на это.

Вижу по письму твоему, что Туманский в Петербурге — обними его за меня. Полюби его, если ты еще его не любишь. В нем много прекрасного, несмотря на некоторые мелочи характера малороссийского.

Что за мысль пришла Гнедичу посылать свои стихи в «Северную пчелу»? — Радуюсь, что Греч отказался — как можно чертить анфологическое надгробие в нужнике? И что есть общего между поэтом Дельвигом и - - - - - чистом полицейским Фаддеем?

Милый мой, еще просьба, съезди к S-t Florent (т. е. к его преемнику) и расплатись с ним за меня. Я, помнится, должен ему около 1000 руб. Извини меня перед ним — я было совсем о нем забыл.

Что вдова?

31 янв.

392. Е. М. ХИТРОВО.

Около (не позднее) 9 февраля 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Il est bien heureux pour vous, Madame, d'avoir une âme capable de tout comprendre et de s'intéresser à tout. L'émotion que vous montrez en parlant de la mort d'un poète au milieu des convulsions de l'Europe, est une grande preuve de cette universalité de sentiment. Si la veuve de mon ami était dans un état de détresse, croyez, Madame, que ce n'est qu'à vous que j'aurais eu recours. Mais Delvig laisse deux frères dont il était le seul soutien: ne pourrait-on pas les faire entrer au corps des pages?....

Nous sommes dans l'attente de ce que le sort va décider. La dernière proclamation de l'empereur est admirable. Il paraît que l'Europe nous regardera faire. Un grand principe vient de surgir du sein des révolutions de 1830: le principe de la non-intervention qui remplacera celui de la légitimité, violé d'un bout de l'Europe à l'autre. Tel n'était pas le système de Canning.

Voilà donc M-r de Mortemar à Pétersbourg et un homme aimable et historique de plus dans votre société. Qu'il me tarde de m'y retrouver et que je suis soûl de Moscou et de sa nullité tartare!

Vous me parlez du succès de «Борис Годунов»: en vérité je ne puis y croire. Le succès n'entrait en rien dans mes calculs — lorgque je l'écrivis. C'était en 1825 — et il a fallu la mort d'Alexandre, la faveur inespérée de l'empereur actuel, sa générosité et sa manière de voir si large et si libérale — pour que ma tragédie pût être publiée. D'ailleurs ce qu'il y a de bon est si peu fait pour frapper le respectable public (c'est à dire, la canaille qui nous juge) et il est si facile de me critiquer raisonnablement, que je croyais ne faire plaisir qu'aux sots, qui auraient eu de l'esprit à mes dépens. Mais il n'y a qu'heur et malheur dans ce bas monde et *delenda est Varsovia.*

393. Н. И. КРИВЦОВУ.

10 февраля 1831 г. Москва.

Посылаю тебе, милый друг, любимое мое сочинение. Ты некогда баловал первые мои опыты — будь благосклонен и к произведениям более зрелым. Что ты делаешь в своем уединении? Нынеш-

ней осенью был я недалеко от тебя. Мне брюхом хотелось с тобою увидеться и поболтать о старине — карантины мне помешали. Таким образом, бог ведает, когда и где судьба сведет нас опять. Мы не так-то легки на подъем. Ты без ноги, а я женат.— Женат — или почти. Всё, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, всё уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностию.

У меня сегодня spleen — прерываю письмо мое, чтоб тебе не передать моей тоски; тебе и своей довольно. Пиши мне на Арбат в дом Хитровой. На днях получил я чрез Вяземского твое письмо, писанное в 1824. Благодарю, но не отвечаю.

10 февр.

394. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Около (не позднее) 16 февраля 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Через несколько дней я женюсь: и представляю тебе хозяйственный отчет: заложил я моих 200 душ, взял 38 000 — и вот им распределение: 11 000 теще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданым — пиши пропало. 10 000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17 000 на обзаведение и житие годичное. В июне буду у вас и начну жить en bourgeois, а здесь с тетками справиться невозможно — требования глупые и смешные — а делать нечего. Теперь понимаешь ли, что значит приданое и отчего я сердился? Взять жену без состояния — я в состоянии, но входить в долги для ее тряпок — я не в состоянии. Но я упрям и должен был настоять по крайней мере на свадьбе. Делать нечего: придется печатать мои повести. Перешлю тебе на второй неделе, а к святой и тиснем.

Что баронесса? я писал Хитровой о братьях Дельвига. Спроси у нее, каковы ее дела, и отец мой заплатил ли долг Дельвигу? Не продаст ли она мне мой портрет? Мне пишут, что ее здоровье плохо, а она пишет Михайлу Александровичу, что она здорова. Кто прав? Что же ты мне не отвечал про «Жизнь Дельвига»? Баратынский не на шутку думает об этом. Твоя статья о нем прекрасна. Чем более читаю ее, тем более она мне нравится. Но надобно подробностей — изложения его мнений — анекдотов, разбора его стихов etc...— —

395. А. Н. ГОНЧАРОВУ.

24 февраля 1831 г.

Из Москвы в Полотняный завод.

Милостивый государь дедушка
Афанасий Николаевич,

Спешу известить Вас о счастии моем и препоручить себя Вашему отеческому благорасположению, как мужа бесценной внуки Вашей, Натальи Николаевны. Долг наш и желание были бы ехать к Вам в деревню, но мы опасаемся Вас обеспокоить и не знаем, в пору ли будет наше посещение. Дмитрий Николаевич сказывал мне, что Вы всё еще тревожитесь насчет приданого; моя усильная просьба состоит в том, чтоб Вы не расстроивали для нас уже расстроенного имения; мы же в состоянии ждать. Что касается до памятника, то, будучи в Москве, я никак не могу взяться за продажу оного и предоставляю всё это дело на Ваше благорасположение.

С глубочайшим почтением и искренно сыновней преданностию имею счастие быть, милостивый государь дедушка,

Вашим покорнейшим слугой
и внуком.

24 февр. 1831.
Москва.

Александр Пушкин.

396. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

24 февраля 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Мой милый, я очень беспокоюсь о тебе. Говорят, в Петербурге грипп; боюсь за твою дочку. На всякий случай жду от тебя письма.

Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился. Посылаю вам визитную карточку — жены дома нет, и потому не сама она рекомендуется Степаниде Александровне.

Прости, мой друг. Что баронесса? память Дельвига есть единственная тень моего светлого существования. Обнимаю тебя и Жуковского. Из газет узнал я новое назначение Гнедича. Оно делает честь государю, которого искренно люблю и за которого всегда радуюсь, когда поступает он умно и по-царски. Addio.

Будьте же все здоровы. *24 févr.*

397. Н. И. ХМЕЛЬНИЦКОМУ.

6 марта 1831 г. Из Москвы в Смоленск.

Милостивый государь
Николай Иванович.

Спешу ответствовать на предложение Вашего превосходительства, столь лестное для моего самолюбия: я бы за честь себе поставил препроводить сочинения мои в Смоленскую библиотеку, но вследствие условий, заключенных мною с петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни единого экземпляра, а дороговизна книг не позволяет мне и думать о покупке.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

6 марта 1831.
Москва.

Дав официальный ответ на официальное письмо Ваше, позвольте поблагодарить Вас за Ваше воспоминание и попросить у Вас прощения, не за себя, а за моих книгопродавцев, не высылающих Вам, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будет Вам доставлена непременно. Вам, любимому моему поэту; но не ссорьте меня с смоленским губернатором, которого, впрочем, я уважаю столь же, сколько Вас люблю.

Весь Ваш.

398. Е. М. ХИТРОВО.

26 марта 1831 г. Москва.

Le tumulte et les embarras de ce mois qu'on ne saurait chez nous nommer le mois de miel, m'ont empêché jusqu'à présent de vous écrire. Mes lettres pour vous n'auraient dû être pleines que d'excuses et de remerciements, mais vous êtes trop au-dessus des uns et des autres pour que je me les permette. Mon frère va donc vous devoir toute sa carrière à venir; il est parti pénétré de reconnaissance. J'attends à tout moment la décision de Benkendorf pour la lui faire parvenir.

J'espère, Madame, être à vos pieds dans un ou deux mois tout au plus. Je m'en fais une véritable fête. Moscou est la ville du Néant. Il est écrit sur sa barrière: laissez toute intelligence, o vous qui entrez. Les nouvelles politiques nous parviennent tard ou défigurées.

Depuis près de 2 semaines nous ne savons rien relativement à la Pologne — et l'angoisse de l'impatience n'est nulle part! Encore si nous étions bien dissipés, bien fous, bien frivoles — mais point du tout. Nous sommes gueux, nous sommes tristes et nous calculons bêtement le décroissement de nos revenus.

Vous me parlez de M-r de la Menais, je sais bien que c'est Bossuet-Journaliste. Mais sa feuille ne parvient pas jusqu'à nous. Il a beau prophétiser; je ne sais si Paris est sa Ninive, mais c'est nous qui sommes les citrouilles.

Скарятин vient de me dire qu'il vous avait vue avant son départ, que vous avez eu la bonté de vous ressouvenir de moi, que vous vouliez même m'envoyer des livres. Il faut donc absolument vous remercier, dussé-je vous impatienter.

Veuillez agréer mes respectueux hommages et les faire parvenir à Mesdames les Comtesses vos filles.

26 mars.

Mon adresse: *дом Хитровой на Арбате.*

399. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

26 марта 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Что это значит, душа моя? ты совершенно замолк. Вот уже месяц как от тебя ни строчки не вижу. Уж не воспоследовало ли вновь тебе от генерал-губернатора милостивое запрещение со мною переписываться? чего доброго? не болен ли ты? всё ли у тебя благополучно? или просто ленишься да понапрасну друзей своих пугаешь. Покамест вот тебе подробное донесение обо мне, о домашних моих обстоятельствах и о намерениях. В Москве остаться я никак не намерен, причины тому тебе известны — и каждый день новые прибывают. После святой отправляюсь в Петербург. Знаешь ли что? мне мочи нет хотелось бы к вам не доехать, а остановиться в Царском Селе. Мысль благословенная! Лето и *осень* таким образом провел бы я в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний и тому подобных удобностей. А домá, вероятно, ныне там недороги: гусаров нет, двора нет — квартер пустых много. С тобою, душа моя, виделся бы я всякую неделю, с Жуковским также — Петербург под боком — жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай об этом на досуге, да и перешли мне свое решение. Книги Белизара я получил и благодарен. Прикажи ему переслать мне еще *Crabbe, Wordsworth, Southey* и *Schakespeare* в дом *Хитровой на Арбате.* (Дом сей нанял я в память моей Элизы; скажи это Южной ласточке, смугло румяной красоте нашей). Сомову скажи, чтоб он прислал мне, если может, «Литературную газету» за прошедший год (за нынешний не нужно; сам за ним приеду) да и

«Северные цветы», последний памятник нашего Дельвига. Об альманахе переговорим. Я не прочь издать с тобою последние «Северные цветы». Но я затеваю и другое, о котором также переговорим. Мне сказывали, что Жуковский очень доволен «Марфой Посадницей», если так, то пусть же выхлопочет он у Бенкендорфа или у кого ему будет угодно позволение напечатать всю драму, произведение чрезвычайно замечательное, несмотря на неровенство общего достоинства и слабости стихосложения. Погодин очень, очень дельный и честный молодой человек, истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбию и умеренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, которого куда бы не худо посадить на опустевшую кафедру Мерзлякова, доброго пьяницы, но ужасного невежды. Это была бы победа над университетом, т. е. над предрассудками и вандализмом.

О своих меркантильных обстоятельствах скажу тебе, что благодаря отца моего, который дал мне способ получить 38 000 р., я женился и обзавелся кой-как хозяйством, не входя в частные долги. На мою тещу и деда жены моей надеяться плохо, частию оттого, что их дела расстроены, частию и оттого, что на слова надеяться не должно. По крайней мере, с своей стороны, я поступил честно и более нежели бескорыстно. Не хвалюсь и не жалуюсь — ибо женка моя прелесть не по одной наружности, и не считаю пожертвованием того, что должен был я сделать. Итак, до свидания, мой милый.

26 марта.

400. С. Д. КИСЕЛЕВУ.

Конец (около 28) марта 1831 г. В Москве.

Отсылаю тебе твои книги с благодарностию. Что? не поздравить ли тебя с наследником или наследницею?

А. П.

401. Л. С. ПУШКИНУ.

6 апреля 1831 г. Из Москвы в Чугуев.

Всё было решено. Ждали только ответа от гр. Паскевича, как Бенкендорф получил о тебе из Москвы *un rapport défavorable.* Нравоучительных примечаний делать я не намерен; но кабы ты не был болтун и не напивался бы с французскими актерами у Яра, вероятно, ты мог бы уж быть на Висле. В Чугуеве тебе мешкать невозможно. Немедленно поезжай в свой полк и жди там решения своей участи. Дай бог, чтоб эта шутка не стоила тебе вечного пребывания в Грузии.

6 апреля.

402. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

11 апреля 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Воля твоя, ты несносен: ни строчки от тебя не дождешься. Умер ты, что ли? Если тебя уже нет на свете, то, тень возлюбленная, кланяйся от меня Державину и обними моего Дельвига. Если же ты жив, ради бога, отвечай на мои письма. Приезжать ли мне к вам, остановиться ли в Царском Селе, или мимо скакать в Петербург или Ревель? Москва мне слишком надоела. Ты скажешь, что и Петербург малым чем лучше: но я как Артур Потоцкий, которому предлагали рыбу удить: j'aime mieux m'ennuyer autrement. Мне кажется, что если все мы будем в кучке, то литература не может не согреться и чего-нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего доброго? и газеты! Вяземский везет к вам «Жизнь Фонвизина», книгу едва ли не самую замечательную с тех пор, как пишут у нас книги (всё-таки исключая Карамзина). Петр Иваныч приплыл и в Москву, где, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? неужто мы вразумили публику? или сама догадалась, голубушка? А кажется — Булгарин так для нее создан, а она для него, что им вместе жить, вместе и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягал, а как, сказывают, обо мне в нем нет ни слова, то и не посягну. Разумею, не стану читать, а ругать всё-таки буду. Сомов написал мне длинное письмо, на которое еще не отвечал. Скажи ему, что Делорма я сам ему привезу, потому и не посылаю. Что баронесса? — О тебе говорила мне Жихарева; анекдот о билетцах — прелесть.

Христос воскрес! *11 апр.*

403. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Около (не позднее) 14 апреля 1831 г.
Из Москвы в Петербург.

Ты прав, любимец муз,— должно быть аккуратным, хотя это и немецкая добродетель; нехудо быть и умеренным, хотя Чацкий и смеется над этими двумя талантами. Итак, вот тебе пунктуальные ответы на твои запросы. Деларю слишком гладко, слишком правильно, слишком чопорно пишет для молодого лицеиста. В нем не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это второй том Подолинского. Впрочем, может быть, он и разовьется. О Гоголе не скажу тебе ничего, потому что доселе его не читал за недосугом. Отлагаю чтение до Царского Села, где, ради бога, найми мне фатерку — нас будет: мы двое, 3 или 4 человека да 3 бабы. Фатерка чем дешевле, тем, разумеется, лучше — но ведь 200 рублей лишних нас не разорят. Садика нам не будет нужно, ибо под

боком будет у нас садище. А нужна кухня да сарай, вот и всё. Ради бога, скорее же! и тотчас давай нам и знать, что всё-де готово и милости просим приезжать. А мы тебе как снег на голову.

Обними Жуковского за участие, в котором я никогда не сомневался. Не пишу ему, потому что не привык с ним переписываться. С нетерпением ожидаю новых его баллад. Итак, былое с ним сбывается опять. Слава богу! Но ты не пишешь, что такое его баллады, переводы или сочинения. Дмитриев, думая критиковать Жуковского, дал ему прездравый совет. Жуковский, говорил он, в своей деревне заставляет старух себе ноги гладить и рассказывать сказки и потом перекладывает их в стихи. Предания русские ничуть не уступают в фантастической поэзии преданиям ирландским и германским. Если всё еще его несет вдохновением, то присоветуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах; прелесть простоты и вымысла!

Перечитываю письмо и вижу, что я неаккуратно отвечал тебе на вопросы: *1) где 2) на сколько времени и 3) во сколько комнат* нужна мне квартира? *Ответы.*

1) На какой бы то ни было улице царскосельской.
2) До января, и потому квартера должна быть теплая.
3) Был бы особый кабинет — а прочее мне всё равно.

За сим обнимаю тебя, благодаря заранее.

404. А. Н. ГОНЧАРОВУ.

25 апреля 1831 г. Из Москвы в Полотняный завод.

Милостивый государь дедушка
Афанасий Николаевич,

Приношу Вам искреннюю мою благодарность за прием моего поверенного и за письмо, драгоценный знак Вашего ко мне благорасположения. Будьте уверены в беспрекословном согласии моем на всё, что будет удобнее для вас. Мне нельзя было принять доверенности одной, ибо чрез то долги и недоимки могли увеличиться, и имение могло быть, наконец, совершенно потеряно. Если Вам угодно вместо 300 обещанных душ дать покамест Наталье Николаевне доверенность на получение доходов с оных и заемное письмо, *с условием, что при жизни Вашей оставалось оное заемное письмо недействительным* (дай бог, чтоб оно и долее оставалось таковым!). В таком случае вексель должен быть дан *от крепостных дел, на столько сот тысяч рублей, сколько вы желаете дать душ крестьянских,* для того, чтобы при конкурсе кредиторов действительно достались бы 300 душ, а не вдесятеро менее. Таковые векселя с таковым же условием Вы безо всякого опасения могли бы дать и прочим Вашим внукам, а доверенность на управление в случае только их замужества.

Надеюсь, что Вы не будете гневаться на меня за мою откровенность. Во всяком случае ожидаю разрешения Вашего и имею счастие с чувством глубочайшего почтения и преданности остаться,

милостивый государь дедушка,

Вашим покорнейшим слугою и внуком.

25 апреля. Александр Пушкин.

405. Е. М. ХИТРОВО.

8 мая 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Voici, Madame, le Странник que vous m'avez demandé. Il y a du vrai talent dans ce bavardage un peu maniéré. Ce qu'il y a de plus singulier, c'est que l'auteur a déjà 35 ans et que s'est son premier ouvrage. Le roman de Zagoskine n'a pas encore paru. Il a été obligé d'en refondre quelques chapitres où il était question des Polonais de 1812. Les Polonais de 1831 sont bien plus embarrassants, et leur roman n'est pas à sa fin. On débite ici la nouvelle d'une bataille qui a dû avoir lieu le 20 avril. Ce doit être faux, du moins quant à la date.

Mon voyage est retardé de quelques jours à cause d'affaires qui ne me regardent pas. J'espère en être quitte vers la fin du mois.

Mon frère est un étourdi et un paresseux. Vous êtes bien bonne, bien aimable de vous intéresser à lui. Je lui ai déjà écrit une lettre d'oncle, où je lui lave la tête sans trop savoir pourquoi. A l'heure qu'il est, il doit être en Géorgie. Je ne sais si je dois lui envoyer votre lettre; j'aimerais mieux la garder.

Sans adieu, Madame, comme sans formule.

8 mai.

406. П. В. НАЩОКИНУ.

Вторая половина (около 20) мая 1831 г.
Из Петербурга в Москву.

Приехали мы благополучно, мой милый Павел Воинович, в Демутов трактир и на днях отправляемся в Царское Село, где мой домик еще не меблирован (мой будущий адрес: в дом Китаевой). Поливанов сейчас был у меня; кажется, очень влюблен. Завтра отправляется к вам. Дела мои в лучшем порядке, нежели я думал. На днях отправляю тебе 2000 рублей для Горчакова. Не знаю, получил ли ты тысячу от Вяземского. С ним перепишусь. Что ты делаешь, душка? что твоя хозяйка? что Марья Ивановна? спровадил ли ты ее? и что твои хлопоты касательно моего дома и

твоего долга. До сих пор я не получал еще черновой доверенности, а сам сочинить ее не сумею. Перешли поскорее.

Жена тебе очень кланяется.

407. Е. М. ХИТРОВО.

Вторая половина (18—25) мая 1831 г. в Петербурге.

Voici vos livres, Madame, je vous supplie de m'envoyer le second volume de Rouge et noir. J'en suis enchanté. Plock et Plick est misérable. C'est un tas de contresens, d'absurdités qui n'ont pas même le mérite de l'originalité. Notre Dame est-elle déjà lisible? Au revoir, Madame.

A. Pouchkine.

408. Е. М. ХИТРОВО.

25 (?) мая 1831 г. В Петербурге.

Je pars à l'instant pour Sarsko-Sélo avec le regret bien vrai de ne pas passer la soirée chez vous. Quant à l'amour-propre de Sullivan, il deviendra ce qu'il pourra. Vous qui avez tant d'esprit, dites lui quelque chose qui puisse l'apaiser. Bonjour, Madame, et surtout au revoir.

409. П. В. НАЩОКИНУ.

1 июня 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Вот уже неделя, как я в Царском Селе, а письмо твое получил только третьего дня. Оно было застраховано, и я возился с полицией и почтой. Доверенность пришлю тебе немедленно. Очень благодарю тебя за дружеские хлопоты с Марьей Ивановной и поздравляю с прекращением домашней войны. День ото дня ожидаю своего обоза и письма твоего. Я бы переслал Горчакову тотчас мой долг с благодарностию, но принужден был в эти две недели истратить 2000 рублей и потому приостановился. Теперь, кажется, всё уладил и стану жить потихоньку без тещи, без экипажа, следственно — без больших расходов и без сплетен. Как ты ладишь с влюбленным Поливановым? Едет ли он в Калугу вослед своей возлюбленной? У меня встретился он с теткой жены, К. И. Загряжской, и я рекомендовал его как будущего племянника. Только я боюсь, чтоб дедушка его не надул — смотри за ним. Что твои домашние обстоятельства? не отыскался ли жених на известную особу? Из Царского Села приехал бы я на эту свадьбу, отпраздно-

вать твое освобождение, законный брак Ольги Андреевны, и увез бы тебя в Петербург. То-то бы зажили! Опять бы завелись и арапы, и карлики, и сотерн и пр.— Прощай, пиши и не слишком скучай по мне. Кто-то говаривал: если я теряю друга, то иду в клуб и беру себе другого. Мы с женой тебя всякий день поминаем. Она тебе кланяется. Мы ни с кем еще покамест не знакомы, и она очень по тебе скучает.

1 июня.

Я сейчас увидел в «Литературной газете» разбор Вельтмана, очень неблагосклонный и несправедливый. Чтоб не подумал он, что я тут как-нибудь вмешался. Дело в том, что и я виноват: поленился исполнить обещанное. Не написал сам разбора; но и некогда было. Обнимаю Горчакова. Что Вяземского тысяча?

410. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

1 июня 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Я живу в Царском Селе в доме Китаевой на большой дороге. Грех тебе будет ко мне не заехать. Все наши петербургские знакомки тебе кланяются и ждут тебя. Здешние залы очень замечательны. Свобода толков меня изумила. Дибича критикуют явно и очень строго. Тому неделю Эриванский был еще в Петергофе. Ты читал известие о последнем сражении 14 мая. Не знаю, почему не упомянуты в нем некоторые подробности, которые знаю из частных писем и, кажется, от верных людей: Кржнецкий находился в этом сражении. Офицеры наши видели, как он прискакал на своей белой лошади, пересел на другую бурую и стал командовать — видели, как он, раненный в плечо, уронил палаш и сам свалился с лошади, как вся его свита кинулась к нему и посадила опять его на лошадь. Тогда он запел «Еще Польска не сгинела», и свита его начала вторить, но в ту самую минуту другая пуля убила в толпе польского майора, и песни прервались. Всё это хорошо в поэтическом отношении. Но всё-таки их надобно задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря; мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей. Но для Европы нужны общие предметы внимания и пристрастия, нужны и для народов и для правительств. Конечно, выгода почти всех правительств держаться в сем случае правила non-intervention т. е. избегать в чужом пиру похмелья; но народы так и рвутся, так и лают. Того и гляди, навяжется на нас Европа. Счастие еще, что мы прошлого году не вмешались в последнюю французскую передрягу! А то был бы долг платежом красен. От политики перехожу к литературе, т. е. к Булгарину. Знаешь ли, за что его выслали из Петербурга? гово-

рят, будто бы при появлении эпиграммы «Фиглярин, вот поляк примерный» он так огорчился, что прямо адресовался к государю со слезной жалобою на меня, сделайте-де, ваше величество, такую божескую милость, уймите Пушкина, который всё меня обиждает своими стишками. Государю было не до стишков; Булгарин же не в первый раз надоедал ему своими жалобами и доносами. Он и велел его выслать, как человека беспокойного. Но каковы бесстыдство и дерзость Булгарина? Не доволен он тем, что плутовством выманил он высочайший рескрипт Петру Ивановичу Выжигину и что он продает свои сальные пасквили из-под порфиры императорской. Карл X сидит себе смирно в Эдинбурге, а Фаддей Булгарин требует вспомогательной силы от русского императора! Господи боже мой, до чего мы дожили! Однако ж вот тебе и добрая весть: Жуковский точно написал 12 прелестных баллад и много других прелестей. Прощай, кланяйся княгине.

1 июня.

Сердечно кланяюсь И. И. Дмитриеву. Что его здоровье?

411. Е. М. ХИТРОВО.

9 (?) июня 1831 г. В Петербурге.

Je suis bien fâché de ne pouvoir passer la soirée chez vous. Une chose bien triste, c'est à dire un devoir m'oblige d'aller bailler je ne sais où. Voici, Madame, les livres que vous avez eu la bonté de me prêter. On conçoit fort bien votre admiration pour la Notre Dame. Il y a bien de la grâce dan toute cette imagination. Mais, mais... je n'ose dire tout ce que j'en pense. En tout cas la chute du prêtre est belle de tout point, c'est à en donner des vertiges. *Rouge et noir* est un bon roman, malgré quelques fausses déclamations et quelques observations de mauvais goût.

Mardi.

412. П. В. НАЩОКИНУ.

9 (?) июня 1831 г. Из Петербурга в Москву.

Вот тебе одна тысяча, другая досталась мне золотом. Извини меня перед Горчаковым; он получит всё прежде срока или в срок — но не позже. Если увидишь Вяземского, то спроси, как ему переслать его 1000? или нет ли у него здесь долгов, или не хранить ли ее до его приезда. Прости, любезный, будь здоров и не хандри.

413. П. В. НАЩОКИНУ.

11 июня 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Послал я к тебе, любезный Павел Воинович, и доверенность, и деньги; получил весь мой московский обоз, а от тебя ни слова не имею, да и никто из Москвы ко мне не пишет, ни ко мне, ни к жене. Уж не теряются ли письма? Пожалуйста, не ленись. С Павловым не играй, с Рахмановым кончи поскорее, Ольгу Андреевну сосватай, да приезжай к нам без хлопот. Мы здесь живем тихо и весело, будто в глуши деревенской; насилу до нас и вести доходят, да и те не радостные. О смерти Дибича горевать, кажется, нечего. Он уронил Россию во мнении Европы и медленностию успехов в Турции и неудачами против польских мятежников. Здесь говорят о взятии и сожжении Вильны и о том, что Храповицкого будто бы повесили. Ужасно, но надеюсь — неправда. Холера, говорят, всё не унимается. Правда ли, что в Твери карантины? Экой год! Прощай, душа моя. Жена тебя очень любит и очень тебе кланяется.

А. П.

11 июня, Сарское Село.

414. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

11 июня 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Что за дьявольщина? пишу, пишу — а никто мне не отвечает. Получил ли ты письмо мое? На всякий случай вот тебе другое; тысяча твоя у меня. Переслать ли ее в Москву, или прикажешь ей тебя дождаться? В Твери, сказывают, холера и карантин. Как же ты к нам приедешь? Уж не на пироскафе, как гр. Паскевич поехал в армию. Что там делается, ничего не ведаем. Потеря Дибича должна быть чувствительна для поляков; по расчету Толь будет главнокомандующим в течение 20 дней; авось употребит он это время в пользу себе и нам. Здесь говорят о взятии Вильны и о повешении Храповицкого. Ужасно во всех отношениях! Дай бог, чтоб это было ложное известие.

Видел я Тургенева и нашел в нем мало перемены: кой-где седина, впрочем, та же живость, по крайней мере при первом свидании. Жду его в Сарское Село. Он едет к тебе, если карантин его не удержит. Постарайся порастрепать его porte-feuille, полный европейскими сокровищами. Это нам пригодится. Жуковский всё еще пишет. Он перевел несколько баллад Соувея, Шиллера и Гуланда. Между прочим «Водолаза», «Перчатку», «Поликратово кольцо» etc. Также перевел неконченную балладу Вальтер Скотта «Пильгрим» и приделал свой конец: прелесть. Теперь пишет сказку гекзаметрами, вродо своего «Красного карбункула», и те же

лица на сцене, Дедушка, Луиза, трубка и проч. Всё это явится в новом издании всех его баллад, которые издает Смирдин в двух томиках. Вот всё, чем можно нам утешаться в нынешних горьких обстоятельствах. Здесь я журналов не получаю, и не знаю, что делается в нашем омуте, и кто кого.

Прощай, кланяюсь княгине и Катерине Андреевне, если она уже доехала до Остафьева. Если вы все вместе, то мудрено тебя сюда выманить, однако ж надобно. Что Софья Николаевна? царствует на седле? A horse, a horse! My kingdom for a horse! Прощай же до свидания.

11 июня. А. П.

415. Е. М. ХИТРОВО.

Середина июня 1831 г. Из Царского Села в Петербург.

Svistounof m'a dit qu'il vous verrait ce soir, je prends cette occasion, Madame, pour vous demander une grâce: j'ai entrepris une étude de la révolution française; je vous supplie de m'envoyer Thiers et Mignet, s'il est possible. Ces deux ouvrages sont défendus. Je n'ai ici que les *Mémoires relatifs à la révolution.* Ces jours-ci je compte venir à Pétersbourg pour quelques heures. J'en profiterai pour me présenter à la Черная речка.

416. Е. М. ХИТРОВО.

Около (не позднее) 20 июня 1831 г.
Из Царского Села в Петербург.

Merci, Madame, pour la révolution de Mignet, je l'ai reçue par Novossiltzof. Est-il vrai que Тургенев nous quitte et cela si brusquement?

Vous avez donc le choléra; ne craignez rien au reste. C'est toujours l'histoire de la peste; les gens comme il faut n'en meurent jamais, comme le disait la petite grecque. Il faut esperer que l'épidémie ne sera pas forte, même parmi le peuple — Pétersbourg est bien aéré et puis la mer....

J'ai rempli votre commission — c'est-à-dire que je ne l'ai pas remplie — car quelle idée avez-vous eu de me faire traduire des vers russes en prose française, moi qui ne connait même pas l'orthographe? D'ailleurs les vers sont médiocres. J'en ai fait sur le même sujet d'autres qui ne valent pas mieux et que je vous enverrai dès que j'en trouverai l'occasion.

Portez-vous bien, Madame, c'est pour le moment ce que j'ai de plus pressé à vous dire.

417. П. В. НАЩОКИНУ.

Около (не позднее) 20 июня 1831 г.
Из Царского Села в Москву.

Очень, очень благодарю тебя за письмо от 9 июня. Не знаю, отвечал ли я тебе на оное; на всякий случай перечитав его, пишу ответ. С подрядчиком я расплатился; он сказывал мне, что ты обещал ему от меня прибавку, на сие жду твоего приказания, а сам от себя ни гроша не прибавлю. Я не очень понимаю, какое условие мог ты заключить с Рахмановым; страховать жизнь еще на Руси в обыкновение не введено, но войдет же когда-нибудь; покамест мы не застрахованы, а застращены. Здесь холера, т. е. в Петербурге, а Сарское Село оцеплено — так, как при королевских дворах, бывало, за шалости принца секли его пажа. Жду дороговизны, и скупость наследственная и благоприобретенная во мне тревожится. О делах жены моей не имею никаких известий, и дедушка и теща отмалчиваются, и рады, что бог послал их Ташеньке муженька такого смирного. Что-то будет с Александром Юрьевичем? твое известие о нем насмешило нас досыта. Воображаю его в Заводах en tête à tête с глухим стариком, а Наталью Ивановну, ходуном ходящую, около дочерей, крепко-накрепко заключенных. Что Александр Юрьевич? остыл али нет? Ты-то что сам? и скоро ли деньги будут? как будут, приеду, несмотря ни на какие холеры и тому подобное. А тебя уж я отчаиваюсь видеть. Прости, отвечай.

418. П. В. НАЩОКИНУ.

26 июня 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Очень благодарен за твое письмо, мой друг; а что это за болезнь, от которой ты так скоро оправился? Я уже писал тебе, что в Петербурге холера и, как она здесь новая гостья, то гораздо более в чести, нежели у вас, равнодушных москвичей. На днях на Сенной был бунт в пользу ее; собралось православного народу тысяч шесть, отперли больницы, кой-кого (сказывают) убили; государь сам явился на месте бунта и усмирил его. Дело обошлось без пушек, дай бог, чтоб и без кнута. Тяжелые времена, Павел Воинович! Тело цесаревича везут; также и Дибичево. Паскевич приехал в армию 13-го. О военных движениях не имеем еще никакого известия. Вот тебе общественные новости; теперь поговорим о своем горе. Напиши ко мне, к какому времени явиться мне в Москву за деньгами, да у вас ли Догановский? если у вас, так постарайся с ним поговорить, т. е. поторговаться, да и кончи дело, не дожидаясь меня,— а я, несмотря на холеру, непременно буду в Москве на тебя посмотреть, моя радость. От Вяземского

получил я письмо. Свою тысячу оставляет он у меня до предбудущего. Тысячу горчаковскую на днях перешлю тебе. Холера прижала нас, и в Царском Селе оказалась дороговизна. Я здесь без экипажа и без пирожного, а деньги всё-таки уходят. Вообрази, что со дня нашего отъезда я выпил одну только бутылку шампанского, и ту не вдруг. Разрешил ли ты с горя? Кланяюсь Ольге Андреевне. Фуляров ей не присылаю, ибо с Петербургом, как уже сказано было, всякое сообщение прервано. По той же причине не получишь ты скоро и моего образа. Брюллов в Петербурге и женат, следственно, в Италию так скоро не подымется. Кланяюсь Шнейдеру; никого здесь не вижу и не у кого осведомиться о его представлении. Кланяюсь и Андрею Петровичу. Пришли мне его романс, исправленный во втором издании. Еще кланяюсь Ольге Андреевне, Татьяне Демьяновне, Матрене Сергеевне и всей компании. Прости, моя прелесть. Жена тебе очень кланяется. Шитье ее для тебя остановилось за неимением черного шелка. Всё холера виновата.

26 июня.

419. Н. И. ГОНЧАРОВОЙ.

26 июня 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Madame

Je vois par la lettre que vous avez écrite à Natalie que vous êtes très mécontente de moi à cause de ce que j'ai fait part à Афанасий Николаевич des prétentions de M-r Polivanof. Il me semble que je vous en ai parlé d'abord. Ce n'est pas mon affaire de marier les demoiselles, et que M-r Polivanof soit agréé ou non, cela m'est parfaitement égal, mais vous ajoutez que ma démarche me fait peu d'honneur. Cette expression est injurieuse et j'ose dire que je ne l'ai jamais méritée.

J'ai été obligé de quitter Moscou pour éviter des tracasseries qui à la longue pouvaient compromettre plus que mon repos; on me dépeignait à ma femme comme un homme odieux, avide, un vil usurier, on lui disait: vous êtes une sotte de permettre à votre mari etc. Vous m'avouerez que c'était prêcher le divorce. Une femme ne peut décemment se laisser dire que son mari est un infâme, et le devoir de la mienne est de se soumettre à ce que je me permets. Ce n'est pas à une femme de 18 ans de gouverner un homme de 32. J'ai fait preuve de patience et de delicatesse, mais il parait que l'une et l'autre est duperie. J'aime mon repos et je saurai me l'assurer.

A mon départ de Moscou vous n'avez pas jugé à propos de me parler d'affaire; vous avez mieux aimé faire une plaisanterie sur la possibilité d'un divorce, ou de quelque chose comme ça. Il m'est indispensable cependant de savoir définitivement ce que vous avez

résolu à mon égard. Je ne parle pas de ce qu'on a été intentionné de faire pour Natalie; cela ne me regarde pas et je n'y ai jamais songé malgré mon avidité. J'entends les 11 000 roubles que j'ai prêtés. Je n'en demande pas le payement, et ne vous presse en aucune manière. Je veux seulement savoir au juste quels sont les arrangements que vous jugerez à propos de prendre, afin que je prenne les miens en conséquence.

Je suis avec le recpect le plus profond

Madame

Votre très humble et très obéissant serviteur

26 juin 1831.

Sarsko-Sélo.

Alexandre Pouchkine.

420. П. А. ОСИПОВОЙ.

29 июня 1831 г. Из Царского Села в Опочку.

Je différais de vous écrire, m'attendant à tout moment à vous voir nous arriver; mais les circonstances ne me permettent plus de l'espérer. C'est donc par écrit, Madame, que je vous félicite et que je souhaite à M-elle Euphrosine tout le bonheur dont ici-bas nous sommes capables, et dont est si digne un être aussi noble et aussi doux.

Les temps sont bien tristes. L'épidémie fait à Petersbourg de grands ravages. Le peuple s'est ameuté plusieurs fois. Des bruits absurdes s'étaient répandus. On prétendait que les médecins empoisonnaient les habitants. La populace furieuse en a massacré deux. L'empereur s'est présenté au milieu des mutins. On m'écrit: «Государь говорил с народом. Чернь слушала на коленах — тишина — один царский голос *как звон святой* раздавался на площади».— Ce n'est pas le courage ni le talent de la parole qui lui manquent; cette fois-ci l'émeute a été apaisée; mais les désordres se sont renouvelés depuis. Peut-être sera-t-on obligé d'avoir recours à la mitraille. Nous attendons la cour à Sarsko-Sélo, qui jusqu'à présent n'est pas encore attaqué de la contagion; mais je crois que cela ne tardera pas. Que Dieu préserve Trigorskoe des sept plaies de l'Egypte; vivez heureuse et tranquille et puissé-je me retrouver un jour dans votre voisinage! et à propos de cela, si je ne craignais d'être indiscret, je vous prierais, comme bonne voisine et bien chère amie, de me faire savoir si je ne pourrais pas faire l'acquisition de Savkino, et quelles en seraient les conditions. J'y bâtirais une chaumière, j'y mettrais mes livres et j'y viendrais passer quelques mois de l'année auprès de mes bons et anciens amis. Que dites-vous, Madame, de mes châteaux en Espagne, ou de ma chaumière à Savkino? pour moi, ce projet-là m'enchante et j'y reviens à tout moment. Recevez,

Madame, l'hommage de ma haute considération et de mon entier dévouement. Mes hommages à toute votre famille; agréez aussi ceux de ma femme, en attendant que je n'aie eu l'avantage de vous la présenter.

Sarsko-Sélo. 29 juin 1830.[1]

421. М. П. ПОГОДИНУ.

Конец (27—30) июня 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Сердечно благодарю вас и за письмо и за «Старую статистику». Я получил все экземпляры вчера из Петербурга и не знаю, как доставить экземпляры, следующие великим князьям и Жуковскому. Вы знаете, что у нас холера; Царское Село оцеплено, оно будет, вероятно, убежищем царскому семейству. В таком случае Жуковский будет сюда и я дождусь его, чтоб вручить ему вашу посылку. Напрасно сердитесь вы на него за его молчание. Он самый неаккуратный корреспондент, и ни с кем не в переписке. Могу вас уверить, что он искренно вас уважает. Вы удивляете меня тем, что трагедия ваша еще не поступила в продажу. Веневитинов сказывал мне, что она уже вышла, потому-то я и не хлопотал об ней. Непременно надобно ее выдать, и непременно буду писать при первом случае об этом к Бенкендорфу. Холера и смерть цесаревича нас совершенно смутили; дайте образумиться.

Пишите «Петра»; не бойтесь его дубинки. В его время вы были бы один из его помощников; в наше время будьте хоть его живописцем. Жалею, что вы не разделались еще с Московским университетом, который должен рано или поздно извергнуть вас из среды своей, ибо ничего чуждого не может оставаться ни в каком теле. А ученость, деятельность и ум чужды Московскому университету.

У нас есть счетец. За мною процентов было 225 рублей; из оных отдал я вам, помните, 75 — итого остается 150, кои вы получите, как скоро получу оброк со Смирдина.

Пишите ко мне прямо в Царское, или Сарское Село. От Смирдина отделен я карантином. Ваших препоручений касательно книг покамест не могу выполнить, по многим причинам. Простите, до свидания.

А. П.

---

[1] *Описка, вместо* 1831.

422. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

3 июля 1831 г. Из Царского Села в Петербург.

Скажи мне, сделай одолжение, жив ли ты? что ты намерен делать? что наши? Экие страсти! Господи Сусе Христе!

Ради бога, вели Смирдину прислать мне денег, или я сам явлюсь к нему, несмотря на карантины.

Знаешь ли что? я жив и здоров.

Прощай.

3 июля.

Я переписал мои пять повестей и предисловие, т. е. сочинения покойника Белкина, славного малого. Что прикажешь с ними делать? печатать ли нам самим или сторговаться со Смирдиным?

Réponse, s'il vous plait.

Жена моя кланяется твоей и желает вам здравия.

423. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

3 июля 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Получил я письмо твое (вероятно, от Федосея Сидоровича, по крайней мере на печати вырезан крест и якорь и надпись: бог моя надежда). Ты требуешь назад свою мебель. Эх, милый! Трудно в Царском Селе мне будет найти новую. Нечего делать, возьми себе назад. Только мне жаль будет тебе оставить ее за ту же цену. Ей-богу, Ваше сиятельство, больше стоит. Она мне досталась по оказии и по знакомству; право, не грех прибавить рублей сто. По газетам видел я, что Тургенев к тебе отправился в Москву; не приедешь ли с ним назад? это было бы славно. Мы бы что-нибудь и затеяли вроде альманаха, и Тургенева порастрепали бы. Об «Адольфе» твоем не имею никакого известия; Плетнев отделен от меня холерою, ничего не пишет. Ждал я сюда Жуковского, но двор уже не едет в Царское Село, потому что холера показалась в Пулкове. В Петербурге народ неспокоен; слухи об отраве так распространились, что даже люди порядочные повторяют эти нелепости от чистого сердца. Двух лекарей народ убил. Царь унял возмущение, но не всё еще тихо. Из армии известия не имеем. Вот тебе всё, что знаю. О литературе не спрашивай: я не получаю ни единого журнала, кроме «С.-Петербургских ведомостей», и тех не читаю. «Рославлева» прочел и очень желаю знать, каким образом ты бранишь его. Разговоров о «Борисе» не слыхал и не видал; я в чужие разговоры не вмешиваюсь. Не пишу покамест ничего, ожидаю осени. Элиза приготовляется к смерти мученической и уже написала мне трогательное прощание. Ты что? Вышел ли «Фонвизин» из цензуры и поступил ли в печать? Кстати о цензу-

ре. Щеглов умер: не нашего полку, чужого.— Отец мой горюет у меня в соседстве, в Павловском; вообще довольно скучно.

3 июля.

Кланяюсь всем твоим, в том числе и Тургеневу, коли он уж у вас.

424. П. Я. ЧААДАЕВУ.

6 июля 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Mon ami, je vous parlerai la langue de l'Europe, elle m'est plus familière que la nôtre et nous continuerons nos conversations commencés jadis à Sarsko-Sélo et si souvent interrompues.

Vous savez ce qui nous arrive; à Pétersbourg le peuple s'est imaginé qu'on l'empoisonnait. Les gazettes s'épuisent en semonces et en protestations, malheureusement le peuple ne sait pas lire, et les scènes de sang sont prêtes à se renouveler. Nous sommes cernés à Sarsko-Sélo et à Pavlovsky et nous n'avons aucune communication avec Pétersbourg. Voilà pourquoi je n'ai vu ni Bloudof, ni Bellizard. Votre manuscrit est toujours chez moi; voulez-vous que je vous le renvoye? mais qu'en ferez-vous à Necropolis? laissez-le moi encore quelque temps. Je viens de le relire. Il me semble que le commencement est trop lié à des conversations antécédentes, à des idées antérieurement développées, bien claires et bien positives pour vous, mais dont le lecteur n'est pas au fait. Les premières pages sont donc obscures et je crois que vous feriez bien d'y substituer une simple note, ou bien d'en faire un extrait. J'étais prêt à vous faire remarquer aussi le manque d'ordre et de méthode de tout le morceau, mais j'ai fait réflexion que c'est une lettre, et que le genre excuse et autorise cette négligence et ce laisser-aller. Tout ce que vous dites de Moïse, de Rome, d'Aristote, de l'idée du vrai Dieu, de l'Art antique, du protestantisme est admirable de force, de vérité ou d'éloquence. Tout ce qui est portrait et tableau est large, éclatant, grandiose. Votre manière de concevoir l'histoire m'étant tout à fait nouvelle, je ne puis toujour être de votre avis; par exemple je ne conçois pas votre aversion pour Marc-Aurèle, ni votre prédilection pour David (dont j'admire les psaumes, si toutefois ils sont de lui). Je ne vois pas pourquoi la peinture forte et naïve du polythéisme vous indignerait dans Homère. Outre son mérite poétique, c'est encore, d'après votre propre aveu, un grand monument historique. Ce que l'Illiade offre de sanguinaire, ne se retrouve-t-il pas dans la Bible? Vous voyez l'unité chrétienne dans le catholicisme, c'est à dire dans le pape.— N'est-elle pas dans l'idée du Christ, qui se retrouve aussi dans le protestantisme. L'idée première fut monarchique; elle devint républicaine. Je m'exprime mal, mais vous me com-

prendez. Ecrivez-moi, mon ami, dussiez-vous me gronder. Il vaut mieux, dit l'Ecclésiaste, entendre la correction de l'homme sage que les chansons de l'insensé.

6 juilltet. S. S.

425. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Около (не позднее) 11 июля 1831 г. Из Царского Села в Петербург.

Двор приехал, и Царское Село закипело и превратилось в столицу. Грустно мне было услышать от Жуковского, что тебя сюда не будет. Но так и быть: сиди себе на даче и будь здоров. Россети черноокая хотела тебе писать, беспокоясь о тебе, но Жуковский отсоветовал, говоря: он жив, чего ж вам больше? Однако она поручила было мне переслать к тебе 500 р. какой-то запоздалой пенсии. Если у тебя есть мои деньги, то заплати из них — и дай мне знать сюда, а эти 500 р. я возьму с нее.

На днях отправил я тебе через Эслинга повести покойного Белкина, моего приятеля. Получил ли ты их? Предисловие доставлю после. Отдай их в цензуру земскую, не удельную,— да и снюхаемся с Смирдиным; я такого мнения, что эти повести могут доставить нам 10 000 — и вот каким образом:

2000 экземпляров по 6 р. = 12 000.
— 1000 за печать
— 1000 процентов
итого 10 000.

Что же твой план «Северных цветов» в пользу братьев Дельвига? Я даю в них «Моцарта» и несколько мелочей. Жуковский дает свою гекзаметрическую сказку. Пиши Баратынскому; он пришлет нам сокровища; он в своей деревне.— От тебя стихов не дождешься, если б ты собрался да написал что-нибудь об Дельвиге! то-то было б хорошо! Во всяком случае проза нужна; коли ты ничего не дашь, так она сядет на мель. Обозрения словесности не надобно; чёрт ли в нашей словесности? придется бранить Полевого да Булгарина. Кстати ли такое аллилуия на могиле Дельвига? — Подумай обо всем этом хорошенько, да и распорядись — а издавать уже пора: т. е. приготовляться к изданию. Будьте здоровы все, Христос с вами.

426. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Около (не позднее) 16 июля 1831 г.
Из Царского Села в Петербург.

Я надоедал тебе письмами и не знал о твоем огорчении. Вчера только сказали мне о смерти нашего доброго и умного слепца. Зная твою привязанность к покойному Молчанову, живо воображаю твои чувства. Час от часу пустее свет, пустей дорога перед нами. Тяжелое время, тяжелый год. По крайней мере утешаюсь, зная, что ты в своем Патмосе безвреден и недостижим. Но, кажется, зараза теряет свою силу и в Петербурге. Мы, уже обстрелянные в Москве и Нижнем, равнодушно слышали приближающуюся перестрелку; но сколько знакомых жертв! однако ж, кроме Молчанова, никого близкого к сердцу, кажется, не потеряли. У нас в Царском Селе всё суетится, ликует, ждут разрешения царицы; ждут добрых вестей от Паскевича; ждут прекращения холеры. С моей стороны жду твоего письма; уверен, что ты и все твои здоровы, так как я всегда был уверен в жизни и здоровье своем и своих.

427. М. Л. ЯКОВЛЕВУ.

19 июля 1831 г. Из Царского Села в Петербург.

Деньги мои, любезный Михайло Лукьянович, у Плетнева. Потрудись, сделай одолжение, съездить к нему, но как он человек аккуратный, то возьми с собою вексель мой и надпиши, что проценты получены. Попроси его от меня написать мне три строчки и переслать деньги, в коих я нуждаюсь. Если он сидит на даче, опасаясь холеры, и ни с кем сношений не имеет, то напиши мне об нем, здоров ли он и все ли у него здоровы.

Кланяюсь сердечно Софье Михайловне и очень, очень жалею, что с нею не прощусь. Дай бог ей здоровья и силы души. Если надобны будут ей деньги, попроси ее со мною не церемониться, не только насчет моего долга, но и во всяком случае. Что «Северные цветы»? с моей стороны я готов. На днях пересмотрел я у себя письма Дельвига; может быть, со временем это напечатаем. Нет ли у ней моих к нему писем? мы бы их соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовые к печати две трагедии нашего Кюхли и его же «Ижорский», также и моя баллада *о Рыцаре, влюбленном в Деву*. Не может ли это всё Софья Михайловна оставить у тебя? Плетнев и я, мы бы постарались что-нибудь из этого сделать.

Что вы делаете, друзья, и кто из наших приятелей отправился туда, отколь никто не воротится? Прости, до свидания.

19 июля, Сарское Село. А. П.

428. П. В. НАЩОКИНУ.

21 июля 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Бедная моя крестница! вперед не буду крестить у тебя, любезный Павел Воинович; у меня не легка рука. Воля твоя будет выполнена в точности, если вздумаешь ты отправиться вслед за Юсуповым; но это дело несбыточное; по крайней мере я никак не могу вообразить тебя покойником. Я всё к тебе сбираюсь, да боюсь карантинов. Ныне никак нельзя, пускаясь в дорогу, быть уверенным во времени проезда. Вместо трехдневной езды, того и гляди, что высидишь три недели в карантине; шутка! — Посылаю тебе посылку на имя Чаадаева; он живет на Дмитровке против церкви. Сделай одолжение, доставь ему. У вас, кажется, всё тихо, о холере не слыхать, бунтов нет, лекарей и полковников не убивают. Недаром царь ставил Москву в пример Петербургу! В Царском Селе также всё тихо; но около такая каша, что боже упаси. Ты пишешь мне о каком-то критическом разговоре, которого я еще не читал. Если бы ты читал наши журналы, то увидел бы, что всё, что называют у нас критикой, одинаково глупо и смешно. С моей стороны я отступился; возражать серьезно — невозможно; а паясить перед публикою не намерен. Да к тому же ни критики, ни публика не достойны дельных возражений. Нынче осенью займусь литературой, а зимой зароюсь в архивы, куда вход дозволен мне царем. Царь со мною очень милостив и любезен. Того и гляди попаду во временщики, и Зубков с Павловым явятся ко мне с распростертыми объятиями. Брат мой переведен в Польскую армию. Им были недовольны за его пьянство и буянство; но это не будет иметь следствия никакого. Ты знаешь, что Вислу мы перешли, не видя неприятеля. С часу на час ожидаем важных известий и из Польши и из Парижа; дело, кажется, обойдется без европейской войны. Дай-то бог. Прощай, душа: не ленись и будь здоров.

21 июля.

P. S. Я с тобою болтаю, а о деле и забыл. Вот в чем дело: деньги мои в Петербурге у Плетнева или у Смирдина, оба со мною прекратили свои сношения по причине холеры. Не знаю, получу ли что мне следует к 1 августу, в таком случае перешлю тебе горчаковскую тысячу; не то, ради господа бога, займи хоть на мое имя и заплати в срок. Не я виноват, виновата холера, отрезавшая меня от Петербурга, который под боком, да куда не пускают; с Догановским не худо, брат, нам пуститься в разговоры или переговоры — ибо срок моему первому векселю приближается.

429. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

22 июля 1831 г. Из Царского Села в Петербург.

Письмо твое от 19-го крепко меня опечалило. Опять хандришь. Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер; погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь всё еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши — старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; а мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо.

Вздор, душа моя; не хандри — холера на днях пройдет, были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы.

Жаль мне, что ты моих писем не получал. Между ими были дельные; но не беда. Эслинг сей, которого ты не знаешь,— мой внук по Лицею и, кажется, добрый малый — я поручил ему доставить тебе мои сказки; прочитай их ради скуки холерной, а печатать их не к спеху. Кроме 2000 за «Бориса», я еще ничего не получил от Смирдина; думаю, накопилось около двух же тысяч моего жалованья; напишу ему, чтоб он их переслал ко мне по почте, доставив тебе 500, россетинских. Кстати скажу тебе новость (но да останется это, по многим причинам, между нами): царь взял меня в службу — но не в канцелярскую, или придворную, или военную — нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтоб я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал: Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite. Ей-богу, он очень со мною мил. Когда же мы, брат, увидимся? Ох уж эта холера! Мой Юсупов умер, наш Хвостов умер. Авось смерть удовольствуется сими двумя жертвами. Прощай. Кланяюсь всем твоим. Будьте здоровы. Христос с вами.

22 июля.

430. П. В. НАЩОКИНУ.

29 июля 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Я просил тебя в последнем письме доставить посылку Чаадаеву: посылку не приняли на почте. Я просил заплатить Горчакову остальную его тысячу. Вот сия тысяча; доставь ее с моей сердечной благодарностию моему любезному заимодавцу.

Что ты делаешь? ожидаешь ли ты своих денег и выручишь ли ты меня из сетей Догановского? Нужно ли мне будет приехать, как, признаюсь, мне хочется, или оставаться мне в Царском Селе, что и дешевле и спокойнее?

У нас всё, слава богу, тихо; бунты петербургские прекратились; холера также. Государь ездил в Новгород, где взбунтовались было колонии и где произошли ужасы. Его присутствие усмирило всё. Государыня третьего дня родила великого князя Николая Николаевича. О Польше ничего не слышно.

Прощай, до свидания.

431. П. А. ОСИПОВОЙ.

29 июля 1831 г. Из Царского Села в Тригорское.

Votre silence commençait à m'inquiéter, chère et bonne Прасковья Александровна; Votre lettre est venue me rassurer fort à propos. Je vous félicite encore une fois, et vous souhaite, à tous et du fond de mon coeur, prospérité, repos et santé. J'ai porté moi-même vos lettres à Pavlovsk, en mourant d'envie d'en savoir le contenu; mais ma mère était sortie. Vous savez l'aventure qui leur était arrivée, l'escapade d'Olga, la quarantaine etc. Dieu merci, tout est maintenant fini. Mes parents ne sont plus aux arrêts — le choléra n'est guère à craindre. Il va finir à Pétersbourg. Savez-vous qu'il y a eu des troubles à Новгород dans les colonies militaires? les soldats se sont ameutés toujours sous l'absurde prétexte de l'empoisonnement. Les généraux, les officiers et les médecins ont été tous massacrés, avec un raffinement d'atrocité. L'empereur y est allé, et a apaisé l'émeute avec un courage et un sang froid admirable. Mais il ne faut pas que le peuple s'accoutume aux émeutes, et les émeutes à sa présence. Il paraît que tout est fini. Vous jugez de la maladie beaucoup mieux que ne l'ont fait les docteurs et le gouvernement. Болезнь повальная, а не зараза, следственно карантины лишнее; нужны одни предосторожности в пище и в одежде. Si cette vérité était connue avant, nous eussinos évité bien des maux. Maintenant on traite le choléra comme tout empoisonnement — *avec l'huile et du lait chaud*, sans oublier les bains de vapeur. Dieu donne que vous n'ayez pas besoin d'employer cette recette à Тригорское.

Je remets en vos mains mes intérêts et mes projets. Je ne tiens ni à *Savkino*, ni à tout autre lieu; je tiens à être votre voisin, et propriétaire d'un joli site. Veuillez me faire savoir le prix de telle propriété ou de telle autre. Les circonstances à ce qui paraît vont me retenir à Pétersbourg plus longtemps que je n'est voulu, mais cela ne change rien à mon projet et mes espérances.

Agréez l'hommage de mon dévouement et de ma parfaite considération. Je salue toute la famille.

29 juillet.
Sarsko-Sélo.

432. Н. М. КОНШИНУ.

Июнь — июль 1831 г. В Царском Селе.

Собака нашлась благодаря вашим приказаниям. Жена сердечно вас благодарит, но собачник поставил меня в затруднительное положение. Я давал ему за труды 10 рублей, он не взял, говоря: *мало*, по мне и он и собака того не стоят, но жена моя другого мнения. Здоровы ли и скоро ль увидимся?

А. П.

433. Н. М. КОНШИНУ.

Конец июня — июль 1831 г. В Царском Селе.

Вот все №-а, находящиеся еще у меня. Сердечно благодарю за доставление известий, хотя и нерадостных. Нет ли у вас «Литературной газеты»? Здоровы ли вы и Авдотья Яковлевна? До свидания.

А. П.

434. М. П. ПОГОДИНУ.

Конец июля 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Любезный и почтенный, не имею времени отвечать Вам на Ваше письмо. Уведомляю Вас только, что поручение Ваше, касательно «Статистики Петра I», исполнено; Жуковский получил экземпляры для великого князя и для себя; экземпляром, следующим великому князю Константину, расположил он иначе. Жуковский представит его императрице. Напишите, сделайте милость, официальную записку *его превосходительству Ивану Павловичу Шамбо* (секретарю ее величества): *«Осмеливаюсь повергнуть к ногам ее величества такую-то замечательную книгу* и проч.».* У генерала Бенкендорфа был я для Вас же, но не застал его дома: он в Царском Селе остается, следственно на днях буду с ним толковать. Покамест обнимаю Вас.

А. П.

435. П. В. НАЩОКИНУ.

3 августа 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Отец и благодетель! На днях послал я к тебе горчаковскую 1000; отпиши, батюшка Павел Воинович, получил ли всё исправно, да еще покорнейшая просьба: узнай от Короткого, сколько должен

---

* и доставьте письмо мне.

я в ломбард процентов за 40 000 займа? и когда срок к уплате? Пошел ли в дело дороховский вексель и здоров ли Корнилион-Пинский? Здоров ли ты, душа моя, каково поживаешь, и что твои? Что ж не присылаешь ты есауловского романса, исправленного во втором издании? Мы бы его в моду пустили между фрейлинами. Всё здесь обстоит благополучно. Жена тебе кланяется.* Портрета не присылает, за неимением живописца. За сим прощения просим.

3 августа.

P. S. Да растолкуй мне, сделай милость, каким образом платят в ломбард. Самому ли мне приехать? Доверенность ли кому прислать? или по почте отослать деньги? —

436. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

3 августа 1831 г. Из Царского Села в Москву.

3 августа.

«Литературная газета» что-то замолкла; конечно, Сомов болен, или подпиской недоволен. Твое замечание о мизинце Булгарина не пропадет; обещаюсь тебя насмешить; но нам покамест не до смеха; ты, верно, слышал о возмущениях новогородских и Старой Руси. Ужасы. Более ста человек генералов, полковников и офицеров перерезаны в новогородских поселениях со всеми утончениями злобы. Бунтовщики их секли, били по щекам, издевались над ними, разграбили дома, изнасильничали жен; 15 лекарей убито; спасся один при помощи больных, лежащих в лазарете; убив всех своих начальников, бунтовщики выбрали себе других — из инженеров и коммуникационных. Государь приехал к ним вслед за Орловым. Он действовал смело, даже дерзко; разругав убийц, он объявил прямо, что не может их простить, и требовал выдачи зачинщиков. Они обещались и смирились. Но бунт Старо-Русский еще не прекращен. Военные чиновники не смеют еще показаться на улице. Там четверили одного генерала, зарывали живых и проч. Действовали мужики, которым полки выдали своих начальников.— Плохо, ваше сиятельство. Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачьей комедии нашей литературы. Кажется, дело польское кончается; я всё еще боюсь: генеральная баталия, как говорил Петр I, дело зело опасное. А если мы и осадим Варшаву (что требует большого числа войск), то Европа будет иметь время вмешаться не в ее дело. Впрочем, Франция одна не сунется; Англии не для чего с нами ссориться, так авось ли выкарабкаемся.

---

* И целует. *Замечание Натальи Николаевны.*

В Сарском Селе покамест нет ни бунтов, ни холеры; русские журналы до нас не доходят, иностранные получаем, и жизнь у нас очень сносная. У Жуковского зубы болят, он бранится с Россети; она выгоняет его из своей комнаты, а он пишет ей арзамасские извинения гекзаметрами.

--чем умолю вас, о царь мой небесный —
----прикажете ль? кожу
Дам содрать с моего благородного тела вам на калоши,
--прикажете ль? уши
Дам обрезать себе для хлопошек и проч.

Перешлю тебе это чисто арзамасское произведение.

Благодарю Александра Ивановича за его религиозно-философическую приписку. Не понимаю, за что Чаадаев с братией нападает на реформацию, c'est à dire un fait de l'esprit chrétien. Ce que le christianisme y perdit en unité, il le regagna en popularité. Греческая церковь — дело другое: она остановилась и отделилась от общего стремления христианского духа. Радуюсь, что Чаадаев опять явился в обществе. Скажи ему, что его рукопись я пытался было переслать к нему, но на почте посылок еще не принимают, извини меня перед ним. Кланяюсь всем вашим и желаю вам здравия и спокойствия.

Сарское Село.

437. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

3 августа 1831 г. Из Царского Села в Петербург.

Получил я, любезный Плетнев, и письмо и 1500. Ты умно делаешь, что сидишь смирно в своей норе и носу не показываешь в про́клятом некогда мною Петербурге. Не холера опасна, опасно опасение, моральное состояние, уныние, долженствующее овладеть всяким мыслящим существом в нынешних страшных обстоятельствах. Холера через неделю, вероятно, прекратится; но Сарское Село будет еще долго окружено карантинами; итак, свидание наше еще далеко. Что же «Цветы»? ей-богу не знаю, что мне делать. Яковлев пишет, что покамест нельзя за них приняться. Почему же? разве типографии остановились? разве нет бумаги? Разве Сомов болен или отказывается от издания? Кстати: что сделалось с «Литературною газетою»? Она не исправнее «Меркурия». Кстати: не умер ли Бестужев-Рюмин? говорят, холера, уносит пьяниц. С душевным прискорбием узнал я, что Хвостов жив. Посреди стольких гробов, стольких ранних или бесценных жертв, Хвостов торчит каким-то кукишем похабным. Перечитывал я на днях письма Дельвига; в одном из них пишет он мне о смерти Д. Веневити-

нова. «Я в тот же день встретил Хвостова, говорит он, и чуть не разругал его: зачем он жив?» — Бедный наш Дельвиг! Хвостов и его пережил. Вспомни мое пророческое слово: Хвостов и меня переживет. Но в таком случае, именем нашей дружбы, заклинаю тебя его зарезать — хоть эпиграммой. Прощай, будьте здоровы. Сказки мои возвратились ко мне, не достигнув до тебя.

3 авг.

Россети вижу часто; она очень тебя любит, и часто мы говорим о тебе. Она гласно сговорена. Государь уж ее поздравил.

438. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

14 августа 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Любезный Вяземский, поэт и камергер...[1]

Услыша о сем радостном для Арзамаса событии, мы, царскосельские арзамасцы, положили созвать торжественное собрание. Все присутствующие члены собрались немедленно, в числе двух. Председателем по жребию избран г-н Жуковский, секретарем я, сверчь. Протокол заседания будет немедленно доставлен Вашему арзамасскому и камергерскому превосходительству (такожде и сиятельству). Спрашивали члены: Зачем Асмодей не является ни в одном периодическом издании? Секретарь ответствовал единогласно: он статьи свои отсылает в «Коммерческую газету» без имени. Спрашивали члены: Давно ли Асмодей занимается Коммерческой? выигрывает ли он в коммерческую? Председатель ответствовал единогласно же: В коммерческую выиграл он ключ, и теперь Асмодей перейдет к банку.

Оставя арзамасскую политику, скажу тебе, что наши дела польские идут, слава богу: Варшава окружена, Кржнецкий сменен нетерпеливыми патриотами. Дембинский, невзначай явившийся в Варшаву из Литвы, выбран в главнокомандующие. Кржнецкого обвиняли мятежники в бездействии. Следственно, они хотят сражения; следственно, они будут разбиты, следственно, интервенция Франции опоздает, следственно, граф Паскевич удивительно счастлив. Король голландский погорячился, но, кажется, он принужден будет отложить попечение о Бельгии: Пруссии не до него. Если заварится общая, европейская война, то, право, буду сожалеть о своей женитьбе, разве жену возьму в торока. У Жуковского понос поэтический хотя и прекратился, однако ж он всё еще ------ гекзаметрами. Ждем тебя. Право, надобно нам начать журнал, да какой? Quarterly. В три месяца книжку, нет, книжищу выдадим,

[1] См. т. III, стр. 217.

с помощью божией и Лизы голенькой. Кстати: Лиза написала было мне письмо вроде духовной: croyez à la tendresse de celle qui vous aimera même au delà du tombeau и проч., да и замолкла; я спокойно себе думаю, что она умерла. Что же узнаю? Элиза влюбилась в вояжера Mornay да с ним кокетничает! Каково? О femme, femme! créature faible et décevante... Прощай, камергер, кланяюсь тебе и твоим от всего сердца.

14 авг.

439. П. И. МИЛЛЕРУ.

Первая половина августа 1831 г. В Царском Селе.

Сердечно благодарю вас за книги и за любезное письмо ваше. Когда же исполните вы другое свое обещание — побывать у меня? Внук очень тем обяжет ему сердцем преданного деда.

440. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Около (не позднее) 15 августа 1831 г.
Из Царского Села в Петербург.

Посылаю тебе с Гоголем сказки моего друга Ив. П. Белкина; отдай их в простую цензуру, да и приступим к изданию. Предисловие пришлю после. Правила, коими будем руководствоваться при издании, следующие:

1) Как можно более оставлять белых мест, и как можно шире расставлять строки.

2) На странице помещать не более 18-ти строк.

3) Имена печатать *полные,* напр. Иван Иванович Иванов, а не И. Ив. Ив — ъ. То же и об городах и деревнях.

4) Числа (кроме годов) печатать буквами.

5) В сказке «Смотритель» назвать гусара *Минским*, и сим именем заменить везде ***.

6) Смирдину шепнуть мое имя, с тем, чтоб он перешепнул покупателям.

7) С почтеннейшей публики брать по 7-ми рублей, вместо 10-ти — ибо нынче времена тяжелые, рекрутский набор и карантины.

Думаю, что публика будет беспрекословно платить сей умеренный оброк и не принудит меня употреблять строгие меры.

Главное: будем живы и здоровы... Прощай, мой ангел.

P. S. Эпиграфы печатать перед самым началом сказки, а заглавия сказок на особенном листе (ради ширины). Кстати об эпиграфах. К «Выстрелу» надобно будет приискать другой, именно

в «Романе в семи письмах» А. Бестужева в «Полярной звезде»: *У меня оставался один выстрел, я поклялся* etc. Справься, душа моя.

441. Н. В. ГОГОЛЮ.

25 августа 1831 г. Из Царского Села в Петербург.

Любезный Николай Васильевич,

Очень благодарю Вас за письмо и доставление Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проект Вашей ученой критики удивительно хорош. Но Вы слишком ленивы, чтоб привести его в действие. Статья Феофилакта Косичкина еще не явилась; не знаю, что это значит: не убоялся ли Надеждин гнева Фаддея Венедиктовича? — Поздравляю Вас с первым Вашим торжеством, с фырканьем наборщиков и изъяснениями фактора. С нетерпением ожидаю и другого: толков журналистов и отзыва остренького сидельца. У нас всё благополучно: бунтов, наводнения и холеры нет. Жуковский расписался; я чую осень и собираюсь засесть. Ваша Надежда Николавна, т. е. моя Наталья Николавна — благодарит Вас за воспоминание и сердечно кланяется Вам. Обнимите от меня Плетнева и будьте живы в Петербурге, что довольно, кажется, мудрено.

25 августа. А. П.

442. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Конец августа 1831 г. Из Царского Села в Москву.

(Между нами) У Дельвига осталось два брата без гроша денег, на руках его вдовы, потерявшей большую часть маленького своего имения. Нынешний год мы выдадим «Северные цветы» в пользу двух сирот. Ты пришли мне стихов и прозы; за журнал наш примемся после.

20 августа, день смерти Василия Львовича, здешние арзамасцы поминали своего старосту ватрушками, в кои воткнуто было по лавровому листу. Светлана произнесла надгробное слово, в коем с особенным чувством вспоминала она обряд принятия его в Арзамас.

443. П. В. НАЩОКИНУ.

3 сентября 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Любезный мой Павел Воинович, не отвечал я на твое последнее письмо, исполнившее меня радостию и благодарностию, в ожидании обещанного следующего. Но оно покамест еще не пришло. Дай бог, чтоб успех увенчал дипломатику твою! жду с трепетом сердца решения Догановского. Всё ли у тебя благополучно? Что твои спазмы, головные боли, поездки к Елене Тимофеевне и прочие бури? У меня, слава богу, всё тихо, жена здорова; царь (между нами) взял меня в службу, т. е. дал мне жалования и позволил рыться в архивах для составления «Истории Петра I». Дай бог здравия царю! Дома у меня произошла перемена министерства. Бюджет Александра Григорьева оказался ошибочен; я потребовал счетов; заседание было столь же бурное, как и то, в коем уничтожен был Иван Григорьев; вследствие сего Александр Григорьев сдал министерство Василию (за коим блохи другого роду). В тот же день повар мой явился ко мне с требованием отставки; сего министра хотят отдать в солдаты и он едет хлопотать о том в Москву; вероятно, явится и к тебе. Отсутствие его мне будет ощутительно; но, может быть, всё к лучшему. Забыл я тебе сказать, что Александр Григорьев при отставке получил от меня в виде аттестата плюху, за что он было вздумал произвести возмущение и явился ко мне с военною силою, т. е. квартальным; но это обратилось ему же во вред; ибо лавочники, проведав обо всем, засадили было его в яму, от коей по своему великодушию избавил я его. Теща моя не унимается; ее не переменяет ничто, ni le temps, ni l'absence, ni des lieux la longueur; бранит меня, да и только — а всё за нашего друга Александра Юрьевича. Дедушка ни гугу. До сих пор ничего не сделано для Натальи Николаевны; мои дела идут помаленьку. Печатаю incognito мои повести; первый экземпляр перешлю тебе. Прощай, душа. Да не забудь о ломбарде порасспросить.

3 сент. А. П.

Жена тебе весьма кланяется. — До свидания.

444. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

3 сентября 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Сперва о деле: у Нащокина моих денег нет, а своих, вероятно, не завелось. По причине холеры я в получении доходов затруднен. Твои 500 рублей получишь из Петербурга, как скоро спишусь с моими корреспондентами. Ты пишешь о журнале; да, чёрта с два! кто нам разрешит журнал? Фон-Фок умер, того и гляди поступит

на его место Н. И. Греч. Хороши мы будем! О газете политической нечего и думать, но журнал ежемесячный, или четыремесячный, третейский можно бы нам попробовать — одна беда: *без мод* он не пойдет, *а с модами* стать нам наряду с Шаликовым, Полевым и проч.— совестно. Как ты? *с* или *без?* Мы бы переписку Авраама с Игнатием поместили в отделении: классическая словесность. Жуковский всё еще пишет; завел 6 тетрадей и разом начал 6 стихотворений; так его и несет. Редкий день не прочтет мне чего нового; нынешний год он, верно, написал целый том. Это хорошо было бы для журнала. Я начал также ------; на днях испразнился сказкой в тысячу стихов; другая в брюхе бурчит. А всё холера... То, что ты говоришь о «Рославлеве», сущая правда; мне смешно читать рецензии наших журналов, кто начинает с Гомера, кто с Моисея, кто с Вальтер Скотта; пишут книги о романе, которого ты оценил в трех строчках совершенно полно, но к которым можно прибавить еще три строчки: *что положения, хотя и натянутые, занимательны; что разговоры, хотя и ложные, живы, и что всё можно прочесть с удовольствием* (итого 3 строчки $^1/_2$).

У Доны Sol был я вчера; писем твоих у ней здесь нет; она не намерена их сжечь et vous accuse de fatuité. Дело в том, что она чрезвычайно мила, умна и в лицах представляет генеральшу Ламбер и камер-лакея немца — в совершенстве. Твое рассуждение о пословице русской не пропадет. К числу благороднейших принадлежит и сия: за тычком не угонишься, т. е. не хлопочи о полученном тычке. Кстати о тычке: читал ли ты в «Телескопе» статью Феофилакта Косичкина? Прости, кланяюсь тебе и твоим. Вчера Дона Соль получила при мне и Жуковском письмо от своего брата; он от имени Катерины Андреевны спрашивает у Жуковского его мнения: приезжать ли ей в Петербург или оставаться в Москве. Жуковский сказал, что если б он имел сто языков, то все бы они заговорили: приезжайте к нам, к нам, к нам. Себялюбие в сторону, я точно того же мнения; холера в Петербурге прекратилась, а у вас опять начинается. Экие времена! Варшава должна была быть взята 25 или 26; но еще известия нет.

3 сентября.

445. П. И. МИЛЛЕРУ.

Около (не ранее) 4 сентября 1831 г. в Царском Селе.

Очень благодарен вам, любезный Миллер, за статью Феофилакта Косичкина, я уже ее видел. Благодарю вас сердечно и за известие о взятии Варшавы. Поздравляю вас и весь мой Лицей. Преданный вам Пращур.

446. П. А. ОСИПОВОЙ.

11 сентября 1831 г. Из Царского Села в Тригорское.

Merci bien, Madame, pour la peine que vous vous donnez — de traiter avec les châtelains de Savkino. S'il y en a un de trop opiniâtre, n'y aurait-il pas moyen de s'arranger avec les deux autres en le laissant de côté? Au reste, rien ne presse: de nouvelles occupations vont me retenir à Pétersbourg au moins deux ou trois ans. J'en suis fâché: j'espérais les passer près de Trigorsk.

Ma femme vous est bien reconnaissante des lignes que vous avez bien voulu lui adresser. C'est une très bonne enfant, et qui est prête à vous aimer de tout son cœur.

Je ne vous parle pas de la prise de Varsovie. Vous jugez avec quel enthousiasme nous l'avons apprise, après 9 mois de désastre. Que dira l'Europe? voilà la question qui nous occupe.

Le choléra a fini ses ravages à Pétersbourg, mais il va faire sa tournée en province. Prenez bien garde, Madame. Vos maux d'estomac me font trembler. N'oubliez pas qu'on traite le choléra comme un simple empoisonnement: du lait et de l'huile — et gardez-vous de prendre du froid.

Adieu, Madame — daignez croire à mon respect et mon sincère attachement. Mes hommages à toute votre famille.

11 Sept. Sarsko-Sélo.

447. А. О. РОССЕТ.

Середина (после 10) сентября 1831 г. В Царском Селе.

Quoique vous connaissiez déjà ces vers, comme je viens d'en envoyer un exemplaire à M-me la comtesse de Lambert, il est juste que vous en ayez un pareil.

От Вас узнал я плен Варшавы...[1]

Vous aurez ce second vers dès que je vous l'aurai trouvé!

[1] См. т. III, стр. 218.

448. Е. М. ХИТРОВО.

Середина (после 10) сентября 1831 г.
Из Царского Села в Петербург.

I

Перед гробницею святой...[1]

Ces vers ont été écrits dans un moment où il était permis d'être découragé. Grâce à Dieu, ce moment n'est plus. Nous avons repris l'attitude que nous n'aurions pas dû perdre. Ce n'est plus celle que nous avait donnée le bras du prince votre père, mais elle est encore assez belle. Nous n'avons pas de mot pour exprimer celui de *résignation*, quoique cet état d'âme, ou, si vous l'aimez mieux cette vertu, soit tout à fait russe. Le mot de *столбняк* est encore ce qui le reproduit avec le plus de fidélité.

Quoique je ne vous aie pas importuné de mes lettres pendant ce temps de calamités, je n'ai pas manqué d'avoir de vos nouvelles, je savais que vous vous portiez bien et que vous vous amusiez, ce qui très certainement est digne du Décaméron. Vous avez lu en temps de peste, au lieu d'écouter des contes, c'est aussi très philosophique.

Je suppose que mon frère s'est trouvé à l'assaut de Varsovie; je n'en ai pas de nouvelles. Mais qu'il était temps de prendre Varsovie! Vous avez lu je suppose les vers de Joukovsky et les miens: pour Dieu, corrigez celui-ci.

Святыню всех твоих *градов*

Mettez: гробов. Il s'agit des tombeaux de Ярослав et de ceux des saints de Печора; cela est édifiant et présente un sens quelconque, *градов* ne signifie rien.

J'espère me présenter chez vous vers la fin de ce mois. Sarsko-Sélo est étourdissant; Pétersbourg est bien plus retraite.

449. П. И. МИЛЛЕРУ.

Первая половина сентября 1831 г. В Царском Селе.

Если есть в «Сыне отечества» ответ Феофилакту Косичкину, то пришлите мне, сделайте милость. Очень благодарен за «Телеграф».

А. П.

---

[1] См. т. III, стр. 208.

450. М. Д. ДЕЛАРЮ.

28 сентября 1831 г. Из Царского Села в Петербург.

Очень благодарю Вас, любезный Михайло Данилович, за Ваше письмо и известие. Я был в Петербурге и не знаю, как не попал к Вам. Сказывают, Вы были больны желчью. Избави Вас бог — и в какое время! — смотрите, чтоб холера не захватила Вас при своем отступлении. Вы нам нужны.

Вот письмо Геслингу — где он? что он? Доставьте это ему, сделайте одолжение, и будьте здоровы.

Сарское Село. 28 сент.

А. П.

451. Е. М. ХИТРОВО.

Конец сентября — начало октября 1831 г.
Из Царского Села в Петербург.

Merci, Madame, pour l'élégante traduction de l'ode — j'y ai remarqué deux inexactitudes et une erreur de copiste. *Иссякнуть* veut dire tarir; *скрижали* — tables, chroniques. *Измаильский штык* la bayonnette d'Ismaël — non d'Ismailof.

Il y a pour vous une lettre à Pétersbourg; c'est une réponse à la première que je reçus de vous. Faites-vous la donner — j'y ai joint l'ode à feu le prince votre père.

M-r Опочинин m'a fait l'honneur de passer chez moi — c'est un jeune homme bien distingué — je vous remercie de sa connaissance.

Ces jours-ci je suis à vos pieds.

452. П. В. НАЩОКИНУ.

7 октября 1831 г. Из Царского Села в Москву.

Жалею, любезный Павел Воинович, что дело разошлось за 5000. Всё-таки я тебе благодарен за твои хлопоты, а Догановскому и Жемчужникову за их снисхождение. Ты же не сердись. Они не поверили тебе, потому что тебя не знают; это в порядке вещей. Но кто, зная тебя, не поверит тебе на слово своего имения, тот сам не стоит никакой доверенности. Прошу тебя в последний раз войти с ними в сношение и предложить им твои готовые 15 т., а *остальные 5 заплачу я в течение трех месяцев*. Мне совестно быть неаккуратным, но я совершенно расстроился: женясь, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро. В Москве говорят, что я получаю 10 000 жалованья, но я покамест не вижу ни

полушки; если буду получать и 4000, так и то слава богу. Отвечай мне как можно скорее в Петербург, в Казачьем переулке в доме Дмитриева, О. С. Павлищевой, для доставления А. С. П. Прощай и будь здоров. Кланяюсь Ольге Андреевне и твоему наследнику.

7 окт. 1831. Весь твой Пушкин.
Сарское Село.

453. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Середина (около 15) октября 1831 г.
Из Царского Села в Москву.

Сейчас еду из Царского Села в Петербург. Мебели твои в целости оставлены мною здесь для того, чтобы доставить тебе прямо туда, где ты остановишься. Деньги тебе не выслал, ибо жду тебя сюда. Но когда же будешь ты? Ждем и не дождемся. Похлопочи о «Северных цветах», пришли нам своих стихов и проз, да у Языкова нет ли чего? я слышу, они с Киреевским затевают журнал; с богом! Да будут ли моды? важный вопрос. По крайней мере можно будет нам где-нибудь показаться — да и Косичкин этому рад. А то куда принужден он был приютиться! в «Телескоп»! легко сказать. Двор у вас. Жуковский и Россети в Петербурге. Жуковский написал пропасть хорошего и до сих пор всё еще продолжает. Переводит одну песнь из Marmion; славно. Каков Гогель? Повести мои печатаются. «Северные цветы» будут любопытны. Прощай, до свидания. Мой адрес: у Измайловского мосту на Воскресенской улице в доме Берникова.

454. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

Середина октября 1831 г. Из Царского Села в Петербург.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

Осмеливаюсь беспокоить Ваше высокопревосходительство покорнейшею просьбою о дозволении издать особою книгою стихотворения мои, напечатанные уже в течение трех последних лет.

В 1829 году Ваше высокопревосходительство изволили мне сообщить, что государю императору угодно было впредь положиться на меня в издании моих сочинений. Высочайшая доверенность налагает на меня обязанность быть к самому себе строжайшим цензором, и после того было бы для меня нескромностию вновь подвергать мои сочинения собственному рассмотрению его императорского величества. Но позвольте мне надеяться, что Ваше высо-

копревосходительство, по всегдашней ко мне благосклонности, удостоите меня предварительного разрешения.

С глубочайшим почтением, благодарностию и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

При сем препровождаю Вашему высокопревосходительству письмо, доставленное мне г. Погодиным.

455. С. С. УВАРОВУ.

21 октября 1831 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь
Сергей Семенович,

Князь Дундуков доставил мне прекрасные, истинно вдохновенные стихи, которые угодно было Вашей скромности назвать подражанием. Стихи мои послужили Вам простою темою для развития гениальной фантазии. Мне остается от сердца Вас благодарить за внимание, мне оказанное, и за силу и полноту мыслей, великодушно мне присвоенных Вами.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою.
21 октября 1831 г. Александр Пушкин.
СПб.

456. П. В. НАЩОКИНУ.

22 октября 1831 г. Из Петербурга в Москву.

Милый мой Павел Воинович, вот я в Петербурге, где я был принужден переменить мною нанятый дом. Пиши мне: *На Галерной в доме Брискорн.* Видел я Жемчужникова. Они согласились взять с меня 5000 векселем, а 15 000 получить тотчас. Как же мы сие сделаем? Не приехать ли мне самому в Москву? а мне что-то очень хочется с тобою поболтать, да я бы сам кой-какие дела обработал, например бриллианты жены моей, которые стараюсь спасти от банкрутства тещи моей и от лап Семена Федоровича. Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000 — и ничего своей внучке не дает. Наталья Николаевна брюхата — в мае

родит. Всё это очень изменит мой образ жизни; и обо всем надобно подумать.

Что-то Москва? как вы приняли государя и кто возьмется оправдать старинное московское хлебосольство? Бояра перевелись. Денег нет; нам не до праздников. Москва губернский город, получающий журналы мод. Плохо. Жду Вяземского; не знаю, не затею ли чего-нибудь литературного, журнала, альманака или тому подобного. Лень. Кстати, я издаю «Северные цветы» для братьев нашего покойного Дельвига; заставь их разбирать. Доброе дело сделаем. Повести мои напечатаны; на днях получишь. Поклон твоим. Обнимаю тебя от сердца.

22 окт.

457. Д. Н. БЛУДОВУ (?).

Вторая половина октября 1831 г. (?) В Петербурге.

(Черновое)

Сердечно благодарю Ваше высокопревосходительство за лестное участие, Вами оказываемое. Сегодня утром намеревался я приехать к Вам по долгу службы — по приказанию Вашему являюсь вечером.

С истинным...

458. П. И. МИЛЛЕРУ.

После 24 октября — начало ноября (?) 1831 г.
Из Петербурга (?) в Царское Село.

У меня взяли читать повести. Пришлю вам их как скоро получу. До свиданья.

А. П.

459. Е. Ф. РОЗЕНУ.

Октябрь — первая половина ноября 1831 г.
Из Царского Села в Петербург или в Петербурге.

Вот Вам, любезный барон, «Пир во время чумы» из Вильсоновой трагедии à effet; предприняв издание 3-го тома моих мелких стихотворений, не посылаю Вам некоторых из них, ибо, вероятно, они явятся прежде вашей «Альционы». Горю нетерпением прочитать Ваше предисловие к «Борису», думаю для второго издания

написать к Вам письмо, если позволите, и в нем изложить свои мысли и правила, коими руководствовался, сочиняя мою трагедию.

Весь Ваш А. П.

460. Н. М. ЯЗЫКОВУ.

18 ноября 1831 г. Из Петербурга в Москву.

Сердечно благодарю Вас, любезный Николай Михайлович, Вас и Киреевского за дружеские письма и за прекрасные стихи, если бы к тому присовокупили вы еще свои адресы, то я был бы совершенно доволен. Поздравляю всю братию с рождением «Европейца». Готов с моей стороны служить Вам чем угодно, прозой и стихами, по совести и против совести. Феофилакт Косичкин до слез тронут вниманием, коим удостоиваете Вы его; на днях получил он благодарственное письмо от А. Орлова и собирается отвечать ему; потрудитесь отыскать его (Орлова) и доставить ему ответ его друга (или от его друга, как пишет Погодин). Жуковский приехал; известия, им привезенные, очень утешительны; тысяча, пробитая Вами, очень поправит домашние обстоятельства нашей бедной литературы. Надеюсь на Хомякова: Самозванец его не будет уже студент, а стихи его всё будут по-прежнему прекрасны. Торопите Вяземского, пусть он пришлет мне своей прозы и стихов; стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правим тризну по Дельвиге. А вот как наших поминают! и кто же? друзья его! ей-богу, стыдно. Хвостов написал мне послание, где он помолодел и тряхнул стариной. Он говорит:

Приближася похода к знаку,
Я стал союзник Зодиаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пел при старости июль

и проч. в том же виде. Собираюсь достойно отвечать союзнику Водолея, Рака и Козерога. В прочем всё у нас благополучно.

461. Ф. Н. ГЛИНКЕ.

21 ноября 1831 г. Из Петербурга в Тверь.

Милостивый государь
Федор Николаевич,

Мы здесь затеяли в память нашего Дельвига издать последние «Северные цветы». Изо всех его друзей только Вас да Баратынского не досчитались мы на поэтической тризне; именно тех двух

поэтов, с коими, после лицейских его друзей, более всего был он связан. Мне говорят, будто Вы на меня сердиты; это не резон: сердце сердцем, а дружба дружбой. Хороши и те, которые ссорят нас бог ведает какими сплетнями. С моей стороны, моим искренним, глубоким уважением к Вам и Вашему прекрасному таланту я перед Вами совершенно чист.

Надеюсь еще на Вашу благосклонность и на Ваши стихи. Может быть, увижу Вас скоро; по крайней мере приятно кончить мне письмо мое сим желанием. Весь Ваш без церемонии

А. Пушкин.

21 н.

462. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

24 ноября 1831 г. В Петербурге.

Mon Général,

N'étant pas encore attaché définitivement au service et des affaires pressentes nécessitant ma présence à Moscou, je suis obligé de m'absenter pour deux ou trois semaines sans d'autre autorisation que celle de l'officier de quartier. Je crois de mon devoir d'en prévenir votre Excellence.

Je saisis cette occasion pour vous parler d'une chose qui m'est toute personnelle. L'intérêt que vous avez toujours daigné me témoigner, m'encourage à vous en parler en détail et en toute confiance.

Il y a un an à peu près que dans l'un de nos journaux on imprima un article satyrique dans lequel on parlait d'un certain littérateur qui manifestait des prétentions à une origine noble, tandis qu'il n'était qu'un bourgeois-gentilhomme. On ajoutait que sa mère était une mulâtre dont le père, pauvre négrillon, avait été acheté par un matelot pour une bouteille de rhum. Quoique Pierre le Grand ne ressemblât guère à un matelot ivre, c'était me désigner assez clairement, vu qu'il n'y a que moi de littérateur russe qui comptasse un nègre parmi mes ancêtres. Comme l'article en question était imprimé dans une gazette officielle, qu'on avait poussé l'indécence jusqu'à parler de ma mère dans un feuilleton qui ne devrait être que littéraire, et que nos gazetiers ne se battent pas en duel, je crus devoir répondre au satyrique *anonyme*, ce que je fis en vers et très vertement. J'envoyais ma réponse à feu Delvig, en le priant de l'insérer dans son journal. Delvig m'engagea à la supprimer, me faisant observer qu'il y aurait du ridicule à se défendre la plume à la main contre des attaques de cette nature et à afficher des sentiments aristocratiques, lorsqu'à tout prendre on n'était qu'un gentilhomme-bourgeois, sinon un bourgeois-gentilhomme. Je me rendis à son avis, et l'affaire en resta là: cependant il courut quelques copies de cette réponse, ce dont je ne suis pas fâché, attendu qu'il n'y a rien que je voulus désavouer. J'avoue que je tiens à ce qu'on appèlle des

préjugés: je tiens à être aussi bon gentilhomme que qui que ce soit, quoique cela ne rapporte pas grand'chose; je tiens beaucoup enfin au nom de mes ancêtres, puisque c'est le seul héritage qu'ils m'ont laissé.

Mais comme on pourrait prendre mes vers pour une satyre indirecte sur l'origine de quelques familles marquantes, si on ne savait que c'est une réponse très modérée à une provocation très repréhensible, je me suis fait un devoir de vous en donner franchement l'explication, et d'y joindre la pièce en question.

Agréez, Général, l'hommage de ma haute considération.

De Votre Excellence

le très humble et très obéissant serviteur

24 Nov. Alexandre Pouchkine.

St. P. b.

463. Е. М. ХИТРОВО.

Вторая половина октября—ноябрь 1831 г.
В Петербурге.

Merci beaucoup pour *le Garçon boucher*. Il y a du vrai talent dans tout cela. Mais Barnave... Barnave; voici Manzoni qui appartient au comte Litta. Veuillez le lui faire remettre et ne faites pas attention à mes prophéties.

464. НЕИЗВЕСТНОМУ.

После 5 декабря 1830 г.— ноябрь 1831 г. (?)
В Москве, или Царском Селе, или Петербурге.

A la lettre je n'ai pas le sou. Veuillez attendre un jour ou deux.

Tout à vous A. P.

465. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

6 декабря 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Сейчас приехал к *Нащокину на Пречистенском Валу, в дом г-жи Ильинской*. Завтра буду тебе писать. Сегодня мочи нет устал. Целую тебя, женка, мой ангел.

6 дек.

466. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

8 декабря 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Здравствуй, женка, мой ангел. Не сердись, что третьего дня написал я тебе только три строки; мочи не было, так устал. Вот тебе мой Itinéraire. Собирался я выехать в зимнем дилижансе, но мне объявили, что по причине оттепели должен я отправиться в летнем; взяли с меня лишних 30 рублей и посадили в четвероместную карету вместе с двумя товарищами. А я еще и человека с собою не взял в надежде путешествовать одному. Один из моих спутников был рижский купец, добрый немец, которого каждое утро душили мокроты и который на станции ровно час отхаркивался в углу. Другой мемельский жид, путешествующий на счет первого. Вообрази, какая веселая компания. Немец три раза в день и два раза в ночь аккуратно был пьян. Жид забавлял его во всю дорогу приятным разговором, например по-немецки рассказывал ему

Iwan Wižigin; (Ganz charmant!) Я старался их не слушать и притворялся спящим. Вслед за нами ехали в дилижансах трое купцов, княгиня Голицына (Ланская), приятель мой Жемчужников, фрейлина Кочетова и проч. Всё это останавливалось вместе; ни на минуту не было покоя; в Валдае принуждены мы были пересесть в зимние экипажи и насилу дотащились до Москвы. Нащокина не нашел я на старой его квартире; насилу отыскал его у *Пречистенских ворот в доме Ильинской* (не забудь адреса). Он всё тот же: очень мил и умен; был в выигрыше, но теперь проигрался, в долгах и хлопотах. Твою комиссию исполнил: поцеловал за тебя и потом объявил, что Нащокин дурак, дурак Нащокин. Дом его (помнишь?) отделывается; что за подсвечники, что за сервиз! он заказал фортепьяно, на котором играть можно будет пауку, и судно, на котором испразнится разве шпанская муха. Видел я Вяземских, Мещерских, Дмитриева, Тургенева, Чаадаева, Горчакова, Дениса Давыдова. Все тебе кланяются; очень расспрашивают о тебе, о твоих успехах; я поясняю сплетни, а сплетен много. Дам московских еще не видал; на балах и в собрание, вероятно, не явлюсь. Дело с Нащокиным и Догановским, вероятно, скоро кончу, о твоих бриллиантах жду известия от тебя. Здесь говорят, что я ужасный ростовщик; меня смешивают с моим кошельком. Кстати: я кошелек обратил в мошну и буду ежегодно праздновать родины и крестины, сверх положенных именин. Москва полна еще пребыванием двора, в восхищении от царя, и еще не отдохнула от балов; Цыхлер сделал в один месяц 80 тысяч чистого барыша. А. Корсакова выходит за князя Вяземского. Вот тебе все наши новости. Надеюсь увидеть тебя недели через две; тоска без тебя; к тому же с тех пор, как я тебя оставил, мне всё что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поедешь во дворец, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лестницы. Душа моя, женка моя, ангел мой! сделай мне такую милость: ходи два часа в сутки

по комнате, и побереги себя. Вели брату смотреть за собою и воли не давать. Брюллов пишет ли твой портрет? была ли у тебя Хитрова или Фикельмон? Если поедешь на бал, ради бога, кроме кадрилей не пляши ничего; напиши, не притесняют ли тебя люди, и можешь ли ты с ними сладить. Засим целую тебя сердечно. У меня гости.

8 дек.

467. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

10 декабря 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Я всё боюсь, чтоб ты не прислала билетов на старую квартиру Нащокина и тем не замедлила моих хлопот. Вот уж неделю, как я с тобою расстался, срок отпуску моему близок; а я затеваю еще дело, но оно меня не задержит. Что скажу тебе о Москве? Москва еще пляшет, но я на балах еще не был. Вчера обедал в Английском клубе; поутру был на аукционе Власова; вечер провел дома, где нашел студента дурака, твоего обожателя. Он поднес мне роман «Теодор и Розалия», в котором он описывает нашу историю. Умора. Всё это однако ж не слишком забавно, и меня тянет в Петербург. — Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т. е. в вашем Никитском доме, я еще не был. Не хочу, чтоб холопья ваши знали о моем приезде; да не хочу от них узнать и о приезде Натальи Ивановны, иначе должен буду к ней явиться и иметь с нею необходимую сцену; она всё жалуется по Москве на мое корыстолюбие, да полно, я слушаться ее не намерен. Целую тебя и прошу ходить взад и вперед по гостиной, во дворец не ездить и на балах не плясать. Христос с тобой.

10 дек.

468. Д. Н. БАНТЫШУ-КАМЕНСКОМУ.

14 декабря 1831 г. В Москве.

Милостивый государь
Дмитрий Николаевич,

К крайнему моему сожалению, сегодня мне никак нельзя исполнить давнишнее мое желание: познакомиться с почтенным историком Малороссии. Надеюсь, что в другой раз буду счастливее. Покамест прошу Ваше превосходительство принять изъявление глубочайшего почтения моего.

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
14 дек. А. Пушкин.

469. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

До 16 декабря 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Оба письма твои получил я вдруг, и оба меня огорчили и осердили. Василий врет, что он истратил на меня 200 рублей. Алешке я денег давать не велел, за его дурное поведение. За стол я заплачу по моему приезду; никто тебя не просил платить мои долги. Скажи от меня людям, что я ими очень недоволен. Я не велел им тебя беспокоить, а они, как я вижу, обрадовались моему отсутствию. Как смели пустить к тебе Фомина, когда ты принять его не хотела? да и ты хороша. Ты пляшешь по их дудке; платишь деньги, кто только попросит; эдак хозяйство не пойдет. Вперед, как приступят к тебе, скажи, что тебе до меня дела нет; а чтоб твои приказания были святы. С Алешкой разделаюсь по моем приезде. Василия, вероятно, принужден буду выпроводить с его возлюбленной — enfin de faire maison nette; всё это очень досадно. Не сердись, что я сержусь.

Дела мои затруднительны. Нащокин запутал дела свои более, нежели мы полагали. У него три или четыре прожекта, из коих ни на единый он еще не решился. К деду твоему явиться я не намерен. А делу его постараюсь помешать. Тебя, мой ангел, люблю так, что выразить не могу; с тех пор как здесь, я только и думаю, как бы удрать в Петербург — к тебе, женка моя.

Распечатываю письмо мое, мой милый друг, чтоб отвечать на твое. Пожалуйста не стягивайся, не сиди поджавши ноги, и не дружись с графинями, с которыми нельзя кланяться в публике. Я не шучу, а говорю тебе серьезно и с беспокойством. Письмо Бенкендорфа ты хорошо сделала, что отослала. Дело не о чине, а всё-таки нужное. Жду его. На днях опишу тебе мою жизнь у Нащокина, бал у Солдан, вечер у Вяземского — и только. Стихов твоих не читаю. Чёрт ли в них; и свои надоели. Пиши мне лучше о себе — о своем здоровье. На хоры не езди — это место не для тебя.

470. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

16 декабря 1831 г. Из Москвы в Петербург.

Милый мой друг, ты очень мила, ты пишешь мне часто, одна беда: письма твои меня не радуют. Что такое *vertige*? обмороки или тошнота? виделась ли ты с бабкой? пустили ли тебе кровь? Всё это ужас меня беспокоит. Чем больше думаю, тем яснее вижу, что я глупо сделал, что уехал от тебя. Без меня ты что-нибудь с собой да напроказишь. Того и гляди выкинешь. Зачем ты не ходишь? а дала мне честное слово, что будешь ходить по два часа

в сутки. Хорошо ли это? Бог знает, кончу ли здесь мои дела, но к празднику к тебе приеду. Голкондских алмазов дожидаться не намерен, и в новый год вывезу тебя в бусах. Здесь мне скучно; Нащокин занят делами, а дом его такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идет. С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход; всем до него нужда; всякий кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла нет свободного — что делать? Между тем денег у него нет, кредита нет — время идет, а дело мое не распутывается. Всё это поневоле меня бесит. К тому же я опять застудил себе руку, и письмо мое, вероятно, будет пахнуть бобковой мазью, как твои визитные билеты. Жизнь моя однообразная, выезжаю редко. Зван был всюду, но был у одной Солдан, да у Вяземской, у которой увидел я твоего Давыдова — не женатого (утешься). Вчера Нащокин задал нам цыганский вечер; я так от этого отвык, что от крику гостей и пенья цыганок до сих пор голова болит. Тоска, мой ангел — до свидания.

16 дек.

471. П. А. ОСИПОВОЙ.

Около 8—9 января 1832 г. Из Петербурга в Тригорское.

Recevez, Madame, mes bien sincères remerciements pour les soins que vous avez bien voulu vous donner avec mes livres. J'abuse de vos bontés et de votre temps, mais je vous supplie pour dernière grâce, de vouloir bien faire demander à nos gens de Михайловское s'il n'y a pas encore nu coffre, envoyé à la campagne avec les caisses qui contenaient mes livres. Je soupçonne qu'Архип ou d'autres en retiennent un à la prière de Nikita, mon domestique (à présent celui de Léon). Il doit contenir (j'entends le coffre et non Nikita) ses hardes, ses effets et aussi les miens, ainsi que quelques livres que je ne retrouve pas. Encore une fois je vous supplie de pardonner mon importunité, mais votre amitié et votre indulgence m'ont tout à fait gâté.

Je vous envoye, Madame, les «Северные цветы» dont je suis l'éditeur indigne. C'est la dernière année de cet almanach, et un tribut à la mémoire de notre ami, dont la perte nous sera longtemps récente. J'y joins des contes à dormir debout; je souhaite que cela vous amuse un moment.

Nous avons appris ici la grossesse de M-me votre fille. Dieu donne que tout cela finisse heureusement et que sa santé se rétablisse tout à fait. On dit que les premières couches embellissent une jeune femme; Dieu donne qu'elles soient aussi favorables à la santé.

Daignez, Madame, agréer l'hommage de ma haute considération et de mon inaltérable attachement.

A. P.

472. А. А. ОРЛОВУ.

24 ноября 1831 г. и 9 января 1832 г.
Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь
Александр Анфимович!

Искренно благодарю за удовольствие, доставленное мне письмом вашим. Радуюсь, что посильное заступление мое за даро-

вание, конечно, не имеющее нужду ни в чьем заступлении, заслужило вашу благосклонность. Вы оценили мое усердие, а не успех. Мал бех в братии моей, и если мой камышек угодил в медный лоб Голиафу Фиглярину, то слава создателю! Первая глава нового вашего «Выжигина» есть новое доказательство неистощимости вашего таланта. Но, почтенный Александр Анфимович! удержите сие благородное, справедливое негодование, обуздайте свирепость творческого духа вашего! Не приводите яростию пера вашего в отчаяние присмиревших издателей «Пчелы». Оставьте меня впереди соглядатаем и стражем. Даю вам слово, что если они чуть пошевельнутся, то Ф. Косичкин заварит такую кашу или паче кутью, что они ею подавятся. Читал я в «Молве» объявление о намерении вашем писать «Историю русского народа»: можно ли верить сей приятной новости?

С истинным почтением и неизменным усердием остаюсь всегда готовым к вашим услугам.

24 ноября 1831. А. Пушкин.
СПб.

P. S. Вот письмо, долженствовавшее к вам явиться, милостивый государь Александр Анфимович.

Но, отправляясь в Москву, я его к вам не отослал, а надеялся лично с вами увидеться. Судьба нас не свела, о чем искренно жалею. Повторяю здесь просьбу мою: оставьте в покое людей, которые не стóят и не заслуживают вашего гнева. Кажется, теперь г. Полевой нападает на вас и на меня: собираюсь на него рассердиться; покамест с ним возятся Воейков и Сомов под именем Н. Лугового — мое дело сторона.

1832 г. 9 янв. А. П.
СПб.

473. П. В. НАЩОКИНУ.

8 и 10 января 1832 г. Из Петербурга в Москву.

Здравствуй, любезный Павел Воинович, я всё ждал от тебя известия. Нетерпеливо желаю знать, чем кончилось посольство, какой ultimatum твоего брата, и есть ли тебе надежда устроить дела твои? Пожалуйста, не поленись обо всем обстоятельно мне описать. Да сделай одолжение: перешли мне мой *опекунский билет*, который оставил я в секретной твоей комоде; там же выронил я серебряную копеечку. Если и ее найдешь, и ее перешли. Ты их счастию не веруешь, а я верю. Что Рахманов и что мои алмазы? Нужно ли мне будет вступить с ним в переписку или нет? как ты думаешь? Кстати не забудь *Revue de Paris*. Напиши мне обстоятельно о посольстве своего немца. Дело любопытное. Когда дума-

ешь ты получить свои деньги, и не вступишь ли ты в процесс (чего боже избави, но чего, впрочем, бояться нечего). Жену мою нашел я здоровою, несмотря на девическую ее неосторожность — на балах пляшет, с государем любезничает, с крыльца прыгает. Надобно бабенку к рукам прибрать. Она тебе кланяется и готовит шитье. Ждет взяток обещанных. Sur ce обнимаю тебя. Ольге Андреевне посылаю фуляры.

8 янв. 1832.
СПб.

10 янв. Мой любезный Павел Воинович, дело мое может быть кончено на днях; коли бриллианты выкуплены, скажи мне адрес Рахманова. Я перешлю ему покамест 5 500 рублей; на эти деньги пусть перешлет он мне бриллианты (заложенные в 5 500). Остальные выкуплю, перезаложив сии. Сделай милость, не поленись отвечать мне. *Весь твой.*

474. М. О. СУДИЕНКЕ.

15 января 1832 г. Из Петербурга в Москву.

Боюсь я, любезный Михайло Осипович, чтоб долгая разлука совсем нас не раззнакомила: однако попытаюсь напомнить тебе о своем существовании и поговорить о важном для меня деле.

Надобно тебе сказать, что я женат около года и что вследствие сего образ жизни моей совершенно переменился, к неописанному огорчению Софьи Остафьевны и кавалергардских шаромыжников. От карт и костей отстал я более двух лет; на беду мою, я забастовал, будучи в проигрыше, и расходы свадебного обзаведения, соединенные с уплатою карточных долгов, расстроили дела мои. Теперь обращаюсь к тебе: 25 000, данные мне тобою заимообразно, на три или по крайней мере на два года, могли бы упрочить мое благосостояние. В случае смерти, есть у меня имение, обеспечивающее твои деньги.

Вопрос: можешь ли ты мне сделать сие, могу сказать, благодеяние? En fait de grands propriétaires трое только на сем свете состоят со мною в сношениях более или менее дружеских: ты, Яковлев и еще третий. Сей последний записал меня недавно в какую-то коллегию и дал уже мне (сказывают) 6 000 годового дохода; более от него не имею права требовать. К Яковлеву в прежнее время явился бы я со стаканчиками и предложил бы ему un petit déjeuner; но он скуп, и я никак не решусь просить у него денег взаймы. Остаешься ты. К одному тебе могу обратиться откровенно, зная, что если ты мне и откажешь, то это произойдет не от скупости или недоверчивости, а просто от невозможности.

Еще слово: если надежда моя не будет тщетна, то прошу тебя назначить мне свои проценты, не потому, что они были бы нужны для тебя, но мне иначе деньги твои были бы тяжелы. Жду ответа и дружески тебя обнимаю. Весь твой.

15 января. А. Пушкин.

Адрес мой — в Галерной дом Брискорн.

475. Д. Н. БЛУДОВУ.

20 января 1832 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Дмитрий Николаевич,

Письмо, коего Ваше превосходительство удостоили меня, получить имел я честь. Буду ожидать приказания Вашего, дабы приступить к делу, мне порученному.

С глубочайшим почтением честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
20 января 1832. Александр Пушкин.

476. А. Д. БАЛАШОВУ.

23 января 1832 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Дмитриевич,

Еще раз благодаря Ваше высокопревосходительство и прося извинения за ходатайство, коим Вам докучаю, препровождаю к Вам по приказанию Вашему г. Кнерцера, который лучше моего объяснит Вам свои предположения.

С глубочайшим почтением честь имею быть,
милостивый государь,
Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга
23 янв. 1832 Александр Пушкин.
СПб.

477. П. В. НАЩОКИНУ.

Около (не позднее) 29 января 1832 г.
Из Петербурга в Москву.

Твои дела кончены. Андрей Христофорович получил от меня 1000 на дорогу; остаюсь тебе должен две тысячи с чем-то. Если бы ты был ......, то я бы мог и их тебе заплатить.

Ради бога, доставь как можно скорее письмо Рахманову. Ты не хотел отвечать мне на мое письмо, а это сделает мне чувствительную разницу.

Очень благодарю тебя за арапа. Фуляры пришлю с Андреем Христофоровичем. Портрет мой Брюллов напишет на днях. Письмо твое о твоем брате ужасно хорошо. Кончил ли ты с ним? Прощай, до свидания.

478. Е. М. ХИТРОВО.

Конец (31?) января 1832 г. В Петербурге.

Très certainement je n'oublierai pas le bal de M-me l'ambassadrice et je vous demande la permission d'y présenter mon beau-frère Gontcharof. Je suis charmé qu'«Онегин» vous ait plu. Je tiens à votre suffrage.

Dimanche.

479. И. В. КИРЕЕВСКОМУ.

4 февраля 1832 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь
Иван Васильевич,

Простите меня великодушно за то, что до сих пор не поблагодарил я Вас за «Европейца» и не прислал Вам смиренной дани моей. Виною тому проклятая рассеянность петербургской жизни и альманахи, которые совсем истощили мою казну, так что не осталось у меня и двустишия на черный день, кроме повести, которую сберег и из коей отрывок препровождаю в Ваш журнал. Дай бог многие лета Вашему журналу! если гадать по двум первым № , то «Европеец» будет долголетен. До сих пор наши журналы были сухи и ничтожны или дельны, да сухи; кажется, «Европеец» первый соединит дельность с заманчивостию. Теперь несколько слов об журнальной экономии: в первых двух книжках Вы напечатали две капитальные пиесы Жуковского и бездну стихов Языкова; это неуместная расточительность. Между «Спящей царевной» и «Мышью Степанидой» должно было быть по крайней мере три нумера. Языкова довольно было бы двух пиес. Берегите его на черный день. Не то как раз промотаетесь и принуждены будете жить Раичем да Павловым. Ваша статья о «Годунове» и о «Наложнице» порадовала все сердца; насилу-то дождались мы истинной критики. NB. Избегайте ученых терминов; и старайтесь их переводить, то есть перефразировать: это будет и приятно неучам и полезно нашему младенчествующему языку.

Статья Баратынского хороша, но слишком тонка и растянута (я говорю о его антикритике). Ваше сравнение Баратынского с Миерисом удивительно ярко и точно. Его элегии и поэмы точно ряд прелестных миниатюров; но эта прелесть отделки, отчетливость в мелочах, тонкость и верность оттенков, всё это может ли быть порукой за будущие успехи его в комедии, требующей, как и сценическая живопись, кисти резкой и широкой? Надеюсь, что «Европеец» разбудит его бездействие. Сердечно кланяюсь Вам и Языкову.

4 янв.[1] *32*

480. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

7 февраля 1832 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

Ваше высокопревосходительство изволили требовать от меня объяснения, каким образом стихотворение мое «Дерево яда» было напечатано в альманахе без предварительного рассмотрения государя императора: спешу ответствовать на запрос Вашего высокопревосходительства.

Я всегда твердо был уверен, что высочайшая *милость,* коей неожиданно был я удостоен, не лишает меня и *права,* данного государем всем его подданным: печатать с дозволения цензуры. В течение последних шести лет во всех журналах и альманахах, с ведома моего и без ведома, стихотворения мои печатались беспрепятственно, и никогда не было о том ни малейшего замечания ни мне, ни цензуре. Даже я, совестясь беспокоить поминутно его величество, раза два обратился к Вашему покровительству, когда цензура недоумевала, и имел счастие найти в Вас более снисходительности, нежели в ней.

Имея необходимость объяснить лично Вашему высокопревосходительству некоторые затруднения, осмеливаюсь просить Вас назначить час, когда мне можно будет явиться.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга
7 янв.[1] 1832, СПб. Александр Пушкин.

---

[1] *Описка, вместо* февраля.

481. П. В. НАЩОКИНУ.

Первая половина (не позднее 11—12) февраля 1832 г.
Из Петербурга в Москву.

Посылаю тебе, любезный Павел Воинович, десяток фуляров; желаю, чтоб они тебе доставили десять дней спокойствия домашнего. О бриллиантах думать нечего; если завтра или послезавтра не получу ответа Рахманова, то деньги возвращаю, а дело сделаю после когда-нибудь. Всё у нас тихо и здорово. Обнимаю тебя сердечно.

482. И. И. ДМИТРИЕВУ.

14 февраля 1832 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь
Иван Иванович,

Приношу Вашему высокопревосходительству глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить,— драгоценный памятник Вашего ко мне благорасположения. Ваше внимание утешает меня в равнодушии непосвященных. Радуюсь, что успел Вам угодить стихами, хотя и белыми. Вы должны любить рифму, как верного слугу, который никогда с Вами не спорил и всегда повиновался малейшим Вашим прихотям. Утешительно для всякого русского видеть живость Вашей деятельности и внимательности: по физиологическим примечаниям, это порука в долголетии и здравии. Живите ж долго, милостивый государь! Переживите наше поколение, как мощные и стройные стихи Ваши переживут щедушные нынешние произведения.

Вероятно, вы изволите уже знать, что журнал «Европеец» запрещен вследствие доноса. Киреевский, добрый и скромный Киреевский, представлен правительству сорванцом и якобинцем! Все здесь надеются, что он оправдается и что клеветники — или по крайней мере клевета устыдится и будет изобличена.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

14 февраля.
СПб.

483. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

18—24 февраля 1832 г. В Петербурге.

(Черновое)

По приказанию Вашего высокопревосходительства препровождаю к Вам одно стихотворение, взятое от меня в альманах и уже пропущенное цензурою.

Я остановил его печатание до Вашего разрешения.

При сем случае приемлю смелость просить у Вашего высокопревосходительства дозволения откровенно объяснить мое положение. В 1827 году государю императору угодно было объявить мне, что у меня, *кроме его величества, никакого цензора не будет.* Сия неслыханная милость налагала на меня обязанность представлять на рассмотрение его величества сочинения, достойные его внимания, если не по достоинству их, то по крайней мере по их цели и содержанию. Мне всегда было тяжело и совестно озабочивать царя стихотворными безделицами, важными только для меня, ибо они доставляли мне 20 000 дохода, и одна сия необходимость заставляла меня пользоваться правом, данным мне государем.

Ныне Ваше высокопревосходительство, приняв в уважение сии мои . . . . . ., изволили приказать мне обращаться к Вашему высокопревосходительству с теми моими стихотворениями, которые я или журналисты пожелают напечатать. Позвольте доложить Вашему высокопревосходительству, что сие представляет разные неудобства. 1) Ваше высокопревосходительство не всегда изволите пребывать в Петербурге, а книжная *торговля,* как и всякая, имеет свои *сроки,* свои ярманки; так что оттого, что книга будет напечатана в марте, а не в январе, сочинитель может потерять несколько тысяч рублей, а журналист несколько сот подписчиков. 2) Подвергаясь один особой, от Вас единственно зависящей цензуре — я, вопреки права, данного государем, изо всех писателей буду подвержен самой стеснительной цензуре, ибо весьма простым образом — сия цензура будет смотреть на меня с предубеждением и находить везде тайные применения, allusions и затруднительности — а обвинения в применениях и подразумениях не имеют ни границ, ни оправданий, если под словом *дерево* будут разуметь конституцию, а под словом *стрела* самодержавие.

Осмеливаюсь просить об одной милости: впредь иметь право с мелкими сочинениями своими относиться к обыкновенной цензуре.

484. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

24 февраля 1832 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

С чувством глубочайшего благоговения принял я книгу, всемилостивейше пожалованную мне его императорским величеством. Драгоценный знак царского ко мне благоволения возбудит во мне силы для совершения предпринимаемого мною труда, и который будет ознаменован если не талантом, то по крайней мере усердием и добросовестностию.

Ободренный благосклонностию Вашего высокопревосходительства, осмеливаюсь вновь беспокоить Вас покорнейшею просьбою: о дозволении мне рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, пользовавшегося разными редкими книгами и рукописями, доставленными ему Шуваловым для составления его «Истории Петра Великого».

По приказанию Вашего высокопревосходительства препровождаю к Вам одно стихотворение, данное мною в альманах и пропущенное уже цензурою. Я остановил печатание оного до разрешения Вашего высокопревосходительства.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

24 февраля 1832.
СПб.

485. В. И. КИСТЕРУ.

Вторая половина (после 18) февраля 1832 г.
В Петербурге.

(Черновое)

Титулярный советник Пушкин просит г-на Кистера явиться к нему в Галерную в дом г-жи Брискорн для получения следующей ему суммы по векселю, данному в 1820 году.

486. Г. Г. ЧЕРНЕЦОВУ.

Апрель 1832 г. (?) В Петербурге.

Ты хотел видеть тифлисского живописца. Уговорись с ним, когда бы нам вместе к нему приехать — да можешь ли ты обедать завтра у меня?

А. П.

487. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

3 мая 1832 г. В Петербурге.

Mon Général!

Sa Majesté ayant daigné s'intéresser à mon sort, m'avait assigné des appointements. Mais comme j'ignore *d'où* je dois les recevoir et *à compter de quel jour*, je prends la liberté de m'adresser à votre Excellence, en la priant de me tirer d'incertitude. Veuillez pardonner mon importunité et l'accueillir avec Votre indulgence accoutumée.

Je suis avec respect,
Mon Général,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

3 mai 1832.

488. П. А. ОСИПОВОЙ.

16 (?) мая 1832 г. Из Петербурга в Тригорское.

M-r Алымов part cette nuit pour Pskov et Trigorsky, et il a bien voulu se charger d'une lettre pour vous, chère, bonne et respectable Прасковья Александровна. Je ne vous ai pas félicité sur la naissance d'un petit-fils. Dieu veuille que lui et sa mère se portent bien et que nous assistions tous à sa noce, si nous n'avons pu assister à son baptême. A propos de baptême, j'en aurai bientôt un на Фурштатской в доме Алымова. N'oubliez pas cette adresse, si vous voudrez m'écrire un mot. Je ne vous donne aucune nouvelle ni politique, ni littéraire. Je suppose que vous en êtes fatiguée, comme nous tous. Il n'est rien de plus sage que de rester dans son village et d'arroser ses choux. Vieille vérité dont tous les jours je me fais l'application au milieu d'une existence toute mondaine et toute bouleversée. Je ne sais si nous nous verrons cet été — c'est un de mes rêves; puisse-t-il s'accomplir.

Adieu, Madame, je vous salue bien tendrement, vous et toute votre famille.

489. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

27 мая 1832 г. В Петербурге.

Général,

Mademoiselle Kuchelbecker m'a fait demander si je ne prendrais pas sur moi d'être l'éditeur de quelques poèmes manuscrits que son frère lui a laissés. J'ai cru qu'il fallait pour cela l'autorisation de

Votre Excellence et que celle de la censure ne suffisait pas. J'ose espérer que cette permission que je sollicite ne pourra me nuire: ayant été camarade de collège de G. Kuchelbecker, il est naturel que sa soeur. en cette occasion, se soit adressée à moi plutôt qu'à tout autre.

Maintenant permettez-moi de vous importuner pour quelque chose qui m'est personnel. Jusqu'a présent j'ai beaucoup négligé mes moyens de fortune. Actuellement que je ne puis être insouciant sans manquer à mes devoirs, il faut que je songe à m'enrichir et j'en demande la permission à Sa Majesté. Mon service auquel Elle a daigné m'attacher, mes occupations littéraires m'obligent à demeurer à Pétersbourg, et je n'ai de revenu que ce que me procure mon travail. L'entreprise littéraire dont je sollicite l'autorisation et qui assurerait mon sort, serait d'être à la tête du journal dont M-r Joukovsky m'a dit vous avoir parlé.

Je suis avec respect, Général,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur

27 mai. Alexandre Pouchkine.

490. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.

4 июня 1832 г. Из Петербурга в Москву.

Сейчас от Хитровой. Elle est on ne peut plus touchée de l'état de Батюшков — elle s'offre de venir elle-même tenter le dernier remède avec une abnégation vraiment admirable. A propos d'abnégation: imaginez-vous que ma femme a eu la maladresse d'accoucher d'une petite litographie de ma personne. J'en suis au désespoir malgré toute ma fatuité.

491. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

8 июня 1832 г. В Петербурге.

Général,

Il y a deux ou trois ans que Monsieur Gontcharoff, le grand-père de ma femme, se trouvant pressé d'argent, fut sur le point de refondre une statue colossale de Catherine II, et c'est à votre Excellence que je m'adressai pour en obtenir la permission. Comme j'avais cru qu'il ne s'agissait que d'une masse informe de bronze, je ne demandais pas mieux. Mais il se trouva que la statue était une belle production de l'art, et j'eus conscience et regret de l'anéantir pour en tirer quelques milliers de roubles. Votre Excellence avec

sa bonté accoutumée m'avait fait espérer que le gouvernement pourrait me l'acheter; je l'ai donc fait venir ici. Si la fortune d'un particulier ne permet pas de l'acheter ni de la garder, cette belle statue pourrait convenablement être placée soit dans un des établissements fondés par l'Impératrice, soit à Zarskoe Sélo, où sa statue manque parmi les monuments qu'elle a fait élever aux grands hommes qui l'ont servie. J'en désirerai 25 000 roubles, ce qui est le quart de ce qu'elle a coutée (ce monument ayant été fondu en Prusse par un sculpteur de Berlin).

La statue est actuellement chez moi (Rue Фурштатская, maison d'Алымов).

Je suis avec respect, Général,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

8 Juin 1832.
St. Pb.

492. И. В. КИРЕЕВСКОМУ.

11 июля 1832 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь
Иван Васильевич,

Я прекратил переписку мою с Вами, опасаясь навлечь на Вас лишнее неудовольствие или напрасное подозрение, несмотря на мое убеждение, что уголь сажею не может замараться. Сегодня пишу Вам по оказии и буду говорить Вам откровенно. Запрещение Вашего журнала сделало здесь большое впечатление; все были на Вашей стороне, то есть на стороне совершенной безвинности; донос, сколько я мог узнать, ударил не из булгаринской навозной кучи, но из тучи. Жуковский заступился за Вас с своим горячим прямодушием; Вяземский писал к Бенкендорфу смелое, умное и убедительное письмо; Вы одни не действовали, и вы в этом случае кругом неправы. Как гражданин лишены Вы правительством одного из прав всех его подданных; Вы должны были оправдываться из уважения к себе и, смею сказать, из уважения к государю; ибо нападения его не суть нападения Полевого или Надеждина. Не знаю: поздно ли; но на Вашем месте я бы и теперь не отступился от сего оправдания; начните письмо Ваше тем, что, *долго ожидав запроса от правительства, Вы молчали до сих пор, но* etc. Ей-богу, это было бы не лишнее.

Между тем обращаюсь к Вам, к брату Вашему и к Языкову с сердечной просьбою. Мне разрешили на днях политическую и литературную газету. Не оставьте меня, братие! Если вы возьмете на себя труд, прочитав какую-нибудь книгу, набросать об ней не-

сколько слов в мою суму, то господь Вас не оставит. Николай Михайлович ленив, но так как у меня будет как можно менее стихов, то моя просьба не затруднит и его. Напишите мне несколько слов (не опасаясь тем повредить моей политической репутации) касательно предполагаемой газеты. Прошу у Вас советов и помощи.

11 июля.

Шутки в сторону: Вы напрасно полагаете, что Вы можете повредить кому бы то ни было Вашими письмами. Переписка с Вами была бы мне столь же приятна, как дружество Ваше для меня лестно. С нетерпением жду Вашего ответа — может быть, на днях буду в Москве.

493. М. П. ПОГОДИНУ.

11 июля 1832 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь,
Михайло Петрович,

Исполнив комиссию Вашу касательно Смирдина и не получив от него удовлетворительного ответа, я всё не решался писать Вам об оном. Варварство нашей литературной торговли меня бесит. Смирдин опутал сам себя разными обязательствами, накупил романов и тому под., и ни к каким условиям не приступает; трагедии нынче не раскупаются, говорит он своим техническим языком. Переждем же и мы. Мне сказывают, что Вас где-то разбранили за «Посадницу»: надеюсь, что это никакого влияния не будет иметь на Ваши труды. Вспомните, что меня лет 10 сряду хвалили бог весть за что, а разругали за «Годунова» и «Полтаву». У нас критика, конечно, ниже даже и публики, не только самой литературы. Сердиться на нее можно, но доверять ей в чем бы то ни было — непростительная слабость. Ваша «Марфа», Ваш «Петр» исполнены истинной драматической силы, и если когда-нибудь могут быть разрешены сценическою цензурой, то предрекаю Вам такой народный успех, какого мы, холодные северные зрители Скрибовых водевилий и Дидлотовых балетов, и представить себе не можем.

Знаете ли Вы, что государь разрешил мне политическую газету? Дело важное, ибо монополия Греча и Булгарина пала. Вы чувствуете, что дело без Вас не обойдется. Но журнал будучи торговым предприятием, я ни к чему приступить не дерзаю, ни к предложениям, ни к условиям, покамест порядком не осмотрюсь; не хочу продать Вам кожу медведя еще живого, или собрать подписку на «Историю русского народа», существующую только в нелепой башке моей... Кстати: скажите Надеждину, что опрометчи-

вость его суждений непростительна. Недавно прочел я в его журнале сравнение между мной и Полевым; *оба-де морочат публику: один выманивает у ней деньги, выдавая по одной главе своего «Онегина», а другой — по одному тому своей «Истории».* Разница *собрать подписку, обещавшись* в год выдать 12 томов, а между тем в три года напечатать три тома на проценты с выманенных денег, и разница напечатать по главам сочинение, о котором сказано в предисловии: *вот начало стихотворения, которое, вероятно, никогда не будет кончено.* Надеждин волен находить мои стихи дурными, но сравнивать меня с плутом есть с его стороны свинство. Как после этого порядочному человеку связываться с этим народом? И что́, если бы еще должны мы были уважать мнения Булгарина, Полевого, Надеждина? приходилось бы стреляться после каждого нумера их журналов. Слава богу, что общее мнение (каково бы оно у нас ни было) избавляет нас от хлопот.

Я Шишкову не отвечал и не благодарил его. Обнимите его за меня. Дай бог ему здоровия за «Фортуната»! Не будете ли Вы к нам? Эй, приезжайте.

11 июля.

494. Д. И. ХВОСТОВУ.

2 августа 1832 г. В Петербурге.

Милостивый государь
граф Дмитрий Иванович,

Жена моя искренно благодарит Вас за прелестный и неожиданный подарок. Позвольте и мне принести Вашему сиятельству сердечную мою благодарность. Я в долгу перед Вами: два раза почтили вы меня лестным ко мне обращением и песнями лиры заслуженной и вечно юной. На днях буду иметь честь явиться с женою на поклонение к нашему славному и любезному патриарху.

С глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

495. М. П. ПОГОДИНУ.

Первая половина сентября 1832 г.
Из Петербурга в Москву.

Какую программу хотите Вы видеть? Часть политическая — официально ничтожная; часть литературная — существенно ничтожная; известия о курсе, о приезжающих и отъезжающих: вот вам и вся программа. Я хотел уничтожить монополию, и успел. Остальное мало меня интересует. Газета моя будет немного похуже «Северной пчелы». Угождать публике я не намерен; браниться с журналами хорошо раз в пять лет, и то Косичкину, а не мне. Стихотворений помещать не намерен, ибо и Христос запретил метать бисер перед публикой; на то проза-мякина. Одно меня задирает: хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы. Сказать единожды вслух, что Lamartine скучнее Юнга, а не имеет его глубины, что Béranger не поэт, что V. Hugo не имеет жизни, т. е. истины; что романы A. Vigny хуже романов Загоскина; что их журналы невежды; что их критики почти не лучше наших Теле-скопских и графских. Я в душе уверен, что 19-й век, в сравнении с 18-м, в грязи (разумею во Франции). Проза едва-едва выкупает гадость того, что зовут они поэзией.

О Вашем клиенте Годунове поговорим после. На днях еду в Москву и надеюсь с Вами увидеться.

496. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

22 сентября 1832 г. Из Москвы в Петербург.

Четверг. Не сердись, женка; дай слово сказать. Я приехал в Москву, вчера, в середу. Велосифер, по-русски поспешный дилижанс, несмотря на плеоназм, поспешал как черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случилось мне сделать три станции. Лошади расковывались, и — неслыханная вещь! — их подковывали на дороге. 10 лет езжу я по большим дорогам, отроду не видывал ничего подобного. Насилу дотащился в Москву, -------------- дождем и встревоженную приездом двора. Теперь послушай, с кем я путешествовал, с кем провел я пять дней и пять ночей. То-то будет мне гонка! с пятью немецкими актрисами, в желтых кацавейках и в черных вуалях. Каково? Ей-богу, душа моя, не я с ними кокетничал, они со мною амурились в надежде на лишний билет. Но я отговаривался незнанием немецкого языка и, как маленький Иосиф, вышел чист от искушения. Приехав в Москву, поскакал отыскивать Нащокина, нашел его по-прежнему озабоченным домашними обстоятельствами, но уже спокойнее в сношениях со своею Сарою. Он кокю, и видит, что это состояние

приятное и независимое. Он ездил со мною в баню, обедал у меня. Завез меня к княгине Вяземской, княгиня завезла меня во Французский театр, где я чуть было не заснул от скуки и усталости. Приехал к Оберу и заснул в 10 часов вечера. Вот тебе весь мой день; писать не было мне ни времени, ни возможности физической. Государь здесь со 20-го числа и сегодня едет к вам, так что с Бенкендорфом не успею увидеться, хоть было бы и нужно. Великая княгиня была очень больна, вчера было ей легче, но двор еще беспокоен, и государь не принял ни одного праздника. Видел Чаадаева в театре, он звал меня с собою повсюду, но я дремал. Дела мои, кажется, скоро могут кончиться, а я, мой ангел, не мешкая ни минуты, поскачу в Петербург. Не можешь вообразить, какая тоска без тебя. Я же всё беспокоюсь, на кого покинул я тебя! на Петра, сонного пьяницу, который спит, не проспится, ибо он и пьяница и дурак; на Ирину Кузьминичну, которая с тобою воюет; на Ненилу Ануфриевну, которая тебя грабит. А Маша-то? что ее золотуха и что Спасский? Ах, женка душа! что с тобою будет? Прощай, пиши.

497. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

25 сентября 1832 г. Из Москвы в Петербург.

Какая ты умненькая, какая ты миленькая! какое длинное письмо! как оно дельно! благодарствуй, женка. Продолжай, как начала, и я век за тебя буду бога молить. Заключай с поваром какие хочешь условия, только бы не был я принужден, отобедав дома, ужинать в клобе. Каретник мой плут; взял с меня за починку 500 руб., а в один месяц карета моя хоть брось. Это мне наука: не иметь дела с полуталантами. Фрибелиус или Иохим взяли бы с меня 100 р. лишних, но зато не надули бы меня. Ради бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью. Я твоей Уткиной плохо верю. Кстати: смотри, не брюхата ли ты, а в таком случае береги себя на первых порах. Верхом не езди, а кокетничай как-нибудь иначе. Здесь о тебе все отзываются очень благосклонно. Твой Давыдов, говорят, женится на дурнушке. Вчера рассказали мне анекдот, который тебе сообщаю. В 1831 году, февраля 18, была свадьба на Никитской, в приходе Вознесения. Во время церемонии двое молодых людей разговаривали между собою. Один из них нежно утешал другого, несчастного любовника венчаемой девицы. А несчастный любовник, с воздыханием и слезами, надеялся со временем забыть безумную страсть etc. etc. etc. Княжны Вяземские слышали весь разговор и думают, что несчастный любовник был Давыдов. А я так думаю, Петушков или Буянов или паче Сорохтин. Ты как? не правда ли, интересный анекдот? Твое намерение съездить к Плетневу похвально, но соберешься ли ты? съезди, женка, спасибо скажу. Что люди наши? каково с ними

ладишь? Вчера был я у Вяземской, у ней отправлялся обоз, и я было с ним отправил к тебе письмо, но письмо забыли, а я его тебе препровождаю, чтоб не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства. Нащокин мил до чрезвычайности. У него проявились два новые лица в числе челядинцев. Актер, игравший вторых любовников, ныне разбитый параличом и совершенно одуревший, и монах, перекрест из жидов, обвешанный веригами, представляющий нам в лицах жидовскую синагогу и рассказывающий нам соблазнительные анекдоты о московских монашенках. Нащокин говорит ему: ходи ко мне всякий день обедать и ужинать, волочись за моею девичьей, но только не сводничай Окулову. Каков отшельник? он смешит меня до упаду, но не понимаю, как можно жить окруженным такою сволочью. Букли я отослал к Малиновским, они велели звать меня на вечер, но, вероятно, не поеду. Дела мои принимают вид хороший. Завтра начну хлопотать, и если через неделю не кончу, то оставлю всё на попечение Нащокину, а сам отправлюсь к тебе — мой ангел, милая моя женка. Покамест прощай, Христос с тобою и с Машей. Видишь ли ты Катерину Ивановну? сердечно ей кланяюсь, и целую ручку ей и тебе, мой ангел.

Воскресение.

Важное открытие: Ипполит говорит по-французски.

498. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

27 сентября 1832 г. Из Москвы в Петербург.

Вчера только успел отправить письмо на почту, получил от тебя целых три. Спасибо, жена. Спасибо и за то, что ложишься рано спать. Нехорошо только, что ты пускаешься в разные кокетства; принимать Пушкина тебе не следовало, во-первых, потому, что при мне он у нас ни разу не был, а во-вторых, хоть я в тебе и уверен, но не должно свету подавать повод к сплетням. Вследствие сего деру тебя за ухо и целую нежно, как будто ни в чем не бывало. Здесь я живу смирно и порядочно; хлопочу по делам, слушаю Нащокина и читаю Mémoires de Diderot. Был вечор у Вяземской и видел у ней le beau Bézobrazof, который так же нежно обошелся со мною, как Александров у Бобринской. Помнишь? Это весьма тронуло мое сердце. Прощай. Кто-то ко мне входит.

Фальшивая тревога: Ипполит принес мне кофей. Сегодня еду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник — а в Московском университете я оглашенный. Мое появление произведет шум и соблазн, а это приятно щекотит мое самолюбие.

Опять тревога — Муханов прислал мне разносчика с пастилою. Прощай. Христос с тобою и с Машею.

Вторник.

Целую ручку у Катерины Ивановны. Не забудь же.

499. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

Около (не позднее) 30 сентября 1832 г.
Из Москвы в Петербург.

Вот видишь, что я прав: нечего было тебе принимать Пушкина. Просидела бы ты у Идалии и не сердилась на меня. Теперь спасибо за твое милое, милое письмо. Я ждал от тебя грозы, ибо, по моему расчету, прежде воскресенья ты письма от меня не получила; а ты так тиха, так снисходительна, так забавна, что чудо. Что это значит? Уж не кокю ли я? Смотри! Кто тебе говорит, что я у Баратынского не бываю? Я и сегодня провожу у него вечер, и вчера был у него. Мы всякий день видимся. А до жен нам и дела нет. Грех тебе меня подозревать в неверности к тебе и в разборчивости к женам друзей моих. Я только завидую тем из них, у коих супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны etc. etc. Знаешь русскую песню —

Не дай бог хорошей жены,
Хорошу жену часто в пир зовут.

А бедному-то мужу во чужом пиру похмелье, да и в своем тошнит.— Сейчас от меня — альманашник. Насилу отговорился от него. Он стал просить стихов для альманаха, а я статьи для газеты. Так и разошлись. На днях был я приглашен Уваровым в университет. Там встретился с Каченовским (с которым, надобно тебе сказать, бранивались мы, как торговки на вшивом рынке). А тут разговорились с ним так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления. Передай это Вяземскому. Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься. Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе; докажу после. На днях был я на бале (у княгини Вяземской; следственно, я прав). Тут была графиня Сологуб, графиня Пушкина (Владимир), Aurore, ее сестра, и Natalie Урусова. Я вел себя прекрасно; любезничал с графиней Сологуб (с теткой, entendons-nous) и уехал ужинать к Яру, как скоро бал разыгрался. Дела мои идут своим чередом. С Нащокиным вижусь всякий день. У него в *домике* был пир: подали на стол мышонка в сметане под хреном в виде поросенка. Жаль, не было гостей. По своей духовной домик этот отказывает он тебе. Мне пришел в голову роман, и я, вероятно,

за него примусь; но покамест голова моя кругом идет при мысли о газете. Как-то слажу с нею? Дай бог здоровье Отрыжкову; авось вывезет. Целую Машу и благословляю, и тебя тоже, душа моя, мой ангел. Христос с вами.

500. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

Около (не позднее) 3 октября 1832 г.
Из Москвы в Петербург.

По пунктам отвечаю на твои обвинения. 1) Русский человек в дороге не переодевается и, доехав до места свинья свиньею, идет в баню, которая наша вторая мать. Ты разве не крещеная, что всего этого не знаешь? 2) В Москве письма принимаются до 12 часов — а я въехал в Тверскую заставу ровно в 11, следственно, и отложил писать к тебе до другого дня. Видишь ли, что я прав, а что ты кругом виновата? виновата 1) потому, что всякий вздор забираешь себе в голову, 2) потому, что пакет Бенкендорфа (вероятно, важный) отсылаешь, с досады на меня, бог ведает куда, 3) кокетничаешь со всем дипломатическим корпусом, да еще жалуешься на свое положение, будто бы подобное нащокинскому! Женка, женка!.. но оставим это. Ты, мне кажется, воюешь без меня дома, сменяешь людей, ломаешь кареты, сверяешь счеты, доишь кормилицу. Ай-да хват баба! что хорошо, то хорошо. Здесь я не так-то деятелен. Насилу успел написать две доверенности, а денег не дождусь. Оставлю неоконченное дело на попечение Нащокину. Брат Дмитрий Николаевич здесь. Он в Калуге никакого не нашел акта, утверждающего болезненное состояние отца, и приехал хлопотать о том сюда. С Натальей Ивановной они сошлись и помирились. Она не хочет входить в управление имения и во всем полагается на Дмитрия Николаевича. Отец поговаривает о духовной; на днях будет он освидетельствован гражданским губернатором. К тебе пришлют для подписания доверенность. Катерина Ивановна научит тебя, как со всем этим поступить. Вяземские едут после 14-го. А я на днях. Следственно, нечего тебе и писать. Мне без тебя так скучно, так скучно, что не знаю, куда головы преклонить. Хочешь комеражей? Горсткина вчера вышла за князя Щербатова, за младенца. Красавец Безобразов кружит здешние головки, причесанные à la Ninon домашними парикмахерами. Князь Урусов влюблен в Машу Вяземскую (не говори отцу, он станет беспокоиться). Другой Урусов, говорят, женится на Бороздиной-соловейке. Москва ожидает царя к зиме, но, кажется, напрасно. Прощай, мой ангел, целую тебя и Машу. Прощай, душа моя. Христос с тобою.

501. П. В. НАЩОКИНУ.

2 декабря 1832 г. Из Петербурга в Москву.

Сие да будет моим оправданием в неаккуратности. Приехав сюда, нашел я большие беспорядки в доме, принужден был выгонять людей, переменять поваров, наконец нанимать новую квартеру и, следственно, употреблять суммы, которые в другом случае оставались бы неприкосновенными. Надеюсь, что теперь получил ты, любезный Павел Воинович, нужные бумаги для перезалога; и что получишь ломбардные деньги беспрепятственно; в таком случае, извинив меня (как можешь) перед Федором Даниловичем, отдай ему его тысячу, а другую возьми себе, ибо, вероятно, тебе она нужна будет, остальной же долг получишь в январе — как я уже распорядился, продав Смирдину второе издание «Онегина». Sur ce поговорим о деле: честь имею тебе объявить, что первый том «Островского» кончен и на днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение и под критику г. Короткого. Я написал его в две недели, но остановился по причине жестокого рюматизма, от которого пространал другие две недели, так что не брался за перо и не мог связать две мысли в голове. Что твои мемории? Надеюсь, что ты их не бросишь. Пиши их в виде писем ко мне. Это будет и мне приятнее, да и тебе легче. Незаметным образом вырастет том, а там поглядишь — и другой. Мой журнал остановился, потому что долго не приходило разрешение. Нынешний год он издаваться не будет. Я и рад. К будущему успею осмотреться и приготовиться; покамест буду жаться понемногу. Мою статую еще я не продал, но продам во что бы ни стало. К лету будут у меня хлопоты. Наталья Николаевна брюхата опять, и носит довольно тяжело. Не приедешь ли ты крестить Гаврила Александровича? Я такого мнения, что Петербург был бы для тебя пристанью и ковчегом спасения. Скажи Баратынскому, что Смирдин в Москве и что я говорил с ним о издании «Полных стихотворений Евгения Баратынского». Я говорил о 8 и о 10 тыс., а Смирдин боялся, что Баратынский не согласится; следственно, Баратынсккй может с ним сделаться? Пускай он попробует. Что Вельтман? каковы его обстоятельства и что его опера? Прощай, кланяюсь твоим — целую Павла.

2 окт. [1] П. Б.

В Морской в доме Жадимировского.

---

[1] *Описка, вместо* декабря.

502. Е. М. ХИТРОВО.

Август—первая половина сентября
или конец октября—декабрь 1832 г. В Петербурге.

Ma foi oui — le joli frère est bien mal, hier je l'ai emmené chez moi. Il est entre la folie et la mort, dans une heure nous aurons le crise — et vous en aurez des nouvelles.

Comment n'avez-vous pas honte d'avoir parlé si légèrement de *Karr*. Son roman a du génie et vaut bien le marivaudage de votre Balzac. Adieu, belle et bonne.

503. П. С. САНКОВСКОМУ.

3 января 1833 г. Из Петербурга в Тифлис.

J'ai tant de torts envers vous, j'ai l'air si ingrât, que je suis tout honteux de vous écrire. M-r Kasassi m'avait apporté une bien aimable lettre de votre part; vous m'y demandiez des vers pour un almanach que vous aviez l'intention de faire paraître pour cette année-ci. J'ai tardé à vous répondre pour une bonne raison: je n'avais rien à vous envoyer et j'attendais toujours un moment d'inspiration comme on dit, c'est à dire, un moment de griffomanie. Et bien, l'inspiration n'est pas venue, je n'ai pas écrit un vers depuis deux ans — et voilà comment la bonne intention que j'avais de vous faire hommage de mes pauvres rimes est allée paver l'enfer. Pour Dieu, ne m'en voulez pas, et plaignez-moi de ne jamais faire ce que j'aurais dû ou voulu.

J'avais chargé Ширяев de vous faire parvenir tout ce que j'ai imprimé depuis que je suis de retour de Tiflis — j'ignore s'il s'en est acquitté. Quant à moi, j'ai bien des grâces à vous rendre pour l'envoi du journal de Tiflis — le seul d'entre ceux de Russie que ait une couleur originale et où se rencontrent des articles d'un intérêt véritable et Européen. Si vous voyez quelquefois A. Бестужев, faites lui bien mes amitiés. Nous nous sommes rencontrés sur le Гут-гора sans nous reconnaître et depuis je n'ai eu de ses nouvelles que par les journaux où il imprimait ses charmantes nouvelles. On avait répandu ici la nouvelle de sa mort, nous l'avons pleuré bien sincèrement, et nous sommes bien réjouis à sa résurrection в третий день по писанию.

Cette lettre vous sera remise par M-r Rossetti, jeune homme plein de mérite et qui va quitter un monde brillant et une existence frivole et dissipée, pour le sévère métier de soldat géorgien. Nous vous le recommandons, et nous sommes persuadés que vous nous remercierez de cette connaissance.

Agréez, Monsieur, l'assurance de ma hauts considération.

3 janvier 1833. Alexandre Pouchkine.
St-P.

504. НЕИЗВЕСТНОЙ.

Декабрь 1832 г.— 6 января 1833 г. В Петербурге.
(Черновое)

Jugez de mon désespoir lorsqu'un ivrogne m'a rapporté aujourd'hui une réponse que j'avais faite hier à l'aimable billet que vous avez bien voulu m'écrire.

505. А. И. ЧЕРНЫШЕВУ.

9 февраля 1833 г. В Петербурге.

Милостивый государь
граф Александр Иванович,

Приношу Вашему сиятельству искреннейшую благодарность за внимание, оказанное к моей просьбе.

Следующие документы, касающиеся истории графа Суворова, должны находиться в архивах главного штаба:

1) Следственное дело о Пугачеве
2) Донесения графа Суворова во время кампании 1794 года
3) Донесения его 1799 года
4) Приказы его к войскам.

Буду ожидать от Вашего сиятельства позволения пользоваться сими драгоценными материалами.

С глубочайшим почтением честь имею быть, милостивый государь,

Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

7[1] февр. 1833.
СПб.

506. П. В. НАЩОКИНУ.

Около (не позднее) 25 февраля 1833 г.
Из Петербурга в Москву.

Что, любезный Павел Воинович? получил ли ты нужные бумаги, взял ли ты себе малую толику, заплатил Федору Даниловичу, справил ли остальную тысячу с ломбарда, пришлешь ли мне что-нибудь? Коли ничто еще не сделано, то сделай вот что: *2525 рублей доставь, сделай одолжение, сенатору Михаилу Александровичу Салтыкову, живущему на Маросейке, в доме Бубуки, и возьми с него расписку.* Это нужно, и для меня очень неприятно.

Что твои дела? За глаза я всё боюсь за тебя. Всё мне кажется, что ты гибнешь, что Вейер тебя топит, а Рахманов на пле-

---

[1] *Описка, вместо* 9.

чах у тебя. Дай бог мне зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведем тебя с сожительницей, заведем мельницу в Тюфлях, и заживешь припеваючи и пишучи свои записки. Жизнь моя в Петербурге ни то ни сё. Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде — всё это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения.

Вот как располагаю я моим будущим. Летом, после родов жены, отправляю ее в калужскую деревню к сестрам, а сам съезжу в Нижний да, может быть, в Астрахань. Мимоездом увидимся и наговоримся досыта. Путешествие нужно мне нравственно и физически.

507. А. И. ЧЕРНЫШЕВУ.

27 февраля 1833 г. В Петербурге.

Милостивый государь
граф Александр Иванович,

Приношу Вашему сиятельству глубочайшую мою благодарность за книги, которые доставлены мне от имени Вашего. Почитаю обязанностию в точности исполнить приказания Вашего сиятельства и препоручаю себя и впредь высокой Вашей благосклонности.

С душевным почтением и совершенной преданностию имею честь быть, милостивый государь,

Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

27 февр. 1833.
СПб.

508. М. П. ПОГОДИНУ.

5 марта 1833 г. Из Петербурга в Москву.

По секрету.

Вот в чем дело: по уговору нашему, долго собирался я улучить время, чтоб выпросить у государя вас в сотрудники. Да всё как-то не удавалось. Наконец на масленице царь заговорил как-то со мною о Петре I, и я тут же и представил ему, что трудиться мне одному над архивами невозможно и что помощь просвещенного, умного и деятельного ученого мне необходима. Государь спросил, кого же мне надобно, и при вашем имени было нахмурился — (он смешивает вас с Полевым; извините великодушно;

он литератор не весьма твердый, хоть молодец и славный царь). Я кое-как успел вас отрекомендовать, а Д. Н. Блудов всё поправил и объяснил, что между вами и Полевым общего только первый слог ваших фамилий. К сему присовокупился и благосклонный отзыв Бенкендорфа. Таким образом дело слажено; и архивы вам открыты (кроме тайного). Теперь остается решить, на каком основании намерены вы приступить к делу: думаю, что вам надо требовать вашего адъюнктского жалования, во всё время ваших трудов — и только. А труды ваши не пропадут ни в каком отношении. Ибо всё, елико можно будет напечатать, напечатаете *вы и для себя;* это будет вам и приятно и выгодно. Сколько отдельных книг можно составить тут! сколько творческих мыслей тут могут развиться! С вашей вдохновенной деятельностию, с вашей чистой добросовестностию — вы произведете такие чудеса, что мы и потомство наше будем за вас бога молить, как за Шлецера и Ломоносова.

Напишите же мне *официальное* письмо, которое мог бы я показать Блудову; и я поспешу всё здесь окончить. Ожидаю вас с распростертыми объятиями.

5 марта.

509. А. И. ЧЕРНЫШЕВУ.

8 марта 1833 г. В Петербурге.

Милостивый государь
граф Александр Иванович,

Доставленные мне по приказанию Вашего сиятельства из Московского отделения Инспекторского архива книги получить имел я честь. Принося Вашему сиятельству глубочайшую мою благодарность, осмеливаюсь беспокоить Вас еще одною просьбою; благосклонность и просвещенная снисходительность Вашего сиятельства совсем избаловали меня.

В бумагах касательно Пугачева, полученных мною пред сим, известия о нем доведены токмо до назначения генерала-аншефа Бибикова, но донесений сего генерала в военную коллегию, так же как и рапортов князя Голицына, Михельсона и самого Суворова — тут не находится. Если угодно будет Вашему сиятельству оные донесения и рапорты (с января 1774 по конец того же года) приказать мне доставить, то почту сие за истинное благодеяние.

С глубочайшим почтением, преданностию и благодарностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

8 марта 1833.
СПб.

510. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

28 марта 1833 г. В Петербурге.

Я надеялся быть сегодня у Вашего сиятельства и услышать трагедию г. Якимова — но невозможно. Мне назначили деловое свидание к 8 часам, и я жертвую Вами и Шекспиром подьяческим разговорам. Однако до свидания.

Искренне Вас уважающий
А. Пушкин.

511. А. П. ЕРМОЛОВУ.

Начало апреля 1833 г. Из Петербурга в Осоргино.

(Черновое)

Собирая памятники отечественной истории, напрасно ожидал я, чтобы вышло наконец описание Ваших закавказских подвигов. До сих пор поход Наполеона затемняет и заглушает всё — и только некоторые военные люди знают, что́ в то же самое время происходило на Востоке.

Обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с просьбою о деле для меня важном. Знаю, что Вы неохотно решитесь ее исполнить. Но Ваша слава принадлежит России, и Вы не вправе ее утаивать. Если в праздные часы занялись Вы славными воспоминаниями и составили записки о своих войнах, то прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем. Если ж Ваше равнодушие не допустило Вас сие исполнить, то я прошу Вас дозволить мне быть Вашим историком, даровать мне краткие необходимейшие сведения и etc.

512. И. Т. КАЛАШНИКОВУ.

Начало апреля 1833 г. В Петербурге.
(Черновое)

Искренно благодарю Вас за письмо, коего Вы меня удостоили. Удовольствие читателей, коих уважаем, есть лучшая из всех наград.

Вы спрашиваете моего мнения о «Камчадалке». Откровенность под моим пером может показаться Вам простою учтивостию. Я хочу лучше повторить Вам мнение Крылова, великого знатока и беспристрастного ценителя истинного таланта. Прочитав «Дочь Жолобова», он мне сказал: ни одного из русских романов я не читывал с бо́льшим удовольствием. «Камчадалка» верно не ниже

Вашего первого произведения. Сколько я мог заметить, часть публики, которая судит о книгах не по объявлениям газет, а по собственному впечатлению, полюбила Вас и с полным радушием приняла обе Ваши пьесы. После этого не тревожьтесь мнением Полевого, он человек смышленый, обязательный и умный, но, конечно, уж не литератор. Как писатель, он не имеет никакого таланта, как критик — повторяет чужие мысли......

Романа его я не читал, но, судя по его «Истории», знаю, как он должен быть ниже «Камчадалки» и «Дочери Жолобова».

Публика его любит единственно за его дерзость и потому, что глупцы с благоговением слушают человека, который смело всё бранит, и думают: то-то умник!

513. П. А. ОСИПОВОЙ.

Около (не позднее) 15 мая 1833 г.
Из Петербурга во Псков.

Pardon, mille fois pardon, chère Парасковья Александровна, si j'ai tardé à vous remercier pour votre bien aimable lettre et pour son intéressante vignette. Des embarras de toutes espèces m'en ont empêché. Je ne sais quand j'aurai le bonheur de me présenter à Trigorsky, mais j'en meurs d'envie. Pétersbourg ne me convient nullemeut, ni mes goûts, ni ma fortune ne peuvent s'en accommoder. Mais durant deux ou trois ans il faudra patienter. Ma femme vous fait dire mille amitiés ainsi qu'à Анна Николаевна. Ma fille nous a donné de l'inquiétude pendant ces cinq ou six jours. Je suppose qu'elle fait ses dents. Elle n'en a pas une seule jusqu'à présent. On a beau se dire que tout le monde a passé par là, mais ces créatures sont si frêles, qu'il est impossible de ne pas trembler en les voyant souffrir. Mes parents viennent d'arriver de Moscou. Ils comptent venir à Михайловское vers le mois de Juillet. Je voudrais bien être du voyage.

514. И. И. ДМИТРИЕВУ.

Конец мая—начало июня 1833 г.
Из Петербурга в Москву.

(Черновое)

Милостивый государь Иван Иванович,

Имев всегда счастие пользоваться благосклонностию Вашего превосходительства, осмеливаюсь ныне обратиться к Вам со всепокорнейшею просьбою... Случай доставил в мои руки некоторые важные бумаги, касающиеся Пугачева (собственные письма Ека-

терины, Бибикова, Румянцева, Панина, Державина и других). Я привел их в порядок и надеюсь их издать в Исторических записках (которые дай бог нам прочесть как можно позже). Вы говорите о Пугачеве — и, как очевидец, описали его смерть. Могу ли надеяться, что Вы, милостивый государь, не откажетесь занять место между знаменитыми людьми, коих имена и свидетельства дадут цену моему труду, и позволите поместить собственные Ваши строки в одном из любопытнейших эпизодов царствования Великой Екатерины?

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию

честь имею быть, милостивый государь,
Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга

515. П. И. СОКОЛОВУ.

Конец (после 27) мая—начало июня 1833 г.
В Петербурге.
(Черновое)

Получив от Вашего превосходительства извещение о выборе г. сенатора Баранова в члены Российской Академии, спешу доставить Вам избирательный свой голос.

С глубочайшим почтением.

516. А. А. АНАНЬИНУ.

26 июня 1833 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Андреевич,

Быв у Вас и не имев удовольствия застать Вас дома, на всякий случай беру с собой письмо. Я собираюсь в деревню. Вы изволили обнадежить меня, что около нынешнего времени можно мне будет получить от Вас еще 2000 р. По моему счету, мне более 1500 р. не надобно. Смирдин готов в них поручиться. Буду ожидать ответа Вашего через городскую почту, если не угодно будет прислать его ко мне в город. Я живу *на Черной речке, на Миллеровой даче.*

С истинным почтением и совершенной преданностию честь имею быть

Вашим покорнейшим слугою.
26 июня. Александр Пушкин.

516а. Д. Н. ГОНЧАРОВУ.

Первая половина (не позднее 6 июля) 1833 г.
Из Петербурга в Полотняный завод

Mon cher Дмитрий Николаевич!

Votre lettre est venue me trouver au moment même où j'allais vous écrire pour vous parler de mes embarras à propos des couches prochaines de Natalie et de l'argent dont je vais avoir grand besoin.— De cette manière nos demandes se seraient croisées. Cependant j'ai réussi à quelque chose. Le Prince Владимир Сергеевич Голицын se trouve à présent ici, et je lui ai parlé de vous et de votre affaire.— Il m'a paru disposé a vous obliger, et m'a dit qu'à la fin de ce mois il serait a Moscou, où vous pourrez vous aboucher. Si vous arrangez cet emprunt, je vous prierais de me *prêter pour six mois* 6,000 roubles dont j'ai grand besoin et que je ne sais où prendre; comme il est parfaitement égal au Prince Gallitzine de prêter 35 ou bien 40,000 et même plus — c'est la source où vous aurez la bonté de puiser s'il est possible.— Je ne puis le faire moi-même car je ne puis lui donner de garantie que ma parole, et je ne veux pas m'exposer à un refus.— Comme vous êtes le chef de la famille à laquelle je me félicite de m'être allié et que vous êtes pour nous un véritable et bon frère, je risque de vous ennuyer pour vous parler de mes affaires. Ma famille augmente, mes occupations me retiennent forcément à Pétersbourg, les dépenses vont leur train, et n'ayant pas cru devoir les restreindre la première année de mon mariage, mes dettes ont augmenté aussi. Je sais que pour le moment vous ne pouvez rien faire pour nous, ayant sur les bras une fortune fortement dérangée, des dettes, et une famille à soutenir; mais si Наталья Ивановна avait la bonté de faire quelque chose pour Natalie, как бы мало то ни было, cela serait pour nous un grand secours. Vous savez, que connaissant la gêne habituelle où elle se trouve, jamais je ne l'ai importuné, mais la nécessité et même le devoir m'y obligent — car certes ce n'est pas pour moi, mais bien pour Natalie et nos enfants que je songe à l'avenir. Je ne suis pas riche et mes occupations actuelles m'empêchent de me livrer a mes travaux littéraires qui me faisaient vivre. Si je meurs, ma femme reste sur le pavé et nos enfants dans la misère. Tout cela est triste et me décourage.— Vous savez que Natalie devait avoir 300 p[aysans] de son grand père; Наталья Ивановна m'avait dit d'abord qu'elle lui en donnait 200. Votre grand père n'a pu le faire, et même je n'y ai pas compté; Наталья Ивановна a craint que je ne vende la terre, et que je ne lui donne un voisin désagréable; à cela il serait facile de remédier; il n'y aurait qu'à insérer une clause dans la donation comme quoi Natalie n'aurait pas le droit de vendre la terre.— C'est avec bien de la répugnance que j'ai entamé ce sujet, car au fond je ne suis, ni juif, ni usurier,

quoiqu'on me l'aye reproché, mais que voulez-vous? Si vous croyez qu'il n'y a rien dans cette lettre qui puisse chagriner Наталья Ивановна, montrez la lui, si non, parlez lui en, et laissez là l'affaire, des que vous verrez qu'elle lui est désagréable.

Adieu.

517. А. А. АНАНЬИНУ.

Первая половина (до 12) июля 1833 г.
В Петербурге.

Милостивый государь
Абрам Алексеевич, [1]

Смирдин на днях приехал из Москвы. Он согласен за меня поручиться. Прошу Вас назначить мне день, когда можно будет нам кончить дело.

С истинным почтением честь имею быть,
милостивый государь,
Ваш покорнейший слуга
А. Пушкин.

518. М. А. КОРФУ.

14 (?) июля 1833 г. В Петербурге.

Сейчас был у Смирдина, и, кажется, дело сделано. Николай Модестович может приехать к нему для окончательных условий; я бы советовал ему справиться сперва о том, что берут обыкновенно за переводы à tant la feuille, и требовать ту же цену; таким образом он верно получит более, нежели условясь брать годовую плату. В случае какого-нибудь затруднения пусть он располагает мною, я готов ему служить от всей души.

Радуюсь, что на твое дружеское письмо мог отвечать удовлетворительно и исполнить твое приказание. Сердечно благодарю за поздравления.

Весь твой
Пятница. Александр Пушкин.

---

[1] *Описка вместо* Александр Андреевич.

519. Г. И. СПАССКОМУ.

Между 14 и 23 июля 1833 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Григорий Иванович,

Осмеливаюсь обратиться к Вам с покорнейшею просьбою. Мне сказывали, что у Вас находится любопытная рукопись Рычкова, касающаяся времен Пугачева. Вы оказали бы мне истинное благодеяние, если б позволили пользоваться несколько дней сею драгоценностию. Будьте уверены, что я возвращу Вам ее в всей исправности и при первом Вашем востребовании.

С истинным почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Ваш покорнейший слуга
Александр Пушкин.

Черная речка,
вторник.

520. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

22 июля 1833 г. В Петербурге.

(Черновое)

Mon Général

Les circonstances m'obligent à aller bientôt passer deux ou trois mois dans mes terres de Nijni Novgorod — je voudrais en profiter pour faire un tour à Orenbourg et Kazan que je ne connais pas encore. Je supplie Sa Majesté de me permettre de voir les archives de ces deux gouvernements.

521. А. Н. МОРДВИНОВУ.

30 июля 1833 г. В Петербурге.

(Вторая черновая редакция)

Милостивый государь
Александр Николаевич,

Спешу ответствовать со всею искренностию на вопросы Вашего превосходительства.

В продолжение двух последних лет занимался я одними историческими изысканиями, не написав ни одной строчки чисто литературной. Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить

книгу, давно мною начатую и которая доставит мне деньги, в коих имею нужду. Мне самому совестно тратить время на суетные занятия, но что делать? они одни доставляют мне независимость и способ проживать с моим семейством в Петербурге, где труды мои, благодаря государя, имеют цель более важную и полезную.

Кроме жалования, определенного мне щедростию его величества, нет у меня постоянного дохода; между тем жизнь в столице дорогá и с умножением моего семейства умножаются и расходы.

Может быть, государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать в деревне: это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

30 июля.
Черная речка.

522. П. В. НАЩОКИНУ (?).

Июль 1833 г. (?) Петербург.

Посылаю тебе мою образину. Скажи, сколько хочешь ты за свою карету? есть покупщики.

А. П.

523. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

20 августа 1833 г. Из Торжка в Петербург.

Торжок. Воскресение.

Милая женка, вот тебе подробная моя Одиссея. Ты помнишь, что от тебя уехал я в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого мосту. Нева так была высока, что мост стоял дыбом; веревка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную речку. Однако переправился через Неву выше и выехал из Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. В лужицах была буря. Болота волновались белыми волнами. По счастию, ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно высидел всё это время. Что-то было с вами, петербургскими жителями? Не было ли у вас нового наводнения?

что, если и это я прогулял? досадно было бы. На другой день погода прояснилась. Мы с Соболевским шли пешком 15 верст, убивая по дороге змей, которые обрадовались сдуру солнцу и выползали на песок. Вчера прибыли мы благополучно в Торжок, где Соболевский свирепствовал за нечистоту белья. Сегодня проснулись в 8 часов, завтракали славно, а теперь отправляюсь в сторону, в Ярополец — а Соболевского оставляю наедине с швейцарским сыром. Вот, мой ангел, подробный отчет о моем путешествии. Ямщики закладывают коляску шестерней, стращая меня грязными, проселочными дорогами. Коли не утону в луже, подобно Анрепу, буду писать тебе из Ярропольца. От тебя буду надеяться письма в Симбирске. Пиши мне о своей груднице и о прочем. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье, не кокетничай 26-го. Да бишь! не с кем. Однако всё-таки не кокетничай. Кланяюсь и целую ручку с ермоловской нежностию Катерине Ивановне. Тебя целую крепко и всех вас благословляю: тебя, Машку и Сашку.

Кланяйся Вяземскому, когда увидишь, скажи ему, что мне буря помешала с ним проститься и поговорить об альманахе, о котором буду хлопотать дорогою.

524. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

21 августа 1833 г. Из Павловского в Петербург.

Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малинников, о которых, вероятно, я тебе много рассказывал. Вчера, своротя на проселочную дорогу к Ярропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решился их посетить. В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне, как родному. Здесь я нашел большую перемену. Назад тому пять лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъехались; из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и съездил в Малинники; но и та уж подо мною не пляшет, не бесится, а в Малинниках вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш etc. живет управитель Парасковии Александровны, Рейхман, который попотчевал меня шнапсом. Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу. Здесь объедаюсь я вареньем и проиграл три рубля в двадцать четыре роббера в вист. Ты видишь, что во всех отношениях я здесь безопасен. Много спрашивают меня о тебе; так же ли ты хороша, как сказывают,— и какая ты: *брюнетка* или *блондинка, худенькая* или *плотненькая?* Завтра чем свет отправляюсь в Ярополец, где пробуду несколько часов, и отправлюсь в Москву, где, кажется, дол-

жен буду остаться дня три. Забыл я тебе сказать, что в Яропольце (виноват: в Торжке) толстая M-lle Pojarsky, та самая, которая варит славный квас и жарит славные котлеты, провожая меня до ворот своего трактира, отвечала мне на мои нежности: стыдно вам замечать чужие красоты, у вас у самого такая красавица, что я, встретя ее (?), ахнула. А надобно тебе знать, что M-lle Pojarsky ни дать ни взять M-me George, только немного постаре. Ты видишь, моя женка, что слава твоя распространилась по всем уездам. Довольна ли ты? будьте здоровы все; помнит ли меня Маша, и нет ли у ней новых затей? Прощай, моя плотненькая брюнетка (что ли?). Я веду себя хорошо, и тебе не за что на меня дуться. Письмо это застанет тебя после твоих именин. Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете,— а душу твою люблю я еще более твоего лица. Прощай, мой ангел, целую тебя крепко.

525. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

26 августа 1833 г. Из Москвы в Петербург.

26 авг. Москва.

Поздравляю тебя со днем твоего ангела, мой ангел, целую тебя заочно в очи — и пишу тебе продолжение моих похождений — из антресолей вашего Никитского дома, куда прибыл я вчера благополучно из Яропольца. В Ярополец приехал я в середу поздно. Наталья Ивановна встретила меня как нельзя лучше. Я нашел ее здоровою, хотя подле нее лежала палка, без которой далеко ходить не может. Четверг я провел у нее. Много говорили о тебе, о Машке и о Катерине Ивановне. Мать, кажется, тебя к ней ревнует; но хотя она по своей привычке и жаловалась на прошедшее, однако с меньшей уже горечью. Ей очень хотелось бы, чтоб ты будущее лето провела у нее. Она живет очень уединенно и тихо в своем разоренном дворце и разводит огороды над прахом твоего прадедушки Дорошенки, к которому ходил я на поклонение. Семен Федорович, с которым мы большие приятели, водил меня на его гробницу и показывал мне прочие достопамятности Яропольца. Я нашел в доме старую библиотеку, и Наталья Ивановна позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и прибудут с вареньем и наливками. Таким образом, набег мой на Ярополец был вовсе не напрасен.

Теперь, женка, послушай, что делается с Дмитрием Николаевичем. Он, как владетельный принц, влюбился в графиню Надежду Чернышеву *по портрету,* услыша, что она девка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ездил он в Ярополец в надежде ее увидеть, и в самом деле ему удалось застать ее в церкви. Вот

он и полез на стены. Пишет из Заводов, что он без памяти от la charmante et divine comtesse, что он ночи не спит, et que *son charmant image etc.* и непременно требует от Натальи Ивановны, чтоб она просватала за него la charmante et divine comtesse; Наталья Ивановна поехала к Кругликовой и выполнила комиссию. Позвали la divine et charmante, которая отказала наотрез. Наталья Ивановна беспокоится о том, какое действие произведет эта весть. Я полагаю, что он не застрелится. Как ты думаешь? А надобно тебе знать, что он дело затеял еще зимою и очень подозревал la divine et charmante comtesse в склонности к Муравьеву (святому). Для сего он со всевозможною дипломатическою тонкостию пришел однажды спросить его, как Скотинин у своего племянника: *Митрофан, хочешь ли ты жениться?* Видишь, какой плут! и нам ничего не сказал. Муравьев отвечал ему, что скорей он будет монахом, а брат и обрадовался, и ну просить у графини son coeur et sa main, уверяя ее письменно qu'il n'est plus dans son assiette ordinaire. Я помирал со смеху, читая его письмо, и жалею, что не выпросил его для тебя.

Из Яропольца выехал я ночью и приехал в Москву вчера в полдень. Отец меня не принял. Говорят, он довольно тих. Нащокин сказывал мне, что деньги Юрьева к тебе посланы. Теперь я покоен. Соболевский здесь incognito прячется от заимодавцев, как настоящий gentleman, и скупает свои векселя. Дорогой вел он себя порядочно и довольно верно исполнил условия, мною ему поднесенные, а именно: 1) платить прогоны пополам, не обсчитывая товарища; 2) не ------- ни явным, ни тайным образом, разве во сне и то ночью, а не после обеда. В Москве пробуду я несколько времени, то есть два или три дня. Коляска требует подправок. Дороги проселочные были скверные; меня насилу тащили шестерней. В Казани буду я около третьего. Оттоле еду в Симбирск. Прощай, береги себя. Целую всех вас. Кланяйся Катерине Ивановне.

526. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

27 августа 1833 г. Из Москвы в Петербург.

Вчера были твои именины, сегодня твое рождение. Поздравляю тебя и себя, мой ангел. Вчера пил я твое здоровье у Киреевского с Шевыревым и Соболевским; сегодня буду пить у Суденки. Еду послезавтра — прежде не будет готова моя коляска. Вчера, приехав поздно домой, нашел я у себя на столе карточку Булгакова, отца красавиц, и приглашение на вечер. Жена его была также именинница. Я не поехал за неимением бального платья и за небритие усов, которые отрощаю в дорогу. Ты видишь, что в Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва. Даже извозчиков мало на ее

скучных улицах. На Тверском бульваре попадаются две-три салопницы, да какой-нибудь студент в очках и в фуражке, да кн. Шаликов. Был я у Погодина, который, говорят, женат на красавице. Я ее не видал и не могу всеподданнейше о ней тебе донести. Нащокина не видал целый день. Чаадаев потолстел, похорошел и поздоровел. Здесь Раевский Николай. Ни он, ни брат его не умирали — а умер какой-то бригадир Раевский. Скажи Вяземскому, что умер тезка его князь Петр Долгорукий — получив какое-то наследство и не успев его промотать в Английском клобе, о чем здешнее общество весьма жалеет. В клобе я не был — чуть ли я не исключен, ибо позабыл возобновить свой билет. Надобно будет заплатить 300 рублей штрафу, а я весь Английский клоб готов продать за 200. Здесь Орлов, Бобринский и другие мои старые знакомые. Но мне надоели мои старые знакомые. Никого не увижу. Важная новость: французские вывески, уничтоженные Растопчиным в год, когда ты родилась, появились опять на Кузнецком мосту. По своему обыкновению, бродил я по книжным лавкам и ничего путного не нашел. Книги, взятые мною в дорогу, перебились и перетерлись в сундуке. От этого я так сердит сегодня, что не советую Машке капризничать и воевать с нянею: прибью. Целую тебя. Кланяюсь тетке — благословляю Машку с Сашкой.

527. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

2 сентября 1833 г. Из Нижнего Новгорода в Петербург.

2 сентября, Нижний-Новг.

Перед отъездом из Москвы я не успел тебе писать. Нащокин провожал меня шампанским, жженкой и молитвами. Каретник насилу выдал мне коляску; нет мне счастия с каретниками. Дорога хороша, но под Москвою нет лошадей, я повсюду ждал несколько часов и насилу дотащился до Нижнего сегодня, т. е. в пятые сутки. Успел только съездить в баню, а об городе скажу только тебе les rues sont larges et bien pavées, les maisons sont bien baties. Еду на ярманку, которая свои последние штуки показывает, а завтра отправляюсь в Казань.

Мой ангел, кажется, я глупо сделал, что оставил тебя и начал опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребят за долги, Параша, повар, извозчик, аптекарь, M-me Sichler etc., у тебя не хватает денег, Смирдин перед тобой извиняется, ты беспокоишься — сердишься на меня — и поделом. А это еще хорошая сторона картины — что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна? А другие, непредвиденные случаи... Пугачев не стоит этого. Того и гляди, я на него плюну — и явлюсь к тебе.

Однако буду в Симбирске и там ожидаю найти писем от тебя. Ангел мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебе из деревни привезу товару на сто рублей, как говорится. Что у нас за погода! дни жаркие, с утра маленькие морозы — роскошь! так ли у вас? Гуляешь ли ты по Черной речке или еще взаперти? Во всяком случае береги себя. Скажи тетке, что хоть я и ревную ее к тебе, но прошу Христом и богом тебя не покидать и глядеть за тобою. Прощайте, дети, до Казани. Целую всех вас равно крепко — тебя в особенности.

528. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

2 сентября 1833 г. Из Нижнего Новгорода в Петербург.

2 сент.

Мой ангел, я писал тебе сегодня, выпрыгнув из коляски и одурев с дороги. Ничего тебе не сказал и ни о чем всеподданнейше не донес. Вот тебе отчет с самого Натальина дня. Утром поехал я к Булгакову извиняться и благодарить, а между тем и выпросить лист для смотрителей, которые очень мало меня уважают, несмотря на то, что я пишу прекрасные стишки. У него застал я его дочерей и Всеволожского le cocu, который скачет из Казани к вам в Петербург. Они звали меня на вечер к Пашковым на дачу, я не поехал, жалея своих усов, которые только лишь ощетинились. Обедал у Суденки, моего приятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и он женат, и он сделал двух ребят, и он перестал играть — но у него 125 000 доходу, а у нас, мой ангел, это впереди. Жена его тихая, скромная, не красавица. Мы отобедали втроем, и я, без церемонии, предложил здоровье моей именинницы, и выпили мы все не морщась по бокалу шампанского. Вечер у Нащокина, да какой вечер! шампанское, лафит, зажженный пунш с ананасами — и всё за твое здоровье, красота моя. На другой день в книжной лавке встретил я Николая Раевского. Sacré chien, — сказал он мне с нежностию,— pourquoi n'êtes-vous pas venu me voir? —Animal,— отвечал я ему с чувством,— qu'avez-vous fait de mon manuscrit petit-Russien? После сего поехали мы вместе как ни в чем не бывало, он держа меня за ворот всенародно, чтоб я не выскочил из коляски. Отобедали вместе глаз на глаз (виноват: втроем с бутылкой мадеры). Потом, для разнообразия жизни, провел опять вечер у Нащокина; на другой день он задал мне прощальный обед со стерлядями и с жженкой, усадили меня в коляску, и я выехал на большую дорогу.

Ух, женка, страшно! теперь следует важное признанье. Сказать ли тебе словечко, утерпит ли твое сердечко? Я нарочно тянул письмо рассказами о московских моих обедах, чтоб как мож-

но позже дойти до сего рокового места; ну, так уж и быть, узнай, что на второй станции, где не давали мне лошадей, встретил я некоторую городничиху, едущую с теткой из Москвы к мужу и обижаемую на всех станциях. Она приняла меня весьма дурно и нараспев начала меня усовещевать и уговаривать: как вам не стыдно? на что это похоже? две тройки стоят на конюшне, а вы мне ни одной со вчерашнего дня не даете.— Право?— сказал я и пошел взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и так меня тронула, что я уступил ей одну тройку, на которую имела она всевозможные права, а сам нанял себе другую, т. е. третью, и уехал. Ты подумаешь: ну, это еще не беда. Постой, женка, еще не всё. Городничиха и тетка так были восхищены моим рыцарским поступком, что решились от меня не отставать и путешествовать под моим покровительством, на что я великодушно и согласился. Таким образом и доехали мы почти до самого Нижнего — они отстали за три или четыре станции — и я теперь свободен и одинок. Ты спросишь: хороша ли городничиха? Вот то-то, что не хороша, ангел мой Таша, о том-то я и горюю.— Уф! кончил. Отпусти и помилуй.

Сегодня был я у губернатора, генерала Бутурлина. Он и жена его приняли меня очень мило и ласково; он уговорил меня обедать завтра у него. Ярманка кончилась. Я ходил по опустелым лавкам. Они сделали на меня впечатление бального разъезда, когда карета Гончаровых уж уехала. Ты видишь, что несмотря на городничиху и ее тетку,— я всё еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно целую куда ни попало. Addio mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti rivedro...

529. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

8 сентября 1833 г. Из Казани в Петербург.

8 сент. Казань.

Мой ангел, здравствуй. Я в Казани с пятого и до сих пор не имел время тебе написать слова. Сейчас еду в Симбирск, где надеюсь найти от тебя письмо. Здесь я возился со стариками, современниками моего героя; объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону. Погода стоит прекрасная, чтоб не сглазить только. Надеюсь до дождей объехать всё, что предполагал видеть, и в конце сентября быть в деревне. Здорова ли ты? здоровы ли все вы? Дорогой я видел годовую девочку, которая бегает на карачках, как котенок, и у которой уже два зубка. Скажи это Машке. Здесь Баратынский. Вот он ко мне входит. До Симбирска. Я буду говорить тебе о Казани подробно — теперь некогда. Целую тебя.

530. А. А. ФУКС.

8 сентября 1833 г. В Казани.

8 сентября 1833 года.

Милостивая государыня Александра Андреевна! С сердечной благодарностию посылаю вам мой адрес и надеюсь, что обещание ваше приехать в Петербург не есть одно любезное приветствие. Примите, милостивая государыня, изъявление моей глубокой признательности за ласковый прием путешественнику, которому долго памятно будет минутное пребывание его в Казани. С глубочайшим почтением честь имею быть.

531. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

12 сентября 1833 г. Из Языкова в Петербург.

Село Языково. 65 верст
от Симбирска. 12 сент.

Пишу тебе из деревни поэта Языкова, к которому заехал и не нашел дома. Третьего дня прибыл я в Симбирск и от Загряжского принял от тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой ангел,— но я всё-таки тебя побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мне четыре страницы кругом. Как тебе не совестно! Не могла ты мне сказать в четырех строчках о себе и о детях. Ну, так и быть. Дай бог теперь быть тебе здоровой. Я рад, что Сергей Николаевич будет с тобою, он очень мил и тебе не надоест. Об Иване Николаевиче говорить нечего. Надеюсь, что свадьба его расстроится. По всему видно, что всё семейство воспользовалось расстроенным его состоянием, чтоб заманить его в сети. Вероятно, и начальство, если дело дойдет до начальства, примет это в соображение. Должно будет поплатиться деньгами. Если девица не брюхата, то беда еще не велика. А с отцом и с дядей-башмачником дуэля, кажется, не будет. Если дом удобен, то нечего делать, бери его — но уж, по крайней мере, усиди в нем. Меня очень беспокоят твои обстоятельства, денег у тебя слишком мало. Того и гляди сделаешь новые долги, не расплатясь со старыми. Я путешествую, кажется, с пользою, но еще не на месте и ничего не написал. Я сплю и вижу приехать в Болдино и там запереться.

Из Казани написал я тебе несколько строчек — некогда было. Я таскался по окрестностям, по полям, по кабакам и попал на вечер к одной blue stockings, сорокалетней, несносной бабе с вощеными зубами и с ногтями в грязи. Она развернула тетрадь и прочла мне стихов с двести, как ни в чем не бывало. Баратынский написал ей стихи и с удивительным бесстыдством расхвалил ее красоту и гений. Я так и ждал, что принужден буду

ей написать в альбом — но бог помиловал, однако она взяла мой адрес и стращает меня перепискою и приездом в Петербург, с чем тебя и поздравляю. Муж ее умный и ученый немец, в нее влюблен и в изумлении от ее гения; однако он одолжил меня очень — и я рад, что с ним познакомился. Сегодня еду в Симбирск, отобедаю у губернатора и к вечеру отправлюсь в Оренбург, последняя цель моего путешествия.

Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного и которого готов я полюбить, как люблю Плетнева или Нащокина. Я провел с ним вечер и оставил его для тебя, а теперь оставляю тебя для него. Прости, ангел женка. Целую тебя и всех вас — благословляю детей от сердца. Береги себя. Я рад, что ты не брюхата. Кланяюсь Катерине Ивановне и брату Сергею.

Пиши мне в Болдино.

532. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

14 сентября 1833 г. Из Симбирска в Петербург.

14 Симбирск.

Опять я в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Чёрт его побери, дорого бы дал я, чтоб его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей — гляжу, нет ямщиков — один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решился я возвратиться и ехать другой дорогой; по этой на станциях везде по шесть лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю. Повезли меня обратно — я заснул — просыпаюсь утром — что же? не отъехал я и пяти верст. Гора — лошади не взвезут — около меня человек 20 мужиков. Чёрт знает как бог помог — наконец взъехали мы, и я воротился в Симбирск. Дорого бы дал я, чтоб быть борзой собакой; уж этого зайца я бы отыскал. Теперь еду опять другим трактом. Авось без приключений.

Я всё надеялся, что получу здесь в утешение хоть известие о тебе — ан нет. Что ты, моя женка? какова ты и дети. Целую и благословляю вас. Пиши мне часто и о всяком вздоре, до тебя касающемся. Кланяюсь тетке.

533. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

19 сентября 1833 г. Из Оренбурга в Петербург.

19 сент. Оренбург.

Я здесь со вчерашнего дня. Насилу доехал, дорога прескучная, погода холодная, завтра еду к яицким казакам, пробуду у них дни три — и отправляюсь в деревню через Саратов и Пензу.

Что, женка? скучно тебе? мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел. Взялся за гуж, не говори, что не дюж — то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой. А уж чувствую, что дурь на меня находит — я и в коляске сочиняю, что же будет в постеле? Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом. Бесит меня, да и только. Свет-то мой Ипполит! кстати о хамовом племени: как ты ладишь своим домом? боюсь, людей у тебя мало: не наймешь ли ты кого? На женщин надеюсь, но с мужчинами как тебе ладить? Всё это меня беспокоит — я мнителен, как отец мой. Не говорю уж о детях. Дай бог им здоровья — и тебе, женка. Прощай, женка. Не жди от меня уж писем, до самой деревни. Целую тебя и вас благословляю.

Как я хорошо веду себя! как ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с калмычками не кокетничаю — и на днях отказался от башкирки, несмотря на любопытство, очень простительное путешественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица: на чужой сторонке и старушка божий дар. То-то, женка. Бери с меня пример.

534. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

2 октября 1833 г. Из Болдина в Петербург.

2 окт.

Милый друг мой, я в Болдине со вчерашнего дня — думал здесь найти от тебя письма, и не нашел ни одного. Что с вами? здорова ли ты? здоровы ли дети? сердце замирает, как подумаешь. Подъезжая к Болдину, у меня были самые мрачные предчувствия, так что, не нашед о тебе никакого известия, я почти обрадовался — так боялся я недоброй вести. Нет, мой друг: плохо путешествовать женатому; то ли дело холостому! ни о чем не думаешь, ни о какой смерти не печалишься. Последнее письмо

мое должна ты была получить из Оренбурга. Оттуда поехал я в Уральск — тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду, и накормили меня свежей икрой, при мне изготовленной. При выезде моем (23 сентября) вечером пошел дождь, первый по моем выезде. Надобно тебе знать, что нынешний год была всеобщая засуха и что бог угодил на одного меня, уготовя мне везде прекраснейшую дорогу. На возвратный же путь послал он мне этот дождь и через полчаса сделал дорогу непроходимой. Того мало: выпал снег, и я обновил зимний путь, проехав верст 50 на санях. Проезжая мимо Языкова, я к нему заехал, застал всех трех братьев, отобедал с ними очень весело, ночевал и отправился сюда. Въехав в границы болдинские, встретил я попов и так же озлился на них, как на симбирского зайца. Недаром все эти встречи. Смотри, женка. Того и гляди избалуешься без меня, забудешь меня — искокетничаешься. Одна надежда на бога да на тетку. Авось сохранят тебя от искушений рассеянности. Честь имею донести тебе, что с моей стороны я перед тобою чист, как новорожденный младенец. Дорогою волочился я за одними 70- или 80-летними старухами — а на молоденьких ------ шестидесятилетних и не глядел. В деревне Берде, где Пугачев простоял шесть месяцев, имел я une bonne fortune — нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отставал, виноват: и про тебя не подумал. Теперь надеюсь многое привести в порядок, многое написать и потом к тебе с добычею. В воскресение приходит почта в Абрамово, надеюсь письма — сегодня понедельник, неделю буду его ждать. Прости — оставляю тебя для Пугачева. Христос с вами, дети мои. Целую тебя, женка,— будь умна и здорова.

535. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

8 октября 1833 г. Из Болдина в Петербург.

Мой ангел, сейчас получаю от тебя вдруг два письма, первые после симбирского. Как они дошли до меня, не понимаю: ты пишешь в Нижегородскую губернию, в село Абрамово, оттуда etc. А об уезде ни словечка. Не забудь прибавлять в *Арзамасском уезде;* а то, чего доброго, в Нижегородской губернии может быть и не одно село Абрамово; так, как не одно село Болдино. Две вещи меня беспокоят: то, что я оставил тебя без денег, а может быть и брюхатою. Воображаю твои хлопоты и твою досаду. Слава богу, что ты здорова, что Машка и Сашка живы и что ты хоть и дорого, но дом наняла. Не стращай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась; я приеду к тебе, ничего не успев написать — и без денег сядем на мель. Ты лучше оставь уж

меня в покое, а я буду работать и спешить. Вот уж неделю, как я в Болдине, привожу в порядок мои записки о Пугачеве, а стихи пока еще спят. Коли царь позволит мне Записки, то у нас будет тысяч 30 чистых денег. Заплотим половину долгов и заживем припеваючи. Очень благодарю за новости и за сплетни. Коли увидишь Жуковского, поцелуй его за меня и поздравь с возвращением и звездою: каково его здоровье? напиши. Карамзиным и Мещерским мой сердечный поклон. Софье Николаевне объясни, что если я не был к ним в Дерпт, то это единственно по недостатку прогонов, которых не хватило на лишних 500 верст. А не писал им, полагая всё приехать. Жаль, что ты Смирновой не видала; она должна быть уморительно смешна после своей поездки в Германию; Безобразов умно делает, что женится на княжне Хилковой. Давно бы так. Лучше завести свое хозяйство, нежели волочиться весь свой век за чужими женами и выдавать за свои чужие стихи. Не кокетничай с Соболевским и не сердись на Нащокина; слава богу, что он прислал 1500 р.— а о 180 не жалей; плюнь, да и только. Что такое 50 р., присланных тебе моим отцом? уж не проценты ли 550, которых он мне должен? Чего доброго? Здесь мне очень советуют взять на себя наследство Василья Львовича; и мне хочется, но для этого нужны, во-первых, деньги, а во-вторых, свободное время; а у меня ни того, ни другого. Какова Краевская? недаром Отрежков за ней волочился. Не думал я попасть в ее мемории и таким образом достигнуть бессмертия. Кланяйся ей от меня, если ее увидишь. Да кланяйся и всем моим прелестям: Хитровой первой. Как она перенесла мое отсутствие? Надеюсь, с твердостию, достойной дочери князя Кутузова. Так Фикельмон приехали? Радуюсь за тебя; как-то, мой ангел, удадутся тебе балы? В самом деле, не забрюхатела ли ты? что ты за недотыка? Прощай, душа. Я что-то сегодня не очень здоров. Животик болит, как у Александрова. Целую и благословляю всех вас. Кланяюсь и от сердца благодарю тетку Катерину Ивановну за ее милые хлопоты. Прощай.

8 окт.

536. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

11 октября 1833 г. Из Болдина в Петербург.

Мой ангел, одно слово: съезди к Плетневу и попроси его, чтоб он к *моему приезду* велел переписать из Собрания законов (годов *1774* и *1775*) [1] все указы, относящиеся к Пугачеву. Не забудь.

Что твои обстоятельства? что твое брюхо? Не жди меня в нынешний месяц, жди меня в конце ноября. Не мешай мне, не

---

[1] и *1773*.

стращай меня, будь здорова, смотри за детьми, не кокетничай с царем, ни с женихом княжны Любы. Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу — и привезу тебе пропасть всякой всячины. Надеюсь, что Смирдин аккуратен. На днях пришлю ему стихов. Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: Как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф *славнейшей* настойки — он хлоп стакан, другой, третий — и уж начнет писать! — Это слава. Что касается до тебя, то слава о твоей красоте достигла до нашей попадьи, которая уверяет, что ты всем взяла, не только лицом, да и фигурой. Чего тебе больше. Прости, целую вас и благословляю. Тетке целую ручку. Говорит ли Маша? ходит ли? что зубки? Саше подсвистываю. Прощай.

11 окт.

537. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

21 октября 1833 г. Из Болдина в Петербург.

Получил сегодня письмо твое от 4-го октября и сердечно тебя благодарю. В прошлое воскресение не получил от тебя письма и имел глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что и не запомню, чтоб на меня находила такая хандра. Радуюсь, что ты не брюхата и что ничто не помешает тебе отличаться на нынешних балах. Видно, Огарев охотник до Пушкиных, дай бог ему ни дна, ни покрышки! кокетничать я тебе не мешаю, но требую от тебя холодности, благопристойности, важности — не говорю уже о беспорочности поведения, которое относится не к *тону*, а к чему-то уже важнейшему. Охота тебе, женка, соперничать с графиней Сологуб. Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебе перебивать у ней поклонников? Всё равно кабы граф Шереметев стал оттягивать у меня кистеневских моих мужиков. Кто же еще за тобой ухаживает, кроме Огарева? пришли мне список по азбучному порядку. Да напиши мне также, где ты бываешь и что Карамзины, Мещерская и Вяземские. Княгине Вяземской скажи, что напрасно она беспокоится о портрете Вигеля и что с *этой стороны* честное мое поведение выше всякого подозрения; но что, из уважения к ее просьбе, я поставлю его портрет *сзади* всех других. Кстати: она обещала мне свой портрет и до сих пор слова не сдержала; попеняй ей от меня. Жуковского и Вьельгорского, вероятно, ты уже видела. Что Жуковский? мне пишут, что он поздоровел и помолодел. Правда ли? Что ж ты хотела женить его на Катерине Николаевне? и что Катерина Николаевна, будет к нам или нет? Вообрази, что прошлое воскресение вместо письма от тебя получил я письмо от Соболевского, которому нужны деньги для pâtés de fois gras и который для того затевает альманах. Ты понимаешь, как письмо его и просьбы о стихах (что́ я говорю *просьбы*, приказания, подряды на заказ)

рассердили меня. А всё ты виновата. Что-то моя беззубая Пускина? Уж эти мне зубы! — а каков Сашка рыжий? Да в кого-то он рыж? не ожидал я этого от него. О себе тебе скажу, что я работаю лениво, через пень-колоду валю. Все эти дни голова болела, хандра грызла меня; нынче легче. Начал многое, но ни к чему нет охоты; бог знает, что со мною делается. Старам стала и умом плохам. Приеду оживиться твоею молодостию, мой ангел. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу к тебе с пустыми руками явиться, взялся за гуж, не скажу, что не дюж. А ты не брани меня. Благодари мою бесценную Катерину Ивановну, которая не дает тебе воли в ложе. Целую ей ручки и прошу, ради бога, не оставлять тебя на произвол твоих обожателей. Машку, Сашку рыжего и тебя целую и крещу. Господь с вами. Прощай, спать хочу.

21 октября. Болдино.

538. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

30 октября 1833 г. Из Болдина в Петербург.

Вчера получил я, мой друг, два от тебя письма. Спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, не путем искокетничалась. Смотри: недаром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нем толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкой, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебе з------; есть чему радоваться! Не только тебе, но и Парасковье Петровне легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что-де я большая охотница. Вот вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свиньи будут.* К чему тебе принимать мужчин, которые за тобою ухаживают? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Фоме и Кузьме. Фома накормил Кузьму икрой и селедкой. Кузьма стал просить пить, а Фома не дал. Кузьма и прибил Фому как каналью. Из этого поэт выводит следующее нравоучение: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь ли? Прошу, чтоб у меня не было этих академических завтраков. Теперь, мой ангел, целую тебя как ни в чем не бывало; и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мне свою беспутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливайся и меня не забывай. Мочи нет, хочется мне увидать тебя причесанную à la Ninon; ты должна быть чудо как мила. Как ты прежде об этой старой к---- не подумала и не переняла у ней ее прическу? Опиши мне свое появление на балах, которые, как ты пишешь, вероятно, уже открылись. Да, ангел мой, пожалуйста, не кокетничай. Я не ревнив, да и знаю, что ты во всё тяжкое не пустишься; но ты знаешь, как я не люблю всё, что пахнет московской барышнею, всё, что не com-

me il faut, всё, что vulgar... Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот те Христос, и пойду в солдаты с горя. Ты спрашиваешь, как я живу и похорошел ли я? Во-первых, отпустил я себе бороду: *ус да борода — молодцу похвала; выду на улицу, дядюшкой зовут.* 2) Просыпаюсь в семь часов, пью кофей и лежу до трех часов. Недавно расписался, и уже написал пропасть. В три часа сажусь верхом, в пять в ванну и потом обедаю картофелем да грешневой кашей. До девяти часов — читаю. Вот тебе мой день, и всё на одно лицо.

Проси Катерину Андреевну на меня не сердиться; ты рожала, денег у меня лишних не было, я спешил в одну сторону — никак не попал на Дерпт. Кланяюсь ей, Мещерской, Софье Николаевне, княгине и княжнам Вяземским. Полетике скажи, что за ее поцелуем явлюсь лично, а что-де на почте не принимают. А Катерина Ивановна? как это она тебя пустила на божию волю? Ахти, господи Сусе Христе! Машу целую и прошу меня помнить. Что это у Саши за сыпь? Христос с вами. Благословляю и целую вас.

30 окт.

539. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

30 октября 1833 г. Из Болдина в Петербург.

Виноват, Ваше сиятельство! кругом виноват. Приехав в деревню, думал распишусь. Не тут-то было. Головная боль, хозяйственные хлопоты, лень — барская, помещичья лень — так одолели меня, что не приведи боже. Не дожидайтесь Белкина; не на шутку, видно, он покойник; не бывать ему на новоселье ни в гостиной Гомозейки, ни на чердаке Панка. Недостоин он, видно, быть в их компании... А куда бы не худо до погреба-то добраться. Теперь донесу Вашему сиятельству, что, будучи в Симбирске, видел я скромную отшельницу, о которой мы с Вами говорили перед моим отъездом. Недурна. Кажется, губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, нежели губернаторша. Вот всё, что мог я заметить. Дело ее, кажется, кончено.

Вы обрадовали меня известием о Жуковском. Дай бог, чтоб нынешний запас здоровья стал ему лет на пять; а там уж какнибудь да справится.

Кланяюсь Гоголю. Что его комедия? В ней же есть закорючка.

30 окт. Весь Ваш А. Пушкин.
Болдино.

540. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

6 ноября 1833 г. Из Болдина в Петербург.

6 ноября, Болдино.

Друг мой женка, на прошедшей почте я не очень помню, что я тебе писал. Помнится, я был немножко сердит — и, кажется, письмо немного жестко. Повторю тебе помягче, что кокетство ни к чему доброму не ведет; и хоть оно имеет свои приятности, но ничто так скоро не лишает молодой женщины того, без чего нет ни семейственного благополучия, ни спокойствия в отношениях к свету: *уважения*. Радоваться своими победами тебе нечего. К----, у которой переняла ты прическу (NB: ты очень должна быть хороша в этой прическе; я об этом думал сегодня ночью), Ninon говорила: Il est écrit sur le coeur de tout homme: *à la plus facile*. После этого, изволь гордиться похищением мужских сердец. Подумай об этом хорошенько и не беспокой меня напрасно. Я скоро выезжаю, но несколько времени останусь в Москве, по делам. Женка, женка! я езжу по большим дорогам, живу по три месяца в степной глуши, останавливаюсь в пакостной Москве, которую ненавижу,— для чего? — Для тебя, женка; чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотою. Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнию мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности etc. etc. Не говоря об *cocuage*, о коем прочел я на днях целую диссертацию в Брантоме.

Что делает брат? я не советую ему идти в статскую службу, к которой он так же неспособен, как и к военной, но у него по крайней мере ----здоровая, и на седле он всё-таки далее уедет, чем на стуле в канцелярии. Мне сдается, что мы без европейской войны не обойдемся. Этот Louis-Philippe у меня как бельмо на глазу. Мы когда-нибудь да до него доберемся — тогда Лев Сергеич поедет опять пожинать, как говорит у нас заседатель, лавры и мирты. Покамест советую ему бить баклуши, занятие приятное и здоровое. Здесь я было вздумал взять наследство Василия Львовича. Но опека так ограбила его, что нельзя и подумать; разве не заступится ли Бенкендорф: попробую, приехав в Петербург. При сем письмо к отцу. Вероятно, уже он у вас. Я привезу тебе стишков много, но не разглашай этого: а то альманашники заедят меня. Целую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя, Сашку и Машку; целую Машку и так далее, до семи раз. Желал бы я быть у тебя к теткиным именинам. Да бог весть.

541. А. С. НОРОВУ.

10—15 ноября 1833 г. В Москве.

Отсылаю тебе, любезный Норов, твоего «Стеньку»; завтра получишь *Struys* и одалиску. Нет ли у тебя сочинения Вебера о России («Возрастающая Россия» или что-то подобное)? а Пердуильонис, то есть: *Stephanus Rasin Donicus Cosacus perduellis, publicae disquisitionis Johanno Iusto Martio i Schurtzfleisch.*

А. П.

542. А. С. НОРОВУ.

10—15 ноября 1833 г. В Москве.

Посылаю тебе, любезный Норов, Satyricon — а мистерии где-то у меня запрятаны. Отыщу — непременно. До свидания.

Весь твой А. П.

543. П. В. НАЩОКИНУ.

24 ноября 1833 г. Из Петербурга в Москву.

Что, Павел Воинович, каковы домашние обстоятельства? решено ли? мочи нет, хочется узнать развязку; я твой роман оставил на самом занимательном месте. Не смею надеяться — а можно надеяться. Vous êtes éminemment un homme de passion — и в страстном состоянии духа ты в состоянии сделать то, о чем и не осмелился бы подумать в трезвом виде; как некогда пьяный переплыл ты реку, не умея плавать. Нынешнее дело на то же похоже — сыми рубашку, перекрестись и бух с берега; а мы — князь Федор и я — будем следовать за тобою в лодке, и как-нибудь — выкарабкаешься на противную сторону. Теперь скажу тебе о своем путешествии. Я совершил его благополучно. Леленька мне не мешал, он очень мил, т. е. молчалив — все наши сношения ограничивались тем, что когда ночью он прилегал на мое плечо, то я отталкивал его локтем. Я привез его здрава и невредима — и как река еще не стала, а мостов уже нет, то я и отправил его ко Льву Сергеевичу, чем, вероятно, одолжил его. При выезде моем из Москвы Гаврила мой так был пьян и так меня взбесил, что я велел ему слезть с козел и оставил его на большой дороге в слезах и в истерике; но это всё на меня не подействовало — я подумал о тебе... Вели-ка своему Гавриле в юбке и в кацавейке слезть с козел — полно ему воевать. Дома нашел я всё в порядке. Жена была на бале, я за нею поехал — и увез к себе, как улан уездную барышню с именин городничихи. Денежные мои обстоятельства

без меня запутались, но я их думаю распутать. Отца видел, он очень рад моему предположению взять Болдино. Денег у него нет. Брат во фраке и очень благопристоен. Соболевский выиграл свой процесс и едет к вам. Пиши ко мне, коли будет время. Записку отдай моему управляющему. Ольге Андреевне мое почтение.

24 ноября.

544. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

6 декабря 1833 г. В Петербурге.

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

Осмеливаюсь препроводить Вашему сиятельству стихотворение, которое желал бы я напечатать, и при сем случае просить Вас о разрешении для меня важном. Книгопродавец Смирдин издает журнал, в коем просил меня участвовать. Я могу согласиться только в том случае, когда он возьмется мои сочинения представлять в цензуру и хлопотать об них наравне с другими писателями, участвующими в его предприятии; но без Вашего сведения я ничего не хотел сказать ему решительного.

Хотя я как можно реже старался пользоваться драгоценным мне дозволением утруждать внимание государя императора, но ныне осмеливаюсь просить на то высочайшего соизволения: я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко временам Пугачева, но, нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал «Историю Пугачевщины». Осмеливаюсь просить через Ваше сиятельство дозволения представить оную на высочайшее рассмотрение. Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, но смею надеяться, что сей исторический отрывок будет любопытен для его величества особенно в отношении тогдашних военных действий, доселе худо известных.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

6 декабря 1833.
СПб.

545. П. В. НАЩОКИНУ.

10-е числа (после 12) декабря 1833 г.
Из Петербурга в Москву.

Я получил от тебя два грустные письма, любезный Павел Воинович, и ждал третьего, с нетерпением желая знать, что делается с тобою и какое направление принимают дела твои домашние и сердечные. Но ты, вероятно, слишком озабочен; и я не знаю, чего надеяться: переменилась ли, успокоилась ли судьба твоя? Напиши-ка мне об этом подробнее.

В твои именины семья моя (в том числе Григорий Федорович) пила твое здоровье и желала тебе всякого благополучия. Об Леленьке не имею известия; он живет у Эристова, а я на его имя получаю из Москвы письма. Сумасшедший отец его написал мне сумасшедшее письмо, на которое уж мне поздно отвечать; он беспокоится о каллиграфических трудах своего сына и о том, не плачет ли мальчик и не тоскует ли о своих родных? Успокой старика, как умеешь.

Не знаю, буду ли я у вас в январе. Наследники дяди делают мне дурацкие предложения — я отказался от наследства. Не знаю, войдут ли они в новые переговоры. Здесь имел я неприятности денежные; я сговорился было со Смирдиным, и принужден был уничтожить договор, потому что «Медного всадника» цензура не пропустила. Это мне убыток. Если не пропустят «Историю Пугачева», то мне придется ехать в деревню. Всё это очень неприятно. На деньги твои, однако, я надеюсь; думаю весной приступить к полному собранию моих сочинений.

Все мои здоровы — крестник твой тебя целует; мальчик славный. С Плетневым о Павле еще не говорил, потому что дело не к спеху. Прощай — кланяюсь князю Гагарину — и желаю вам обоим счастия.

А. П.

546. Д. К. НЕССЕЛЬРОДЕ.

30 января 1834 г. В Петербурге.

Voici Angèle, Monsieur le Comte. Ma femme l'avait prêtée à M-me Hitrof — je vous en demande pardon et vous remercie beaucoup.

Je vous salue de tout mon coeur.

30 janvier. A. Pouchkine

547. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

7—10 февраля 1834 г. В Петербурге.

(Вторая черновая редакция)

En soumettant à Sa Majesté le tome II de Pougatchef, je prends la liberté d'entretenir Votre excellence de circonstances, qui me regardent, et de recourir à Votre bienveillance accoutumée.

En permettant l'impression de cet ouvrage, Sa Majesté a assuré ma fortune. La somme que je pourrai en retirer me met à même d'accepter une succession à laquelle j'avais été forcé de renoncer faute d'une quarantaine de mille roubles qui me manquaient. Cet ouvrage me les procurera — si je puis moi-même en être l'éditeur — sans avoir recours au libraire — 15 000 me suffiraient.

Je demande deux choses, l'une, qu'on me permette d'imprimer mon ouvrage à mes frais dans une imprimerie particulière, qui dépendrait de M-r Spéransky — la seule où je suis sûr de n'être pas friponné — l'autre, de recevoir en emprunt pour deux ans 15 000, somme qui me permettra de mettre à l'édition tout le temps et le soin que je devrais.

Je n'ai d'autre droit à la grâce que je sollicite, que les bontés que j'ai déjà reçues — et qui me donnent le courage et la confiance d'y recourir encore.— C'est à la protection de Votre excellence, que je confie ma très humble requête.

Je suis M-r le Comte
de Votre excellence
le très humble.

548. С. Д. НЕЧАЕВУ.

12 февраля 1834 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Степан Дмитриевич,

Осмеливаюсь прибегнуть к Вашему высокопревосходительству со всепокорнейшею просьбою.

По воле государя императора протодиакон царскосельской придворной церкви за нетрезвость исключен из придворного ведомства и переведен в епархиальное. По предписанию же Синода он должен быть отправлен в свою родную епархию. Протодиакон, человек уже не молодой и семейный, просит, как милости, быть оставлену в епархии здешней. Смысл высочайшего повеления будет исполнен равно, ибо в нем ни слова не было сказано о том, чтоб на *свою* епархию отправить его.

Протодиакон, не зная почему, отнесся ко мне, полагая, что слабый мой голос удостоится Вашего внимания. Во всяком случае, я не мог отказаться от ходатайства и препоручаю моего клиента Вашему великодушному покровительству.

С глубочайшим почтением честь имею быть,
милостивый государь,
Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

549. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

26 февраля 1834 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

Не имея ныне способа, независимо от книгопродавцев, приступить к напечатанию мною написанного сочинения, осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству со всепокорнейшею моею просьбою о выдаче мне из казны заимообразно, за установленные проценты, 20 000 рублей с тем, чтоб я оные выплатил в два года, по срокам, которые угодно будет назначить начальству.

С глубочайшим почтением честь имею быть,
милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейший слуга
26 февраля 1834. Александр Пушкин.

550. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

27 февраля 1834 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

Государю императору угодно было чрез Ваше сиятельство дозволить мне печатать «Историю Пугачева» в одной из типографий, зависящих от его высокопревосходительства М. М. Сперанского: осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою дать знать о том куда следует.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейший слуга
27 февраля 1834. Александр Пушкин.

551. А. П. МАЛИНОВСКОЙ (?).

Около (не ранее) 4 марта 1834 г. (?)
В Петербурге.

Je vous prie, chère Анна Петровна, d'envoyer chez moi Arnt, mais n'en dites rien aux grands parents.

А. П.

552. Е. К. ВОРОНЦОВОЙ.

5 марта 1834 г. Из Петербурга в Одессу.

Madame la Comtesse,

Voici quelque scènes d'une tragédie que j'avais l'intention d'écrire. J'avais désiré mettre à vos pieds quelque chose de moins imparfait; malheureusement j'avais déjà disposé de tous mes manuscrits, et j'ai mieux aimé avoir tort envers le public que de ne pas obéir à vos ordres.

Oserai-je, Madame la Comtesse, vous parler du moment de bonheur que j'ai éprouvé en recevant votre lettre, à l'idée seule que vous n'avez pas tout-à-fait oublié le plus dévoué de vos esclaves?

Je suis avec respect,
Madame la Comtesse,
Votre très humble et très
obéissant serviteur
5 mars 1834. Alexandre Pouchkine.
Pétersbourg.

553. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

5 марта 1834 г. В Петербурге.

Милостивый государь,
граф Александр Христофорович,

Извещение Вашего сиятельства о высочайшей милости государя императора имел я счастие получить. Осмеливаюсь, милостивый государь, свидетельствовать Вашему сиятельству чувства глубочайшей благодарности за могущественное ходатайство, коего изволили меня удостоить.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.
5 марта 1834. Александр Пушкин.

554. Л. В. ДУБЕЛЬТУ.

5 марта 1834 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Леонтий Васильевич,

Спешу Вас всепокорнейше известить, что уведомление о высочайшем соизволении государя императора печатать мною написанную Историю о Пугачеве в одной из типографий, подведомственных господину действительному тайному советнику Сперанскому, получить имел я честь.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою.
5 февраля[1] 1834. Александр Пушкин.
СПб.

555. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

15—16 марта 1834 г. В Петербурге.

Едете ли Вы на совещание к Гречу? Если да, то отправимся вместе; одному ехать страшно: пожалуй, побьют.

---

[1] *Описка, вместо* марта.

556. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

16 марта 1834 г. В Петербурге.

Дело идет о Конверсационс Лексиконе: я это пронюхал. Соглашаюсь с Вашим сиятельством, что нынешний вечер имеет свою гадкую и любопытную сторону. Я буду у Греча, ибо на то получил разрешение от Плетнева, который есть воплощенная совесть. Поедем; что за беда? Ведь это будет мирская сходка всей республики. Всего насмотримся и наслышимся. А в воровскую шайку не вступим.

А. П.

557. П. В. НАЩОКИНУ.

Середина марта 1834 г. Петербург.

Ты не можешь вообразить, милый друг, как обрадовался я твоему письму. Во-первых, получаю от тебя тетрадку: доказательство, что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и спокойствие, и охота со мною болтать. С первых строк вижу, что ты спокоен и счастлив. Каждое слово уничтожает сплетни, половине коих я не верил, но коих другая половина сильно меня тревожила. У меня обедал Соболевский и Лев Сергеевич. Прочитав твое письмо сперва про себя, потом во услышание твоих приятелей, все мы были довольны, все пожелали тебе счастия. Наталья Николаевна нетерпеливо желает познакомиться с твоею Верою Александровною и просит тебя заочно их подружить. Она сердечно тебя любит и поздравляет... Но сперва поговорим о деле, т. е. о деньгах. Когда ты отправил меня из Москвы, ты помнишь, что мы думали, что ты без моих денег обойдешься; оттого-то я моих распоряжений и не сделал. У меня была в руках, и весьма недавно, довольно круглая сумма; но она истаяла и до октября денег у меня не будет — но твои 3000 доставлю тебе в непродолжительном времени, по срокам, которые назначу, сообразясь с моими обстоятельствами. Здесь говорили, что ты проиграл в *долг* всё, что тебе следовало получить с брата. Ты не можешь вообразить, как это меня беспокоило; но теперь надеюсь на перемену жизни твоей. Тебе уже не нужно потрясений кенз-ель-ва и плие, для рассеяния своего домашнго горя. Говорят, что несчастие хорошая школа: может быть. Но счастие есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному, какова твоя, мой друг; какова и моя, как тебе известно. Конечно мы квиты, если ты мне обязан женитьбою своей — и надеюсь, что Вера Александровна будет меня любить, как любит тебя Наталья Николаевна. Вообрази, что жена моя на днях чуть не умерла. Нынешняя зима была ужасно изо-

бильна балами. На масленице танцевали уж два раза в день. Наконец настало последнее воскресение перед великим постом. Думаю: слава богу! балы с плеч долой. Жена во дворце. Вдруг, смотрю — с нею делается дурно — я увожу ее, и она, приехав домой,— выкидывает. Теперь она (чтоб не сглазить), слава богу, здорова и едет на днях в калужскую деревню к сестрам, которые ужасно страдают от капризов моей тещи. Долг Вяземского я еще до получения твоего письма перевел на себя. Андрей Петрович в ужасном положении. Он умирал с голоду и сходил с ума. Соболевский и я, мы помогали ему деньгами скупо, увещаниями щедро. Теперь думаю отправить его в полк капельмейстером. Он художник в душе и в привычках, т. е. беспечен, нерешителен, ленив, горд и легкомыслен; предпочитает всему независимость; но ведь и нищий независимее поденщика. Я ему ставлю в пример немецких гениев, преодолевших столько горя, дабы добиться славы и куска хлеба. Сколько ты должен ему? Хочешь, я за тебя и ему заплачу? — Обстоятельства мои затруднились еще вот по какому случаю: на днях отец мой посылает за мною. Прихожу — нахожу его в слезах, мать в постеле — весь дом в ужасном беспокойстве. *Что такое? имение описывают.—Надо скорее заплатить долг.— Уж долг заплачен. Вот и письмо управителя.— О чем же горе? — Жить нечем до октября.— Поезжайте в деревню.— Не с чем.*— Что делать? Надобно взять имение в руки, а отцу назначить содержание. Новые долги, новые хлопоты. А надобно: я желал бы и успокоить старость отца, и устроить дела брата Льва, который в своем роде такой же художник, как и Андрей Петрович, с той разницей, что за собою никакого художества не знает. Сестра Ольга Сергеевна выкинула и опять брюхата. Чудеса да и только.

Вот тебе другие новости: я камер-юнкер с января месяца; «Медный всадник» не пропущен — убытки и неприятности! зато Пугачев пропущен, и я печатаю его на счет государя. Это совершенно меня утешило; тем более, что, конечно, сделав меня камер-юнкером, государь думал о моем чине, а не о моих летах — и верно не думал уж меня кольнуть. Как скоро устрою свои дела, то примусь и за твои. Прощай, жди денег.

558. Д. М. КНЯЖЕВИЧУ.

22 марта 1834 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Дмитрий Максимович,

Извещение Вашего превосходительства о том, что государю императору угодно было пожаловать мне 20 000 рублей на напечатание «Истории Пугачевского бунта», с тем, чтоб оные заплатить через два года, получить имел я честь.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

1834, марта 22.
СПб.

559. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

25 марта 1834 г. В Петербурге.

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

Всепокорнейше честь имею известить Ваше сиятельство, что сего 24 марта получено мною уведомление об отзыве министра финансов касательно всемилостивейше мне пожалованных заимообразно денег на издание «Истории Пугачевского бунта».

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

25 марта 1834.
СПб.

560. Н. В. ГОГОЛЮ.

Март — первые числа (не позднее 7) апреля 1834 г.
В Петербурге.

Вы правы — я постараюсь. До свидания.

А. П.

561. М. П. ПОГОДИНУ.

Около (не позднее) 7 апреля 1834 г.
Из Петербурга в Москву.

Радуюсь случаю поговорить с Вами откровенно. Общество Любителей поступило со мною так, что никаким образом я не могу быть с ним в сношении. Оно выбрало меня в свои члены вместе с Булгариным, в то самое время, как он единогласно был забаллотирован в Английском клубе (№3 в Петербургском), как шпион, переметчик и клеветник, в то самое время, как я в ответ

на его ругательства принужден был напечатать статью о Видоке; мне нужно было доказать публике, которая вправе была удивляться моему долготерпенью, что я имею полное право презирать мнение Булгарина и не требовать удовлетворения от ошельмованного негодяя, толкующего о чести и нравственности. И что же? в то самое время читаю в газете Шаликова: *Александр Сергеевич и Фаддей Венедиктович, сии два корифея нашей словесности,* удостоены etc. etc. Воля Ваша: это пощечина. Верю, что Общество, в этом случае, поступило, как Фамусов, не имея намерения оскорбить меня.

Я всякому, ты знаешь, рад.

Но долг мой был немедленно возвратить присланный диплом; я того не сделал, потому что тогда мне было не до дипломов, но уж иметь сношения с Обществом Любителей я не в состоянии.

Вы спрашиваете меня о «Медном всаднике», о Пугачеве и о Петре. Первый не будет напечатан. Пугачев выйдет к осени. К Петру приступаю со страхом и трепетом, как Вы к исторической кафедре. Вообще пишу много про себя, а печатаю поневоле и единственно для денег: охота являться перед публикою, которая Вас не понимает, чтоб четыре дурака ругали Вас потом шесть месяцев в своих журналах только что не по-матерну. Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок. Быть так.

562. А. В. НИКИТЕНКЕ.

Около (не позднее) 9 апреля 1834 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Иванович, [1]

Могу ли я надеяться на Вашу благосклонность? Я издаю «Повести Белкина» вторым тиснением, присовокупя к ним «Пиковую даму» и несколько других уже напечатанных пиес. Нельзя ли Вам всё это пропустить? Крайне меня обяжете.

С истинным почтением и преданностию честь имею быть,
милостивый государь,
Ваш покорнейший слуга
Александр Пушкин.

---

[1] *Описка, вместо* Висильевич.

563. Г. А. СТРОГАНОВУ.

Около (не ранее) 11 апреля 1834 г. В Петербурге.

Monsieur le Comte

J'expie bien tristement les chimères de ma jeunesse. L'accolade de Lelewel me paraît plus dure qu'un exil en Sibérie; je vous remercie cependant de ce que vous avez bien voulu me communiquer l'article en question: il me servira de texte à sermon.

Veuillez, Monsieur le Comte, me mettre aux pieds de Madame Votre femme et agréer l'hommage de ma haute considération.

Alexandre Pouchkine.

564. И. М. ПЕНЬКОВСКОМУ.

13 апреля 1834 г. Из Петербурга в Болдино.

Батюшке угодно было поручить в полное мое распоряжение управление имения его; посему, утверждая доверенность, им данную Вам, извещаю Вас, чтобы отныне относились Вы прямо ко мне по всем делам, касающимся Болдина. Немедленно пришлите мне счет денег, доставленных Вами батюшке со времени вступления Вашего во управление, также и Вами взятых взаймы и на уплату долга, а за сим и сколько в остатке непроданного хлеба, несобранного оброка и (если случится) недоимок. Приступить Вам также и к подворной описи Болдина, дабы оная к сентябрю месяцу была готова.

13 апреля. А. Пушкин.

565. И. И. ЛАЖЕЧНИКОВУ.

Первая половина апреля 1834 г. Из Петербурга в Тверь.
(Черновое)

С живейшей благодарностью получил я письмо Ваше 30 марта и рукопись о Пугачеве. Рукопись была уже мне известна, она сочинена академиком Рычковым, находившимся в Оренбурге во время осады. В Вашем списке я нашел некоторые любопытные прибавления, которыми непременно воспользуюсь.

Несколько раз проезжая через Тверь, я всегда желал случая Вам представиться и благодарить Вас, во-первых, за то истинное наслаждение, которое доставили Вы мне Вашим первым романом, а во-вторых, и за внимание, которого Вы меня удостоили.

С нетерпением ожидаем нового Вашего творения, из коего прекрасный отрывок читал я в альманахе Максимовича. Скоро ли

он выйдет? и как Вы думаете его выдать — ради бога, не по частям. Эти рассрочки выводят из терпения многочисленных Ваших читателей и почитателей.

С глубочайшим и проч.

566. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

17 апреля 1834 г. Из Петербурга в Москву.

17 апреля.

Что, женка? каково ты едешь? что-то Сашка и Машка? Христос с вами! будьте живы и здоровы, и доезжайте скорее до Москвы. Жду от тебя письма из Новагорода; а покамест вот тебе отчет о моем холостом житье-бытье. Третьего дня возвратился я из Царского Села в пять часов вечера, нашел на своем столе два билета на бал 29-го апреля и приглашение явиться на другой день к Литте; я догадался, что он собирается мыть мне голову за то, что я не был у обедни. В самом деле, в тот же вечер узнаю от забежавшего ко мне Жуковского, что государь был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров и что он велел нам это объявить. Литта во дворце толковал с большим жаром, говоря: Il y a cependant pour les Messieurs de la Cour des règles fixes, des règles fixes. На что Нарышкин ему заметил: Vous vous trompez: c'est pour les demoiselles d'honneur. Я извинился письменно. Говорят, что мы будем ходить попарно, как институтки. Вообрази, что мне с моей седой бородкой придется выступать с Безобразовым или Реймарсом. Ни за какие благополучия! J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, как говорит M-r Jourdain. Поутру сидел я в моем кабинете, читая Гримма и ожидая, чтоб ты, мой ангел, позвонила, как явился ко мне Соболевский с вопросом, где мы будем обедать? Тут вспомнил я, что я хотел говеть, а между тем уж оскоромился. Делать нечего; решились отобедать у Дюме; и покамест стали приводить в порядок библиотеку. Тетка приехала спросить о тебе и, узнав, что я в халате и оттого к ней не выхожу, сама вошла ко мне — я исполнил твою комиссию, поговорили о тебе, потужили, побеспокоились; и решились тебе подтвердить наши просьбы и требования — беречь себя и помнить наши наставления. Потом явился я к Дюме, где появление мое произвело общее веселие: холостой Пушкин! Стали потчевать меня шампанским и пуншем и спрашивать, не поеду ли я к Софье Остафьевне? Всё это меня смутило, так что я к Дюме являться уж более не намерен и обедаю сегодня дома, заказав Степану ботвинью и beafsteaks. Вечер провел я дома, сегодня проснулся в семь часов и стал тебе писать сие

подробное донесение.— Посылаю тебе письмо матери, пришедшее третьего дня — буду ей писать, а покамест обнимаю и целую тебя и благословляю всех троих.

567. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

19 апреля 1834 г. Из Петербурга в Москву.

Душка моя, посылаю тебе два письма, которые я распечатал из любопытства и скупости (чтоб меньше платить на почту весовых денег), также и рецепт капель. Сделай милость, не забудь перечесть инструкцию Спасского и поступать по оной. Теперь, женка, должна ты быть уже около Москвы. Чем дальше едешь, тем тебе легче; а мне!.. Сестры твои тебя ждут; воображаю вашу радость; смотри, не сделайся сама девочкой, не забудь, что уж у тебя двое детей, третьего выкинула, береги себя, будь осторожна; пляши умеренно, гуляй понемножку, а пуще скорее добирайся до деревни. Целую тебя крепко и благословляю всех вас. Что Машка? чай, куда рада, что может вволю воевать! Теперь вот тебе отчет о моем поведении. Я сижу дома, обедаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевского. Третьего дня сыграл я славную штуку со Львом Сергеевичем. Соболевский, будто ненарочно, зовет его ко мне обедать. Лев Сергеевич является. Я перед ним извинился как перед гастрономом, что, не ожидая его, заказал себе только ботвинью да beafsteaks. Лев Сергеевич тому и рад. Садимся за стол; подают славную ботвинью; Лев Сергеевич хлебает две тарелки, утирает осетрину, наконец требует вина; ему отвечают, нет вина.— Как, нет? — Александр Сергеевич не приказал на стол подавать. И я объявляю, что с отъезда Натальи Николаевны я на диете — и пью воду. Надобно было видеть отчаяние и сардонический смех Льва Сергеича, который уже ко мне, вероятно, обедать не явится. Во всё время Соболевский подливал себе воду то в стакан, то в рюмку, то в длинный бокал — и потчевал Льва Сергеича, который чинился и отказывался. Вот тебе пример моих невинных упражнений. С нетерпением ожидаю твоего письма из Новагорода и тотчас понесу его Катерине Ивановне. Покамест — прощай, ангел мой. Целую вас и благословляю. Вчера был у нас первый гром — слава богу, весна кончилась.

19 апреля.

568. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

20 и 22 апреля 1834 г. Из Петербурга в Москву.

Пятница.

Ангел мой женка! сейчас получил я твое письмо из Бронниц — и сердечно тебя благодарю. С нетерпением буду ждать известия из Торжка. Надеюсь, что твоя усталость дорожная пройдет благополучно и что ты в Москве будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послал я тетке, а сам к ней не отнес, потому что репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет. Теперь полно врать; поговорим о деле; пожалуйста, побереги себя, особенно сначала; не люблю я святой недели в Москве; не слушайся сестер, не таскайся по гуляниям с утра до ночи; не пляши на бале до заутрени. Гуляй умеренно, ложись рано. Отца не пускай к детям, он может их испугать и мало ли что еще. Пуще береги себя во время регул — в деревне не читай скверных книг дединой библиотеки, не марай себе воображения, женка. Кокетничать позволяю, сколько душе угодно. Верхом езди не на бешеных лошадях (о чем всепокорно прошу Дмитрия Николаевича). Сверх того прошу не баловать ни Машку, ни Сашку и, если ты не будешь довольна своей немкой или кормилицей, прошу тотчас прогнать, не совестясь и не церемонясь.

Воскресение. Христос воскрес, моя милая женка, грустно, мой ангел, грустно без тебя. Письмо твое мне из головы нейдет. Ты, мне кажется, слишком устала. Приедешь в Москву, обрадуешься сестрам; нервы твои будут напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, целую ночь простоишь у всеночной, и теперь лежишь врастяжку в истерике и лихорадке. Вот что меня тревожит, мой ангел. Так, что голова кругом идет и что ничто другое в ум не лезет. Дождусь ли я, чтоб ты в деревню удрала! Нынче великий князь присягал; я не был на церемонии, потому что репортуюсь больным, да и в самом деле не очень здоров. Кочубей сделан канцлером; множество милостей; шесть фрейлин, между прочими твоя приятельница Натали Оболенская, а наша Машенька Вяземская всё нет. Жаль и досадно. Наследник был очень тронут; государь также. Вообще, говорят, всё это произвело сильное

действие. С одной стороны, я очень жалею, что не видел сцены исторической, и под старость нельзя мне будет говорить об ней как свидетелю. Еще новость: Мердер умер; это еще тайна для великого князя и отравит его юношескую радость. Аракчеев также умер. Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться. Тетка подарила мне шоколадный бильярд — прелесть. Она тебя очень целует и по тебе хандрит. Прощайте, все мои. Христос воскрес, Христос с вами.

569. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

24 апреля 1834 г. Из Петербурга в Москву.

Вторник. Благодарю тебя, мой ангел, за письмо из-под Торжка. Ты умна, ты здорова — ты детей кашей кормишь — ты под Москвою. Всё это меня очень порадовало и успокоило; а то я был сам не свой. У нас святая неделя, шумная, бурная. Вчера был у Карамзиной и побранился с Тимирязевой. Сегодня пойду к тетке, с твоим письмом. Завтра напишу тебе много. Покамест целую тебя и всех вас благословляю.

570. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

28 апреля 1834 г. Из Петербурга в Москву.

Ну, женка! насилу дождались мы от тебя письма. По моему расчету, ты должна была приехать в Москву в великий четверг (так и вышло), и целые девять дней не было от тебя известия. Тетка перепугалась. Я был спокойнее, зная уже, что ты до Торжка дотащилась благополучно, и полагая, что хлопоты приезда и радость свидания помешают тебе в первые дни думать о письмах. Однако уж и мне становилось плохо. Слава богу! ты приехала, ты и Маша здоровы, Сашке лучше, вероятно он и совсем выздоровел. Не от кормилицы ли он болен? Вели ее осмотреть, да отыми его от груди, пора. Кланяйся сестрам. Попроси их от меня Машку не баловать, т. е. не слушаться ее слез и крику, а то мне не будет от нее покоя. Береги себя и, сделай милость, не простудись. Что делать с матерью? Коли она сама к тебе приехать не хочет, поезжай к ней на неделю, на две, хоть это лишние расходы и лишние хлопоты. Боюсь ужасно для тебя семейственных сцен. Помяни господи царя Давида и всю кротость его! — С отцом, пожалуйста, не входи в близкие сношения и детей ему не показывай; на его, в его положении, невозможно полагаться. Того и гляди откусит у Машки носик. Теперь вот тебе всепокорнейший отчет. Святую неделю провел я чинно дома, был всего вчерась (в пятницу) у Карамзиной да у Смирновой. На

качелях не являлся; завтра будет бал, на который также не явлюсь. Этот бал кружит все головы и сделался предметом толков всего города. Будет 1800 гостей. Расчислено, что, полагая по одной минуте на карету, подъезд будет продолжаться 10 часов; но кареты будут подъезжать по три вдруг, следственно время втрое сократится. Вчера весь город ездил смотреть залу, кроме меня. Соболевский здесь, но занял у меня 50 р. и с тех пор ко мне не являлся. Лев Сергеевич переезжает сегодня от Энгельгардта к родителям. Честь имею тебе заметить, что твой извозчик спрашивал не рейнвейну, а ренского (т. е. всякое белое кисленькое виноградное вино называется ренским), впрочем, твое замечание о просвещении русского народа очень справедливо и делает тебе честь, а мне удовольствие. Dis-moi ce que tu bois, je te dirai qui tu es. Пьешь ли ты ромашку или eau d'orange? Тетка третьего дня заезжала ко мне узнать о твоем здоровье и пококетничала со мною из кареты. Сегодня отправлюсь к ней с твоим письмом. Прощай, мой ангел; целую тебя и всех вас благословляю. Кланяюсь сестрам... Эх, хотелось бы отпустить une bonne plaisanterie, да тебя боюсь. Addio.

Суббота.

571. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

30 апреля 1834 г. Из Петербурга в Москву.

Фомин понедельник.

Вчера был наконец дворянский бал. С шести часов начался подъезд экипажей. Я пошел бродить по городу и прошел мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиция с ним шумела. Иллюминацию приготовляли. Не дождавшись сумерков, пошел я в Английский клоб, где со мною случилось небывалое происшествие. У меня в клобе украли 350 рублей, украли не в тинтере, не в вист, а украли, как крадут на площадях. Каков наш клоб? перещеголяли мы и московский! Ты думаешь, что я сердился, ничуть. Я зол на Петербург и радуюсь каждой его гадости. Возвратясь домой, получаю твое письмо, милый мой ангел. Слава богу, ты здорова, дети здоровы, ты пай дитя; с бала уезжаешь прежде мазурки, по приходам не таскаешься. Одно худо: не утерпела ты, чтоб не съездить на бал княгини Голицыной. А я именно об этом и просил тебя. Я не хочу, чтоб жена моя ездила туда, где хозяйка позволяет себе невнимание и неуважение. Ты не M-lle Sontag, которую зовут на вечер, а потом на нее и не смотрят. Московские дамы мне не пример. Они пускай таскаются по передним, к тем, которые на них и не смотрят. Туда им и дорога. Женка, женка! если ты и в эдакой безделице меня не слушаешь, так как мне не думать... ну, уж бог с тобой.

Ты говоришь: я к ней не ездила, она сама ко мне подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сделать ей визит, потому что она штатс-дама, а ты камер-пажиха; это дело службы. Но на бал к ней нечего было тебе являться. Ей-богу, досада берет — и письма не хочу продолжать.

572. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

30 апреля 1834 г. Из Петербурга в Москву.

Жена моя милая, женка мой ангел — я сегодня уж писал тебе, да письмо мое как-то не удалось. Начал я было за здравие, да свел за упокой. Начал нежностями, а кончил плюхой. Виноват, женка. Остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим. Прощаю тебе бал у Голицыной и поговорю тебе о бале вчерашнем, о котором весь город говорит и который, сказывают, очень удался. Ничего нельзя было видеть великолепнее. Было и не слишком тесно, и много мороженого, так что мне бы очень было хорошо. Но я был в народе, и передо мною весь город проехал в каретах (кроме поэта Кукольника, который проехал в каком-то старом фургоне, с каким-то оборванным мальчиком на запятках; что было истинное поэтическое явление). О туалетах справлюсь и дам тебе знать. Я писал тебе, что у меня в клобе украли деньги; не верь, это низкая клевета: деньги нашлись и мне принесены. Напрасно ты думаешь, что я в лапах у Соболевского и что он пакостит твои мебели. Я его вовсе не вижу, а подружился опять с Sophie Karamzine. Она сегодня на свадьбе, у Бакуниной. Есть еще славная свадьба: Воронцов женится — на дочери К. А. Нарышкина, которая и в свет еще не выезжает. Теперь из богатых женихов остался один Новомленский, ибо Сорохтин, ты говоришь, умре. Кого-то выберет он? Александру ли Николаевну или Катерину Николаевну? как думаешь? Это письмо, вероятно, получишь ты уже в Яропольце; Наталье Ивановне я уже писал; поцелуй за меня у ней ручки и скажи много нежного. Прощай, жена, целую и благословляю тебя и вас.

А. П.

573. Д. Н. БАНТЫШУ-КАМЕНСКОМУ.

1 мая 1834 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь
Дмитрий Николаевич,

Позвольте принести Вам глубочайшую мою благодарность за письмо, драгоценный знак Вашей благосклонности, и за снимок с печати Самозванца, который я тотчас и отдал гравировать.

Портрет его у меня есть и также гравируется. С нетерпением буду ждать биографию Пугачева, которую изволите мне обещать с такою снисходительностию.

Жалею, что время не позволяет мне повергнуть мой труд Вашему рассмотрению. Мнения и замечания такого человека, каков Вы, послужили бы мне руководством и ободрили бы первый мой исторический опыт.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

1 мая 1834.
СПб.

574. Н. И. ПАВЛИЩЕВУ.

4 мая 1834 г. Из Петербурга в Варшаву.

Милостивый государь
Николай Иванович,

Благодарю Вас за Ваше письмо. Оно дельное и деловое; следовательно, отвечать на него не трудно.

Согласясь взять на себя управление батюшкинова имения, я потребовал ясного расчета долгам, казенным и частным, и доходам.

Батюшка отвечал мне, что долгу на всем имении *тысяч сто,* что процентов в год должно уплачивать *тысяч семь,* что недоимок *тысячи три,* а что доходов *тысяч 22.*

Я просил всё это определить с большею точностию, и батюшка не успел того сделать сам, я обратился в ломбард и узнал наверное, что

Долгу казенного	190 750
Что процентов ежегодных	11 826
Что недоимок	11 045
(Частных долгов полагаю около	10 000)

Сколько доходу, наверное знать не могу, но, полагаясь на слова батюшкины и ставя по 22 000, выйдет, что, за уплатою казенных процентов, остается до 10 000.

Из оных, если батюшка положит по 1500 Ольге Сергеевне, да по стольку же Льву Сергеевичу, то останется для него 7000. Сего было бы довольно для него, но есть недоимки казенные, долги частные, долги Льва Сергеевича, а часть доходов сего года уже батюшкой получена и истрачена.

Покамест не приведу в порядок и в известность сии запутанные дела, ничего не могу обещать Ольге Сергеевне и не обещаю.

Состояние мое позволяет мне не брать ничего из доходов батюшкина имения, но *своих* денег я не могу и не в состоянии приплачивать.

На днях . . . . . 74 души не заложенных . . . . . *Надеюсь* получить тысяч . . . . . если не будет запрещений на имении. Из них пришлю Вам долг Льва Сергеевича.

С истинным почтением и преданностию остаюсь

Ваш покорнейший слуга

4 мая 1834. А. Пушкин.

СПб.

Я еще не получил от батюшки доверенности, а *из моих* денег уплатил уже в один месяц 866 за батюшку, а за Льва Сергеевича 1330: более не могу.

575. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

Около 5 мая 1834 г. Из Петербурга в Ярополец.

Что это, жена? вот уже 5 дней как я не имею о тебе известия. Надеюсь, что хлопоты отъезда и приезда одни помешали тебе ко мне писать и что ты и дети здоровы. Пишу к тебе в Ярополец. Не знаю, куда отправить тебе деньги, в Москву ли, в Волоколамск ли, в Калугу ли? На днях на что-нибудь решусь. Что тебе сказать о себе: жизнь моя очень однообразна. Обедаю у Дюме часа в 2, чтоб не встретиться с холостою шайкою. Вечером бываю в клобе. Вчера был у княгини Вяземской, где находилась и твоя графиня Соллогуб. Оттуда поехал я к Одоевскому, который едет в Ревель. Тетку вижу часто, она беспокоится, что давно нет об тебе известия. Погода у нас славная, а у вас, вероятно, еще лучше. Пора тебе в деревню на лекарство, на ванны и на чистый воздух.

Сейчас, мой ангел, получил я твое письмо от 1-го мая. Благодарю тебя, что ты переждешь свои временные. Это мне доказывает твое благоразумие, и я тебя втрое за то люблю. Радуюсь, что ты хорошеешь, хоть это du superflu. Сейчас (в пять часов) сидела у меня тетка, она тебя целует. Летний сад полон. Все гуляют. Графиня Фикельмон звала меня на вечер. Явлюсь в свет в первый раз после твоего отъезда. За Соллогуб я не ухаживаю, вот те Христос; и за Смирновой тоже. Смирнова ужасно брюхата, а родит через месяц. Все тебе кланяются. Завтра еще буду писать.

Не смей купаться — с ума сошла, что ли. Послезавтра обедаю у Спасского — и буду на тебя жаловаться. Я не поехал к Фикельмон, а остался дома, перечел твое письмо и ложусь спать. Брат Иван у меня. Лев Сергеевич и отец меня очень сердят, а Ольга Сергеевна начинает уже сердить. Откажусь ото всего — и стану жить припеваючи.

576. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

12 мая 1834 г. Из Петербурга в Ярополец.

Какая ты дура, мой ангел! конечно я не стану беспокоиться оттого, что ты три дня пропустишь без письма, так точно как я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь с кавалергардом. Из этого еще не следует, что я равнодушен и не ревнив. Я отправил тебя из Петербурга с большим беспокойством; твое письмо из Бронницы еще более меня взволновало. Но когда узнал я, что до Торжка ты доехала здорова, у меня гора с сердца свалилась, и я не стал сызнова хандрить. Письмо твое очень мило; а опасения насчет истинных причин моей дружбы к Софье Карамзиной очень приятны для моего самолюбия. Отвечаю на твои запросы: Смирнова не бывает у Карамзиных, ей не встащить брюха на такую лестницу; кажется, она уже на даче; графиня Соллогуб там также не бывает, но я видел ее у княгини Вяземской. Волочиться я ни за кем не волочусь. У меня голова кругом идет. Не рад жизни, что взял имение, но что ж делать? Не для меня, так для детей. Тетка вчера сидела у меня, она тебя целует. Вчера был большой парад, который, говорят, не удался. Царь посадил наследника под арест. Сюда ожидают прусского принца и много других гостей. Надеюсь не быть ни на одном празднике. Одна мне и есть выгода от отсутствия твоего, что не обязан на балах дремать да жрать мороженое. Пишу тебе в Ярополец, где ты должна быть с третьегодняшнего дня. Кланяюсь сердечно Наталье Ивановне, целую тебя и детей. Христос с вами.

Знаешь ты, что княгиня Мещерская и Sophie Karamzine едут за границу? Sophie уж плачет недели две, вероятно я довезу ее до Кронштадта.

577. Н. В. ГОГОЛЮ.

13 мая 1834 г. В Петербурге.

Я совершенно с Вами согласен. Пойду сегодня же назидать Уварова и кстати о смерти «Телеграфа» поговорю и о Вашей. От сего незаметным и искусным образом перейду к бессмертию, его ожидающему. Авось уладим.

578. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

16 мая 1834 г. Из Петербурга в Ярополец.

Давно, мой ангел, не получал я от тебя писем. Тебе, видно, было некогда. Теперь, вероятно, ты в Яропольце и уже опять собираешься в дорогу. Такая тоска без тебя, что того и гляди приеду

к тебе. Говорил я со Спасским о Пирмонтских водах; он желает, чтобы ты их принимала; и входил со мною в подробности, о которых по почте не хочу тебе писать, потому что не хочу, чтоб письма мужа к жене ходили по полиции. Пиши мне о своем здоровье и о здоровье детей, которых целую и благословляю. Кланяюсь Наталье Ивановне. Тебя целую. На днях получишь письма по оказии. Прощай, мой милый друг.

16 мая.

579. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

18 мая 1834 г. Из Петербурга в Ярополец.

Мой ангел! поздравляю тебя с Машиным рождением, целую тебя и ее. Дай бог ей зубков и здоровья. Того же и Саше желаю, хоть он не именинник. Ты так давно, так давно ко мне не писала, что несмотря на то, что беспокоиться по-пустому я не люблю, но я беспокоюсь. Я должен был из Ярропольца получить по крайней мере два письма. Здорова ли ты и дети? спокойна ли ты? Я тебе не писал, потому что был зол — не на тебя, на других. Одно из моих писем попалось полиции и так далее. Смотри, женка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных сношений, проникнутая скверным и бесчестным образом; но если ты виновата, так это мне было бы больно. Никто не должен знать, чтó может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни. Я пишу тебе, не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники. Но знаю, что этого быть не может; а свинство уже давно меня ни в ком не удивляет.

Вчера я был в концерте, данном для бедных в великолепной зале Нарышкина, в самом деле великолепной. Как жаль, что ты ее не видала. Пели новую музыку Вьельгорского на слова Жуковского. Я никого не вижу, нигде не бываю; принялся за работу и пишу по утрам. Без тебя так мне скучно, что поминутно думаю к тебе поехать, хоть на неделю. Вот уж месяц живу без тебя; дотяну до августа; а ты себя береги; боюсь твоих гуляний верхом. Я еще не знаю, как ты ездишь; вероятно, смело; да крепко ли на седле сидишь? вот запрос. Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином! Неприятна зависимость; особенно, когда лет 20 человек был независим. Это не упрек тебе, а ропот на самого себя. Благословляю всех вас, детушки.

580. А. Н. МОРДВИНОВУ.

26 мая 1834 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Николаевич,

Осмеливаюсь беспокоить Ваше превосходительство покорнейшей просьбой о позволении мне перепечатать в одну книгу сочинения мои в прозе, доныне изданные; также и о позволении доставить Вильгельму Кюхельбекеру экземпляр всех моих сочинений.

С глубочайшим почтением честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

26 мая 1834.
СПб.

581. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

Около (не позднее) 29 мая 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод.

Благодарю тебя, мой ангел, за добрую весть о зубке Машином. Теперь надеюсь, что и остальные прорежутся безопасно. Теперь за Сашкою дело. Что ты путаешь, говоря: *о себе не пишу, потому что не интересно.* Лучше бы ты о себе писала, чем о Sollogoub, о которой забираешь в голову всякий вздор — на смех всем честным людям и полиции, которая читает наши письма. Ты спрашиваешь, что я делаю. Ничего путного, мой ангел. Однако дома сижу до четырех часов и работаю. В свете не бываю; от фрака отвык; в клобе провожу вечера. Книги из Парижа приехали, и моя библиотека растет и теснится. К нам в Петербург приехал ventriloque, который смешил меня до слез; мне, право, жаль, что ты его не услышишь. Хлопоты по имению меня бесят; с твоего позволения, надобно будет, кажется, выйти мне в отставку и со вздохом сложить камер-юнкерский мундир, который так приятно льстил моему честолюбию и в котором, к сожалению, не успел я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я уверен, что тебе не труднее будет исполнить долг доброй матери, как исполняешь ты долг честной и доброй жены. Зависимость и расстройство в хозяйстве ужасны в семействе; и никакие успехи тщеславия не могут вознаградить спокойствия и довольства. Вот тебе и мораль. Ты зовешь меня к себе прежде августа. Рад бы в рай, да грехи не пускают. Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? что мне весело в нем жить между пасквилями и доносами? Ты спрашиваешь меня о «Петре»? идет

помаленьку; скопляю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок. Вчера видел я Сперанского, Карамзиных, Жуковского, Вьельгорского, Вяземского — все тебе кланяются. Тетка меня всё балует — для моего рождения прислала мне корзину с дынями, с земляникой, клубникой — так что боюсь поносом встретить 36-ой год бурной моей жизни. Сегодня еду к ней с твоим письмом. Покамест прощай, мой друг. У меня желчь, так извини мои сердитые письма. Целую вас и благословляю.

Деньги шлю на имя Димитрия Николаевича.

582. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

3 июня 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод.

Что это, мой друг, с тобою делается? вот уж девятый день, как не имею о тебе известия. Это меня поневоле беспокоит. Положим: ты выезжала из Яропольца, всё-таки могла иметь время написать мне две строчки. Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство à la lettre. Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно: каторга не в пример лучше. Это писано не для тебя; а вот что пишу для тебя. Начала ли ты железные ванны? есть ли у Маши новые зубы? и каково перенесла она свои первые? У меня, отгадай, кто теперь остановился? Сергей Николаевич, который приехал было в Царское Село к брату, но с ним побранился и принужден был бежать со всем багажом. Я очень ему рад. Шашки возобновились. Тетка уехала с Натальей Кирилловной. Я еще у ней не был. Долгорукая-Малиновская выкинула, но, кажется, здорова. Сегодня обедаю у Вяземского, у которого сын именинник; Карамзина уехала также. Писал я тебе, что Мещерские отправились в Италию и что Sophie три дня сряду разливалась, обвиняя себя в жестокосердии и раскаиваясь в том, что оставляет Катерину Андреевну одну? Я провожал их до пироскафа. В прошлое воскресение представлялся я к великой княгине. Я поехал к ее высочеству на Каменный остров в том приятном расположении духа, в котором ты меня привыкла видеть, когда надеваю свой великолепный мундир. Но она так была мила, что я забыл и свою несчастную роль и досаду. Со мною вместе представлялся цензор Красовский. Великая княгиня сказала ему: Vous devez être bien fatigué d'être obligé de lire tout ce qui paraît. — Oui, Votre Altesse Impériale, отвечал он ей, d'autant plus que ce que l'on écrit maintenant n'a pas le sens commun. А я стою подле него. Она, как умная женщина, как-то его подправила. Смир-

нова на сносях. Брюхо ее ужасно; не знаю, как она разрешится; но она много ходит и не похожа на то, что была прошлого году. Графиню Соллогуб встретил я недавно. Она велела тебя поцеловать, и тетка ее также. Я большею частию дома и в клобе. Веду себя порядочно, только то нехорошо, что расстроил себе желудок; и что желчь меня так и волнует. Да от желчи здесь не убережешься. Новостей нет, да хоть бы и были, так не сказал бы. Целую всех вас, Христос с вами. Отец и мать на днях едут в деревню; а я хлопочу. Лев ходит пешком в Царское Село, а Соболевский в Ораниенбаум. Видно, им делать нечего. Прощай, мой ангел. Не сердись на холодность моих писем. Пишу, скрепя сердце.

3 июня.

583. Д. Н. БАНТЫШУ-КАМЕНСКОМУ.

3 июня 1834 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь
Дмитрий Николаевич,

Не знаю, как Вас благодарить за доставление бумаг, касающихся Пугачева. Несмотря на то, что я имел уже в руках множество драгоценных матерьялов, я тут нашел неизвестные, любопытные подробности, которыми непременно воспользуюсь. Смирдину отдал я Вашу прекрасную статью о Панине. Он взял ее к себе с благодарностию. Не согласитесь ли Вы участвовать в его журнале и на каких условиях?

Вы, вероятно, изволили слышать о торговом и литературном предприятии Плюшара, о русском Conversations Lexicon: великое множество биографических статей, Вами заготовленных, могли бы войти в состав этого лексикона. Не войдете ли Вы в сношение с Плюшаром? В таком случае прошу Вас выбрать меня в свои поверенные, а мы рады стараться.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою.

3 июня 1834. Александр Пушкин.
СПб.

584. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

8 июня 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод.

8 июня.

Милый мой ангел! я было написал тебе письмо на четырех страницах, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебе не послал, а пишу другое. У меня решительно сплин. Скучно жить без тебя и не сметь даже писать тебе всё, что придет на сердце. Ты говоришь о Болдине. Хорошо бы туда засесть, да мудрено. Об этом успеем еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моих жалоб в худую сторону. Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутом ниже́ у господа бога. Но ты во всем этом не виновата, а виноват я из добродушия, коим я преисполнен до глупости, несмотря на опыты жизни.

Благодарю тебя за весы, роскошную вывеску моей скупости. Мне прислала их тетка без записки. Вероятно, она теперь в хлопотах и приготовляет Наталью Кирилловну к вести о смерти князя Кочубея, который до вас не доехал, как имел намерения, и умер в Москве. Денег тебе еще не посылаю. Принужден был снарядить в дорогу своих стариков. Теребят меня без милосердия. Вероятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь от управления имения. Пускай они его коверкают как знают; на их век станет, а мы Сашке и Машке постараемся оставить кусок хлеба. Не так ли? Новостей нет. Фикельмон болен и в ужасной хандре. Вьельгорский едет в Италию к больной жене; Петербург пуст, все на дачах. Я сижу дома до четырех часов и пишу. Обедаю у Дюме. Вечером в клобе. Вот и весь мой день. Для развлечения вздумал было я в клобе играть, но принужден был остановиться. Игра волнует меня — а желчь не унимается. Целую вас и благословляю. Прощай. Жду от тебя письма об Яропольце. Но будь осторожна... вероятно, и твои письма распечатывают: этого требует Государственная безопасность.

585. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

11 июня 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод.

Нашла за что браниться!.. за Летний сад и за Соболевского. Да ведь Летний сад мой огород. Я, вставши от сна, иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. Я в нем дома. А Соболевский? Соболевский сам по себе, я сам по себе. Он спекуляции творит свои, а я свои. Моя спекуляция удрать к тебе в деревню. Что ты мне пишешь о Калуге? Что тебе смотреть на нее? Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга. Что же тебе там делать? Это тебя сестры баламутят, и верно уж моя любимая. Это на нее весьма похоже. Прошу тебя, мой друг, в Калугу не ездить. Сиди дома, так будет лучше. Тетка на даче, а я у ней еще не был. Еду сегодня с твоими письмами. Наталья Кирилловна узнала о смерти Кочубея. Je ne croyais pas, сказала она, que la mort de Кочубей me fit tant de peine. Она утешается тем, что умер он, а не Маша. Сегодня едут мои в деревню, и я их иду проводить, до кареты, не до Царского Села, куда Лев Сергеевич ходит пешечком. Уж как меня теребили; вспомнил я тебя, мой ангел. А делать нечего. Если не взяться за имение, то оно пропадет же даром, Ольга Сергеевна и Лев Сергеевич останутся на подножном корму, а придется взять их мне же на руки, тогда-то напла́чусь и наплачу́сь, а им и горя мало. Меня же будут цыганить. Ох, семья, семья!

Пожалуйста, мой друг, не езди в Калугу. С кем там тебе знаться? с губернаторшей? она очень мила и умна; но я никакой не вижу причины тебе ехать к ней на поклон. С невестой Дмитрия Николаевича? Вот это дело другое. Ты слади эту свадьбу, а я приеду в отцы посажёные. Напиши мне, женка, как поживала ты в Ярропольце, как ладила с матушкой и с прочими. Надеюсь, что вы расстались дружески, не успев поссориться и приревновать друг к другу. У нас ожидают прусского принца. Вчера приехал Озеров из Берлина с женою в три обхвата. Славная баба; я, смотря на нее, думал о тебе и желал тебе воротиться из Завода такою же тетехой. Полно тебе быть спичкой. Прощай, жена. У меня на душе просветлело. Я два дня сряду получил от тебя письма и помирился от души с почтою и полицией. Чёрт с ними. Что делают дети? благословляю их, а тебя целую.

11 июня.

В тот же день.

Сейчас от меня тетка. Она просит тебя к ней писать, а меня тебе уши выдрать. Она переезжает в Царское Село, в дом князя Кочубея, с Натальей Кирилловной, которая удивительно мила и добра; завтра еду с ней проститься. Зачем ты тетке не пишешь? какая ты безалаберная! Она просит, чтоб я тебя в Калугу пустил,

да ведь ты махнешь и без моего позволения. Ты на это молодец. Сейчас простился с отцом и матерью. У него хандра и черные мысли. Знаешь, что я думаю? не приехать ли мне к тебе на лето? нет, жена, дела есть, потерпим еще полтора месяца. А тут я к тебе упаду как снег на голову; если только пустят меня. Охота тебе думать о помещении сестер во дворец. Во-первых, вероятно, откажут; а во-вторых, коли и возьмут, то подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому Петербургу. Ты слишком хороша, мой ангел, чтоб пускаться в просительницы. Погоди; овдовеешь, постареешь — тогда, пожалуй, будь салопницей и титулярной советницей. Мой совет тебе и сестрам быть подале от двора; в нем толку мало. Вы же не богаты. На тетку нельзя вам всем навалиться. Боже мой! кабы Заводы были мои, так меня бы в Петербург не заманили и московским калачом. Жил бы себе барином. Но вы, бабы, не понимаете счастия независимости и готовы закабалить себя навеки, чтобы только сказали про вас: Hier Madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal. Прощай, Madame une telle, тетка прислала мне твое письмо, за которое я тебя очень благодарю. Будь здорова, умна, мила, не езди на бешеных лошадях, за детьми смотри, чтоб за ними няньки их смотрели, пиши ко мне чаще; сестер поцелуй запросто, Дмитрия Николаевича также — детей за меня благослови. Целую тебя. Еду на пироскафе провожать Вьельгорского, который, вероятно, жену свою в живых не застанет. «Петр 1-й» идет; того и гляди напечатаю 1-й том к зиме. На *того* я перестал сердиться, потому что, toute réflexion faite, не он виноват в свинстве, его окружающем. А живя в нужнике, поневоле привыкнешь к -----, и вонь его тебе не будет противна, даром что gentleman. Ух, кабы мне удрать на чистый воздух.

586. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

Около (не позднее) 19 июня 1834 г.
Из Петербурга в Полотняный завод.

Грустно мне, женка. Ты больна, дети больны. Чем это всё кончится, бог весть. Здесь меня теребят и бесят без милости. И мои долги и чужие мне покоя не дают. Имение расстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались и на меня насели. То — то, то другое. Вот тебе письмо Спасского. Если ты здорова, на что тебе ванны. Тетку видел на днях. Она едет в Царское Село. Прощай, женка. Плетнев сейчас ко мне входит.

А. П.

Целую вас всех и благословляю детей.

587. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

25 июня 1834 г. В Петербурге.

Monsieur le Comte,

Des affaires de famille nécessitant ma présence tantôt à Moscou, tantôt dans l'intérieur, je me vois obligé de me retirer du service et je supplie Votre Excellence de m'en obtenir la permission.

Je demanderais comme dernière grâce que l'autorisation que Sa Majesté a daigné m'accorder, celle de visiter les archives, ne me fut pas retirée.

Je suis avec respect
Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

15[1] juin.
St-Pétersbourg.

588. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

Около (не позднее) 27 июня 1834 г.
Из Петербурга в Полотняный завод.

Ваше благородие всегда понапрасну лаяться изволите *(Недоросль)*.

Помилуй, за что в самом деле ты меня бранишь? что я пропустил одну почту? но ведь почта у нас всякий день; пиши сколько хочешь и когда хочешь; не то что из Калуги, из которой письма приходят каждые десять дней. Передпоследнее письмо твое было такое милое, что расцеловал бы тебя; а это такое безалаберное, что за ухо бы выдрал. Буду отвечать тебе по пунктам. Когда я представлялся великой княгине, дежурная была не Соллогуб, а моя прищипленная кузинка Чичерина, до которой я не охотник, да хоть бы и Соллогуб была в карауле, так уж если влюбляться... Эх, женка! почта мешает, а то бы я наврал тебе с три короба. Я писал тебе, что от фрака отвык, а ты меня ловишь во лжи как в petite misére ouverte, доказывая, что я видел и того и другого, следственно в свете бываю; это ничего не доказывает. Главное то, что я привык опять к Дюме и к Английскому клобу; а этим нечего хвастаться. Смирнова родила благополучно, и вообрази: двоих. Какова бабенка, и каков красноглазый кролик Смирнов?— Первого ребенка такого сделали, что не пролез, а теперь принуждены надвое разделить. Сегодня, кажется, девятый день —

[1] *Описка, вместо* 25.

и слышно, мать и дети здоровы. Ты пишешь мне, что думаешь выдать Катерину Николаевну за Хлюстина, а Александру Николаевну за Убри: ничему не бывать; оба влюбятся в тебя; ты мешаешь сестрам, потому надобно быть твоим мужем, чтоб ухаживать за другими в твоем присутствии, моя красавица. Хлюстин тебе врет, а ты ему и веришь; откуда берет он, что я к тебе в августе не буду? разве он пьян был от ботвиньи с луком? Меня в Петербурге останавливает одно: залог имения нижегородского, я даже и Пугачева намерен препоручить Яковлеву, да и дернуть к тебе, мой ангел, на Полотняный завод.

Туда бы от жизни удрал, улизнул! Целую тебя и детей и благословляю вас от души. Ты, я думаю, так в деревне похорошела, что ни на что не похоже. Благодарю за анекдот о Дмитрии Николаевиче. Не влюблен ли он? Тетка в Царском Селе. На днях еду к ней. Addio, vita mia; ti amo.

589. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

Около 28 июня 1834 г. Из Петербурга
в Полотняный завод.

Мой ангел, сейчас послал я к графу Литта извинение в том, что не могу быть на Петергофском празднике по причине болезни. Жалею, что ты не увидишь; оно того стоит. Не знаю даже, удастся ли тебе когда-нибудь его видеть. Я крепко думаю об отставке. Должно подумать о судьбе наших детей. Имение отца, как я в том удостоверился, расстроено до невозможности, и только строгой экономией может еще поправиться. Я могу иметь большие суммы, но мы много и проживаем. Умри я сегодня, что с вами будет? мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане, и еще на тесном Петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сделаться мне богатым — а там, пожалуй, и кутить можем в свою голову. Петербург ужасно скучен. Говорят, что свет живет на Петергофской дороге. На Черной речке только Бобринская да Фикельмон. Принимают — а никто не едет. Будут большие праздники после Петергофа. Но я уж никуда не поеду. Меня здесь удерживает одно: типография. Виноват, еще другое: залог имения. Но можно ли будет его заложить? Как ты права была в том, что не должно мне было принимать на себя эти хлопоты, за которые никто мне спасибо не скажет, а которые испортили мне столько уж крови, что все пиявки дома нашего ее мне не высосут. Кстати о доме нашем: надобно тебе сказать, что я с нашим хозяином побранился, и вот почему. На днях возвращаюсь ночью домой; двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. Насилу добудился дворника. А я ему уже несколько раз говорил прежде моего при-

езда не запирать — рассердясь на него, дал я ему отеческое наказание. На другой день узнаю, что Оливье на своем дворе декламировал противу меня и велел дворнику меня не слушаться и двери запирать с 10 часов, чтоб воры не украли лестницы. Я тотчас велел прибить к дверям объявление, писанное рукою Сергея Николаевича, о сдаче квартеры — а к Оливье написал письмо, на которое дурак до сих пор не отвечал. Война же с дворником не прекращается, и вчера еще я с ним повозился. Мне его жаль, но делать нечего; я упрям и хочу переспорить весь дом — включая тут и пиявок. Я перед тобой кругом виноват, в отношении денежном. Были деньги... и проиграл их. Но что делать? я так был желчен, что надобно было развлечься чем-нибудь. Всё тот виноват; но бог с ним; отпустил бы лишь меня восвояси. Письмо твое не перед мной: кажется, есть что-то, на что обязан я возразить, — но до другого дня. Пока прощай. Целую тебя и детей, благословляю всех троих. Прощай, душа моя, кланяйся сестрам и братьям. Сергей Николаевич на днях в офицеры произведен и хлопочет о мундире.

А. П.

590. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

30 июня 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод.

Твоя Шишкова ошиблась: я за ее дочкой Полиной не волочился, потому что не видывал, а ездил я к Александру Семеновичу Шишкову в Академию, и то не для свадьбы, а для жетонов, pas autrement. История же о княжнах совершенно справедлива, и я не вижу тут ничего смешного. Благодарю тебя за милое и очень милое письмо. Конечно, друг мой, кроме тебя в жизни моей утешения нет — и жить с тобою в разлуке так же глупо, как и тяжело. Но что ж делать? После завтрого начну печатать Пугачева, который до сих пор лежит у Сперанского. Он задержит меня с месяц. В августе буду у тебя. Завтра Петергофский праздник, и я проведу его на даче у Плетнева вдвоем. Будем пить за твое здоровье. С хозяином Оливье я решительно побранился, и надобно будет иметь другую квартиру, особенно если приедут с тобою сестры. Serge еще у меня, вчера явился ко мне в офицерском мундире, и молодец. История о том, как Иван Николаевич побранился с Юрьевым и как они помирились, уморительно смешна, но долго тебе рассказывать. Из деревни имею я вести не утешительные. Посланный мною новый управитель нашел всё в таком беспорядке, что отказался от управления и уехал. Думаю последовать его примеру. Он умный человек, а Болдино можно еще коверкать лет пять.

Прости, женка. Благодарю тебя за то, что ты обещаешься не кокетничать: хоть это я тебе и позволил, но всё-таки лучше

моим позволением тебе не пользоваться. Радуюсь, что Сашку от груди отняли, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это еще не беда; мальчик привыкнет к вину и будет молодец, во Льва Сергеевича. Машке скажи, чтоб она не капризничала, не то я приеду и худо ей будет. Благословляю всех вас — тебя целую в особенности.

30 июня.

Пожалуйста, не требуй от меня нежных, любовных писем. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются на почте, в полиции, и так далее — охлаждает меня, и я поневоле сух и скучен. Погоди, в отставку выйду, тогда переписка нужна не будет.

591. М. Л. ЯКОВЛЕВУ.

3 июля 1834 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Михайло Лукьянович,

Вследствие данного Вам начальством поручения касательно напечатания рукописи моей, под названием «История Пугачевского бунта», и по личному моему с Вами о том объяснению, поспешаю Вас уведомить:

1-е. Желаю я, чтоб означенная рукопись была напечатана в 8-ю долю листа, такого же формата, как «Свод законов».

2-е. Число экземпляров полагаю я 3000; из коих для 1200 прошу заготовить бумагу на счет казенный, а потребное количество оной для 1800 экземпляров доставлю я сам в типографию.

3-е. Что касается до шрифта и вообще до издания книги, то на всем полагаюсь на Ваше благоусмотрение.

С глубочайшим почтением честь имею быть,
милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою.
3 июля 1834. Александр Пушкин.
СПб.

592. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

3 июля 1834 г. В Петербурге.

Monsieur le Comte

Il y a quelques jours que j'ai eu l'honneur de m'adresser à Votre Excellence pour en obtenir la permission de me retirer du service. Cette démarche étant inconvenante, je vous supplie, Mon-

sieur le Comte, de ne pas y donner de suite. J'aime mieux avoir l'air d'être inconséquent que d'être ingrat.

Cependant un congé quelques mois me serait indispensable.

Je suis avec respect

Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur

3 Juillet. Alexandre Pouchkine.

593. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

4 июля 1834 г. Из Петербурга в Царское Село.

Получив первое письмо твое, я тотчас написал графу Бенкендорфу, прося его остановить мою отставку, *ma démarche étant inconsidérée*; и сказал, *que j'aimais mieux avoir l'air inconséquent qu'ingrat.* Но вслед за тем получил официальное извещение о том, что отставку я получу, но что вход в архивы будет мне запрещен. Это огорчило меня во всех отношениях. Подал в отставку я в минуту хандры и досады на всех и на всё. Домашние обстоятельства мои затруднительны: положение мое не весело; перемена жизни почти необходима. Изъяснять это все гр. Бенкендорфу мне недостало духа — от этого и письмо мое должно быть показаться сухо, а оно просто глупо.

Впрочем, я уж верно не имел намерения произвести, что вышло. Писать письмо прямо к государю, ей-богу, не смею — особенно теперь. Оправдания мои будут похожи на просьбы, а он уж и так много сделал для меня. Сейчас от меня Лизавета Михайловна. Она привезла еще мне два твои письма. Это меня, конечно, трогает. Но что ж мне делать! Буду еще писать к гр. Бенкендорфу.

594. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

4 июля 1834 г. В Петербурге.

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

Письмо Вашего сиятельства от 30 июня удостоился я получить вчера вечером. Крайне огорчен я, что необдуманное прошение мое, вынужденное от меня неприятными обстоятельствами и досадными, мелочными хлопотами, могло показаться безумной неблагодарностию и супротивлением воле того, кто доныне был более моим благодетелем, нежели государем. Буду ждать реше-

ния участи моей, но во всяком случае ничто не изменит чувства глубокой преданности моей к царю и сыновней благодарности за прежние его милости.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

4 июля 1834.
СПб.

595. М. Л. ЯКОВЛЕВУ.

5 июля 1834 г. В Петербурге.

Вот тебе, мой благодетель, первая глава — с богом.

596. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

6 июля 1834 г. Из Петербурга в Царское Село.

Я, право, сам не понимаю, что со мною делается. Идти в отставку, когда того требуют обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствие — какое тут преступление? какая неблагодарность? Но государь может видеть в этом что-то похожее на то, чего понять всё-таки не могу. В таком случае я не подаю в отставку и прошу оставить меня в службе. Теперь, отчего письма мои сухи? Да зачем же быть им сопливыми? Во глубине сердца своего я чувствую себя правым перед государем: гнев его меня огорчает, но чем хуже положение мое, тем язык мой становится связаннее и холоднее. Что мне делать? просить прощения? хорошо; да в чем? К Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, что́ у меня на сердце,— но не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье.

597. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

6 июля 1834 г. В Петербурге.

Monsieur le Comte,

Permettez-moi de Vous parler à coeur ouvert. En demandant mon congé, je ne pensais qu'à des affaires de famille embarassantes et pénibles. Je n'avais en vue que l'inconvéniant d'être obligé de faire plusieurs voyages tandis que je serais attaché au service. Sur mon Dieu et sur mon âme, c'était ma seule pensée; c'est avec une

douleur profonde que je la vois si cruellement interprétée. L'empereur m'a comblé de grâces dès le premier moment que sa royale pensée s'est portée sur moi. Il y en a auxquelles je ne puis penser sans une profonde émotion, tant il y a mis de loyauté et de générosité. Il a toujours été pour moi une providence, et si dans le cours de ces huit ans il m'est arrivé de murmurer, jamais, je le jure, un sentiment d'aigreur ne s'est mêlé à ceux que je lui ai voués. Et dans ce moment, ce n'est pas l'idée de perdre un protecteur tout puissant qui me remplit de douleur, c'est celle de laisser dans son esprit une impression que par bonheur je n'ai pas méritée.

Je réitère, Monsieur le Comte, ma très humble prière de ne pas donner de suite à la demande que j'ai faite si étourdiment.

C'est en me recommandant à Votre puissante protection, que j'ose vous présenter l'hommage de ma haute considération.

Je suis avec respect
Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
Alexandre Pouchkine.

6 Juillet.
St-P.

598. М. Н. ЗАГОСКИНУ.

9 июля 1834 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь
Михайло Николаевич,

Вы изволили вспомнить обо мне и прислали мне последнее, прекрасное Ваше творение; и не слыхали от меня спасибо: Вы имеете полное право считать меня неучем, варваром и неблагодарным. Но виноват приятель мой Соболевский, который едет в Москву каждый день и уже седьмой месяц как взял от меня письмо, которое обещался немедленно Вам доставить.

Обращаюсь к Вам с важным делом. Г-н Александр, очень замечательное лицо (или даже лица), собирается в Москву и предлагает Вам следующие условия: доход за представления пополам с дирекцией (издержки спектакля на ее счет) и бенефис. Удостойте меня Вашим ответом и потешьте матушку Москву.

С глубочайшим уважением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

9 июля.

599. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

11 июля 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод.

Ты, женка моя, пребезалаберная (насилу слово написал). То сердишься на меня за Соллогуб, то за краткость моих писем, то за холодный слог, то за то, что я к тебе не еду. Подумай обо всем, и увидишь, что я перед тобой не только прав, но чуть не свят. С Соллогуб я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу, пишу коротко и холодно по обстоятельствам, тебе известным, не еду к тебе по делам, ибо и печатаю Пугачева, и закладываю имения, и вожусь и хлопочу — а письмо твое меня огорчило, а между тем и порадовало; если ты поплакала, не получив от меня письма, стало быть ты меня еще любишь, женка. За что целую тебе ручки и ножки.

Кабы ты видела, как я стал прилежен, как читаю корректуру — как тороплю Яковлева! Только бы в августе быть у тебя. Теперь расскажу тебе о вчерашнем бале. Был я у Фикельмон. Надо тебе знать, что с твоего отъезда я, кроме как в клобе, нигде не бываю. Вот вчерась, как я вошел в освещенную залу, с нарядными дамами, то я смутился, как немецкий профессор; насилу хозяйку нашел, насилу слово вымолвил. Потом, осмотревшись, увидел я, что народу не так-то много и что бал это запросто, а не раут. Незнакомых дам несколько пруссачек (наши лучше, не говоря уж о тебе), а одеты, как Ермолова во дни отчаянные. Вот наелся я мороженого и приехал себе домой — в час. Кажется, не за что меня бранить. О тебе в свете много спрашивают и ждут очень. Я говорю, что ты уехала плясать в Калугу. Все тебя за то хвалят. И говорят: ай да баба! — а у меня сердце радуется. Тетка заезжала вчера ко мне и беседовала со мною в карете; я ей жаловался на свое житье-бытье; а она меня утешала. На днях я чуть было беды не сделал: *с тем* чуть было не побранился. И трухнул-то я, да и грустно стало. С этим поссорюсь — другого не наживу. А долго на него сердиться не умею; хоть и он не прав. Сегодня был на даче у Плетнева; у него дочь именинница. Только вместо его нашел я кривую кузину — и ничего. А он уехал в Ораниенбаум — великую княгиню учить. Досадно было, да нечего делать. Прощай, женка, — спать хочу. Целую тебя и вас — и всех благословляю. Христос с вами.

11 июля.

600. П. А. ОСИПОВОЙ.

29 июня и 13 июля 1834 г. Из Петербурга в Тригорское.

Je vous remercie de tout mon coeur, chère, bonne et aimable Прасковья Александровна, pour la lettre que Vous avez eu la bonté de m'écrire. Je vois que vous me gardez toujours la même amitié et le même intérêt. Je m'en vais vous répondre franchement sur ce qui regarde Reichman. Je le connais honnête homme, et pour le moment, c'est tout ce qu'il me faut. Je ne puis avoir de confiance ni en Michel, ni en Penkovsky, vu que je connais le premier et que je ne connais pas le second. N'ayant pas l'intention de venir m'établir à Boldino, je ne puis songer à relever un bien qui, entre nous soit dit, touche à une ruine complète; je veux seulement n'être pas volé, et payer les intérêts du lombard. Les améliorations viendront ensuite. Mais soyez tranquille: Reichman vient de m'écrire que les paysans sont dans un tel état de misère, et les affaires en si mauvais train, qu'il n'a pu prendre sur lui l'administration de Boldino, et que dans ce moment il est à Malinniki.

Vous ne saurez vous imaginer combien l'administration de ce bien me pèse. Il n'y a pas de doute que Boldino mérite d'être sauvé quand ce ne serait que pour Olga et Léon, qui pour perspective, ont la mendicité ou tout au moins, la pauvreté. Mais je ne suis pas riche, j'ai une famille à moi, qui dépend de moi, et qui sans moi tombera dans la misère. J'ai pris un bien qui ne me rapportera que des soucis, et des désagréments. Mes parents ne savent pas qu'ils sont à deux doigts d'une ruine totale. S'ils pouvaient prendre sur eux de rester quelques années à Michailovsky, les affaires pourraient s'arranger, mais cela ne se fera jamais.

Je compte vous voir cet été, et comme de raison m'arrêter à Trigorsky. Veuillez présenter mes hommages à toute votre famille et recevez encore une fois mes remerciements, et l'expressions de mon respect et de mon inaltérable amitié.

29 juin. A. P.
St-Pb.

13 juillet. Voici une lettre qui devait déjà être chez vous depuis deux semaines. Je ne sais comment elle n'est pas encore partie. Mes affaires m'arrêteront encore quelque temps à Pétersbourg. Mais j'ai toujours le projet de me présenter à votre porte.

601. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

Около (не позднее) 14 июля 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод.

Ты хочешь непременно знать, скоро ли буду я у твоих ног? изволь, моя красавица. Я закладываю имение отца, это кончено будет через неделю. Я печатаю Пугачева; это займет целый месяц. Женка, женка, потерпи до половины августа, а тут уж я к тебе и явлюсь и обниму тебя, и детей расцелую. Ты разве думаешь, что холостая жизнь ужасно как меня радует? Я сплю и вижу, чтоб к тебе приехать, да кабы мог остаться в одной из ваших деревень под Москвою, так бы богу свечку поставил; рад бы в рай, да грехи не пускают. Дай, сделаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю — но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости. А о каком соседе пишешь мне лукавые письма? кем это меня ты стращаешь? отселе вижу, что такое. Человек лет 36; отставной военный или служащий по выборам. С пузом и в картузе. Имеет 300 душ и едет их перезакладывать — по случаю неурожая. А накануне отъезда сентиментальничает перед тобою. Не так ли? А ты, бабенка, за неимением того и другого, избираешь в обожатели и его: дельно. Да как балы тебе не приелись, что ты и в Калугу едешь для них. Удивительно! — Надобно тебе поговорить о моем горе. На днях хандра меня взяла; подал я в отставку. Но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я вструхнул, и Христом и богом прошу, чтоб мне отставку не давали. А ты и рада, не так? Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили как шута и что их маменька ужас как мила была на аничковских балах. Ну, делать нечего. Бог велик; главное то, что я не хочу, чтоб могли меня подозревать в неблагодарности. Это хуже либерализма. Будь здорова. Поцелуй детей и благослови их за меня. Прощай целую тебя.

А. П.

602. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

14 июля 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод.

Все вы, дамы, на один покрой. Куда как интересны похождения дурачка Д. и его семейственные ссоры. А ты так и радуешься. Я чай, так и раскокетничалась. Что-то Калуга? Вот тут поцарствуешь! Впрочем, женка, я тебя за то не браню. Всё это в порядке вещей; будь молода, потому что ты молода — и царствуй,

потому что ты прекрасна. Целую тебя от сердца — теперь поговорим о деле. Если ты в самом деле вздумала сестер своих сюда привезти, то у Оливье оставаться нам невозможно: места нет. Но обеих ли ты сестер к себе берешь? эй, женка! смотри... Мое мнение: семья должна быть *одна* под *одной* кровлей: муж, жена, дети — покамест малы; родители, когда уже престарелы. А то хлопот не наберешься и семейственного спокойствия не будет. Впрочем, об этом еще поговорим. Яковлев обещает отпустить меня к тебе в августе — я оставлю Пугачева на его попечении. Август близок. Слава богу, дождались. Надеюсь, что ты передо мною чиста и права; и что мы свидимся, как расстались. Мне кажется, что Сашка начинает тебе нравиться. Радуюсь: он не в пример милее Машки, с которой ты напляшешься. Смирнова опять чуть не умерла. Рассердилась на доктора, и кровь кинулась в голову, слава богу, что не молоко. Она теперь принимает, но я у ней еще не был. Сегодня фейворок, или фейерверк — Сергей Николаевич едет смотреть его; а я в городе останусь. У нас третий день как жары — и мы не знаем, что делать. Сплю и вижу, чтоб из Петербурга убраться к тебе; а ты и не веришь мне, и бранишь меня. Сегодня съезжу к Плетневу. Поговорим о тебе. У меня большие хлопоты по части Болдина. Через год я на всё это плюну — и займусь своими делами. Лев Сергеевич очень себя дурно ведет. Ни копейки денег не имеет, а в домино проигрывает у Дюме по 14 бутылок шампанского. Я ему ничего не говорю, потому что, слава богу, мужику 30 лет; но мне его жаль и досадно. Соболевский им руководствует, и что уж они делают, то господь ведает. Оба довольно пусты. Тетка в Царском Селе. Я всё к ней собираюсь, да не соберусь. Прощай. Обнимаю тебя крепко — детей благословляю — тебя также. Всякий ли ты день молишься, стоя в углу?

14 июля.

603. М. Л. ЯКОВЛЕВУ.

6—15 июля 1834 г. В Петербурге.

Не мала ли?

604. М. Л. ЯКОВЛЕВУ.

17 июля 1834 г. В Петербурге.

Вот и второй том.

605. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

Около (не позднее) 26 июля 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод.

Наташа, мой ангел, знаешь ли что? я беру этаж, занимаемый теперь Вяземскими. Княгиня едет в чужие края, дочь ее больна не на шутку; боятся чахотки. Дай бог, чтоб юг ей помог. Сегодня видел во сне, что она умерла, и проснулся в ужасе. Ради бога, берегись ты. Женщина, говорит Гальяни, est un animal naturellement faible et malade. Какие же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балах и помогаете мужьям мотать. И за то спасибо. Пожалуйста, не сердись на меня за то, что я медлю к тебе явиться. Право, душа просит; да мошна не велит. Я работаю до низложения риз. Держу корректуру двух томов вдруг, пишу примечания, закладываю деревни — Льва Сергеича выпроваживаю в Грузию. Всё слажу — и сломя голову к тебе прискачу. Сейчас приносили мне корректуру, и я тебя оставил для Пугачева. В корректуре я прочел, что Пугачев *поручил Хлопуше грабеж заводов.* Поручаю тебе грабеж Заводов — слышишь ли, моя Хло-Пушкина? ограбь Заводы и возвратись с добычею. В свете я не бываю. Смирнова велела мне сказать, что она меня впишет в разряд иностранцев, которых велено не принимать. Она здорова, но чуть не умерла (animal naturellement faible et malade). Целую Машу и заочно смеюсь ее затеям. Она умная девчонка, но я от нее покамест ума не требую; а требую здоровья. Довольна ли ты немкой и кормилицей? Ты дурно сделала, что кормилицу не прогнала. Как можно держать при детях пьяницу, поверя обещанию и слезам пьяницы? Молчи, я всё это улажу. До тебя мне осталось 9 листов. То есть как еще пересмотрю 9 печатных листов и подпишу: *печатать*, так и пущусь к тебе, а покамест буду проситься в отпуск. Новостей нет никаких; кроме того, что бедного маршала Мезона чуть не задавили на маневрах. Знай наших. Целую тебя и их. Господь вас благослови.

606. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

Около (не позднее) 30 июля 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод.

Что это значит, жена? Вот уж более недели, как я не получаю от тебя писем. Где ты? что ты? в Калуге? в деревне? откликнись. Что так могло тебя занять и развлечь? какие балы? какие победы? уж не больна ли ты? Христос с тобою. Или просто хочешь меня заставить скорее к тебе приехать. Пожалуйста, женка, брось эти военные хитрости, которые не в шутку мучат меня за тысячи верст от тебя. Я приеду к тебе, коль скоро меня Яковлев

отпустит. Дела мои подвигаются. Два тома печатаются вдруг. Для одной недели разницы не заставь меня всё бросить и потом охать целый год, если не два и не три. Будь умна. Я очень занят. Работаю целое утро — до четырех часов — никого к себе не пускаю. Потом обедаю у Дюме, потом играю на бильярде в клубе — возвращаюсь домой рано, надеясь найти от тебя письмо — и всякий день обманываюсь. Тоска, тоска...

С князем Вяземским я уже условился. Беру его квартеру. К 10 августу припасу ему 2500 рублей — и велю перетаскивать пожитки; а сам поскачу к тебе. Ждать не долго.

Прощай — будьте все здоровы. Целую твой портрет, который что-то кажется виноватым. Смотри —

607. А. ВАТТЕМАРУ.

Вторая половина июля 1834 г. В Петербурге.

Monsieur,

La réponse de M-r Zagoskine ne m'est pas encore parvenue; dès que j'aurai reçu sa lettre, j'aurai l'honneur de vous la transmettre.

A. Pouchkine.

608. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

3 августа 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод.

Стыдно, женка. Ты на меня сердишься, не разбирая, кто виноват, я или почта, и оставляешь меня две недели без известия о себе и о детях. Я так был смущен, что не знал, что и подумать. Письмо твое успокоило меня, но не утешило. Описание вашего путешествия в Калугу, как ни смешно, для меня вовсе не забавно. Что за охота таскаться в скверный уездный городишко, чтоб видеть скверных актеров, скверно играющих старую, скверную оперу? что за охота останавливаться в трактире, ходить в гости к купеческим дочерям, смотреть с чернию губернский фейворок, когда в Петербурге ты никогда и не думаешь посмотреть на Каратыгиных и никаким фейвороком тебя в карету не заманишь. Просил я тебя по Калугам не разъезжать, да, видно, уж у тебя такая натура. О твоих кокетственных сношениях с соседом говорить мне нечего. Кокетничать я сам тебе позволил — но читать о том лист кругом подробного описания вовсе мне не нужно. Побранив тебя, беру нежно тебя за уши и целую — благодаря тебя за то, что ты богу молишься на коленах посреди комнаты. Я мало богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для нас. Ты ждешь меня в начале августа. Вот нынче уже 3-е, а я еще не подымаюсь. Яковлев отпустит меня около половины месяца. Но и тут я не совсем еще буду свободен. Я взял квартеру Вяземских. Надо будет мне переехать, перета-

щить мебель и книги, и тогда уже, благословясь, пуститься в дорогу. Дай бог приехать мне к твоим именинам, и я тем был бы счастлив.

Вяземские здесь. Бедная Полина очень слаба и бледна. Отца жалко смотреть. Так он убит. Они все едут за границу. Дай бог, чтоб климат ей помог. Marie похорошела и в бедной и загнанной Москве произвела большое действие. О тебе гремит еще молва, после минутного твоего появления. Нашли, что ты похудела — я привезу тебя тетехой, по твоему обещанию: смотри ж! Не поставь меня в лгуны. На днях встретил я M-me Жорж. Она остановилась со мною на улице и спрашивала о твоем здоровье, я сказал, что на днях еду к тебе pour te faire un enfant. Она стала приседать, повторяя: Ах, Monsi, vous me ferez une grande plaisir. Однако я боюсь родов, после того, что ты выкинула. Надеюсь, однако, что ты отдохнула. Видел я Смирнову; она начинает оправляться, но всё еще плоха и желта. Тетка воротилась из Царского Села и была у меня. Она очень мила; но Наталья Кирилловна сильно ей надоела. Наталья Кирилловна сердится на всех, особенно на князя Кочубея, зачем он умер и тем огорчил ее Машу. На княгиню также дуется и говорит: Mon Dieu, mais nous toutes nous avons perdu nos maris et cependant nous nous sommes consolées. Тетка говорит, что ты ей вовсе не пишешь. Нехорошо. А она всё за тебя хлопочет. Serge в лагере. Брата Ивана не вижу. Прощай. Христос с вами. Целую вас, тебя в особенности. Принесли корректуру.

3 авг.

609. М. Л. ЯКОВЛЕВУ.

Около (не позднее) 12 августа 1834 г.
В Петербурге.

А почему ж? Вольтер человек очень порядочный, и его сношения с Екатериною суть исторические.

610. М. Л. ЯКОВЛЕВУ.

10-е числа августа 1834 г. В Петербурге.

Вот 18-й лист. Справился я в других списках и смысла не нашел и там. Из предисловия (ты прав, любимец муз!) должно будет выкинуть имя Вольтера, хоть я и очень люблю его.

№ 14.

611. С. А. СОБОЛЕВСКОМУ.

23 июля — 13 августа 1833 г. или апрель — середина августа 1834 г. В Петербурге.

Пожалуйста, приезжай ко мне, к обеду: мне с тобою непременно надо поговорить.

Воскресение. А. Пушкин.

612. И. И. ЛАЖЕЧНИКОВУ.

Около 20 августа 1834 г. (?) В Твери.

Я всё еще надеялся, почтенный и любезный Иван Иванович, лично благодарить вас за ваше ко мне благорасположение, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преследует.— Проезжаю через Тверь на перекладных и в таком виде, что никак не осмеливаюсь к вам явиться и возобновить старое, минутное знакомство.— Отлагаю до сентября, то есть до возвратного пути; покамест поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству.

Сердечно вас уважающий
Пушкин.

613. Н. И. ГОНЧАРОВОЙ.

Около (не позднее) 25 августа 1834 г.
Из Полотняного завода в Ярополец.

Милостивая государыня матушка
Наталья Ивановна,

Как я жалею, что на пути моем из Петербурга не заехал я в Ярополец; я бы имел и счастие с Вами свидеться, и сократил бы несколькью верстами дорогу, и миновал бы Москву, которую не очень люблю и в которой провел несколько лишних часов. Теперь я в Заводах, где нашел всех моих, кроме Саши, здоровых,— я оставляю их еще на несколько недель и еду по делам отца в его нижегородскую деревню, а жену отправляю к Вам, куда и сам явлюсь как можно скорее. Жена хандрит, что не с Вами проведет день Ваших общих именин; как быть! и мне жаль, да делать нечего. Покамест поздравляю Вас со днем 26 августа; и сердечно благодарю вас за 27-ое. Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед богом. В Петербурге видался я часто с братом Иваном Николаевичем, а Сергей Николаевич и жил

у меня почти до моего отъезда. Он теперь в хлопотах обзаведения. Оба, слава богу, здоровы.

Целую ручки Ваши и поручаю себя и всю семью мою Вашему благорасположению.

А. Пушкин.

614. А. И. ТУРГЕНЕВУ.

Около (не позднее) 9 сентября 1834 г. В Москве.

Жена выбрала булавки и сердечно Вас благодарит. Само по себе разумеется, что Пугачев явится к Вам первому, как скоро выйдет из печати. Симбирск осажден был не им, а одним из его сообщников, по прозвищу Фирска. Книгу оставлю у жены, которая Вам ее и возвратит. Весь Ваш — до свидания.

А. П.

Симбирск в 1671 году устоял противу Стеньки Разина, Пугачева того времени.

615. С. А. СОБОЛЕВСКОМУ.

9 сентября 1834 г. Из Москвы в Петербург.

Москва, 9 сентября.

Пожалуйста, любезный Сергей Александрович, объясни жене, где живет notre ami l'usurier. Надеюсь на твою медлительность и полагаю наверное, что ты еще в Париже — и что даже я там тебя застану по приезде моем в Петербург.

616. А. И. ТУРГЕНЕВУ.

9-10 сентября 1834 г. В Москве.

Это всё у меня уже есть — и будет напечатано в приложении. Благодарен Полевому за его доброе расположение к историографу Пугачева, камер-юнкеру и проч.— Сейчас еду, лошади уже заложены.

617. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

15 и 17 сентября 1834 г. Из Болдина в Петербург.

15 сент.

Почта идет во вторник, а сегодня только еще суббота; итак, это письмо нескоро до тебя доберется. Я приехал третьего дня в четверг поутру — вот как тихо ездят по губернским трактам —

а я еще платил почти везде двойные прогоны. Правда, что отовсюду лошади были взяты под государя, который должен из Москвы проехать на Нижний. В деревне встретил меня первый снег, и теперь двор перед моим окошком белешенек; c'est une très aimable attention, однако я еще писать не принимался, и в первый раз беру перо, чтоб с тобою побеседовать. Я рад, что добрался до Болдина; кажется, менее будет мне хлопот, чем я ожидал. Написать что-нибудь мне бы очень хотелось. Не знаю, придет ли вдохновение. Здесь нашел я Безобразова (что же ты так удивилась? не твоего обожателя, а мужа моей кузины Маргаритки). Он хлопочет и хозяйничает и, вероятно, купит пол-Болдина. Ох! кабы у меня было 100 000! как бы я всё это уладил; да Пугачев, мой оброчный мужичок, и половины того мне не принесет, да и то мы с тобою как раз промотаем; не так ли? Ну, нечего делать: буду жив, будут и деньги... Вот едет ко мне Безобразов — прощай.

Ух, насилу отвязался. Два часа сидел у меня. Оба мы хитрили — дай бог, чтоб я его перехитрил, на деле; а на словах, кажется, я перехитрил. Вижу отселе твою недоверчивую улыбку, ты думаешь, что я подуруша и что меня опять оплетут — увидим. Приехав в Москву, кончу дело в два дня; и приеду в Петербург молодцом и обладателем села Болдина...

Сейчас у меня были мужики, с челобитьем; и с ними принужден я был хитрить, но эти наверное меня перехитрят... Хоть я сделался ужасным политиком с тех пор, как читаю Conquête de l'Angleterre par les Normands. Это что еще? Баба с просьбою. Прощай, иду ее слушать.

— Ну, женка, умора. Солдатка просит, чтоб ее сына записали в мои крестьяне, а его-де записали в выблядки, а она-де родила его только 13 месяцев по отдаче мужа в рекруты, так какой же он выблядок? Я буду хлопотать за честь оскорбленной вдовы.

17-го.

Теперь, вероятно, ты в Яропольце и, вероятно, уж думаешь об отъезде. С нетерпением ожидаю от тебя письма. Не забудь моего адреса: *в Арзамасском уезде,* в село Абрамово, оттуда в село Болдино.—Мне здесь хорошо, да скучно, а когда мне скучно, меня так и тянет к тебе, как ты жмешься ко мне, когда тебе страшно. Целую тебя и деток и благословляю вас. Писать я еще не принимался.

618. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

20-е числа (не позднее 25) сентября 1834 г.
Из Болдина в Петербург.

Вот уже скоро две недели, как я в деревне, а от тебя еще письма не получил. Скучно, мой ангел. И стихи в голову нейдут; и роман не переписываю. Читаю Вальтер Скотта и Библию, а всё

об вас думаю. Здоров ли Сашка? прогнала ли ты кормилицу? отделалась ли от проклятой немки? Какова доехала? Много вещей, о которых беспокоюсь. Видно, нынешнюю осень мне долго в Болдине не прожить. Дела мои я кой-как уладил. Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нет — так с богом и в путь. В Москве останусь дня три, у Натальи Ивановны сутки — и приеду к тебе. Да и в самом деле: неужто близ тебя не распишусь? Пустое. Я жду к себе Языкова, да видно не дождусь.

Скажи пожалуйста, брюхата ли ты? если брюхата, прошу, мой друг, быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колени перед Машей (ни даже на молитве). Не забудь, что ты выкинула и что тебе надобно себя беречь. Ох, кабы ты уж была в Петербурге. Но по всем моим расчетам ты прежде 3-го октября не доедешь. И как тебе там быть? без денег, без Амельяна, с твоими дурами няньками и неряхами девушками (не во гнев буди сказано Пелагее Ивановне, которую заочно целую). У тебя, чай, голова кругом идет. Одна надежда: тетка. Но из тетки двух теток не сделаешь — видно, что мне надобно спешить. Прощай, Христос вас храни. Целую тебя крепко — будьте здоровы.

619. Н. М. ЯЗЫКОВУ.

26 сентября 1834 г. Из Болдина в Языково.

Я был обрадован в моем уединении приездом Александра Михайловича, который, к сожалению, пробыл у меня несколько часов. Блазнит он меня предложением ехать с ним в село Языково, быть свидетелем его свадьбы, обещаясь употребить меня с пользою — но мне невозможно — жена и дети...

Разговаривая о различных предметах, мы решили, что весьма не худо было бы мне приняться за альманах или паче за журнал, я и не прочь, но для того должен я быть уверен в Вашем содействии. Как думаете, сударь? Сами видите: щелкоперы нас одолевают. Пора, ей-ей пора дать им порядочный отпор. На днях отправляюсь в Петербург. Если Вам будет досуг написать мне две строчки, адресуйте их на Дворцовую набережную, в дом Баташева — у Прачечного мосту. Александр Михайлович изволит спешить — и я кончаю письмо мое, поручая себя Вашей благосклонности.

26 сент. Ваш богомолец

С. Болдино. А. Пушкин.

Искреннее мое почтение и мой поклон Петру Александровичу.[1]

---

[1] *Очевидно, описка, вместо* Михайловичу.

620. М. Л. ЯКОВЛЕВУ.

19 октября 1834 г. (?) В Петербурге.

Ведь у тебя празднуем мы годовщину, не правда ли?

19 окт. № 14.

621. А. А. ФУКС.

19 октября 1834 г. Из Петербурга в Казань.

19 октября 1834 года. СПб.

Вчера, возвратившись в Петербург, после скучного, трехмесячного путешествия по губерниям, я был обрадован неожиданной находкою; письмом и посылкою из Казани. С жадностию прочел я прелестные ваши стихотворения и между ими ваше послание ко мне, недостойному поклоннику вашей музы. В обмен вымыслов, исполненных прелести, ума и чувствительности, надеюсь на днях доставить вам отвратительно ужасную историю Пугачева. Не браните меня. Поэзия, кажется, для меня иссякла. Я весь в прозе: да еще в какой!.. право, совестно; особенно перед вами.

Вы изволили написать, что барон Люцероде должен мне был доставить письмо еще в прошлом году; к крайнему сожалению моему, я его не получил, вероятно потому, что барона Люцероде я уже не застал в Петербурге, по возвращении моем из Оренбурга. Он уже был отозван в Дрезден. Э. П. Перцов, которого на минуту имел я удовольствие видеть в Петербурге, сказывал мне, что он имел у себя письмо от вас ко мне, но и тут оно до меня не дошло; он уехал из Петербурга, не доставя мне для меня драгоценный знак вашего благосклонного воспоминания. Понимаю его рассеянность в тогдашних его обстоятельствах, но не могу не жаловаться и великодушно ему прощаю, только с тем, чтоб он прислал мне письмо, которое забыл мне здесь доставить.

Потрудитесь, милостивая государыня, засвидетельствовать глубочайшее мое почтение Карлу Федоровичу, коего любезность и благосклонность будут мне вечно памятны.

С глубочайшим почтением и сердечною преданностию честь имею быть.

622. Н. В. ГОГОЛЮ.

Вторая половина октября 1834 г. В Петербурге.

Перечел с большим удовольствием; кажется, всё может быть пропущено. Секуцию жаль выпустить: она, мне кажется, необходима для полного эффекта вечерней мазурки. Авось бог вынесет. С богом!

А. П.

623. И. М. ПЕНЬКОВСКОМУ.

10 ноября 1834 г. Из Петербурга в Болдино.

Получил я Ваше письмо от 30 октября и спешу Вам отвечать. Долг *мой* в Опекунский совет я заплачу сам, а из доходов Болдина не должно тратить ни копейки. Что касается до 1270, требуемых за просрочку батюшкинова долга, то если можете найти такую сумму, то заплатите.— Доверенность посылаю к Вам на следующей почте. Вы хорошо сделали, что до сих пор не приступили к продаже хлеба. Невозможно, чтоб цены не возвысились. К счастью, могу еще подождать.

10 ноября. А. П.

624. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

23 ноября 1834 г. В Петербурге.

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

«История Пугачевского бунта» отпечатана, и для выпуска оной в свет ожидал я разрешения Вашего сиятельства; между тем позвольте обеспокоить Вас еще одною покорнейшею просьбою: я желал бы иметь счастие представить первый экземпляр книги государю императору, присовокупив к ней некоторые замечания, которых не решился я напечатать, но которые могут быть любопытны для его величества. Осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству для получения на то позволения.

Книгопродавец Смирдин хочет издать в одну книгу мои уже напечатанные стихи; я осмелился их препроводить в канцелярию его превосходительства А. Н. Мордвинова, по предписанному пред сим порядку.

С глубочайшим почтением, совершенною преданностию и благодарностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

23 ноября
1834.
СПб.

625. А. И. ТУРГЕНЕВУ.

Первая половина (не позднее 11) декабря 1834 г.
В Петербурге.

Писца у меня *французского* нет, российских сколько угодно. Завтра же пригоню. Мне покамест из Парижа ничего не надобно; разве «Папу» Мейстера.

626. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

17 декабря 1834 г. В Петербурге.

Monsieur le Comte,

Je suis au désespoir d'importuner de nouveau Votre Excellence, mais M. Spéransky vient de me faire dire que l'histoire de la révolte de Pougatchef ayant été dans sa section par ordre de Sa Majesté l'Empereur, il lui est impossible de livrer l'édition *без высочайшего на то соизволения.* Je supplie Votre Excellence de me pardonner et de me tirer d'embarras.

Je suis avec le respect le plus profond
Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur

17 décembre 1834. Alexandre Pouchkine.

627. М. Л. ЯКОВЛЕВУ.

1833—1834 г. В Петербурге.

Милый Михайло Лукьянович, я надеялся с тобою обедать сегодня — невозможно. Как бы о том дать знать Эристову? Извини меня великодушно.

№ 14.

1835

628. А. А. БОБРИНСКОМУ.

6 января 1835 г. В Петербурге.

Nous avons reçu une invitation de la part de Madame la Comtesse Bobrinsky: M-r et M-me Pouchkine *et sa soeur* etc. De là grande rumeur parmi mes femelles (comme dit l'Antiquaire de W. Scott) *laquelle?* Comme je suppose que c'est simplement une erreur, je prends la liberté de m'adresser à vous pour nous tirer d'embarras et mettre la paix dans mon ménage.

Je suis avec respect, Monsieur le Comte,
votre très humble et
très obéissant serviteur

6 janvier 1835. A. Pouchkine.

629. П. В. НАЩОКИНУ.

Около (не позднее) 8 января 1835 г.
Из Петербурга в Москву.

Любезный Павел Воинович,

Не можешь вообразить, с каким удовольствием получил я наконец от тебя письмо. Но прежде всего поговорим о деле: Соболевский, с которым имею денежные дела, *немедленно* тебе доставит 2000 р. Следственно, будь покоен. Я бы нашел много что тебе сказать в извинение моей несостоятельности, но это по почте писать вещь излишняя; а дай бог, чтоб запоздалые мои деньги пришли к тебе в пору. Поздравляю тебя с дочкою Катериной Павловной; желаю роженице здоровья. (Ты не пишешь, когда она родила). Всё лето рыскал я по России и нигде тебя не заставал; из Тулы выгнан ты был пожарами; в Москве не застал я тебя неделею; в Торжке никто не мог о тебе мне дать известия. Рад я, Павел Воинович, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушие и умная, терпеливая снисходительность не изменились ни от хлопот новой для тебя жизни, ни от виновности дружбы перед тобою. Когда бы нам с тобой увидеться! много бы я тебе наговорил; много скопилось для меня в этот год такого, о чем не худо бы потолковать у тебя на

диване, с трубкой в зубах, вдали цыганских бурь и рахмановских наездов! Пиши мне, если можешь, почаще: *На Дворцовой набережной* в дом Баташева у Прачешного мосту (где жил Вяземский), а не к Смирдину, который держит твои письма по целым месяцам, а иногда, вероятно, их и затеривает. С любопытством взглянул бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я знал тебя всегда под бурею и в качке. Какое действие имеет на тебя спокойствие? видал ли ты лошадей, выгруженных на Петербургской бирже? Они шатаются и не могут ходить. Не то ли и с тобою? О себе говорить я тебе не хочу, потому что не намерен в наперсники брать московскую почту, которая нынешний год делала со мною удивительные свинства; буду писать тебе по оказии. Покамест обнимаю тебя от всего сердца и целую ручки у твоей роженицы.

630. П. В. НАЩОКИНУ.

20 января 1835 г. Из Петербурга в Москву.

Посылаю тебе, любезный Павел Воинович, 1500 р., остальные 500 должны были к тебе явиться, но вчера их у меня перехватил заимообразно молодой человек, находящийся в подмазке. Соболезнуя положению, в котором и нам с тобою случалось обретаться, вероятно, ты извинишь меня великодушно. Однако, пожалуйста, пришли мне полный счет моего долга.

Жена кланяется сердечно твоей Вере Александровне; она у M-me Sichler заказала ей шляпу, которая сегодня же и отправляется в Москву. Жена говорит, что comme M-me Нащокин est brune et qu'elle a un beau teint, то выбрала она для нее шляпу такого-то цвета, а не другого. Впрочем, это дело дамское.

Ты видел, вероятно, Пугачева, и надеюсь, что его не купил. Я храню для тебя особый экземпляр. Каково время? Пугачев сделался добрым исправным плательщиком оброка, Емелька Пугачев оброчный мой мужик! Денег он мне принес довольно, но как около двух лет жил я в долг, то ничего и не остается у меня за пазухой, а всё идет на расплату. Теперь, обняв тебя от всего сердца и поцеловав ручку Вере Александровне, отправляюсь на почту.

20 янв. 1835.
СПб.

631. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

26 января 1835 г. В Петербурге.

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

Честь имею препроводить к Вашему сиятельству некоторые замечания, которые не могли войти в «Историю Пугачевского бунта», но которые могут быть любопытны. Я просил о дозволении представить оные государю императору и имел счастие получить на то высочайшее соизволение.

При сем осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о испрошении важной для меня милости: о высочайшем дозволении прочесть пугачевское дело, находящееся в архиве. В свободное время я мог бы из оного составить краткую выписку, если не для печати, то по крайней мере для полноты моего труда, без того не совершенного, и для успокоения исторической моей совести.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

26 янв. 1835.
СПб.

632. Д. Н. БАНТЫШУ-КАМЕНСКОМУ.

26 января 1835 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь
Дмитрий Николаевич,

С благодарностию отсылаю к Вам статьи, коими по Вашему благорасположению ко мне пользовался я при составлении моей «Истории». При них препровождаю и экземпляр «Истории» самой. Мнение Ваше о ней, во всяком случае, мне драгоценно: похвала от настоящего историка, а не поверхностного рассказчика или переписчика, будет лестна для меня; а из укоризны научусь (чего, знаете Вы сами, не дождуся от записных наших критиков).

Прошу Вас взять на себя труд исправить две ошибки, справедливо замеченные в «Сыне отечества»: На стран. 129 *был уже в 15 верстах,* должно читать в *50.*— И в примечании к пятой главе (16) вместо *Тобольск, Табинск.*

С глубочайшим почтением и благодарностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
покорнейший слуга

26 янв.
СПб. Александр Пушкин.

633. НЕИЗВЕСТНОЙ.

Январь (?) 1835 г. Петербург.

(Черновое)

Madame la Comtesse

Voici le livre en question. Je Vous supplie de ne pas le montrer à qui que ce soit. Si je n'ai pas eu le bonheur de Vous l'apporter moi-même — Vous me permettrez de venir au moins le reprendre.

634. И. И. ДМИТРИЕВУ.

14 февраля 1835 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь Иван Иванович, молодой Карамзин показывал мне письмо вашего высокопревосходительства, в котором укоряете вы меня в невежливости непростительной. Спешу оправдаться: я до сих пор не доставил вам своей дани, потому что поминутно поджидал портрет Емельяна Ивановича, который гравируется в Париже; я хотел поднести вам книгу свою во всей исправности. Не исполнить того было бы с моей стороны не только скупостию, но и неблагодарностию: хроника моя обязана вам яркой и живой страницей, за которую много будет мне прощено самыми строгими читателями.

Вы смеетесь над нашим поколением и, конечно, имеете на то полное право. Не стану заступаться за историков и стихотворцев моего времени; те и другие имели в старину, первые менее шарлатанства и более учености и трудолюбия, вторые более искренности и душевной теплоты. Что касается до выгод денежных, то позвольте заметить, что Карамзин первый у нас показал пример больших оборотов в торговле литературной.

Не знаю, занимает ли вас участь нашей академии, которая недавно лишилась своего секретаря, умершего на щите, то есть на последнем корректурном листе своего словаря. Неизвестно, кто будет его преемником. Святое место пусто не будет; но мес-

то непременного секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено.

Современник ваш, о котором изволите упоминать в письме к Андрею Николаевичу Карамзину, слава богу, здравствует и продолжает посещать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академию по субботам. В лавке забирает он свои сочинения, всё еще не распроданные, и раздает их в академии своим сочленам с трогательным бескорыстием.

С глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

14 февраля 1835. Александр Пушкин.
СПб.

635. Д. Н. БАНТЫШУ-КАМЕНСКОМУ.

2 апреля 1835 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь
Дмитрий Николаевич,

С крайней досадою узнал я, что давно уже отосланные Ваши бумаги всё еще находились в руках того, кому я их поверил. Простите невольное мое прегрешение. Не знаю, получили ли Вы «Историю Пугачева». Она была мною поручена вместе с Вашими бумагами тому же беспечному комиссионеру.

Поручая себя Вашей благосклонности, с глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть,
милостивый государь,
Вашего превосходительства
покорнейший слуга
2 апреля 1835. Александр Пушкин.

636. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

11 апреля 1835 г. В Петербурге.

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

Пользуясь драгоценным своим правом, имею счастие повергнуть на рассмотрение его величества сочинение, которое весьма желал бы я напечатать по причинам, объясненным в предисловии.

Ободренный вниманием, коего Вы всегда изволили меня удостоивать, осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о дозволении

объяснить Вам лично обстоятельство, собственно до меня касающееся.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,

Вашего сиятельства

покорнейшим слугою.

11 апреля 1835. Александр Пушкин.

СПб.

637. П. А. КАТЕНИНУ.

20 апр. 1835 г. Из Петербурга в Ставрополь.

Виноват я перед тобою, что так долго не отвечал на твое письмо. Дело в том, что нечего мне было тебе хорошего отвечать. Твой сонет чрезвычайно хорош, но я не мог его напечатать. Ныне цензура стала так же своенравна и бестолкова, как во времена блаженного Красовского и Бирукова: пропускает такие вещи, за которые ей поделом голову моют, а потом с испугу уже ничего не пропускает. Довольно предпоследнего стиха, чтобы возмутить весь цензурный комитет против всего сонета.

638. Л. С. ПУШКИНУ.

23—24 апреля 1835 г. Из Петербурга в Тифлис.

J'ai tardé à vous répondre parce que je n'avais pas grand'chose à vous dire. Depuis que j'ai eu la faiblesse de prendre en main les affaires de mon père, je n'ai pas touché 500 roubles de revenus; et quant à l'emprunt des 13 000, il est déjà dépensé. Voici le compte qui vous regarde.

à Engelhardt	1 330	
à la restauration	260	
à Dumé	220	(pour le vin)
à Pavlichtchef	837	
au tailleur	390	
à Plechtchéef	1 500	
De plus vous avez reçu en assignats	280	
(oaût 1834) en or	950	
	5 767	

Votre lettre de change (10 000) a été rachetée. Outre le loyer, la table et le tailleur qui ne vous ont rien coutés, vous avez donc reçu 1230 roubles.

Comme ma mère a été très mal, je garde encore les affaires malgré mille dégoûts. Je compte les rendre au premier moment. Je

tâcherai alors de vous faire avoir votre part des terres et des paysans. Il est probable qu'alors vous vous occuperez de vos affaires et que vous perdrez de votre indolence et de la facilité avec laquelle vous vous laissez aller à vivre au jour la journée. De ce moment adressez vous à vos parents. Je n'ai pas payé vos petites dettes de jeu, car je ne suis pas allé chercher vos compagnons — c'était eux qu'il fallait m'adresser.

639. И. И. ДМИТРИЕВУ.

26 апреля 1835 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь Иван Иванович, приношу искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утешительное ободрение моему историческому отрывку. Его побранивают и поделом: я писал его для себя, не думая, чтоб мог напечатать, и старался только об одном ясном изложении происшествий, довольно запутанных. Читатели любят анекдоты, черты местности и пр.; а я всё это отбросил в примечания. Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который, вероятно, за сходную цену, возьмется идеализировать это лицо по самому последнему фасону.

Вы спрашиваете, кто секретарь у нас в академии? Кажется, еще не решено. Улисс Лобанов и Аякс Федоров спорят об оружии Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову-Нестору (по крайней мере, издателю Нестора). Вы пророк в отечествии своем.

На академии наши нашел черный год: едва в Российской почил Соколов, как в академии наук явился вице-президентом Дондуков-Корсаков. Уваров фокусник, а Дондуков-Корсаков его паяс. Кто-то сказал, что куда один, туда и другой: один кувыркается на канате, а другой под ним на полу.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть вашего высокопревосходительства, милостивый государь, покорнейшим слугою.

26 апреля 1835. СПб. — Александр Пушкин.

640. В. А. ПЕРОВСКОМУ.

Март — апрель 1835 г. Из Петербурга в Оренбург.

Посылаю тебе «Историю Пугачева» в память прогулки нашей в Берды; и еще 3 экземпляра, Далю, Покатилову и тому

охотнику, что вальдшнепов сравнивает с Валленштейном или с Кесарем. Жалею, что в Петербурге удалось нам встретиться только на бале. До свидания в степях или над Уралом.

А. П.

641. И. М. ПЕНЬКОВСКОМУ.

1 мая 1835 г. Из Петербурга в Болдино.

Все ваши распоряжения и предположения одобряю в полной мере. В июле думаю быть у вас. Дела мои в Петербурге приняли было худой оборот, но надеюсь их поправить. По условию с батюшкой, доходы с Кистенева отныне определены исключительно на брата Льва Сергеевича и на сестру Ольгу Сергеевну. Следственно, все доходы с моей части отправлять, куда потребует сестра или муж ее Николай Иванович Павлищев; а доходы с другой половины (кроме процентов, следующих в ломбард) отправлять ко Льву Сергеевичу, куда он прикажет. Болдино останется для батюшки.

На днях буду писать вам обстоятельнее.

1 мая. А. Пушкин.

642. Л. С. ПУШКИНУ.

2 мая 1835 г. Из Петербурга в Тифлис.

Отец согласен дать тебе в полное управление половину Кистенева. Свою часть уступаю сестре (т. е. одни доходы). Я писал о том уже управителю. У тебя будет чистого доходу около 2000 р.— Советую тебе предоставить платеж процентов управляющему — а самому получать только эту сумму. 2000 немного, но всё же можно ими жить. Мать у нас умирала, теперь ей легче, но не совсем. Не думаю, чтоб она долго могла жить.

2 мая. А. П.

643. Н. И. ПАВЛИЩЕВУ.

2 мая 1835 г. Из Петербурга в Варшаву.

Милостивый государь
Николай Иванович,

Я Вам долго не отвечал, потому что ничего утвердительного не мог написать. Отвечаю сегодня на оба Ваши письма: Вы правы почти во всем, а в чем не правы, о том нечего толковать. Поговорим о деле. Вы требуете сестрину, законную часть; Вы зна-

те наши семейственные обстоятельства; Вы знаете, как трудно у нас приступать к чему-нибудь дельному или деловому. Отложим это до другого времени. Вот распоряжения, которые на днях предложил я батюшке и на которые он, слава богу, согласен. Он Льву Сергеевичу отдает половину Кистенева; свою половину уступаю сестре (т. е. доходы), с тем чтоб она получала доходы и платила проценты в ломбард: я писал о том уже управителю. Батюшке остается Болдино. С моей стороны это, конечно, ни пожертвование, ни одолжение, а расчет для будущего. У меня у самого семейство и дела мои не в хорошем состоянии. Думаю оставить Петербург и ехать в деревню, если только этим не навлеку на себя неудовольствия.

За фермуар и за булавку дают 850 руб. Как прикажете? Не худо было бы Вам приехать в Петербург, но об этом успеем списаться.

Я до сих пор еще управляю именпем, но думаю к июлю сдать его. Матушке легче, но ей совсем не так хорошо, как она думает; лекаря не надеются на совершенное выздоровление.

Сердечно кланяюсь Вам и сестре.

2 мая. А. Пушкин.

644. М. П. ПОГОДИНУ.

Начало мая 1835 г. Из Петербурга в Москву.

(Черновое)

Милостивый государь
Михайло Петрович,

Сейчас получил я последнюю книжку «Библиотеки для чтения» и увидел там какую-то повесть с подписью *Белкин* — и встретил Ваше имя. Как я читать ее не буду, то спешу Вам объявить, что этот Белкин не мой Белкин и что за его нелепость я не отвечаю.

Это письмо доставит Вам господин Семен, издатель «Живописного ежегодника». Он собирается описать Москву, отсылаю его к ее любовнику.

Скажите Наблюдателям, чтоб они были немножко аккуратнее в доставлении.

645. Н. И. ГОНЧАРОВОЙ.

16 мая 1835 г. Из Петербурга в Ярополец.

Милостивая государыня матушка
Наталья Ивановна,

Имею счастие поздравить Вас со внуком Григорьем и поручить его Вашему благорасположению. Наталья Николаевна родила его благополучно, но мучилась долее обыкновенного — и теперь не совсем в хорошем положении — хотя, слава богу, опасности нет никакой. Она родила в мое отсутствие, я принужден был по своим делам съездить во Псковскую деревню и возвратился на другой день ее родов. Приезд мой ее встревожил, и вчера она пострадала; сегодня ей легче. Она поручила мне испросить Вашего благословения ей и новорожденному.

Вчера получен от Вас ящик с шляпою и с запискою, которую я жене не показал, чтоб ее не огорчить в ее положении. Кажется, она не удовлетворительно исполнила Вашу комиссию, а по записке она могла бы заключить, что Вы на нее прогневались.

Целую ручки Ваши и имею счастие быть с глубочайшим почтением и душевной преданностию

Вашим покорнейшим
слугою и зятем.
А. Пушкин.

646. С. С. ХЛЮСТИНУ.

25 мая 1835 (?) г. В Петербурге.

Je vous supplie de m'excuser. Il me sera impossible de venir diner chez vous. Ma femme s'est tout à coup trouvée très mal. Veuillez de grâce m'envoyer l'adresse de Monsieur de Circourt.

Tout à Vous
25 mai. Pouchkine.

647. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

Апрель — май 1835 г. В Петербурге.

За кого вы меня принимаете? Я слышал раз дурака в Москве, и больше не буду. Его надо слушать, однако, чтоб порядком побранить в «Летописце». Итак, подпишитесь, князь! извольте заплатить, Ваше сиятельство, стерпится — слюбится. Не скупитесь. А когда-то нам свидеться?

А. П.

648. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

Апрель — май 1835 г. В Петербурге.

(Черновое)

J'ose soumettre à la décision de Votre Excellence.

En 1832 Sa Majesté a daigné m'accorder la permission d'être l'éditeur d'un journal politique et littéraire.

Ce métier n'est pas le mien et me répugne sous bien des rapports, mais les circonstances m'obligent d'avoir recours à un moyen dont jusqu'à présent j'ai cru pouvoir me passer. Je demeure à Pétersbourg où grâce à Sa Majesté je puis me livrer à des occupations plus importantes et plus à mon goût, mais la vie que j'y mène entraînant à des dépenses, et les affaires de famille étant très dérangées, je me vois dans la nécessité soit de quitter des travaux historiques qui me sont devenus chers, soit d'avoir recours aux bontés de l'empereur auxquelles je n'ai d'autres droits que les bienfaits dont il m'a déjà accablé.

Un journal m'offre le moyen de demeurer à Pétersbourg et de faire face à des engagements sacrés. Je voudrais donc être l'éditeur d'une gazette en tout pareille à la «Северная пчела» et quant aux articles purement littéraires (comme critiques de longue haleine, contes, nouvelles, poèmes etc.), qui ne peuvent trouver place dans un feuilleton, je voudrais les publier à part (un volume tous les 3 mois dans le genre des Revies Anglaises).

Je Vous demande pardon, mais je suis obligé de tout vous dire. J'ai eu le malheur de m'attirer l'inimitié de M-r le ministre de l'Instruction publique, ainsi que celle de M-r le prince Dondoukof, né Korsakof. Déjà tous les deux me l'ont fait sentir d'une manière assez désagréable. En entrant dans une carrière, où je vais dépendre d'eux, je serai perdu sans votre protection immédiate. J'ose donc vous supplier d'accorder à mon journal un censeur tiré de votre chancellerie; cela m'est d'autant plus indispensable que mon journal devant paraître en même temps que la «Северная пчела», je dois avoir le temps de traduire les mêmes articles sous peine d'être obligé de réimprimer le lendemain les nouvelles publiés la veille, ce qui suffirait déjà pour ruiner toute l'entreprise.

649. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

Апрель — май 1835 г. В Петербурге.

(Вторая черновая редакция)

En demandant la permission d'être l'éditeur d'une gazette littéraire et politique je sentais moi-même tous les inconvénients de cette entreprise. Je m'y voyais forcé par de tristes circonstances. Ni moi,

ni ma femme nous n'avons encore notre fortune; celle de mon père est si dérangée que j'ai été obligé d'en prendre la direction pour assurer un avenir au reste de ma famille. Je ne voulais devenir journaliste que pour ne pas me reprocher d'avoir négligé un moyen qui me donnant 40 000 de revenu me mettait hors d'embarras. Mon projet n'ayant pas eu l'agrément de Sa Majesté, j'avoue que me voilà soulagé d'un grand poids. Mais aussi je me vois obligé d'avoir recours aux bontés de l'empereur qui maintenant est mon seul espoir. Je vous demande la permission, M-r le Comte, de vous exposer ma situation et de remettre ma requête en votre protection.

Pour payer toutes mes dettes et pouvoir vivre, arranger les affaires de ma famille et être enfin libre de me livrer sans tracas à mes travaux historiques et à mes occupations, il me suffit de trouver à faire un emprunt de 100 000. Mais en Russie c'est impossible.

L'empereur, qui jusqu'à présent ne s'est pas lassé de me combler de grâce, mais qu'il m'est pénible .... en daignant me prendre à son service m'a fait la grâce de me fixer 5000 d'appointements. Cette somme représente les intérêts d'un capital de 125 000. Si, au lieu de mes appointements, Sa Majesté me faisait la grâce de m'en donner le capital en *emprunt* pour 10 ans et sans intérêts — je serais parfaitement heureux et tranquille.

650. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

1 июня 1835 г. В Петербурге.

Monsieur le Comte,

Je suis honteux d'importuner toujours Votre Excellence, mais l'indulgence et l'intérêt que Vous avez toujours daigné me témoigner seront l'excuse de mon indiscrétion.

Je n'ai pas de fortune; ni moi, ni ma femme, n'avons encore la part qui doit nous revenir. Jusqu'à présent je n'ai vécu que des fruits de mon travail. Mon revenu fixe, ce sont les appointements que l'empereur a daigné m'accorder. Travailler pour vivre n'a pour moi, certes, rien d'humiliant; mais accoutumé à l'indépendance, il m'est tout-à-fait impossible d'écrire pour de l'argent; et l'idée seule suffit pour me reduire à l'inaction. La vie de Pétersbourg est horriblement chère. Jusqu'à présent j'ai envisagé avec assez d'indifférence les dépenses que j'ai été obligé de faire, un journal politique et littéraire, entreprise purement mercantile, me donnant tout de suite les moyens d'avoir 30 à 40 milles de revenu. Cependant cette besogne me répugnait tellement, que je n'ai songé à y avoir recours qu'à la dernière extrémité.

Je me vois dans le nécessité de couper court à des dépenses qui ne m'entraînent qu'à faire des dettes et qui me préparent un

avenir d'inquiétude et d'embarras, sinon de misère et de désespoir. Trois ou quatre ans de retraite à la campagne, me mettront de nouveau dans la possibilité de venir reprendre à Pétersbourg des occupations que je dois encore aux bontés de Sa Majesté.

J'ai été comblé des bienfaits de l'empereur, je serais au désespoir que Sa Majesté put supposer dans mon désir de m'éloigner de Pétersbourg un autre motif que celui d'une absolue nécessité. La moindre signe de mécontentement ou de soupçon, suffirait pour me retenir dans la position où je me trouve, car enfin j'aime mieux être gêné dans mes affaires, que perdu dans l'opinion de celui qui a été mon bienfaiteur, non comme souverain, non par devoir et par justice, mais par un libre sentiment de bienveillance noble et généreuse.

C'est en remettant mon sort entre vos mains, que j'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond

Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

1 juin.
St. Pb.

651. Н. И. ПАВЛИЩЕВУ.

3 июня 1835 г. Из Петербурга в Варшаву.

Милостивый государь
Николай Иванович,

Вы желаете знать, что такое состояние батюшки; посылаю Вам о том ведомость.

В селе Болдине душ по 7-ой ревизии 564.

В сельце Кистеневе (Тимашеве тож) 476.

Покойный Василий Львович владел *другой половиною Болдина,* в коей было также около 600 душ. Эта часть продана спустя три года после отречения от наследства самого наследника. Я не мог взять на себя долги покойника, потому что уж и без того был стеснен; а брат Лев Сергеевич, кажется, не мог бы о том и подумать, ибо на первый случай надобно было бы уплатить по крайней мере 60 000. Жаль, что Вы в то время не снеслись со мною; кабы я мог думать, что Вы примете на себя управление этим имением, я бы мог от него не отступиться.

Вы хотите иметь доверенность на управление части Кистенева, коего доходы уступаю сестре: с охотою; напишите мне только: переслать ли Вам оную, или сами Вы за нею приедете. Переговорить обо всем не худо было б.

3 июня 1835. Весь Ваш А. Пушкин.

652. В. А. ДУРОВУ.

16 июня 1835 г. Из Петербурга в Елабугу.

Милостивый государь
Василий Андреевич,

Искренне обрадовался я, получа письмо Ваше, напомнившее мне старое, любезное знакомство, и спешу Вам отвечать. Если автор «Записок» согласится поручить их мне, то с охотою берусь хлопотать об их издании. Если думает он их продать в рукописи, то пусть назначит сам им цену. Если книгопродавцы не согласятся, то, вероятно, я их куплю. За успех, кажется, можно ручаться. Судьба автора так любопытна, так известна и так таинственна, что разрешение загадки должно произвести сильное общее впечатление. Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность. Предмет сам по себе так занимателен, что никаких украшений не требует. Они даже повредили бы ему.

Поздравляю Вас с новым образом жизни; жалею, что изо ста тысячей способов достать 100 000 рублей ни один еще Вами с успехом, кажется, не употреблен. Но деньги дело наживное. Главное, были бы мы живы.

Прощайте — с нетерпением ожидаю ответа.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Ваш покорнейший слуга
А. Пушкин.

16 июня 1835.
СПб.

На Дворцовой набережной дом Баташева.

653. А. А. КРАЕВСКОМУ.

18 июня 1835 г. В Петербурге.

Не написал я ничего братии московской. Но сделайте милость: поправьте передпоследний стих в «Туче».

И ветер, *лаская листочки* древес

654. Г. НОРДИНУ.

Май — июнь 1835 г. (?) В Петербурге.

Veuillez, monsieur, recevoir mes très sincères remerciements pour votre aimable contrebande. Me pardonnerez-vous de vous importuner encore?

Il me serait bien nécessaire d'avoir l'ouvrage *sur* l'Allemagne de ce mauvais sujet de Heine.

Oserai-je espérer que vous aurez la bonté de la faire prendre aussi?

Agréez, monsieur, l'assurance de ma haute considération.

A. Pouchkine.

655. С. Л. ПУШКИНУ.

20-е числа (после 23) мая — июнь 1835 г.
В Петербурге.

(Черновое)

Votre revenu est de

22 000 *последнее* долгу на имении 176

à la maison —	11 800
à Léon	1 500
à Olga	1 500
à l'intendant	600
la dette	15 400
d'arriéré	....

donc vous avez à payer de plus

Vous avez gagné	*1 600*
22 000	16 000 de payé —
15 400	2 500 — de . . .
6 600	2 000 devoir payer

656. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

4 июля 1835 г. В Петербурге.

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

Государю угодно было отметить на письме моем к Вашему сиятельству, что нельзя мне будет отправиться на несколько лет в деревню иначе как взяв отставку. Предаю совершенно судьбу мою в царскую волю и желаю только, чтоб решение его величества не было для меня знаком немилости и чтоб вход в

архивы, когда обстоятельства позволят мне оставаться в Петербурге, не был мне запрещен.

С глубочайшим почтением, преданностию и благодарностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.

4 июля 1835. Александр Пушкин.
СПб.

657. Н. И. ГОНЧАРОВОЙ.

14 июля 1835 г. Из Петербурга в Ярополец.

Милостивая государыня матушка
Наталия Ивановна,

Искренно благодарю Вас за подарок, который изволили Вы пожаловать моему новорожденному и который пришел очень кстати. Мы ждали Дмитрия Николаевича на крестины, но не дождались. Он пишет, что дела задержали его, а что его предположения касательно графини N. не исполнились. Кажется, он не в отчаянии. Жену я, по Вашему препоручению, поцеловал как можно нежнее; она целует Ваши ручки и сбирается к Вам писать. Мы живем теперь на даче, на Черной речке, а отселе думаем ехать в деревню и даже на несколько лет: того требуют обстоятельства. Впрочем, ожидаю решения судьбы моей от государя, который очень был ко мне милостив и коего воля будет для меня законом.

Обращаюсь к Вам с просьбою и с домашними объяснениями: до сих пор главные наши хлопоты состоят в том, что не можем сладить с поварами, которые в Петербурге избалованы и дороги непомерно. Если в Яропольце есть у Вас какой-нибудь ненужный Вам повар (только был бы хорошего, честного и неразвратного поведения), то Вы бы сделали нам истинное благодеяние, отправя его к нам — особенно в случае нашего отъезда в деревню. Простите меня, что я без церемонии и прямо к Вам обращаюсь, надеясь на Вашу снисходительность и благосклонность.

Жена, дети и свояченицы — все слава богу у меня здоровы — и целуют Ваши ручки. Маша просится на бал и говорит, что она танцевать уже выучилась у собачек. Видите, как у нас скоро спеют; того и гляди будет невеста.

С глубочайшим почтением и преданностию имею счастие быть,

милостивая государыня матушка,
Вашим покорнейшим слугою и зятем.
А. Пушкин.

14 июля.

658. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

22 июля 1835 г. В Петербурге.

Monsieur le Comte,

J'ai eu l'honneur de me présenter à la porte de Votre Excellence, sans avoir eu le bonheur de la trouver chez elle.

Accablé des bontés de Sa Majesté, c'est à vous, Monsieur le Comte, que je viens m'adresser pour vous rendre grâce de l'intérêt que vous avez bien voulu me témoigner et pour vous exposer franchement ma situation.

Pendant les cinq dernières années de mon séjour à Pétersbourg j'ai contracté près de soixante mille roubles de dettes. J'ai été de plus obligé de prendre en mains les affaires de ma famille, cela m'a si fort embarassé, que j'ai été obligé de renoncer à un héritage et que les seuls moyens que j'eus de mettre ordre à mes affaires, étaient — ou de me retirer à la campagne — ou bien d'emprunter, une fois pour toutes, une forte somme d'argent. Mais ce dernier parti est presqu'impossible en Russie, où la loix accorde au créancier une trop faible garantie, et où les emprunts sont presque toujours des dettes entre amis et sur parole.

La reconnaissance n'est pas pour moi un sentiment pénible; et certes, mon dévouement à la personne de l'Empereur n'est troublé par aucune arrière pensée de honte ou de remords; mais je ne puis me dissimuler que je n'ai absolument aucun droit aux bienfaits de Sa Majesté et qu'il m'est impossible de rien demander.

C'est donc à vous, Monsieur le Comte, que je remets encore une fois à décider de mon sort, et c'est en vous suppliant d'agréer l'hommage de ma haute considération, que j'ai l'honneur d'être avec respect et reconnaissance,

Monsieur le Comte,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
22 juillet 1835. Alexandre Pouchkine.
St. Pétersbourg.

659. В. Д. ВОЛЬХОВСКОМУ.

22 июля 1835 г. Из Петербурга в Тифлис.

Обращаюсь к тебе, почтенный мой Владимир Дмитриевич, с дружеской и покорнейшей просьбою: граф Забела едет служить в Грузию под твоим начальством. Друзья и родственники просят для него твоего покровительства и благорасположения, которое и необходимо ему в его положении. Знаю, что мое предстательство в этом случае совершенно лишнее, но я радуюсь случаю издали

напомнить тебе о старом лицейском товарище, искренно тебе преданном.

Посылаю тебе последнее мое сочинение, «Историю Пугачевского бунта». Я старался в нем исследовать военные тогдашние действия и думал только о ясном их изложении, что стоило мне немалого труда, ибо начальники, действовавшие довольно запутанно, еще запутаннее писали свои донесения, хвастаясь или оправдываясь равно бестолково. Всё это нужно было сличать, поверять etc.; мнение твое касательно моей книги во всех отношениях было бы мне драгоценно.

Будь здрав и счастлив.

22 июля 1835. А. Пушкин.
СПб.

660. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

26 июля 1835 г. В Петербурге.

Monsieur le Comte,

Il m'en coûte au moment où je reçois une grâce inattendue d'en demander deux autres, mais je me décide à avoir recours en toute franchise à celui qui a daigné être ma providence.

De mes 60 000 de dettes, la moitié sont des dettes d'honneur. Pour les acquitter je me vois dans la nécessité de contracter des dettes usuraires, ce qui redoublera mes embarras, ou bien me mettra dans la nécessité d'avoir de nouveau recours à générosité de l'Empereur.

Je supplie donc Sa Majesté de me faire une grâce pleine et entière: premièrement, en me donnant la possibilité d'acquitter ces 30 000 roubles; et en second lieu en daignant me permettre de regarder cette somme, comme un emprunt et en faisant, en conséquence, suspendre le payement de mes appointements jusqu'à ce que ma dette soit liquidée.

C'est en me recommendant à votre indulgence, que j'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond et la reconnaissance la plus vive,

Monsieur le Comte,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
26 juillet 1835. Alexandre Pouchkine.
St. Pétersbourg.

661. А. А. ФУКС.

15 августа 1835 г. Из Петербурга в Казань.

15 августа 1835, СПб.

Долго мешкал я доставить вам свою дань, ожидая из Парижа портрета Пугачева; наконец его получил, и спешу препроводить вам мою книгу. Надеясь на вашу снисходительность, я осмелился отправить на ваше имя один экземпляр для доставления г. Рыбушкину, от которого имел честь получить любопытную историю о Казани.

Препоручаю себя драгоценному вашему благорасположению и дружеству почтенного Карла Федоровича (перед которым извиняюсь в неисправности издания моей книги).

С глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть.....

662. Е. П. ЛЮЦЕНКЕ.

19 августа 1835 г. В Петербурге.

Милостивый государь Ефим Петрович!

Мне, право, совестно за хлопоты, по которым ввожу ваше превосходительство. Смирдин не сдержал своего слова; полагаю, в самом деле обстоятельства его запутаны. Печатание вашей поэмы не может стоить 1500 рублей; он ошибается. Отъезд мой в деревню мешает мне взяться самому за это дело. Сейчас писал я барону Корфу, прося его походатайствовать за вас, как за лицеиста. Надеюсь, что с своей стороны сделает он всё возможное.

С истинным почтением и совершенной преданностью честь имею быть вашего превосходительства, милостивый государь, покорнейшим слугою.

19 августа 1835 г. А. Пушкин.

663. В. А. ПОЛЕНОВУ.

28 августа 1835 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Василий Алексеевич,

Честь имею обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою.

Государь император изволил мне приказать распечатать дело о Пугачеве для составления Исторической выписки. В осьми

связках, доставленных мне из С.-Петербургского сената, не нашел я главнейшего документа: допроса, снятого с самого Пугачева в следственной комиссии, учрежденной в Москве. Осмеливаюсь покорнейше просить Ваше превосходительство, дабы приказали снестись о том с А. Ф. Малиновским, которому, вероятно, известно, где находится сей необходимый документ.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Александр Пушкин.

28 августа 1835.
СПб.

664. Е. Ф. КАНКРИНУ.

6 сентября 1835 г. В. Петербурге.

Милостивый государь
граф Егор Францевич,

Обращаюсь к Вашему сиятельству с покорнейшей просьбою, осмеливаюсь утрудить внимание Ваше предварительным объяснением моего дела.

Вследствие домашних обстоятельств принужден я был проситься в отставку, дабы ехать в деревню на несколько лет. Государь император весьма милостиво изволил сказать, что он не хочет отрывать меня от моих исторических трудов, и приказал выдать мне 10 000 рублей как вспоможение. Этой суммы недостаточно было для поправления моего состояния. Оставаясь в Петербурге, я должен был или час от часу более запутывать мои дела, или прибегать к вспоможениям и к милостям, средству, к которому я не привык, ибо до сих пор был я, слава богу, независим и жил своими трудами.

Итак, осмелился я просить его величество о двух милостях: 1) о выдаче мне, *вместо вспоможения, взаймы 30 000 рублей, нужных мне в обрез,* для уплаты необходимой; 2) о удержании моего жалования до уплаты сей суммы. Государю угодно было согласиться на то и на другое.

Но из Государственного казначейства выдано мне вместо 30 000 р. только 18 000, за вычетом разных процентов и 10 000 (десяти тысяч рублей), выданных мне заимообразно на напечатание одной книги. Таким образом, я более чем когда-нибудь нахожусь в стесненном положении, ибо принужден оставаться в Петербурге, с долгами недоплаченными и лишенный 5000 рублей жалования.

Осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о разрешении получить мне сполна сумму, о которой принужден я был просить

государя, и о позволении платить проценты с суммы, в 1834 году выданной мне, пока обстоятельства дозволят мне внести оную сполна.

Препоручая себя благорасположению Вашего сиятельства, с глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.

6 сентября 1835. Александр Пушкин.

665. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

14 сентября 1835 г. Из Михайловского в Петербург.

Хороши мы с тобой. Я не дал тебе моего адреса, а ты у меня его и не спросила; вот он: в Псковскую губернию, в Остров, в село Тригорское. Сегодня 14-ое сентября. Вот уж неделя, как я тебя оставил, милый мой друг; а толку в том не вижу. Писать не начинал и не знаю, когда начну. Зато беспрестанно думаю о тебе, и ничего путного не надумаю. Жаль мне, что я тебя с собою не взял. Что у нас за погода! Вот уж три дня, как я только что гуляю то пешком, то верхом. Эдак я и осень мою прогуляю, и коли бог не пошлет нам порядочных морозов, то возвращусь к тебе, не сделав ничего. Прасковьи Александровны еще здесь нет. Она или в деревне у Бегичевой, или во Пскове хлопочет. На днях ожидают ее. Сегодня видел я месяц с левой стороны, и очень о тебе стал беспокоиться. Что наша экспедиция? виделась ли ты с графиней Канкриной, и что ответ? На всякий случай, если нас гонит граф Канкрин, то у нас остается граф Юрьев; я адресую тебя к нему. Пиши мне как можно чаще; и пиши всё, что ты делаешь, чтоб я знал, с кем ты кокетничаешь, где бываешь, хорошо ли себя ведешь, каково сплетничаешь, и счастливо ли воюешь с твоей однофамилицей. Прощай, душа; целую ручку у Марьи Александровны и прошу ее быть моею заступницею у тебя. Сашку целую в его круглый лоб. Благословляю всех вас. Теткам Азе и Коко мой сердечный поклон. Скажи Плетневу, чтоб он написал мне об наших общих делах.

666. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

1—15 сентября 1835 г. Из Михайловского в Петербург.

Ты мне советуешь продолжать «Онегина», уверяя меня, что я его не кончил...

667. А. И. БЕКЛЕШОВОЙ.

11—18 сентября 1835 г. Из Тригорского в Псков.

Мой ангел, как мне жаль, что я Вас уже не застал, и как обрадовала меня Евпраксия Николаевна, сказав, что Вы опять собираетесь приехать в наши края! Приезжайте, ради бога; хоть к 23-му. У меня для Вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться. Я пишу к Вам, а наискось от меня сидите Вы сами во образе Марии Ивановны. Вы не поверите, как она напоминает прежнее время.

И путешествия в Опочку

и прочая. Простите мне мою дружескую болтовню. Целую Ваши ручки.

А. П.

668. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

21 сентября 1835 г. Из Михайловского в Петербург.

Жена моя, вот уже и 21-ое, а я от тебя еще ни строчки не получил. Это меня беспокоит поневоле, хоть я знаю, что ты мой адрес, вероятно, узнала не прежде как 17-го, в Павловске. Не так ли? к тому же и почта из Петербурга идет только раз в неделю. Однако я всё беспокоюсь и ничего не пишу, а время идет. Ты не можешь вообразить, как живо работает воображение, когда сидим одни между четырех стен, или ходим по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова закружится. А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже вполовину промотал; ваше имение на волоске от погибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000. Всё держится на мне да на тетке. Но ни я, ни тетка не вечны. Что из этого будет; бог знает. Покамест грустно. Поцелуй-ка меня, авось горе пройдет. Да лих, губки твои на 400 верст не оттянешь. Сиди да горюй — что прикажешь! Теперь выслушай мой журнал: был я у Вревских третьего дня и там ночевал. Ждали Прасковью Александровну, но она не бывала. Вревская очень добрая и милая бабенка, но толста, как Мефодий, наш псковский архиерей. И незаметно, что она уж не брюхата; всё та же, как когда ты ее видела. Я взял у них Вальтер Скотта и перечитываю его. Жалею, что не взял с собою английского. Кстати: пришли мне, если можно, Essays de M. Montaigne — 4 синих книги, на длинных моих полках. Отыщи. Сегодня

погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду. Жду Прасковью Александровну, которая, вероятно, будет сегодня в Тригорское.— Я много хожу, много езжу верхом, на клячах, которые очень тому рады, ибо им за то дается овес, к которому они не привыкли. Ем я печеный картофель, как маймист, и яица всмятку, как Людовик XVIII. Вот мой обед. Ложусь в 9 часов; встаю в 7. Теперь требую от тебя такого же подробного отчета. Целую тебя, душа моя, и всех ребят, благословляю вас от сердца. Будьте здоровы. Бель-сёрам поклон. Как надобно сказать: бель серы иль бель сери? Прощай.

669. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

25 сентября 1835 г. Из Тригорского в Петербург.

Пишу тебе из Тригорского. Что это, женка? вот уж 25-ое, а я всё от тебя не имею ни строчки. Это меня сердит и беспокоит. Куда адресуешь ты свои письма? Пиши *Во Псков*, ее высокородию Прасковье Александровне Осиповой для доставления А. С. П., известному сочинителю — вот и всё. Так вернее дойдут до меня твои письма, без которых я совершенно одурею. Здорова ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? что дом наш, и как ты им управляешь? Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки; а всё потому, что не спокоен. В Михайловском нашел я всё по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего; всё кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Например, вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменилась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарелся да и подурнел. Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был. Всё это не беда; одна беда: не замечай ты, мой друг, того, что я слишком замечаю. Что ты делаешь, моя красавица, в моем отсутствии? расскажи, что тебя занимает, куда ты ездишь, какие есть новые сплетни etc. Карамзина и Мещерские, слышал я, приехали. Не забудь сказать им сердечный поклон. В Тригорском стало просторнее, Евпраксия Николаевна и Александра Ивановна замужем, но Прасковья Александровна всё та же, и я очень люблю ее. Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пешком и верхом, читаю романы Вальтер Скотта, от которых в восхищении, да охаю о тебе. Прощай, целую тебя крепко, благословляю тебя и ребят. Что Коко и Азя? замужем или еще нет? Скажи, чтоб без моего благословения не шли. Прощай, мой ангел.

670. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

29 сентября 1835 г. Из Михайловского в Петербург.

Душа моя, вчера получил я от тебя два письма; они очень меня огорчили. Чем больна Катерина Ивановна? ты пишешь *ужасно больна*. Следственно, есть опасность? с нетерпением ожидаю твой *bulletin*. Всё это происходит от нечеловеческого образа ее жизни. Видать ли, чтоб графиня Полье вышла наконец за своего принца? Канкрин шутит — а мне не до шуток. Государь обещал мне *Газету*, а там запретил; заставляет меня жить в Петербурге, а не дает мне способов жить моими трудами. Я теряю время и силы душевные, бросаю за окошки деньги трудовые и не вижу ничего в будущем. Отец мотает имение без удовольствия, как без расчета; твои теряют свое, от глупости и беспечности покойника Афанасия Николаевича. Что из этого будет? Господь ведает. Пожар твой произошел, вероятно, от оплошности твоих фрейлин, которым без меня житье! слава богу, что дело ограничилось занавесками. Ты мне переслала записку от M-me Kern; дура вздумала переводить Занда, и просит, чтоб я сосводничал ее со Смирдиным. Чёрт побери их обоих! Я поручил Анне Николаевне отвечать ей за меня, что если перевод ее будет так же верен, как она сама верный список с M-me Sand, то успех ее несомнителен, а что со Смирдиным дела я никакого не имею.— Что Плетнев? думает ли он о нашем общем деле? вероятно, нет. Я провожу время очень однообразно. Утром дела не делаю, а так из пустого в порожнее переливаю. Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах да орехи грызу. А ни стихов, ни прозы писать и не думаю. Скажи Сашке, что у меня здесь белые сливы, не чета тем, которые он у тебя крадет, и что я прошу его их со мною покушать. Что Машка? какова дружба ее с маленькой Музика? и каковы ее победы? Пиши мне также новости политические: я здесь газет не читаю — в Английский клоб не езжу и Хитрову не вижу. Не знаю, что делается на белом свете. Когда будут цари? и не слышно ли чего про войну и т. п.? Благословляю вас — будьте здоровы. Целую тебя. Как твой адрес глуп, так это объедение! В Псковскую губернию, в село Михайловское. Ах ты, моя голубушка! а в какой уезд, и не сказано. Да и Михайловских сел, чаю, не одно; а хоть и одно, так кто ж его знает. Экая ветреница! Ты видишь, что я всё ворчу; да что делать? нечему радоваться. Пиши мне про тетку — и про мать. Je remercie vos soeurs, как пишет Наталья Ивановна, хоть право не за что.

671. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

2 октября 1835 г. Из Михайловского в Петербург.

2 окт.

Милая моя женка, есть у нас здесь кобылка, которая ходит и в упряжи и под верхом. Всем хороша, но чуть пугнет ее что на дороге, как она закусит поводья, да и несет верст десять по кочкам да оврагам — и тут уж ничем ее не проймешь, пока не устанет сама.

Получил я, ангел кротости и красоты! письмо твое, где изволишь ты, закусив поводья, лягаться милыми и стройными копытцами, подкованными у M-me Katherine. Надеюсь, что теперь ты устала и присмирела. Жду от тебя писем порядочных, где бы я слышал тебя и твой голос — а не брань, мною вовсе не заслуженную, ибо я веду себя как красная девица. Со вчерашнего дня начал я писать (чтобы не сглазить только). Погода у нас портится, кажется, осень наступает не на шутку. Авось распишусь. Из сердитого письма твоего заключаю, что Катерине Ивановне лучше; ты бы так бодро не бранилась, если б она была не на шутку больна. Всё-таки напиши мне обо всем и обстоятельно. Что ты про Машу ничего не пишешь? ведь я, хоть Сашка и любимец мой, а всё люблю ее затеи. Я смотрю в окошко и думаю: не худо бы, если вдруг въехала во двор карета — а в карете сидела бы Наталья Николаевна! да нет, мой друг. Сиди себе в Петербурге, а я постараюсь уж поторопиться и приехать к тебе прежде сроку. Что Плетнев? что Карамзины, Мещерские? etc.— пиши мне обо всем. Целую тебя и благословляю ребят.

672. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Около (не позднее) 11 октября 1835 г.
Из Михайловского в Петербург.

Очень обрадовался я, получив от тебя письмо (дельное по твоему обычаю). Постараюсь отвечать по пунктам и обстоятельно: ты получил «Путешествие» от цензуры; но что решил комитет на мое всеуниженное прошение? Ужели залягает меня осленок Никитенко и забодает бык Дундук? Впрочем, они от меня так легко не отделаются. Спасибо, великое спасибо Гоголю за его «Коляску», в ней альманах далеко может уехать; но мое мнение: даром «Коляски» не брать; а установить ей цену; Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для альманаха: назовем его «Арион» или «Орион»; я люблю имена, не имеющие смысла; шуточкам привязаться не к чему, Лангера заставь также нарисовать виньетку без смысла. Были бы цветочки, да лиры, да чаши, да

плющ, как на квартере Александра Ивановича в комедии Гоголя. Это будет очень натурально. В ноябре я бы рад явиться к вам; тем более, что такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу, через пень колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен. Ты дурно делаешь, что становишься нерешителен. Я всегда находил, что всё, тобою придуманное, мне удавалось. Начнем альманах с «Путешествия», присылай мне корректуру, а я перешлю тебе стихов. Кто будет наш цензор? Радуюсь, что Сенковский промышляет именем Белкина; но нельзя ль (разумеется, из-за угла и тихонько, например в «Московском наблюдателе») объявить, что настоящий Белкин умер и не принимает на свою долю грехов своего омонима? Это бы, право, было не худо.

673. Е. Ф. КАНКРИНУ.

23 октября 1835 г. В Петербурге.

Милостивый государь
граф Егор Францевич,

Возвратясь из деревни, узнал я, что Ваше сиятельство изволили извещать меня о высочайшем соизволении государя на покорнейшую просьбу, Вам принесенную мною. Приношу Вашему сиятельству искреннюю, глубокую мою благодарность за снисходительное внимание, коим удостоили Вы меня посреди Ваших трудов, и за благосклонное ходатайство, коему обязан я успехом моего дела.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

23 октября
С.-Петербург.

674. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

Около (не ранее) 23 октября 1835 г. В Петербурге.

(Черновое)

Обращаюсь к Вашему сиятельству с жалобой и покорнейшею просьбою.

По случаю затруднения цензуры в пропуске издания одного из моих стихотворений принужден я был во время Вашего от-

сутствия обратиться в Цензурный комитет с просьбой о разрешении встретившегося недоразумения. Но Комитет не удостоил просьбу мою ответом. Не знаю, чем мог я заслужить таковое небрежение — но ни один из русских писателей не притеснен более моего. Сочинения мои, одобренные государем, остановлены при их появлении — печатаются с своевольными поправками цензора, жалобы мои оставлены без внимания. Я не смею печатать мои сочинения — ибо не смею.....

675. П. А. ОСИПОВОЙ.

Около (не позднее) 26 октября 1835 г.
Из Петербурга в Тригорское.

Me voici, Madame, arrivé à Pétersbourg. Imaginez-vous que le silence de ma femme provenait de ce qu'elle s'était mis dans la tête d'adresser ses lettres à Опочка. Dieu sait d'où cela lui est venu. En tout cas je vous supplie d'y envoyer un de nos gens, pour faire dire au maître de poste que je ne suis plus à la campagne et qu'il renvoye tout ce qu'il a à Pétersbourg.

J'ai trouvé ma pauvre mère à l'extrémité, elle était venue de Pavlovsk pour chercher un logement, et elle est tombée subitement en faiblesse chez M-me Княжнин, où elle s'était arrêtée. Rauch et Spaski n'ont aucune espérance. Dans cette triste situation j'ai encore le chagrin de voir ma pauvre Natalie en butte à la haine du monde. On dit partout qu'il est affreux qu'elle soit si élégante, quand son beau-père et sa belle-mère n'ont pas de quoi manger, et que sa belle-mère se meurt chez des étrangers. Vous savez ce qu'il en est. On ne peut pas dire à la rigueur qu'un homme qui a 1200 paysans soit dans la misère. C'est mon père qui a quelque chose, et c'est moi qui n'ai rien. En tout cas Natalie n'a que faire dans tout cela; c'est moi qui devrait en répondre. Si ma mère s'était venue établir chez moi, Natalie, comme de raison, l'aurait reçue. Mais une maison froide, remplie de marmaille et encombrée de monde n'est guère convenable à une malade. Ma mère est mieux chez elle. Je l'ai trouvée déjà déménagée; mon père est dans un état bien à plaindre. Quant à moi, je fais de la bile, et je suis tout abasourdi.

Croyez m'en, chère Madame Ossipof, la vie toute ſuſſe Gewohnheit qu'elle est, a une amertume qui finit par la rendre dégoutante et c'est un vilain tas de boue que le monde. J'aime mieux Тригорское. Je vous salue de tout mon coeur.

676. И. И. ЛАЖЕЧНИКОВУ.

3 ноября 1835 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь
Иван Иванович!

Во-первых, должен я просить у вас прощения за медленность и неисправность свою. Портрет Пугачева получил месяц тому назад, и, возвратясь из деревни, узнал я, что до сих пор экземпляр его «Истории» вам не доставлен. Возвращаю вам рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благосклонности.

Позвольте, милостивый государь, благодарить вас теперь за прекрасные романы, которые все мы прочли с такою жадностию и с таким наслаждением. Может быть, в художественном отношении «Ледяной дом» и выше «Последнего Новика», но истина историческая в нем не соблюдена, и это со временем, когда дело Волынского будет обнародовано, конечно, повредит вашему созданию; но поэзия останется всегда поэзией, и многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык. За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Волынского играет он лице мученика. Его донесение Академии трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать без негодования на его мучителя. О Бироне можно бы также потолковать. Он имел несчастие быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа. Впрочем, он имел великий ум и великие таланты.

Позвольте сделать вам филологический вопрос, коего разрешение для меня важно: в каком смысле упомянули вы слово *хобот* в последнем вашем творении и по какому наречию?

Препоручая себя вашей благосклонности, честь имею быть с глубочайшим почтением,

милостивый государь,
вашим покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

3 ноября 1835 г.
С.-Петербург

677. П. А. КЛЕЙНМИХЕЛЮ.

19 ноября 1835 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Петр Андреевич,

Возвратясь из путешествия, нашел я предписание Вашего высокопревосходительства, коему и поспешил повиноваться. Книги и бумаги, коими пользовался я по благосклонности его

сиятельства графа Чернышева, возвращены мною в Военное министерство.

Обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою: в Главном штабе находится одна, мне еще не известная, книга, содержащая последние письма и донесения генерала Бибикова (1774 года). Мне было бы необходимо справиться с сими документами; осмеливаюсь просить на то соизволения Вашего высокопревосходительства.

С глубочайшим почтением

честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства

покорнейшим слугою.

19 ноября 1835. Александр Пушкин.

678. П. А. ОСИПОВОЙ.

26 декабря 1835 г. Из Петербурга во Псков.

Enfin, madame, j'ai eu la consolation de recevoir votre lettre du 27 novembre. Elle a été près de 4 semaines en chemin. Nous ne savions que penser de votre silence. Je ne sais pourquoi je vous suppose à Pskov et c'est là que je vous adresse cette lettre. La santé de ma mère est améliorée, mais ce n'est pas encore une convalescence. Elle traîne, cependant la maladie s'est calmée. Mon père est bien à plaindre. Ma femme vous remercie de votre souvenir et se recommande à votre amitié. Ребятишки также. Je vous souhaite santé et bonne fête, et je ne vous dis rien de mon inaltérable dévouement.

L'Empereur vient d'accorder la grâce de la plupart des conspirateurs de 1825, entre autres à mon pauvre Кюхельбекер. По указу должен он быть поселен в южной части Сибири. C'est un beau pays, mais je le voudrais savoir plus près de nous; et peut-être lui permettra-t-on de se retirer sur les terres de M-me Glinka, sa soeur. Le gouvernement a toujours eu pour lui de la douceur et de l'indulgence.

Quand je songe que 10 ans sont écoulés depuis ces malheureux troubles, il me parait que j'ai fait un rêve. Que d'événements, que de changements en tout, à commencer par mes propres idées — ma situation, etc., etc. En vérité, il n'y a que mon amitié pour vous et votre famille que je retrouve en mon âme toujours la même, toujours pleine et entière.

26 Déc.

Votre lettre de change est prête et je vous l'enverrai la prochaine fois.

679. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

31 декабря 1835 г. В Петербурге.

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

Имею счастие повергнуть на рассмотрение его величества записки бригадира Моро де Бразе о походе 1711 года, с моими примечаниями и предисловием. Эти записки любопытны и дельны. Они важный исторический документ и едва ли не единственный (опричь журнала самого Петра Великого).

Осмеливаюсь беспокоить Ваше сиятельство покорнейшею просьбою. Я желал бы в следующем, 1836 году издать четыре тома статей чисто литературных (как-то повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности, наподобие английских трехмесячных Reviews. Отказавшись от участия во всех наших журналах, я лишился и своих доходов. Издание таковой Review доставило бы мне вновь независимость, а вместе и способ продолжать труды, мною начатые. Это было бы для меня новым благодеянием государя.

Препоручая себя всегдашней Вашей благосклонности, честь имею быть с глубочайшим почтением и совершенной преданностию,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

31 дек. 1835.
СПб.

1836

680. Н. А. ДУРОВОЙ.

19 января 1836 г. Из Петербурга в Елабугу.

Милостивый государь
Александр Андреевич,

По последнему письму Вашему от 6-го января ... чрезвычайно меня встревожило. Рукописи Вашей я не получил, и вот какую подозреваю на то причину. Уехав в деревню на три месяца, я пробыл в ней только три недели, и принужден был наскоро воротиться в Петербург. Вероятно, Ваша рукопись послана в Псков. Сделайте милость, не гневайтесь на меня. Сейчас еду хлопотать; задержки постараюсь вознаградить.

Я было совсем отчаивался получить «Записки», столь нетерпеливо мною ожидаемые. Слава богу, что теперь попал на след.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть

Вашим усерднейшим и покорнейшим слугою.

19 янв. 1836. А. Пушкин.

681. П. В. НАЩОКИНУ.

10-е числа января 1836 г. Из Петербурга в Москву.

Мой любезный Павел Воинович,

Я не писал к тебе потому, что в ссоре с московскою почтою. Услышал я, что ты собирался ко мне в деревню. Радуюсь, что не собрался, потому что там меня бы ты не застал. Болезнь матери моей заставила меня воротиться в город. О тебе были разные слухи, касательно твоего выигрыша; но что истинно меня утешило, так это то, что все в голос оправдывали тебя, и тебя одного. Думаю побывать в Москве, коли не околею на дороге. Есть ли у тебя угол для меня? То-то бы наболтались! а здесь не с кем. Денежные мои обстоятельства плохи — я принужден был приняться за журнал. Не ведаю, как еще пойдет. Смирдин уже предлагает мне 15 000, чтоб я от своего предприятия отступился и стал бы снова сотрудником его «Библиотеки». Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Сенковский такая бестия, а

Смирдин такая дура, что с ними связываться невозможно. Желал бы я взглянуть на твою семейственную жизнь и ею порадоваться. Ведь и я тут участвовал, и я имел влияние на решительный переворот твоей жизни. Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на молодость, его окружающую. Из этого следует, что мы хорошо сделали, что женились. Каковы твои дела? Что Кнерцер и твой жиденок-лекарь, которого Наталья Николаевна так не любит? А у ней пречуткое сердце. Смотри, распутайся с ними: это необходимо. Но обо всем этом после поговорим. До свидания, мой друг.

682. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

Вторая половина января — начало февраля 1836 г.
Петербург.

(Черновое)

Je vous supplie de me pardonner mon importunité, mais comme je n'ai pu hier me justifier devant le ministre —

Mon ode a été envoyée à Moscou sans aucune explication. Mes amis n'en avaient aucune connaissance. Toute espèce d'allusion en est soigneusement éloignée. La partie satyrique porte sur la vile avidité d'un héritier, qui au moment de la maladie de son parent fait déjà mettre les scellés sur les effets qu'il convoite. J'avoue qu'une anecdote pareille avait été répandue et que j'ai recueilli une expression poétique échappée à ce sujet.

Il est impossible d'écrire une ode satyrique sans que la malignité n'y trouve tout de suite une allusion. Derjavine dans son «Вельможа» peignit un sybarite plongé dans la volupté sourd au cris du peuple, qui s'écrie

Мне миг покоя моего
Приятней, чем в исторьи веки.

On applica ces vers à Potemkine et à d'autres — cependant toutes ces déclamations étaient des lieux communs — qui avaient été répété mille fois. C'est à dire dans la satyre des vices les plus bas et les plus communs peints...

Au fond c'étaient des vices de grand seigneur et je ne puis savoir jusqu'à quel point Derjavine était innocent de toute personnalité.

Le public dans le portrait d'un vil avare, d'un drôle qui vole le bois de la couronne, qui présente à sa femme des comptes infidèles, d'un plat-pied qui devient bonne d'enfants chez les grands

seigneurs, etc.— a, dit-on, reconnu un grand seigneur, un homme riche, un homme honoré d'une charge importante.—

Tant pis pour le public — il me suffit à moi de n'avoir pas (non seulement nommé) ni même insinué à qui que ce soit que mon ode...

Je demande seulement qu'on me prouve que je l'ai nommé — quel est le trait de mon ode qui puisse lui être appliqué ou bien — que j'ai insinué.

Tout celà est bien vague; toutes ces accusations sont des lieux communs.

Il m'importe peu que le public ait tort ou raison. Ce qui m'importe beaucoup c'est de prouver que jamais en aucune manière je n'ai *insinué* à personne que mon ode était dirigée contre qui que ce soit.

683. С. С. ХЛЮСТИНУ.

4 февраля 1836 г. В Петербурге.

Monsieur,

Permettez-moi de redresser quelques points où vous me paraissez dans l'erreur. Je ne me souviens pas de vous avoir entendu citer quelque chose de l'article en question. Ce qui m'a porté à m'expliquer, peut-être, avec trop de chaleur, c'est la remarque que vous m'avez faite de ce que j'avais eu tort la veille de prendre au cœur les paroles de Senkovsky.

Je vous ai répondu: «Я не сержусь на Сенковского; но мне нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяют нелепости свиней и мерзавцев». Vous assimiler à des свиньи и мерзавцы est certes une absurdité, qui n'a pu ni m'entrer dans la tête, ni même m'échapper dans toute la pétulence d'une dispute.

A ma grande surprise, vous m'avez répliqué que vous preniez entièrement pour votre compte l'article injurieux de Senkovsky et notamment l'expression «обманывать публику».

J'étais d'autant moins préparé à une pareille assertation venant de votre part, *que ni la veille, ni à notre dernière entrevue, vous ne m'aviez absolument rien dit qui eût rapport à l'article du journal.* Je crus ne vous avoir pas compris et vous priais de vouloir bien vous expliquer, ce que vous fîtes dans les mêmes termes.

J'eus l'honneur alors de vous faire observer, que ce que vous veniez d'avancer devenait une toute autre question et je me tus. En vous quittant je vous dis que je ne pouvais laisser cela ainsi. Cela peut être regardé comme une provocation, mais non comme une menace. Car enfin, je suis obligé de le répéter: je puis ne pas donner suite à des paroles d'un Senkovsky, mais je ne puis les mépriser dès qu'un homme comme vous les prend sur soi. En conséquence

je chargeais m-r Sobolévsky de vous prier de ma part de vouloir bien vous rétracter purement et simplement, ou bien de m'accorder la réparation d'usage. La preuve combien ce dernier parti me répugnait, c'est que j'ai dit nommément à Sobolévsky, que je n'exigeai pas d'excuse. Je suis fâché que m-r Sobolévsky a mis dans tout cela sa négligence ordinaire.

Quant à l'impolitesse que j'ai eue de ne pas vous saluer, lorsque vous m'avez quitté, je vous prie de croire que c'était une distraction tout-à-fait involontaire et dont je vous demande excuse de tout mon cœur.

J'ai l'honneur d'être, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur.

4 février. A. Pouchkine.

684. Н. Г. РЕПНИНУ.

5 февраля 1836 г. В Петербурге.

Mon Prince,

C'est avec regret que je me vois contraint d'importuner Votre Excellence; mais gentilhomme et père de famille, je dois veiller à mon honneur et au nom que je dois laisser à mes enfants.

Je n'ai pas l'honneur d'être personnellement connu de Votre Excellence. Non seulement jamais je ne vous ai offensé, mais par des motifs à moi connus, je vous ai porté jusqu'à présent un sentiment vrai de respect et de reconnaissance.

Cependant un M-r Bogolubof a publiquement répété des propos outrageants pour moi, et celà comme venant de vous. Je prie Votre Excellence de vouloir bien me faire savoir à quoi je dois m'en tenir.

Je sais mieux que personne la distance qui me sépare de vous: mais vous qui êtes non seulement un grand seigneur, mais encore le représentant de notre ancienne et véritable noblesse à laquelle j'appartiens aussi, j'espère que vous comprendrez sans peine l'impérieuse nécessité qui m'a dicté cette démarche.

Je suis avec respect
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur

5 février 1836. Alexandre Pouchkine.

685. В. А. СОЛЛОГУБУ.

Первые числа февраля 1836 г. В Петербурге.

(Черновое)

Vous vous êtes donné une peine inutile en me donnant une explication que je ne vous avais pas demandée. Vous vous êtes permis d'adresser à ma femme des propos indécents et vous êtes vanté de lui avoir *dit des impertinences.*

Les circonstances ne me permettent pas de me rendre à Twer avant la fin du mois de mars. Veuillez m'excuser.

686. Н. Г. РЕПНИНУ.

11 февраля 1836 г. В Петербурге.

Милостивый государь
князь Николай Григорьевич,

Приношу Вашему сиятельству искреннюю, глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить.

Не могу не сознаться, что мнение Вашего сиятельства касательно сочинений, оскорбительных для чести частного лица, совершенно справедливо. Трудно их извинить даже когда они написаны в минуту огорчения и слепой досады. Как забава суетного или развращенного ума, они были бы непростительны.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию есмь,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.
11 февраля 1836. Александр Пушкин.

687. А. А. ФУКС.

20 февраля 1836 г. Из Петербурга в Казань.

Милостивая государыня
Александра Андреевна,

Я столько перед Вами виноват, что не осмеливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я из деревни и нашел у себя письмо, коим изволили меня удостоить. Не понимаю, каким образом мой бродяга Емельян Пугачев не дошел до Казани, место для него памятное: видно, шатался по сторонам и загулялся по

своей привычке. Теперь граф Апраксин снисходительно взялся доставить к Вам мою книгу. При сем позвольте мне, милостивая государыня, препроводить к Вам и билет на получение «Современника», мною издаваемого. Смею ли надеяться, что Вы украсите его когда-нибудь произведениями пера Вашего?

Свидетельствую глубочайшее мое почтение любезному, почтенному Карлу Федоровичу, поручая себя Вашей и его благосклонности.

Честь имею быть с глубочайшим почтением и совершенною преданностию,

милостивая государыня,
Вашим
покорнейшим слугою.

СПб.
20 февр. 1836.

Александр Пушкин.

688. П. П. КАВЕРИНУ.

Февраль 1836 г. (?) В Петербурге.

Mille pardons, mon cher Kaverine, si je vous fais faux bond — une circonstance imprévue me force à partir de suite.

689. С. Д. НЕЧАЕВУ.

Июнь 1827 г.— февраль (?) 1836 г.
В Петербурге.

Возвратите мне, любезный Сергей Дмитриевич, не посылку, но письмо: я забыл в нем сказать нужное. Когда в путь?

А. Пушкин.

690. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

Февраль — начало марта 1836 г. В Петербурге.

Я не очень здоров — и занят. Если вы сделаете мне милость ко мне пожаловать с г. Сахаровым, то очень меня обяжете. Жду вас с нетерпением.

А. П.

691. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

Февраль — начало марта 1836 г. В Петербурге.

Объявление готов поместить какое будет лишь вам по сердцу. Для 1 № «Современника» думаю взять «Загадки»; о мифологии еще не читал. На днях возвращу вам рукопись.

692. В. Д. СУХОРУКОВУ.

14 марта (?) 1836 г. Из Петербурга в Пятигорск.

Любезнейший Василий Дмитриевич,

Пишу к вам в комнате вашего соотечественника, милого молодого человека, от которого нередко получаю об вас известия. Сейчас сказал он мне, что вы женились. Поздравляю вас от всего сердца, желаю вам счастья, которое вы заслуживаете по всем отношениям. Заочно кланяюсь Ольге Васильевне и жалею, что не могу высказать ей всё, что про вас думаю, и всё, что знаю прекрасного.

Писал ли я вам после нашего разлучения в Арзерумском дворце? Кажется, что не писал; простите моему всегдашнему недосугу и не причисляйте мою леность к чему-нибудь иному. Теперь поговорим о деле. Вы знаете, что я сделался журналистом (это напоминает мне, что я не послал вам «Современника»; извините,— постараюсь загладить мою вину). Итак, сделавшись собратом Булгарину и Полевому, обращаюсь к вам с удивительным бесстыдством и прошу у вас *статей*. В самом деле, пришлите-ка мне что-нибудь из ваших дельных, добросовестных, любопытных произведений. В соседстве Бештау и Эльбруса живут и досуг и вдохновение. Между тем и о цене (денежной) не худо поговорить. За лист печатный я плачу по 200 руб.— Не войдем ли мы и в торговые сношения.

Простите; весь ваш

14 марта 1836. А. П.
СПб.

693. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

Конец февраля — первая половина марта 1836 г.
В Петербурге.

Весьма и весьма доволен и благодарен. Если в неделю можно будет отпечатать по пяти листов, то это славно — и дело наше в шляпе. Корректуру «Путешествия» прикажите, однако, присылать ко мне. Тут много ошибок в рукописи. Что ваша повесть «Зизи»? Это славная вещь.

А. П.

694. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Около (не ранее) 17 марта 1836 г.
В Петербурге.

Ура! наша взяла. Статья Козловского прошла благополучно; сейчас начинаю ее печатать. Но бедный Тургенев!.. все полити-

ческие комеражи его остановлены. Даже имя Фиески и всех министров вымараны; остаются одни православные буквы наших русских католичек да дипломаток. Однако я хочу обратиться к Бенкендорфу — не заступится ли он? Ты мне говорил о своих стихах к Потоцкой: получил ли ты их? по крайней мере не вспомнишь ли их?

А. П.

695. М. А. ДОНДУКОВУ-КОРСАКОВУ.

18 марта 1836 г. В Петербурге.

Милостивый государь
князь Михаил Александрович,

Пользуясь позволением, данным мне Вашим сиятельством, осмеливаюсь прибегнуть к Вам с покорнейшею просьбою.

Цензурный комитет не мог пропустить «Письма из Парижа» как статью, содержащую политические известия: для разрешения оной позволите ли, милостивый государь, обратиться мне к графу Бенкендорфу? или прикажете предоставить сие комитету?

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.

18 марта 1836. Александр Пушкин.
СПб.

696. А. Л. КРЫЛОВУ.

20—22 марта 1836 г. В Петербурге.

(Черновое)

Милостивый государь
Александр Лукич,

Князь М. А. Корсаков писал мне, что «Письма из Парижа» будут рассмотрены в высшем комитете. Препровождаю их к Вам; одно замечание: «Письма из Парижа» Тургенева печатаются в «Московском наблюдателе» не как статьи политические, а литературные.

697. А. ЖОБАРУ.

24 марта 1836 г. Из Петербурга в Москву.

Monsieur, j'ai reçu avec un véritable plaisir votre charmante traduction de l'ode à Lucullc et la lettre si flatteuse qui l'accompagne. Vos vers sont aussi jolis qu'ils sont malins, ce qui est beaucoup dire. S'il est vrai, comme vous le dites dans votre lettre, qu'on ait voulu légalement constater que vous aviez perdu l'esprit, il faut convenir, que depuis vous l'avez diablement retrouvé!

La bienveillance que vous paraissez me porter et dont je suis fier, m'autorise à vous parler en pleine confiance. Dans votre lettre à M-r le ministre de l'Instruction publique, vous semblez disposé à imprimer votre traduction en Belgique en y joignant quelques notes nécessaires, dites-vous, pour l'intelligence du texte: j'ose vous supplier, Monsieur, de n'en rien faire. Je suis fâché d'avoir imprimé une pièce que j'ai écrite dans un moment de mauvaise humeur. Sa publication a encouru le déplaisir de quelqu'un dont l'opinion m'est chère et que je ne puis braver sans ingratitude et sans folie. Soyez assez bon pour sacrifier le plaisir de la publicité à l'idée d'obliger un confrère. Ne faites pas revivre avec l'aide de votre talent une production qui sans cela tombera dans l'oubli qu'elle mérite. J'ose espérer que vous ne me refuserez pas la grâce que je vous demande, et vous prie de vouloir bien recevoir l'assurance de ma parfaite considération.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur, Votre très humble et très obéissant serviteur.

24 Mars 1836.   A. Pouchkine.
St.-Pétersbourg.

698. С. Н. ГЛИНКЕ.

Около (не позднее) 26 марта 1836 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Сергей Николаевич,

Искренно благодарю Вас за любезное письмо Ваше (извините галлицизм). «Современник» мой еще не вышел — а выйдет со временем, Вы первый его получите.

Как адресовать письма к Федору Николаевичу?

Весь Ваш
А. Пушкин.

699. В. А. ДУРОВУ.

17 и 27 марта 1836 г. Из Петербурга в Елабугу.

Милостивый государь
Василий Андреевич,

Очень благодарю Вас за присылку записок и за доверенность, Вами мне оказанную. Вот мои предположения: I) Я издаю журнал: во второй книжке оного (т. е. в июле месяце) напечатаю я «Записки о 12 годе» (все или часть их) и тотчас перешлю Вам деньги по 200 р. за лист печатный. II) Дождавшись других записок брата Вашего, я думаю соединить с ними и Записки о 12 годе; таким образом книжка будет толще и, следственно, дороже.

Полные «Записки», вероятно, пойдут успешно после того, как я о них протрублю в своем журнале. Я готов их и купить, и напечатать в пользу автора — как ему будет угодно и выгоднее. Во всяком случае будьте уверены, что приложу всё возможное старание об успехе общего дела.

Братец Ваш пишет, что летом будет в Петербурге. Ожидаю его с нетерпением. Прощайте, будьте счастливы и дай бог Вам разбогатеть с легкой ручки храброго Александрова, которую ручку прошу за меня поцеловать.

Весь Ваш
А. Пушкин.

17 марта 1836.
СПб.

Сейчас прочел переписанные «Записки»: прелесть! живо, оригинально, слог прекрасный. Успех несомнителен.

27 марта.

700. ДЖОРДЖУ БОРРО.

Конец октября 1835 г.— март 1836 г.
В Петербурге.

Александр Пушкин с глубочайшей благодарностью получил книгу господина Борро и сердечно жалеет, что не имел чести лично с ним познакомиться.

701. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

Начало апреля 1836 г. В Петербурге.

У меня в 1 № не будет ни одной строчки вашего пера. Грустно мне; но времени нам недостало — а за меня приятели мои дали перед публикой обет выдать «Современник» на Фоминой.

Думаю 2 № начать статьею вашей, дельной, умной и силь-

пой — и которую хочется мне наименовать «О вражде к просвещению»; ибо в том же № хочется мне поместить и разбор «Постоялого двора» под названием «О некоторых романах». Разрешаете ли вы?

О Сегиеле, кажется, задумалась цензура. Но я не очень им доволен — к тому же как отрывок он в печати может повредить изданию полного вашего произведения.

Я еду во вторник. Увижу ли вас дотоле?

Весь ваш
А. П.

«Разговор недовольных» не поместил я потому, что уже сцены Гоголя были у меня напечатаны — и что вы могли друг другу повредить в эффекте.

702. М. А. ДОНДУКОВУ-КОРСАКОВУ.

6 апреля 1836 г. В Петербурге.

Милостивый государь
князь Михаил Александрович,

Осмеливаюсь обратиться к Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою.

Конечно, я не имею права жаловаться на строгость цензуры: все статьи, поступившие в мой журнал, были пропущены. Но разрешением оных обязан я единственно благосклонному снисхождению Вашего сиятельства, ибо цензор, г. Крылов, сам от себя не мог решиться их пропустить. Чувствуя в полной мере цену покровительства, Вами мне оказанного, осмеливаюсь, однако ж, заметить, во-первых, что мне совестно и неприлично поминутно беспокоить Ваше сиятельство ничтожными запросами, между тем как я желал бы пользоваться правом, Вами мне данным, только в случаях истинно затруднительных и в самом деле требующих разрешения высшего начальства; во-вторых, что таковая двойная цензура отымает у меня чрезвычайно много времени, так что мой журнал не может выходить в положенный срок. Не жалуюсь на излишнюю мнительность моего цензора; знаю, что на нем лежит ответственность, может быть не ограниченная Цензурным уставом; но осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о дозволении выбрать себе еще одного цензора: дабы таким образом вдвое ускорить рассматривание моего журнала, который без того остановится и упадет.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.
6 апреля 1836. Александр Пушкин.
СПб.

703. М. П. ПОГОДИНУ.

14 апреля 1836 г. Из Михайловского в Москву.

Милостивый государь
Михайло Петрович,

Пишу к Вам из деревни, куда заехал вследствие печальных обстоятельств. Журнал мой вышел без меня, и вероятно Вы его уж получили. Статья о Ваших афоризмах писана не мною, и я не имел ни времени, ни духа ее порядочно рассмотреть. Не сердитесь на меня, если Вы ею недовольны. Не войдете ли Вы со мною в сношения литературные и торговые? В таком случае прошу от Вас объявить без обиняков Ваши требования. Если увидите Надеждина, благодарите его от меня за «Телескоп». Пошлю ему «Современник». Сегодня еду в Петербург. А в Москву буду в мае — порыться в архиве и свидеться с Вами.

14 апр. Весь Ваш А. П.
Михайловское.

704. Н. М. ЯЗЫКОВУ.

14 апреля 1836 г. Из Голубова в Языково.

Отгадайте, откуда пишу к Вам, мой любезный Николай Михайлович? из той стороны

— где вольные живали etc.

где ровно тому десять лет пировали мы втроем — Вы, Вульф и я; где звучали Ваши стихи, и бокалы с Емкой, где теперь вспоминаем мы Вас — и старину. Поклон Вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти, от Евпраксии Николаевны, некогда полувоздушной девы, ныне дебелой жены, в пятый раз уже брюхатой, и у которой я в гостях. Поклон Вам ото всего и ото всех Вам преданных сердцем и памятью!

Алексей Вульф здесь же, отставной студент и гусар, усатый агроном, тверской Ловлас — по прежнему милый, но уже перешагнувший за тридцатый год. Пребывание мое во Пскове не так шумно и весело ныне, как во время моего заточения, во дни, как царствовал Александр; но оно так живо мне Вас напомнило, что я не мог не написать Вам несколько слов в ожидании, что и Вы откликнетесь. Вы получите мой «Современник»; желаю, чтоб он заслужил Ваше одобрение. Из статей критических моя одна: о Кониском. Будьте моим сотрудником непременно. Ваши стихи: вода живая; наши — вода мертвая; мы ею окатили «Современника».

Опрысните его Вашими кипучими каплями. Послание к Давыдову — прелесть! Наш боец чернокудрявый окрасил было свою седину, замазав и свой белый локон, но после Ваших стихов опять его вымыл — и прав. Это знак благоговения к поэзии. Прощайте — пишите мне, да кстати уж напишите и к Вяземскому ответ на его послание, напечатанное в «Новоселье» (помнится) и о котором Вы и слова ему не молвили. Будьте здоровы и пишите. То есть: *Живи и жить давай другим.*

14 апр. Весь Ваш А. П.

Пришлите мне, ради бога, *стих об Алексее божием человеке* и еще какую-нибудь легенду. *Нужно.*

705. А. А. КРАЕВСКОМУ.

Около 20 апреля 1836 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Андреевич,[1]

Вчера был я у Вас и не имел удовольствия застать Вас дома. Завтра явлюсь к Вам поутру. Не имею слов для изъяснения глубочайшей моей благодарности — Вам и князю Одоевскому. До свидания.

Весь Ваш А. П.

706. А. Н. МОРДВИНОВУ.

28 апреля 1836 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Александр Николаевич,

Спешу препроводить к Вашему превосходительству полученное мною письмо. Мне вручено оное тому с неделю, по моему возвращению с прогулки, оно было просто отдано моим людям безо всякого словесного препоручения неизвестно кем. Я полагал, что письмо доставлено мне с Вашего ведома.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
покорнейшим слугою.

28 апр. 1836. Александр Пушкин.
СПб.

---

[1] *Описка, вместо* Андрей Александрович.

707. М. А. ДОНДУКОВУ-КОРСАКОВУ.

Вторая половина (после 18) апреля 1836 г.
В Петербурге.

(Черновое)

Письмо, коего Ваше сиятельство удостоили меня, и статью о взятии Дрездена имел я счастие получить.

Хотя цензура и не могла допустить к печати оправдание генерала Давыдова,— тем не менее, милостивый государь, благодарен я Вашему сиятельству за внимание, коим изволили почтить мою покорнейшую просьбу.

С глубочайшим почтением
и совершенной преданностию

708. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

4 мая 1836 г. Из Москвы в Петербург.

4 мая. Москва, у Нащокина — противу
Старого Пимена, дом г-жи Ивановой.

Вот тебе, царица моя, подробное донесение: путешествие мое было благополучно. 1-го мая переночевал я в Твери, а 2-го ночью приехал сюда. Я остановился у Нащокина. Il est logé en petite maîtresse. Жена его очень мила. Он счастлив и потолстел. Мы, разумеется, друг другу очень обрадовались и целый вчерашний день проболтали бог знает о чем. Я успел уже посетить Брюллова. Я нашел его в мастерской какого-то скульптора, у которого он живет. Он очень мне понравился. Он хандрит, боится русского холода и прочего, жаждет Италии, а Москвой очень недоволен. У него видел я несколько начатых рисунков и думал о тебе, моя прелесть. Неужто не будет у меня твоего портрета, им писанного? невозможно, чтоб он, увидя тебя, не захотел срисовать тебя; пожалуйста, не прогони его, как прогнала ты пруссака Криднера. Мне очень хочется привезти Брюллова в Петербург. А он настоящий художник, добрый малый, и готов на всё. Здесь Перовский его было заполонил; перевез к себе, запер на ключ и заставил работать. Брюллов насилу от него удрал. Домик Нащокина доведен до совершенства — недостает только живых человечков. Как бы Маша им радовалась! Вот тебе здешние новости. Окулова, долгоносая певица, вчера вышла за вдовца Дьякова. Сестра ее Варвара сошла с ума от любви. Она была влюблена и надеялась выйти замуж. Надежда не сбылась. Она впала в задумчивость, стала заговариваться. Свадьба сестры совершенно ее помутила. Она убежала к Троице. Ее насилу поймали и увезли. Мне очень

жаль ее. Надеются, что у ней белая горячка, но вряд ли. Видел я свата нашего Толстого; дочь у него также почти сумасшедшая, живет в мечтательном мире, окруженная видениями, переводит с греческого Анакреона и лечится омеопатически. Чаадаева, Орлова, Раевского и Наблюдателей (которых Нащокин называет les treize) еще не успел видеть. С Наблюдателями и книгопродавцами намерен я кокетничать и постараюсь как можно лучше распорядиться с «Современником».— Вот является Нащокин, и я для него оставляю тебя. Целую и благословляю тебя и ребят. Кланяюсь дамам твоим. Здесь говорят уже о свадьбе Marie Wiazemsky —я секретничаю покамест. Прости — мой друг — целую тебя еще раз.

709. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

6 мая 1836 г. Из Москвы в Петербург.

Вот уж три дня как я в Москве, и всё еще ничего не сделал: архива не видал, с книгопродавцами не сторговался, всех визитов не отдал, к Солнцевым на поклонение не бывал. Что прикажешь делать? Нащокин встает поздно, я с ним забалтываюсь — глядь, обедать пора, а там ужинать, а там спать — и день прошел. Вчера был у Дмитриева, у Орлова, Толстого; сегодня собираюсь к остальным. Поэт Хомяков женится на Языковой, сестре поэта. Богатый жених, богатая невеста. Какие бы тебе московские сплетни передать? что-то их много, да не вспомню. Что Москва говорит о Петербурге, так это умора. Например: есть у вас некто *Савельев,* кавалергард, прекрасный молодой человек, влюблен он в Idalie Полетику и дал за нее пощечину Гринвальду. Савельев на днях будет расстрелян. Вообрази как жалка Idalie! И про тебя, душа моя, идут кой-какие толки, которые не вполне доходят до меня, потому что мужья всегда последние в городе узнают про жен своих, однако ж видно, что ты кого-то довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостию, что он завел себе в утешение гарем из театральных воспитанниц. Нехорошо, мой ангел: скромность есть лучшее украшение вашего пола. Чтоб чем-нибудь полакомить Москву, которая ждет от меня, как от приезжего, свежих вестей, я рассказываю, что Александр Карамзин (сын историографа) хотел застрелиться из любви pour une belle brune, но что, по счастью, пуля вышибла только передний зуб. Однако полно врать. Пошли ты за Гоголем и прочти ему следующее: видел я актера Щепкина, который ради Христа просит его приехать в Москву прочесть «Ревизора». Без него актерам не спеться. Он говорит, комедия будет карикатурна и *грязна* (к чему Москва всегда имела поползновение). С моей стороны я то же ему советую: не надобно, чтоб «Ревизор» упал в Москве, где Гоголя более любят, нежели в Петербурге. При сем *пакет* к Плетневу для

«Современника»; коли цензор Крылов не пропустит, отдать в комитет и, ради бога, напечатать во 2 №. Жду письма от тебя с нетерпением; что твое брюхо, и что твои деньги? Я не раскаиваюсь в моем приезде в Москву, а тоска берет по Петербургу. На даче ли ты? Как ты с хозяином управилась? что дети? Экое горе! Вижу, что непременно нужно иметь мне 80 000 доходу. И буду их иметь. Недаром же пустился в журнальную спекуляцию — а ведь это всё равно что золотарство, которое хотела взять на откуп мать Безобразова: очищать русскую литературу есть чистить нужники и зависеть от полиции. Того и гляди что... Чёрт их побери! У меня кровь в желчь превращается. Целую тебя и детей. Благословляю их и тебя. Дамам кланяюсь.

710. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

7 мая 1836 г. В Москве.

Вот в чем дело:

Рязанским губернатором было сделано представление (№ 11 483) касательно пенсии, следующей вдове Степана Савельевича Губанова, губернского землемера. Жена его в крайности и просит ускорить время получения оной пенсии.

Пожалуйста, мой милый, сделай это через Д. В. Дашкова, от которого дело это зависит. Очень обяжешь и Окулова, у которого пишу тебе эту записку и который о том же тебя просит.

7 мая. А. Пушкин.

711. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

10 мая 1836 г. Из Москвы в Петербург.

Сейчас получил от тебя письмо, и так оно меня разнежило, что спешу переслать тебе 900 р.— Ответ напишу тебе после, теперь покамест прощай. У меня сидит Иван Николаевич.

712. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

11 мая 1836 г. Из Москвы в Петербург.

Очень, очень благодарю тебя за письмо твое, воображаю твои хлопоты и прошу прощения у тебя за себя и книгопродавцев. Они ужасный моветон, как говорит Гоголь, т. е. хуже нежели мошенники. Но бог нам поможет. Благодарю и Одоевского за его типографические хлопоты. Скажи ему, чтоб он печатал как вздумает — порядок ничего не значит. Что записки Дуровой? пропу-

щены ли цензурою? они мне необходимы — без них я пропал. Ты пишешь о статье *гольцовской*. Что такое? кольцовской или гоголевской? — Гоголя печатать, а Кольцова рассмотреть. Впрочем, это неважно. Вчера был у меня Иван Николаевич. Он уверяет, что дела его идут хорошо. Впрочем, Дмитрий Николаевич лучше его это знает. Жизнь моя пребеспутная. Дома не сижу — в архиве не роюсь. Сегодня еду во второй раз к Малиновскому. На днях обедал я у Орлова, у которого собрались московские Наблюдатели, между прочим жених Хомяков. Орлов умный человек и очень добрый малый, но до него я как-то не охотник по старым нашим отношениям; Раевский (Александр), который прошлого разу казался мне немного приглупевшим, кажется опять оживился и поумнел. Жена его собою не красавица — говорят, очень умна. Так как теперь к моим прочим достоинствам прибавилось и то, что я журналист, то для Москвы имею я новую прелесть. Недавно сказывают мне, что приехал ко мне Чертков. Отроду мы друг к другу не езжали. Но при сей верной оказии вспомнил он, что жена его мне родня, и потому привез мне экземпляр своего «Путешествия в Сицилию». Не побранить ли мне его en bon parent? Вчера ужинал у князя Федора Гагарина и возвратился в 4 часа утра — в таком добром расположении, как бы с бала. Нащокин здесь одна моя отрада. Но он спит до полудня, а вечером едет в клоб, где играет до света. Чаадаева видел всего раз. Письмо мое похоже на тургеневское — и может тебе доказать разницу между Москвою и Парижем. Еду хлопотать по делам «Современника». Боюсь, чтоб книгопродавцы не воспользовались моим мягкосердием и не выпросили себе уступки вопреки строгих твоих предписаний. Но постараюсь оказать благородную твердость. Был я у Солнцевой. Его здесь нет, он в деревне. Она зовет отца к себе в деревню на лето. Кузинки пищат, как галочки. Был я у Перовского, который показывал мне недоконченные картины Брюллова. Брюллов, бывший у него в плену, от него убежал и с ним поссорился. Перовский показывал мне Взятие Рима Гензериком (которое стоит Последнего дня Помпеи), приговаривая: заметь, как прекрасно подлец этот нарисовал этого всадника, мошенник такой. Как он умел, эта свинья, выразить свою канальскую, гениальную мысль, мерзавец он, бестия. Как нарисовал он эту группу, пьяница он, мошенник. Умора. Ну прощай. Целую тебя и ребят, будьте здоровы. Христос с вами.

11 мая.

713. К. А. ПОЛЕВОМУ.

11 мая 1836 г. В Москве.

Милостивый государь
Ксенофонт Алексеевич,

Я не отвечал на последнее письмо Ваше, надеясь лично с Вами увидеться. Книгопродавец Фариков доставил мне книгу, которую сделали Вы мне честь прислать на мое имя. Что касается до «Современника», то Фариков не захотел взять его от меня, переслав Вам его сам от себя. Деньги (275 р.), о которых Вы мне изволите писать, также мне им не доставлены. Покорнейше прошу, если впредь угодно будет Вам иметь дело со мною, ничего не поручать г. Фарикову — ибо он, кажется, человек ненадежный и неаккуратный.

С истинным почтением честь имею быть
Вашим покорнейшим слугою.

11 мая. А. Пушкин.

714. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

14 и 16 мая 1836 г. Из Москвы в Петербург.

Что это, женка? так хорошо было начала и так худо кончила! Ни строчки от тебя; уж не родила ли ты? сегодня день рождения Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нет ли у него нового братца или сестрицы? погоди до моего приезда. А я уж собираюсь к тебе. В архивах я был и принужден буду опять в них зарыться месяцев на шесть, что тогда с тобою будет? А я тебя с собою, как тебе угодно, уж возьму. Жизнь моя в Москве степенная и порядочная. Сижу дома — вижу только мужеск пол. Пешком не хожу, не прыгаю — и толстею. На днях звал меня обедать Чертков, приезжаю — а у него жена выкинула. Это нам не помешало отобедать очень скучно и очень дурно. С литературой московскою кокетничаю как умею, но Наблюдатели меня не жалуют. Любит меня один Нащокин. Но тинтере мой соперник, и меня приносят ему в жертву. Слушая толки здешних литераторов, дивлюсь, как они могут быть так порядочны в печати и так глупы в разговоре. Признайся: так ли и со мною? право, боюсь. Баратынский, однако ж, очень мил. Но мы как-то холодны друг ко другу. Зазываю Брюллова к себе в Петербург — но он болен и хандрит. Здесь хотят лепить мой бюст. Но я не хочу. Тут арапское мое безобразие предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности; я говорю: у меня дома есть красавица, которую когда-нибудь мы вылепим. Видел я невесту Хомякова. Не разглядел в сумерках. Она, как говорил покойный

Гнедич, pas un bel femme, но une jolie figurlette. Прощай, на минуту: ко мне входят два буфона. Один майор-мистик; другой пьяница-поэт; оставляю тебя для них.

14 мая.

Насилу отделался от буфонов — в том числе от Норова. Все зовут меня обедать, а я всем отказываю. Начинаю думать о выезде. Ты уж, вероятно, в своем загородном болоте. Что-то дети мои и книги мои? Каково-то перевезли и перетащили тех и других? и как перетащила ты свое брюхо? Благословляю тебя, мой ангел. Бог с тобою и с детьми. Будьте здоровы. Кланяюсь твоим наездницам. Целую ручки у Катерины Ивановны. Прощай.

А. П.

Я получил от тебя твое премилое письмо — отвечать некогда — благодарю и целую тебя, мой ангел.

16 мая.

715. Н. Н. ПУШКИНОЙ.

18 мая 1836 г. Из Москвы в Петербург.

Жена, мой ангел, хоть и спасибо за твое милое письмо, а всё-таки я с тобою побранюсь: зачем тебе было писать: это мое последнее письмо, более не получишь. Ты меня хочешь принудить приехать к тебе прежде 26. Это не дело. Бог поможет, «Современник» и без меня выйдет. А ты без меня не родишь. Можешь ли ты из полученных денег дать Одоевскому 500? нет? Ну, пусть меня дождутся — вот и всё. Новое твое распоряжение, касательно твоих доходов, касается тебя, делай как хочешь; хоть, кажется, лучше иметь дело с Дмитрием Николаевичем, чем с Натальей Ивановной. Это я говорю только dans l'intérêt de M-r Durier et M-me Sichler; а мне всё равно. Твои петербургские новости ужасны. То, что ты пишешь о Павлове, помирило меня с ним. Я рад, что он вызывал Апрелева.— У нас убийство может быть гнусным расчетом: оно избавляет от дуэля и подвергается одному наказанию — а не смертной казни. Утопление Столыпина — ужас! неужто невозможно было ему помочь! У нас в в Москве всё слава богу смирно: бой Киреева с Яром произвел великое нагодование в чопорной здешней публике. Нащокин заступается за Киреева очень просто и очень умно: что за беда, что гусарский поручик напился пьян и побил трактирщика, который стал обороняться? Разве в наше время, когда мы били немцев на Красном кабачке, и нам не доставалось, и немцы получали тычки сложа руки? По мне драка Киреева гораздо простительнее, нежели славный обед ваших кавалергардов и благоразумие молодых людей, которым плюют в глаза, а они утираются батистовым платком, смекая, что если выйдет

история, так их в Аничков не позовут. Брюллов сейчас от меня. Едет в Петербург скрепя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. Будучи еще порядочным человеком, я получал уж полицейские выговоры и мне говорили: *vous avez trompé* и тому подобное. Что же теперь со мною будет? Мордвинов будет на меня смотреть, как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона; чёрт догадал меня родиться в России с душою и с талантом! Весело, нечего сказать. Прощай, будьте здоровы. Целую тебя.

18.

716. П. В. НАЩОКИНУ.

27 мая 1836 г. Из Петербурга в Москву.

Любезный мой Павел Воинович,

Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь и на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда. Она спала. На другой день я ее поздравил и отдал вместо червонца твое ожерелье, от которого она в восхищении. Дай бог не сглазить, всё идет хорошо. Теперь поговорим о деле. Я оставил у тебя два порожних экземпляра «Современника». Один отдай князю Гагарину, а другой пошли от меня Белинскому (тихонько от Наблюдателей, N3.) и вели сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел увидеться. *Во-вторых,* я забыл взять с собою твои «Записки»; перешли их, сделай милость, поскорее. *В-третьих,* деньги, деньги! Нужно их дозареза.—

Путешествие мое было благополучно, хотя три раза чинил я коляску, но слава богу — на месте, т. е. на станции, и не долее 2-х часов *en tout.*

Второй № «Современника» очень хорош, и ты скажешь мне за него спасибо. Я сам начинаю его любить и, вероятно, займусь им деятельно. Прощай, будь счастлив в тинтере и в прочем. Сердечно кланяюсь Вере Александровне. Ее комиссий сделать еще не успел. На днях буду хлопотать.

27 мая.

Вот тебе анекдот о моем Сашке. Ему запрещают (не знаю зачем) просить, чего ему хочется. На днях говорит он своей тетке: Азя! дай мне чаю: я просить не буду.

717. Д. В. ДАВЫДОВУ.

20-е числа мая 1836 г. Из Петербурга в Москву.

(Черновое)

Я сейчас из Москвы —

Статью о Дрездене не могу тебе прислать прежде, нежели ее не напечатают, ибо она есть цензурный документ. Успеешь наглядеться на ее благородные раны.

Покамест благодарю за позволение — напечатать ее и в настоящем ее виде. А жаль, что не тиснули мы ее во 2-м № «Современника», который будет весь полон Наполеоном? куда бы кстати тут же было заколоть у подножия Вандомской колонны генерала Винценгероде как жертву примирительную! — я было и рукава засучил! Вырвался, проклятый; бог с ним, чёрт его побери.

Вяземский советует мне напечатать «Твои очи» без твоего позволения. Я бы рад, да как-то боюсь. Как думаешь — ведь можно бы — без имени?..

От Языкова жду писем.

718. Л. С. ПУШКИНУ.

3 июня 1836 г. Из Петербурга в Тифлис.

Вот тебе короткий расчет нашего предполагаемого раздела:

80 душ и 700 десятин земли в Псковской губернии стоят (полагая 500 р. за душу вместо обыкновенной цены 400 р.)

	— 40 000 р.
Из оных выключается 7-ая часть на отца . . .	5 714
Да 14-ая часть на сестру	2 857
Итого	8 571 —

Отец наш отказался от своей части и предоставил ее сестре.

На нашу часть остается разделить поровну . .	31 429 р.
На твою часть придется	15 715.

Прежде сентября месяца мы ничего не успеем сделать.

Напиши, какие у тебя долги в Тифлисе, и если успеешь, то купи свои векселя, покамест кредиторы твои не узнали о твоем наследстве.

Из письма твоего к Николаю Ивановичу вижу, что ты ничего не знаешь о своих делах: твой вексель, данный Болтину, мною куплен, долг Плещееву заплочен (кроме 30 червонцев, о которых он писал ко мне, когда уже отказался я от управления нашим

имением). Долг Николаю Ивановичу также заплочен. Из мелочных не заплочен долг Гута. *И некоторые другие, которые ты знаешь,* говорит мне Николай Иванович.

3 июня.

Мнение мое: эти 15 000 рассрочить тебе на 3 года. Ибо, вероятно, тебе деньги нужны и ты на получение доходов с половины Михайловского согласиться не можешь.— О положенном тебе отцом буду с ним говорить, хоть это, вероятно, ни к чему не поведет. Отдавая ему имение, я было выговорил для тебя независимые доходы с половины Кистенева. Но, видно, отец переменил свои мысли. Я же ни за что не хочу более вмешиваться в управление или разорение имения отцовского.

719. А. А. КРАЕВСКОМУ.

6 июня 1836 г. В Петербурге.

В статье Вяземского о Юлии Кесаре и Наполеоне есть ошибки противу языка в собственных именах. Например: Тарквин вместо Тарквиний, парфы вместо парфяне, Тиверий вместо Тиберий — и другие. Исправьте, сделайте милость, если заметите.

6 июня.

720. Н. А. ДУРОВОЙ.

Около 10 июня 1836 г. Из Петербурга в Елабугу.

Вот начало Ваших записок. Все экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будет остановить издание. Мнение мое, искренное и бескорыстное — оставить как есть. «Записки амазонки» как-то слишком изысканно, манерно, напоминает немецкие романы. «Записки Н. А. Дуровой»— просто, искренне и благородно. Будьте смелы — вступайте на поприще литературное столь же отважно, как и на то, которое Вас прославило. Полумеры никуда не годятся.

Весь Ваш А. П.

Дом мой к Вашим услугам. На Дворцовой набережной, дом Баташева у Прачечного мосту.

721. И. И. ДМИТРИЕВУ.

14 июня 1836 г. Из Петербурга в Москву.

Милостивый государь Иван Иванович, возвратясь в Петербуг, имел я счастие найти у себя письмо от вашего высокопревосходительства. Батюшка поручил мне засвидетельствовать глубочайшую свою благодарность за участие, принимаемое вами в несчастии, которое нас постигло.

Благосклонный ваш отзыв о «Современнике» ободряет меня на поприще, для меня новом. Постараюсь и впредь оправдать ваше доброе мнение.

Замечание о вашем омониме украсит второй № «Современника» и будет напечатано слово в слово. Ваш Созий не сын Юпитера, и его встреча с вами для него невыгодна во всех отношениях.

Дай бог вам здоровье и многие лета! Переживите молодых наших словесников, как ваши стихи переживут молодую нашу словесность.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

14 июня. Александр Пушкин.
СПб.

722. И. М. ПЕНЬКОВСКОМУ.

14 июня 1836 г. Из Петербурга в Болдино.

Возвратясь из Москвы, нашел я у себя письмо Ваше. Надеюсь, что квитанция из московского совета Вами уже получена. Оброка прибавлять не надобно. Если можно и выгодно Кистенево положить на пашню, то с богом. Но вряд ли это возможно будет.

Батюшка намерен нынешний год побывать у вас; но вряд ли сберется. Жить же в Болдине, вероятно, не согласится. Если не останется он в Москве, то, думаю, поселится в Михайловском.

Очень благодарен Вам за Ваши попечения о нашем имении. Знаю, что в прошлом году Вы остановили батюшку в его намерении продать это имение и тем лишить если не меня, то детей моих последнего верного куска хлеба. Будьте уверены, что я никогда этого не забуду.

14 июня 1836 г. А. П.
СПб.

О Михайле и его семье буду к Вам писать.

723. Н. И. УШАКОВУ.

Около 14 июня 1836 г. В Петербурге.
(Черновое)

Возвратясь из Москвы, имел я честь получить вашу книгу — и с жадностию ее прочел.

Не берусь судить о ней как о произведении ученого военного человека, но восхищаюсь ясным, красноречивым и живописным изложением. Отныне имя покорителя Эривани, Арзрума и Варшавы соединено будет с именем его блестящего историка. С изумлением увидел я, что вы и мне даровали бессмертие — одною чертою вашего пера. Вы впустили меня в храм славы, как некогда граф Эриванский позволил мне въехать вслед за ним в завоеванный Арзрум.

С глубочайшим etc.

724. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Конец мая — первая половина июня 1836 г.
В Петербурге.

Поздравляю с благополучным возвращением из-под цензуры. Посылаю «Фонвизина». Послания Хвостова не имею, да и не видывал. Знаешь ли ты, что Фонвизин написал феологический памфлет: «Аввакум Скитник»?

725. А. А. КРАЕВСКОМУ.

18 июня 1836 г. В Петербурге.

Я разрешил типографии печатать «Париж» прежде последних двух статей: «О Ревизоре» и «О новых книгах», ибо «Париж», благо, готов: а *те* еще не переписаны и в тисках у Крылова не бывали. Простите, будьте здоровы, так и мы будем живы.

18 июня. Весь Ваш А. П.

726. Н. А. ДУРОВОЙ.

Около (не ранее) 25 июня 1836 г. Из Петербурга
в Елабугу.

Очень вас благодарю за ваше откровенное и решительное письмо. Оно очень мило, потому что носит верный отпечаток ва-

шего пылкого и нетерпеливого характера. Буду отвечать вам *по пунктам,* как говорят подьячие.

1) Записки ваши еще переписываются. Я должен был их отдать только такому человеку, в котором мог быть уверен. Оттого дело и замешкалось.

2) Государю угодно было быть моим цензором: это правда; но я не имею права подвергать его рассмотрению произведения *чужие*. Вы, конечно, будете исключением, но для сего нужен предлог, и о том-то хотелось мне с вами поговорить, дабы скоростью не перепортить дела.

3) Вы со славою перешли одно поприще; вы вступаете на новое, вам еще чуждое. Хлопоты сочинителя вам непонятны. Издать книгу нельзя в одну неделю; на то требуется по крайней мере месяца два. Должно рукопись переписать, представить в цензуру, обратиться в типографию и проч., и проч.

4) Вы пишете мне: *действуйте или дайте мне действовать.* Как скоро получу рукопись переписанную, тотчас и начну. Это не может и не должно мешать вам действовать с вашей стороны. Моя цель — доставить вам как можно более выгоды и не оставить вас в жертву корыстолюбивым и неисправным книгопродавцам.

5) Ехать к государю на маневры мне невозможно по многим причинам. Я даже думал обратиться к нему в *крайнем случае,* если цензура не пропустит ваших записок. Это объясню я вам, когда буду иметь счастие вас увидеть лично.

Остальные 500 рублей буду иметь вам честь доставить к 1-му июлю. У меня обыкновенно (как и у всех журналистов) платеж производится только по появлении в свет купленной статьи.

Я знаю человека, который охотно купил бы ваши записки; но, вероятно, его условия будут выгоднее для него, чем для вас. Во всяком случае, продадите ли вы их или будете печатать от себя, все хлопоты издания, корректуры и проч. извольте возложить на меня. Будьте уверены в моей преданности и ради бога не спешите осуждать мое усердие.

С глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть, милостивый государь,

вашим покорнейшим слугою.

Александр Пушкин.

P. S. На днях выйдет 2-й № «Современника». Тогда я буду свободнее и при деньгах.

727. А. А. КРАЕВСКОМУ.

Вторая половина июня 1836 г. В Петербурге.

Муравьев заметил важную ошибку в своей сцене: целый стих выпущен —

Кто за великого магистра?
Князь Боэмунд: Я! (стр. 103—)

Что нам делать? перепечатать ли страницу или поместить в *Errata?*

728. И. А. ЯКОВЛЕВУ.

9 июля 1836 г. В Петербурге.

Любезный Иван Алексеевич,

Я так перед тобою виноват, что и не оправдываюсь. Деньги ко мне приходили и уходили между пальцами — я платил чужие долги, выкупал чужие имения — а свои долги остались мне на шее. Крайне расстроенные дела сделали меня несостоятельным... и я принужден у тебя просить еще отсрочки до осени. Между тем поздравляю тебя с приездом. Где бы нам увидеться? я в трауре и не езжу никуда, но рад бы тебя встретить, хоть ты мой и заимодавец. Надеюсь на твое слишком испытанное великодушие.

9 июля 1836. Весь твой А. Пушкин.
Кам. Остр.

729. Н. И. ПАВЛИЩЕВУ.

13 июля 1836 г. Из Петербурга в Михайловское.

Я очень знал, что приказчик плут, хотя, признаюсь, не подозревал в нем такой наглости. Вы прекрасно сделали, что его прогнали и что взялись сами хозяйничать. Одно плохо; по письму Вашему вижу, что, вопреки моему приказанию, приказчик успел уже всё распродать. Чем же будете Вы жить покамест? Ей-богу не ведаю. Ваш Полонский ко мне не являлся. Но так как я еще не имею доверенности от Льва Сергеевича, то я его и не отыскивал. Однако где мне найти его, когда будет до него нужда. Батюшка уехал из Петербурга 1-го июля — и я не получал об нем известия. Письмо сестры перешлю к нему, коль скоро узнаю, куда к нему писать. Что ее здоровье? От всего сердца обнимаю ее. Кланяюсь также милой и почтенной моей Прасковье Александровне, которая совсем меня забыла. Здесь у меня голова кругом идет, думаю приехать в Михайловское, как скоро немножко устрою свои дела.

13 июля.

730. И. С. МАЛЬЦОВ, С. А. СОБОЛЕВСКИЙ, ПУШКИН — К. П. БРЮЛЛОВУ.

Июнь — июль 1836 г. В Петербурге.

Мальцов,
Соболевский
и Пушкин

свидетельствуют Брюллову свое почтение.

731. Н. И. ПАВЛИЩЕВУ.

Около (не позднее) 13 августа 1836 г.
Из Петербурга в Михайловское.

Пришлите мне, сделайте одолжение, *объявление о продаже* Михайловского, составя его на месте; я так его и напечатаю. Но постарайтесь на месте же переговорить с *лучшими* покупщиками. Здесь за Михайловское один из наших соседей, знающий и край и землю нашу, предлагал мне 20 000 рубл.! Признаюсь, вряд ли кто даст вдвое, а о 60 000 я не смею и думать. На сделку, Вами предлагаемую, не могу согласиться, и вот почему: батюшка никогда не согласится выделять Ольгу, а полагаться на Болдино мне невозможно. Батюшка уже половину имения прожил и проглядел, а остальное хотел уже продать. Вы пишете, что Михайловское будет мне игрушка, так — для меня; но дети мои ничуть не богаче Вашего Лёли; и я их будущностью и собственностию шутить не могу. Если, взяв Михайловское, понадобится Вам его продать, то оно мне и игрушкою не будет. Оценка Ваша в 64 000 выгодна; но надобно знать, дадут ли столько. Я бы и дал, да денег не хватает, да кабы и были, то я капитал свой мог бы употребить выгоднее. Кланяюсь Ольге; дай бог ей здоровья — а нам хороших покупщиков. Нынче осенью буду в Михайловском — вероятно, в последний раз. Желал бы Вас еще застать.

А. П.

732. А. Л. КРЫЛОВУ.

Первая половина августа 1836 г. В Петербурге.

Пушкин покорнейше просит Александра Лукича представить сию статью куда следует для разрешения.

733. А. А. ЖАНДРУ.

Июль — август 1836 г. В Петербурге.
(Черновое)

Осмеливаюсь тебя беспокоить просьбою за молодого человека, мне незнакомого, но который находится в обстоятельствах, требующих немедленной помощи. Господин Хмельницкий на днях приехал из Малороссии. Он здесь без денег и без покровителей. Ему 23 года. Судя по его разговору и по письму, мною от него полученному, он умен и имеет благородные чувства. Вот в чем дело: он желает определиться во флот, но до сих пор не имел доступа до князя Меншикова. Я обещался его тебе представить, отвечая за твою готовность сделать ему добро, коли только будет возможно.

734. А. А. КРАЕВСКОМУ.

Июль — август 1836 г. В Петербурге.

Сейчас отправлюсь в цензуру — думаю мои статьи переслать к князю Корсакову — до свидания.

735. Д. В. ДАВЫДОВУ.

Август 1836 г. Из Петербурга в Мазу.

(Черновое)

Ты думал, что твоя статья о партизанской войне пройдет сквозь цензуру цела и невредима. Ты ошибся: она не избежала красных чернил. Право, кажется, военные цензоры марают для того, чтоб доказать, что они читают.

Тяжело, нечего сказать. И с одною цензурою напляшешься; каково же зависеть от целых четырех? Не знаю, чем провинились русские писатели, которые не только смирны, но даже сами от себя согласны с духом правительства. Но знаю, что никогда не бывали они притеснены, как нынче: даже и в последнее пятилетие царствования покойного императора, когда вся литература сделалась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову.

Цензура дело земское; от нее отделили опричину — а опричники руководствуются не уставом, а своим крайним разумением.

736. П. А. КОРСАКОВУ.

Около (не позднее) 27 сентября 1836 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Петр Александрович,

Некогда, при первых моих шагах на поприще литературы, Вы подали мне дружескую руку. Ныне осмеливаюсь прибегнуть снова к Вашему снисходительному покровительству.

Вы один у нас умели сочетать щекотливую должность цензора с чувством литератора (лучших, не нынешних времен). Знаю, как Вы обременены занятиями: мне совестно Вас утруждать; но к Вам одному можем мы прибегать с полной доверенностию и с искренним уважением к Вашему окончательному решению. Пеняйте ж сами на себя.

Осмеливаясь препроводить на разрешение к Вам первую половину моего романа, прошу Вас сохранить тайну моего имени.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою.
А. Пушкин.

737. Н. И. ГРЕЧУ.

13 октября 1836 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Николай Иванович,

Искренне благодарю Вас за доброе слово о моем «Полководце». Стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства; но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения.

С истинным почтением и преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою.
13 окт. 1836. Александр Пушкин.

738. М. А. КОРФУ.

14 октября 1836 г. В Петербурге.

Вчерашняя посылка твоя мне драгоценна во всех отношениях и останется у меня памятником. Право, жалею, что государственная служба отняла у нас историка. Не надеюсь тебя заменить. Прочитав эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованных книг мне неизвестна. Употреблю всевозможные старания, дабы их достать. Какое поле — эта новейшая Русская история! И как подумаешь, что оно вовсе еще не обработано и что кроме нас, русских, никто того не может и предпринять!— Но история долга, жизнь коротка, а пуще всего человеческая природа ленива (русская природа в особенности). До свидания. Завтра, вероятно, мы увидимся у Мясоедова.

Сердцем тебе преданный

14 окт. А. П.

739. М. Л. ЯКОВЛЕВУ.

9—15 октября 1836 г. В Петербурге.

Я согласен с мнением 39 №. Нечего для двадцатипятилетнего юбилея изменять старинные обычаи Лицея. Это было бы худое предзнаменование. Сказано, что и последний лицеист *один* будет праздновать 19 октября. Об этом не худо напомнить.

№ 14.

740. П. Я. ЧААДАЕВУ.

19 октября 1836 г. Из Петербурга в Москву.

19 oct.

Je vous remercie de la brochure que vous m'avez envoyée. J'ai été charmé de la relire, quoique très étonné de la voir traduite et imprimée. Je suis content de la traduction: elle a conservé de l'énergie et du laisser aller de l'original. Quant aux idées, vous savez que je suis loin d'être tout à fait de votre avis. Il n'y a pas de doute que le schisme nous a séparé du reste de l'Europe et que nous n'avons pas participé à aucun des grands événements qui l'ont remuée; mais nous avons eu notre mission à nous. C'est la Russie, c'est son immense étendue qui a absorbé la conquête Mogole. Les tartares n'ont pas osé franchir nos frontières occidentales et nous laisser à dos. Ils se sont retirés vers leurs déserts, et la civilisation chrétienne a été sauvée. Pour cette fin, nous avons dû avoir une existance tout-à-fait à part, qui en nous laissant chrétiens, nous laissait cependant tout-à-fait étrangers au monde chrétien, en sorte

que notre martyre ne donnait aucune distraction à l'énergique développement de l'Europe catholique. Vous dites que la source où nous sommes allé puiser le christianisme était impure, que Byzance était méprisable et méprisée etc.— hé, mon ami! Jésuc Christ lui-même n'était-il pas né juif et Jérusalem n'était-elle pas la fable des nations? l'évangile en est-il moins admirable? Nous avons pris des Grecs l'évangile et les traditions, et non l'esprit de puérilité et de controverse. Les moeurs de Byzance n'ont jamais été celles de Kiev. Le clergé russe, jusqu'à Théophane, a été respectable, il ne s'est jamais soulié des infamies du papisme et certes n'aurait jamais provoqué la réformation, au moment où l'humanité avait le plus besoin d'unité. Je conviens que notre clergé actuel est en retard. En voulez-vous savoir la raison? c'est qu'il est barbu; voilà tout. Il n'est pas de bonne compagnie. Quant à notre nullité historique, décidément je ne puis être de votre avis. Les guerres d'Oleg et de Sviatoslav, et même les guerres d'apanage n'est-ce pas cette vie d'effervescence aventureuse et d'activité âpre et sans but qui caractérise la jeunesse de tous les peuples? I'invasion des tartares est un triste et grand tableau. Le réveil de la Russie, le développement de sa puissance, sa marche vers l'unité (unité russe bien entendu), les deux Ivan, le drame sublime commencé à Ouglitch et terminé au monastère d'Ipatief — quoi? tout celà ne serait pas de l'histoire, mais un rêve pâle et à demi-oublié? Et Pierre le Grand qui à lui seul est une histoire universelle! Et Catherine II qui a placé la Russie sur le seuil de l'Europe? et Alexandre qui vous a mené à Paris? et (la main sur le coeur) ne trouvez-vous pas quelque chose d'imposant dans la situation actuelle de la Russie, quelque chose qui frappera le futur historien? Croyez vous qu'il nous mettra hors l'Europe? Quoique personnellement attaché de coeur à l'Empereur, je suis loin d'admirer tout ce que je vois autour de moi; comme homme de lettre, je suis aigri; comme homme à préjugés, je suis froissé — mais je vous jure sur mon honneur, que pour rien au monde je n'aurais voulu changer de patrie, ni avoir d'autre histoire que celle de nos ancêtres, telle que Dieu nous l'a donnée.

Voici une bien longue lettre. Après vous avoir contredit il faut bien que je vous dise que beaucoup de choses dans votre épître sont profondément vraies. Il faut bien avouer que notre existence sociale est une triste chose. Que cette absence d'opinion publique, cette indifférence pour tout ce qui est devoir, justice et vérité, ce mépris cynique pour la pensée et la dignité de l'homme, sont une chose vraiment désolante. Vous avez bien fait de le dire tout haut. Mais je crains que vos opinions historiques ne vous fassent du tort... enfin je suis fâché de ne pas m'être trouvé près de vous lorsque vous avez livré votre manuscrit aux journalistes. Je ne vais nulle part, et ne puis vous dire si l'article fait effet. J'espère qu'on ne le fera pas mousser. Avez-vous lu le 3-me № du «Современник»? L'article Voltaire et John Tanner sont de moi. Козловский serait ma providence s'il voulait une bonne fois devenir homme de lettre.

Adieu, mon ami. Si vous voyez Orlof et Rayewsky dites leurs bien des choses. Que disent-ils de votre lettre, eux qui sont si médiocrement chrétiens?

741. С. Л. ПУШКИНУ.

20 октября 1836 г. Из Петербурга в Москву.

Mon cher père, voilà d'abord mon adresse: на Мойке близ Конюшенного мосту в доме кн. Волконской. J'ai été obligé de quitter la maison de Batachef, dont l'intendant est un coquin.

Vous me demandez des nouvelles de Natalie et de la marmaille. Grâce à Dieu tout le monde se porte bien. Je n'ai pas de nouvelle de ma soeur qui est partie malade de la campagne. Son mari après m'avoir impatienté par des lettres parfaitement inutiles ne donne plus signe de vie, quand il s'agit de regler ses affaires. Envoyez-lui, je vous prie, une *доверенность* pour la part que vous avez donnée à Olga; cela est indispensable. Léon est entré au service, et me demande de l'argent; mais je ne suis pas en état d'entretenir tout le monde; je suis moi-même très derangé, chargé d'une nombreuse famille, la faisant vivre à force de travail et n'osant envisager l'avenir. Pavlichtchef me reproche les dépenses que je fais, quoique je ne suis à charge à personne, et que je n'ai de compte à rendre qu'à mes enfants. Il prétend qu'ils seront toujours plus riches que son fils; n'en sais rien; mais je ne puis, ni ne veux faire le généreux à leurs dépens.

J'avais compté aller à Михайловское: je n'ai pas pu. Ça va encore me déranger pour un an, au moins. A la campagne j'aurais beaucoup travaillé; ici je ne fais rien, que de la bile.

Adieu, mon cher père, je vous baise les mains et vous embrasse de tout mon coeur.

20 oct. 1836.

742. П. А. КОРСАКОВУ.

25 октября 1836 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Петр Александрович,

Спешу отвечать на вопросы Ваши. Имя девицы Мироновой вымышлено. Роман мой основан на предании, некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших в шайки пугачевские, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги. Роман, как изволите видеть, ушел далеко от истины. О настоящем имени

автора я бы просил Вас не упоминать, а объявить, что рукопись доставлена через П. А. Плетнева, которого я уже предуведомил.

Позвольте, милостивый государь, вновь засвидетельствовать глубочайшее почтение и сердечную мою благодарность.

Честь имею быть,
милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою.

25 окт. Александр Пушкин.

743. А. Н. МУРАВЬЕВУ.

Октябрь — начало ноября 1836 г. В Петербурге.

Сердечно благодарен за статью, которую я так долго ожидал. Я перед Вами кругом виноват, я не только должен, но еще и желал бы с Вами поговорить — когда я Вас застану?

А. Пушкин.

744. Е. Ф. КАНКРИНУ.

6 ноября 1836 г. В Петербурге.

Милостивый государь
граф Егор Францевич.

Ободренный снисходительным вниманием, коим Ваше сиятельство уже изволили меня удостоить, осмеливаюсь вновь беспокоить Вас покорнейшею моею просьбою.

По распоряжениям, известным в министерстве Вашего сиятельства, я состою должен казне (без залога) 45 000 руб., из коих 25 000 должны мною быть уплачены в течение пяти лет.

Ныне, желая уплатить мой долг сполна и немедленно, нахожу в том одно препятствие, которое легко быть может отстранено, но только Вами.

Я имею 220 душ в Нижегородской губернии, из коих 200 заложены в 40 000. По распоряжению отца моего, пожаловавшего мне сие имение, я не имею права продавать их при его жизни, хотя и могу их закладывать как в казну, так и в частные руки.

Но казна имеет право взыскивать, что ей следует, несмотря ни на какие частные распоряжения, если только оные высочайше не утверждены.

В уплату означенных 45 000 осмеливаюсь предоставить сие имение, которое верно того стоит, а вероятно и более.

Осмеливаюсь утрудить Ваше сиятельство еще одною, важною для меня просьбою. Так как это дело весьма малозначуще и может войти в круг обыкновенного действия, то убедительнейше

прошу Ваше сиятельство не доводить оного до сведения государя императора, который, вероятно, по своему великодушию, не захочет такой уплаты (хотя оная мне вовсе не тягостна), а может быть, и прикажет простить мне мой долг, что̀ поставило бы меня в весьма тяжелое и затруднительное положение: ибо я в таком случае был бы принужден отказаться от царской милости, что и может показаться неприличием, напрасной хвастливостию и даже неблагодарностию.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь, Вашего сиятельства покорнейшим слугою.

6-го ноября 1836 г. Александр Пушкин.

745. Н. Б. ГОЛИЦЫНУ.

10 ноября 1836 г. Из Петербурга в Артек.

St.-Pétersbourg. 10 Nov. 1836.

Merci mille fois, cher Prince, pour votre incomparable traduction de ma pièce de vers, lancée contre les ennemis de notre pays. J'en avais déjà vu trois, dont une d'un puissant personnage *de mes amis*, et aucune ne vaut la vôtre. Que ne traduisites-vous pas cette pièce en temps opportun, je l'aurais fait passer en France pour donner sur le nez à tous ces vociférateurs de la Chambre des députés.

Que je vous envie votre beau climat de Crimée: votre lettre a réveillé en moi bien des souvenirs de tout genre. C'est le berceau de mon «Онегин», et vous aurez sûrement reconnu certains personnages.

Vous m'annoncez une traduction en vers de mon «Бахчисарайский фонтан». Je suis sûr qu'elle vous réussira comme tout ce qui sort de votre plume, quoique le genre de littérature auquel vous vous adonnez soit le plus difficile et le plus ingrat que je connaisse. A mon avis rien n'est plus difficile que de traduire des vers russes en vers français, car vu la concision de notre langue, on ne peut jamais être aussi bref. Honneur donc à celui qui s'en acquitte aussi bien que vous.

Adieu, je ne désespère pas de vous voir bientôt dans notre capitale; vu votre facilité de locomotion. Tout à vous,

A. Pouchkine.

746. В. А. СОЛЛОГУБУ.

17 ноября 1836 г. В Петербурге.

Je n'hésite pas à écrire ce que je puis déclarer verbalement. J'avais provoqué M-r G. Heckern en duel, et il l'a accepté sans entrer en aucune explication. C'est moi qui prie Messieurs les témoins de cette affaire de vouloir bien regarder cette provocation comme non avenue, ayant appris par la voix publique que M-r Georges Heckern était décidé à déclarer ses projets de mariage avec M-lle Gontcharof, après le duel. Je n'ai nul motif d'attribuer sa résolution à des considérations indignes d'un homme de coeur.

Je vous prie, Monsieur le Comte, de faire de cette lettre l'usage que vous — jugerez à propos.

Agréez l'assurance de ma parfaite considération

17 Novembre 1836. A. Pouchkine.

747. М. Л. ЯКОВЛЕВУ.

19 ноября 1836 г. В Петербурге.

Милый и почтенный мой Михайло Лукьянович! виноват! я было тебя зазвал сегодня к себе отобедать, а меня дома не будет. До другого раза, прости великодушно. Не забудь записку о святых доставить мне, грешному.

748. Л. ГЕККЕРЕНУ.

17—21 ноября 1836 г. В Петербурге.

(Восстановленный текст непосланного письма)

Monsieur le Baron,

Avant tout permettez-moi de faire le résumé de tout ce qui vient de se passer. La conduite de M-r votre fils m'était entièrement connue depuis longtemps et ne pouvait m'être indifférente; mais comme elle était restreinte dans les bornes des convenances et que d'ailleurs je savais combien sur ce point ma femme méritait ma confiance et mon respect, je me contentais du rôle d'observateur quitte à intervenir lorsque je le jugerai à propos. Je savais bien qu'une belle figure, une passion malheureuse, une persévérance de deux années finissent toujours par produire quelque effet sur le coeur d'une jeune personne et qu'alors le mari, à moins qu'il ne fût un sot,

deviendrait tout naturellement le confident de sa femme et le maître de sa conduite. Je vous avouerai que je n'étais pas sans inquiétude. Un incident, qui dans tout autre moment m'eût été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire: je reçus des lettres anonymes. Je vis que le moment était venu, et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer à M-r votre fils un rôle si grotesque et si pitoyable, que ma femme, étonnée de tant de plattitude, ne put s'empêcher de rire et que l'émotion, que peut-être avait-elle ressentie pour cette grande et sublime passion, s'éteignit dans le dégoût le plus calme et le mieux mérité.

Mais vous, Monsieur le Baron, vous me permettrez d'observer que le rôle à vous dans toute cette affaire n'est pas des plus convenables. Vous, le représentant d'une tête couronnée, vous avez été *paternellement* le maquereau de votre bâtard ou du soi-disant tel; toute la conduite de ce jeune homme a été dirigée par vous. C'est vous qui lui dictiez les pauvretés qu'il venait débiter et les niaiseries qu'il s'est mêlé d'écrire. Semblable à une obscène vieille, vous alliez guetter ma femme dans tous les coins pour lui parler .de votre fils et lorsque, malade de vérole, il était retenu chez lui par les remèdes, vous disiez, infâme que vous êtes, qu'il se mourait d'amour pour elle; vous lui marmottiez: rendez-moi mon fils. Ce n'est pas tout.

Vous voyez que j'en sais long: mais attendez, ce n'est pas tout: je vous disais bien que l'affaire se compliquait. Revenons aux lettres anonymes. Vous vous doutez bien qu'elles vous intéressent.

Le 2 de novembre vous eûtes de monsieur votre fils une nouvelle qui vous fit beaucoup de plaisir. Il vous dit que je suis irrité, que ma femme craignait.... qu'elle perdait la tête. Vous résolutes frapper un coup que l'on croyait décisif. Une lettre anonyme fut composée par vous.

Je reçus trois exemplaires de la dizaine que l'on avait distribuée. Cette lettre avait été fabriquée avec si peu de précaution qu'au premier coup d'oeil je fus sur les trâces de l'auteur. Je ne m'en inquiétais plus, j'etais sûr de trouver mon drôle. Effectivement, avant trois jours de recherches, je savais positivement à quoi m'en tenir.

Si la diplomatie n'est que l'art de savoir ce qui se fait chez les autres et de se jouer de leurs projets, vous me rendrez la justice d'avouer que vous avez été vaincu sur tous les points.

Maintenant j'arrive au but de ma lettre: peut-être désirez vous savoir ce qui m'a empêché jusqu'à présent de vous déshonorer aux yeux de notre cour et de la vôtre. Je m'en vais vous le dire.

Je suis, vous le voyez, bon, ingénu, maismon coeur est sensible. Un duel ne me suffit plus, et quelle que soit son issue, je ne me jugerai pas assez vengé ni par la mort de M-r votre fils, ni par son mariage qui aurait l'air d'une bonne plaisanterie (ce qui, d'ailleurs, m'embarrasse fort peu), ni enfin par la lettre que j'ai l'honneur de vous écrire et dont je garde la copie pour mon usage particulier. Je veux que vous vous donniez la peine de trouver vous

même les raisons qui seraient suffisantes pour m'engager à ne pas vous chacher à la figure et pour anéantir jusqu'à la trace cette misérable affaire, dont il me sera facile de faire un excellent chapitre dans mon histoire du cocuage.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Baron,

Votre très humble et très obéissant serviteur

A. Pouchkine.

749. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

21 ноября 1836 г. В Петербурге.

Monsieur le comte!

Je suis en droit et je me crois obligé de faire part à Votre Excellence de ce qui vient de se passer dans ma famille. Le matin de 4 novembre, je reçus trois exemplaires d'une lettre anonyme, outrageuse pour mon honneur et celui de ma femme. A la vue du papier, au style de la lettre, à la manière dont elle était rédigée, je reconnus dès le premier moment qu'elle était d'un étranger, d'un homme de la haute société, d'un diplomate. J'allai aux recherches. J'appris que sept ou huit personnes avaient reçu le même jour un exemplaire de la même lettre, cachetée et adressée à mon adresse sous double enveloppe. La plupart des personnes qui les avaient reçues, soupçonnant une infamie, ne me les envoyèrent pas.

On fut, en général, indigné d'une injure aussi lâche et aussi gratuite; mais tout en répétant que la conduite de ma femme était irréprochable, on disait que le prétexte de cette infamie était la cour assidue que lui faisait M-r Dantès.

Il ne me convenait pas de voir le nom de ma femme accollé, en cette occasion, avec le nom de qui que ce soit. Je le fis dire à M-r Dantès. Le baron de Heckern vint chez moi et accepta un duel pour M-r Dantès, en me demandant un délai de 15 jours.

Il se trouve, que dans l'intervalle accordé, M-r Dantès devint amoureux de ma belle soeur M-elle Gontcharoff, et qu'il la demanda en mariage. Le bruit public m'en ayant instruit, je fis demander à M-r d'Archiac (second de M-r Dantès) que ma provocation fut regardée comme non avenue. En attendant je m'assurai que la lettre anonyme était de M-r Heckern, ce dont je crois de mon devoir d'avertir le gouvernement et la société.

Etant seul juge et gardien de mon honneur et de celui de ma femme, et par conséquant ne demandant ni justice, ni vengeance, je ne peux ni ne veux livrer à qui que ce soit les preuves de ce que j'avance.

En tout cas, j'espère, M-r le comte, que cette lettre est une preuve du respect et de la confiance que je porte à votre personne.

C'est avec ces sentiments que j'ai l'honneur d'être,

Monsieur le comte,

Votre très humble et très obéissant serviteur

21 Novembre 1836. A. Pouchkine.

750. Е. Ф. КАНКРИНУ.

Около (после) 21 ноября 1836 г. В Петербурге.

(Черновое)

Ответ, коим Ваше сиятельство изволили меня удостоить, имел я счастие получить. Крайне сожалею, что способ, который осмелился я предложить, оказался неудобным. Во всяком случае почитаю долгом во всем окончательно положиться на благоусмотрение Вашего сиятельства.

Принося Вашему сиятельству искреннюю мою благодарность за внимание, коего изволили меня удостоить, с глубочайшим...

751. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

7 декабря 1836 г. (?) В Петербурге.

Очень Вам благодарен — я вечно дома, а перед Вами кругом виноват — да чёрт знает как я изленился.

7 дек.

752. А. Г. БАРАНТУ.

16 декабря 1836 г. В Петербурге.

Monsieur le Baron,

Je m'empresse de faire parvenir à Votre Excellence les renseignements que vous avez désiré avoir touchant les règlements qui traitent de la propriété littéraire en Russie.

La littérature n'est devenue chez nous une branche considérable d'industrie que depuis une vingtaine d'années environ. Jusque là elle n'était regardée que comme une occupation élégante et aristo-

cratique. M-me de Staël disait en 1811: *en Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature* (10 ans d'Exil). Personne ne songeant à retirer d'autre fruit de ses ouvrages que des triomphes de société, les auteurs encourageaient eux-mêmes la contrefaçon et en tiraient vanité, tandis que nos académies donnaient l'exemple du délit en toute conscience et sécurité. La première plainte en contrefaçon a été portée en 1824. Il se trouva que le cas n'avait pas été prévu par le législateur. La propriété littéraire a été reconnue en Russie par le souverain actuel. Voici les propres termes de la loi:

Tout auteur ou traducteur d'un livre a le droit de l'éditer et de le vendre comme propriété acquise (non héréditaire).

Ses héritiers legitimes ont le droit d'éditer et de vendre ses ouvrages (dans le cas que la propriété n'en soit pas alliénée) pendant l'espace de 25 ans.

25 ans passés, à dater du jour de sa mort, ses oeuvres et traductions deviennent la propriété du public. *Loi du 22 avril 1828.*

L'amendement du 28 avril de la même année explique et complète ces réglements. En voici les principaux articles.

Une oeuvre littéraire soit imprimée, soit manuscrite ne saurait être vendue ni du vivant de l'auteur ni après sa mort pour satisfaire ses créanciers, à moins qu'il ne l'ait exigé lui-même.

L'auteur a le droit, nonobstant tout engagement antérieur, de faire une nouvelle édition de son ouvrage si les deux tiers en sont changés ou bien entièrement refondus.

Sera regardé comme contre-facteur 1) celui qui en réimprimant un livre n'aurait pas observé les formalités voulues par la loi, 2) celui qui vendrait un manuscrit ou le droit de l'imprimer à deux ou plusieurs personnes à la fois, sans en avoir eu le consentement, 3*) celui qui publierait la traduction d'un ouvrage imprimé en Russie (ou bien avec l'approbation de la censure russe) en y joignant le texte même, 4) qui réimprimerait dans l'étranger un ouvrage publié en Russie, ou bien avec l'approbation de la censure russe, et en vendrait les exemplaires en Russie.*

Ces réglements sont loin de résoudre toutes les questions qui pourront se présenter à l'avenir. La loi ne stipule rien sur les oeuvres posthumes. Les héritiers légitimes devraient en avoir la propriété entière avec tous les privilèges de l'auteur lui-même. L'auteur d'un ouvrage pseudonime ou bien attribué à un écrivain connu, perd-il son droit de propriété et quelle est la règle à suivre en cette occasion? la loi n'en dit rien.

La contrefaçon des livres étrangers n'est pas défendue et ne saurait l'être. Les libraires russes auront toujours beaucoup à gagner, en réimprimant les livres étrangers, dont le débit leur sera toujours assuré, même sans exportation; au lieu que l'étranger ne saurait réimprimer des ouvrages russes faute de lecteurs.

La prescription pour le délit de contrefaçon est fixé à deux ans.

La question de la propriété littéraire est très simplifiée en Russie où personne ne peut présenter son manuscrit à la censure sans en nommer l'auteur et sans le mettre par cela même sous la protection immédiate du gouvernement.

Je suis avec respect,
Monsieur le Baron,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
Alexandre Pouchkine.

16 décembre 1836.
St P. b.

753. Н. М. КОНШИНУ.

21—22 декабря 1836 г. Из Петербурга
в Царское Село.

Письмо Ваше очень обрадовало меня, любезный и почтенный Николай Иванович,[1] как знак, что Вы не забыли еще меня. Докладную записку сегодня же пущу в дело. Жуковского увижу и сдам ему Вас с рук на руки. С Уваровым — увы! я не в таких дружеских сношениях; но Жуковский, надеюсь, всё уладит. Заняв место Лажечникова, не займетесь ли Вы, по примеру Вашего предшественника, и романами? а куда бы хорошо! Всё-таки Вы меня забыли, хоть наконец и вспомнили. И я позволяю себе дружески Вам за то попенять.

Не будете ли Вы в Петербурге? В таком случае надеюсь, что я Вас увижу. Ответ постараюсь доставить Вам как можно скорее.

А. П.

754. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

Около 24 декабря 1836 г.
В Петербурге.

Вигель мне сказывал, что он Вам доставил критику статьи Булгарина. Если она у Вас, пришлите мне ее. Получили ли Вы 4 № «Современника» и довольны ли Вы им?

---

1 *Описка, вместо* Михайлович.

755. П. А. ОСИПОВОЙ.

24 декабря 1836 г. Из Петербурга
в Тригорское.

24 déc.

Vous ne saurez croire, ma bien chère Прасковья Александровна, combien votre lettre m'a fait plaisir. Je n'avais pas de vos nouvelles depuis plus de quatre mois; et ce n'est qu'avant hier que M-r Lvof m'en a données; le même jour j'ai reçu votre lettre. J'avais espéré vous voir en automne, mais j'en ai été empêché en partie par mes affaires, en partie par Павлищев, qui m'a mis de mauvaise humeur en sorte que je n'ai pas voulu avoir l'air de venir à Михайловское pour arranger le partage.

C'est avec bien du regret que j'ai été obligé de renoncer à être votre voisin, et j'espère encore ne pas perdre cette place que je préfère à bien d'autre. Вот в чем дело: J'avais proposé d'abord de prendre le bien à moi tout seul, en m'engageant de payer mon frère et ma soeur les parts qui leur reviennent à raison de 500 r. par âme. Павлищев оценил Михайловское в 800 р. душу — я с ним и не спорю, но в таком случае принужден был отказаться и предоставил имение продать. Перед своим отъездом писал он ко мне, что он имение уступает мне за 500 р. душу, *потому что ему деньги нужны.* Je l'ai envoyé promener, en lui disant que si le bien coutait le double, je ne voulais pas en profiter aux dépens de ma soeur et de mon frère. La chose en est restée là. Voulez-vous savoir quel serait mon désir? J'aurais voulu vous savoir propriétaire de Михайловское, et moi, me réserver l'усадьба avec le jardin et une dizaine de дворовые. J'ai grande envie de venir un peu à Тригорское cet hiver. Nous eussions parlé de tout cela. En attendant je vous salue de tout mon coeur. Ma femme vous remercie de votre souvenir. Не привезти ли мне вам ее? — Mes hommages à toute votre famille; à Евпраксия Николаевна surtout.

756. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

Около (не позднее) 29 декабря 1836 г.
В Петербурге.

Так же зло, как и дельно. Думаю, что цензура, однако ж, не всё уничтожит — на всякий случай спрос не беда. Не увидимся ли в Академии наук, где заседает князь Дундук?

757. А. А. ПЛЮШАРУ.

29 декабря 1836 г. В Петербурге.

Monsieur,

Je suis parfaitement d'accord sur toutes les conditions que vous avez la complaisance de me proposer, concernant la publication d'un volume de mes poésies (dans votre lettre du 23 décembre 1836). Il est donc convenu que vous le ferez imprimer à 2500 exemplaires sur le papier que vous choisirez, que vous serez seul chargé de la vente de l'édition, à raison de 15% de remise, et que le produit des premiers volumes vendus servira à rembourser tous les frais de l'édition, ainsi que les 1500 roubles assignats que vous avez bien voulu m'avancer.

Veuillez recevoir, Monsieur, l'assurance de ma parfaite considération.

29 décembre 1836. A. Pouchkine.
St. Pétersbourg.

758. В КНИЖНУЮ ЛАВКУ А. Ф. СМИРДИНА.

29 декабря 1836 г. В Петербурге.

Двадцать пять экземпляров 4-го № «Современника» выдать по сей записке.

29 декабря 1836 г. А. Пушкин.

759. НЕИЗВЕСТНОМУ.

1827—1836 гг.

В эту минуту не могу еще ничего сделать; через неделю надеюсь Вас увидеть и с Вами переговорить. Если сам не буду, приезжайте ко мне.

А. П.

Пожалуйста, не принимайте этого письма за отказ.

760. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

1835—1836 гг. В Петербурге.

Сделайте мне божескую милость, Ваше сиятельство: пришлите мне на несколько часов «Наблюдателя».

А. П.

761. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

1835—1836 гг. В Петербурге.

Я дома, больной, в насморке. Готов принять в моей каморке любезного гостя — но сам из каморки не выйду.

А. П.

762. А. П. КЕРН.

1835—1836 гг. (?) В Петербурге.

Ma plume est si mauvaise que Madame Hitrof ne peut s'en servir et que c'est moi qui ai l'avantage d'être son secrétaire.

763. А. П. КЕРН.

1835—1836 гг. (?) В Петербурге.

Voici la réponse de Chérémétеff. Je désire qu'elle vous soit agréable. M-me Hitrof a fait ce qu'elle a pu. Adieu — belle dame — soyez tranquille et contente, et croyez à mon dévouement.

764. А. П. КЕРН.

(Отрывки)

1835—1836 гг. (?) В Петербурге.

Quand vous n'avez rien pu obtenir, vous qui êtes une jolie femme, qu'y pourrai-je faire moi, qui ne suis pas même joli garçon... Tout ce que je puis conseiller, c'est de revenir à la charge...

765. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Вторая половина 1835 г.— 1836 г.
В Петербурге.

Араб (женского рода не имеет), житель или уроженец Аравии, аравитянин. *Караван был разграблен степными арабами.*

Арап, женск. арапка, так обыкновенно называют негров и мулатов. *Дворцовые арапы,* негры, служащие во дворце. *Он выезжает с тремя нарядными арапами.*

Арапник, от польского *Herapnik* (de *harap*, cri de chasseur pour enlever aux chiens la proie *Reiff*). NB: *harap* vient de Herab.

А право, не худо бы взяться за лексикон или хоть за критику лексиконов.

766. НЕИЗВЕСТНОМУ.

Конец 1835 г.— 1836 г. В Петербурге.

(Черновое)

Monsieur le Baron,

Ma femme et mes belles soeurs ne manqueront pas de se rendre à l'invitation de Votre Excellence.

Je m'empresse de profiter de cette occasion pour vous présenter l'hommage de mon respect.

767. М. Л. ЯКОВЛЕВУ.

1836 г.(?) В Петербурге.

Смирдин меня в беду поверг,
У торгаша сего семь пятниц на неделе,
Его четверг на самом деле
Есть после дождичка четверг.

Завтра получу деньги в 2 часа пополудни. А ввечеру тебе доставлю.

Весь твой А. П.

768. А. ТАРДИФУ ДЕ МЕЛЛО.

1836 г. (?) В Петербурге.

Vous m'avez fait trouver mes vers bien beaux, Monsieur. Vous les avez revêtus de ce noble vêtement, sous lequel la poésie est vraiment déesse, *vera incessu patuit dea.* Je vous remercie de votre précieux envoi.

Vous êtes poète et vous enseignez la jeunesse; j'appelle deux bénédictions sur vous.

A. Pouchkine.

769. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

Конец ноября — декабрь 1836 г. В Петербурге.

Конечно, «Княжна Зизи» имеет более истины и занимательности, нежели «Сильфида». Но всякое даяние Ваше благо. Кажется, письмо тестя холодно и слишком незначительно. Зато в других много прелестного. Я заметил одно место знаком (?) — оно показалось мне невразумительно. Во всяком случае «Сильфиду» ли, «Княжну» ли, но оканчивайте и высылайте. Без Вас пропал «Современник».

А. П.

770. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

Конец ноября — декабрь 1836 г. В Петербурге.

Статья г. Волкова в самом деле очень замечательна, дельно и умно написана и занимательна для всякого. Однако ж я ее не помещу, потому что, по моему мнению, правительству вовсе не нужно вмешиваться в проект этого Герстнера. Россия не может бросить 3 000 000 на попытку. Дело о новой дороге касается частных людей: пускай они и хлопочут. Всё, что можно им обещать, так это привилегию на 12 или 15 лет. Дорога (железная) из Москвы в Нижний Новгород еще была бы нужнее дороги из Москвы в Петербург — и мое мнение — было бы: с нее и начать...

Я, конечно, не против железных дорог; но я против того, чтоб этим занялось правительство. Некоторые возражения противу проекта неоспоримы. Например: о заносе снега. Для сего должна быть *выдумана* новая машина, sine qua non. О высылке народа или о найме работников для сметания снега нечего и думать: это нелепость.

Статья Волкова писана живо, остро. Отрешков отделан очень смешно; но не должно забывать, что противу железных дорог были многие из Государственного совета; и *тон* статьи вообще должен быть очень смягчен. Я бы желал, чтоб статья была напечатана особо или в другом журнале; тогда бы мы об ней представили выгодный отчет с обильными выписками.

Я согласен с Вами, что эпиграф, выбранный Волковым, неприличен. Слова Петра I были бы всего более приличны; но на сей раз пришли мне следующие: А спросить у немца: а не хочет ли он - - - ?

771. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Декабрь 1836 г. В Петербурге.

Письмо твое прекрасно: форма *Милостивый государь, Сергей Семенович* или *О* etc., кажется, ничего не значит, главное: дать статье как можно более ходу и известности. Но во всяком случае цензура не осмелится ее пропустить, а Уваров сам на себя розог не принесет. Бенкендорфа вмешать тут мудрено и неловко. Как же быть? Думаю, оставить статью, какова она есть, а в последствии времени выбирать из нее всё, что будет можно выбрать, как некогда делал ты в «Литературной газете» со статьями, не пропущенными Щегловым. Жаль, что ты не разобрал Устрялова по формуле, изобретенной Воейковым для Полевого, а куда бы хорошо! Стихи для тебя переписываю.

772. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

Декабрь 1836 г. В Петербурге.

Батюшка, Ваше сиятельство! побойтесь бога: я ни Львову, ни Очкину, ни детям — ни сват, ни брат. Зачем мне sot-действовать «Детскому журналу»? уж и так говорят, что я в детство впадаю. Разве уж не за деньги ли? О, это дело не детское, а дельное. Впрочем, поговорим.

773. С. Л. ПУШКИНУ.

Конец декабря 1836 г. Из Петербурга в Москву.

Il y a bien longtemps que je n'ai eu de vos nouvelles. Веневитинов m'a dit qu'il vous avait trouvé triste et inquiet, et que vous aviez le projet de venir à Pétersbourg. Est-ce vrai? j'ai besoin d'aller à Moscou, en tout cas j'espère bientôt vous revoir. Voici la

nouvelle année qui nous arrive. Dieu donne qu'elle nous soit plus heureuse que celle qui vient de s'écouler. Je n'ai pas de nouvelles de ma soeur, ni de Léon. Celui-ci a dû être de l'expédition et ce qui est sûr c'est qu'il n'est ni tué ni blessé. Ce qu'il avait écrit sur le général Rozen, ne s'est trouvé fondé sur rien. Léon est susceptible et gâté par la familiarité de ses ci-devant chefs. Le général Rozen ne l'a jamais traité en chien comme il le disait, mais en lieutenant capitaine, ce qui est tout autre chose. Nous avons une noce. Ma belle-soeur Catherine se marie au baron Heckern, neveu et fils adoptif de l'ambassadeur du roi de Hollande. C'est un très beau et bon garçon, fort à la mode, riche et plus jeune de 4 ans que sa promise. Les préparatifs du trousseau occuppent et amusent beaucoup ma femme et ses soeurs, mais me font enrager. Car ma maison a l'air d'une boutique de modes et de linge. Веневитинов a présenté son rapport sur l'état du gouvernement de Koursk. L'empereur en a été frappé et s'est beaucoup informé de Веневитинов; il a dit à je ne sais plus qui: faites-moi faire sa connaissance la première fois que nous nous trouverons ensemble. Voilà une carrière faite. J'ai reçu une lettre du cuisinier de Пещуров qui me propose de reprendre son élève. Je lui ai répondu que j'attendrai là-dessus vos ordres. Le désirez-vous garder? et quelles ont été les conditions de l'apprentissage? Je suis très occuppé. Mon journal et mon Pierre le Grand me prennent bien du temps; cette année j'ai assez mal fait mes affaires, l'année suivante sera meilleure à ce que j'espère. Adieu mon très cher père. Ma femme et toute ma famille vous embrassent et vous baisent les mains. Mes respects et mes amitiés à ma tante et à sa famille.

1837

774. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ.

Декабрь 1836 г.—начало января 1837 г.
В Петербурге.

Вот вам *декабрь*. Благодарен за статью. Сейчас сажусь за нее. Повесть! Повесть!

775. Н. И. ПАВЛИЩЕВУ.

5 января 1837 г. Из Петербурга в Варшаву.

(Отрывок)

Пускай Михайловское будет продаваться. Если за него дадут хорошую цену, вам же будет лучше. Я посмотрю, в состоянии ли буду оставить его за собою.

776. Ф. А. СКОБЕЛЬЦЫНУ.

8 января 1837 г. В Петербурге.

Не можете ли Вы, любезный Федор Афанасьевич, дать мне взаймы на три месяца, или достать мне, три тысячи рублей? Вы бы меня чрезвычайно одолжили и избавили бы меня от рук книгопродавцев, которые рады меня притеснить.

8 янв. 1837. А. Пушкин.

777. А. И. ТУРГЕНЕВУ.

16 января 1837 г. В Петербурге.

Вот Вам Ваши письма. Должно будет вымарать казенные официальные фразы и также некоторые искренние, душевные слова, ибо не мечите etc. Чтó вы вставите, то постарайтесь написать почетче. Думаю дать этому всему вот какое заглавие: тру-

ды, изыскания, *такого-то* или *А. И. Т.* в Римских и Парижских архивах. Статья глубоко занимательная.

Вот вам мои стихи к Вяземскому:

Так море, древний душегубец... [1]

16 янв.

778. А. О. ИШИМОВОЙ.

25 января 1837 г. В Петербурге.

Милостивая государыня Александра Осиповна,

На днях имел я честь быть у Вас и крайне жалею, что не застал Вас дома. Я надеялся поговорить с Вами о деле; Петр Александрович обнадежил меня, что Вам угодно будет принять участие в издании «Современника». Заранее соглашаюсь на все Ваши условия и спешу воспользоваться Вашим благорасположением: мне хотелось бы познакомить русскую публику с произведениями Barry Cornwall. Не согласитесь ли Вы перевести несколько из его драматических очерков? В таком случае буду иметь честь препроводить к Вам его книгу.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивая государыня,

Вашим покорнейшим слугою.

25 янв. 1837. А. Пушкин.

779. Л. М. АЛЫМОВОЙ.

Март 1833—январь (до 26) 1837 г. В Петербурге.

Милостивая государыня
Любовь Матвеевна,

Покорнейше прошу дозволить г-ну Юрьеву взять с двора Вашего статую медную, там находящуюся.

С истинным почтением и преданностию честь имею быть, милостивая государыня,

Вашим покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

---

[1] См. т. II, стр. 298.

780. Н. Н. КАРАДЫКИНУ.

Декабрь 1836 — январь (до 26) 1837 г. В Петербурге.

Милостивый государь
Николай Николаевич

Вы застали меня врасплох, без гроша денег. Виноват — сейчас еду по моим должникам сбирать недоимки и, коли удастся, явлюся к Вам.

Что это с Вами сделалось? Как Вас повидать? Очень надо!

Весь Ваш А. П.

781. НЕИЗВЕСТНОМУ.

Декабрь 1836 г.— январь (до 26) 1837 г. (?)
Петербург (?)

Je voudrais vous faire une question, mais elle sera inutile? Heureusement non!

782. Л. ГЕККЕРЕНУ.

25 января 1837 г. В Петербурге.

Monsieur le Baron!

Permettez-moi de faire le résumé de ce qui vient de se passer. La conduite de Monsieur votre fils m'était connue depuis longtemps et ne pouvait m'être indifférente. Je me contentais du rôle d'observateur, quitte à intervenir lorsque je le jugerais à propos. Un incident, que dans tout autre moment m'eût été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire: je reçus les lettres anonymes. Je vis que le moment était venu et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer à Monsieur votre fils un rôle si pitoyable, que ma femme, étonnée de tant de lâcheté et de platitude, ne put s'empêcher de rire, et que l'émotion que peut-être avait-elle ressentie pour cette grande et sublime passion, s'éteignit dans le mépris le plus calme et le dégoût le mieux mérité.

Je suis obligé d'avouer, Monsieur le Baron, que votre rôle à vous n'a pas été tout à fait convenable. Vous, le représentant d'une tête couronnée, vous avez été paternellement le maquereau de Monsieur votre fils. Il paraît que toute sa conduite (assez maladroite d'ailleurs) a été dirigée par vous. C'est vous qui, probablement, lui dictiez les pauvretés qu'il venait débiter et les niaiseries qu'il s'est mêlé d'écrire. Semblable à une obscène vieille, vous alliez guetter ma femme dans tous les coins pour lui parler de l'amour de votre bâtard, ou soi-disant tel; et lorsque malade de vérole il était retenu

chez lui, vous disiez qu'il se mourait d'amour pour elle; vous lui marmottiez: rendez-moi mon fils.

Vous sentez bien, Monsieur le Baron, qu'après tout cela je ne puis souffrir que ma famille ait la moindre relation avec la vôtre. C'était à cette condition que j'avais consenti à ne pas donner suite à cette sale affaire, et à ne pas vous déshonorer aux yeux de notre cour et de la vôtre, comme j'en avais le pouvoir et l'intention. Je ne me soucie pas que ma femme écoute encore vos exhortations paternelles. Je ne puis permettre que Monsieur votre fils, après l'abjecte conduite qu'il a tenue, ose adresser la parole à ma femme, ni encore moins qu'il lui débite des calembours de corps de garde, et joue le dévouement et la passion malheureuse, tandis qu'il n'est qu'un lâche et qu'un chenapan. Je suis donc obligé de m'adresser à vous, pour vous prier de mettre fin à tout ce manège, si vous tenez à éviter un nouveau scandale, devant lequel, certes, je ne reculerai pas.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Baron,

Votre très humble et très obéissant serviteur.

26 Janvier 1837. Alexandre Pouchkine.

783. А. И. ТУРГЕНЕВУ.

26 января 1837 г. В Петербурге.

Не могу отлучиться. Жду Вас до 5 часов.

784. К. Ф. ТОЛЮ.

26 января 1837 г. В Петербурге.

Милостивый государь
граф Карл Федорович,

Письмо, коего Ваше сиятельство изволили меня удостоить, останется для меня драгоценным памятником Вашего благорасположения, а внимание, коим почтили первый мой исторический опыт, вполне вознаграждает меня за равнодушие публики и критиков.

Не менее того порадовало меня мнение Вашего сиятельства о Михельсоне, слишком у нас забытом. Его заслуги были затемнены клеветою; нельзя без негодования видеть, что́ должен он был претерпеть от зависти или неспособности своих сверстников и начальников. Жалею, что не удалось мне поместить в моей книге несколько строк пера Вашего для полного оправдания заслуженного воина. Как ни сильно предубеждение невежества, как ни жадно приемлется клевета, но одно слово, сказанное таким человеком, каков Вы, навсегда их уничтожает. Гений с одного взгляда

открывает истину, а *Истина сильнее царя,* говорит священное писание.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию честь имею быть.

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.

26 января 1837. Александр Пушкин.

785. О. д'АРШИАКУ.

Между 9 ч. 30 м. и 10 ч. утра 27 января 1837 г.
В Петербурге.

Monsieur le Vicomte,

Je ne me soucie nullement de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes affaires de famille; je me refuse donc à tout pour parler entre seconds. Je n'amenerai le mien que sur la place du rendez-vous. Comme c'est M-r Heckern qui me provoque et qui est offensé, il peut m'en choisir un, si cela lui convient; je l'accepte d'avance quand ce ne serait que son chasseur. Quant à l'heure, au lieu — je suis tout à fait à ses ordres. D'après nos habitudes à nous autres Russes, cela suffit. Je vous prie de croire, M-r le Vicomte, que c'est mon dernier mot, et que je n'ai rien de plus à répondre à rien de ce qui concerne cette affaire; et que je ne bouge plus que pour aller sur place.

Veuillez accepter l'assurance de ma parfaite considération.

27 Janvier. A. Pouchkine.

786. А. О. ИШИМОВОЙ.

27 января 1837 г. В Петербурге.

Милостивая государыня
Александра Осиповна,

Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Покамест честь имею препроводить к Вам Barry Cornwall. Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведите их как умеете — уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу «Историю в рассказах» и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивая государыня,
Вашим покорнейшим слугою.

27 янв. 1837. А. Пушкин.

ПРИПИСЫВАЕМОЕ ПУШКИНУ

1. П. Я. ЧААДАЕВУ.

26—28 мая (?) 1820 г. Из Екатеринослава в Петербург.

Мой милый, я заходил к тебе, но ты спал; стоило ли будить тебя из-за такой безделицы?

2. П. В. НАЩОКИНУ.

1821 г. Из Кишинева в Москву (?).

(Отрывок)

Я живу в стране, в которой долго бродил Назон. Ему бы не должно было так скучать в ней, как говорит предание. Все хорошенькие женщины имеют здесь мужей; кроме мужей, чичисбеев, а кроме их, еще кого-нибудь, чтобы не скучать...

3. А. П. ПОЛТОРАЦКОМУ.

Январь 1822 г. В. Кишиневе.

Я жив,
Старов
Здоров.
Дуэль не кончен.

4. А. П. КЕРН.

(Приписка в письме Анны Н. Вульф)

Вторая половина августа—начало декабря 1824 г.
Из Тригорского в Лубны.

Une image qui a passé devant nous, que nous avons vue et que nous ne reverrons jamais!

5. Е. К. ВОРОНЦОВОЙ.

Середина августа 1824 г.—начало 1825 г.

Из Михайловского в Одессу.

(Отрывок)

Que fait votre lourdaud de mari?

6. А. А. ДЕЛЬВИГУ.

Середина марта 1825 г. Из Михайловского в Петербург.

Дельвиг, жив ли ты?

7. П. А. ОСИПОВОЙ.

Конец июля — первая половина августа 1825 г. Из Михайловского в Ригу.

(Отрывок)

Voulez-vous savoir ce que c'est que m-me Kern? elle est souple, elle comprend tout; elle s'afflige facilement et se console de même; elle est timide dans les manières et hardie dans les actions; mais elle est bien attrayante.

8. Д. В. ДАВЫДОВУ.

1834—1836 гг. Петербург (?)

Сенковскому учить тебя русскому языку всё равно, что евнуху учить Потемкина.

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

1. В КОЛЛЕГИЮ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ.

2 июня 1824 г. Из Одессы в Петербург.

Всепресветлейший, державнейший, великий государь император Александр Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший!

Просит коллежский секретарь Александр Пушкин, а о чем тому следуют пункты:

1.

Вступив в службу вашего императорского величества из Царскосельского лицея с чином коллежского секретаря в 1817 году, июня 17 дня, в Коллегии иностранных дел, продолжал оную в Санкт-Петербурге до 1820 году, потом волею вашего императорского величества откомандирован был к полномочному наместнику Бессарабской области.

2.

Теперь по слабости здоровья, не имея возможности продолжать моего служения, всеподданнейше прошу

3.

Дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение принять и меня вышеименованного от службы уволить.

4.

Всемилостивейший государь, прошу ваше императорское величество о сем моем прошении решение учинить. Июня 2 дня 1824 года, Одесса. К подаче подлежит через новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области в Государственную коллегию иностранных дел.

Сие прошение сочинял и писал коллежский секретарь Александр Сергеев сын Пушкин.

2. ПОКАЗАНИЕ ПО ДЕЛУ ОБ ЭЛЕГИИ «АНДРЕЙ ШЕНЬЕ».

27 января 1827 г. В Москве.

Сии стихи действительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде последних мятежей и помещены в элегии *Андрей Шенье,* напечатанной с пропусками в собрании моих стихотворений.

Они явно относятся к Французской революции, коей А. Шенье погиб жертвою. *Он* говорит:

Я славил твой небесный гром,
Когда *он разметал позорную твердыню.*

Взятие Бастилии, воспетое Андреем Шенье.

Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластию бестрепетный ответ —

Присяга du jeu de paume, и ответ Мирабо: allez dire à votre maître etc.

И пламенный трибун и проч.

Он же, Мирабо.

Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны тени.

Перенесение тел Вольтера и Руссо в Пантеон.

Мы свергнули царей...

в 1793

Убийцу с палачами
Избрали мы в цари

Робеспьера и конвент.

Все сии стихи никак, без явной бессмыслицы, не могут относиться к 14 декабря.

Не знаю, кто над ними поставил сие ошибочное заглавие.

Не помню, кому мог я передать мою элегию А. Шенье.

27 января 1827. Александр Пушкин.
Москва.

Для большей ясности повторяю, что стихи, известные под заглавием: *14 декабря,* суть отрывок из элегии, названной мною *Андрей Шенье.*

3. ПОКАЗАНИЕ ПО ДЕЛУ ОБ ЭЛЕГИИ «АНДРЕЙ ШЕНЬЕ».

29 июня 1827 г. В Петербурге.

Элегия «Андрей Шенье» напечатана в собрании моих стихотворений, *вышедших из цензуры 8 окт. 1825 года.* Доказательство тому: одобрение цензуры на заглавном листе.

Цензурованная рукопись, будучи вовсе ненужною, затеряна, как и прочие рукописи мною напечатанных стихотворений.

Опять повторяю, что стихи, найденные у г. Алексеева, взяты из элегии «Андрей Шенье», не пропущены цензурою и заменены точками в печатном подлиннике, после стихов

Но лира юного певца
О чем поет? поет она свободу:
Не изменилась до конца.
Приветствую тебя, мое светило etc.

Замечу, что в сем отрывке поэт говорит:

О взятии Бастилии.
О клятве du jeu de paume.
О перенесении тел славных изгнанников в Пантеон.
О победе революционных идей.
О торжественном провозглашении равенства.
Об уничтожении царей.

Что же тут общего с несчастным бунтом 14 декабря, уничтоженным тремя выстрелами картечи и взятием под стражу всех заговорщиков?

В заключение объявляю, что после моих последних объяснений мне уже ничего не остается прибавить в доказательство истины.

С.-Петербург. 10-го класса Александр Пушкин.
1827 г. 29 июня.

4. ПОКАЗАНИЕ ПО ДЕЛУ ОБ ЭЛЕГИИ «АНДРЕЙ ШЕНЬЕ».

24 ноября 1827 г. В Петербурге.

Господину с.-петербургскому полицмейстеру
полковнику Дешау
от 10-го класса чиновника
Александра Пушкина

Объяснение.

На требование суда узнать от меня: «каким образом случилось, что отрывок из Андрея Шенье, будучи не пропущен цензурою, стал переходить из рук в руки *во всём пространстве»*, отвечаю: стихотворение мое Андрей Шенье было всем известно *вполне* гораздо прежде его напечатания, потому что я не думал делать из него тайну.

24 ноября 1827. Александр Пушкин.
С.-Петербург.

5. ЗАПИСКА О МИЦКЕВИЧЕ.

7 января 1828 г. В Петербурге.

Adam Mickiewicz, professeur à l'Université de Kovno, ayant appartenu, à l'âge de 17 ans, à une société littéraire qui n'exista que pendant quelques mois, fut mis aux arrêts par la commission d'enquête de Viena (1823). Mickiewicz convint d'avoir connu l'existance d'une autre société littéraire, mais d'en avoir toujours ignoré le but, qui était de propager le nationalisme polonais. Au reste cette société ne dura non plus qu'un moment et fut dissoute avant l'oukase. Au bout de 7 mois Mickiewicz fut mis en liberté et envoyé dans les provinces russes, jusqu'à ce qu'il plût à S. M. l'empereur de lui permettre de revenir. Il servit sous les ordres du général comte Witt et sous ceux du général-gouverneur de Moscou. Il espère que, leurs suffrages lui étant favorables, l'autorité lui permettra de revenir en Pologne où l'appellent des affaires domestiques.

7 janvier 1828.

6. ПОКАЗАНИЕ ПО ДЕЛУ О «ГАВРИИЛИАДЕ».

3—5 августа 1828 г.

1. Не мною.

2. В первый раз видел я Гавриилиаду в Лицее в 15-м или 16-м году и переписал ее; не помню, куда дел ее, но с тех пор не видал ее.

3. Не имею.

10 класса Александр Пушкин.

7. ПОКАЗАНИЕ ПО ДЕЛУ О «ГАВРИИЛИАДЕ».

19 августа 1828 г. В Петербурге.

1828 года августа 19 числа нижеподписавшийся 10-го класса Александр Пушкин вследствие высочайшего повеления, объявленного г. главнокомандующим в С.-Петербурге и Кронштадте, быв призван к с.-петербургскому военному губернатору, спрашиван, от кого именно получил поэму под названием Гавриилиады, показал:

Рукопись ходила между офицерами Гусарского полку, но от кого из них именно я достал оную, я никак не упомню. Мой же список сжег я вероятно в 20-м году.

Осмеливаюсь прибавить, что ни в одном из моих сочинений, даже из тех, в коих я наиболее раскаиваюсь, нет следов духа безверия или кощунства над религиею. Тем прискорбнее для меня мнение, приписывающее мне произведение столь жалкое и постыдное.

10 класса Александр Пушкин.

8. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

19 июля — 10 августа 1830 г. В Петербурге.

(Черновое)

10 лет тому назад литературою занималось у нас весьма малое число любителей. Они видели в ней приятное, благородное упражнение, но еще не отрасль промышленности: читателей было еще мало; книжная торговля ограничивалась переводами койкаких романов и перепечатанием сонников и песенников.

Человек, имевший важное влияние на русское просвещение, посвятивший жизнь единственно на ученые труды, Карамзин первый показал опыт торговых оборотов в литературе. Он и тут (как и во всем) был исключением из всего, что мы привыкли видеть у себя.

Литераторы во время царствования покойного императора были оставлены на произвол цензуре своенравной и притеснительной — редкое сочинение доходило до печати. Весь класс писателей (класс важный у нас, ибо по крайней мере составлен он из грамотных людей) перешел на сторону недовольных. Правительство сего не хотело замечать: отчасти из великодушия (к несчастию, того не понимали или не хотели понимать), отчасти от непростительного небрежения. Могу сказать, что в последнее пятилетие царствования покойного государя я имел на всё сословие литераторов гораздо более влияния, чем министерство, несмотря на неизмеримое неравенство средств.

Несчастные обстоятельства, сопроводившие восшествие на престол ныне царствующего императора, обратили внимание его величества на сословие писателей. Он нашел сие сословие совершенно преданным на произвол судьбе и притеснительной цензуре. Даже не было закона касательно собственности литературной. За год пред сим я не мог найти нигде управы, лишась 3000 р. чрез перепечатание одного из моих сочинений (что было еще первый пример).

Ограждение литературной собственности и Цензурный устав принадлежат к важнейшим благодеяниям нынешнего царствования.

Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направление, т. е. торговое. Ныне составляет оно часть честной промышленности, покровительствуемой законами.

Изо всех родов литературы периодические издания более приносят выгоды и чем разнообразнее по содержанию, тем более расходятся.

Известия политические привлекают большее число читателей, будучи любопытны для всякого.

Ведомости Санкт-Петербургские, Московские, Одесские и Тифлисские и «Северная пчела» суть единственные доныне журналы, в коих помещаются известия политические.

«Северная пчела», издаваемая двумя известными литераторами, имея около 3000 подписчиков и, следственно, принося своим издателям по 80 000 дохода, между тем как чисто литературная газета едва ли окупает издержки издания, естественно должна иметь большее влияние на читающую публику, следственно и на книжную торговлю.

Всякий журналист имеет право говорить мнение свое о нововышедшей книге столь строго, как угодно ему. «Северная пчела» пользуется сим правом и хорошо делает.

Законом требовать от журналиста благосклонности или даже беспристрастия и нелицеприятия было бы невозможно и несправедливо. Автору осужденной книги остается ожидать решения читающей публики или искать управы и защиты в другом журнале.

Но журналы чисто литературные вместо 3000 подписчиков имеют едва ли и 400, следственно, голос их в его пользу был бы вовсе недействителен, и публика, полагаясь на первое решение, книги его не покупает.

Таким образом, литературная торговля находится в руках издателей «Северной пчелы» — и критика, как и политика, сделалась их монополией. От сего терпят вещественный ущерб все литераторы, которые не находятся в приятельских сношениях с издателями «Северной пчелы», ибо ни одно из их произведений не имеет успеха и не продается.

Для восстановления равновесия в литературе нам необходим журнал, коего средства могли бы равняться средствам «Северной

пчелы». В сем-то отношении осмеливаюсь просить о разрешении печатать политические заграничные новости в журнале, издаваемом бароном Дельвигом или мною.

Сим разрешением государь император да́рует по 40 тысяч доходу двум семействам и обеспечит состояние нескольких литераторов.

Направление политических статей зависит и должно зависеть от правительства, и в этом издатели священной обязанностию полагают добросовестно ему повиноваться и не только строго сообразоваться с решениями цензора, но и сами готовы отвечать за каждую строчку, напечатанную в их журнале.

Злонамеренность или недоброжелательство были бы с их стороны столь же безрассудны, как и неблагодарны.

Не в обвинение издателей других журналов, но единственно для изъяснения причин, принуждающих нас прибегнуть к высочайшему покровительству, осмеливаемся заметить, что личная честь не только писателей, но и их матерей и отцов находится ныне во власти издателей политического журнала, ибо обиняки (хотя и явные) не могут быть остановлены цензурою.

9. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

Около (не позднее) 21 июля 1831 г.
Из Царского Села в Петербург.

Заботливость истинно отеческая государя императора глубоко меня трогает. Осыпанному уже благодеяниями его величества, мне давно было тягостно мое бездействие. Мой настоящий чин (тот самый, с которым выпущен я был из Лицея), к несчастию, представляет мне препятствие на поприще службы. Я считался в Иностранной коллегии от 1817-го до 1824-го года; мне следовали за выслугу лет еще два чина, т. е. титулярного и коллежского асессора; но бывшие мои начальники забывали о моем представлении. Не знаю, можно ли мне будет получить то, что мне следовало.

Если государю императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностию и усердием исполнять волю его величества и готов служить ему по мере моих способностей. В России периодические издания не суть представители различных политических партий (которых у нас не существует), и правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее общее мнение имеет нужду быть управляемо. С радостию взялся бы я за редакцию *политического и литературного журнала,* т. е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству

людей полезных, которые всё еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению.

Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям дозволение заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках. Не смею и не желаю взять на себя звание историографа после незабвенного Карамзина; но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III.

10. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

Около 27 мая 1832 г. В Петербурге.

10 лет тому назад литературою занималось у нас весьма малое число любителей. Они видели в ней приятное, благородное упражнение, но еще не отрасль промышленности: читателей было еще мало; книжная торговля ограничивалась переводами кой-каких романов и перепечатанием сонников и песенников.

Несчастные обстоятельства, сопроводившие восшествие на престол ныне царствующего императора, обратили внимание его величества на сословие писателей. Он нашел сие сословие совершенно преданным на произвол судьбы и притесненным невежественной и своенравной цензурою. Не было даже закона касательно собственности литературной.

Ограждение сей собственности и Цензурный устав принадлежат к важнейшим благодеяниям нынешнего царствования.

Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направление, т. е. *торговое*. Ныне составляет она отрасль промышленности, покровительствуемой законами.

Изо всех родов литературы периодические издания всего более приносят выгоды и чем разнообразнее по содержанию, тем более расходятся.

Известия политические привлекают большее число читателей, будучи любопытны для всякого.

«Северная пчела», издаваемая двумя известными литераторами, имея около 3000 подписчиков, естественно должна иметь большое влияние на читающую публику, следственно и на книжную торговлю.

Всякий журналист имеет право говорить мнение свое о нововышедшей книге столь строго, как угодно ему. «Северная пчела» пользуется сим правом и хорошо делает; законом требовать от журналиста благосклонности или беспристрастия было бы невозможно и несправедливо. Автору осужденной книги остается ожидать решения читающей публики или искать управы и защиты в другом журнале.

Но журналы *чисто литературные,* вместо 3000 подписчиков, имеют едва ли и 300, и следственно голос их был бы вовсе не действителен.

Таким образом, литературная торговля находится в руках издателей «Северной пчелы», и критика, как и политика, сделалась их монополией.

От сего терпят вещественный ущерб все литераторы, не находящиеся в приятельских сношениях с издателями «Северной пчелы», ни одно из их произведений не продастся, ибо никто не станет покупать товара, охужденного в самом газетном объявлении.

Для восстановления равновесия в литературе нам необходим журнал, коего средства могли бы равняться средствам «Северной пчелы», то есть журнал, в коем бы печатались политические и заграничные новости.

Направление политических статей зависит и должно зависеть от правительства, и в сем случае я полагаю священной обязанностию ему повиноваться и не только соображаться с решением цензора, но и сам обязуюсь строго смотреть за каждой строкою моего журнала. Злонамеренность была бы с моей стороны столь же безрассудна, как и неблагодарна.

11. В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ.

11 августа 1833 г. В Петербурге.

В Департамент хозяйственных и счетных дел.

От состоящего в ведомстве Министерства иностранных дел титулярного советника Пушкина

Прошение.

Его сиятельство г. генерал-адъютант граф Бенкендорф уведомил меня чрез г. действительного статского советника Мордвинова, что его императорскому величеству угодно было изъявить свое высочайшее соизволение на увольнение меня в отпуск на четыре месяца в губернии Казанскую и Оренбургскую. Вследствие сего покорнейше прошу Департамент хозяйственных и счетных дел учинить во исполнение таковой монаршей воли распоряжение о снабжении меня надлежащим для сего свидетельством. Письмо же г. действительного статского советника Мордвинова при сем имею честь представить.

11 августа 1833 года. Титулярный советник Александр Пушкин.

12. ПОДПИСЬ НА ЛИСТЕ СОТРУДНИКОВ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ.

16 марта 1834 г.

Согласен участвовать, если имени моего не будет упомянуто и если все условия редакции будут мне известны и сообразны с моими предположениями.

А. Пушкин.

13. И. М. ПЕНЬКОВСКОМУ.

20 ноября 1834 г. Из Петербурга
в Болдино.

Милостивый государь мой
Осип Матвеевич!

По доверенности отца моего, статского советника Сергея Львовича Пушкина, имею я в своем ведении в Нижегородской губернии в селе Болдине по 8-ой ревизии 563 души, а в сельце Кистеневе в Сергачевском уезде 274 души, да сверх того в том же сельце Кистеневе 220 душ, собственно мне принадлежащих. По случаю пребывания моего в С.-Петербурге прошу Вас оное имение принять в полное Ваше распоряжение и управление, и буде случатся по оному дела, то следующие прошения, объявления и всякого рода бумаги от имени моего, за Вашим рукоприкладством во все присутственные места, также и частным лицам, подавать, по тем делам выписки, экстракты и решения выслушивать, удовольствия или неудовольствие подписывать, на апелляции в высшие присутственные места, со взносом апелляционных денег, подавать; крестьян от обид и притеснений защищать, для работ и промыслов, по вашему рассуждению, отпускать, с законными видами, также и дворовых отпускать по паспортам с наложением оброка.

При том имеете Вы наблюдать, чтобы казенные повинности и подати были в свое время сполна уплачены; положенный же с оброчных крестьян оброк получать без недоимок и ко мне высылать; буде окажутся дурного поведения и вредные вотчине крестьяне и дворовые люди, таковых отдавать во всякое время в зачет будущего рекрутства; если окажутся неспособными, то отдавать без зачету, предварительно меня о том уведомив. Словом, прошу Вас в оном имении распоряжаться как бы я сам, высылая доходы на мое имя, что же Вы к приращению доходов и к улучшению имения учините, впредь во всем Вам верю и впредь спорить и прекословить не буду.

Двора его императорского величества камер-юнкер титулярный советник Александр Сергеев сын Пушкин.

20 ноября 1834 года.

Сия доверенность принадлежит белорусскому дворянину Осипу Матвеевичу Пеньковскому.

14. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЦЕНЗУРЫ.

28 августа 1835 г. В Петербурге.

Честь имею обратиться в Главный комитет цензуры с покорнейшею просьбою о разрешении встретившихся затруднений.

В 1826 году государь император изволил объявить мне, что ему угодно быть самому моим цензором. Вследствие высочайшей воли всё, что с тех пор было мною напечатано, доставляемо было мне прямо от его величества из 3-го отделения собственной его канцелярии при подписи одного из чиновников: *с дозволения правительства.* Таким образом были напечатаны: «Цыганы», повесть (1827), 4-ая, 5-ая, 6-ая, 7-ая и 8-ая главы «Евгения Онегина», романа в стихах (1827, 1828, 1831, 1833), «Полтава» (1829), 2-ая и 3-ья часть «Мелких стихотворений»; 2-ое, *исправленное* издание поэмы «Руслан и Людмила» (1828), «Граф Нулин» (1828), «История Пугачевского бунта» и проч.

Ныне, по случаю *второго, исправленного* издания Анджело, перевода из Шекспира (неисправно и с своевольными поправками напечатанного книгопродавцем Смирдиным), г. попечитель С.-Петербургского учебного округа изустно объявил мне, что не может более позволить мне печатать моих сочинений, как доселе они печатались, т. е. с надписью чиновника собственной его величества канцелярии. Между тем никакого нового распоряжения не воспоследовало, и таким образом я лишен права печатать свои сочинения, дозволенные самим государем императором.

В прошлом мае месяце государь изволил возвратить мне сочинение мое, дозволив оное напечатать, за исключением собственноручно замеченных мест. Не могу более обратиться для подписи в собственную канцелярию его величества и принужден утруждать Комитет всеуниженным вопросом: какую новую форму соизволит он предписать мне для представления рукописей моих в типографию?

Титулярный советник

28 августа 1835. Александр Пушкин.

15. В СЪЕЗЖИЙ ДОМ.

4 апреля 1836 г. В Петербурге.

Литейной части в съезжий дом.

От камер-юнкера Пушкина.

Отзыв.

Вследствие предъявленного мне от г. обер-полицмейстера предписания С.-Петербургской казенной палаты о востребовании 10 000 рублей с процентами, должных мною, имею честь объяснить:

Что по новому распоряжению г. министра финансов платеж сей суммы отсрочен и разделен на другие сроки.

4 апреля 1836. Александр Пушкин.
СПб.

16. В ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ.

5 сентября 1836 г. В Петербурге.

Автор статьи «Александр Радищев» покорнейше просит Комитет о возвращении ему сей статьи, не допущенной к помещению в журнале.

5 сентября 1836. Александр Пушкин.

ИЗ ЧЕРНОВИКОВ

ПИСЬМА

27. Н. И. ГНЕДИЧУ.

29 апреля 1822 г.

В самом деле, недостатки этой повести, поэмы или чего вам угодно так явны, что я долго не мог решиться ее напечатать. Простота плана близко подходит к бедности изобретения; описание нравов черкесских, самое сносное место во всей поэме, не связано ни с каким происшествием и есть не что иное, как географическая статья или отчет путешественника. Характер главного лица (а действующих лиц — всего-то их двое) приличен более роману, нежели поэме,— да и что за характер? кого займет изображение молодого человека, потерявшего чувствительность сердца в несчастиях, неизвестных читателю; его бездействие, его равнодушие к дикой жестокости горцев и к юным прелестям кавказской девы могут быть очень естественны — но что тут трогательного — легко было бы оживить рассказ происшествиями, которые сами собою истекали бы из предметов. Черкес, пленивший моего русского, мог быть любовником молодой избавительницы моего героя — вот вам и сцены ревности, и отчаянья прерванных свиданий и проч. Мать, отец и брат могли бы иметь каждый свою роль, свой характер — всем этим я пренебрег, во-первых, от лени, во-вторых, что разумные эти размышления пришли мне на ум тогда, как обе части моего Пленника были уже кончены — а сызнова начать не имел я духа.

Те, которые пожурили меня за то, что никак не назвал моего Финна, не нашел ни одного имени собственного, конечно, почтут это за непростительную дерзость — правда, что большей части моих читателей никакой нужды нет до имени и что я не боюсь никакой запутанности в своем рассказе.

Местные краски верны, но понравятся ли читателям, избалованным поэтическими панорамами Байрона и Вальтера Скотта,— я боюсь и напомнить об них своими бледными рисунками — сравнение мне будет убийственно. К счастию, наши аристархи не в состоянии уничтожить меня основательным образом; тяжкие критики их мало меня беспокоят; они столь же безвредны, как и тупы — а шутки плоские и площадные ничуть не смешны и

не забавны, как замечает Каченовский свойственным ему слогом.

Вы видите, что отеческая нежность не ослепляет меня насчет «Кавказского пленника», но, признаюсь, люблю его сам, не зная за что; в нем есть стихи моего сердца. Черкешенка моя мне мила, любовь ее трогает душу. Прелестная быль о Пигмалионе, обнимающем холодный мрамор, нравилась пламенному воображению Руссо. Поэту возвышенному, просвещенному ценителю поэтов, вам предаю моего «Кавказского пленника» — примите его под свое покровительство; в награду за присылку прелестной вашей идиллии, достойной чистой музы древности (о которой мы поговорим на досуге), завещаю вам скучные заботы нового издания. Дружба ваша меня избаловала. Несколько строк пера вашего вместо предисловия — и успех моей повести будет уже надежнее: бросьте в ручей одну веточку из ваших лавров, муравей не утонет. Впрочем, назовите моего «Пленника» сказкой, повестию, поэмой, или вовсе не назовите, издайте ее в двух книгах, частях или песнях, или только в одной — отдаю его в полное ваше распоряжение.

Есть у меня еще отрывок, стихов 200. Прислать мне вам его для физического наполнения книги?

56. ИЗ ПИСЬМА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

4 ноября 1823 г.

Перечитывая твои письма и статьи, меня берет охота спорить. Говоря об романтизме, ты где-то пишешь, что даже стихи со времени революции носят новый образ,— и упоминаешь об Андре Шенье. Никто более меня не уважает, не любит этого поэта, но он истинный грек, из классиков классик. C'est un imitateur savant et inspiré. От него так и пышет Феокритом и Анфологиею. Он освобожден от итальянских concetti и от французских antithèses, но романтизма в нем нет еще ни капли. Парни — древний Millevoye ни то ни се, но хорош только в мелочах элегических. Первые думы Ламартина в своем роде едва ли не лучше «Дум» Рылеева, последние прочел я недавно и еще не опомнился — так он вдруг вырос. La Vigne школьник Вольтера — и бьется в старых сетях Аристотеля — романтизма нет еще во Франции. А он-то и возродит умершую поэзию — помни мое слово — первый поэтический гений в отечестве Буало ударится в такую бешеную свободу, что что́ твои немцы. Покамест во Франции поэтов менее, чем у нас. О Дмитриеве спорить с тобою не стану, хоть все его басни не стоят одной хорошей басни Крыловой, все его сатиры — одного из твоих посланий, а всё прочее первого стихотворения Жуковского. Ермак такая дрянь, что мочи нет, сказки писаны в дурном роде, холодны и растянуты — по мне, Дмитри-

ев ниже Нелединского и стократ ниже стихотворца Карамзина— любопытно видеть его жизнь не для него, а для тебя.

Хорош poète de notre civilisation! Хороша и наша civilisation! Грустно мне видеть, что всё у нас клонится бог знает куда — ты один бы мог прикрикнуть налево и направо, порастрясти старые репутации, приструнить новые и показать нам путь истины, а ты покровительствуешь старому вралю, не ------- нами,— и, что всего хуже, бросил поэзию,— этого я переварить не в силах.

93. ИЗ ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКОМУ.

31 октября 1824 г.

Вспыльчивость отца и раздражительность его мешали мне с ним откровенно изъясниться. Он плакал; жалея его, не желая видеть его слезы, я решился молчать... Ежели объявят правительству, что я поднял руку на отца, посуди, как там обрадуются. Мать согласна была с отцом, теперь она говорит: да он осмелился, говоря с отцом, непристойно размахивать руками — дело — да он убил его словами — это calembour и только. Мать меня обняла, говоря: que deviendrais-je, si tu es à la forteresse. Я показывал им письмо мое к тебе. Отец говорит: экой дурак, в чем оправдывается? Да он бы еще меня прибил... зачем же было обвинять в злодействе несбыточном? — шутка пахнет палачом и каторгой. Стыжусь, что доселе не имею духа исполнить пророческую весть, которая разнеслась недавно обо мне, и еще не застрелился. Глупо час от часу далее вязнуть в жизненной грязи.

149. ИЗ ПИСЬМА Н. Н. РАЕВСКОМУ-СЫНУ.

Вторая половина июля (после 19) 1825 г.

La vraisemblance de situation et la vérité du dialogue — voilà la veritable règle de la tragédie. Shakespeare a saisi les passions; Goëthe le coutume... Chaque homme aime, hait, s'attriste, se réjouit — mais chacun à sa manière — et là-dessus lisez Shakespeare... Voyez le Haineux de Byron *(la pagato)*, cette monotonie, cette affectation de laconisme... De là cette gène et cette timidité de dialogue. Lisez Shakespeare, c'est mon refrain...

263. ИЗ ПИСЬМА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

1 сентября 1828 г.

Алексей Полторацкий сболтнул в Твери, что я шпион, получаю за то 2500 в месяц (которые очень бы мне пригодились бла-

годаря крепсу), и ко мне уже являются троюродные братцы за местами и за милостями царскими.

544. ИЗ ПИСЬМА А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

6 декабря 1833 г.

Я оставил вымысел и написал «Историю Пугачевщины»... Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, по крайней мере я по совести исполнил долг историка: изыскивал истину с усердием и излагал ее без криводушия, не стараясь льстить ни силе, ни модному образу мыслей.

684. Н. Г. РЕПНИНУ.

5 февраля 1836 г.

(Первая черновая редакция)

On dit que M-r le Prince Repnine s'est permis des propos outrageants. La personne offensée prie M-r le Prince Repnine de vouloir bien rester neutre dans une affaire qui ne le concerne nullement. Cette démarche est dictée non par un sentiment de crainte ou même de prudence, mais uniquement par l'affectation et l'intérêt que la personne offensée porte à M-r le Prince Repnine — pour des motifs à elle connus.

740. П. Я. ЧААДАЕВУ.

19 октября 1836 г.

Pierre le Grand dompta la noblesse en publiant la *Табель о рангах,* le clergé — en abolissant le patriarchat (NB Napoléon disait à Alexandre: vous êtes *pope* chez vous; ce n'est pas si bête). Mais autre chose est de faire une révolution, autre chose est d'en consacrer les résultats.

Jusqu'à Catherine II on a continué chez nous la révolution de Pierre au lieu de la consolider. Catherine II craignait encore l'aristocratie; Alexandre était jacobin lui-même. Voilà déjà 140 ans que la *Табель о рангах* balaye la noblesse; et s'est l'empereur actuel, qui le premier a posé une digue (bien faible encore) contre le débordement d'une démocratie, pire que celle de l'Amérique (avez-vous lu Toqueville? je suis encore tout chaud et tout effrayé de son livre).

Quant au clergé il est en dehors de la société, il est encore barbu. On ne le voit nulle part ni dans nos salons, ni dans la litté-

rature, il n'est pas de la bonne société. Il n'est pas au-dessus du peuple, ne veut pas être peuple. Nos souverains ont trouvé commode de le laisser là où ils l'ont trouvé.— Comme les eunuques, il n'a de passion que le pouvoir. Aussi est-il redouté. Et je connais quelqu'un qui malgré toute son énergie a plié devant lui dans une occasion grave. Ce dont j'ai enragé dans le temps.

La religion est étrangère à nos pensées, à nos habitudes, à la bonne heure, mais il ne fallait pas le dire.

Votre brochure a produit, à ce qu'il paraît, une grande sensation. Je n'en parle pas dans le monde, où je suis.

Ce qu'il fallait dire et ce que vous avez dit c'est que notre société actuelle est aussi méprisable que stupide; que cette absence d'opinion publique, cette indifférence pour tout ce qui est devoir, justice, droit et vérité; pour tout ce qui n'est pas nécessité. Ce mépris cynique pour la pensée et la dignité de l'homme. Il fallait ajouter (non comme concession, mais comme vérité) que le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie, et que tout brutal et cynique qu'il est, il ne tiendrait qu'à lui de l'être cent fois plus. Personne n'y ferait la moindre attentation.

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

9. ИЗ ЧЕРНОВОЙ ЗАПИСКИ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

Около (не позднее) 21 июля 1831 г.

Ныне, когда справедливое негодование и старая народная вражда, долго растравляемая завистию, соединила всех нас против польских мятежников, озлобленная Европа нападает покамест на Россию, не оружием, но ежедневной, бешеной клеветою. Конституционные правительства хотят мира, а молодые поколения, волнуемые журналами, требуют войны... Пускай позволят нам, русским писателям, отражать бесстыдные и невежественные нападения иностранных газет. Правительству легко будет извлечь из них всевозможную пользу, когда бог даст мир и государю досуг будет заняться устройством успокоенного государства, ибо Россия крепко надеется на царя; и истинные друзья Отечества желают ему царствования долголетнего.

Набросок плана.

Конец марта — первая половина мая 1831 г. (?)
Москва (?).

Что есть журнал европейский
Что есть журнал русский
Нынешние русские журналы
Каков может быть русский журнал

Часть политическая:

Внешняя политика
Происшествия
Политическая полемика

Предварительное изъявление мнений правительства

Внутреннее
Происшествия, указы

О мерах правительства
№3 материалы от правительства
Корреспонденция

Литература

Внешняя литература — лучшие статьи из журналов. Критика иностранных книг.

Внутренняя. Исторические материалы

Текучая литература

Библиография
Объявления

Пособия: повеление министров.

Журнал мой предлагаю правительству — как орудие его действия на общее мнение.

Официальность.—

ПРИМЕЧАНИЯ

ПИСЬМА [1]

1. *Пиеса* — послание «Александру» (1815 г.). *Граф Алексей Кириллович* — Разумовский, министр народного просвещения.

2. *Стихи Шапеля и Буало* — стихи самого Вяземского в духе этих французских поэтов. *Софийский* — царскосельский: София — одно из названий Царского Села. *«Россиада»* — поэма М. М. Хераскова. *Критика Мерзлякова* — пространный разбор поэмы профессором и литератором А. Ф. Мерзляковым («Амфион», 1815). *Погребать* — участвовать в заседаниях общества «Арзамас», возникшего в противовес «Беседе». На заседаниях «Арзамаса» вновь принимаемые члены произносили шуточные погребальные речи членам Российской Академии и «Беседы». При этом каждый член «Арзамаса» получал прозвище из баллад Жуковского (так, «Асмодей» — арзамасское прозвище Вяземского). *«Не всем быть...»* — из послания Вяземского к Д. В. Давыдову. *Князья-стихотворцы* — осмеянные Вяземским князья А. А. Шаховской, С. А. Ширинский-Шихматов и П. И. Шаликов. *(завоевал он Бову...»* — по-видимому, Пушкин не закончил свою поэму «Бова» в связи с тем, что этот сюжет уже был взят Батюшковым. *Ломоносов* — С. Г., лицейский товарищ Пушкина.

3. *«Опасный для певцов сосед»* — каламбур: «Опасный сосед» — поэма В. Л. Пушкина. *«Вот»* — арзамасское прозвище В. Л. Пушкина (см. примеч. 2). *Девятимесячная беременность пера* — Пушкин не писал В. Л. Пушкину с начала апреля 1816 г. *Шишков* — А. С. *«Клеймить единственным стихом!»* — Пушкин имеет в виду стих из «Опасного соседа», где говорится о популярности комедий А. А. Шаховского в публичном доме («Прямой талант везде защитников найдет»). Шаховской — известный драматург; был членом «Беседы» (см. примеч. 2). *Незабвенным* — Вяземскому и Батюшкову. *Шапель Андреевич* — Вяземский (см. примеч. 2).

4. *Девица Орлеанская* — поэма Вольтера «Орлеанская девственница». *«Амфион»* — название журнала. *Покорнейше просим...* —

---

[1] В целях большей краткости в примечаниях к письмам, которые написаны Пушкиным на французском языке, поясняемые места (имена, названия, цитируемые выражения) приводятся всюду не из французского текста, а из перевода его на русский язык (см. ниже, стр. 590—701). — *Ред.*

По-видимому, речь идет о присылке повести Вольтера «Задиг» и романа Стерна «Тристрам Шенди».

5. Письмо — часть коллективного, написанного группой лицеистов.

6. *Ломоносов* — см. примеч. 2. *Луи* — петербургский ресторатор. *Уединенье* — Михайловское, куда Пушкин уехал в начале июля 1817 г.

7. А. И. Тургенев служил в департаменте духовных дел, поэтому назван в письме «кардиналом». *Оба Мирабо* — так назван брат адресата, декабрист Н. И. Тургенев: его радикализм, а также хромота сближали его с О.-Г. Мирабо, а занятия политической экономией — с В.-Р. Мирабо. *Орлов... гражданин* — А. Ф., генерал-адъютант; Пушкин перефразирует стихи из послания, ему посвященного. *Кавелин* — Д. А., с февраля 1819 г.— директор Петербургского университета. *Дон Базилио* — хитрый святоша из «Севильского цирюльника» Бомарше; здесь, вероятно, А. Н. Голицын, министр духовных дел и народного просвещения.

8. В 1818—1821 гг. Кривцов служил при русском посольстве в Англии.

9. *Всеволожский* — А. В., брат Н. В. Всеволожского. *Чудо-Черкес* — намек на сходство фамилии Мансурова с именем чеченского вождя Мансура. *Кр., дева* — танцовщица Крылова. *Никита* — Н. В. Всеволожский. *Юрьев* — Ф. Ф., член театрального и политического общества «Зеленая лампа». *Сосницкая* — Е. Я., актриса. *Шаховской* — см. примеч. 3. *Комедия* его — «Пустодомы». *Толстой* — Я. Н. *«Зеленая лампа нагорела...»* — намек на ослабление деятельности общества. *Военные поселения* — поселения крестьян близ Новгорода, Старой Руссы и на юге России, заведенные Аракчеевым и известные самыми грубыми формами военно-крепостнического угнетения и насилия над поселенными. Были главным предметом оппозиционной агитации.

10. Французская эпиграмма принадлежит Н. С. Голицыну, приятелю Катенина. *«Deux grands auteurs...» («Два великих сочинителя...»)* — Жуковский и Батюшков. *Поэма* — «Руслан и Людмила».

11. *Преображенский приятель* — Катенин. *Поздравил его* — с удачно подмеченной ошибкой Вяземского в его предисловии к изданию сочинений В. А. Озерова (1816 г.). Ошибка произошла вследствие неправильного перевода французского слова «relief» («остатки», «кусочки») как «барельеф» («барельефы пиров Гомера»). См. статью Катенина в «Сыне отечества», 1820 г., ч. LIX, № 5. В черновом варианте письма Пушкин писал: «Ты сделал остроумную ошибку, NN — темное, тупое и справедливое замечанье. Желаю, чтоб дело на этом остановилось». *Произведения Жуковского* — сборник «Для немногих»; *«Голос с того света»* — стихотворение из этого сборника. *Поэма* — «Руслан и Людмила». *«Сделался историческим лицом....»* — намек на сплетни о поведении Пушкина и ожидавших его репрессиях.

12. *Слухи* — о репрессиях, ожидавших Пушкина.

13. *Генерал Раевский* — Н. Н., старший, участник и герой войны 1812 г. *Сын его* — Николай. *Две дочери* — Мария и Софья. *Лекарь* — Е. П. Рудыковский. *Замечания... на казаков* — не сохранились. *Какой-то француз* — А. А. Дюбрюкс, таможенный чиновник, производивший археологические раскопки. *Броневский* — С. М., бывший градоначальник Феодосии. *Старик* — изображенный Вергилием в 4-й книге «Георгик». *«Элегия»* — «Погасло дневное светило». *Старший сын* ген. Н. Н. Раевского — Александр. *Дочери* — Мария, Софья, Елена и старшая Екатерина. *С восторгом повторяет...* — имеется в виду вольнолюбивая пародия на официальный монархический гимн российской империи. *Молчанов* — П. С., ученик и друг Плетнева, или Н. Н., лицеист.

14. *Липецкий потоп* — 1-я постановка комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815). *«Рейн»* — арзамасское прозвище (ср. примеч. 2) генерала М. Ф. Орлова, бывшего членом «Союза благоденствия». *«Арзамасские гуси»* — общее прозвище членов Арзамаса.

15. *Давыдовы* — братья А. Л. и В. Л. (декабрист), помещики с. Каменки. *Раевский* — Н. Н., старший (см. примеч. 13). *Поэма* — «Руслан и Людмила». *«Андромаха»* — трагедия Расина, отрывки из которой были переведены Гнедичем и напечатаны в «Сыне отечества» (1820 г.). *«Уже в последний раз...»* — из стихотворения Гнедича «К провидению», напечатанного в том же номере «Сына отечества». *В.* — А. Ф. Воейков, литератор, автор статьи о «Руслане и Людмиле», подписанной «В» («Сын отечества», 1820, №№ 34—37). *Эпиграммист* — И. А. Крылов, напечатавший эпиграмму на критику Воейкова («Сын отечества», 1820, № 38). *Допросчик* — Д. П. Зыков, друг Катенина. *Взял . . . труд отвечать* — А. А. Перовский. *Картинка* — фронтиспис А. Н. Оленина. *Еще поэма* — «Кавказский пленник». *Гишпанский табак* — намек на революцию, вспыхнувшую в Испании. *Ее высочество* — великая княгиня Александра Федоровна. *Журнал и письма Кюхельбекера* — написанные им во время поездки за границу «Путешествия» и «Европейские письма».

16. *Теодор Владимиреско* — вождь молдавского восстания. *Покойный Ипсиланти* — Константин, бывший Молдавский и Валахский господарь (ум. 1816). *Князь Суццо* — Михаил, молдавский господарь. *Русский консул* в Яссах — А. Н. Пизани. *Александр Ипсиланти* — сын Константина Ипсиланти. *Братья его* — Георгий и Николай. *Великая держава* — Россия. *«Сим знаменем...»* — легендарная надпись на кресте византийского императора Константина. *Старец Али* — паша Янинский. *Два великих народа* — греки и римляне. *Константин-паша* — Али-паша (см. выше). *Клодовик* — король франков Хлодвиг. Впоследствии взгляд Пушкина на ход греческого восстания изменился (ср. письма 78, 83, 84).

17. *Людмила* — 1-е издание «Руслана и Людмилы» (1820 г.). *Кюхельбекер* — уехал в Париж в качестве секретаря обер-камергера А. Л. Нарышкина. *«Напиши поэму славную...»* — ironичес-

кая цитата из послания А. Воейкова Жуковскому 1813 г. *«скоро оставляю...»* — возможно, Пушкин намекает на планы бегства за границу. *Скарментадо* — герой повести Вольтера «История путешествий Скарментадо». *Не прав* — в том, что самым счастливым человеком является рогоносец (заключительная фраза повести). *Будут стараться изгладить меня...* — речь идет о родителях поэта, опасавшихся его «вредного» влияния на брата.

18. АО — монограмма А. Н. Оленина на всех его рисунках, в том числе на фронтисписе к первому изданию «Руслана и Людмилы» (1820). *«девятого тома...»* — Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

19. *Бев вас* — А. И. и Н. И. Тургеневых. *Голицына* — Е. И. (Princesse Nocturne — «Княгиня Ночная»); ее гости собирались поздно вечером у горящего камина. *«В руце твои предаюся...»* — неточная цитата из Евангелия от Луки, гл. 23, ст. 46. *С жителями* — с Александром I и его приближенными, проводившими лето на Каменном острове. *Пафмос* — остров, на котором, по преданию, был написан Апокалипсис. *Сочинение во вкусе Апокалипсиса* — «Гавриилиада». *Минутные друзья... искатель»* — слова из элегии Пушкина «Погасло дневное светило». *Такая каша* — греческое восстание... *«Овсяный кисель»* — намек на одноименную сказку Гебеля, переведенную Жуковским. *Орлов* — см. примеч. 14; 15 мая 1821 г. состоялась его свадьба с Е. Н. Раевской. *«Блажен тот, кто вдали...»* — начало 2-го эпода Горация.

21. *«Сотворение мира»* — поэма М. В. Милонова; не была напечатана. *Вопросы Воейкову* — статья Д. П. Зыкова (ср. примеч. 15). *Воейков* — см. там же. *Глинка* — Ф. Н. *Всеволожский* — Н. В. *V. C. P. и L. D.* — марки вин. *Овошникова* — актриса. *Лампа* — общество «Зеленая лампа» (ср. примеч. 9). *Юрьев* — см. там же. *«Таврида»* — поэма С. С. Боброва. *Омфала* и *Бизар* — собаки Ольги Сергеевны. *Вульф* — Анна Н. *Корфы* — семейство М. А. Корфа, жившее по соседству с родителями Пушкина.

22. *Северный Стамбул* — Петербург. *Муфти* (духовное лицо у мусульман) и *его преосвященство* — А. И. Тургенев, служивший по духовному ведомству. *Драгоман* (русский переводчик) — Н. И. Тургенев, служивший в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. *Чу* — арзамасское прозвище Д. И. Дашкова (ср. примеч. 2). *Долгорукий* — кн. Д. И., сын поэта И. М. Долгорукова, сослуживец Тургенева.

23. *Послание к Чаадаеву* — «В стране, где я забыл тревоги прежних лет...». *Американец Толстой* — Ф. И. Толстой.

24. *Попандопуло* — К. А., врач. *Липранди* — И. П. Вопреки мнению Пушкина, двурушничал и доносил правительству. Ср. примеч. 212. *Каченовский* — М. Т., критик архаического направления, издатель «Вестника Европы»; был профессором Московского университета. *Послание* к нему Вяземского напечатано в «Сыне отечества», 1821, ч. 67. *Облил...* — в «Послании к Птелинскому-Ульминскому» (Вяземскому). *« я его задел...»* — в послании

«Чаадаеву» (1821). *Американец Толстой* — Ф. И. Толстой. *«Тристрам Шанди»* — роман Стерна. *Меркантильный успех* — Гнедич руководил изданием «Руслана и Людмилы»; результаты оказались невыгодными для Пушкина. *Дядя* — Василий Львович Пушкин. *Буянов,* в шутку названный *«двоюродным братом»,*— герой поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед». *Рейн* — М. Ф. Орлов (см. примеч. 14), основавший фабрику сургуча и отменивший в своей дивизии телесные наказания.

25. *«Письмо... о Тавриде»* — письмо 21. *Новая поэма* — «Кавказский пленник». *Стихи* Дельвигу — посланные в письме 17. *Эпиграмма* — на А. А. Давыдову. *Фока* и *Демьян* — лица из басни И. А. Крылова «Демьянова уха».

26. *«История Крыма»* — книга Сестренцевича-Богуша «Histoire du royaume de la Chersonese Tawrique» (1800) или (вероятнее) книга Кастельно «Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie» (1820).

27. Латинские стихи — из первой элегии I песни «Tristia» Овидия. *Повесть, поэма* — «Кавказский пленник» (ср. письма 25, 30). *Идиллия Гнедича* — «Рыбаки» («Сын отечества», 1822, № 8).

28. Письмо сохранилось в виде обрывка черновика. *Письмо к Гречу* — статья Катенина по поводу «Опыта краткой истории русской литературы» Греча («Сын отечества», 1822, ч. 76).

29. *Бессарабские бредни* — стихотворения Пушкина для альманаха Рылеева и Бестужева «Полярная звезда». Стихотворение «К Овидию» было напечатано без подписи в «Полярной звезде на 1823 год».

30. Гнедич взялся за издание «Кавказского пленника» (ср. письма 25, 27). *Бестужев* — А. А.; полемизировал с П. А. Катениным и Н. И. Гречем о значении в литературном языке церковнославянского. *Стравить его с Катениным.*— Имеется в виду полемика по поводу книги Греча (см. примеч. 28) и принципов перевода итальянских октав («Сын отечества», 1822, № 13, 14 и др.), а также жестокая критика Бестужевым катенинского перевода трагедии Расина «Эсфирь». *Сравнительная скромность* — намек на эпизод той же полемики («Сын отечества», 1822, № 21). *«Шильонский узник»* — поэма Байрона в переводе Жуковского. *Слёнин* — книгопродавец. *«Пери»* — «Пери и ангел» Жуковского. *Громобой и Старушка* — персонажи баллад Жуковского. *Саувей* — Р. Соути. *Чувства и мысли* — слова Дмитриева в письме его к Вяземскому от 20 октября 1820 г. (критика «Руслана и Людмилы»). *Молдованно* — перефразировка выражения Пушкина («кюхельбекерно») из эпиграммы «За ужином объелся я...» (1818). *С ним* — с В. К. Кюхельбекером, подравшимся на дуэли с племянником ген. Ермолова.

31. *Глагол piombare* — имеется в виду полемика о переводе итальянских октав (см. предыд. примеч.). *«И сплетней...»* — стих из послания Пушкина «Чаадаеву», задевающий Ф. И. Толстого-Американца. *Твоя комедия* — «Сплетни», вольный перевод коме-

дии Грессе «Le Méchant» («Злоязычный»). *Зельский* — действующее лицо «Сплетен». *«Сид»* в переводе Катенина был издан и представлен в Петербурге в 1822 г. *Чаша Атреева* — из трагедии Кребильона «Атрей и Фиест». Атрей — легендарный царь Аргоса; чтобы отомстить брату, убил его детей и подал ему на пиру чашу с их кровью. *«Здесь не место для этого...»* — стих из «Искусства поэзии» Горация.

32. *В. И. Козлов* — мелкий литератор. *Он принял* — см. письмо 31. *Издание Бестужева* — «Полярная звезда на 1823 год». *Стихи, ему посланные* — «К Овидию». *«Пленник»* — печатавшийся под наблюдением Гнедича «Кавказский пленник». *Вильгельм* — Кюхельбекер.

33. *Толстой* — Ф. И. *Стихи мои* — о Ф. И. Толстом, в послании «Чаадаеву» (ср. письмо 24). *Чердак* — общество, собиравшееся у А. А. Шаховского. *Очиститься* — вызвать на дуэль Толстого. *Что-то ужасное* — пасквиль Толстого, где он именует Пушкина Чушкиным и т. п. *«Вот слова...»* — выражение Вольтера. *«Шильонский узник»* — поэма Байрона в переводе Жуковского. *Прадт* — французский критик, историк и публицист. *Поэма* — «Гавриилиада». *Стал придворным* — намек на увлечение двора мистикой.

34. *Раевский* — Н. Н.-старший, генерал. *Киселев* — П. Д., генерал. *«погодил продавать...»* — О проигранной Н. В. Всеволожскому рукописи см. письма и примеч. 91, 118. *«Орлеанская дева»* — трагедия Шиллера в переводе Жуковского. *«Глухо-рев»* — артист Петербургского театра А. Глухарев. *«Смерть Роллы»* — трагедия А. Коцебу. *Стихи... взятые из Иеремия* — стихотворение Кюхельбекера «Глагол господень был ко мне». *«Страх при звоне...»* — цитата из юношеского стихотворения Кюхельбекера. *«Батюшков прав...»* — в своем возмущении против Плетнева за его элегию «Б...в из Рима» (эта плохая элегия могла быть приписана самому Батюшкову). Пушкин имеет в виду его письмо к Гнедичу из Теплица. *«луч денницы... в полдень...»* — ошибка Рылеева в думе «Богдан Хмельницкий»:

Куда лишь в полдень проникал,
Скользя по сводам, луч денницы.

35. *Лобанов* — кн. А. Я.; предложил издать стихотворения Пушкина в Париже. *Книга* — «Мое праздное время...» Толстого. *Всеволожские* — Н. В. и его брат А. В. *Барков* — Д. Н., член «Зеленой лампы», театрал. *Сосницкие* (И. И. и Е. Я.), *Ежова, Семеновы* (Е. С. и Н. С.) — артисты. *Шаховский* — см. примечание 3. *Гр. Пушкин* — В. А. Мусин-Пушкин. *Завадовский* — В. П., граф, лейб-гусар.

36. *«Пленники»* — экземпляры вышедшего в 1822 г. «Кавказского пленника» и «Шильонского узника» (поэма Байрона в переводе Жуковского). *«Александр Пушкин мастерски...»* — не литографирован, а гравирован Е. Гейтманом. *Примечание издателей* — о «необыкновенном даре» юного Пушкина. *«В бореньях...»* —

стих из послания Вяземского «К В. А. Жуковскому». *«...Начал создавать»* — В этих словах Пушкина отразилось неудовольствие декабристских литературных кругов тем, что Жуковский в своем творчестве отправлялся от иностранных образцов. *Кн. А. Лобанов...* — см. примеч. 35.

38. *«Зачем ты показал Плетневу письмо...»* — письмо 34. *Толстой* — Ф. И. *Шаховской* — см. примеч. 3. *Послание Плетнева* — «Я не сержусь на едкий твой упрек...». *Орлов* — М. Ф. (см. примеч 14). *Карабкаюсь* — Пушкин добивался разрешения вернуться в Петербург. *«О, други...»* — стих из послания «К Овидию». *Август* — подразумевается Александр I. *«Август смотрит сентябрем...»* — из стихотворения Языкова «Мы любим шумные пиры». *Бестужев* — А. А. *Календарь его* — «Полярная звезда на 1823 год». *Книга Греча* — «Опыт краткой истории русской литературы». *Цертелев* — кн. Н. А., автор брошюр «О произведениях древней русской поэзии» и «Взгляд на русские сказки и песни в духе старинных русских стихотворений».

40. Ср. письма 34, 38. *Первый стих* — из послания Плетнева к Пушкину («Я не сержусь на едкий твой упрек...»). *Твоя Ироида* — «Б. . . в из Рима». После появления в печати этого стихотворения душевная болезнь Батюшкова обострилась.

41. *Полудневная денница* — см. примеч. 34. *Герб...* — из думы Рылеева «Олег Вещий». *Яков* — камердинер Жуковского. *Орлов* — М. Ф. (см. примеч. 14).

42. Прошение было отклонено.

43. *«И всё то благо, всё добро»* — цитата из стихотворения Державина «Утро». *Пиши мне* — о балете Дидло на сюжет «Кавказского пленника» с Е. И. Истоминой в роли черкешенки. *«Звезда»* — альманах Рылеева и Бестужева «Полярная звезда на 1823 год»; Пушкин напечатал в нем стихотворения «К Овидию» и «Война» (под названием «Мечта воина»). Вместо подписи Пушкина были поставлены две звездочки. *Панаев* — В. И., поэт. *Фемистокл* — соперник Аристида, именем которого Пушкин назвал Ф. Н. Глинку в стихотворении «Когда средь оргий жизни шумной...». *«Увы, напрасно...»* — цитата из стихотворения Гнедича «Тарентинская дева» («Полярная звезда на 1823 год»). *Кюхельбекерно* — см. письмо и примеч. 30. *Жаловаться на погоду* — см. письмо и примеч. 38.

44. *Утешил* — статьей о «Кавказском пленнике». *Воейков* — А. Ф. (см. примеч. 15). *Каченовский* — М. Т. (см. примеч. 24). *Варюшка и Буянов* — персонажи поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед». *«полагаешь его поэтом...»* — в предисловии к изданию сочинений В. А. Озерова (1817 г.). *«Нет! песням...»* — неточная цитата из третьего действия трагедии Озерова «Фингал». *Бируков* — цензор. *Послание* — «Послание к цензору». *«читал я твои стихи...»* — «Послание к И. И. Дмитриеву...», «Всякий на свой покрой», «Цветы» и др. («Полярная звезда на 1823 год»). *«Глинка владеет языком чувств...»* — отзыв о Ф. Н. Глинке в статье

Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России» («Полярная звезда на 1823 год»). *Дмитриев* — И. И., поэт. *Староста* — В. Л. Пушкин, «староста» Арзамаса (см. примеч. 2). *Дорат* — К.-Ж. Дора, французский поэт; Пушкин назвал его «грибом, выросшим у корней дубов» (статья «О русской литературе...»). *Полторацкие* — А. П. и М. А., офицеры, приятели Пушкина.

45. *«Первый снег»* — стихотворение Вяземского. *Тяжба с цензурою* — по поводу статьи Вяземского «О двух статьях, напечатанных в „Вестнике Европы"» (была известна в рукописи). *Бируков* — цензор. *Руссо* — Ж.-Ж. Руссо (французская цитата — из его «Эмиля»). *«Отечества и грязь...»* — пародия на слова Державина в стихотворении «Арфа» («Отечества и дым нам сладок и приятен»). *Сверчок* — арзамасское прозвище Пушкина (ср. примеч. 2).

46. *Герои Скулян и Секу* — разбитые у этих мест греческие повстанцы. *Иордаки* — Олимпиод, один из вождей греков. *Гречанка* — Калипсо Полихрони. *Правда ли...*— Катенин был выслан из Петербурга за шумный протест против бездарной актрисы М. А. Азаревичевой — побочной дочери директора театра А. Майкова, вышедшей на аплодисменты вместе с Е. С. Семеновой. *«Арзамас»* — подразумеваются бывшие члены общества «Арзамас» (ср. примеч. 2). *Охотников* — К. А., офицер; был близок к декабристам. *Чаадаев* — путешествовал за границей до 1825 года. *Корсакова* — М. И. Римская-Корсакова, вдова камергера; *дочери ее* — Наталья, Александра и Екатерина. *«минуло ли 15 лет...»* — поступлению в офицерский чин.

47. *«они мною обещаны Якову Толстому...»* — Издание не состоялось. *Поэмка* — «Бахчисарайский фонтан». *«Я не заслужил...»* — стихи из трагедии Расина «Британник». *«Нерешительный»* — комедия Н. И. Хмельницкого «Нерешительный, или Семь пятниц на неделе». *«Кюхельбекер пишет...»* — в послании «К Пушкину» («Мой образ, друг минувших лет...»). *«Delenda est censura» («Цензуру же должно уничтожить»)* — шутливая переделка слов Катона: «... Карфаген должен быть разрушен».

48. Бестужев напечатал в «Полярной звезде на 1823 год» повесть «Роман и Ольга», рассказ «Вечер на бивуаке» и статью «Взгляд на старую и новую словесность в России». *Осипов* — Н. П., автор «Энеиды, вывороченной наизнанку». *Елисей* — поэма В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх». *Благовещение*— «Гавриилиада». *Анфология* — стихи, посланные для «Полярной звезды». *«Разбойники»* — первый вариант поэмы, от которой остался отрывок («Братья разбойники»). *«их нет и не будет...»* — стих из думы Рылеева «Иван Сусанин». *Сатира* — на «либералистов», действительно принадлежавшая Родзянке.

49. Написано на записке кишиневского вице-губернатора М. Е. Крупенского («Будьте любезны прийти ко мне тотчас же»).

51. *Асмодей* — арзамасское прозвище Вяземского (ср. примеч. 2). *«Гнедич хочет купить...»* — см. письмо 47. *Timeo danaos*

(Боюсь данайцев) — стих из II песни «Энеиды» Вергилия. Пушкин намекает на невыгодное для него издание Гнедичем «Руслана и Людмилы» (см. примеч. 24). *Орлов* — М. Ф. (см. примеч. 14).

52. *«Новая печаль... цепей»* и *«о Кишиневе я вздохнул...»* — перефразировка и цитата стихов Жуковского из «Шильонского узника». *Туманский* — В. И., поэт. *Козлов* — В. И., бездарный поэт. *Шаликов* — П. И., князь, стихотворец сентиментального направления; стихи его служили образцом слащавости (см. примеч. 2). *Раич* — С. Е., литератор, близкий к любомудрам. *Родзянка-предатель* — ср. письмо и примеч. 48. *«Фонтан»* — «Бахчисарайский фонтан».

53. *Асмодей* — см. примеч. 51. *«я не властен...»* — перефразировка стиха из баллады Жуковского «Иванов вечер». *Бируков* — цензор. *Антикритика* — на анонимную рецензию «Вестника Европы» (1823 г., CXXVIII, № 1). *Об'он'пол* — «по ту сторону» (старинное выражение). *Фурнье* — француз, живший в доме Раевских. *Стурдза* — А. С., политический и религиозный писатель. *Ланжерон* — А. Ф., в 1815—1823 гг. новороссийский генерал-губернатор. *Северин* — Д. П., был членом «Арзамаса» (ср. примеч. 2). *Эпиграф* — из послания Вяземского к Ф. И. Толстому, врагу Пушкина. *Не оставил...* — чтобы Толстого не сочли прообразом пленника.

54. *Г-жа Собаньская...* — Увлечение Пушкина Собаньской отражено в письмах к ней 296, 297. *Лара* — герой одноименной поэмы Байрона; здесь — одесский знакомый Пушкина В. Ганский. *Мельмотовский* — демонический, по имени героя романа Р. Мэйчурена «Мельмот-скиталец». *Атала* — героиня романа Шатобриана «Атала»; здесь — Е. А. Ганская, впоследствии жена Бальзака. *Ваш дядюшка* — А. Л. Давыдов.

55. *Майгин* — одна из кишиневских знакомых Пушкина. *Завальевский* — Н. С., чиновник при Воронцове. *Липранди* — см. примеч. 24.

56. *Асмодей* — см. примеч. 51. *Поэма* — «Бахчисарайский фонтан». *Киселева* — С. С., урожд. гр. Потоцкая (с этой фамилией связана легенда о Марии, пленнице Бахчисарая). *Полицейское послание* — не сохранилось. *Апостол-Муравьев* — И. М. Муравьев-Апостол, автор «Путешествия по Тавриде». *Писать оперу...* — водевиль «Кто брат? Кто сестра?...», совместно с Грибоедовым (музыка А. Н. Верстовского). *Роман в стихах* — «Евгений Онегин». *«Дон-Жуан»* — поэма Байрона. *«Если брать...»* — измененная цитата из басни Крылова «Вороненок». *Статья* Вяземского — «О двух статьях, напечатанных в „Вестнике Европы"» (была известна в рукописи).

57. *Разбойники* — «Братья разбойники». *«Шильонский узник»* — поэма Байрона в переводе Жуковского.

58. *Повеяло* мне... — перефразировка стиха из вступления к «Двенадцати спящим девам» Жуковского. *«слава . . . тебе и моему Пущину!»* — Речь идет о получении писем от Дельвига и

Пущина (не сохранились). *Бируков* — цензор. *Сатира к Гнедичу* — послание Баратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры». *Измайлов* — А. Е., баснописец, издатель журнала «Благонамеренный». *Новая поэма* — «Евгений Онегин». *Немецкий «пленник»* — «Кавказский пленник» в переводе А. Е. Вульферта на немецкий язык (1823).

59. *Александр Иванович* — Казначеев.

60. *Кривцов* был назначен губернатором в Тулу.

61. *Аретино* — итальянский поэт эпохи Возрождения, известный произведениями эротического характера. Пушкин имеет в виду его фривольное сочинение «Странствующая блудница».

62. *Кипренский* — О. А., художник; в 1817 г. напечатал «Письмо из Рима» («Сын отечества», № XLVI). *Грибко* О. Н. и *Чеботарев* А. Х. — чиновники. «*Исчезла прежня живость*» — стихи И. И. Дмитриева из послания «К друзьям моим». *Принцесса Шарлотта* — великая княгиня Александра Федоровна, супруга Николая I. Жуковский состоял при ней учителем русского языка и посвятил ей стихотворение «Ангел и певец». «Гяур» — поэма Байрона.

63. *Ты прав* — относительно недостатков «Бахчисарайского фонтана». *Анна Львовна* — тетка Пушкина. *Апостол написал...* — См. примеч. 56. *Комедия на Чаадаева* — «Горе от ума»; современники в Чацком находили сходство с П. Я. Чаадаевым. *«Разбойники* — «Братья разбойники».

64. *«Какая б ни была...»*, *«Символ...»* — стихи из «Бахчисарайского фонтана», подготовлявшегося к печати Вяземским. *«Будущим Сомезам...»* — стихи из «Искусства поэзии» Буало. *Журнал* — «Мнемозина». *Анахарзис Клоц* — деятель Великой французской революции, немец по происхождению; здесь — В. К. Кюхельбекер. *Мадригалы* — С. С. Киселевой, урожд. Потоцкой (ср. письмо 56). *Зонтаг* — А. П., детская писательница, историк.

65. Пушкин пишет Бестужеву по поводу напечатанных в «Полярной звезде на 1824 год» стихотворений. *Именно те стихи* — три последних стиха элегии «Редеет облаков...». *«Как ясной»* — нужно было «Над ясной» («Нереида»). *«Болезнью»* — нужно было «боязнью» («Простишь ли мне ревнивые мечты»). *«Он переписывается с тобою...»* — Толстой печатал в «Сыне отечества» (1823 г.) свои корреспонденции из Парижа в форме писем к Бестужеву. *Вальтер* — прозвище, данное Пушкиным Бестужеву за «рыцарскую повесть» в духе Вальтер Скотта («Замок Нейгаузен»).

66. *Татарская поэма* — «Бахчисарайский фонтан». *Две пьесы* — «Элегия» и «Нереида».

67. *Н. Раевский* — Н. Н. Раевский-младший. *Иван Иванович* — Александр I. *Козлов* — В. И., мелкий литератор. «*Но почему ты пел?*» — слова из стихотворения Ламартина «Умирающий поэт». *Тургенев* (А. И.) и *Воейков* (см. примеч. 15) — распространяли в рукописи еще не изданный «Бахчисарайский фонтан». *Корнило-*

вич — А. О., писатель; Пушкин имеет в виду его статью «Об увеселениях Российского двора при Петре I», посвященную баронессе А. Е. А. *«Voulez-vous» («Хотите ли вы...»)* — цитата приведена неточно. Пушкин возмущен бессмысленной витиеватостью перевода. *«D'un mensonge»* («Ложью») — слова Ипполита из его объяснения с Тезеем во 2-й сцене 4-го действия. *«Vous-même» («Вы сами...»)* — слова Терамена, уговаривающего Ипполита обратить внимание на Арисию (д. 1, сц. 1). *«Паризина»* — поэма Байрона. *«Войнаровский»* — поэма Рылеева. *Кюхля* — В. К. Кюхельбекер.

68. *«О твоей повести...»* — В «Полярной звезде на 1824 год» напечатаны две повести Бестужева: «Замок Нейгаузен» и «Роман в семи письмах». *Корнилович* — А. О. (ср. письмо 67). *«Шаликовскою невинностию»* — о Шаликове см. примеч. 52. *«Булгарин говорит...»* — по поводу статьи Н. А. Бестужева «Об удовольствиях на море». *Сенковский* — О. И., ученый и журналист, впоследствии противник Пушкина. Речь идет о его арабской сказке «Витязь буланого коня». *Родзянко* — А. Г., речь идет о мадригале «К милой». *Нахимов* — А. Н., мелкий поэт. *Баратынский* напечатал в «Полярной звезде на 1824 год» стихотворения «Истина», «Признание», «Рим» и др. *«Фонтан»* — «Бахчисарайский фонтан». *«К нежным законам стиха...»* — из стихотворения А. Шенье «Юная пленница». *Кюхельбекеру* — для предпринятого В. К. Кюхельбекером и В. Ф. Одоевским альманаха «Мнемозина». *Поэма* — «Евгений Онегин». *Брат и братья* — Л. С. Пушкин и дружеский круг передовой молодежи.

69. *«ты продал всё издание...»* — «Бахчисарайского фонтана», печатавшегося под наблюдением Вяземского. *Новая поэма* — «Цыганы». *«Жизнь Дмитриева»* — статья Вяземского «Известия о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева» (в издании стихотворений Дмитриева, 1823). *Нарышкин* — Л. А., двоюродный брат М. С. Воронцова. *Волконский* — С. Г., декабрист.

71. *«Благонамеренный»* — журнал А. Е. Измайлова. *Хвостов* — Д. И., сам скупавший свои нерасходившиеся произведения. *Булгарин* напечатал в «Литературных листках» (1824 г., ч. I, № III) отрывок из письма Пушкина к А. А. Бестужеву от 8 февр. 1824 г. *Синявин* — И. Г., впоследствии товарищ министра внутренних дел.

72. *«Бахчисарай»* — Бахчисарайский фонтан», изд. 1824 г. *«Разговор»* — предисловие Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» («Разговор между издателем и классиком...»). *«Жизнь Дмитриева»* — см. примеч. 69. *«от столкновения мнений...»* — шутливая переделка французской пословицы («От столкновения мнений рождается истина). *Мордвинов* — Н. С., адмирал, государственный деятель. *Слёнин* — книгопродавец. *Матюшкин* — Ф. Ф., лицейский товарищ Пушкина. *Каков Булгарин* — ср. письмо 71.

73. Выписка, сделанная полицией из перехваченного и не дошедшего до нас письма. Это письмо послужило причиной высылки поэта из Одессы в Михайловское. Ср. письмо 197.

74 *Предписание его сиятельства* — графа Воронцова о поездке Пушкина на места, пораженные саранчой. В черновике письма было: «Я не хочу служить, никогда ничего по службе не искал...».

76. *Жена твоя* — кн. В. Ф. Вяземская. *Василий Львович* — Пушкин. *«после своей эпиграммы»* — на М. А. Дмитриева, по поводу его критики предисловия Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану». *Эпиграмма Грибоедова* — рукописная, на М. А. Дмитриева и А. И. Писарева. *Милонов* — М. В., поэт-сатирик. Пушкин цитирует его эпиграмму на М. Т. Каченовского. *Перемена министерства* — назначение А. С. Шишкова министром народного просвещения.

77. *Булгаринское вранье* — заметка Булгарина о высокой цене на издания сочинений Пушкина («Литературные листки», 1824, № VII). *«Северные цветы»* — альманах Дельвига. *Хлопоты, неприятности* — столкновение с Воронцовым (см. письмо 74). *«Жуковского я получил...»* — «Стихотворения» Жуковского, изд. 1824 г. *Славный был покойник...* — Жуковский в эти годы почти не писал.

78. *Трубецкой* — кн. П. П.; Пушкин отправил с ним настоящее письмо. *Тиверий* — римский император, здесь — Александр I. *Сеян* — приближенный Тиверия, здесь — М. С. Воронцов. *«Кюхельбекерно»* — см. примеч. 30. *«грустно по Байроне...»* — Байрон умер 7 апр. 1824 г. *«Греция мне огадила»* — ср. письма 16, 83, 84. *Перемена министерства* — см. примеч. 76. *Глинка* — Ф. Н. *Дмитриев* М. А. и *Каченовский* М. И. вели полемику с Вяземским по поводу «Бахчисарайского фонтана».

79. *Опасно переписываться* — см. примеч. 71. *Острамил меня* — см. письмо и примеч. 65. *«с одним из петербургских...»* — предпосланные напечатанному письму слова Булгарина. *Писарев* А. И. и *Дмитриев* М. А. — литераторы, враждебные группе Пушкина. *«Я принужден был вмешаться...»* — в полемику Дмитриева и Вяземского по поводу «Бахчисарайского фонтана» (Пушкин напечатал письмо к издателю «Сына отечества» — «Сын отеч.», 1824, ч. 93, № XVIII). *«Разбойники»* — «Братья разбойники». *Никита Всеволожский... Аристипп* — Н. В. Всеволожский. *Продал ему* — ср. письмо 91. *«Мужайся...»* — переделка стиха Ломоносова из «Оды 9-й, выбранной из Иова...».

81. *Молдавский боярин* — Т. Балш. *Голицын* — кн. А. Н., уволенный с поста министра народного просвещения и замещенный А. С. Шишковым. *Волконская* — Софья Гр., сестра декабриста С. Г. Волконского. *Ее дочь* — А. П. Волконская. *Карамзина* — жена писателя. *Голицына* — Е. И. (см. примеч. 19).

82. *Вяземский* — П. А., *«Дал ли ты ему „Разбойников"...»* — «Братьев разбойников» для альманаха Кюхельбекера «Мнемозина». *Плутня Ольдекопа* — переиздание Е. И. Ольдекопом немецкого перевода «Кавказского пленника» с приложением русского текста. *Асмодей* — см. примеч. 2.

83. Ср. письмо 16. *«повторю и здесь то...»* — см. письмо 78, 84.

84. Ср. письмо 83. *Витгенштейн* — П. Х. участник войны 1812 г., в 1824 г.— командующий 2-й армией.

85. В имении Деспота-Зеновича (с. Колпине, Витебской губ.) Пушкин остановился по дороге из Одессы в Михайловское.

86. *Языков* — Н. М., поэт, вместе с Вульфом обучавшийся в Дерптском университете.

87. *Доверенность* — на ведение дела против Ольдекопа (см. примеч. 82). *Поминаньице* — стихотворение «К морю». *Бируков, Красовский* — цензоры. *Лайон* — Л. С. Пушкин.

88. *Мария* — императрица Мария Федоровна. *«И оправдаем провиденье»* — стих из послания Жуковского «К князю Вяземскому» (1814).

89. Пушкин поручил Плетневу издание I главы «Евгения Онегина».

90. *«Мой отец имел слабость...»* — ср. письмо 93. *Старушка соседка* — П. А. Осипова. *Ее дочери* — Анна, Евпраксия, Мария, Екатерина и падчерица Александра. *Мой роман* — «Евгений Онегин». *Князь Петр* — П. А. Вяземский. *Мили* — возможно, семилетняя дочь одесского градоначальника А. Д. Гурьева (ср. письмо 103).

91. Ср. письмо и примеч. 34, 98, 116, 118.

92. Письмо, по-видимому, не было отослано Пушкиным.

93. *Все святые* — Н. М. Карамзин, А. И. Тургенев и В. А. Жуковский. *Пещуров* — А. Н., опочецкий уездный предводитель дворянства.

94. *Анета* — Анна Н. Вульф. *Там* — в Тригорском. *Происшествия, ему известные* — ср. письмо 93. *«Онегин»* — 1-я глава романа, представленная в цензуру. *Жизнь Пугачева* — «Ложный Петр III...», М. 1809. *«Путешествие по Тавриде»* — И. М. Муравьева-Апостола. *«Я тружусь...»* — над «Подражаниями Корану». *Сабуров* — Д. И., лейб-гусар. *Воейкова* (урожд. Протасова) — А. А., жена литератора А. Ф. Воейкова, племянница Жуковского. *Языков* — Н. М., поэт.

95. *Картинка для «Онегина»* — рисунок Пушкина, на обороте письма; к 1-му изданию I главы приложен не был. Лег в основу гравюры в «Невском альманахе на 1829 год». *Михайло* — М. И. Калашников, крепостной Пушкина.

96. *Немецкая критика* — заметка Борга в его книге «Поэтические произведения русских...» (1823 г.). *«Талия»* — альманах Булгарина «Русская Талия . . . на 1825 год». *Евпраксия* — Е. Н. Вульф. *Анетка* — А. Н. Вульф. *«Онегин»* — I глава романа (см. примеч. 95), которой был предпослан «Разговор книгопродавца с поэтом». *Беседы* — «Conversations de lorde Byron» («Разговоры лорда Байрона»), Paris, 1824. *Записки* — уничтоженные в 1826 г. *Чухонка* — поэма Баратынского «Эда».

97. *Ваш брат* — Н. М. Рокотов.

98. *Письмо к Адеркасу* — см. письмо 92. *Потоп* — стихийное бедствие (наводнение) в Петербурге 7 ноября 1824 г.; далее названо *«александрийским пожаром»* (гибель величайшей в древности библи-

отеки). *Жаль «Цветов»* — выход «Северных цветов» задержался в связи с наводнением. *Тетка* — Анна Львовна Пушкина, сестра Сергея Львовича. *«Разговор»* — «Разговор книгопродавца с поэтом». *Анна Николаевна* — Вульф. *Прасковья Александровна* — Осипова. *Письма в Лубны* — к А. П. Керн. *Евпраксия* — Е. Н. Вульф. *«Записки»* — см. примеч. 96. *«Кларисса»* — роман Ричардсона «Кларисса Гарлоу». *«что моя рукопись...»* — см. письма и примеч. 91, 118. *Вера Федоровна* — Вяземская. *Картинка у Онегина* — ср. примеч. 95. *Полярные господа* — К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев, издатели альманаха «Полярная звезда». *Кюхля* — В. К. Кюхельбекер. *Чухонка* — см. примеч. 96. *Ивелич* — Е. М., знакомая (не *кузина)* Пушкина. *Колосова* — А. М., актриса. *Сабуров* — см. примеч. 94.

99. *Тревога* — см. письма 92, 93, 94. *Строчка глупого письма* — см. письмо 73. *Гречанка* — ср. письмо 88. *Письмо Вяземского* — от 6 ноября 1824 г.

100. *Ольдекоп* — см. примеч. 82. *Принужден был...* — в эти дни Пушкин писал «Подражания Корану»; отсюда — сравнение себя с Магометом (бегство), рукописи — *с Кораном,* читателей — с *правоверными. Тетка* — см. примеч. 98. *Резвушка* — прозвище героини одноименной («Fretillon») песенки Беранже.

101. *«Демон»* был напечатан в «Мнемозине» Кюхельбекера (1824, ч. III). *Море* — стихотворение «К морю». *«Разговор»* — «Разговор книгопродавца с поэтом». *«Мои двоюродные внуки...»* — измененный стих Лафонтена («Старик и трое молодых»). *«Закрытие феатра...»* — в связи с наводнением в Петербурге (см. примеч. 98). *«Инвалид»* — «Русский инвалид». *Панаев* — В. И., мелкий поэт; писал идиллии. *«Эда»* — поэма Баратынского. *Шаликов* (см. примеч. 52) напечатал чувствительное послание «К В. Л. Пушкину. На кончину его сестры». *Троегорские приятельницы* — А. Н. и Е. Н. Вульф (дочери П. А. Осиповой) и А. И. Осипова (ее падчерица). *«Онегин»* — печатавшаяся 1-я глава романа. *«Старина»* — альманах декабриста А. О. Корниловича «Русская старина». *«Торопи Дельвига...»* — Выход его альманаха «Северные цветы» задержался в связи с наводнением. *Козлов* — И. И., поэт.

102. *Кузина* Керн — Анна Н. Вульф. *Славны Лубны...* — А. П. Керн жила в г. Лубны Полтавской губ. *Чухонка* — «Эда, финляндская повесть». *Порфирий* — брат Родзянки.

103. *Саранча* — см. примеч. 74. *Няня* — Арина Родионовна. *Графиня Гурьева* — см. примеч. 90.

104. *Вульф* — Алексей Н. *Святочная песенка* — неизвестна. *Тригорские* — дочери П. А. Осиповой. *Календари* — сборники, альманахи, месяцесловы и пр. *Речь* А. С. Шишкова, произнесенная в собрании членов Главного правления училищ, оканчивалась заявлением о вреде грамотности для народа (была напечатана в «СПб. ведомостях», 1824, 16 дек.). *Станем трактовать...* — Далее перечисляются условные термины плана побега Пушкина за границу. *«От усыпителя...»* — слова из «Уединения» Пушкина. *Письмо мое* — см. письмо 98.

105. *Дельвиг* собирался приехать к Пушкину в Михайловское. *«Цветы»* — «Северные цветы». *«Эда»* — поэма Баратынского. *Лайон* — Лев.

105 а. В тексте записки Пушкин перефразирует известные строки из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве»: «От любви смерть мне сулят, прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза». Или «Прекрасные ваши глаза от любви мне сулят, прекрасная маркиза, смерть» и т. д.

106. *Пущин* — см. примеч. 58. *Отрывок из «Цыган»* — для напечатания в *«Полярной* звезде». *«Войнаровский»* — поэма Рылеева. *«Неистовый Орланд»* — поэма Ариосто. *«Гудибрас»* — поэма Бутлера. *«Девственница»* — поэма Вольтера. *«Вер-Вер»* — поэма Грессе. *«Ренике Фукс»* — «Рейнеке-Лис», средневековая сатирическая поэма, обработанная Гёте. *«Душенька»* — поэма И. Ф. Богдановича. *Статья Плетнева* — «Письмо к графине С. И. С.» («Северные цветы на 1825 год»); Бестужев критиковал его в указанном письме к Пушкину.

107. *«получил ли. . . письмо...»* — письмо 100. *«Цветы»* — «Северные цветы на 1825 год». *«Черта местности»* — стихотворение Вяземского. *Руссо* — Ж.-Б. *«Инвалид»* — «Русский инвалид». *«Телеграф»* — только что основанный «Московский телеграф», где была напечатана «Телега жизни» и 7 стихов из стихотворения «К морю». *Кюхля* — В. К. Кюхельбекер. *Ольдекоп* — см. примеч. 82. *Красовский* — цензор. *Статья Плетнева* — см. примеч. 106. *Статья Бестужева* — «Русская антология. . . Бауринга», направленная против влияния немецкой литературы («Литературные листки», 1824, № XIX—XX). *Фита* — Ф. Н. Глинка.

108. *Княгиня* — Вяземская, давшая в Одессе взаймы Пушкину 600 р. А. П. *Савелов* (должник Пушкина) не отдал ей их, как было условлено. *Чацкий* — здесь «Горе от ума». *«Телеграф»* — «Московский телеграф». *Хвостов* — Д. И., написал «Послание к NN о наводнении». *Василий Львович* — Пушкин. *Иванчин-Писарев* — Н. Д., мелкий писатель. *Филимонов* — В. С., литератор. *Объявление его* — в «Русском инвалиде» об издании «Искусства жить».

109. *«Пожури моего брата...»* — Лев Сергеевич повсюду читал поэму «Цыганы» еще до того, как она была издана. *Слушал Чацкого* — чтение списка «Горя от ума», привезенного Пущиным (см. примеч. 58). *Клеон Жеронт* и *Хлоя* — персонажи комедии Грессе «Le Méchant» («Злоязычный»). *«Олег»* — «Песнь о вещем Олеге» («Северные цветы на 1825 год»). *«твоя критика на Бауринга...»* — см. примеч. 107.

110. *Граббе* — П. Х., полковник, уволенный в отставку за прямоту и горячность. *Заветных* — нецензурных.

111. *Беседы Байрона* — см. примеч. 96. *Бертран и Монтолон* — Авторами «Записок» о пребывании Наполеона на острове св. Елены были Гурго и Монтолон. *Коншин* — Н. М., посредственный поэт; здесь — В. И. Туманский. *«Палей»* — поэма Рылеева; осталась незаконченной. *«Плетнев. . . повредил...»* — в его статье «Письмо к гра-

фине С. И. С.» (см. примеч. 106) был помещен восторженный отзыв об опальном Баратынском. *«И скоро ль...»* — цитата из «Громобоя» Жуковского. *«Записки»* — сожженные Пушкиным. *Новая поэма Рылеева* — «Палей».

112. *«Онегин»* — 1-я глава романа. *«Телега»* — «Телега жизни» (см. примеч. 107). *Чувствую необходимость* — издания собственного журнала. Эта мысль, осуществившаяся только в 1836 г. («Современник»), долго занимала Пушкина (ср. письма 153, 175, 185, 195). *Издание Фонвизина* — задуманная Вяземским биография Фонвизина.

113. *Песни греческие* — сборник переведенных Гнедичем «Простонародных песен нынешних греков» (1825). *Ваш Гомер* — перевод «Илиады». *«История народа принадлежит поэту»* — измененные слова из «Истории...» Карамзина: «История народа принадлежит царю».

114. *Объявление* — в «Северной пчеле», 1825, № 23 о выходе в свет главы I «Евгения Онегина». *Сабуров* — см. примеч. 94. *«друзья. . . зарежут»* — распространением еще не опубликованных произведений Пушкина. *Воейков* (см. примеч. 15) напечатал стихотворение Пушкина «Земля и море» (из Мосха), не упомянув Мосха, и стихотворение «Прозерпина», не упомянув Парни («Новости литературы», 1825, № 1). *Бион* — друг Мосха; здесь имеется в виду Воейков. *«Старина»* и *«Талия»* — «Русская старина» и «Русская Талия» (1825). *Письмо* — к издателю «Невского альманаха» Е. В. Аладьину, анонсировавшему участие Пушкина в альманахе (не сохранилось). *Слепой поп* — Г. А. Пакатский; в 1825 г. издал «Книгу премудрости Иисуса, сына Сирахова».

115. *Послал это* — возможно, несколько отдельных стихотворений из «Подражаний Корану». *Сухое объявление* «Северной пчелы» — см. примеч. 114.

116. *Моя рукопись* — рукопись Пушкина, принадлежавшая Всеволожскому (см. письма 91, 118). *Беседы* — см. примеч. 96. *Сен-Флоран* — книгопродавец. *Новое издание* — «Собрания новых русских стихотворений...» Их было несколько (1822—1824). *«Каченовский восстал...»* — в «Вестнике Европы», 1825, № 3 напечатана заметка с бранными выпадами против «Черной шали» и «Кавказского пленника». *Ересь* — журнальная полемика 1824—25 гг. *Анна Николаевна* — Вульф. *Анна Ивановна Вульф* — племянница П. А. Осиповой. *Гнедича песни* — переведенные Гнедичем «Простонародные песни нынешних греков».

117. Ср. письмо 116. *Женится* — Всеволожский женился на княжне В. П. Хованской. *Закревский* — А. А., генерал-губернатор Финляндии, покровительствовавший опальному Баратынскому.

118. *Рукопись* — «тетрадь Всеволожского» (ср. письма 34, 91, 98, 116), положенная в основу собрания стихотворений Пушкина 1826 г. (ср. письма 121, 127, 128, 132, 136). *Издание Батюшкова* — «Опыты в стихах и прозе...», 1817. *«Он мнил...»* — из стихотворения Жуковского «Мотылек и цветы». *Толстой* — Ф. П., выдающийся художник (медальер, скульптор, живописец). *Уткин* — Н. И., гравер.

«Иною прелестью пленяется...» — из названного стихотворения Жуковского. *Добрые критики Плетнева* — его «Письмо к графине С. И. С.» (см. примеч. 106).

119. *«Войнаровский»* — поэма Рылеева. *Спор* Боульса с Байроном — о сравнительной ценности предметов изображения в искусстве. *Хочется в ротмистра* — Бестужев служил в чине штабс-капитана.

120. *Несчастие* — смерть сына Вяземских Николая и болезнь П. А. Вяземского. *«Онегин»* — 1-я глава романа. *Пущин* — см. примеч. 58.

121. *Бабушкин кот* — Аристарх (не Трифон) Фалелеич Мурлыкин, герой повести Антония Погорельского (псевдоним А. А. Перовского) «Лафертовская маковница». *Чтеньебесие* — Л. С. Пушкин повсюду читал еще не изданные произведения Пушкина. *«Получил ли. . . стихотворенья»* — см. письмо и примеч. 118. *Предисловие* к сборнику стихотворений было написано от имени издателей; настоящее письмо Пушкина легло в его основу. *«Бахчисарайский фонтан»* — имеется в виду предисловие Вяземского к изданию поэмы 1824 г. *«Телеграф»* — «Московский телеграф» Н. А. Полевого. *Дельвига нет* — Пушкин ждал его в Михайловское. *Воейков* — см. примеч. 15. *Стихи Голицыной-Суворовой* — «Давно о ней воспоминанье...» *«Вчера был день...»* — стихотворение «Друзьям». *Море* — «Земля и море». *Записки о Державине* — см. т. VIII, стр. 48. *Стихи о дружбе* — «Дружба».

122. *Переписываю «Онегина»* — II главу романа. *Голицына* — Е. И. (см. примеч. 19). *Кюхельбекерский Державин...* — см. примеч. 34. *Полевой* — Н. А.; его пародия на «Сельское кладбище» Жуковского («Книжная лавка») была напечатана в «Невском альманахе на 1825 год». *Бируков* — цензор. *Вымарал стихи* — задевающие Ф. И. Толстого-Американца, приятеля Вяземского. *Давыдов* — Д. В. *Мур* — Пушкин имеет в виду поэму Т. Мура «Лалла-Рук».

123. *«Онегин»* — II глава романа. *Получил я* — поэму К. Ф. Рылеева «Войнаровский» и его же «Думы» (изд. 1825 г.), пересланные И. И. Пущиным при письме его к Пушкину от 12 марта 1825 г. *Селивановский* — книгопродавец. Слух *о новой плутне* (ср. письмо 82) оказался ложным.

124. *Анна Николаевна* — Вульф. *«Полярная»* — альманах «Полярная звезда». О *Селивановском* и мнимой перепечатке *«Бахчисарайского фонтана»* см. примеч. 123. *Евпраксия* — Е. Н. Вульф. *Мадемуазель NN.* — А. Н. Вульф. *«Да будет стыдно...»* — слова из девиза английского ордена подвязки («Пусть будет стыдно тому, кто дурно об этом думает»). *Шкода* — прозвище Илариона Раевского, священника села Воронича.

125. Пушкин хотел добиться от Шишкова, как министра народного просвещения, поддержки в своем деле с Ольдекопом (см. письмо 82).

126. *Послание* Н. М. Языкова — «Не вовсе чуя бога света».

127. Пушкин просит прислать: «Записки» Фуше, «Курс драматической литературы» Шлегеля (во франц. переводе), «Дон-Жуан» Байрона. *Сен-Флоран* и *Слёнин* — книгопродавцы. *Барон* — А. А. Дельвиг. *Чигиринский староста* («Смерть Чигиринского старосты») — отрывок из поэмы Рылеева «Наливайко». *Предисловие* — к изданию стихотворений Пушкина (см. письмо 118); было написано от имени издателей. *«Пощечина»* Ф. И. Толстому (в послании «Чаадаеву») — см. примеч. 122. *Пасквиль* Толстого на Пушкина — эпиграмма «Сатиры нравственной язвительное жало...». *«толку в моей луне...»* — см. главу третью «Евгения Онегина» (строфы V, XX и XXI). *Сабуров* — см. примеч. 94. *Анна Николаевна, Анета* — Вульф.

128. См. письма 120, 122, 123.

129. *«Цветы»* — альманах «Северные цветы». *«Полярная»* — альманах «Полярная звезда».

130. Под предлогом лечения Пушкин рассчитывал уехать за границу (ср. письма 131, 139, 143, 147, 153, 166). Настоящее письмо не было передано Александру I. К царю обратилась Надежда Осиповна Пушкина, но получила отказ; Александр предложил Пушкину лечиться во Пскове.

131. *«Вот тебе... ответ»* — на письмо Жуковского от 15 — начала 20-х чисел апреля 1825 г. *Николай Михайлович* — Карамзин. *Пятистопные* — такими стихами Пушкин писал в это время «Бориса Годунова». Письмо *к Белому* (к Александру I) — письмо 130. *«Стихотворения»* Жуковского — изд. 1824 г. *«Водолаз»* — стихотворение Жуковского «Кубок» (перевод из Шиллера).

132. *Лже-Дмитриев* — М. А. Дмитриев, литератор, названный так в отличие от своего дяди И. И. Дмитриева. *Процесс* — полемика вокруг «Бахчисарайского фонтана». *Слепой поэт* — И. И. Козлов. *Повесть его* — «Чернец». *Послание* — «К другу В. А. Жуковскому». *«Конечно, бедный...»* — измененный стих И. И. Дмитриева («Воробей и зяблица»). *«Войнаровский»* — поэма К. Ф. Рылеева. *Замечания* Пушкина на «Войнаровского» не сохранились. *Последняя Жанлис* — «Записки о XVIII веке и о французской революции» «Paris, 1825). *Чайльд-Гарольд Ламартина* — 5-я песнь «Чайльд-Гарольда», написанная Ламартином. *«Старина»* — альманах декабриста А. О. Корниловича «Русская старина». *«Талия»* — альманах Булгарина «Русская Талия» (1825 г.) с отрывками комедии А. А. Шаховского *«Ворожея,* или Танцы духов» и комедий Н. И. Хмельницкого. *Анахарзис Клоц* — см. примеч 64; здесь имеется в виду Кюхельбекер, в послании к Грибоедову употребивший выражение *«резвоскачущая кровь». «Тиснуть. . . потонут»* — речь идет об издании стихотворений Пушкина (см. письмо 118). *«Сарское Село»* — «Воспоминания в Царском Селе».

133. *Замечания* Пушкина на поэму Рылеева «Войнаровский» не сохранились. Об ошибке в думе «Олег Вещий» см. письмо 41. *Исповедь* — отрывок из поэмы Рылеева «Наливайко».

135. *«Взгляд»* — статья Бестужева «Взгляд на русскую словесность...» («Полярная звезда на 1824 год»). *Критика Мерзлякова* —

см. примеч. 2. *Ода к Зубову* — «На возвращение графа Зубова из Персии» (впервые напечатана в 1804 г. в III ч. журнала «Друг просвещения»). *Карамзин* с 1803 г. получал пенсию 2000 р. в год: *Жуковский* с 1816 г.— 4000; *Крылов* с 1812 г.— 1500; *Гнедич* с 1825 г.— 3000. *Лучшая поэма Вольтера* — «Орлеанская девственница». *«О вспомни...»* — из оды «На возвращение графа Зубова...». *Послание к Александру* — «Императору Александру» (1814 г.). *«Турнир»* — повесть «Ревельский турнир». *Владимир* — герой повести «Измена». *Замечания...*— см. примеч. 133. *Жаловаться...*— в статье «Взгляд на старую и новую словесность...». *А. С. Шишков* был назначен министром народного просвещения.

136. *Бабушка Пушкина* — Варвара Васильевна Чичерина. *Петр Львович* — брат Сергея Львовича Пушкина. *«Разные стихотворения»* — подготовляемое к печати собрание стихотворений Пушкина (см. письмо 118). *Бируков* — цензор. *«Онегин»* — I глава романа (изд. 1825 г.). *«Русской грамоты не знал...»* — слова из «Эпитафии» И. И. Дмитриева. *В пяльцах* — «Борис Годунов». *Демьян и Фока* — «Демьянова уха» Крылова. *«История»* — Карамзина, работавшего над XII томом.

137. *Доволен ли...*— статьей Вяземского «Жуковский, Пушкин..» («Московский телеграф», 1825, № 4). *«В бореньях...»* — слова из послания Вяземского к Жуковскому. *Фосс* — И. Г., немецкий поэт, прославившийся переводами античных авторов. *«Былое сбудется опять...»* — из стихотворения Жуковского «Я музу юную бывало...». *Твое о «Чернеце»* — статья Вяземского о поэме И. И. Козлова «Чернец» («Московский телеграф», 1825, № 8). *«Войнаровский»* — поэма Рылеева. *Неелов* — С. А., поэт-сатирик, автор непристойных стихов; упомянутые стихи — в № 8 (1825) «Московского телеграфа». *Статья Шаликова* (см. примеч. 2) — послание «К А. С. Пушкину» («Дамский журнал», 1825, № 8) по поводу измененного впоследствии стиха в «Разговоре книгопродавца с поэтом» («Пускай их Шаликов поет»). *Твое о Байроне* — задуманная Вяземским статья о Байроне. *«Благодарю за Casimir»* — за присланные стихи Казимира Делавиня. *Полевой* — Н. А. *Ему случается завираться...*— Пушкин критикует статьи Полевого «О Полярной звезде на 1825 год» («Моск. телеграф», 1825, № 8 и «Прибавление к Моск. телегр.», № 5). *«Буово д'Антона»* — средневековая итальянская сказка. *«Влюбленный Орланд»* — поэма Боярдо.

138. *Предложения* — Н. А. Полевого, об участии в «Московском телеграфе». *Перемена министерства* — назначение А. С. Шишкова министром народного просвещения. *Красовский, Бируков* — цензоры. *Мор на Пушкиных* — ср. письма 98, 136. *«Господь бог»* — кощунственная песня Беранже. *Магницкий* — М. Л., мистик и обскурант. *Хвостова* — А. П., поэтесса, автор книги «Камни и ручеек». У В. Л. Пушкина — послание «К камину». *«Опасный сосед»* — его же поэма. *Алексей Михайлович* Пушкин — поэт, дальний родственник Пушкина. Подобно И. И. Дмитриеву, славился своими шутками над В. Л. Пушкиным. *«Пчела»* — «Северная пчела». «Журналь-

ным приятелям» — под таким заглавием Вяземский напечатал в «Московском телеграфе» эпиграмму Пушкина «Приятелям». Пушкин послал заметку об этой *«опечатке»* в «Северную пчелу». *На «Благонамеренного»* — на его издателя А. Е. Измайлова. *Фита* — Ф. Н. Глинка. Пушкин пародирует слог его «Псалмов».

139. Ср. примеч. 130. *Губернатор* — Б. А. Адеркас. *Всеволожский* — В. И. Всеволодов.

140. *Твой Байрон* — задуманная Вяземским статья о Байроне. *«Ты, чье истинное имя...»* — из послания Ламартина к Байрону. *Твои замечания* — статья Вяземского «О разборе трех статей, помещенных в Записках Наполеона, написанном Денисом Давыдовым» («Московский телеграф», 1825, № 12). *В «Онегине»* — в III главе романа. *Статья Пушкина* — «О г-же Сталь...» (в «Моск. телеграфе», № 12, за подп. «Ст. Ар.», т. е. «Старый Арзамасец». Об «Арзамасе» см. примеч. 2). *Всеволожский* — см. примеч. 139. *Романтическая трагедия* — «Борис Годунов». *«А. Шенье в темнице»* — стихотворение «Андрей Шенье».

141. *Козлов* — И. И., поэт. *Одна прелесть* — А. П. Керн. *«Венецианская ночь»* — стихотворение И. И. Козлова.

142. *«Не мила ей прелесть ночи»* — стихотворение И. И. Козлова «Венецианская ночь». *Алексей* — А. Н. Вульф. *Она* — А. П. Керн. *Проклятый приезд, проклятый отъезд* — А. П. Керн.

143. *Никита* — слуга Дельвига. *Петр Александрович* — Плетнев. *Письмо матери... зачем было заменять* — см. письмо и примеч. 130. *Невеста Дельвига* — С. М. Салтыкова, дочь М. А. Салтыкова, почетного члена «Арзамаса». *Прасковья Александровна* — Осипова.

144. *Наша встреча* — у Олениных, в 1819 г. *Ермолай Федорович* — муж А. П. Керн. *Вульф* — Алексей Н. *Анна Николаевна* — Вульф.

146. *Выкуп... рукописи* — см. письмо 118. *Заикин* — А. И., М. И. или И. И., один из братьев-книгопродавцев.

147. См. примеч. 130.

148. Ср. письмо 147. *Рокотов* — И. М., помещик, сосед Пушкина.

149. *Ваш брат* — А. Н. Раевский. *Соседка* — П. А. Осипова. *Старушка няня* — Арина Родионовна. *Моя трагедия* — «Борис Годунов». *Филоктет* — герой трагедии Лагарпа «Филоктет». *Озлобленный у Байрона* — Дж. Лоредано, герой драмы «Двое Фоскари»; *«он заплатил»* — его реплика.

150. *Малютка* — двухлетняя Е. И. Осипова, дочь Осиповой.

151. *«Я писал князю Вяземскому...»* — см. письмо 138.

152. *Анна Богдановна* — экономка Осиповой. *Керн* — Е. Ф., муж А. П. Керн.

153. *«Я из Михайловского не тронусь...»* — намек на неудавшиеся планы уехать в Дерпт и за границу (ср. примеч. 130). *Твой Байрон* — см. примеч. 140. *Покойного поэта Вяземского* — намек на то, что Вяземский перестал писать стихи. *«Что нужды...»* — первый стих эпиграммы Вяземского на П. П. Свиньина, напечатавшего в 1818 г. посвященную Аракчееву «Поездку в Грузино». *«Я не по-*

эт...» — стих из этой эпиграммы, почти совпадающий со стихом Рылеева «Я не поэт, а гражданин» («Войнаровский»). 8-й стих — «И лучше в Грузино пойду путем доходным» (Грузино — имение Аракчеева и центр военных поселений, см. примеч. 9). *Жуковский* хлопотал о лечении аневризма Пушкина (ср. примеч. 130). *Кюхельбекер* безуспешно пытался устроиться на службу. *Разбор Кюхельбекера* — поэмы С. А. Ширинского-Шихматова «Петр Великий». *Антикритика Полевого* — заметка «К читателям Телеграфа», вызванная полемикой с «Северной пчелой». *Разбор «Новой пиитики...»* — статья Вяземского «Жуковский. Пушкин. Новая пиитика басен». *«Когда-то мы возьмемся за журнал...»* — см. примеч. 112. *«Смотри хоть за Полевым»* — Вяземский принимал деятельное участие в новом журнале Н. А. Полевого «Московский телеграф».

154. *Малютка* — см. примеч. 150. *Слухи* — см. письмо 152. *Пещуров* — А. Н., опочецкий предводитель дворянства. *Двоюродный дедушка* — Петр Абрамович Ганнибал.

155. О мошенничестве *Савелова* см. примеч. 108. *Лучич* — Ф. А., купец. *Мойер* — см. письмо 147. *«Девушка влюбленному поэту»* — стихотворение Туманского. *Варвара Дмитриевна* и *Александр Иванович* — Казначеевы.

156. *Нетти* — А. И. Вульф, племянница П. А. Осиповой. *Кузина* — Анна Н. Вульф. *Кузен* — Алексей Н. Вульф.

157. *«что со мной произошло...»* — см. примеч. 130.

158. *Шишков* — А. С. *Глинка* — С. Н., поэт-архаист. *Няня Василиса* — из комедии И. Крылова «Урок дочкам». *«Водопад»* — стихотворение Вяземского «Нарвский водопад». *«Нежданных гостей»* (речь идет о перемене стиха в «Черной шали» Пушкина) — см. письмо Вяземского к Пушкину от 4 авг. 1825 г.

159. *«Отче, в руце твои...»* — см. примеч. 19. Об *аневризме* Пушкина см. примеч. 130. *Пещуров* — см. примеч. 93. *Кюхельбекерно* — см. примеч. 30. *Трагедия моя* — «Борис Годунов». *Два последние тома* — X и XI тт. «Истории...». *«Писал я...»* — письмо Пушкина к Н. Н. Раевскому-сыну не сохранилось. *Железный* (или Большой) *колпак* — юродивый XVI века. *Перовский* — В. А. (1795—1857). Его письма из Италии, с описанием Везувия, Геркуланума и Помпеи, были частично опубликованы Жуковским в «Северных цветах на 1825 год».

160. *Двоюродный братец* — А. Н. Вульф. *Анета* — Анна Н. Вульф.

161. *«Прилагаю письмо...»* — письмо 162. *Ваша кузина* — Анна Н. Вульф. *Нетти* — см. примеч. 156.

162. Это письмо, адресованное Осиповой, предназначалось для Керн; см. письмо 168. *«Да будет стыдно...»* — см. примеч. 124. *Переписка* — с А. П. Керн. *Ваша племянница* — А. П. Керн. *Ваш сын* — А. Н. Вульф. *Рокотов* — И. М. *Ермолай Федорович* — Керн. *Нетти* — см. примеч. 156.

163. *Не понимает* — имеется в виду письмо 135. *Наш приятель* — Александр I. *Хвостов* — Д. И.; сам скупал свои нерасходившиеся произведения.

164. *Сочинения, цензор, наборщик, коляска* — условные термины для плана побега Пушкина за границу. *«послали мою коляску к Мойеру...»* — см. письмо 147. *«Подите прочь»* — эротическая элегия Языкова «Хлоя», начинающаяся словами «Поди ты прочь» (Пушкин цитирует неточно).

165. *Твое письмо* — от 9 мая 1825 г. *«Увы...»* — неточная цитата из Горация (Hor. carm. II, 14, 1—2). Царевна *София Алексеевна,* по преданию, писала пьесы для дворцового театра; Пушкин мог прочитать об этом в «Опыте краткой истории русской литературы» Греча. *Твое 3-е действие* — отрывки из трагедии Катенина «Андромаха» в «Русской Талии» Булгарина. Там же был напечатан 1-й акт трагедии французского драматурга XVII в. Ж. Ротру «Венцеслав» в переделке (вольными стихами) А. А. Жандра. *По-гишпански не знаю* — Ротру переделал трагедию «Нельзя быть отцом короля» испанского поэта Рохаса. В России «Венцеслав» был запрещен к постановке. *Записки* — «Записки» Пушкина, уничтоженные в 1826 г. *«четыре песни... не до них»* — Пушкин был поглощен «Борисом Годуновым». К...— вероятно, Каверин. *Майор* — Денисевич, с которым Пушкин поссорился в театре зимой 1819—1820 гг.

166. *Федоров* — Б. М., бездарный литератор. *Пинский* — М. М. Карниолин-Пинский, сотрудник «Сына отечества». *Полевой*— Н. А. *«сам ищешь полудня...»* — буквальный перевод французской пословицы («делать невпопад»), употребленной Вяземским в письме от 28 августа 1825 г. *Милость царская* — разрешение лечить аневризм во Пскове (ср. примеч. 130). *Асмодей* — см. примеч. 2. *Приезд Мойера* — см. письмо 147. *«Водопад»* — см. письмо 158. *Железный колпак* — см. примеч. 159. *Цветной колпак* — «фригийский», «красный колпак» (революционный). *Моя трагедия* — «Борис Годунов». *Орлова* — Е. Н., жена М. Ф. Орлова, урожд. Раевская (дочь ген. Н. Н. Раевского). *X* и *XI тома* — «Истории» Карамзина. *Муханов*— А. А., автор статьи «Отрывки г-жи Сталь...», вызвавшей возражения Пушкина в его статье «О г-же Сталь...». *Адъютантом* ген. Н. Н. Раевского был брат А. А. Муханова, В. А. *Раевский* — ген. Н. Н.-старший (см. примеч. 13). *Антикритика Полевого* — см. примеч 153. *Горчаков* — кн. А. М., лицейский товарищ Пушкина; Пушкин встретился с ним у его дяди Пещурова.

167. Отослано не было.

168. *Не отсылайте* — письма № 162. *Кузен* — А. Н. Вульф. *Анета* — Анна Н. Вульф.

169. *Горчаков* — см. примеч. 166. *Моя комедия* — «Борис Годунов». Песня Земфиры из «Цыган» *(«Режь меня...»)* — с приложением нот *«дикого напева»* была напечатана в «Московском телеграфе» Н. А. Полевого, 1825, ч. VI. *Вьельгорский* — М. Ю., композитор-дилетант. *Милонов* — М. В., поэт-сатирик. В одной из своих сатир зло задел В. Л. Пушкина. Рассказывали, что В. Л. Пушкин жаловался знакомым, говоря: «А я его чаем поил!»

170. *Губернатор* — Б. А. Адеркас. *Руланд* — Г. Х. М. (1784—1837). *Мойер* — см. письма 147 и 166. *«Годунов»*—«Борис Годунов»,

171. Ср. письмо 164. *Анна Петровна* — Керн. *Подражание Языкову* — элегии «Подите прочь...».

172. *Разбор...* — статья Вяземского «Жуковский. Пушкин. Новая пиитика басен». *Жуковский говорит* — в письме к Пушкину от 2-й половины сентября 1825. *Упрятать... ушей* — ср. письмо 166. *«Ты уморительно критикуешь...»* — в письме к Пушкину от 16—18 октября 1825 г. *«Молчи, то знаю...»* — из басни Крылова «Совет мышей». *Я назвал его...* — в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова». *«См. господина Карамзина»* — «Историю» Н. М. Карамзина. *Орлов* — Г. В., издал французский и итальянский переводы басен Крылова с предисловием Лемонте. *Губернатор* — Б. А. Адеркас.

173. *Эристов* — Д. А., младший товарищ Пушкина по лицею; в лицей поступил из Полоцкой иезуитской коллегии. *Куплеты* его не сохранились. *Том «Разных стихотворений»* — «Стихотворения» Пушкина (вышли в 1826 г.). *Возьми себе* — для «Северных цветов на 1826 г.». О будущих *жене* и *тесте* Дельвига см. примеч. 143.

174. *Савелов* — см. письмо 108. *Предисловие Лемонте* — см. примеч. 172. *Твоя статья* — «Нью-Стидское аббатство»; в предисловии к ней Вяземский писал об уничтожении Т. Муром «Записок» Байрона («Московский телеграф», 1825, № 20, подп. «В»). *Уличили Руссо* — Ж.-Ж. Руссо, в его «Исповеди». *«Лалла-Рук»* — поэма Мура.

175. *«поговори там...»* — о предполагавшемся журнале Вяземского (ср. примеч. 112). *Голиковская проза* — «Деяния Петра Великого» И. И. Голиков, в 30-ти томах (1790—1797). *О горцах* — «Отрывки о Кавказе», за подписью «А. Я.» («Северная пчела», 1825, № 138). *Якубович* — А. Я., декабрист. В 1817 г. участвовал в дуэли А. П. Завадовского с В. В. Шереметевым (вторым секундантом был Грибоедов). Через год на дуэли с Грибоедовым прострелил ему руку. *Поэма моя* — «Кавказский пленник». *Я написал трагедию* — «Борис Годунов». *«Духи»* — «Шекспировы духи...» Кюхельбекера. *Кюхельбекер врет* — имеется в виду статья «О направлении нашей поэзии...». *Коцебятина* — сентиментально-морализующие драмы А. Ф. Коцебу. *Планщик Рылеев . . . план без стихов* — Рылеев сообщил Пушкину (12 февраля 1825 г.) о составлении плана поэмы «Хмельницкий», которая так и не была написана. *Платов* — М. И., атаман донских казаков.

176. *Ты приказывал* — в письме от 16—18 окт. 1825 г. *Для какого-то альманаха* — «Урания на 1826 год».

177. *Письмо твое* — от 24 ноября 1825 г. В 1822 г. Катенин был выслан из Петербурга, в 1825 г. получил разрешение вернуться. *«Андромаха»* — трагедия Катенина. *Радуюсь восшествию...* — Пушкин еще не знал о междуцарствии. *Барклай* — полководец М. Б. Барклай де Толли. *Каратыгин* — В. А., актер; Катенин одобрил его перевод трагедии Сорена «Бланка и Гискар».

178. Письмо не дошло до Кюхельбекера в связи с событиями 14 декабря. *Твоя комедия* — «Шекспировы духи». *Цертелев* — кн. Н. А., литератор; в статье «Новая школа словесности» («Благона-

намеренный», 1823) высмеивал поэтов-романтиков, преимущественно метя в Жуковского. *«Сир слово старое...»* (ср. в «Песне бедняка» Жуковского) и *«пас стада»* — цитаты из «Шекспировых духов». *Твой разбор* — см. письмо 153. *«Узнаешь ли ты кровь?»* — реплика Атрея из трагедии Кребильона «Атрей и Фиест» (см. примеч. 31); здесь намек на родство Пушкина с остроcловами Василием Львовичем и Алексеем Михайловичем Пушкиными.

179. Письмо написано после получения известия о смерти Александра I. *В оба уха* — см. письмо 178. *«Если брать...»* — измененный стих из басни Крылова «Вороненок». *«Андрей Шенье»* — стихотворение Пушкина. *Трагедия* — «Борис Годунов». *Борька* — Б. М. Федоров (см. примеч. 166). *Роман его* — «Князь Курбский». *Письма к юродивым* — к В. К. Кюхельбекеру (письмо 178) и А. Ф. Воейкову (см. примеч. 15). Последнее письмо не сохранилось. *Сентябрьская книжка* — журнала Воейкова «Новости литературы». *«Илья Муромец»* — «богатырская повесть» М. П. Загорского (1804—1824).

180. *Байрон...* — Керн, по просьбе Пушкина, прислала ему сочинения Байрона. *Гюльнара* и *Леила* — героини «Корсара» и «Гяура». *Перемена* — смерть Александра I.

181. *«Стихотворения Александра Пушкина»* — первый сборник стихотворений Пушкина, печатавшийся под наблюдением Плетнева; вышел в свет 30 дек. 1825 г. *«вы полагаете меня в Нерчинске»* — за близость к декабристам. *Две строчки* — в письме 73.

182. *Раевский* — А. Н.; был арестован 29 декабря и вскоре освобожден.

183. *Оба Раевские* — А. Н. и Н. Н.-младший. *Майор Раевский* — В. Ф. *Генерал Пущин* — П. С., участник войны 1812 г. Был членом «Союза благоденствия». *Орлов* — М. Ф. (см. примеч. 14). *Стихи на смерть Александра* — стихотворение Жуковского «Хор девиц Екатерининского института...», где Александру I посвящено две строфы.

184. *Две строчки* — в письме 73. *Ты взял 2000* — у Плетнева, из денег Пушкина.

185. *Стихи о Колосовой* — «Кто мне пришлет ее портрет...» (послание «Катенину»). *Альманах* — задуманный Катениным и Н. А. Бахтиным. *«не затеять ли нам журнала...»* — см. примеч. 112.

186. *«Ио, Гимен...»* — слова из брачной песни Катулла. *Баронесса Дельвиг* — см. примеч. 143. *Радуюсь. . .* — что Кюхельбекер не был членом тайного общества Соединенных славян (однако он был членом Северного общества с начала декабря 1825 г.). *Поведение великого князя...* — Михаил Павлович, в которого Кюхельбекер стрелял, ходатайствовал о сохранении ему жизни. *Пущин* — И. И. (см. примеч. 58). *Писал Жуковскому* — см. письмо 183. *Прасковья Александровна* — Осипова. *Эда, гусар* — герои поэмы Баратынского «Эда». *Слепушкин* — Ф. Н., крестьянский поэт. *«Цветы»* — альманах «Северные цветы на 1826 год» (возможно, выход его задержался в связи с декабрьскими событиями).

187. *Поэма Баратынского* — «Эда». *Ваша дочь* — Анна Н. Вульф. *Петти* — см. примеч. 156.

188. *Страшно вдвое* — в ожидании известий об участи декабристов и о состоянии здоровья Карамзина. *«Реку в сердце...»* — измененный 1-й стих 13-го псалма Давида. *«Борис»* — «Борис Годунов». *Сле-Пушкин* — Ф. Н. Слепушкин (см. примеч. 186). *Академический четвертак* — жетон, получаемый за каждое заседание членами Российской Академии. *Деловые письма* — письма 181, 183, 184.

189. Письмо предназначено для представления Николаю I. *Воронцов* — М. С., новороссийский генерал-губернатор. *Сослать в деревню. . .* — см. примеч. к письму 73.

190. *Заикин* — книгопродавец. *«кровь портится...»* — Л. С. Пушкин распространял еще не напечатанных «Цыган». *Повесть вроде «Верро» (Байрона)* — «Граф Нулин». *Письмо к Жуковскому* — письмо 189. *Какого вам «Бориса»* — Жуковский через Плетнева просил Пушкина прислать ему «Бориса Годунова» для лекций вел. княгине Елене Павловне. *Сдери долг* — см. письмо 184.

191. *Цицианов* — Ф. И. (1801—1832). *Портрет* Пушкина — неизвестен.

192. *Девушка* — О. М. Калашникова, крепостная Пушкина. *Послание... о попе* — «К кн. Вяземскому», 1814 (с просьбой помочь семье священника). *Остафьево* — подмосковное имение Вяземского.

193. *Филистер* — ошибка Пушкина (ср. в вариантах «Евгения Онегина» слова о Ленском: «В душе филистер геттингенский»). Вульф был студентом («буршем») в Дерпте. *Вдохновенный* — поэт Н. М. Языков, товарищ Вульфа по Дерптскому университету. *Анна Николаевна* — Вульф. *Анна Петровна* — Керн. *Ермолай Федорович* — муж А. П. Керн. *Синск* — станция по дороге из Михайловского во Псков.

194. *Судьба не перестает* — ср. письмо 120. Весной 1826 г. у Вяземского умер другой сын. *Не ведает бо, что творит* — Евангелие, гл. 23, стр. 34. *Эда* — героиня поэмы Баратынского «Эда», обольщенная офицером; здесь — О. М. Калашникова (см. письмо 192). *Стансы Ольге* — стихи Вяземского, посвященные О. С. Пушкиной. В них восторженно упоминается Пушкин. *Мое упрямство* — подразумевается гордость Пушкина участью гонимого (ср. письмо 166). Стихотворение Вяземского «К мнимой счастливице» и отрывок из его водевиля «Семь пятниц на неделе» был напечатаны в «Северных цветах на 1826 год». *Баратынский* женился на А. Л. Энгельгардт (10 мая 1826 г.).

195. *«Ты прав...»* — из «Послания к И. М. Муравьеву» Батюшкова. Пушкин соглашается с советом Вяземского (см. письмо Вяземского от 10 мая 1826 г.) относительно судьбы О. М. Калашниковой (о ней см. письма 192, 194). *«Пора бы нам отослать...»* — основать свой журнал, в противовес «Северной пчеле» Булгарина, «Благонамеренному» Измайлова и «Московскому телеграфу» Полевого. *Лансело* — Ж.-А. Ансело. *Василий Львович* — Пушкин. *Милорадович* — М. А., петербургский генерал-губернатор. *«И спросишь*

с милою...» — пародия на стихотворение И. И. Дмитриева «К Маше». *Карамзин* собирался за границу, но умер 22 мая 1826 г.; Пушкин еще не знал об этом.

196. *Назимову* Пушкин проиграл 500 р.

197. *Суждение касательно афеизма* — в письме 73. *Об аневризме* Пушкина см. письма 130, 131, 139, 143, 147, 153, 166. Подписка дана в связи со следствием по делу декабристов. См. письма 181, 183, 184, 189.

198. *Моя эпиграмма...* — Известны две эпиграммы Пушкина на Карамзина: «В его истории изящность, простота...» и «Послушайте, я сказку вам начну...». *13-й том* — Карамзин кончил свою «Историю» на 12-м томе. *Ф. Гальяни* — автор «Неизданной переписки..» (Paris, 1818), где прокламируется искусство «сказать всё и не попасть в Бастилию в стране, где запрещено говорить всё». *«Я писал тебе»* — см. письмо 195. *«писал царю»* — см. письмо 197. *Катерина Андреевна* — вдова Карамзина.

199. *Благодарю за стихи* — «К морю», присланные Вяземским в письме от 13 июля 1826 г. (день казни пяти декабристов). *Н. И. Тургенев* в момент восстания был в Лондоне; осужденный заочно, остался там навсегда. Между тем разнесся слух о том, что он насильственно привезен в Россию. *Повешенные повешены* — 24 июля Пушкин узнал о казни пяти декабристов. *Записки* Пушкина — незадолго перед тем уничтоженные. *«находишь письмо мое холодным...»* — письмо к Николаю I (197).

200. *Мой внезапный отъезд...* — в ночь с 3 на 4 сентября в Москву, по требованию Николая I. *Дибич* — И. И., начальник генерального штаба.

201. *Празднества* — по случаю коронации. *Графиня Орлова* — А. А. Орлова-Чесменская, камер-фрейлина. *Обе м-ль Анеты* — А. Н. и А. И. Вульф.

202. В 1814 г. Измайлов редактировал «Вестник Европы», где впервые Пушкин напечатал свое стихотворение («К другу стихотворцу»). *Не мог отвечать* — на письма Измайлова от 19 мая и 29 сентября 1826 г. *Василий Львович* — Пушкин. *Ваш альманах* — «Литературный музеум на 1827 год». Стихи не были присланы.

203. *«Годунов»* — «Борис Годунов».

204. *Хомяковы* — А. С., поэт, будущий славянофил, и его брат Ф. С.

205. *«со смертью в сердце»* — Пушкин сватался к сестре жены Зубкова, Софье Федоровне Пушкиной, и она отказала ему.

206. *Мое путешествие* — из Москвы в Петербург и затем в Михайловское. *S. P.* — С. Ф. Пушкина (см. примеч. 205). *Другая* — А. Н. Вульф. *Мои соседи* — семейство П. А. Осиповой. *Моя тетушка* — Анна Львовна Пушкина.

207. *«бранил тебя немилосердно...»* — см. письмо 208. *Жил да был петух индейский...* — стихотворение Соболевского и Баратынского «Цапли».

208. *Письмо мое* — письмо 206. *Она велела* — С. Ф. Пушкина (см. примеч. 205). *Журнал* — «Московский вестник», начавший выходить с 1827 г. *Полевой* — Н. А. *Сушков* — Н. В., приятель Грибоедова. *Завальевский* — Н. С., одесский знакомый Пушкина. *Известия о смерти Румянцева...* — «Некрология...» («Московский телеграф», 1826, ч. VII, № 3). *Княгиня Ветрана* — В. Ф. Вяземская. *Запретная Роза* — кн. Е. П. Лобанова-Ростовская; ей посвящено стихотворение Вяземского под таким же названием. *Тимашева* — Е. А. (1798—1881). В обстоятельствах личной жизни обеих были сходные черты. *Листы о Карамзине* — отрывок из уничтоженных Пушкиным «Записок» (см. т. VIII, стр. 49). *Дмитриев* — Вяземский написал статью «Жизнь Дмитриева». *Стихи Языкова* — «Тригорское», посвященные П. А. Осиповой. *Если уж завидовать...* — По свидетельству Вяземского, он однажды упрекнул Пушкина в зависти к Дмитриеву.

209. «Тригорское» — см. примеч. 208. *Цензурный устав* — новый, очень жесткий; опубликован в начале сентября 1826 г. *Мои стихи* — «К Языкову» («Языков, кто тебе внушил...»). *Первое послание* — «К Языкову» («Издревле сладостный союз...»).

210. *Воля высшего начальства* — см. письмо 211. *Договор наш* — об участии в «Московском вестнике».

211. Первое письмо Бенкендорфа — от 30 сентября 1826 г.; Пушкин на него не ответил. Ответом на второе, с выговором, является настоящее письмо. Бенкендорф сообщал Пушкину о запрещении печатать что-либо, не представляя Николаю I, *«читал свою трагедию»* — «Бориса Годунова».

212. *«Приди, о друг...»* — из вступления Жуковского к «Двенадцати спящим девам». *Еврейка* — М. Е. Эйхфельдт· *Калипсо* — Полихрони, гречанка (ср. письмо 46). *Соловкина* — Е. Ф., кишиневская знакомая Пушкина. *Пущин* — П. С. (см. примеч. 183). *Варфоломей* — кишиневский знакомый Пушкина. *«Надежды нет...»* — перефразировка стиха из сказки Пушкина «Царь Никита». *Липранди* — И. П., кишиневский приятель Пушкина. Был привлечен по делу декабристов и, подобно Пушкину, отправлен в столицу с фельдъегерем. Вскоре был освобожден и награжден деньгами. Ср. примеч. 24.

213. *«Меня доезжают...»* — см. примеч. 211. *Презренная проза* — по заказу Николая I («О народном воспитании»). *Сушков* — см. примеч. 208. *Киселев* — см. примеч. 56.

214. *Софи* — С. Ф. Пушкина (см. примеч. 205). *Панин* — В. А. (впоследствии — муж С. Ф. Пушкиной). *Бирюза* — Что имеется в виду, не установлено. *Самойлов* — Н. А.; добился развода с изменявшей ему женой.

215. *Представить выше* — Николаю I. *Вымыли голову* — см. примеч. 211. *Писал Погодину* — в письме 210. *Письмо Зубкову* — письмо 214.

217. *Певцу того и другого* — имеются в виду стихотворения Языкова «Тригорское» и «Новгородская песня». О «Московском

вестнике» см. примеч. 220. *«Телеграф»* — «Московский телеграф».

218. *Письмо* Бенкендорфа — от 14 декабря 1826 г. *Драматическая поэма* — «Борис Годунов». Николай I советовал переделать трагедию в роман «наподобие Вальтер Скотта». Это мнение было основано на замечаниях Булгарина, о чем Пушкин не знал.

219. *Янтарь* — вероятно, мундштук для трубки. *Зубков* собирался в свое имение. *Наша съезжая* — квартира Соболевского, у которого жил Пушкин (в Москве, на Собачьей площадке).

220. *Погодин* был официальным редактором «Московского вестника», который Пушкин хотел сделать органом своей литературной группы и привлечь к участию в нем Вяземского, Плетнева, Жуковского (ср. письмо 222). *«имя, звук пустой»* — измененная автоцитата из стихотворения «Андрей Шенье». *«Одесса»* — отрывок из «Путешествия Онегина».

221. *Дядя* Пушкина — В. Л. Пушкин. *Яр* — московский ресторатор.

222. *«Цыганы»* были представлены на просмотр Бенкендорфу. *Пеняешь* (в не дошедшем до нас письме) — за участие в «Московском вестнике», органе любомудров (ср. примеч. 220). *«веревка вещь. . . не стану я терять»* — измененные стихи из басни И. И. Хемницера «Метафизик» и намек на казнь декабристов. *Лев* — Лев Сергеевич Пушкин. *Андрие* — петербургский ресторатор. *Цветы цветочки* — альманах Дельвига «Северные цветы на 1827 год». *Плетнев... пишет* — в письме от 2 января 1827 г. Слов «мне страшно думать: это люди!» — там нет.

223. Ответ на письмо Бенкендорфа от 4 марта 1827 г.

224. Соломирский ревновал Пушкина к одной из княжен Урусовых. Настоящее письмо — вызов на дуэль вследствие происшедшей ссоры. Дуэль не состоялась.

225. *Черкешенка* — стихотворение Пушкина «Ответ Ф. Т.» («Нет, не черкешенка она...»), посвященное С. Ф. Пушкиной (о ней см. в примеч. 205). *К Языкову* — послание «Языков, кто тебе внушил...»

228. *Твой командир* — Н. Н. Раевский-младший, командовавший полком на Кавказе. *Корсакова* — см. примеч. 46. *Дочь ее* — А. А. Корсакова. *Война* — с Персией.

230. *Корректура* — II главы «Евгения Онегина», печатавшейся под наблюдением С. А. Соболевского. *Силлери* — сорт шампанского.

231. В ответ на это письмо Бенкендорф пригласил к себе Пушкина 6 июля. Речь шла о стихотворении «Андрей Шенье» (см. деловые бумаги 3 и 4).

232. *Горе Соболевского* — смерть матери. *«Цыганы»* вышли в свет вторым изданием в мае 1827 г. *Полторацкий* — С. Д.

234. О деле Пушкина с Е. И. *Ольдекопом* см. письмо 82.

235. *Стихотворения* — «Ангел», «Стансы» («В надежде славы и добра...»), «Евгений Онегин» (глава III), «Граф Нулин», «Отры-

вок из Фауста», «Песни о Стеньке Разине» (последние не были дозволены Николаем I к печати). *Записка о деле с Ольдекопом* — письмо 234.

236. *Обещанная элегия* — «Под небом голубым...», пересланная при настоящем письме. *Отрывок из «Онегина»* — строфы I—IV главы IV; были напечатаны не в «Северных цветах» Дельвига, а в «Московском вестнике», 1827, ч. V, № 20 (ср. письмо 237). *Отрывок из «Бориса»* — «Граница литовская». *«Московский вестник»* — см. примеч. 220. *Послание о черепе...* — стихотворение «Череп». *«принялся я за прозу»* — за «Арапа Петра Великого». *Вечер у Карамзина* — статья Булгарина «Встреча с Карамзиным...». *Няня* — Арина Родионовна.

237. При этом письме были посланы I—IV строфы IV главы «Евгения Онегина», не вошедшие в окончательный текст («В начале жизни мною правил...») — ср. примеч. 236. *Наш «Вестник»* — «Московский вестник» (см. примеч. 220). *«Фауст»* — «Сцена из Фауста». *Байбак* — С. А. Соболевский.

238. *«Фауст»* — «Сцена из Фауста». *Господин, который вопрошал* — И. М. Снегирев, цензор. Альманах *«Урания»* не был издан. *Европейский журнал* — «Московский вестник» (см. примеч. 220). *Телеграф* — журнал «Московский телеграф». *Индейская сказка* — «Переход через реку...» В. П. Титова. *Альманах издателя «Благонамеренного»* — «Календарь Муз» А. Е. Измайлова; Вяземский в статье об альманахах («Московский телеграф», 1827, ч. XIII, № 1) отозвался о нем презрительно. *Журнальный сыщик Сережа* — библиограф С. Д. Полторацкий. *Стансы к царю* — «В надежде славы и добра...». *«Песни...»* — «Песни о Стеньке Разине».

239. Приписка на письме Алексея Н. Вульфа и А. Н. Вульф. Шутливая подпись Пушкина вызвана замечанием Алексея Н. Вульфа об орехах — «кои для меня столь же вкусны, как для тебя пироги яблочные».

240. Ответ на письмо Бенкендорфа от 22 августа 1827 г. *Дело с Ольдекопом* — см. письма 82 и 234. Соображения Пушкина о правах литературной собственности были оставлены без внимания.

241. 2-е издание «Бахчисарайского фонтана» вышло в декабре 1827 г.

243. *Раевский* — Н. Н.-младший, под начальством которого служил Лев Сергеевич Пушкин.

244. *Анна Петровна* — Керн. *«Где „Онегина" 2-я часть?»* — II глава романа издавалась под наблюдением Соболевского. *Другие главы* — I, III—VI. *Живот, Калибан* (невоздержанный, чувственный дикарь из «Бури» Шекспира) — прозвища Соболевского. *Наши, они* — редакция «Московского вестника» (ср. примеч. 220). *Баронесса* — С. М. Дельвиг, жена поэта.

245. *Посылаю* — вероятно, стихотворение В. И. Туманского «Песенка». *«Голубые глаза»* — его же стихотворение, напечатанное в «Северных цветах на 1828 год» под названием «Прекрасным глазам». *Отрывок из «Онегина»* — строфы XXVII—XXX главы IV.

Стансы — «В надежде славы и добра...», недозволенные к печати. *«Москва»* — отрывки из VII главы «Евгения Онегина». *Калайдович* — К. Ф., археограф, историк и филолог. В письме от 3 ноября 1827 г. просил у Пушкина что-нибудь для своего «Русского зрителя». *Высший цензор* — Николай I, пожелавший сам быть цензором Пушкина.

246. *2-я глава* — см. примеч. 244. *Ольдекоппичаешь* — имеется в виду плутня Ольдекопа (см. письмо 82). *Воейковствуешь* — Воейков (см. примеч. 15) напечатал отрывки из произведений Пушкина в «Собрании новых русских стихотворений» (1826 г.). Аналогичное намерение Соболевского не было осуществлено. *Мерзляков* — см. примеч. 2. *Двое Пушкиных* — Василий Львович и сам поэт. *Подолинский* — А. И., поэт. *Полевой* — Н. А.

247. Дельвиг, служивший в Министерстве внутренних дел, был послан на следствие по делу о заготовке провианта для войск. *Свои Цветы* — «Северные цветы». *М-ль Евпраксия* — Е. Н. Вульф.

248. *Графиня* — младшая дочь Хитрово, Е. Ф. Тизенгаузен. *Арндт* — Н. Ф., известный врач.

249. *«вы покровительствуете . . . ваше замечание»* — по поводу IV и V глав «Евгения Онегина».

250. Написано на рукописи *слишком серьезной* заметки Погодина о перепечатке (с согласия Пушкина) в «Северной пчеле» отрывка из VII главы «Евгения Онегина» («Москва»). В «Московском вестнике», где Пушкин напечатал этот отрывок ранее, были допущены опечатки («Флимуш» вместо «Финмуш»; «Магазины моды» — с разделительной запятой и др.). Пушкин советует Погодину поместить только краткое примечание, подобное сделанному им ранее по адресу «Московского телеграфа» («Московский вестник», 1828, № 2). Последней строкой письма Пушкин отвечает на слова Погодина о том, что стихи были напечатаны, «как было в рукописи автора».

251. *Примечание Булгарина* — по поводу перепечатки отрывка из «Евгения Онегина» (см. примеч. 250). *О герой Шевырев!* — Шевырев напечатал в «Московском вестнике» критику сочинений Булгарина, вызвавшую резкий ответ последнего. *«Плюньте на суку...»* — перефразировка стиха Тредиаковского из его «Песенки» («Плюнь на суку морску скуку»). *Пришлю прозу* — проза Пушкина в «Московском вестнике» не появилась.

252. *Калибан* — см. примеч. 244. *Атенеический мудрец* — автор придирчивого разбора IV и V глав «Евгения Онегина» («Атеней», 1828, ч. I, № 4), за подписью «В». Ответ Пушкина см. в т. VII, стр. 54. *Зубарев* — Д. Е., третьестепенный литератор, критиковавший «Историю государства Российского» Карамзина. *Иван Савельич* — Сальников, шут кн. В. А. Хованского.

253. *Письмо* Бенкендорфа — от 5 марта 1829 г. *Снисходительное одобрение* — VI главы «Евгения Онегина» и стихотворения «Друзьям» («Нет, я не льстец...») Николаем I. *Будущее назначе-*

ние — в действующую армию (на Кавказ), куда безуспешно хотел попасть Пушкин (ср. письма 256, 257).

254. *Три последние песни* — IV, V и VI главы «Евгения Онегина»; вышли в 1828 г. *М-ль Евпраксия* — Е. Н. Вульф. *Зуево* — местное название Михайловского.

255. *Ваши стансы* — стихотворение «Узнал я тотчас по замашке...». *Моя шутка* — «Послание к В., сочинителю сатиры на игроков». *Личность и неприличность* — слова из эпиграммы Пушкина «Журналами обиженный жестоко...».

256. *Назначение* — см. примеч. 253.

257. *Желания* Пушкина — см. примеч. 253. Просьбу о разрешении на поездку в Париж Бенкендорф царю не передал. *Вновь издать* — «Кавказского пленника» и «Руслана и Людмилу» (обе поэмы вышли вторым изданием в 1828 г.).

258. Приписка на письме П. А. Вяземского. *Его сиятельство* — Вяземский. *В Саратовской степи* — в с. Мещерском. *Его сиятельство Павел* — восьмилетний сын Вяземских.

260. *Одобрение Гёте* — письмо его (на имя собирателя автографов Н. И. Борхарда) с одобрительным отзывом о русской литературе и, в частности, о разборе С. П. Шевыревым «Фауста». *Вы. . . напечатали* — в «Московском вестнике», 1827, № XXI. *Федоров* — Б. М., бездарный литератор. *«Мысль»* — стихотворение Шевырева, раскритикованное Булгариным в «Северной пчеле» (1828, №№ 52 и 58). *Телеграф* — издатель «Московского телеграфа» Н. А. Полевой. *Ксенофонт* — брат Н. А., К. А. Полевой. *Досталось . . . от Крылова . . .* — Возможно, имеется в виду басня «Бритвы». *Калибан* — прозвище Соболевского (ср. примеч. 244). *«Славянин»* — журнал, издававшийся А. Ф. Воейковым. *Шишков* — А. С. *Стихи Языкова* — «Послание о журналистах».

262. Письмо, вероятно, не было отослано. *Подписка,* затребованная у Пушкина — о ненаписании им впредь богохульных сочинений (III отделением было начато дело о «Гавриилиаде»). Ср. Деловые бумаги 6 и 7.

263. *Письмо* Вяземского — от 26 июля 1828 г. *Твои запросы* — в письме от 26 июля 1823 г. (Вяземский спрашивал, откуда стих «Быть может, некогда...»). *«Танкред»* — трагедия Вольтера. Пушкин цитирует не совсем точно. *Киселев* — Н. Д., генерал. *Полторацкие* — см. примеч. 44. *Младший* — А. А. Оленин, сын А. Н. Оленина. *Голицын* — С. Г. (1806—1868), принимал участие в делах композитора М. И. Глинки. *Бесприютен* — по-видимому, намек на сватовство к А. А. Олениной и отказ (Приютино — имение Олениных). *Медная Венера* — А. Ф. Закревская. *«Я ей пишу стихи»* — стихотворения «Портрет» и «Наперсник». *«намеренье благое...»* — острота поэта М. В. Милонова по поводу журнала «Благонамеренный». *«Прямо, прямо на восток»* — из стихотворения Жуковского «Путешественник». Пушкин намекает на возможность репрессий в связи с делом о «Гавриилиаде» (см. примеч. 262); приписывает поэму Д. П. Горчакову (умер в 1824 г.) в ожидании,

что письмо его будет вскрыто. *Критика* — «Евгения Онегина» восьмилетним сыном Вяземского, сообщенная Вяземским в указанном письме. *Портрет Пелагеи Николаевны* — стихотворение Вяземского «Простоволосая головка», посвященное П. Н. Всеволожской, где похвально упоминался Пушкин. *Княгиня Вера* — жена Вяземского. *Происшествия в Одессе* — А. Н. Раевский по доносу М. С. Воронцова, ревновавшего его к своей жене, был выслан в Полтаву с обвинением в «дурных отзывах» о правительстве.

266. Записка Пушкина — приглашение быть секундантом на его дуэли с секретарем французского посольства де Лагренэ. Дуэль не состоялась (де Лагренэ принес уверения, что Пушкин ослышался).

267. *Ловелас* и *Вальмон* — безнравственные герои романов Ричардсона («Кларисса Гарлоу») и Шодерло де Лакло («Опасные связи»). *«пояснения . . . дал я»* — приятельнице Вульфа, Е. П. Полторацкой. *Анна Петровна* — Керн. *Баронесса* — С. М. Дельвиг (см. примеч. 143).

269. *«Цветы»* — альманах «Северные цветы на 1828 год». *Ответ Готовцовой* — см. примеч. 270. *Софья Остафьевна* — содержательница публичного дома в Петербурге. *Прасковья Александровна* — Осипова. *Мунито* — известная в то время дрессированная собака. *Петр Маркович* — Полторацкий, отец А. П. Керн. *Борис Михайлович* — Федоров (см. примеч. 166); его разбору IV и V глав «Евгения Онегина» («Санкт-Петербургский зритель», 1828) посвящено примечание Пушкина (23) к «Евгению Онегину». *Сестра Пушкина* — Ольга Сергеевна; вышла замуж за Н. И. Павлищева; для его альманаха «Лирический альбом на 1829 год» Ольга Сергеевна просила стихотворение «Два ворона». *Баронесса* — С. М., жена Дельвига.

270. *«Ответ Готовцовой»* — стихотворение Пушкина; было послано Дельвигу для «Северных цветов на 1829 год». *Эти стишки...* — стих Вольтера из послания к г-же де Сен-Жюльен. *Ты едешь* — по делам, в Смоленскую губернию. *Гнедич* печатал свой перевод «Илиады».

271. *Стихотворение* Катенина — «Старая быль». В нем заключался намек на Пушкина, изображенного под видом греческого певца, восхваляющего царей. Своим письмом, напечатанным Дельвигом в «Северных цветах на 1829 год» при стихотворении Катенина, Пушкин хотел отклонить от себя подобное истолкование.

272. *«я еду...»* — в Старицу, к Вульфам.

273. *Кн. Дмитрий* — Д. В. Голицын, военный генерал-губернатор Москвы. *Участие* Жуковского — хлопоты о реабилитации Вяземского, обвиненного в развратном поведении и дурном влиянии на молодых людей (в том числе на Пушкина). *Филимонов* — В. С., издатель журнала «Бабочка». В надежде привлечь Жуковского, Вяземского и Пушкина к участию в журнале как-то пригласил их в гости. Позднее возвращение их послужило поводом для сплетен.

Варюшка — героиня поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед». *«Я захожу...»* — стих из послания Баратынского «К — ». *Усатая княгиня* — Н. П. Голицына. *Зинаида* — княгиня З. А. Волконская. *Граф Риччи* — итальянский певец. *Булгарин* в «Северной пчеле» благосклонно отозвался о произведениях Вяземского, одновременно подав на него донос в III отделение. *«Цветы»* — «Северные цветы на 1829 год», где было напечатано 17 произведений Пушкина, элегия Жуковского «Море» и его же «Отрывки из Илиады». *Гнедич* печатал свой перевод «Илиады».

274. Вяземские, П. А. и его жена В. Ф., находились в имении П. А. Кологривова (отчима В. Ф.).

277. *Замечание* — возможно, одна из эпиграмм Пушкина на издателя «Вестника Европы» М. Т. Каченовского («Московский телеграф», 1829, ч. XXVI, № 7 и 8).

279. *Толстой* — Ф. И. *Ваш ответ* — на сватовство Пушкина. *«Я... уезжаю»* — на Кавказ.

280. Обстоятельства, вызвавшие письмо, отразились в I главе «Путешествия в Арзрум».

281. *Путешествие мое* — от Петербурга до Тифлиса. *Ермолов* — А. П., находившийся в опале. Был командиром Отдельного Кавказского корпуса до 1827 г., когда этот пост занял И. Ф. Паскевич.

282. *Обязанность . . . священная* — возвратившись с Кавказа, побывать у невесты (Н. Н. Гончаровой).

283. *Ловелас* — см. примеч. 267. *Малинники* — имение Вульфов. *Анна Николаевна* — Вульф. *Александра Ивановна* — Осипова. *Кусовников,* А. М. и *Юргенев,* А. Т. — тверские помещики. *Гретхен* — здесь Е. В. Вельяшева. *Фридерика Ивановна* — Вульф. *Павел Иванович* — Вульф. *Минерва* — Е. И. Гладкова, двоюродная сестра Вульфа. *Нетти* — А. И. Вульф. *Поповна* — Е. Е. Смирнова. *Кларисса* — добродетельная героиня романа Ричардсона «Кларисса Гарлоу». *Писарев* и *Максютов* — офицеры. *Иван Иванович* — Вульф.

284. *Раевский* — Н. Н.-младший.

285. *Ушаковы* — Екатерина Н. и Елизавета Н., московские знакомые Пушкина. За Екатериной Н. одно время ухаживал Пушкин; Елизавета Н. впоследствии вышла замуж за Киселева. *Карс* — турецкая крепость; здесь имеется в виду Н. Н. Гончарова.

286. *Отрывок,* посылаемый с письмом, был напечатан в «Литературной газете», 1830 г., № 1.

287. *Ольга* — сестра Пушкина, Ольга С. Павлищева.

288. Стихи написаны Пушкиным для придворного костюмированного бала, где Тизенгаузен, одетая Циклопом, должна была их продекламировать.

289. *Несколько строк* — заметка Пушкина в «Литературной газете» о выходе в свет «Илиады», переведенной Гнедичем. Тронутый Гнедич в письме от 6 января 1830 г. благодарил Пушкина, приглашая встретиться у модного ресторатора Андрие.

290. Разрешение на поездку за границу дано не было. *Моя трагедия* — «Борис Годунов»; вышла в свет в декабре 1830 г.

291. *Роман* Загоскина — «Юрий Милославский». В «Литературной газете» появилась заметка не Погорельского (псевдоним А. А. Перовского), а самого Пушкина.

292. *Стихи христианина* — стихотворный ответ митрополита Филарета на стихотворение Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...».

293. *«Я только что получил...»* — письмо Бенкендорфа от 17 января 1830 г. с отказом в разрешении на поездку за границу (ср. письмо 290). *Вдова* — С. А. Раевская, внучка Ломоносова, вдова генерала Н. Н. Раевского-старшего, умершего в 1829 г. *«Половина... в изгнании»* — сын А. Н. в Полтаве (см. примеч. 263); дочь М. Н. в Сибири с мужем, декабристом С. Г. Волконским; дочь Ек. Н. — после вынужденной отставки мужа (М. Ф. Орлова) — в его имении. Другие дочери С. А. Раевской — Ел. Н. и С. Н. Ходатайство Пушкина имело успех.

294. *Село Очкино* — Новгород-Северского уезда. *Долгорукий* — кн. В. А. (1804—1868).

295. *Орест* — О. М. Сомов. Пушкин временно редактировал с ним «Литературную газету», в связи с отъездом Дельвига. *Твоя проза* — статьи о московских журналах для «Лит. газ.». *«Милославский»* — роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский». *«Я его похвалил...»* — ср. письмо 291. *Булгарин* написал романы «Иван Выжигин» и «Дмитрий Самозванец». *«История»* Н. А. Полевого — «История русского народа», вызвавшая оскорбительную критику М. П. Погодина («Московский вестник», 1830 г., ч. I и ч. VI). *Муравьев* — Н. Н.; в 1828 г. издал собрание своих сочинений. *Моя Гончарова* — Наталья Николаевна. *Мещерский* — кн. П. А. (1805—1889). *Ушакова* — Екатерина Н. (см. примеч. 285). *«К ним»* — стихотворение Вяземского, написанное в ответ на клевету и доносы (см. примеч. 273). *Критик Павлуша* — сын Вяземского (см. примеч. 263). *Ругательная антикритика* — не сохранилась. *«Галатея»* — журнал С. Е. Раича, ведший ожесточенную полемику с «Московским телеграфом». *«Павлуша, медный лоб...»* — стих из басни А. Е. Измайлова «Лгун», направленный против рептильного литератора П. П. Свиньина.

298. *Давыдов* — Д. В.; *послание его* — «Зайцевскому, поэту и моряку». К. С. *Сербинович,* вопреки мнению о нем Пушкина, двурушничал и доносил полиции.

300. Письмо — приписка к письму Вяземского и Е. А. Карамзиной. *Павлуша* — сын Вяземского (см. примеч. 263).

301. *Гончарова* — Наталья Николаевна. *Княгиня Вера* — жена Вяземского. *Братья Полевые* — Н. А. и К. А. *Арестованные* — в связи с шумным скандалом, происшедшим в частном театре С. В. Карцовой из-за пощечины, данной актрисе Альфред. *Волков* — А. А., жандармский генерал. *Шульгин* — Д. И., московский обер-полицеймейстер. *Потемкина* — жена С. П. Потемкина, одного из арестованных. *«Княгиня Вера . . . говорила»* — по поводу обвинения Вяземского в развратном поведении (см. примеч. 273). *Мемо-*

рий — «Исповедь» Вяземского. *Сибелев* — один из участников театрального скандала; вероятно, Е. И. *Киселев* — С. Д. *Лизавета* и *Катерина Ушаковы* — см. примеч. 285. *Жихарев* — С. П., литератор, автор известных «Записок». *Дмитриев* — И. И., мог быть недоволен статьями Полевого в «Московском телеграфе», цензурованном С. Н. Глинкой. *«Затащить его в полемику...»* — по поводу «Истории» Полевого (см. примеч. 295). *Катерина Андреевна* — вдова Карамзина. *Гагарин* — кн., С. С., в 1829—1833 гг. был директором императорских театров. *Коп* — содержатель московской гостиницы.

302. *Письмо, давно написанное* — вероятно, письмо 301. *Проект новой организации* — нового закона о «состояниях», закрывавшего доступ в дворянство посредством продвижения по службе. Противоречил петровской «Табели о рангах»; импонировал дворянской интеллигенции своей направленностью против чиновничества. *«будешь ли ты в службе...»* — после девятилетнего перерыва, в апреле 1830 г., Вяземский вновь поступил на службу (при министерстве финансов). *Солнцев* — Матвей Михайлович, муж тетки Пушкина, Елизаветы Львовны. *«Он объявил себя...»* — ср. письмо и примеч. 301. *Ольга Матвеевна* — дочь Солнцевых.

303. Ответ на письмо Бенкендорфа от 17 марта 1830 г. с выговором за поездку в Москву.

304. Ср. письмо 303. *«Письмо, которое...»* — письмо Бенкендорфа от 17 марта 1830 г. *Критический отзыв* — статья о романе Булгарина «Дмитрий Самозванец», принадлежавшая Дельвигу. *Гнусная статья* — см. примеч. 306. *Раевский* — Н. Н.-младший. Разрешение на поездку дано не было.

305. *Писарев* — А. А., председатель «Общества любителей российской словесности», в действительные члены которого был избран Пушкин и в котором давно состоял Полевой.

306. *Донос Сумарокова* был использован Вяземским в его статье о Сумарокове. *Миллер* — Г. Ф., академик. *Гончаров* — И. Н., брат невесты Пушкина. *Элиза, Пентефреиха* — Е. М. Хитрово. *Мещерская* — Е. Н., дочь Карамзина. *Выходка Булгарина* — пасквиль на Пушкина («Северная пчела», 1830, № 30), где говорилось, что у него голова «род побрякушки» и т. п. *Панин* — А. Н. (1791—1850). *Дядя* Пушкина — Василий Львович Пушкин. *Дмитриев* — И. И. *Клуб* — Английский клуб. *Ушаков* — В. А., писатель. *Погодин* — М. П.; за границу не поехал. Слух о смерти *Батюшкова* оказался ложным.

309. *Трагедия* — «Борис Годунов». *События тогда недавние* — восстание декабристов.

311. *Мой брат* — Лев Сергеевич Пушкин.

312. *Ваша матушка* — Е. М. Хитрово.

314. *«Осел»* — роман Ж. Жанена «Мертвый осел...». *«Последний день»* — «Последний день приговоренного к смерти», повесть Гюго. *200 душ* — в дер. Кистенево, около Болдина.

315. Одна из 15-ти приписок друзей Шевырева на письме к нему М. П. Погодина.

316. *«Благодарю тебя»* — за письмо от 26 апреля 1830 г. *Канкрин* — Е. Ф., министр финансов, начальник Вяземского. *Газета* Дельвига — «Литературная газета». *Раич* — С. Е., издатель журнала «Галатея». *Шаликов* — см. примеч. 52. *Третье издание* «Бахчисарайского фонтана» вышло в апреле 1830 г. *Мой цензор* — Николай I. *Солнцев* — см. примеч. 302. *Василий Львович* — Пушкин. *Катерина Андреевна* — вдова Карамзина.

317. *Моя трагедия* — «Борис Годунов». *Матвей Михайлович* и *тетушка* — см. примеч. 302. *Василий Львович* — Пушкин.

319. *Отзыв «Северной пчелы»* — издевательская рецензия Булгарина на VII главу «Евгения Онегина». *Материалы для романа* — вошли в статью Пушкина «Несколько слов о мизинце г. Булгарина...». *О Видоке* — статья Пушкина «О записках Видока». *Письмо твое* — от 29 апреля 1830 г. *«Заключай условия»* — с книгопродавцем Смирдиным о продаже ему на 4 года права переиздания сочинений Пушкина.

320. Ответ на письмо Бенкендорфа от 28 апреля 1830 г., в котором Бенкендорф, отвечая на письмо Пушкина (№ 309), подтвердил благосклонное отношение к Пушкину Николая I. Отзыв царя и назван *новой милостью. Мать, находившаяся в тревоге* — мать невесты, Н. И. Гончарова.

321. *Покровительницы* — дочери Хитрово, гр. Д. Ф. Фикельмон и гр. Е. Ф. Тизенгаузен.

322. *Могу ли я надеяться...* — заем был совершен у Н. И. Надеждина через посредство Погодина. *Четвертое действие* — трагедии Погодина «Марфа Посадница».

323. *«Эрнани»* — драма Гюго. *Хозяин* — Николай I. *Ланжерон* — А. Ф., в 1815—1823 гг. новороссийский генерал-губернатор.

324. Ср. письмо 322.

325. *Антипин* и *Абакумов* — калужские мещане; пришли пешком поздравить Пушкина с днем рождения на Полотняный завод (имение деда Н. Н. Гончаровой), где Пушкин тогда находился.

326. Разрешение расплавить статую было дано.

327. Ср. письма 322, 324. *Трагедия* Погодина — «Марфа Посадница».

328. Письмо — на копии «Бориса Годунова».

329. *Никитская* — на Б. Никитской находился дом Гончаровых (ныне ул. Герцена, д. 50). *Завод* — см. примеч. 325.

330. *Надеждин* — Н. И., известный критик и журналист; Погодин собирался взять у него для Пушкина денег взаймы. *Надоумко* — псевдоним Надеждина.

331. Ср. письма 322, 324, 327, 330. *Карреи* — построение войск в «каре», впервые примененное гр. П. А. Румянцевым-Задунайским в Кагульском сражении. Ср. в «Истории Петра» (том IX) под 1711 г.

332. Ср. письмо 333.

333. *Надеждин* (см. примеч. 330) *тешит* — своими критическими статьями о Пушкине. Ср. письмо 332.

334. *Памятник* — см. письмо и примеч. 326.

337. *Золотов* — поверенный А. Н. Гончарова. *Просьба* А. Н. Гончарова — о денежной ссуде. *Заводы* — см. примеч. 325. *Молодые Ваши родственники* — братья Натальи Николаевны Гончаровой.

338. *«благодарю Вас...»* — ср. письма 335, 336. *Письмо Чаадаева* — знаменитое 1-е «Философическое письмо» (было напечатано только в 1836 г.).

340. *24 800 р.* Пушкин проиграл Огонь-Догановскому.

341. *Просьба моя* — см. письмо 326.

342. *Брат вчерашнего . . . императора* — брат оперного артиста П. М. Щепина, скрипач А. М. Щепин. Загоскин был управляющим конторой московских театров.

343. *Мое путешествие* — из Москвы в Петербург. *Никита Андреевич* — Козлов, крепостной слуга Пушкина. *Картины князя Голицына* — «Живые картины» на вечере у Д. В. Голицына (см. примеч. 273), в которых участвовала Наталья Николаевна. *Наталья Кирилловна* и *Катерина Ивановна* — Загряжские, тетки Н. Н. Гончаровой. *Графиня Полье* — В. П. (1796—1870). *Малиновские* — А. П. (1770—1847) и Е. А. (1811—1872). Об их красоте Пушкин говорит иронически.

344. *Наталья Кирилловна* — см. примеч. 343. *Афанасий Николаевич, Николай Афанасьевич, Наталья Ивановна* и *Иван Николаевич* — дед, отец, мать и брат Н. Н. Гончаровой. *Заводская Бабушка* — статуя Екатерины II (см. письмо 326).

345. *Афанасий Николаевич, Иван Николаевич* — см. примеч. 344. *Наталья Ивановна* — см. примеч. 344. *Катерина Ивановна* — см. примеч. 343. *Графиня Полье* — см. примеч. 343. *Г-жа Багреева* — Е. М. Фролова-Багреева. *Белокурая мадонна* — «Мадонна» Перуджино. *Негодная Бабушка* — см. письмо 326. *Канкрин* — своим кузеном Пушкин называет его в шутку.

346. Приписка к письму Вяземского. *Князь* — П. А. Вяземский.

349. Ср. письмо 337. *Памятник* — ср. письмо 326. *«осмеливаюсь вновь умолять...»* — не откладывать свадьбу из-за задержки с приданым.

350. *«обо всем происшедшем»* — об июльской революции 1830 г. *Голицын* — Д. В. (см. примеч. 273). *Василий Львович* — Пушкин, умер 20 августа 1830 г. *«Парижанка»* — гимн июльской революции, Казимира Делавиня. *Шатобриан* — писатель, монархист; выступил в защиту легитимизма против Луи-Филиппа. *Герцог Бордосский* — Генрих V. *«Temps»* («Время») — радикальная французская газета. *Лафайет* — генерал, изменивший революции и поддержавший Луи-Филиппа; этим вызвана шутка Пушкина о его «браке» с писательницей *Жанлис*, воспитательницей Луи-Филиппа.

351. *Старания* Пушкина — см. письмо 345. *Дядя* Пушкина — см. примеч. 350. *Нижегородская деревня* — Кистенево. *Решение судьбы* — окончательное согласие на свадьбу.

352. Ср. письмо 353.

353. *Я уезжаю...* — см. письмо 351. *Князь* — П. А. Вяземский.

354. *«Тридцать лет, или Жизнь игрока»* — популярная мелодрама В. Дюканжа. *Размолвка...* — ср. письмо 353. *«независимостью... обязан... тебе»* — Плетнев с середины 1820-х годов руководил изданиями произведений Пушкина.

355. *Беспокойство* — ср. письмо 352. *Часть деревни* — Кистенева (ср. письмо 314). *Наталья Ивановна, Афанасий Николаевич* — см. примеч. 344. *«может вывести из терпения»* — ср. письма 334, 337, 349, 351. *М-ль Катрин* и *Александрин* — сестры Натальи Николаевны.

356. Ср. письмо и примеч. 355.

357. *Премеланхолическое письмо* — письмо 354. *«Бедный дядя Василий!»* — В. Л. Пушкин умер 20 августа 1830 г. *Статьи Катенина* — «Размышления и разборы», печатались в «Литературной газете» 1830 г. *Припас денег* — за статьи в «Литературной газете». *Моя трагедия* —«Борис Годунов».

358. Ср. письмо 354. *«Гуляет вольная луна»* — из слов старого цыгана («Цыганы»). *Филипп* — французский король Луи-Филипп. *Полиньяк* — министр свергнутого Карла X; Пушкин держал пари с Вяземским, утверждая, что Полиньяк будет казнен.

359. *Дедушка* — А. Н. Гончаров. *Бабушка* — бронзовая статуя Екатерины II (см. письмо 326). *Мой дед* — Лев Александрович Пушкин. Об эпизоде с учителем см. том VIII, стр. 56—57.

360. *Мой друг Полиньяк* — см. примеч. 358. *Дедушка* и *бабушка* — см. примеч. 359.

361. *«Хоть я и не из иных...»* — измененная цитата из стихотворения Пушкина «Рефутация Беранжера». *«где моя»* — невеста Пушкина. *Карлово* — имение Булгарина; упомянуто в шутку. *Моя трагедия* —«Борис Годунов», печаталась в Петербурге. *Дочери Карамзина* — С. Н. Карамзина и кн. Е. Н. Мещерская.

362. *Письмо проколотое* — в карантине, для дезинфекции.

364. *Подать, именуемая цветочною* — стихи для альманаха Дельвига «Северные цветы». *«Литературная газета»* временно была приостановлена; Пушкин не знал об этом.

365. *Матушка наша* — Москва. *Вечевая трагедия* — «Марфа Посадница» Погодина. *Второй том* — «Истории...» Н. А. Полевого. *Пафмос* — остров, на котором, по преданию, был написан Апокалипсис. *Апокалипсическая песнь* — стихотворение «Герой». *Ведомости* — «Московские ведомости».

366. *«твердою дубовою корой...»* — из I оды Горация в переводе И. И. Дмитриева. *Баламут* — шулерский прием сдачи карт; Пушкин намекает на политику Николая I. *«кое-что написал»* — ср. письмо 364. *«и нашего тут капля...»* — переделка стиха из басни Крылова «Орел и пчела». *«ты принялся за Фонвизина»* — за продол-

жение давно задуманной биографии Фонвизина. *Лиза* — Е. М. Хитрово. О *Полиньяке* и пари Пушкина с Вяземским см. примеч. 358. *«Temps»* («Время») — радикальная французская газета. *«Le Globe»* («Земной шар») — умеренно либеральная французская газета. *«Каков государь?»* — Николай I посетил зараженную холерой Москву. *Каторжников* — декабристов Николай I не «простил».

367. *Смерть Василия Львовича* — см. примеч. 350. *Рабле,* по преданию, сказал перед смертью, что уходит в «великое, быть может».

368. *Маменька* — Н. И. Гончарова. *Шаликов* — см. примеч. 52— редактировал «Московские ведомости». *Давыдов* — поклонник Натальи Николаевны.

370. *Закревский* в 1828—1831 гг. был министром внутренних дел. *Павлов* — Н. Ф., писатель. За лицо, *«уныние наводящее»,* Павел I (по преданию) уволил одного из своих генералов.

371. *«Марфа»* — трагедия Погодина «Марфа Посадница». *Разбор* ее был написан Пушкиным; при жизни его не опубликован. *Иоанн* — Иван III. *«Иван Великий»* — колокольня в Московском Кремле. *Языков* — Н. М., поэт.

372. *Документ* — письмо соседа Пушкина Д. Языкова, свидетельствовавшее о вынужденности пребывания Пушкина в Болдине. *Голицын* — Д. В. (см. примеч. 273).

373. Ср. письма 369 и 372. Письма Натальи Николаевны к Пушкину неизвестны.

374. *«Что ,,Годунов"?»* — «Борис Годунов» заканчивался печатанием. *Повесть* — «Домик в Коломне». *«Дон-Жуан»* — «Каменный гость». *5 повестей* — «Повести Белкина». *Билетец... Лавинья* — стихи Казимира Делавиня по поводу французской революции 1830 г.; напечатание их в «Литературной газете» послужило поводом к временному закрытию газеты.

375. *Кн. Долгорукая* — Е. А. (1781—1870). *Трагедия Дюма* — «Стокгольм, Фонтенебло и Рим» А. Дюма-отца. *Ваш отец* — М. И. Голенищев-Кутузов.

376. *Выборы* — в парижскую палату депутатов. *Король-чурбан* — из басни Лафонтена «Лягушки, просящие царя». *Конфетный билетец* — см. примеч. 374. *Ваши дочери* — см. примеч. 321.

377. *«Мой милый, как несправедливы»* — стих из послания Пушкина к Алексееву (1821 г.). *Еврейка* — М. Е. Эйхфельдт. *Пульхерия* — П. Е. Варфоломей. *Стамо* — Е. З., предмет кратковременного увлечения Пушкина. *Худобашев* — А. М., чиновник при М. С. Воронцове. *Липранди* — см. примеч. 212.

379. *«Северные цветы»* — на 1831 год. *«Борис Годунов»* поступил в продажу в конце декабря 1830 г.

380. *«Телеграф»* — «Московский телеграф». *Литературное разногласие* — критика Пушкиным «Истории русского народа» Полевого (см. т. VII, стр. 92).

381. Надпись на печатном экземпляре «Бориса Годунова» (ср. примеч. 379).

382. *Стихи твои* — «Зимние карикатуры». *Альманах* — «Денница» М. А. Максимовича. *Дельвигу* — для «Литературной газеты» или «Северных цветов». *Яковлев* — П. Л., брат лицейского товарища Пушкина, автор множества сатирических очерков и пародий. Альманаха не издал. *«Обозы»* — стихотворение Вяземского «Ухабы. Обозы». *«Девичий сон»* — стихотворение Вяземского. *Билет* — на бесплатное получение «Московского телеграфа» и «Телескопа». *Предлагают мир* — в статье «О русской журналистике» («Северная пчела», 1830 г., № 155). *«Борис»* — «Борис Годунов». *Полиньяк* (см. примеч. 358) был переведен в Венсенский замок, где в 1804 г. уже находился в заключении и начертал на полу сохранившуюся до 1830 г. линию меридиана. *Адвокаты* — на процессе министров Карла X. *Чичерин* — А. П., офицер, сын генерал-адъютанта П. А. Чичерина. *Денис* — Д. В. Давыдов. *Похвальное слово* — «Замечания на некрологию Н. Н. Раевского...». *Киреевский* — И. В. *Лиза* — Е. М. Хитрово. *Последние происшествия* — польское восстание. *Танюша* — цыганка Татьяна Демьяновна; пела старинную песню о Татьяне-пьяной.

383. *«Борис»* — вышедший из печати «Борис Годунов». *Никодим Надоумко* — см. примеч. 330. *Билет* — см. примеч. 382. *Перевороты* — шутливый намек на французскую революцию 1830 г. и на примирение Пушкина с Надеждиным. *«Марфа»* — трагедия Погодина «Марфа Посадница».

384. *«побранил ты»* — за письмо 354. *Издание* — «Бориса Годунова» (декабрь 1830). *Послание твое* — «К Гнедичу». *Ответ его* — «К П. А. Плетневу». *Не запретил ли...* — в 1826 г. Плетневу было сделано «внушение» по поводу дружбы с Пушкиным. *«Цветы»* — «Северные цветы на 1831 год». *«Странная вещь...»* — цитата из стихотворения Ф. Н. Глинки «Непонятная вещь». *«Кого вздумал просить»* — в его же стихотворении «Бедность и утешение» находятся слова: «Бог дал детей?.. Ну, что ж? Пусть он наш будет кум». *Жду переводов* («Бориса Годунова») — немецкий перевод фон Кнорринга вышел в 1831 г. *Поэма Баратынского* — «Наложница».

385. *Взять отпуск* — уехать от невесты. *Толстой* — Ф. И. («Американец»). *Юсупов* — Н. Б. (1750—1831). *Твое препоручение* — касается предпринятой Вяземским биографии Фонвизина. *«Агриопа»* — трагедия В. И. Майкова. *Статья о Пушкине* — о В. Л. Пушкине (некролог). *«Максимовичу . . . отдал...»* — ср. примеч. 382.

386. *Экземпляры «Бориса»* — «Бориса Годунова», изд. 1831 г. (вышло из печати в декабре 1830 г). *Ширяев* — книгопродавец. *Я женюсь* — свадьба Пушкина состоялась 18 февраля 1831 г. *«Что скажет Марья Алексевна»* — неточная цитата из «Горя от ума» Грибоедова. *Газета наша* — «Литературная газета».

387. *Отзыв государя* — сообщен Бенкендорфом в письме от 9 января 1831 г.

388. *Дельвиг умер* — 14 января 1831 г. *Салтыков* — см. примеч. 143. *«Адольф»* — роман Б. Констана в переводе Вяземского.

389. Ср. письмо 388.

390. *«Я не один...»* — цитата из эпиграммы Экушара Лебрена. *«Единственное спасение...»* — неточная цитата из «Энеиды» Вергилия (песнь II, ст. 354). *Их король* — Луи-Филипп.

391. *Софии Михайловне* — вдове Дельвига, в уплату пушкинского долга. *Сомов* — О. М., соредактор Дельвига по «Северным цветам». Замысел биографии *Дельвига* не был осуществлен. *«Что души волнует..»* — измененный стих из баллады Шиллера «Граф Габсбургский» (в переводе Жуковского). *Туманский* — В. И. *Стихи Гнедича* — «На смерть барона А. А. Дельвига»; были напечатаны в «Литературной газете». *Фаддей* — Булгарин. *Сен-Флоран* — книгопродавец. *Вдова* — С. М. Дельвиг.

392. *Смерть поэта* — Дельвига (см. примеч. 388). *Вдова* — С. М. Дельвиг. *Два брата* — Александр (1816—1882) и Иван (род. 1819). *Манифест государя* — 25 января 1831 г., в ответ на постановление варшавского сейма об отстранении Романовых от польского престола. *Невмешательство* — принцип, провозглашенный Луи-Филиппом. *Каннинг* — английский государственный деятель. *Мортемар* — французский генерал и дипломат; прибыл в качестве личного представителя Луи-Филиппа. *«Варшава должна быть разрушена»* — перефразировка слов Катона: «Карфаген должен быть разрушен».

393. *Уединение* — деревня Любичи, недалеко от Тамбова. *«Любимое мое сочинение»* — «Борис Годунов». *«Недалеко от тебя»* — в Болдине. *«Счастье можно найти...»* — цитата из «René» Шатобриана.

394. *200 душ* — дер. Кистенево. *Мои повести* — «Повести Белкина». *Баронесса* — С. М. Дельвиг. *«писал Хитровой...»* — см. письмо 392. *Мой портрет* — работы Кипренского, проданный Пушкину С. М. Дельвиг. *Михаил Александрович* — Салтыков, отец С. М. Дельвиг. *Жизнь Дельвига* — см. письмо 391. *Твоя статья* — «Некрология» («Литературная газета», 1831 г., № 4).

395. *Дмитрий Николаевич* — Гончаров, брат Натальи Николаевны. *Памятник* — см. письма 326, 347.

396. *Степанида Александровна* — жена Плетнева. *Баронесса* — вдова Дельвига. *Назначение Гнедича* — членом Главного управления училищ.

397. Хмельницкий был смоленским губернатором.

398. *«брат мой...»* — Л. С. Пушкин пытался при посредстве Хитрово получить назначение в действующую армию, в Польшу. *«Оставьте всякое разумение...»* — перефразировка стиха из «Божественной комедии» Данте («Оставьте всякую надежду, все входящие сюда...»). *Ламене* — французский политический деятель; издавал газету «L'Avenir». *Ниневия* — город, жители которого избежали гибели, предсказанной пророком Ионой (библейская легенда). *Тыквы* — выросли, по сказанию, за одну ночь и погибли по велению бога. *Скарятин* — Ф. Я., офицер. *Графини* — см. примеч. 321.

399. *Милостивое запрещение* — ср. письмо 384. *«В Москве остаться . . . не намерен...»* — см. письмо 394. *Беллизар* — книгопродавец. *Элиза* — Е. М. Хитрово. *Южная ласточка* — А. О. Россет. *«я затеваю»* — газету «Дневник» (ср. Деловые бумаги 8, 9, 10). *«Марфа Посадница»* — трагедия Погодина. *Мерзляков* — см. примеч. 2.

401. *«Всё было решено»* — перевод Л. С. Пушкина в Польшу (ср. письмо 398). *Яр* — московский ресторатор.

402. *Артур Потоцкий* — граф, одесский знакомый Пушкина. *«Жизнь Фонвизина»* — соч. Вяземского. *«исключая Карамзина»* — его «Истории». *Петр Иванович* — «Петр Иванович Выжигин», роман Булгарина; написан вслед за «Иваном Выжигиным», вызвавшим резкую критику Пушкина («Несколько слов о мизинце г. Булгарина»). *«Делорма . . . привезу...»* — статью Пушкина о книге Сент-Бева «Жизнь . . . Жозефа Делорма». *Баронесса* — вдова Дельвига. *Жихарева* — Ф. Д., жена С. П. Жихарева.

403. *«Ты прав, любимец муз...»* — цитата из послания Батюшкова к И. М. Муравьеву-Апостолу. *«Чацкий смеется...»* — в «Горе от ума» Грибоедова. *Твои запросы* — в письме от 22 февраля 1831 г. *Деларю* — М. Д., поэт и переводчик. *Подолинский* — А. И., второстепенный поэт. *«Былое с ним...»* — измененная цитата из стихотворения Жуковского «Я музу юную, бывало...». *Дмитриев* — И. И.

404. *Письмо* Гончарова — от 9 апреля 1831 г. *Беспрекословное согласие* — на условия передачи нижегородского имения трем внучкам, в том числе Наталье Николаевне.

405. *«Странник»* — роман А. Ф. Вельтмана. *Роман Загоскина* — «Рославлев». *Мой переезд...* — в Царское Село. *Дела* — см. примеч. 404. *Отеческое письмо* — письмо 401.

406. *Демутов трактир* — гостиница в Петербурге. *Поливанов* — А. Ю.; сватался за сестру Натальи Николаевны. Александру. *Твоя хозяйка* — жившая с Нащокиным цыганка Ольга Андреевна. *Марья Ивановна* — экономка Пушкиных, хлопотавшая о ликвидации их московской квартиры.

407. *«Красное и черное»* — роман Стендаля. *«Плок и Плик»* — две повести Эжена Сю. *«Notre-Dame»* — «Собор Парижской богоматери», роман Гюго.

408. *Селливан* — секретарь нидерландского посольства О'Сюлливан де Грасс; Пушкин обещал встретиться с ним у Хитрово.

409. *Дружеские хлопоты* — см. примеч. 406. *Горчаков* — В. П. *Поливанов* — см. примеч. 406. *К. И. Загряжская* — см. примеч. 343. *Дедушка* — А. Н. Гончаров. *Ольга Андреевна* — см. примеч. 406. *Разбор* — романа Вельтмана «Странник».

410. *Здешние залы* — светские салоны. *Эриванский* — И. Ф. Паскевич. *Сражение 14 мая* — битва при Остроленке. *Кржнецкий* — Ян Скржинецкий, польский главнокомандующий. *Французская передряга* — революция 1830 г. Эпиграмма *«Фиглярин, вот поляк...»* — не принадлежит Пушкину. Булгарин не был выслан.

411. *«Notre-Dame»* — см. примеч. 407. *«Красное и черное»* — роман Стендаля.

412. *Горчаков* — В. П.

413. *Московский обоз* — вещи Пушкиных (см. письмо 406). *Павлов* — Н. Ф., писатель. *Рахманов* — А. Ф., доверенное лицо Пушкина. *Ольга Андреевна* — см. примеч. 406. *Дибич* — И. И., главнокомандующий (ум. 1831). *Храповицкий* — М. Е., русский губернатор Вильны и Гродно. *«Здесь говорят...»* — слухи оказались ложными.

414. *Письмо мое* — от 1 июня 1831 г. И. Ф. *Паскевич* — после смерти Дибича был назначен главнокомандующим. *Известие* о повешении Храповицкого оказалось ложным. *Тургенев* — А. И., вернулся из-за границы. *«Водолаз» («Кубок»), «Перчатка», «Поликратово кольцо»* — стихотворения Шиллера. *«Пильгрим»* — «The Grey Brother» (в переводе Жуковского — «Покаяние»). *Сказка гекзаметрами* — «Две были и еще одна». *«Красный карбункул»* — сказка из Гебеля. *Княгиня* — В. Ф. Вяземская. *Катерина Андреевна* — вдова Карамзина. *Остафьево* — подмосковное имение Вяземских. *Софья Николаевна* — дочь Карамзина. *«Коня, коня...»* — из трагедии Шекспира «Король Ричард III» (эпиграф к стихотворению Вяземского «Прогулка в степи», посвященному С. Н. Карамзиной).

415. *Свистунов* — А. Н. (1808—1872). *Исследование революции* — см. «О французской революции» (т. VIII). *«Прислать мне...»* — «Историю революции...» Тьера и «Историю революции...» Минье. *Мемуары, относящиеся...* — «Собрание воспоминаний, относящихся к французской революции» Гизо. 1821—1825. *На Черной речке* находилась дача Хитрово.

416. *«Спасибо, сударыня...»* — ср. письмо 415. *Новосильцев* — П. П., адъютант московского генерал-губернатора Д. В. Голицына. *Тургенев* — А. И. *«Переводить ...стихи»* — «Гробницу Кутузова» Д. Ю. Струйского. Памяти Кутузова, отца Хитрово, Пушкин посвятил стихотворение «Перед гробницею святой».

417. *Подрядчик* — перевезший вещи Пушкиных из Москвы. *Рахманов* — см. примеч. 413. *Дела жены* — касающиеся приданого. *Александр Юрьевич* — Поливанов (см. примеч. 406). *Заводы* — имение Гончаровых «Полотняный завод». *Глухой старик* — А. Н. Гончаров. *Наталья Ивановна* — мать Натальи Николаевны.

418. *Твое письмо* — от 20 июня. *Бунт на Сенной* — в Петербурге, 23 июня 1831 г. *Цесаревич* (вел. кн. Константин Павлович) и *Дибич* (И. И., граф, главнокомандующий русской армией в Польше) умерли от холеры. *Паскевич* — И. Ф., был назначен на место Дибича. *Догановский* — В. С. Огонь-Догановский; Пушкин проиграл ему около 25 000 р. *Тысяча горчаковская* — долг В. П. *Горчакову*. *Брюллов* — А. П., архитектор и портретист. *Шнейдер* — Ф. Д., известный врач. *Андрей Петрович* — Есаулов, музыкант; *романс его* — возможно, на слова пушкинского «Прощания». *Татьяна Демьяновна* и *Матрена Сергеевна* — цыганки из одного «хора» с *Ольгой Андреевной* (см. примеч. 406).

419. *Афанасий Николаевич* — дед Натальи Николаевны. *Поливанов* — см. примеч. 406.

420. *«Я поздравляю вас...»* — по поводу обручения дочери Осиповой, Евпраксии Н. Вульф. *«Мне пишут...»* — барон Е. Ф. Розен, в письме от 27 июня 1831 г. *«Как звон святой»* — слова Годунова из «Бориса Годунова». *Савкино* — деревня между Михайловским и Тригорским.

421. *Старая статистика* — изд. Погодиным «Цветущее состояние Всероссийского государства...» Ив. Кириллова (1727). *Трагедия ваша* — «Марфа Посадница». *Веневитинов* — А. В., брат поэта. *Пишите «Петра»* — трагедию «Петр».

423. *Федосей Сидорович* — Толмачев, учитель в семье Вяземских. *«Тургенева порастрепали бы...»* — ср. письмо 414. *«Адольф»* — печатавшийся роман Б. Констана в переводе Вяземского. *«Рославлев»* — роман М. Н. Загоскина. *Разговоры о «Борисе»* — анонимная брошюра «О Борисе Годунове . . . разговор». *Элиза* — Е. М. Хитрово. *«Фонвизин»* — «Жизнь Фонвизина» Вяземского. *Щеглов* — цензор.

424. *«Ваша рукопись...»* — письма 6 и 7 из «Философических писем» Чаадаева; об их издании книгопродавцем Беллизаром Пушкин хотел хлопотать через Д. Н. Блудова, товарища министра народного просвещения. *Некрополь* — город мертвых, название Москвы в «Философических письмах» Чаадаева.

425. *Россети* — А. О. Россет. *Эслинг* — Н. Н. Геслинг, лицеист VI выпуска. *«Повести Белкина»* печатались без имени Пушкина. *«Отдай их...»* — в СПб. цензурный комитет, а не в III отделение. *Смирдин* — книгопродавец. *Твой план* — «Северные цветы на 1832 год» (в пользу семьи Дельвига) вышли 24 декабря 1831 г. *«Моцарт»* — «Моцарт и Сальери». *Жуковский* поместил в «Северных цветах» стихотворную повесть «Сражение со змеем», *Баратынский* — стихотворение «Мой Элизий».

426. *Молчанов* — П. С., друг Плетнева, умер от холеры. *Пафмос* (Патмос) — остров, место ссылки у древних римлян, куда, по преданию, был сослан апостол Иоанн. Плетнев, спасаясь от холеры, «заточил» себя в усадьбе близ Петербурга. *«ждут разрешения...»* — 27 июля родился вел. кн. Николай Николаевич. *«ждут ...вестей...»* — от главнокомандующего русскими войсками в Польше И. Ф. Паскевича.

427. *Софья Михайловна* — вдова Дельвига; уезжала в Москву. О *«Северных цветах* на 1832 год» — см. письмо 425. *Две трагедии* В. К. Кюхельбекера — «Архилох» и «Аргивяне». *Моя баллада* — «Жил на свете рыцарь бедный...».

428. *Моя крестница* — умершая дочь Нащокина и цыганки Ольги Андреевны. *Воля твоя* — относительно распоряжения имуществом. *Юсупов* — Н. Б. (1750—1831); умер от холеры. *Посылка Чаадаеву* — рукопись его «Философических писем» (ср. письмо 433). *Критический разговор* — см. письмо 423. *«Зароюсь в архивы...»* — для написания «Истории Петра I». *Павлов* — Н. Ф., писа-

тель. *Тысячу рублей* Пушкин проиграл В. П. Гончарову, 24 800 — В. С. Огонь-Догановскому.

429. *Молчанов* — П. С., друг Плетнева. *Эслинг* — см. примеч. 425. *«Борис»* — «Борис Годунов». *Смирдин* — книгопродавец. *Мои сказки* — «Повести Белкина». *500 россетинских* — см. письмо 425. *«царь взял...»* — поручил писать историю Петра I. *Юсупов* — см. примеч. 428. Слух о смерти Д. И. *Хвостова* оказался ложным.

430. *Посылка Чаадаеву* — см. письмо 428. *Сети Догановского* — см. примеч. 428. *Колонии* — военные поселения в Новгородской губернии.

431. *«поздравляю вас...»* — ср. примеч. 420. *Письма в Павловск* — к родителям Пушкина. *Выходка Ольги* — Сестра Пушкина Ольга Сергеевна, тайно добравшись до оцепленного карантинами Павловска, была возвращена полицией в Петербург. *Савкино* — см. примеч. 420.

432. *Ваши приказания* — Коншин был правителем канцелярии главноуправляющего Царским Селом.

433. *Авдотья Яковлевна* — жена Коншина.

434. *Статистика Петра* — см. примеч. 428. *«У генерала Бенкендорфа был я...»* — добиваясь для Погодина разрешения напечатать его трагедии.

435. *Горчаковская 1000* — см. письмо 428. *Короткий* — Д. В., служил в Ссудной казне. *Дороховский вексель* — данный Пушкину Р. И. Дороховым; Пушкин хотел пустить его в уплату ссуды, полученной из ломбарда за дер. Кистенево. *Корнилион-Пинский* — М. М. Карниолин-Пинский. *Есауловский романс* — см. примеч. 418.

436. Ответ на письма Вяземского от 14—15 и 27 июля 1831 г., с припиской А. И. Тургенева. Последний номер «Литературной газеты», после смерти Дельвига редактировавшейся О. М. Сомовым, вышел 30 июня 1831 г. *«конечно, Сомов болен...»* — перефразировка стиха из басни И. И. Дмитриева «Воробей и зяблица». *Замечание Вяземского* — «Жаль, что Булгарин не одним мизинцем пишет» использовано Пушкиным в статье «Несколько слов о мизинце г. Булгарина...». *Возмущения* — в военных поселениях. *Арзамасские извинения...* — шуточное стихотворение Жуковского, посвященное А. О. Россет («Милостивая государыня...»). *«Чаадаев . . . нападает...»* — в «Философических письмах». *Рукопись* Чаадаева — см. письмо 428.

437. *Письмо Плетнева* — от 25 июля 1831 г. *«Цветы»* — «Северные цветы на 1832 год». *Яковлев* — М. Л. *Сомов* — О. М. *«Литературная газета»* — прекратилась. *Меркурий* — «Северный Меркурий», изд. М. А. Бестужевым-Рюминым (ум. 1832 г.). *Хвостов* — Д. И. *Сказки мои* — «Повести Белкина». *Россети* — А. О. *Россет;* была помолвлена с Н. М. Смирновым.

438. *Арзамас* — см. примеч. 2. *«Сверчь»* («Сверчок») — арзамасское прозвище Пушкина. *Коммерческая... к банку* — каламбур: «Коммерческая газета» — «коммерческая» игра в карты; банк

(игорный термин) — Государственный заемный банк, куда Вяземский был принят на службу. *Кржнецкий* — см. примеч. 410. *Дембинский* — Генрих, польский генерал. *Паскевич* — И. Ф., русский главнокамандующий. *Король голландский* — не признавал независимости Бельгии. *Лиза* — Е. М. Хитрово. *«О женщина...»* — неточная цитата из «Свадьбы Фигаро» Бомарше.

439. *Книги* — из лицейской библиотеки.

440. *Эпиграф,* предлагавшийся Пушкиным,— из «Вечера на бивуаке» А. А. Бестужева (в рукописи эпиграфом был стих из VI главы «Евгения Онегина» — «Теперь сходитесь...»).

441. *Письмо Гоголя* — от 21 августа 1831 г. *Статья* Пушкина — «Торжество дружбы», подписанная «Феофилакт Косичкин»; была напечатана в «Телескопе» Н. И. Надеждина (в августе 1831 г.). *Фаддей Венедиктович* — Булгарин. *«Поздравляю Вас...»* — с эффектом, который произвели печатавшиеся «Вечера на хуторе...» среди наборщиков. *Остренький сиделец* — Н. А. Полевой. *Надежда Николаевна* — так (ошибочно) Гоголь в своем письме назвал жену Пушкина.

442. *Два брата Дельвига и вдова его* — см. примеч. 392. *Журнал наш* — задуманный Пушкиным; не был осуществлен (ср. Деловые бумаги, примеч. 8, 9, 10). *Василий Львович* — Пушкин; *«Вотрушка»* — его арзамасское прозвище. *Светлана* — арзамасское прозвище Жуковского.

443. *Твое письмо* — от 18 августа 1831 г., в котором сообщалось о расчетах Пушкина с В. С. Огонь-Догановским (см. примеч. 428). *Царь... взял* — см. примеч. 429. *Александр* и *Иван Григорьевы* и *Василий* — слуги Пушкина. *Поливанов* — А. Ю.; ср. письма 406, 419. *Дедушка* — А. Н. Гончаров. *«Ничего не сделано»* — в отношении приданого. *Мои повести* — *«Повести Белкина».*

444. *Переписка Авраама* — по-видимому, переписка С. Л. Пушкина с крепостным Игнатием Петровым (о ней говорится в письме Вяземского от 24 августа 1831 г.). *Сказка в тысячу стихов* — «Сказка о царе Салтане». *«Рославлев»* — роман М. Н. Загоскина. *«Ты оценил...»* — в письме от 24 августа 1831 г. *Дона Sol* (героиня «Эрнани» Гюго) — прозвище А. О. Россет-Смирновой. *Ламбер* — У. М., графиня (1772—1843). *О пословице* — шутливое рассуждение Вяземского в письме от 24 августа 1831 г. *Статья в «Телескопе»* — статья Пушкина «Торжество дружбы...», за подписью «Феофилакт Косичкин» («Телескоп», 1831 г., № 13); ср. письмо 460. *Брат Доньи Соль* — К. О. Россет, офицер. *Катерина Андреевна* — вдова Карамзина. *Варшава* была взята русскими войсками 26 августа.

445. См. предыдущее примечание.

446. См. письмо 420. *Взятие Варшавы* — 26 августа 1831 г.

447. Надпись на экземпляре брошюры «На взятие Варшавы...» со стихотворениями Жуковского и Пушкина («Клеветникам России» и «Бородинская годовщина»). *Ламбер* — см. примеч. 444.

448. *Ваш батюшка* — М. И. Голенищев-Кутузов. *Стихи* — в бро-

шюре «На взятие Варшавы» (см. примеч. 447). *«исправьте стих»* — в стихотворении «Бородинская годовщина». *«Надеюсь явиться...»* — Пушкин уехал в Петербург в октябре.

449. *Ответ Косичкину* (см. письмо 460) — не появился. *«Телеграф»* — «Московский телеграф».

450. *Геслинг (Эслинг)* — см. примеч. 425.

451. *Перевод* — стихотворения Пушкина «Клеветникам России» (неизвестен). *«для Вас письмо...»* — письмо 448. *Опочинин* — К. Ф., племянник Хитрово.

452. Нащокин улаживал денежные расчеты Пушкина с В. С. Огонь-*Догановским* (см. примеч. 428) и Л. И. *Жемчужниковым* (1783—1856). *Жалованье...* — Пушкин был зачислен в коллегию иностранных дел, с жалованьем 5000 р. в год. *Ольга Андреевна* — см. примеч. 406.

453. *Похлопочи о «Северных цветах»...* — альманах издавался в пользу семьи покойного Дельвига. *Языков* — Н. М. *Киреевский* — И. В. *«затевают журнал»* — «Европеец». *Косичкин* — см. примеч. 444. *Россети* — А. О. Россет. *«Мармион»* — поэма Вальтер Скотта; Жуковский перевел из нее вторую главу под названием «Суд в подземелье». *«Каков Гогель...»* — Н. В. Гоголь, издававший «Вечера на хуторе...». *Повести мои* — «Повести Белкина».

454. *Стихотворения мои* — подготовлявшийся Пушкиным III том «Стихотворений»; разрешение было дано. *Письмо М. П. Погодина* — с просьбой о разрешении к печати трагедий его «Марфа Посадница» и «Петр».

455. *Дундуков* — М. А. Дондуков-Корсаков (1794—1869). *Стихи Уварова* — французский перевод стихотворения Пушкина «Клеветникам России».

456. *«Они согласились...»* — см. примеч. 452. *Семен Федорович* — Душин, управляющий имением Н. И. Гончаровой. *Дедушка* — А. Н. Гончаров. *«в мае родит...»* — старшая дочь Пушкина Мария родилась 19 мая 1832 г. *«Северные цветы»* — на 1832 год; см. примеч. 453. *Повести мои* — «Повести Белкина» (вышли в свет 24 октября 1831 г.).

458. *Повести* — «Повести Белкина», изд. 1831 г.

459. *«Пир во время чумы»* — для альманаха Розена «Альциона на 1832 год». *«Ваше предисловие»* — к не осуществленному Розеном немецкому переводу «Бориса Годунова»; было напечатано отдельно.

460. *Киреевский* — И. В., начал издавать журнал «Европеец». *Орлов* — А. А., бездарный писатель; о нем написана статья Пушкина «Торжество дружбы...» (ср. письмо и примеч. 444). *Хомяков* — А. С., поэт; написал трагедию «Дмитрий Самозванец». *Тризна* — «Северные цветы на 1832 год» в пользу братьев Дельвига. *Послание* Д. И. Хвостова — «А. С. Пушкину...».

461. *«Вы . . . сердиты»* — возможно, за строку в эпиграмме Пушкина «Собрание насекомых» («Вот Глинка, божия коровка...»). В «Северных цветах на 1832 год» Глинка принял участие.

462. *Сатирическая статья* — «Второе письмо из Карлова» Булгарина («Северная пчела», 1830 г., № 94). *Ответ* — стихотворение Пушкина «Моя родословная».

463. *«Мясник»* — «La primadona et le garçon boucher», роман Бюра де Гюржи. *«Барнав»* — роман Жюля Жанена. *Мандзони* — имеется в виду роман его «Обрученные». *Литта* — Ю. П., старший обер-камергер.

465. *Нащокин* — П. В.

466. *«Иван Выжигин»* — роман Булгарина. *Голицына* — А. В., урожд. Ланская (1792—1868). *Жемчужников* — см. письмо 452. *Нащокин* — П. В. *Мещерские* — П. И. (1802—1876) и его жена Е. Н., дочь Карамзина. *Дмитриев* — И. И. *Тургенев* — А. И. *Горчаков* — В. П. *Давыдов* — Д. В. *«Дело с . . . Догановским...»* — см. примеч. 428. *Цыхлер* (Сихлер) — модный магазин в Москве. *Корсакова* — А. А. Римская-Корсакова; вышла замуж за кн. А. Н. Вяземского. *Брат* — старший брат Натальи Николаевны, Дмитрий Николаевич. *Брюллов* — А. П., архитектор и портретист.

467. *Отпуск* — Пушкин был зачислен в коллегию иностранных дел. *Власов* — А. С. (1777—1825); *аукцион* — для продажи вещей, в уплату огромного долга. *Студент дурак* — поэт Ф. Фоминский. *Наталья Ивановна* — теща Пушкина.

468. Личное знакомство Бантыш-Каменского с Пушкиным состоялось в 1834 г.

469. *Василий* — В. М. Калашников, крепостной Пушкина. *Фомин* — Н. И., бесталанный литератор. *«Нащокин запутал дела...»* — ср. примеч. 428. *Дед твой* — А. Н. Гончаров. *Графини* — возможно, Е. М. и А. П. Ивелич. *Письмо Бенкендорфа* — от 10 декабря 1831 г., с сообщением мнения Николая I о стихотворении «Моя родословная». *Солдан* — В. Я. Сольдейн, жена секретаря голландского посольства.

470. *Солдан* — см. примеч. 469. *Давыдов* — вероятно, В., студент.

471. *«Северные цветы»* — на 1832 год, посвященные памяти Дельвига. *Сказки* — «Повести Белкина», изд. в октябре 1831. *Ваша дочь* — Е. Н. Вульф.

472. *Заступление мое* — в статье «Торжество дружбы...», подписанной «Ф. Косичкин» (ср. примеч. 444). *Фиглярин* — Булгарин. *Ваш «Выжигин»* — одно из многочисленных лубочных произведений Орлова, пародирующих булгаринского «Ивана Выжигина». *«Пчела»* — «Северная пчела» Булгарина и Греча. *Объявление* — в «Молве», № 43. *«Полевой нападает...»* — в рецензии на «Вечера на хуторе...» Гоголя. *О. М. Сомов,* под псевдонимом «Н. Луговой», напечатал ответную статью в № 94 «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» А. Ф. Воейкова.

473. *Посольство* — поездка А. Х. Кнерцера к В. В. Нащокину за деньгами. *Рахманов* — см. примеч. 413. *«Парижское обозрение»* — французский журнал. *Немец* — Кнерцер. *Ольга Андреевна* — см. примеч. 406.

474. *Софья Остафьевна* — см. примеч. 269. *Яковлев* — И. А. *Третий* — Николай I. *Коллегия* — иностранных дел, куда Пушкин был зачислен с окладом 5000 р. в год.

475. Блудов служил в коллегии иностранных дел и был связан с государственным архивом. *Дело, мне порученное* — «История Петра I».

476. *Ходатайство . . . предположения* — о делах П. В. Нащокина, желавшего купить у Балашова участок земли.

477. *Твои дела* — см. примеч. 476. *Андрей Христофорович* — Кнерцер. *Рахманов* — см. примеч. 413. *Арап* — чернильница с фигурой арапа. *Портрет* Пушкина не был написан А. П. Брюлловым. *Твой брат* — В. В. Нащокин.

478. *Посланница* — Д. Ф. Фикельмон, дочь Хитрово, жена австрийского посла. *Гончаров* — Иван Николаевич, брат Натальи Николаевны. *«Онегин»* — VIII глава романа.

479. *«Европеец»* — журнал Киреевского. *Отрывок повести* — «Домика в Коломне». *«Спящая царевна»* — «Сказка о спящей царевне». *«Мышь Степанида»* — отрывок из сказки «Война мышей и лягушек». *Раич* — С. Е., литератор, издатель «Галатеи». *Павлов* — Н. Ф., писатель. *Ваша статья* — «Обозрение русской литературы за 1831 год». *«Годунов»* — «Борис Годунов». *«Наложница»* — поэма Баратынского. *«Антикритика»* Баратынского — в «Европейце», 1832 г., № 2. *Миерис — голландский* художник-миниатюрист. *Языков* — Н. М.

480. *«изволили требовать...»* — в письме от 7 февраля 1832 г. *Древо яда* — «Анчар». *Милость* — в 1826 г. царь пожелал сам быть цензором Пушкина.

481. *О бриллиантах* — об их выкупе. *Рахманов* — см. примеч. 413. *Ответ его* — письмо от 9 февраля 1832 г.

482. *Письмо Дмитриева* — от 1 февраля 1832 г. *«угодить Вам...»*—«Моцартом и Сальери». *«Европеец»*— журнал И. В. Киреевского; был запрещен не по доносу, а по собственному заключению Николая I.

483. *Стихотворение* — «Анчар» (ср. письмо 484).

484. *Книга* —«Полное собрание законов Российской империи», в 55 томах. *Предпринимаемый труд* — история Петра I. *Шувалов* — И. И. (1727—1797). *Стихотворение* — «Анчар».

485. *Вексель* Пушкина был перекуплен Кистером.

487. Жалованье Пушкину, зачисленному в коллегию иностранных дел, было назначено 5000 р. в год.

488. *Алымов* — П. М., опочецкий предводитель дворянства. *Его мать* — Е. Н. Вревская, урожденная Вульф. *Крестины* — см. примеч. 456.

489. *Девица Кюхельбекер* — младшая сестра В. К. Кюхельбекера, Юлия. *Служба* — в коллегии иностранных дел. На обе просьбы Пушкина разрешение не было дано.

490. *Батюшков* — сошел с ума в 1822 г. *«Моя жена имела неловкость...»*— ср. примеч. 456.

491. *Статуя Екатерины II* — см. примеч. 326 — казной куплена не была.

492. *«Запрещение Вашего журнала. . . Донос. . . из тучи. . .»* — см. примеч. 482. *Брат ваш* — П. В. Киреевский. *Николай Михайлович* — Языков. *«Мне разрешили...»* — речь идет о газете «Дневник»; разрешение было впоследствии отменено (ср. Деловые бумаги 8, 9, 10).

493. *Комиссия Ваша* — переговоры с книгопродавцем Смирдиным о продаже ему издания не имевшей успеха трагедии Погодина «Марфа Посадница». *«Петр»* — трагедия Погодина. *Политическая газета* — «Дневник» (см. примеч. 492). *Подписку* на свою еще не написанную *«Историю...»* собирал Н. А. Полевой. *Надеждин* — Н. И., напечатал рецензию на VIII главу «Евгения Онегина» («Телескоп», 1832 г., № 9). *Шишков* — А. А., послал Пушкину издание своих переводов «Избранный немецкий театр». *«не отвечал...»* — на письма от 6 октября 1831 г. *«Фортунат»* — переведенная Шишковым драматическая сказка Л. Тика.

494. *Прелестный . . . подарок* — присланное Хвостовым стихотворение его «Соловей в Таврическом саду», восхваляющее Пушкина. *«два раза почтили...»* — в 1831 г. Хвостов написал послание «А. С. Пушкину...».

495. *Программа* — задуманной Пушкиным газеты «Дневник» (ср. примеч. 492), к участию в которой Пушкин хотел привлечь Погодина. *Уничтожить монополию* — «Северной пчелы» Булгарина. *Косичкин* — см. примеч. 444. *Ваш клиент Годунов* — Погодин писал драму из жизни Бориса Годунова.

496. *Иосиф* — намек на библейское предание. *Сара* — цыганка Ольга Андреевна (см. примеч. 406), названа по имени героини поэмы Баратынского «Наложница» ввиду сходства ситуации. *Кокю* — рогоносец. *Обер* — Л. Н., содержатель гостиницы. *Великая княгиня* — Елена Павловна. *Дела мои* — перезалог имения (Кистенева) в Опекунском совете (не состоялся). *Петр* — повар Пушкина. *Маша* — Мария Александровна, дочь Пушкиных (1832—1919). *Спасский* — И. Т., домашний врач Пушкиных.

497. *Фрибелиус, Иохим* — каретные мастера. *Давыдов, Сорохтин* — вероятно, студенты, поклонники Натальи Николаевны. *18 февраля* 1831 г. *в приходе Вознесения* было венчание Пушкина. *Петушков* — персонаж из «Евгения Онегина». Буянов — герой поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед». *Окулова* — одна из дочерей камергера А. М. Окулова. *Дела мои* — см. примеч. 496. *Катерина Ивановна* — Загряжская (см. примеч. 343). *Ипполит* — слуга Пушкина.

498. *Пушкин* — родственник Натальи Николаевны, Ф. М. Мусин-Пушкин. *Дела* — см. примеч. 496. *Безобразов* — С. Д., флигель-адъютант. *Александров* — П. К., побочный сын вел. кн. Константина Павловича. *Бобринская* — А. В., графиня (1769—1846). *Профессор Давыдов* — И. И., математик, философ и словесник, занимал кафедру в Моск. университете. *Денис* — Д. В. Давыдов.

499. *Пушкин* — Ф. М. (см. примеч. 498). *Идалия* — И. Г. Полетика (ум. 1889). *Кокю* — рогоносец. *Баратынский* — Е. А., его жена А. Л., урожденная Энгельгардт. *Газета* Пушкина — «Дневник» (см. примеч. 492). *Каченовский* — см. примеч. 24. *Соллогуб* — Н. Л., двоюродная сестра писателя В. А. Соллогуба. *Пушкин* — гр. В. А. Мусин-Пушкин. *Аврора* — А. К. Шернваль, дочь выборгского губернатора. *Ее сестра* — Э. К. Шернваль. *Урусова* — Н. А., княжна. *Соллогуб тетка* — гр. С. И. Соллогуб (1791—1854). *Яр* — московский ресторатор. *Роман* —«Дубровский». *Газета* — см. примеч. 492. *Отрыжков* — Н. И. Тарасенко-Отрешков, привлеченный к предполагавшемуся изданию газеты «Дневник».

500. *Пакет Бенкендорфу* — возможно, по поводу газеты Пушкина (см. примеч. 492). *Нащокинское положение* — речь идет о раздорах Нащокина с цыганкой Ольгой Андреевной (см. примеч. 496). *Неоконченное дело* — см. примеч. 498. *Дмитрий Николаевич* — брат Натальи Николаевны. *Отец* — душевнобольной Н. А. Гончаров. *Наталья Ивановна* — мать Натальи Николаевны. *Катерина Ивановна* — Загряжская, ее тетка. *Горсткина* — С. Н. (ум. 1858). *Щербатов* — П. А. (род. 1811), корнет. *Безобразов* — см. примеч. 535. *Урусов* — один из сыновей кн. А. М. Урусова. *Маша Вяземская* — дочь П. А. Вяземского (1813—1849). *Другой Урусов* — кн. Н. А. (1808—1843), женился на А. Н. Бороздиной.

501. *Перезалог* — см. примеч. 496. *Федор Данилович* — Шнейдер, врач. *Второе издание «Онегина»* — 1-е полное издание романа; вышло в 1833 г. *«Островский»* — «Дубровский». *Короткий* — служащий Ссудной казны. *Твои мемории* — воспоминания Нащокина (см. т. VII). *Мой журнал* — задуманная Пушкиным газета «Дневник» (см. примеч. 492). *Моя статуя* — см. примеч. 326. *Гаврила Александрович* — так Пушкин предполагал назвать своего старшего сына. *Вельтман* — А. Ф.; писал либретто для оперы А. П. Есаулова «Летняя ночь». *Павел* — сын Нащокина и цыганки Ольги Андреевны.

502. *Милый братец* — каламбур: И. Н. Гончаров, о котором идет речь,— «beau frère» Пушкина (брат Натальи Николаевны).

503. Санковский был редактором официальной газеты «Тифлисские ведомости». В момент написания письма Пушкин не знал, что Санковский уже умер. *Казасси* — И. А., офицер. *Ширяев* — книгопродавец. *Бестужев* — А. А. *Россети* — К. О. Россет, брат А. О. Россет-Смирновой.

505. Пушкин обратился к Чернышеву за материалами для задуманной им истории А. В. Суворова, которая стала началом работы над «Историей Пугачева».

506. *Нужные бумаги* — для перезалога деревни Кистенево. *Федор Данилович* — Шнейдер, врач. *М. А. Салтыков* — тесть покойного Дельвига. *Вейер* — Н. А., купец. *Рахманов* — см. примеч. 413. *Сожительница* — см. примеч. 406. *Тюфли* — имение Балашева (ср. письмо 476). *Записки* Нащокина — см. т. VII. *Сестры* Натальи Ни-

колаевны — Александра и Екатерина. *«съезжу в Нижний...»* — в связи с работой над «Историей Пугачева».

507. Ответ на письмо Чернышева от 25 февраля 1833 г. *Книги* — архивные материалы для истории Суворова (см. примеч. 505). *Приказания* — о возвращении материалов.

508. Речь идет о работе Пушкина над «Историей Петра I».

509. Ср. примеч. 507. Пушкин благодарит за присылку дополнительных материалов.

510. *Трагедия* — перевод В. А. Якимовым «Венецианского купца» Шекспира.

511. Пушкин хотел издать «Записки» (или «Воспоминания») Ермолова (были изданы только в 1863 г.).

512. *«Дочь Жолобова»* («Дочь купца Жолобова») и *«Камчадалка»* — романы Калашникова. *Полевой* — Н. А.; резко критиковал их. *Роман* Полевого — «Клятва при гробе господнем».

513. *Анна Николаевна* — Вульф. *Моя дочь* — Мария Александровна (1832—1919).

514. *Исторические записки* Дмитриева («Взгляд на мою жизнь») были изданы после его смерти; отрывок был включен Пушкиным в примечание к VIII главе «Истории Пугачева».

515. *П. И. Соколов* — непременный секретарь Российской Академии; Пушкин был избран ее членом в 1833 г. *Баранов* — Д. О., сенатор.

516а. *родами Наташи* — Н. Н. Пушкина родила сына Александра 6 июля 1833 г. *Так как вы глава семейства* — 1 ноября 1832 г. была учреждена опека над «повредившимся в уме» отцом Н. Н. Пушкиной Н. А. Гончаровым и в управление имениями Гончаровых вступил Д. Н. Гончаров. *Наталья Ивановна* — Гончарова. *От своего деда* — Афанасия Николаевича Гончарова, умершего 8 сентября 1832 г., просимых «душ» Пушкин не получил.

518. *Николай Модестович* — Бакунин; Корф просил доставить ему переводы в «Библиотеке для чтения» Смирдина. *Поздравления* — с рождением сына Александра (6 июля 1833 г.).

519. *Рукопись Рычкова* — помещена во II томе «Истории Пугачева».

520. За отсутствием Бенкендорфа на это письмо ответил А. Н. Мордвинов (см. письмо 521).

521. См. примеч. 520. *Вопросы Мордвинова* — в письме от 29 июля 1833 г. *Роман* — «Капитанская дочка». Разрешение было дано.

523. *«и это я прогулял...»* — во время наводнения 7 ноября 1824 г. Пушкин находился в ссылке, в Михайловском. *Анреп* — Р. Р., офицер; в припадке сумасшествия утонул в болоте (1830 г.). *26 августа* — день обычного придворного бала. *Катерина Ивановна* — см. примеч. 500. *Вяземский* предполагал издать с Пушкиным альманах.

524. *Вульф* — Александр И. *Павел Иванович* — Вульф. *Анета* — Анна Н. Вульф. *Евпраксия* — Е. Н. Вульф. *Саша* — А. И. Осипова.

Маша — М. И Осипова. *Прасковья Александровна* — Осипова. *Вельяшева* — Е. В. (ей посвящены стихотворения Пушкина «Подъезжая под Ижоры...» и «Я ехал к вам...»). *Мадам Жорж* — вероятно, акушерка Натальи Николаевны.

525. *Наталья Ивановна* — мать Натальи Николаевны. *Маша* — дочь Пушкиных (1832—1919). *Катерина Ивановна* — см. примеч. 500. *Дорошенко* — Петр Дорофеевич, соратник Богдана Хмельницкого; похоронен в Ярополье. *Семен Федорович* — управляющий. *Дмитрий Николаевич* — брат Натальи Николаевны. *Чернышева* — Н. Г., в замужестве кн. Долгорукая. *Кругликова* — замужняя сестра Чернышевой. *Муравьев* — А. Н., автор «Путешествия ко святым местам». *Отец довольно тих* — душевнобольной Н. А. Гончаров.

526. *Киреевский* — И. В. *Булгаков* — А. Я., московский почтдиректор; *красавицы* — дочери его, Е. А. и О. А. *Шаликов* — см. примеч. 52. *Погодин* в 1833 г. женился на Е. В. Вагнер. *Брат Н. Раевского* — А. Н. Раевский. *Долгорукий* — П. М., умер от холеры. *Орлов* — М. Ф. (см. примеч. 14). *Ростопчин* — Ф. В., был Московским главнокомандующим во время войны 1812 года.

527. *Сихлер* — владелица модного магазина. *«Пугачев не стоит этого»* — Пушкин предпринял поездку в целях собирания материалов для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». *Тетка* — см. примеч. 500.

528. *«поехал к Булгакову...»* — см. письмо 526. *Всеволожский* — Н. В. *Бутурлин* — М. П., нижегородский военный и гражданский губернатор.

529. *Мой герой* — Пугачев. *«быть в деревне»* — в Болдине. *Баратынский* — Е. А., поэт.

531. *Загряжский* — А. М., симбирский губернатор, родственник Натальи Николаевны. *Сергей Николаевич* и *Иван Николаевич* — братья Натальи Николаевны. *Несносная баба* — А. А. Фукс. Резкость вызвана опасением ревности Н. Н. *Муж ее* — К. Ф. Фукс, профессор. *Брат* Н. М. Языкова — П. М. Языкова, геолог. *Катерина Ивановна* — см. примеч. 500. *Брат Сергей* — С. Н. Гончаров.

532. От Симбирска до Оренбурга имелось три дороги: «главная» (по правому берегу Волги) на Сенгилей и Самару, «губернская», шедшая на Сызрань, и третья дорога (не почтовая) — в Красный Яр. Сначала Пушкин поехал по первой дороге. Доехав до Сенгилея (*«третья станция»)*, вернулся и 15 сентября выехал по «губернской» дороге, зарисовав в записной книжке дом Н. М. Карамзина.

533. *Ипполит* — слуга Пушкина.

534. *Языковы* — Н. М., поэт, и его братья А. М. и П. М., геолог. *Тетка* — см. примеч. 500. *75-летняя казачка* — Бунтова (см. т. VIII, стр. 260).

535. *Жуковский* — вернулся из-за границы и был награжден орденом св. Станислава I степени. *Софья Николаевна* — дочь Карамзина. *Смирнова* — А. О., урожденная Россет. *Безобразов* — С. Д., флигель-адъютант, женился на кн. Л. А. Хилковой. *Василий Льво-*

вич — Пушкин. *Отрежков* — Н. И. Тарасенко-Отрешков. *Хитрова* — Е. М. Хитрово. *Фикельмон* — К. Л., австрийский посол в Петербурге, и его жена, Д. Ф. *Катерина Ивановна* — см. примеч. 500.

536. *Жених княжны Любы* — Безобразов (см. примеч. 498).

537. *Огарев* — Н. А., офицер. *Соллогуб* — Н. Л. (см. примеч. 499). *Шереметев* — Д. Н., крупнейший землевладелец. *Мещерская* — Е. Н., дочь Карамзина. *Вьельгорский* — см. примеч. 169. *Катерина Николаевна* —сестра Натальи Николаевны. *Письмо Соболевского* — от 20 октября 1833 г.

538. *Басня А. Е. Измайлова* — «Заветное пиво». *Нинон* — Нинон де Ланкло, французская куртизанка. *Все, что пахнет московской барышнею,* и далее — слова из «Евгения Онегина». *Катерина Андреевна* — вдова Карамзина. *Мещерская* Е. Н. (см. примеч. 466) и *София Николаевна* — дочери Карамзина. *Полетика* — И. Г.

539. Ответ на предложение Одоевского (письмо к Пушкину от 28 сентября 1833 г.) принять участие, под псевдонимом «Белкин», в альманахе «Гомозейки» (Одоевского) и «Рудого Панька» (Гоголя). *«Тройчатка»* — виньетка должна была изображать разрез дома — чердак, комнату и погреб. *Скромная отшельница*—В. И. Кравкова; убежала из дому и ушла в монастырь с помощью проезжавшего через Симбирск П. Д. Сеченова, второго мужа матери Одоевского, который писал об этом Одоевскому летом 1833 г.; об ее побеге родителями было поднято дело. *Губернатор* — Загряжский (см. примеч. 531). *Комедия Гоголя* — «Владимир 3-й степени».

540. *Нинон* — см. примеч. 538. *Луи-Филипп* — французский король. *Лев Сергеич* и *Василий Львович* — Пушкины.

541. *Стенька* — «Relation des particularités de... Stenko Razin», Paris, MDCLXXII. *Стрюйс* — «Путешествия И. Стрюйса». *Сочинение Вебера* — «Измененная Россия», 1721. *Пердуильонис* — «Стенко Разин..., id es ...Perduellis».

542. *Сатирикон* — сатирический роман Петрония. *Мистерии* — возможно, «Le mystère de la croix...», 1791.

543. *Домашние обстоятельства* — см. примеч. 496. *Князь Федор* — Ф. Ф. Гагарин, бреттер, московский знакомый Пушкина. *Леленька* — племянник Нащокина.

544. *Стихотворение* — «Медный всадник»; был напечатан только после смерти Пушкина. *Журнал Смирдина* — «Библиотека для чтения», где Пушкин часто печатался. *Исторический роман* — «Капитанская дочка». *История Пугачевщины* — «История Пугачева», изданная в 1834 г. под названием «История Пугачевского бунта».

545. *Два грустных письма* — от конца ноября и начала декабря. *«дела твои домашние...»*—см. примеч. 496. *Григорий Федорович* — карлик, живший у Гончаровых. *Леленька* — см. примеч. 543. *История Пугачева* — была пропущена (см. примеч. 544). *Крестник твой* — сын Пушкина Александр. *Павел* — сын Нащокина и цыганки Ольги Андреевны; Нащокин хотел через Плетнева куда-нибудь его устроить. *Гагарин* — см. примеч. 543.

546. *«Анжель»* — драма А. Дюма-отца; напечатана в 1833 г. *Хитрово* — Е. М.

547. На печатание «Истории Пугачева» Пушкин получил ссуду 20 000 р. *Сперанский* — М. М., в то время был начальником II отделения.

548. *Протодиакон* — Ф. Ф. Лебедев.

551. *Арндт* — известный врач.

552. Ответ на письмо Е. К. Воронцовой из Одессы от 26 декабря 1833 г. Какое свое произведение послал Пушкин для альманаха «Подарок бедным» — неизвестно.

553. *Высочайшая милость* — см. примеч. 547.

554. Ср. письма 549, 550, 553. Пушкин отвечает на письмо Дубельта от 4 марта 1834 г. с извещением о разрешении печатать «Историю Пугачева» в типографии II отделения.

555. *Греч* предложил Пушкину и Одоевскому участвовать в редактируемом им Энциклопедическом лексиконе Плюшара. 16 марта Пушкин и Одоевский были на совещании у Греча, но реального участия в издании не приняли.

556. Ср. письмо 555.

557. *«обрадовался я...»* — в письме Пушкину Нащокин сообщал о своей женитьбе на В. А. Нарской (ср. письмо 496). *Лев Сергеевич* — Пушкин. *Брат* — брат Нащокина, В. В. *Кенз-ель-ва и плие* — игорные термины. *Калужская деревня* — «Полотняный завод». *Сестры* Натальи Николаевны — Александра и Екатерина. *Андрей Петрович* — Есаулов, музыкант. *Управитель* — И. М. Пеньковский. *Пугачев* — «История Пугачевского бунта».

558. *Извещение* — в письме Д. М. Княжевича от 21 марта 1834 г.

559. Ср. письмо 547. *Министр финансов* — Е. Ф. Канкрин.

561. Пушкин был избран в члены «Московского Общества любителей российской словесности» в 1829 г.; отвечает Погодину, секретарю общества, на письмо от 24 марта 1834 г. *Статья о Видоке* — «О записках Видока». *Газета Шаликова* — «Московские ведомости». *«Я всякому...»* — цитата из «Горя от ума» Грибоедова. *«Пугачев выйдет...»* — ср. письмо 547. *Петр* — «История Петра I».

562. Недовольный Никитенкой, Пушкин вскоре передал рукопись цензору Семенову.

563. *Лелевель* — польский революционер-эмигрант (см. «Дневник» Пушкина, запись 11 апреля 1834 г., т. VIII).

565. *Рукопись* — см. письмо 519. *Ваш первый роман* — «Последний Новик». *Новое Ваше творение* — «Ледяной дом», отрывок из которого напечатан в альманахе «Денница» (1834).

566. Наталья Николаевна уехала к матери с детьми 15 апреля 1834 г. *Литта* — Ю. П., граф, церемониймейстер. *Нарышкин* — К. А. (об его остроте ср. в Дневнике, запись 18 апреля 1834 г., т. VIII). *Безобразов* и *Реймарс,* Н. Ф. (1806—1889) — камер-юнкеры. *Журден* — герой комедии Мольера «Мещанин во дворянстве». *«читая Гримма...»* — «Переписку барона Ф. М. Гримма». *Дюме* — рестора-

тор. *Тетка* — см. примеч. 500. *Софья Остафьевна* — см. примеч. 269. *Письмо матери* — Натальи Ивановны Гончаровой.

567. *Спасский* — домашний врач Пушкиных. *Сестры твои* — Александра и Екатерина Гончаровы. *Катерина Ивановна* — см. примеч. 500.

568. *Тетка* — см. примеч. 500. *Праздники* — по случаю совершеннолетия наследника, вел. кн. Александра Николаевича. *Первый* — Павел I. *Второй* — Александр I. *Третий* — Николай I. *Сестры* — см. примеч. 567. *Отец* — душевнобольной Н. А. Гончаров. *Дедина библиотека* — библиотека А. Н. Гончарова в Полотняном заводе. *Дмитрий Николаевич* — брат Натальи Николаевны. *Кочубей* — В. П., князь. *Мердер* — К. К., воспитатель наследника. *Аракчеев* умер 21 апреля 1834 г. Настоящее письмо Пушкина было вскрыто и прочтено.

569. *Карамзина* — Е. А., вдова Н. М. Карамзина. *Тимирязева* — С. Ф. (1799—1875).

570. *Тетка* — см. примеч. 500. *Сестры* — см. примеч. 567. *Мать* — Н. И. Гончарова. *Отец* — см. примеч. 568. *Карамзина* — см. примеч. 569. *Смирнова* — А. О., урожденная Россет. *Бал* — в доме Д. Л. Нарышкина, по случаю совершеннолетия наследника. *«Скажи мне...»* — перефразировка афоризма A. Brillat-Savarin из «Физиологии вкуса» («Dis moi ce que tu manges»).

571. *Бал* — ср. примеч. 570. *Голицына* — Т. В., жена московского генерал-губернатора. *М-ль Зонтаг* — певица.

572. *Софья Карамзина* — дочь писателя. *Бакунина* — Е. П., вышла замуж за А. А. Полторацкого, двоюродного брата А. П. Керн. *Новомленский, Сорохтин* — студенты, поклонники Натальи Николаевны; *Александра Николаевна* и *Катерина Николаевна* — ее сестры; *Наталья Ивановна* — ее мать.

573. *Мой труд* — «История Пугачева».

574. *Ваше письмо* — от 26 апреля, с просьбой выслать долг Л. С. Пушкина (Пушкин с 1833 по 1835 г. управлял отцовским имением).

575. *Дюме* — ресторатор. *Графиня Соллогуб* — Н. Л.; Наталья Николаевна ревновала к ней Пушкина. *Тетка* — см. примеч. 500. *Спасский* — см. примеч. 567. *Брат Иван* — Иван Николаевич Гончаров. *«Ольга Сергеевна начинает сердить...»* — имеется в виду письмо ее мужа Павлищева. *Откажусь* — от управления отцовским имением.

576. *Софья Карамзина* — дочь писателя, *Соллогуб* — см. примеч. 575. *«взял имение...»* — см. примеч. 574. *Тетка* — см. примеч. 500. *Прусский принц* — будущий король Фридрих-Вильгельм IV. *Мещерская* — Е. Н., дочь Карамзина.

577. Ответ на письмо Гоголя от первой половины мая 1834 г. Гоголь «по состоянию здоровья» добивался назначения профессором в Киевский университет и просил Пушкина ходатайствовать за него перед Уваровым. *Телеграф* — «Московский телеграф», был запрещен в 1834 г.

578. *Спасский* — см. примеч. 567. *«письма... ходили по полиции...»* — Пушкин узнал, что было вскрыто его письмо (№ 568). *Наталья Ивановна* — Гончарова.

579. *Одно из моих писем...»* — письмо 568. *Нарышкин* —возможно, И. А., посаженый отец Н. Н. Гончаровой. *Вьельгорский* — см. примеч. 169.

580. *Сочинения мои* — «Повести Белкина», «Арап Петра Великого» и «Пиковая дама»; вышли в 1834 г. под названием «Повести, изданные Александром Пушкиным». *Сочинения* Пушкина были доставлены ссыльному Кюхельбекеру.

581. *Соллогуб* — см. примеч. 575. *«полиции, которая читает...»* — ср. примеч. 578. *Чревовещатель* — А. Ваттемар. *Петр* — «История Петра I». *Сперанский* — М. М., политический деятель. *Вьельгорский* — см. примеч. 169. *Тетка* — см. примеч. 500. *Дмитрий Николаевич* — Гончаров, брат Натальи Николаевны.

582. *Свинство почты* — см. примеч. 578. *Сергей Николаевич* — Гончаров, брат Натальи Николаевны. *Брат* — И. Н. Гончаров. *Наталья Кирилловна* — Загряжская (см. примеч. 343). *Долгорукая* — Е. А., урожденная Малиновская. *Карамзина* — Е. А., вдова писателя. *Мещерские* — см. примеч. 466. *Софья* — дочь Карамзина. *Красовский* — ср. запись Пушкина в «Дневнике» от 2 июня. *Великая княгиня* — Елена Павловна. *Соллогуб* — см. примеч. 575. *Лев* — Лев Сергеевич Пушкин.

583. *«бумаги, касающиеся Пугачева...»* — см. примеч. 519. *Статья о Панине* — биография гр. П. И. Панина, присланная Пушкину для передачи в «Библиотеку для чтения» Смирдина. *Предприятие Плюшара* — см. примеч. 555.

584. *«Не сметь... писать»* — см. примеч. 578. *«Не хочу быть шутом»* — из письма Ломоносова к И. И. Шувалову от 19 января 1761 г. *Тетка* (Е. И. Загряжская) и *Наталья Кирилловна* — см. примеч. 343. *Кочубей* — В. П., председатель Государственного совета. *«снарядить в дорогу...»* — Сергея Львовича и Надежду Осиповну Пушкиных, уезжавших на лето в Михайловское. *«откажусь от управления...»* — Пушкин отказался в 1835 г. *Фикельмон* — К.-Л., австрийский посланник. *Вьельгорский* — см. примеч. 169. *Дюме* — ресторатор.

585. *Сестры* — Гончаровы, Екатерина и Александра *(«моя любимая»). Тетка, Наталья Кирилловна* — см. примеч. 343. *Кочубей* — см. примеч. 584. *Маша* — жена Кочубея, племянница Н. К. Загряжской. *Мои* — Сергей Львович и Надежда Осиповна Пушкины. *Губернаторша* — Е. И. Бибикова, урожденная Муравьева-Апостол (сестра декабристов). *Невеста Дмитрия Николаевича* — Н. Г. Чернышева (см. письмо и примеч. 525). *Прусский принц* — см. примеч. 576. *Озеров* — С. П., лицеист 3-го выпуска. *Заводы* — имение Гончаровых «Полотняный завод». *Жена Вьельгорского* (см. примеч. 169) умерла в 1835 г. *«Петр I»* — «История Петра I». *«На того...»* — на Николая I, за вскрытое почтой письмо 568.

586. *Спасский* — см. примеч. 567.

587. Просьбу об отставке Пушкин взял обратно.

588. *«Ваше благородие...»* — цитата из 4-й сцены «Недоросля» Фонвизина. *«представлялся великой княгине...»* — см. письмо и примеч. 582. *Соллогуб* — см. примеч. 575. *Чичерина* — Е. П., четвероюродная сестра Пушкина. *Дюме* — ресторатор. *Катерина Николаевна, Александр Николаевич, Дмитрий Николаевич* (см. ниже) — сестра и братья Натальи Николаевны. *Убри* — С. П., высланный в Калугу под надзор. *Залог имения* — Болдина. *«препоручить Пугачева...»* — наблюдение за печатанием «Истории Пугачева», М. Л. Яковлеву. *«Туда бы от жизни...»* — измененный стих из стихотворения Жуковского «Горная дорога». *Тетка* — см. примеч. 343.

589. *Литта* — Ю. П., церемониймейстер. *«думаю об отставке...»* — ср. письмо 587. *Бобринская* — А. В., жена А. А. Бобринского, *«удерживает . . . типография»* — печатание «Истории Пугачева». *Наш хозяин* — Оливье. *Сергей Николаевич* — брат Натальи Николаевны. *Тот* — Николай I.

590. *Жетоны* выдавались членам Российской Академии за присутствие на заседании и затем оплачивались. *Печатать Пугачева* — см. примеч. 588. *Serge и Иван Николаевич* — братья Натальи Николаевны. *Новый управитель* — К. Рейхман. *«отказался от управления...»* — в письме от 22 июня 1834 г.

591. Яковлев был начальником типографии II отделения, где печаталась «История Пугачевского бунта».

592. Ср. письмо 587.

593. Ответ на письмо Жуковского от 3 июля 1834 г. *Первое письмо* — от 2 июля, в котором Жуковский сообщал о разрешении Николая I взять назад просьбу Пушкина об отставке и передал слова царя: «Я... дам ему отставку. Но в таком случае все между нами кончено». *Лизавета Михайловна* — Хитрово. *Еще два письма* — Пушкин имеет в виду указанное письмо Жуковского.

594. Ср. письмо 587.

595. Записка — при отсылке I главы «Истории Пугачева».

596. Ответ на письмо Жуковского от 6 июля 1834 г. Ср. письмо 593.

597. Ср. письмо 587. Настоящее письмо было Бенкендорфом доложено царю, который «простил» Пушкина и счел несостоявшейся его просьбу об отставке.

598. *Прекрасное Ваше творение* — роман «Аскольдова могила». *Александр* — Ваттемар, чревовещатель. Загоскин был директором московских императорских театров.

599. *Соллогуб* — см. примеч. 575. *Обстоятельства тебе известные* — перлюстрация письма 568. *«печатаю Пугачева»* — «Историю Пугачева». *«тороплю Яковлева»* — см. примеч. 591. *Ермолова* — жена А. П. Ермолова, дочь наполеоновского маршала де Лассаля. *«с тем...»* — с Николаем I (ср. письма 585, 587, 597). *Великая княгиня* — Елена Павловна, преподавателем у которой был Плетнев.

600. Пушкин отвечает на письмо Осиповой от 24 июня 1834 г. *Рейхман* — был рекомендован Пушкину Осиповой в качестве управляющего. *Михайла* — М. И. Калашников. *Пеньковский* — уп-

равляющий. *«Рейхман только что написал...»* — письмо от 22 июня 1834 г. *Малинники* — имение Осиповой.

601. *«Печатаю Пугачева»* — «Историю Пугачева». *«подал в отставку...»* — см. письма 587, 597. *Аничковские балы* — придворные балы в Аничковском дворце.

602. *Оливье* — домохозяин. *Яковлев* — см. примеч. 591. *Сергей Николаевич* — брат Натальи Николаевны. *Тетка* — см. примеч. 500.

603. Записка касается печатания «Истории Пугачева».

604. Речь идет о соединении VIII и IX глав «Истории Пугачева» в одну VIII.

605. *«беру этаж...»* — в доме Баташева на Гагаринской набережной. *Дочь Вяземских* — Прасковья; умерла в Риме в 1835 г. *Гальяни* — аббат, философ и историк, автор известной «Переписки». *Держу корректуру* — «Истории Пугачева». *Лев Сергеевич* Пушкин уехал в Грузию только в 1836 г. *«Поручаю тебе...»* — каламбур. *Заводы* (Полотняный завод) — имение Гончаровых. *Маршал Мезон* — французский посланник в Петербурге.

606. *«Яковлев отпустит...»* — ср. примеч. 591. *Дюме* — ресторатор. *Беру его квартеру* — см. примеч. 605.

607. *Ответ г-на Загоскина* — ср. письмо 598. См. запись Пушкина в альбом Ваттемара, т. VIII, стр. 60.

608. *Каратыгины* — В. А., знаменитый трагический актер, и его жена А. М., урожденная Колосова. *«Яковлев отпустит...»* — ср. письмо 591. *Полина* — дочь Вяземского (см. примеч. 605). *Мария* — дочь Вяземского. *М-me Жорж* — см. примеч. 524. *Тетка* и *Наталья Кирилловна* — см. примеч. 343. *Кочубей* — см. примеч. 584. *Маша* — вдова его (см. там же). *Сергей и Иван* — братья Натальи Николаевны. *Корректура* — «Истории Пугачева».

609. Ср. примеч. 591. Написано на предисловии Пушкина к «Истории Пугачева». Там же — выписка из предисловия («Мой труд, конечно, несовершенный и добросовестный») с зачеркнутым словом «усердный» и с заметкой на полях: «Усердие мое к Пугачеву тут лишнее». Пушкин отвечает на записку Яковлева от 12 августа 1834 г. («Нельзя ли без Вольтера?»).

610. *18-й лист* — «История Пугачева». *В других списках* — «Летописи» Рычкова (см. примеч. 519). *«Ты прав, любимец муз»* — из «Послания к И. М. Муравьеву» Батюшкова. *«Выкинуть имя Вольтера...»* — см. примеч. 609.

612. *Романы Лажечникова* — «Последний Новик» и «Ледяной дом». *Пугачевщина* — рукопись Рычкова (см. примеч. 519).

613. *Нижегородская деревня* — Болдино. *27 августа* — день рождения Натальи Николаевны (в 1834 г. ей исполнилось 22 года). *Иван и Сергей Николаевичи* — братья Н. Н. *В хлопотах обзаведения* — в связи с производством в офицеры.

614. *Пугачев явится...* — «История Пугачева» вышла в конце декабря 1834 г.

615. *«Ты в Париже»* — намек на долгие сборы Соболевского (уехал в Париж только в 1837 г.).

616. *Полевой* — К. А.; заведовал книжной торговлей бр. Полевых и предлагал Пушкину содействие в продаже «Истории Пугачева».

617. *Безобразов обожатель* — см. примеч. 498. *Безобразов* — П. Р., ротмистр; его жена М. В., урожденная Васильева, была незаконной дочерью В. Л. Пушкина. Часть Болдина, принадлежавшая В. Л. Пушкину, была передана другому лицу. *Пугачев* — «История Пугачева». *Читаю* —«Histoire de la conquête d'Angleterre...» («История завоевания Англии») О. Тьерри.

618. *Роман* — вероятно, 1-я редакция «Капитанской дочки». *Наталья Ивановна* — мать Натальи Николаевны. *Языков* — А. М., брат поэта Н. М. Языкова. *Тетка* — см. примеч. 500.

619. *Александр Михайлович* — брат Языкова; женился на Н. А. Наумовой, Мысль об издании журнала осуществилась только в 1836 г. («Современник»). *Петр Александрович* — по всей вероятности, описка — имеется в виду П. М. Языков, брат поэта.

620. *Годовщина* — 19 октября, день основания Лицея; в 1834 г. праздновалась у Яковлева. *№ 14* — номер лицейской комнаты Пушкина (номерами своих комнат подписывались лицеисты).

621. *Посылка из Казани* — «Стихотворения Александры Фукс» и среди них — «На проезд А. С. Пушкина через Казань». *Люцероде* — саксонский посол в Петербурге. *Карл Федорович* — Фукс, муж поэтессы.

622. *Перечел* — повесть Гоголя «Невский проспект» (напечатана в «Арабесках», 1835). *Секуция* (сцена сечения Пирогова немцами-ремесленниками) цензурой была исключена.

623. *Доверенность* — на управление Болдином и Кистеневом (см. Деловые бумаги, № 13).

624. *«издать в одну книгу...»* — «Поэмы и повести Александра Пушкина» вышли в свет в 1835 г.

625. Тургенев собирался в Париж. *«Папа» Мейстера* — «О папе» Ж. де Местра.

626. *Сперанский* — см. примеч. 547. «История Пугачева» вышла в свет в самом конце декабря.

627. *Эристов* — кн. Д. А., приятель Пушкина.

628. С 1833 г. Бобринский служил в Министерстве финансов. *Бобринская* С. А. (1799—1866), жена А. А. Бобринского. *Антикварий* — персонаж из одноименного романа Диккенса.

629. *Роженица* — В. А. Нащокина, урожденная Нарская. *Цыганские бури* — ср. письмо 496. *Рахманов* — см. примеч. 413. *Дом Баташева* — в рукописи описка: Балашова. *«почта . . . делала . . . удивительные свинства»* — см. примеч. 578.

630. *Пугачев* — «История Пугачева» (вышла в свет в конце декабря 1834 г.).

631. *«Я просил о дозволении»* — см. письмо 624. *Пугачевское дело* — было предоставлено Пушкину.

632. *История* — «История Пугачева». В *«Сыне отечества»* воен-

ный историк В. Б. Бропевский поместил отзыв об «Истории Пугачева» (январь 1835 г., за подписью П. К.).

634. *Молодой Карамзин* — А. Н., сын писателя, *«поднести вам книгу»* — «Историю Пугачева». *«хроника моя обязана вам...»* — см. примеч. 513. *Умерший на щите* — П. И. Соколов, непременный секретарь Российской Академии. *Словарь* — «Словарь русского языка». *Современник ваш* — Д. И. Хвостов.

635. *«отосланные Ваши бумаги...»* — ср. письмо 632.

636. *Сочинение* — «Анджело», Пушкин хотел выпустить его вторым изданием, с восстановлением цензурных пропусков. В 1835 г., в составе «Поэм и повестей Александра Пушкина», поэма «Анджело» напечатана с прежними пропусками.

637. *Твой сонет* — «Кавказские горы». *Красовский* и *Бирюков* — цензоры. *Предпоследний стих* — «Творенье божье ты, иль чёртова проказа?..»

638. В 1833 г. Пушкин взялся за управление отцовским имением (отказался от управления в 1835 г.). *Энгельгардт* — В. В., домовладелец в Петербурге. *Дюме* — ресторатор. *Павлищев* в письме от 31 января 1835 г. заметил Пушкину, что тот уже уплатил за брата 18 000 р. долгу. *Заемное письмо* — выданное И. А. Болтину 27 ноября 1833 г.

639. Ответ на письмо Дмитриева от 10 апреля 1835 г. *Исторический отрывок* — «История Пугачева». *Лара* — герой поэмы Байрона «Лара». *«кто секретарь...»* — см. примеч. 634. *Лобанов* — М. Е., литератор. *Федоров* — см. примеч. 166. *Языков* — Д. И.; перевел труд Шлецера «Нестор...»; в 1835 г. был избран непременным секретарем.

640. *Прогулка в Берды* — в 1833 г., когда Пушкин ездил в Оренбург и на Урал. *Даль* — В. И., писатель; в 1833 г. служил в Оренбурге. *Покатилов* — В. А., атаман казачьего войска. *Охотник* — К. Д. Артюхов, инженер-капитан.

641. Пушкин отказался от управления отцовским имением и от непосредственных выплат брату и сестре.

642. Ср. письма 641, 643.

644. *Повесть* — «Потерянная для света повесть» О. И. Сенковского; в ней иронически упоминается повесть Погодина «О московском извозчике». *Семен* — книгопродавец, издатель «Живописного обозрения...». *Наблюдатели* — издатели «Московского наблюдателя».

645. Сын Пушкина *Григорий* родился 14 мая 1835 г. *Псковская деревня* — Михайловское.

646. *«Жена вдруг почувствовала себя...»* — см. примеч. 645. *Сиркур* — французский публицист, муж сестры Хлюстина.

647. *«Летописец»* — приложение, задуманное Пушкиным к его неосуществившейся газете.

648. *«В 1832 г. его величество...»* — о газете «Дневник» см. Деловые бумаги, примеч. № 8. *Travaux historiques* — задуманная Пушкиным «История Петра I». *«я хотел быть издателем»* — Пушки-

ну было разрешено издавать журнал «Современник» (начал выходить в 1836 г.). *Министр* — С. С. Уваров. *Дондуков-Корсаков* —М. А.

649. Ссуда Пушкину была выдана.

650. Еще в 1834 г. Пушкин хотел выйти в отставку (ср. письма 587, 597). На этот раз отставка также не была принята.

651. *Доверенность* выдана не была.

652. Пушкин познакомился с Дуровым на Кавказе в 1829 г. *Автор «Записок»* — сестра Дурова, известная «кавалерист-девица» Н. А. Дурова (псевдоним — А. А. Александров). *Способы достать 100 000 рублей* — см. в «Table-talk» (т. VIII наст. изд.).

653. Краевский был посредником между Пушкиным и московскими журналами, в частности «Московским наблюдателем» (в нем печаталось стихотворение Пушкина «Туча»).

654. Пушкин просит достать запрещенную в России книгу Г. Гейне «О Германии» (V и VI тт. сочинений Г. Гейне, изданных в 1835 г. в Париже на французском языке). По-видимому, просьба Пушкина была выполнена.

655. *Это* письмо — отчет Пушкина при сдаче управления имением отца.

656. *Государю угодно было отметить* — на письме 649. Пушкину была выдана денежная ссуда.

657. *Новорожденный* — сын Пушкина Григорий. *Дмитрий Николаевич* — брат Натальи Николаевны. *Графиня N* — Н. Г. Чернышева (см. примеч. 525). *«ожидаю решения...»* — ср. письмо 656. *Свояченицы* — Александра Николаевна и Екатерина Николаевна Гончаровы, жившие у Пушкиных.

658. Николай I предложил Пушкину ссуду в 10 000 р. и отпуск на шесть месяцев.

660. Просьба Пушкина была удовлетворена.

661. *Портрет Пугачева* — гравировался в Париже. *Моя книга* — «История Пугачева». *Рыбушкин* — М. С., адъюнкт Казанского университета. *Карл Федорович* — муж А. А. Фукс.

662. Люценко перевел повесть в стихах Виланда «Перфонтий, или Желания». Смирдин отказался ее напечатать; повесть вышла без имени переводчика под названием «Вастола, или Желания» (с указанием: «издал А. Пушкин»).

663. *Малиновский* — директор Московского архива Министерства иностранных дел.

664. *10 000 р.* — в 1834 г. на печатание «Истории Пугачева» было выдано 20 000 р. Просьба Пушкина была удовлетворена.

665. *Прасковья Александровна* — Осипова. *Экспедиция* — ср. письмо 663. *Графиня Канкрина* — Е. З., жена министра финансов. *Юрьев* — В. Г., прапорщик и ростовщик. *Твоя однофамилица* —красавица Э. К. Мусина-Пушкина. *Мария Александровна* — трехлетняя дочь Пушкина. *Тетки* — см. примеч. 343. *Азя и Коко* — Александра и Екатерина, сестры Натальи Николаевны.

667. *Евпраксия Николаевна* — урожденная Вульф, жена барона Вревского. *Мария Ивановна* — сестра Беклешовой. *«И путешествия*

в Опочку» — стих из «Признания» Пушкина, посвященного А. И. Осиповой (Беклешовой).

668. *Тетка* — см. примеч. 500. *Вревские* — см. примеч. 667. *Прасковья Александровна* — Осипова. *Маймист* — петербургское прозвище финнов. *Бель-сёры (belles-soeurs)* —сестры Натальи Николаевны.

669. *Карамзина и Мещерские* — см. примеч. 538. *Евпраксия Николаевна, Александра Ивановна* — см. примеч. 667. *Коко и Азя* — см. примеч. 665.

670. *Катерина Ивановна* — см. примеч. 500. *Графиня Полье* — В. П. (ср. примеч. 343); *с принцем* (неаполитанским посланником, князем Бутара ди Ридали) вскоре обвенчалась. *Канкрин шутит...*— ср. письмо 664. *Афанасий Николаевич* — Гончаров. *Переводить Занда* — роман Жорж Санд «Андрэ». *Анна Николаевна* — Вульф. *Общее дело* — издание альманаха (ср. письмо 672). *Хитрова* — Е. М. Хитрово. *Тетка* — см. примеч. 500. *Мать* — Н. И. Гончарова.

671. *Катерина Ивановна* — см. примеч. 500.

672. *Путешествие* — «Путешествие в Арзрум». *Прошение* — см. Деловые бумаги, № 14, и письмо 674. *Дундук* — так назван Пушкиным кн. М. А. Дондуков-Корсаков в эпиграмме («В Академии наук заседает князь Дундук»). *«Коляска»* Гоголя (как и «Путешествие в Арзрум») была напечатана в I томе «Современника», заменившего задуманный альманах. *Лангер* — известный художник. *Комедия Гоголя* — «Владимир 3-й степени». *Сенковский промышляет...* — см. письмо 644.

673. *Покорнейшая просьба* — ср. письмо 664.

674. *Одно из моих стихотворений* — поэма «Анджело», 1-е издание которой было одобрено Николаем I. *Комитет не удостоил просьбу...*— см. Деловые бумаги, № 14.

675. *Княжнина* — друг детства Н. О. Пушкиной. *Раух* и *Спасский* — врачи.

676. *Портрет Пугачева* — гравировался в Париже. *Рукопись Рычкова* — см. письмо 519.

677. *Нашел я предписание...*— о возврате архивных документов (ср. письма 505, 507, 509); нужные Пушкину документы не нашлись.

678. «Помилование» декабристов — указ 14 декабря 1835 г., облегчавший заключение некоторых. Кюхельбекер был отправлен на поселение в г. Баргузин Иркутской губ. Разрешения поселиться в имении сестры, Юстины К. Глинки, не получил.

679. *Записки Моро де Бразе* — напечатаны в «Современнике» 1837 г., т. VI. *Четыре тома статей...*— речь идет о журнале «Современник», разрешение на издание которого Пушкин наконец получил.

680. *Рукопись* — «Записки Н. А. Дуровой», за издание которых взялся Пушкин. Отрывки были напечатаны в «Современнике», 1836, II; отдельное издание вышло без участия Пушкина.

681. *Ссора с почтою* — на почте было вскрыто письмо Пушкина 568. *Журнал* — «Современник». *Библиотека* — журнал Смирдина «Библиотека для чтения». *«переворот твоей жизни* — женитьба на В. А. Нарской. *Кнерцер* — доверенное лицо Нащокина. *Лекарь* — некто В., занимавшийся алхимией.

682. Речь идет о стихотворении Пушкина «На выздоровление Лукулла» (было направлено против С. С. Уварова).

683. Ответ на письмо Хлюстина от 4 февраля 1836 г. с вызовом на дуэль. Ссора произошла из-за рецензии Сенковского на «Вастолу...» Люценки (см. примеч. 662), которую Сенковский приписал Пушкину. Дуэль не состоялась.

684. *Боголюбов* — В. Ф., лицо, близкое к Уварову; сообщил Пушкину, что Репнин якобы принял на свой счет «Оду на выздоровление Лукулла» (см. примеч. 682).

685. *Объяснение* — в несохранившемся письме Соллогуба, служившего в Твери. Дуэль не состоялась.

686. *Письмо* Репнина — от 10 февраля 1836 г. Репнин, отводя упрек Пушкина (ср. письмо 684), писал, что гениальному поэту даст славу воспевание «верности и веры русской, а не оскорбление частных лиц».

687. *Возвратился из деревни* — предлог, выдуманный для объяснения молчания. Присланные Фукс произведения напечатаны не были. *Карл Федорович* — муж Фукс.

690. Речь идет о редактировавшейся Одоевским книге И. П. Сахарова «Сказания русского народа».

691. Одоевский помогал Пушкину в издании «Современника». *«Загадки»* — раздел книги Сахарова (см. примеч. 690); в «Современнике» не появились.

692. *Ваш соотечественник* — Ф. И. Шумков, впоследствии генерал. *«Вы женились...»* — на О. В. Швецовой. *«не послал вам „Современника"...»* — вероятно, билета на его получение. *Статьи* Сухорукова в первых 4 книгах не появились.

693. Письмо касается подготовки I тома «Современника». *Корректура путешествия* — «Путешествия в Арзрум». *Повесть Зизи* — «Княжна Зизи» (была напечатана только в 1839 г.).

694. *Статья* кн. П. Б. Козловского — «Разбор Парижского математического ежегодника». *«Бедный Тургенев...»* — см. письма 695, 696. *Фиески,* Джузеппе — главный участник покушения на Луи-Филиппа (28 июля 1835 г.). *Министры* — Тьер, Гизо и др. *Стихи к Потоцкой* — «Роза и кипарис...» («Современник», 1836 г., т. I).

695. *Письма из Парижа* — А. И. Тургенева; были напечатаны в «Современнике», 1836 г., т. I. Ср. письмо 696. Дондуков-Корсаков ответил, что статья будет представлена в Главное управление цензуры. На обороте его письма Пушкин пометил: «С цензурой спорить-де можно, а с Вашей милостью нет».

696. Письмо Тургенева было напечатано с цензурными пропусками (см. письмо 694).

697. *Ваш прелестный перевод* — оды «На выздоровление Лу-

кулла» (см. письмо 675), с приложением издевательского письма к Уварову. *Неудовольствие кое-кого* — Николая I.

699. *Записки* — см. письмо 680. *Брат Ваш* — сестра, Н. А. Дурова.

700. *Книга* — «Таргум, или Метрический перевод с тридцати языков...» St.-Pétersbourg, 1835.

701. *«О вражде к просвещению...»* — напечатано во II т. «Современника». *Разбор* Одоевского — романа «Постоялый двор» А. П. Степанова; напечатан в III т. «Современника» под названием «Как пишутся у нас романы». *Сегиель* — «Селигиель», отрывок из незаконченной драматической поэмы Одоевского (Пушкин не хотел его печатать). *«еду во вторник...»* — 7 или 8 апреля Пушкин уехал в Михайловское на похороны матери (ум. 29 марта 1836 г.). *«Разговор недовольных»* — драматический отрывок Одоевского. *Сцены Гоголя* — «Утро делового человека...».

702. Вторым цензором «Современника» был назначен П. И. Гаевский.

703. *Печальные обстоятельства* — смерть матери Пушкина (29 марта 1836 г.). *«Статья о Ваших афоризмах...»* — рецензия на «Исторические афоризмы...» Погодина, принадлежала Гоголю. *Надеждин* — см. примеч. 330.

704. *«пишу я к вам...»* — из имения Вревских (см. примеч. 667). *«Где вольные живали»* — из стихотворения Языкова «Тригорское». *Вульф* — Алексей Н. *Емка* — по-видимому, принятое в дружеском кругу название напитка. *Евпраксия Николаевна* — Вревская, урожденная Вульф. *Статья* Пушкина — «Собрание сочинений Георгия Кониского». В 1836 г. Языков напечатал в «Современнике» только «Драматическую сказку об Иване-царевиче...». В *«Послании к Давыдову»* Языкова (напечатано в «Московском наблюдателе», 1835 г., ч. III) есть стихи:

Ты боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу!

Послание Вяземского — «К Языкову» (альманах «Новоселье», 1834 г., ч. II). *«Живи и жить давай другим»* — из стихотворения Державина «На рождение царицы Гремиславы...».

705. Пушкин благодарит Краевского за участие в составлении I тома «Современника».

706. *«полученное мною письмо»* — от Кюхельбекера (12 февраля 1836 г., из Баргузина, куда Кюхельбекер был переведен на поселение).

707. *Письмо* Дондукова-Корсакова — от 10 апреля. *Статья* — «Занятие Дрездена, 1831 года...» Д. В. Давыдова. Была передана в военную цензуру (ср. письмо 717), так как содержала критику действий некоторых военачальников и оправдание поступков Давыдова.

708. *Брюллов* — К. П.; жил, вероятно, у скульптора Витали. *Криднер* — художник А. Клиндер. *Перовский* — А. П., писатель

(псевдоним — А. Погорельский); Брюллов писал его портрет. *Домик Нащокина* — игрушечный; сохранился до нашего времени. *Окулова* — Е. А., вышла замуж за А. Н. Дьякова. *Толстой* — Ф. И. («Американец»); *дочь его* — С. Ф., поэтесса, умерла от чахотки. *Орлов*— М. Ф. (см. примеч. 14). *Раевский* — А. Н. *Наблюдатели* — издатели журнала «Московский наблюдатель». *Тринадцать* — заимствовано из «Histoire de treize» Бальзака. *Мария Вяземская* — дочь П. А. Вяземского; 22 мая вышла замуж за известного впоследствии политического деятеля П. А. Валуева. *Дамы твои* — тетка Натальи Николаевны Е. И. Загряжская и сестры А. Н. и Е. Н.

709. *Архив* был нужен Пушкину для работы над историей Петра I. *Солнцевы* — см. примеч. 302. *Дмитриев* — И. И. Орлов — М. Ф. (см. примеч. 14). *Толстой* — Ф. И. («Американец»). *Хомяков* — А. С. *Языкова* — Е. М., сестра Н. М. Языкова. *Савельев* — П. Я., офицер; расстрелян не был. *Гринвальд* —Р . Е., командир полка, в котором служил Савельев. *Идалия* — И. Г. Полетика. *Дамы* — см. примеч. 708.

710. *Д. В. Дашков* — министр юстиции; был одним из основателей «Арзамаса» (см. примеч. 2). *Окулов* — М. А., муж сестры Нащокина.

711. *Иван Николаевич* — см. примеч. 712.

712. *«Они ужасный моветон»* — измененная реплика из пятого действия «Ревизора» Гоголя. *Одоевский* помогал Пушкину в выпуске I тома «Современника». *Записки Дуровой* — см. примеч. 680. Кольцов — А. В., поэт. *Иван Николаевич* и *Дмитрий Николаевич*— братья Натальи Николаевны. *Малиновский* — А. Ф., директор архива. *Орлов* — М. Ф. (см. примеч. 14). *Наблюдатели* — см. примеч. 708. *Хомяков* — А. С. *Раевский* — А. Н. *Жена его* — Е. П., урожденная Киндякова. *Чертков* — *А*. Д., известный историк и археолог, написал «Воспоминание о Сицилии». *«Письмо мое похоже на Тургеневское»* — на печатавшиеся в «Современнике» «Письма» А. И. Тургенева из Парижа. *Солнцева* — см. примеч. 302. *Кузинки* — дочери Солнцевых. *Перовский, Брюллов* — см. примеч. 708.

713. Полевой взялся быть комиссионером по продаже «Современника». *Книга его* — «Михаил Васильевич Ломоносов».

714. *Чертков* — см. примеч. 712. *Наблюдатели* — см. примеч. 708. *Тинтер* — игра в карты. *Баратынский* — Е. А., поэт. *Брюллов*— К. П. *Мой бюст* — был вылеплен скульптором Витали уже после смерти Пушкина. *Невеста* А. С. Хомякова — Е. Н. Языкова; см. примеч. 709. *Майор-мистик* — А. С. Норов. *Загородное болото* — дача на Каменном острове. *Наездницы* — сестры Натальи Николаевны. *Катерина Ивановна* — Загряжская, ее тетка.

715. *Дмитрий Николаевич, Наталья Ивановна* — брат и мать Натальи Николаевны. *Дюрье и Сихлер* — владельцы модных магазинов. *Апрелев* — А. Ф., обольстил сестру некоего Павлова, который убил его на его свадьбе с другой девушкой. *Столыпин* — П. Г., утонул в Финском заливе 9 мая 1836 г. *Киреев* — возможно, тот самый, который впоследствии взялся финансировать издание сочи-

нений Пушкина. *Красный кабачок* — ресторан под Петербургом. *Аничков* — дворец в Петербурге. *Брюллов* — К. П.

716. *Белинский* резко выступал против *«Наблюдателей»* (ср. примеч. 708). Пушкин хотел привлечь его к участию в «Современнике». *Записки* Нащокина — см. т. VII. *Тинтер* — игра в карты. *Вера Александровна* — жена Нащокина. *Азя* — Александра Николаевна Гончарова, сестра Натальи Николаевны.

717. *Статья о Дрездене* — ср. письмо 707. *Полон Наполеоном* — во II т. «Современника» были напечатаны 2 статьи Вяземского: «Наполеон и Юлий Цезарь» и «Новая поэма Э. Кине (Napoléon...)». *Винценгероде* — генерал, в 1813 г.— начальник Давыдова. *Твои очи* — стихотворение Давыдова «Я помню — глубоко...» (напечатано в 1840 г.).

718. *Предполагаемый раздел* — после смерти матери Пушкин хотел оставить Михайловское за собой, отдав брату его часть деньгами. *Николай Иванович* — Павлищев. *Вексель Болтину . . . долг* — см. письмо 638.

719. *Ошибки Вяземского* — в статье «Наполеон и Юлий Цезарь» (для II т. «Современника»).

720. *Записки* — см. примеч. 680.

721. *Несчастие* — смерть матери Пушкина. *Замечание* — Дмитриева, по поводу чужих статей и стихов за подписью «И. Д.» и «Иван Дмитриев». *Созий* — в значении «двойник».

722. *Квитанция* — из Московского опекунского совета, где была заложена д. Кистенево. *Михайла и его семья* — М. И. Калашников, его сын Василий и дочь Ольга (см. письма 192, 194, 195).

723. *Ваша книга* — «История военных действий в азиатской Турции в 1828 и 1829 годах...». В примечании говорится об участии Пушкина в одной из перестрелок.

724. *Возвращение из-под цензуры* — написанной Вяземским биографии Фонвизина. *Хвостов* —А. С.; написал «Послание к творцу послания», пародию на «Послание к слугам моим» Фонвизина. *Аввакум Скитник* — приписывавшееся Фонвизину полемическое произведение, направленное против старообрядцев («Жизнь некоторого Аввакумовского скитника...»); в действительности принадлежит М. Д. Чулкову.

725. *«Париж. Хроника русского»* — статья А. И. Тургенева (появилась только в IV томе «Современника»). *О «Ревизоре»* — статья Вяземского (II т. «Современника»). *Крылов* — А. Л., цензор.

726. Дурова торопила Пушкина с изданием ее «Записок» и предлагала представить их Николаю I на маневрах. *500 рублей* Пушкин был ей должен за отрывки «Записок», напечатанные во II т. «Современника». За полное издание «Записок» взялся И. А. Бутовский.

727. *«Муравьев заметил . . . ошибку...»* — страница 163 во II томе «Современника» была перепечатана.

728. Пушкин был должен Яковлеву 6000 р. *«я в трауре...»* — по матери, Н. О. Пушкиной (ум. 29 марта 1836 г.).

729. *Приказчик* — Рингель, управляющий Михайловским. *Доверенность* Л. С. Пушкина — на право распоряжения имением. *Прасковья Александровна* — Осипова.

730. На записке имеются также подписи подпоручика Никитина и Ф. И. Доливо-Добровольского (владельца дачи на Каменном острове, которую снимал Пушкин). *Мальцов* — С. И., приятель Пушкина.

731. *Сделка, Вами предлагаемая* — в письме от 11 июля 1836 г. Павлищев предложил взять целиком Михайловское, а Пушкину выплатить его часть деньгами, по подсчетам Павлищева — 25 000 р. *Лёля* — Л. Н., сын Павлищева.

732. Написано на копии статьи Пушкина «Александр Радищев».

733. Жандр в 1836 г. занимал должность директора канцелярии морского министерства. *Хмельницкий* — по-видимому, А. И., с 1859 г. — член редакции «Русского слова». *Меншиков* — А. С., начальник главного морского штаба.

734. *Мои статьи* — для III т. «Современника» («Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности...», «Вольтер»). *Корсаков* — М. А. Дондуков-Корсаков.

735. *Твоя статья* — «О партизанской войне» («Современник», 1836, т. III). *Четыре цензуры* — через которые проходил «Современник», помимо общей: военная, духовная, Министерства иностранных дел, Министерства двора.

736. *Первые шаги* — в 1817 г. Корсаков издавал журнал «Северный зритель», где было напечатано несколько стихотворений Пушкина. *Мой роман* — «Капитанская дочка».

737. Ответ на письмо Греча от 12 октября 1836 г., с восторженным отзывом о стихотворении Пушкина «Полководец» («Современник», 1836 г., т. III).

738. *Вчерашняя посылка* — список сочинений по истории Петра I, над которой работал Пушкин. *Мясоедов* — П. Н., лицейский товарищ Пушкина и Корфа.

739. *39 №* — номер лицейской комнаты Яковлева, *№ 14* (см. ниже) — Пушкина. *«Сказано, что и последний...»* — в «19 октября» 1825 г.:

Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

740. Письмо касается знаменитого 1-го «Философического письма» Чаадаева, напечатанного в «Телескопе», 1836 г., т. XXXV, № 15 (с французского языка на русский было переведено Н. Х. Кетчером). В связи с репрессиями, постигшими Чаадаева, отослано не было. *Козловский* — кн. П. Б.; в III т. «Современника» напечатал статью «О надежде».

741. *«На Мойке, близ Конюшенного...»* — последняя квартира Пушкина (теперь дом № 12). *Муж* Ольги Сергеевны — Н. И. Пав-

лищев. *«Лев поступил на службу...»* — в июле 1836 г. Лев Сергеевич Пушкин вступил в военную службу и уехал в Грузию.

742. *Вопросы Ваши* — в письме от того же числа. *Роман мой* — «Капитанская дочка».

743. *Статья* — предисловие Муравьева к его трагедии «Битва при Тивериаде», отрывки из которой Пушкин печатал во II т. «Современника».

744. Желание немедленно расплатиться с казной было вызвано оскорбительными намеками анонимного пасквиля («диплома ордена рогоносцев»), полученного Пушкиным накануне. Предложение Пушкина Канкрин не принял.

745. *Артек — дача* Т. Б. Потемкиной (сестры Голицына) в Крыму. *Перевод моего стихотворения* — стихотворения Пушкина «Клеветникам России». *Три перевода* — присланный Хитрово (см. письмо 461), перевод Б. А. Вревского или графини А. Г. Лаваль и перевод Уварова, иронически названного «моим другом». *В свое время* — во время польского восстания 1831 г. *«вы узнали... некоторых лиц»* — очевидно, речь идет о семействе Раевских.

746. Ответ на письмо Соллогуба (секунданта Пушкина) и д'Аршиака (секунданта Дантеса). Вызов был послан Пушкиным 5 ноября, после получения анонимного пасквиля. Пушкин соглашается взять вызов обратно, мотивируя свой отказ от дуэли, вопреки желанию Дантеса, тем, что тот согласился жениться на сестре Н. Н., Екатерине. Эта мотивировка «примирения», по мысли Пушкина, должна была выставить Дантеса в глазах света трусом. Однако надежды Пушкина унизить своего врага не оправдались. Женитьба Дантеса, вызванная трусостью и низкими расчетами, была принята в светских кругах как «рыцарское самоотречение» ради спасения чести Н. Н.

747. *Записка о святых* — вероятно, «Словарь исторический о святых», составленный М. Л. Яковлевым и Д. А. Эристовым. Рецензия Пушкина на эту книгу появилась в «Современнике», 1836 г., кн. III.

748. Сохранились отрывки двух разорванных вариантов этого письма. Писалось оно с целью как можно сильнее оскорбить Геккерена, которого Пушкин считал автором анонимного пасквиля. Отослано не было (ср. письмо и примеч. 782), вероятно, по настоянию Николая I. *Роль столь гротескную...* — Имеется в виду сватовство Дантеса к Е. Н. Гончаровой (см. примеч 746). *2 ноября* — 4 ноября Пушкину был послан анонимный пасквиль. *История рогоносцев* — в пасквиле Пушкин назначался историографом ордена рогоносцев.

749. По представлению Бенкендорфа, 23 ноября Пушкин был принят Николаем I. По-видимому, Николай пожелал, чтобы Пушкин не замешивал в дело Геккерена (см. письмо и примеч. 748) и взял с Пушкина обещание не драться на дуэли.

750. *Ответ Канкрина* — на предложение Пушкина уплатить долг казне (см. письмо и примеч. 744).

752. Ответ на письмо Баранта от 11 декабря 1836 г. с просьбой сообщить сведения о русских законах по авторскому праву. *Первая жалоба* — имеется в виду столкновение Пушкина с Ольдекопом в 1824 г. (см. письмо 82).

753. Коншин (по ошибке назван *«Николаем Ивановичем»)* просил Пушкина помочь ему в получении освободившегося места директора Тверской гимназии и училищ Тверской губ. (назначение состоялось).

754. *Критика* Вигеля — статьи Булгарина «Моэ перевоспитание по методе взаимного обучения», направленной против Пушкина (не была напечатана). В *4 № «Современника»* появилась «Капитанская дочка» Пушкина.

755. *Евпраксия Николаевна* — баронесса Вревская, урожденная Вульф.

756. *Так же зло...* — имеется в виду статья Вигеля (см. письмо 754). *«В Академии наук...»* — из эпиграммы Пушкина на М. А. Дондукова-Корсакова.

757. Издание не состоялось в связи с гибелью Пушкина.

760. *«Наблюдатель»* — журнал «Московский наблюдатель».

762. Приписка Пушкина — на записке Хитрово к Керн по поводу дела Керн с Шереметевым, касавшегося имения Керн.

763. См. примеч. 762.

764. См. примеч. 762.

765. Пушкин критикует Словарь Российской Академии и «Энциклопедический лексикон» Плюшара. Объяснение слова «арапник» взято из «Русско-французского словаря...» Ф. Рейфа.

768. *Мои стихи* — «Кавказский пленник», переведенный Тардифом де Мелло.

769. *«Княжна Зизи»* и *«Сильфида»* — повести Одоевского; были нужны Пушкину для IV т. «Современника».

770. *Статья М. С. Волкова* — возражение на брошюру Н. И. Тарасенко-Отрешкова, направленную против проекта Ф. А. фон Герстнера (о строительстве железных дорог в России). В «Современнике» напечатана не была. *Эпиграф* — из Крылова («Беда, коль пироги начнет печи сапожник...»).

771. *Письмо твое* — статья Вяземского, в форме письма к Уварову, против историка Н. Г. Устрялова (напечатана только в 1879 г.). Устрялов в своей диссертации ниспровергал «Историю...» Карамзина; Вяземский связывал это с политикой Уварова как министра народного просвещения. *Формула, изобретенная Воейковым* — в его журнале «Славянин», где в отделе «Хамелеонистика» печатались неудачные выражения из статей Н. А. Полевого, а под видом «венка, сплетенного бригадиршей»,— резкие отзывы критики о Полевом.

772. *Львов,* В. В. и *Очкин,* А. Н.— издатели журнала «Детская библиотека», участия в котором Пушкин не принял. *Sot-действовать* — каламбур; sot — дурак (франц.).

773. *Веневитинов* — А. В., брат поэта; был командирован в Кур-

скую губ. для проверки состояния государственных имуществ. *Лев* — Лев Сергеевич Пушкин, служил на Кавказе под начальством генерала бар. Г. В. Розена. *«Моя свояченица... выходит...»* — свадьба Екатерины Николаевны Гончаровой с Дантесом состоялась 10 января 1837 г. *Пещуров* — см. примеч. 93. *Тетушка* — Елизавета Львовна Солнцева, сестра Сергея Львовича.

774. *Декабрь* — декабрьский номер какого-то журнала. *Статья* — вероятно, «О вражде к просвещению» Одоевского («Современник», 1836 г., т. II). *Повесть! Повесть!* — для «Современника» («Княжна Зизи» или «Сильфида»).

776. Денег Скобельцын не достал.

777. *Труды, изыскания* — Тургенева в форме писем в «Современнике» не появились. *Стихи к Вяземскому* — «Так море, древний душегубец...»; были посланы в письме от 14 августа 1826 г. Заинтересовали Тургенева в связи с находившимся в них намеком на его брата, Н. И. Тургенева.

778. *Петр Александрович* — Плетнев. *Барри Корнуолл* (псевдоним Б. Проктера) — английский поэт и драматург. Ср. письмо 786. Переводы появились в «Современнике» уже после смерти Пушкина.

779. В доме Алымовой Пушкин оставил медную статую Екатерины II (ср. письмо 326); статую он хотел продать В. Г. Юрьеву.

780. Долг Пушкина был уплачен опекой после его смерти.

782. В основу письма положено письмо 748. По получении этого письма, утром 26 января Геккерен послал Пушкину вызов, в связи со своим официальным положением — от имени Дантеса.

783. На письме — помета А. И. Тургенева: «Последняя записка ко мне Пушкина накануне дуэля».

784. Толь благодарил Пушкина за присылку «Истории Пугачева». *Мнение о Михельсоне* — высказанное Толем в письме от 25 января 1837 г.

785. Ответ на письма д'Аршиака от 26 и 27 января с просьбой прислать секунданта для переговоров об условиях дуэли. Секундантом Пушкина был его лицейский товарищ Данзас.

786. В этот день состоялась дуэль Пушкина с Дантесом. Книга Барри Корнуолла — «Поэтические произведения Мильмана, Боульса, Вильсона и Корнуолла». *Пьесы, отмеченные карандашом...* — «Лудовик Сфорца», «Любовь, излеченная снисхождением», «Средство побеждать», «Амелия Уентуорт» и «Сокол». Были напечатаны в «Современнике», 1837 г., т. VIII (IV). *История в рассказах* — «История России в рассказах для детей»; I том вышел в конце декабря 1836 г.

ПРИПИСЫВАЕМОЕ ПУШКИНУ

3. Записка касается дуэли Пушкина с подполковником С. Н. Старовым. Отложенная дуэль не состоялась (противников примирили).

4. *«Образ...»* — цитата из Байрона.

8. *Сенковский*, редактор «Библиотеки для чтения», имел обычай править произведения авторов, печатавшихся в его журнале.

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

1. Прошение об отставке явилось результатом столкновений с новороссийским генерал-губернатором М. С. Воронцовым. По представлению Воронцова Пушкин был отправлен в с. Михайловское.

2. 3-м отделением было начато дело о найденном у офицера А. И. Алексеева стихотворении «14 декабря», которое ходило по рукам. В действительности это были не пропущенные цензурой стихи из «Андрея Шенье».

3. См. примеч. 2.

4. См. примеч. 2.

5. Записка была представлена в 3-е отделение как ходатайство о разрешении Мицкевичу вернуться в Польшу. Только в 1829 г. Мицкевичу было разрешено уехать из России — не в Польшу, а в Германию или Италию. *Указ* — рескрипт о запрещении всех тайных обществ (1 августа 1822 г.).

6. Дело о «Гавриилиаде», найденной у штабс-капитана М. Ф. Митькова, было прекращено после не дошедшего до нас письма Пушкина к Николаю I (в котором Пушкин признал авторство «Гавриилиады»). Показание — ответы на следующие вопросы следственной комиссии: 1) «Вами ли писана поэма, известная под заглавием Гавриилиады?» 2) «В котором году сию поэму вы писали?» 3) «Имеете ли вы и ныне у себя экземпляр этой поэмы? — Если таковой находится, то представьте его».

7. См. примеч. 6. В черновом наброске показания Пушкин писал: «Знаю только, что ее приписали покойному поэту кн. Дм. Горчакову» (см. письмо 263).

8. В 1832 г. Пушкину было разрешено издавать газету «Дневник», но затем разрешение было взято обратно. Только в 1836 г. Пушкин стал издавать журнал «Современник». *Несчастные обстоятельства* — восстание декабристов. *«Перепечатание одного из моих сочинений...»* — см. примеч. к письму 82. *Цензурный устав* — 1826 года. *Два известных литератора* — Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин.

9. См. примеч. 8.

10. Ср. текст чернового письма за № 8 (стр. 497—499). См. примеч. 8.

12. См. т. VIII, запись в Дневнике 17 марта 1834; ср. письма Одоевскому 555 и 556. Во главе «Энциклопедического словаря» изд. Плюшара стоял Н. Греч и его литературные союзники.

14. *Государь изволил возвратить* — «Историю Пугачева».

ИЗ ЧЕРНОВИКОВ

27. *«Те, которые пожурили меня...»* — Пушкин имеет в виду критиков «Руслана и Людмилы». *«Как замечает Каченовский...»* — в рецензии на «Руслана и Людмилу»: «Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещенным, отвратительна, а ничем не смешна и не забавна» («Вестник Европы», 1820 г., № 11). *«отрывок, стихов в 200»* — «Братья разбойники».

56. *Первые думы Ламартина* — «Поэтические раздумья» (1820). *«последние прочел я...»* — «Новые поэтические раздумья» Ламартина (1823). *Дмитриев* — И. И. *Нелединский* — Ю. А., поэт. *Карамзин* — Н. М. *«любопытно видеть его жизнь...»* — «Известия о жизни . . . Дмитриева» Вяземского. *«поэт нашей цивилизации»* — слова Вяземского.

263. *Крепс* — азартная игра в кости.

740. *Токвиль* — французский историк, политический деятель и публицист, автор книги «Демократия в Америке» (1835).

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Письма 1815—1837

2

Прощайте. *(Латин.)*

4

Милостивый государь!

Мы возвращаем вам Вольтера, девицу Орлеанскую, моего отца и мою мать, и т. д. — всего

4
3
итого 7

И сверх того г-н Кюхельбекер посылает вам 4 тома «Амфиона».— Очень благодарен от себя. Мой милый господин Жуковский, надеюсь, что завтра я буду иметь удовольствие видеться с вами; покорнейше просим Задига, Тристрама и др. отобедать у нас сегодня, если возможно.

Переверните листок. Пушкин. *(Франц.)*

6

1 сент. *(Франц.)*

7

Дон Базилио. *(Исп.)*

9

Толстой. *(Франц.)*
27 окт. *(Франц.)*

10

Два великих сочинителя, герои Парнаса,
Любимы и лелеемы светом.
Тщетно муза их фальшивит и гримасничает,—

Они остаются любимцами визиготов.
Некто, разбирая их писания,
Определяет нам место этих господ:
«Один,— говорит он, — певец Юга,
Другой — Севера». И впрямь это дельно сказано,—
До такой степени один сух, а другой холоден! *(Франц.)*

18

Прощайте. *(Латин.)*

19

Блажен тот, кто вдали... *(Латин.)*

20

К сведению г-на Дегильи, бывшего французского офицера. Недостаточно быть трусом, нужно еще быть им в открытую.

Накануне паршивой дуэли на саблях не пишут на глазах у жены слезных посланий и завещания; не сочиняют нелепейших сказок для городских властей, чтобы избежать царапины; не компрометируют дважды своего секунданта.*

Всё то, что случилось, я предвидел заранее и жалею, что не побился об заклад.

Теперь всё кончено, но берегитесь.

Примите уверение в чувствах, какие вы заслуживаете.

6 июня 1821. Пушкин.

Заметьте еще, что впредь, в случае надобности, я сумею осуществить свои права русского дворянина, раз вы ничего не смыслите в правах дуэли. *(Франц.)*

21

Прощай.

Вернулась ли ты из своего путешествия? Посетила ли снова подземелья, замки, Нарвские водопады? Развлекло ли это тебя? Любишь ли ты по-прежнему одинокие прогулки? Какие собаки твои любимицы? Забыла ли ты трагическую смерть Омфалы и Бизара? Чем ты развлекаешься? Что читаешь? Виделась ли ты снова с соседкой, Анетой Вульф? Ездишь ли верхом? Когда возвращаешься в Петербург? Что поделывают Корфы? Не вышла ли ты замуж? Не собираешься ли выйти? Сомневаешься ли в моей дружбе? Прощай, мой добрый друг. *(Франц.)*

---

* Ни генерала, который удостаивает принимать негодяя у себя в доме. *(Франц.)*

23

Либеральный. *(Франц.)*
Прощайте. *(Латин.)*

26

Историю Крыма. *(Франц.)*
Прощай и люби меня. *(Латин.)*

27

Малая книжка моя, без меня (и не завидую) ты отправишься в столицу, куда — увы! — твоему господину закрыта дорога. *(Латин.)*

Иди, хоть и неказистая с виду, как то подобает изгнанникам. *(Латин.)*

Прощайте. *(Латин.)*

30

слишком смело. *(Франц.)*

31

Падать, рушиться; заклёпывать. *(Итал.)*
Смешна! *(Франц.)*
здесь не место для этого. *(Латин.)*

32

Добрый и милый мой друг, мне не нужно твоих писем, чтобы быть уверенным в твоей дружбе,— они необходимы мне единственно как нечто, от тебя исходящее. Обнимаю тебя и люблю — веселись и выходи замуж. *(Франц.)*

33

Вот слова, которые вопиют, находясь друг подле друга. *(Франц.)*

34

Отцу пришла в голову блестящая мысль — прислать мне одежду, напомни ему от меня об этом. *(Франц.)*

36

представляет собою чудо мастерства. *(Франц.)*

Ты в том возрасте, когда следует подумать о выборе карьеры; я уже изложил тебе причины, по которым военная служба кажется мне предпочтительнее всякой другой. Во всяком случае твое поведение надолго определит твою репутацию и, быть может, твое благополучие.

Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь. С самого начала думай о них всё самое плохое, что только можно вообразить: ты не слишком сильно ошибешься. Не суди о людях по собственному сердцу, которое, я уверен, благородно и отзывчиво и, сверх того, еще молодо; презирай их самым вежливым образом: это — средство оградить себя от мелких предрассудков и мелких страстей, которые будут причинять тебе неприятности при вступлении твоем в свет.

Будь холоден со всеми; фамильярность всегда вредит; особенно же остерегайся допускать ее в обращении с начальниками, как бы они ни были любезны с тобой. Они скоро бросают нас и рады унизить, когда мы меньше всего этого ожидаем.

Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать; люди этого не понимают и охотно принимают за угодливость, ибо всегда рады судить о других по себе.

Никогда не принимай одолжений. Одолжение чаще всего — предательство.— Избегай покровительства, потому что это порабощает и унижает.

Я хотел бы предостеречь тебя от обольщений дружбы, но у меня не хватает решимости ожесточить тебе душу в пору наиболее сладких иллюзий. То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако забава эта достойна старой обезьяны XVIII столетия. Что касается той женщины, которую ты полюбишь, от всего сердца желаю тебе обладать ею.

Никогда не забывай умышленной обиды, — будь немногословен или вовсе смолчи и никогда не отвечай оскорблением на оскорбление.

Если средства или обстоятельства не позволяют тебе блистать, не старайся скрывать лишений; скорее избери другую крайность: цинизм своей резкостью импонирует суетному мнению света, между тем как мелочные ухищрения тщеславия делают человека смешным и достойным презрения.

Никогда не делай долгов; лучше терпи нужду; поверь, она не так ужасна, как кажется, и во всяком случае она лучше неизбежности вдруг оказаться бесчестным или прослыть таковым.

Правила, которые я тебе предлагаю, приобретены мною ценой горького опыта. Хорошо, если бы ты мог их усвоить, не будучи к тому вынужден. Они могут избавить тебя от дней тоски и бешен-

ства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповедь; она дорого будет стоить моему самолюбию, но меня это не остановит, если дело идет о счастии твоей жизни. *(Франц.)*

38

Произвел ли он скандал, пишет мне Орлов, вот что существенно. *(Франц.)*

39

нечто добавочное. *(Франц.)*

40

Без гнева. *(Латин.)*

41

оплошности, промахи. *(Франц.)*
«Обозрение промахов». *(Франц.)*

42

Граф,

Будучи причислен по повелению его величества к его превосходительству бессарабскому генерал-губернатору, я не могу без особого разрешения приехать в Петербург, куда меня призывают дела моего семейства, с коим я не виделся уже три года. Осмеливаюсь обратиться к вашему превосходительству с ходатайством о предоставлении мне отпуска на два или три месяца.

Имею честь быть с глубочайшим почтением и величайшим уважением, граф, вашего сиятельства всенижайший и всепокорнейший слуга Александр Пушкин.

13 января 1823. Кишинев. *(Франц.)*

43

«Ноэль», святочная песнь. *(Франц.)*
Вперед! марш. *(Франц.)*
довольно о нем. Довольно, так довольно. *(Франц.)*

44

пресыщенный. *(Франц.)*

45

что это самое подлое ремесло. Не подлее других. *(Франц.)*

47

Хорошенько всё взвесив. *(Франц.)*

Я не заслужил
Ни этой чрезмерной чести, ни этого оскорбления. *(Франц.)*
Прощайте,— цензуру же должно уничтожить. *(Латин.)*

49

Вот, полковник, записка Крупенского, которую я только что получил. Будьте добры, подождите меня.

Пушкин. *(Франц.)*

50

Не из дерзости пишу я вам, но я имел слабость признаться вам в смешной страсти и хочу объясниться откровенно. Не притворяйтесь, это было бы недостойно вас — кокетство было бы жестокостью, легкомысленной и, главное, совершенно бесполезной,— вашему гневу я также поверил бы не более — чем могу я вас оскорбить; я вас люблю с таким порывом нежности, с такой скромностью — даже ваша гордость не может быть задета.

Будь у меня какие-либо надежды, я не стал бы ждать кануна вашего отъезда, чтобы открыть свои чувства. Припишите мое признание лишь восторженному состоянию, с которым я не мог более совладать, которое дошло до изнеможения. Я не прошу ни о чем, я сам не знаю, чего хочу,— тем не менее я вас... *(Франц.)*

51

боюсь данайцев. *(Латин.)*

52

портфель *(Франц.)*

53

с красной строки. *(Франц.)*
За сим. *(Франц.)*
брошюру. *(Франц.)*
что в ней слишком много божественного. *(Франц.)*
это диковина. *(Франц.)*
Прощай. *(Итал.)*

54

Отвечаю на вашу приписку, так как она более всего занимает ваше тщеславие. Г-жа Собаньская еще не вернулась в Одессу, следовательно, я еще не мог пустить в ход ваше письмо; во-вторых, так как моя страсть в значительной мере ослабела, а тем временем я успел влюбиться в другую, я раздумал. И, подобно Ларе Ганскому, сидя у себя на диване, я решил более не вмешиваться в это дело. Т. е. я не стану показывать вашего послания г-же Собаньской, как сначала собирался это сделать (скрыв от нее только то, что придавало вам интерес мельмотовского героя) — и вот как я намереваюсь поступить: из вашего письма я прочту лишь выдержки с надлежащими пропусками; со своей стороны я приготовил обстоятельный, прекрасный ответ на него, где побиваю вас в такой же мере, в какой вы побили меня в своем письме; я начинаю в нем с того, что говорю: «Вы меня не проведете, милейший Иов Ловелас; я вижу ваше тщеславие и ваше слабое место под напускным цинизмом» и т. д.; остальное — в том же роде. Не кажется ли вам, что это произведет впечатление? Но так как вы — мой неизменный учитель в делах нравственных, то я прошу у вас разрешения на всё это, и в особенности — ваших советов; но торопитесь, потому что скоро приедут. Я получил известия о вас; мне передавали, что Атала Ганская сделала из вас фата и человека скучного,— ваше последнее письмо совсем не скучно. Хотел бы, чтобы мое хоть на минуту развлекло вас в ваших горестях. Ваш дядюшка, который, как вам известно, свинья, был здесь, перессорил всех и сам со всеми поссорился. Я готовлю ему замечательное письмо в под-аккорд № 2, но на этот раз он получит изрядную ругань, дабы быть, как и все, посвященным в секрет. *(Франц.)*

61

Да, конечно, я угадал, кто они, эти две прелестные женщины, удостоившие вспомнить об одесском, ранее кишиневском, отшельнике. Я тысячу раз облобызал эти строки, напомнившие мне столько безумств, мучений, ума, грации, вечеров, мазурок и т. д. Боже мой, как вы жестоки, сударыня, если думаете, что я способен развлекаться там, где не могу ни встретить вас, ни вас позабыть. Увы, милая Майгин, вдали от вас, раздраженный, унылый, я теряю свои способности и утратил даже талант к карикатурам, хотя семейство кн. Мурузи как нельзя более способно внушить мне их. У меня лишь одно желание — снова вернуться к вашим ножкам и посвятить вам, как говаривал милейший поэт, тот кусочек жизни, который мне еще остается.— Помните ли вы о небольшой поправке, сделанной вами в «Храме...» — Боже мой, если бы вы повторили ее здесь. Но правда ли, что вы собираетесь приехать в Одессу? Приезжайте, ради бога, у нас будут, чтобы привлечь вас, бал, итальянская опера, вечера, концерты, поклонники, вздыхатели, всё, что вы

пожелаете. Я буду передразнивать обезьяну, злословить и нарисую вам г-жу... в 36 позах Аретино.

Кстати, по поводу Аретино, должен вам сообщить, что я стал целомудренным и скромным, разумеется в разговоре, потому что поведение мое было всегда таковым. Истинное наслаждение — смотреть на меня и слушать, как я говорю,— не заставит ли хоть это ускорить ваш приезд. Еще раз, приезжайте, ради бога, и простите мне вольность, с какою я пишу женщинам, которые слишком умны для того, чтобы быть чопорными, и которых я за это люблю и уважаю еще более нравственно.

Что касается вас, прелестная капризница, почерк которой заставил меня затрепетать (хотя по странной случайности он не был изменен), не утверждайте, что вы знаете мой характер; вы не огорчили бы меня, сделав вид, что сомневаетесь в моей преданности и в моих сожалениях.

Угадайте, в свою очередь, кто.

С., который слыл за человека с противоестественными склонностями — просовывать нитку сквозь ушко иголки, смачивая кончик — А. говорит о нем, что он отличался всюду, где были нужны терпение и слюна. *(Франц.)*

64

Culpa — вина, faute — вина. Дерзновенный символ, жалкая вина незнания. *(Латин. и франц.)*

Будущим Сомезам уготовят пытки. *(Франц.)*

65

и ты, Брут. *(Латин.)*
без злопамятства. *(Франц.)*

67

Где хорошо, там и отечество. (А мне) хорошо (.....) *(Латин.)*
Но почему ты пел? *(Франц).*
Хотите вы отыскать следы его шагов. *(Франц.)*
надменный, гордый Ипполит, даже несколько дикий. *(Франц.)*
Столь черной ложью. *(Франц.)*
Где были бы вы сами и т. д. *(Франц.)*

68

и это много значит. *(Франц.)*
К нежным законам стиха я приноровлял звуки
Ее милых и бесхитростных уст. *(Франц.)*

69

Поэт нашей цивилизации. *(Франц.)*
цивилизация. *(Франц.)*

70

Посылаю вам, генерал, 360 рублей, которые я вам уже так давно должен; прошу принять мою искреннюю благодарность. Что касается извинений, у меня не хватает смелости вам их принести.— Мне стыдно и совестно, что до сих пор я не мог уплатить вам этот долг — я погибал от нищеты.

Примите, генерал, уверения в моем глубочайшем уважении. *(Франц.)*

72

чудо мастерства и дело партийное. *(Франц.)*
от столкновения мнений посыплются деньги. *(Франц.)*

73

что не может быть существа разумного, творца и правителя. *(Франц.)*

75

Мне очень досадно, что отставка моя так огорчила вас, и сожаление, которое вы мне по этому поводу высказываете, искренне меня трогает. Что касается опасения вашего относительно последствий, которые эта отставка может иметь, то оно не кажется мне основательным. О чем мне жалеть? О своей неудавшейся карьере? С этой мыслью я успел уже примириться. О моем жаловании? Поскольку мои литературные занятия дают мне больше денег, вполне естественно пожертвовать им моими служебными обязанностями и т. д. Вы говорите мне о покровительстве и о дружбе. Это две вещи несовместимые. Я не могу, да и не хочу притязать на дружбу графа Воронцова, еще менее на его покровительство: по-моему, ничто так не бесчестит, как покровительство, а я слишком уважаю этого человека, чтобы желать унизиться перед ним. На этот счет у меня свои демократические предрассудки, вполне стоящие предрассудков аристократической гордости.

Я устал быть в зависимости от хорошего или дурного пищеварения того или другого начальника, мне наскучило, что в моем отечестве ко мне относятся с меньшим уважением, чем к любому юнцу-англичанину, явившемуся щеголять среди нас своей тупостью и своей тарабарщиной.

Единственное, чего я жажду, это — независимости (слово неважное, да сама вещь хороша); с помощью мужества и упорства

я в конце концов добьюсь ее. Я уже поборол в себе отвращение к тому, чтобы писать стихи и продавать их, дабы существовать на это,— самый трудный шаг сделан. Если я еще пишу по вольной прихоти вдохновения, то, написав стихи, я уже смотрю на них только как на товар по столько-то за штуку.— Не могу понять *ужаса* своих друзей (не очень-то знаю, кто они — эти мои друзья).

Несомненно, граф Воронцов, человек неглупый, сумеет обвинить меня в глазах света: победа очень лестная, которою я позволю ему полностью насладиться, ибо я столь же мало забочусь о мнении света, как о брани и о восторгах наших журналов. *(Франц.)*

76

где тот свинцовый зад, который будет толкать всё это. *(Франц.)*
сектант. *(Франц.)*
обозрение промахов. *(Франц.)*

77

чаша была переполнена. *(Франц.)*

78

Чайльд-Гарольда. *(Англ.)*

79

но он располагает ею уже давно, вообще же дело идет только о 1000 рублях. *(Франц.)*

80

все сборники новых стихов, именуемых романтическими,— позор для французской литературы. *(Франц.)*

81

конституционалистке или анти-конституционалистке, но всегда обожаемой, как свобода. *(Франц.)*
14 июля. *(Франц.)*

84

...из Константинополя — толпа трусливой сволочи, воров и бродяг, которые не могли выдержать даже первого огня дрянных турецких стрелков, составила бы забавный отряд в армии графа Витгенштейна. Что касается офицеров, то они еще хуже солдат. Мы видели этих новых Леонидов на улицах Одессы и Кишинева — со многими из них лично знакомы, мы можем удостоверить их полное ничтоже-

ство — они умудрились быть болванами даже в такую минуту, когда их рассказы должны были интересовать всякого европейца — ни малейшего понятия о военном деле, никакого представления о чести, никакого энтузиазма — французы и русские, которые здесь живут, выказывают им вполне заслуженное презрение; они всё сносят, даже палочные удары, с хладнокровием, достойным Фемистокла. Я не варвар и не проповедник Корана, дело Греции вызывает во мне горячее сочувствие, именно поэтому-то я и негодую, видя, что на этих ничтожных людей возложена священная обязанность защищать свободу. *(Франц.)*

87

А покамест передай, что я припадаю к ее стопам, и скажи, что она — прелестная душа. *(Франц.)*

90

Прекрасная, добрейшая княгиня Вера, душа прелестная и великодушная! Не стану благодарить вас за ваше письмо, слова были бы слишком холодны и слишком слабы, чтоб выразить вам мое умиление и признательность... Вашей нежной дружбы было бы достаточно для всякой души менее эгоистичной, чем моя; каков я ни на есть, она одна утешила меня во многих горестях и одна могла успокоить бешенство скуки, снедающей мое нелепое существование.— Вы хотите знать его, это нелепое существование: то, что я предвидел, сбылось. Пребывание среди семьи только усугубило мои огорчения, и без того достаточно существенные. Меня попрекают моей ссылкой; считают себя вовлеченными в мое несчастье; утверждают, будто я проповедую атеизм сестре — небесному созданию — и брату — дурашливому юнцу, который восторгался моими стихами, но которому со мной явно скучно. Одному богу известно, помышляю ли я о нем. Мой отец имел слабость согласиться на выполнение обязанностей, которые, во всех обстоятельствах, поставили его в ложное положение по отношению ко мне; вследствие этого всё то время, что я не в постели, я провожу верхом в полях. Всё, что напоминает мне море, наводит на меня грусть — журчанье ручья причиняет мне боль в буквальном смысле слова — думаю, что голубое небо заставило бы меня плакать от бешенства (. . . . .). Что касается соседей, то мне лишь поначалу пришлось потрудиться, чтобы отвадить их от себя; больше они мне не докучают — я слыву среди них Онегиным,— и вот я — пророк в своем отечестве. Да будет так. В качестве единственного развлечения я часто вижусь с одной милой старушкой соседкой — я слушаю ее патриархальные разговоры. Ее дочери, довольно непривлекательные во всех отношениях, играют мне Россини, которого я выписал. Я нахожусь в наилучших условиях, чтобы закончить мой роман в стихах, но скука — холодная муза, и поэма моя не двигается впе-

ред — вот, однако, строфа, которою я вам обязан,— покажите ее *князю Петру*. Скажите ему, чтобы он не судил о целом по этому образцу.

Прощайте, уважаемая княгиня, в тоске припадаю к вашим стопам, показывайте это письмо только тем, кого я люблю и кто интересуется мною дружески, а не из любопытства. Ради бога, хоть одно слово об Одессе — о ваших детях! — обращались ли вы к доктору Мили? Что он поделывает (. . . . .)? *(Франц.)*

93

с этим чудовищем, с этим выродком-сыном. *(Франц.)*
вне закона. *(Франц.)*

94

Анета. *(Франц.)*
Произведения Лебрена, оды, элегии и проч. *(Франц.)*
Сен-Флорана. *(Франц.)*
ветрогон, вертопрах. *(Франц.)*
Миртиль (и) распутный волокита. *(Франц.)*

96

Беседы Байрона! Вальтер Скотта! *(Франц.)*

97

Милостивый государь, я счел бы своим долгом послать вам свою коляску, но в настоящую минуту в моем распоряжении нет лошадей. Если вам угодно будет прислать за нею, она к вашим услугам. Если ваш брат окажет мне честь посетить меня, мне будет весьма лестно принять его и возобновить столь приятное знакомство.

Что касается цены, то, как я уже имел честь говорить вам, я хотел бы продать коляску за 1500 рублей.

Впрочем, совершенно полагаюсь в этом на решение вашего брата.

Примите уверения в глубочайшем уважении и совершеннейшем почтении. Милостивый государь, ваш нижайший и покорный слуга

Среда. Александр Пушкин.

P. S. Отец мой свидетельствует вам свое почтение. Он надеется в ближайший раз иметь двойное удовольствие принять в Михайловском вас и вашего брата. *(Франц.)*

98

вот прекрасный случай вашим дамам подмыться. *(Франц.)*
законным или незаконным образом. *(Латин.)*

100

резвушки. *(Франц.)*

101

Мои потомки были бы мне обязаны этой тенью. *(Франц.)*

Если то, что ты сообщаешь о завещании А. Л., верно, то это очень мило с ее стороны. В сущности, я всегда любил тетку, и мне неприятно, что Шаликов обмочил ее могилу. *(Франц.)*

104

за песенки. *(Франц.)*
прощай. *(Итал.)*
вот прекрасный случай нашим дамам подмыться. *(Франц.)*

105а

Божественная княгиня, кланяюсь вам от всего сердца. От всего сердца, княгиня божественная, кланяюсь вам. Княгиня, кланяюсь вам, божество моего сердца, и т. д. *(Франц.)*

106

«Неистового Роланда». *(Итал.)*
«Девственницу». *(Франц.)*
и т. д., и т. д., и т. д., и т. д., и т. д. *(Латин.)*

107

другие времена! *(Латин.)*
манеру, стиль. *(Франц.)*

108

Кстати. *(Франц.)*

109

Бальная болтовня. *(Франц.)*
Клеон. *(Франц.)*

111

Беседы Байрона. *(Франц.)*
Фуше. *(Франц.)*

Бертран и Монтолон. *(Франц.)*
Наполеона. *(Франц.)*
но всё, что относится к политике, писано только для черни. *(Франц).*

112

У него большие заслуги перед прекрасным полом, и я очень рад, что публично об этом заявил. *(Франц.)*
«Эдинбургское обозрение». *(Франц.)*

113

чудо мастерства. *(Франц.)*

116

Беседы Байрона, Мемуары Фуше . . . . . Сисмонди (Литература).
. . . . . Шлегель (драматургия) . . . . . Сен-Флорана. *(Франц.)*
вот женщина! *(Латин.)*

117

и т. д., и т. д., и т. д. *(Франц.)*

118

А. Шенье. *(Франц.)*
с красной строки. *(Франц.)*

119

Боульс (и) Байрон. *(Англ.)*
прелестна. *(Франц.)*

120

Дорогая и уважаемая княгиня, ваше письмо причинило мне глубокую душевную боль. Я не имел понятия о несчастии, постигшем вас; не буду пытаться вас утешить, но всей душой разделяю ваше горе и вашу тревогу. Надеюсь, что в настоящее время князь и дети уже выздоравливают. Так как «Онегин» может его развлечь, я немедля начну его переписывать и пришлю ему. Напишу также брату, чтобы он выслал ему всё, что найдет у себя из моих стихов. Только прошу князя сохранить всё это для себя лично и никому ничего не читать.

Пущин напрасно рассказал вам о моих тревогах и предположениях, которые оказались ошибочными. Я не поддерживаю ника-

ких сношений с Одессой и мне совершенно неизвестно, что там происходит.

Успокойтесь, дорогая княгиня, если это возможно. Сообщайте мне о вашей семье и считайте меня всегда в числе самых преданных своих друзей.

24 марта. *(Франц.)*

121

Жду ответа. *(Франц.)*

(с) примечанием. *(Франц.)*

122

мне улыбается. *(Франц.)*

Шамфор: Все те, на кого я их написал, еще живы. *(Франц.)*

124

Тебе разрешают писать письма, но *только надписанные нашей сестрой* (. . . . .). Подобно тому, видишь ли, как я пишу Анне Ивановне Вульф под именем Евпраксии (. . . . .) До чего мы дошли! *(Франц.)*

экспромт. *(Франц.)*

Варианты в честь мадемуазель Н. Н. *(Франц.)*

Да будет стыдно и т. д. *(Франц.)*

обедню Фридриха II за упокой души Вольтера. *(Франц.)*

127

Драматические сочинения Шиллера, Шлегеля (. . . . .) Вальтер Скотта (. . . . .) *(Франц.)*

Сен-Флорана *(Франц.)*

Флер д'оранж. *(Франц.)*

Альфиери. *(Франц.)*

она на меня дуется, а мне наплевать. *(Франц.)*

Подтяжки. Сапоги. *(Франц.)*

130

Я почел бы своим долгом переносить мою опалу в почтительном молчании, если бы необходимость не побудила меня нарушить его.

Мое здоровье было сильно расстроено в ранней юности, и до сего времени я не имел возможности лечиться. Аневризм, которым я страдаю около десяти лет, также требовал бы немедленной операции. Легко убедиться в истине моих слов.

Меня укоряли, государь, в том, что я когда-то рассчитывал на великодушие вашего характера, признаюсь, что лишь к нему од-

кому ныне прибегаю. Я умоляю ваше величество разрешить мне поехать куда-нибудь в Европу, где я не был бы лишен всякой помощи. *(Франц.)*

132

Жанлис (. . . . .) Чайльд Гарольда — Ламартина.
в хорошем комическом роде. *(Франц.)*

134

Вот, мадемуазель, еще письмо для моего брата. Очень прошу вас взять его под свое покровительство. Ради бога, пришлите перья, которые вы великодушно очинили для меня и которые я имел дерзость позабыть! Не сердитесь на меня за это. *(Франц.)*

135

Данте (и) Петрарка.
Альфиери (и) Фосколо.
Соути, Вальтер Скотт, Мур.
Байрон.
Его молчание — общественное бедствие. *(Франц.)*
В. Скотта.

137

Фосс.
глупый. *(Немецк.)*
певец навоза. *(Франц.)*
и я храбро восстановил Шаликова. *(Франц.)*
Казимира (. . . . .) каламбур. *(Франц.)*
Данте.
Буово д'Антона (. . . . .) Влюбленного Роланда *(Итал.)*
Лев. *(Франц.)*

138

оптом. *(Франц.)*
Отложим серьезные дела на завтра. *(Франц.)*
Беранже. *(Франц.)*
господь бог. *(Франц.)*
и дьявол ничего от этого не теряет. *(Франц.)*

140

Ты, чье истинное имя еще неведомо миру! *(Франц.)*
Г-жа де Сталь. *(Франц.)*

141

Написано в присутствии этой самой особы, что для каждого должно быть ясно. Прощай, милый поэт. Прошу тебя, пиши мне. Весь твой. *(Итал.)*

142

Пишу вам, мрачно напившись; вы видите, я держу свое слово.

Итак, вы уже в Риге? одерживаете ли победы? скоро ли выйдете замуж? застали ли уланов? Сообщите мне обо всем этом подробнейшим образом, так как вы знаете, что, несмотря на мои злые шутки, я близко принимаю к сердцу всё, что вас касается. Я хотел побранить вас, да не хватает духу сделать это на таком почтительном расстоянии. Что же до нравоучений и советов, то вы их получите. Слушайте хорошенько: 1) Ради бога, будьте легкомысленны только с вашими друзьями (мужеского рода), они воспользуются этим лишь для себя, между тем как *подруги* станут вредить вам, ибо — крепко запомните это — все они столь же ветрены и болтливы, как вы сами. 2) Носите короткие платья, потому что у вас хорошенькие ножки, и не взбивайте волосы на височках, хотя бы это и было модно, так как у вас, к несчастью, круглое лицо. 3) С некоторых пор вы стали очень осведомленной, однако не высказывайте этого, и если какой-нибудь улан скажет вам (. . . . .), не смейтесь, не жеманьтесь, не обнаруживайте, что польщены этим; высморкайтесь, отвернитесь и заговорите о чем-нибудь другом. 4) Не забудьте о последнем издании Байрона.

Знаете ли, за что я хотел побранить вас? нет? испорченная девица, без чувства и без . . . и т. д. — а ваши обещания, сдержали ли вы их? ну, не буду больше говорить о них и прощаю вас, тем более что и сам вспомнил об этом только после вашего отъезда. Странно — где была моя голова? А теперь поговорим о другом.

Всё Тригорское поет (. . . . .) и у меня от этого сердце ноет, вчера мы *с Алексеем* проговорили 4 часа подряд. Никогда еще не было у нас такого продолжительного разговора. Угадайте, что нас вдруг так сблизило. Скука? *Сродство чувства?* Не знаю. Каждую ночь гуляю я по саду и повторяю себе: она была здесь — камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе, подле ветки увядшего гелиотропа, я пишу много стихов — всё это, если хотите, очень похоже на любовь, но клянусь вам, что это совсем не то. Будь я влюблен, в *воскресенье* со мною сделались бы судороги от бешенства и ревности, между тем мне было только досадно,— и всё же мысль, что я для нее ничего не значу, что, пробудив и заняв ее воображение, я только тешил ее любопытство, что воспоминание обо мне ни на минуту не сделает ее ни более задумчивой среди ее побед, ни более грустной в дни печали, что ее прекрасные глаза остановятся на каком-нибудь рижском франте с тем же пронизывающим сердце и сладострастным выражением,—

нет, эта мысль для меня невыносима; скажите ей, что я умру от этого,— нет, лучше не говорите, она только посмеется надо мной, это очаровательное создание. Но скажите ей, что если в сердце ее нет скрытой нежности ко мне, таинственного и меланхолического влечения, то я презираю ее,— слышите? — да, презираю, несмотря на всё удивление, которое должно вызвать в ней столь непривычное для нее чувство.

Прощайте, баронесса, примите почтительный привет от вашего прозаического обожателя.

21 июля.

P. S. Пришлите мне обещанный рецепт; я так наглупил, что сил больше нет — *проклятый приезд, проклятый отъезд! (Франц.)*

144

Я имел слабость попросить у вас разрешения вам писать, а вы — легкомыслие или кокетство позволить мне это. Переписка ни к чему не ведет, я знаю; но у меня нет сил противиться желанию получить хоть словечко, написанное вашей хорошенькой ручкой.

Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем то, которое некогда произвела на меня встреча наша у Олениных. Лучшее, что я могу сделать в моей печальной деревенской глуши,— это стараться не думать больше о вас. Если бы в душе вашей была хоть капля жалости ко мне, вы тоже должны были бы пожелать мне этого,— но ветреность всегда жестока, и все вы, кружа головы направо и налево, радуетесь, видя, что есть душа, страждущая в вашу честь и славу.

Прощайте, божественная; я бешусь и я у ваших ног. Тысячу нежностей Ермолаю Федоровичу и поклон г-ну Вульфу.

25 июля.

Снова берусь за перо, ибо умираю с тоски и могу думать только о вас. Надеюсь, вы прочтете это письмо тайком — спрячете ли вы его у себя на груди? ответите ли мне длинным посланием? пишите мне обо всем, что придет вам в голову,— заклинаю вас. Если вы опасаетесь моей нескромности, если не хотите компрометировать себя, измените почерк, подпишитесь вымышленным именем — сердце мое сумеет вас угадать. Если выражения ваши будут столь же нежны, как ваши взгляды, увы! — я постараюсь поверить им или же обмануть себя, что одно и то же.— Знаете ли вы, что, перечтя эти строки, я стыжусь их сентиментального тона — что скажет Анна Николаевна? (. . . . .)

Знаете что? пишите мне и так и этак — это очень мило. *(Франц.)*

145

Прилагаю, сударыня, два письма на ваше имя, только что полученные. Одно из них от Плетнева — и было вложено в письмо ко мне.

Надеюсь, что, когда вы получите эти письма, вы уже весело и благополучно прибудете в Ригу. Мои петербургские друзья были уверены, что я поеду вместе с вами. Плетнев сообщает мне довольно странную новость: решение его величества показалось им недоразумением, и они решили передоложить обо мне. Друзья мои так обо мне хлопочут, что в конце концов меня посадят в Шлиссельбургскую крепость, где уж, конечно, не будет рядом Тригорского, которое, хоть оно и опустело сейчас, всё же составляет моэ утешение.

С нетерпением ожидаю от вас вестей — пишите мне, умоляю вас. Излишне говорить вам о моей почтительной дружбе и вечной моей признательности. Шлю вам привет из глубины души.

25 июля. *(Франц.)*

148

На ваше имя, сударыня, пришло какое-то пустячное письмо из Пскова, которое я уничтожил.— Пересылаю вам другое — из Батова, и еще одно — от моей матери. Из него вы увидите, что за прекрасная душа этот Жуковский. Но так как я никоим образом не могу согласиться на то, чтобы Мойер делал мне операцию, я только что написал ему, заклиная не приезжать в Псков. Не знаю, на чем основаны надежды моей матери, но сам я уже давно не верю никаким надеждам.

Рокотов навестил меня на другой день после вашего отъезда, было бы любезнее с его стороны предоставить мне скучать в одиночестве. Вчера я посетил Тригорский замок, сад, библиотеку. Уединение его поистине поэтично, так как оно полно вами и воспоминаниями о вас. Его милым хозяйкам следовало бы поскорее вернуться туда, но желание это слишком отзывается моим фамильным эгоизмом; если вам весело в Риге, развлекайтесь и вспоминайте иногда тригорского (т. е. михайловского) изгнанника — вы видите, я, по старой привычке, путаю и наши жилища.

29 июля.

Ради бога, сударыня, ничего не пишите моей матушке о моем отказе Мойеру. Это лишь наделает ненужного шуму, потому что решение мое неизменно. (*Франц.)*

149

Где вы? из газет я узнал, что вы переменили полк. Желаю, чтоб это развлекло вас. Что поделывает ваш брат? вы ничего о нем не сообщаете в письме вашем от 13 мая; лечится ли он?

О себе могу сказать следующее: друзья мои усиленно хлопотали о том, чтобы получить для меня разрешение ехать лечиться; матушка писала его величеству, после чего мне разрешили поехать в Псков и даже поселиться там, однако делать этого я не стану, а только съезжу туда на несколько дней. Покамест я живу

в полном одиночестве: единственная соседка, у которой я бывал, уехала в Ригу, и у меня буквально нет другого общества, кроме старушки няни и моей трагедии; последняя подвигается, и я доволен этим. Сочиняя ее, я стал размышлять над трагедией вообще. Это, может быть, наименее правильно понимаемый род поэзии. И классики и романтики основывали свои правила на *правдоподобии,* а между тем именно оно-то и исключается самой природой драматического произведения. Не говоря уже о времени и проч., какое, к чёрту, может быть правдоподобие в зале, разделенной на две половины, в одной из коих помещается две тысячи человек, будто бы невидимых для тех, кто находится на подмостках; 2) *язык.* Напр., у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, произносит на чистейшем французском языке: «Увы! я слышу сладкие звуки эллинской речи» и проч. Вспомните древних: их трагические маски, их двойные роли,— всё это не есть ли условное неправдоподобие? 3) время, место и проч. и проч. Истинные гении трагедии никогда не заботились о правдоподобии. Посмотрите, как Корнель ловко управился с Сидом. «А, вам угодно соблюдение правила о 24 часах? Извольте» — и нагромоздил событий на 4 месяца. На мой взгляд ничего не может быть бесполезнее мелких поправок к установленным правилам: Альфиери крайне изумлен нелепостью речей *в сторону,* он упраздняет их, но зато удлиняет монологи, полагая, что произвел целый переворот в системе трагедии; какое ребячество!

Правдоподобие положений и правдивость диалога — вот истинное правило трагедии. (Я не читал ни Кальдерона, ни Веги), но до чего изумителен Шекспир! Не могу прийти в себя. Как мелок по сравнению с ним Байрон-трагик! Байрон, который создал всего-навсего один характер (у женщин нет характера, у них бывают страсти в молодости; вот почему так легко изображать их), этот самый Байрон распределил между своими героями отдельные черты собственного характера; одному он придал свою гордость, другому — свою ненависть, третьему — свою тоску и т. д., и таким путем из одного цельного характера, мрачного и энергичного, создал несколько ничтожных — это вовсе не трагедия.

Существует еще такая замашка: когда писатель задумал характер какого-нибудь лица, то что бы он ни заставлял его говорить, хотя бы самые посторонние вещи, всё носит отпечаток данного характера (таковы педанты и моряки в старых романах Фильдинга). Заговорщик говорит: *Дайте мне пить,* как заговорщик — это просто смешно. Вспомните Озлобленного у Байрона *(ha pagato!)*[1] — это однообразие, этот подчеркнутый лаконизм, эта непрерывная ярость, разве всё это естественно? Отсюда эта принужденность и робость диалога. Вспомните Шекспира. Читайте Шекспира, он никогда не боится скомпрометировать своего героя,

---

[1] он заплатил!

он заставляет его говорить с полнейшей непринужденностью, как в жизни, ибо уверен, что в надлежащую минуту и при надлежащих обстоятельствах он найдет для него язык, соответствующий его характеру.

Вы спросите меня: а ваша трагедия — трагедия характеров или нравов? Я избрал наиболее легкий род, но попытался соединить и то и другое. Я пишу и размышляю. Бо́льшая часть сцен требует только рассуждения; когда же я дохожу до сцены, которая требует вдохновения, я жду его или пропускаю эту сцену — такой способ работы для меня совершенно нов. Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить. *(Франц.)*

150

Я только что вернулся от вас; малютка совсем здорова и встретила меня самым любезным образом. Погода у нас стояла ужасная: ветры, грозы и т. п.,— вот все новости, какие могу вам сообщить; полагаю, что известия от вашего управляющего будут более разнообразны. Примите, сударыня, уверения в совершенном моем уважении и преданности. Поручаю себя памяти всего любезного вашего семейства.

1 августа. *(Франц.)*

152

Вчера получил я, сударыня, ваше письмо от 31-го, написанное на другой день после вашего приезда в Ригу. Вы не можете себе представить, до какой степени я тронут этим знаком вашего расположения и памяти обо мне. Он проник до глубины моей души, и из глубины души благодарю вас.

Ваше письмо я получил в Тригорском. Анна Богдановна сказала мне, что вас ждут сюда в середине августа. Не смею на это надеяться.

Что такое говорил вам г-н Керн касательно отеческого надзора за мною г-на Адеркаса? положительное ли это приказание? имеет ли к этому отношение сам г-н Керн? или это одни только слухи?

Я полагаю, сударыня, что в Риге вы больше знаете о том, что делается в Европе, чем я в Михайловском. Что касается Петербурга, то я совсем не знаю, что там творится. Ждем осени, однако у нас еще было несколько хороших дней, и благодаря вам у меня на окне всегда цветы.

Прощайте, сударыня. Примите уверение в моей нежной и почтительной преданности. Поверьте, что на свете нет ничего более верного и отрадного, нежели дружба и свобода. Вы научили меня ценить всю прелесть первой.

8 августа. *(Франц.)*

153

Что такое чувство? — Дополнение к темпераменту. *(Франц.)*

154

Нужно ли говорить вам о моей признательности? Право, сударыня, с вашей стороны весьма любезно, что вы не забываете вашего отшельника. Ваши письма приводят меня в восторг в такой же мере, в какой великодушные заботы ваши меня трогают. Не знаю, что ждет меня в будущем, но знаю, что чувства, которые я к вам питаю, останутся навеки неизменными. Еще сегодня был я в Тригорском. Малютка вполне здорова, и она прехорошенькая. Как и вы, сударыня, я полагаю, что слухи, дошедшие до г-на Керна, неверны, но вы правы: не следует ими пренебрегать. На днях я был у Пещурова — лукавого ходатая, как вы его называете,— он думал, что я в Пскове (№3). Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку — старого арапа, который, как я полагаю не сегодня-завтра умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда.

Свидетельствую мое уважение всему вашему любезному семейству и остаюсь, сударыня, преданным вам.

11 августа. *(Франц.)*

155

в разговоре, между прочим. *(Франц.)*

156

Перечитываю ваше письмо вдоль и поперек и говорю: (милая! прелесть!) божественная!... а потом: (ах, мерзкая!) — Простите, прекрасная и нежная, но это так. Нет никакого сомнения в том, что вы божественны, но иногда вам не хватает здравого смысла; еще раз простите и утешьтесь, потому что от этого вы еще прелестнее. Например, что вы хотите сказать, говоря о печатке, которая должна для вас *подходить и вам нравиться* (счастливая печатка!) и значение которой вы просите меня разъяснить? Если тут нет какого-нибудь скрытого смысла, то я не понимаю, чего вы желаете. Или вы хотите, чтобы я придумал для вас девиз? Это было бы совсем в духе Нетти. Полно, сохраните ваш прежний девиз: («Не скоро, а здорово»), лишь бы это не было девизом вашего приезда в Тригорское,— а теперь поговорим о другом. Вы уверяете, что я не знаю вашего характера. А какое мне до него дело? очень он мне нужен — разве у хорошеньких женщин должен быть характер? главное — это глаза, зубы, ручки и ножки — (я прибавил бы еще — сердце, но ваша кузина очень уж затаскала это слово). Вы говорите, что вас легко узнать; вы хотели сказать — полюбить вас? впол-

не с вами согласен и даже сам служу тому доказательством: я вел себя с вами, как четырнадцатилетний мальчик,— это возмутительно, но с тех пор, как я вас больше не вижу, я постепенно возвращаю себе утраченное превосходство и пользуюсь этим, чтобы побранить вас. Если мы когда-нибудь снова увидимся, обещайте мне... Нет, не хочу ваших обещаний: к тому же, письмо — нечто столь холодное, в просьбе, передаваемой по почте, нет ни силы, ни взволнованности, а в отказе — ни изящества, ни сладострастия. Итак, до свидания — и поговорим о другом. Как поживает подагра вашего супруга? Надеюсь, у него был основательный припадок через день после вашего приезда. (Поделом ему!) Если бы вы знали, какое отвращение, смешанное с почтительностью, испытываю я к этому человеку! Божественная, ради бога, постарайтесь, чтобы он играл в карты и чтобы у него сделался приступ, подагры, подагры! Это моя единственная надежда!

Перечитывая снова ваше письмо, я нахожу в нем ужасное *если,* которого сначала не приметил: *если моя кузина останется, то осенью я приеду* и т. д. Ради бога, пусть она останется! Постарайтесь развлечь ее, ведь ничего нет легче; прикажите какому-нибудь офицеру вашего гарнизона влюбиться в нее, а когда настанет время ехать, досадите ей, отбив у нее воздыхателя; опять-таки, ничего нет легче. Только не показывайте ей этого; а то из упрямства она способна сделать как раз противоположное тому, что надо. Что делаете вы с вашим кузеном? напишите мне об этом, только вполне откровенно. Отошлите-ка его поскорее в его университет; не знаю почему, но я недолюбливаю этих студентов так же, как и г-н Керн.— Достойнейший человек этот г-н Керн, почтенный, разумный и т. д.; один только у него недостаток — то, что он ваш муж. Как можно быть вашим мужем? Этого я так же не могу себе вообразить, как не могу вообразить рая.

Все это было написано вчера. Сегодня почтовый день, и, не знаю почему, я вбил себе в голову, что получу от вас письмо. Этого не случилось, и я в самом собачьем настроении, хоть и совсем несправедливо: я должен быть благодарным за прошлый раз, знаю; но что поделаешь? умоляю вас, божественная, снизойдите к моей слабости, пишите мне, любите меня, и тогда я постараюсь быть любезным. Прощайте (. . . . .)

14 августа. *(Франц.)*

157

Милый друг, думаю, что ты уже приехала. Сообщи мне, когда рассчитываешь выехать в Москву, и дай мне свой адрес. Я очень огорчен тем, что со мной произошло, но я это предсказывал, а это весьма утешительно, сама знаешь. Я не жалуюсь на мать, напротив, я признателен ей, она думала сделать мне лучше, она горячо взялась за это, не ее вина, если она обманулась. Но вот мои друзья — те сделали именно то, что я заклинал их не делать. Что за

страсть — принимать меня за дурака и повергать меня в беду, которую я предвидел, на которую я же им указывал? Раздражают его величество, удлиняют мою ссылку, издеваются над моим существованием, а когда дивишься всем этим нелепостям — хвалят мои прекрасные стихи и отправляются ужинать. Естественно, что я огорчен и обескуражен,— мысль переехать в Псков представляется мне до последней степени смешной; но так как кое-кому доставит большое удовольствие мой отъезд из Михайловского, я жду, что мне предпишут это. Всё это отзывается легкомыслием, жестокостью невообразимой. Прибавлю еще: здоровье мое требует перемены климата, об этом не сказали ни слова его величеству. Его ли вина, что он ничего не знает об этом? Мне говорят, что общество возмущено; я тоже — беззаботностью и легкомыслием тех, кто вмешивается в мои дела. О господи, освободи меня от моих друзей! (. . . . .) *(Франц.)*

158

взаимный (в некоторых случаях — междуусобный). *(Франц.)*
это было бы от ума. *(Франц.)*

159

это злободневно, как свежая газета. *(Франц.)*

160

Вы способны привести меня в отчаяние; я только что собрался написать вам несколько глупостей, которые насмешили бы вас до смерти, как вдруг пришло ваше письмо, опечалившее меня в самом разгаре моего вдохновения. Постарайтесь отделаться от этих спазм, которые делают вас очень интересной, но ни к чёрту не годятся, уверяю вас. Зачем вы принуждаете меня бранить вас? Если у вас рука была на перевязи, не следовало мне писать. Экая сумасбродка!

Скажите, однако, что он сделал вам, этот бедный муж? Уж не ревнует ли он часом? Что ж, клянусь вам, он не был бы неправ; вы не умеете или (что еще хуже) не хотите щадить людей. Хорошенькая женщина, конечно, вольна... быть вольной.[1] Боже мой, я не собирался читать вам нравоучения, но всё же следует уважать мужа,— иначе никто не захочет состоять в мужьях. Не принижайте слишком это ремесло, оно необходимо на свете. Право, я говорю с вами совершенно чистосердечно. За 400 верст вы ухитрились возбудить во мне ревность; что же должно быть в 4 шагах? (NB: Я очень хотел бы знать, почему ваш двоюродный бра-

[1] В подлиннике — игра слов: maîtresse значит — и хозяйка, госпожа самой себе, и любовница.

тец уехал из Риги только 15-го числа сего месяца и почему имя его в письме ко мне трижды сорвалось у вас с пера? Можно узнать это, если это не слишком нескромно?). Простите, божественная, что я откровенно высказываю вам то, что думаю; это — доказательство истинного моего к вам участия; я люблю вас гораздо больше, чем вам кажется. Постарайтесь хоть сколько-нибудь наладить отношения с этим проклятым г-ном Керном. Я отлично понимаю, что он не какой-нибудь гений, но в конце концов он и не совсем дурак. Побольше мягкости, кокетства (и главное, бога ради, отказов и отказов) — и он будет у ваших ног,— место, которому я от всей души завидую, но что поделаешь? Я в отчаянии от отъезда Анеты; как бы то ни было, но вы непременно должны приехать осенью сюда или хотя бы в Псков. Предлогом можно будет выставить болезнь Анеты. Что вы об этом думаете? Отвечайте мне, умоляю вас, и ни слова об этом Алексею Вульфу. Вы приедете?— не правда ли? — а до тех пор не решайте ничего касательно вашего мужа. Вы молоды, вся жизнь перед вами, а он... Наконец, будьте уверены, что я не из тех, кто никогда не посоветует решительных мер — иногда это неизбежно, но раньше надо хорошенько подумать и не создавать скандала без надобности.

Прощайте! Сейчас ночь, и ваш образ встает передо мной, такой печальный и сладострастный; мне чудится, что я вижу ваш взгляд, ваши полуоткрытые уста.

Прощайте — мне чудится, что я у ваших ног, сжимаю их, ощущаю ваши колени,— я отдал бы всю свою жизнь за миг действительности. Прощайте, и верьте моему бреду; он смешон, но искренен. *(Франц.)*

161

Прилагаю письмо для вашей тетушки; вы можете его оставить у себя, если случится, что они уже уехали из Риги. Скажите, можно ли быть столь ветреной? Каким образом письмо, адресованное вам, попало не в ваши, а в другие руки? Но что сделано, то сделано — поговорим о том, что нам следует делать.

Если ваш супруг очень вам надоел, бросьте его, но знаете как? Вы оставляете там всё семейство, берете почтовых лошадей на Остров и приезжаете... куда? в Тригорское? вовсе нет; в Михайловское! Вот великолепный проект, который уже с четверть часа дразнит мое воображение. Вы представляете себе, как я был бы счастлив? Вы скажете: «А огласка, а скандал?» Чёрт возьми! Когда бросают мужа, это уже полный скандал, дальнейшее ничего не значит или значит очень мало. Согласитесь, что проект мой романтичен! Сходство характеров, ненависть к преградам, сильно развитый орган полета и пр. и пр.— Представляете себе удивление вашей тетушки? Последует разрыв. Вы будете видаться с вашей кузиной тайком, это хороший способ сделать дружбу менее пресной — а когда Керн умрет — вы будете свободны, как воздух... Ну,

что вы на это скажете? Не говорил ли я вам, что способен дать вам совет смелый и внушительный!

Поговорим серьезно, т. е. хладнокровно: увижу ли я вас снова? Мысль, что нет, приводит меня в трепет.— Вы скажете мне: утешьтесь. Отлично, но как? влюбиться? невозможно. Прежде всего надо забыть про ваши спазмы.— Покинуть родину? удавиться? жениться? Все это очень хлопотливо и не привлекает меня.— Да, кстати, каким же образом буду я получать от вас письма? Ваша тетушка противится нашей переписке, столь целомудренной, столь невинной (да и как же иначе... на расстоянии 400 верст).— Наши письма, наверное, будут перехватывать, прочитывать, обсуждать и потом торжественно предавать сожжению. Постарайтесь изменить ваш почерк, а об остальном я позабочусь.— Но только пишите мне, да побольше, и вдоль, и поперек, и по диагонали (геометрический термин). Вот что такое *диагональ*. А главное, не лишайте меня надежды снова увидеть вас. Иначе я, право, постараюсь влюбиться в другую. Чуть не забыл: я только что написал Нетти письмо, очень нежное, очень раболепное. Я без ума от Нетти. Она наивна, а вы нет. Отчего вы не наивны? Не правда ли, по почте я гораздо любезнее, чем при личном свидании; так вот, если вы приедете, я обещаю вам быть любезным до чрезвычайности — в понедельник я буду весел, во вторник восторжен в среду нежен, в четверг игрив, в пятницу, субботу и воскресенье буду чем вам угодно, и всю неделю — у ваших ног. *Прощайте.*

28 августа.

Не распечатывайте прилагаемого письма, это нехорошо. Ваша тетушка рассердится.

Но полюбуйтесь, как с божьей помощью всё перемешалось: г-жа Осипова распечатывает письмо к вам, вы распечатываете письмо к ней, я распечатываю письмо Нетти — и все мы находим в них нечто для себя назидательное — поистине это восхитительно! *(Франц.)*

162

Да, сударыня, пусть будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает. Ах, эти люди, считающие, что переписка может к чему-то привести. Уж не по собственному ли опыту они это знают? Но я прощаю им, простите и вы тоже — и будем продолжать.

Ваше последнее письмо (писанное в полночь) прелестно, я смеялся от всего сердца; но вы слишком строги к вашей милой племяннице; правда, она ветрена, но — терпение: еще лет двадцать — и, ручаюсь вам, она исправится. Что же до ее кокетства, то вы совершенно правы, оно способно привести в отчаяние. Неужели она не может довольствоваться тем, что нравится своему повелителю г-ну Керну, раз уж ей выпало такое счастье? Нет, нужно

еще кружить голову вашему сыну, своему кузену! Приехав в Тригорское, она вздумала пленить г-на Рокотова и меня; это еще не всё: приехав в Ригу, она встречает в ее проклятой крепости некоего проклятого узника и становится кокетливым провидением этого окаянного каторжника! Но и это еще не всё: вы сообщаете мне, что в деле замешаны еще и мундиры! Нет, это уж слишком: об этом узнает г-н Рокотов, и посмотрим, что он на это скажет. Но, сударыня, думаете ли вы всерьез, что она кокетничает *равнодушно?* Она уверяет, что нет, я хотел бы верить этому, но еще больше успокаивает меня то, что не все ухаживают на один лад, и лишь бы другие были почтительны, робки и сдержанны,— мне ничего больше не надо. Благодарю вас, сударыня, за то, что вы не передали моего письма: оно было слишком нежно, а при нынешних обстоятельствах это было бы смешно с моей стороны. Я напишу ей другое, со свойственной мне дерзостью, и решительно порву с ней всякие отношения; пусть не говорят, что я старался внести смуту в семью, что Ермолай Федорович может обвинять меня в отсутствии нравственных правил, а жена его — издеваться надо мной.— Как это мило, что вы нашли портрет схожим: «смела в» и т. д. Не правда ли? Она отрицает и это; но кончено, я больше не верю ей.

Прощайте сударыня. С великим нетерпением жду вашего приезда... мы позлословим на счет Северной Нетти, относительно которой я всегда буду сожалеть, что увидел ее, и еще более, что не обладал ею. Простите это чересчур откровенное признание тому, кто любит вас очень нежно, хотя и совсем иначе.

Михайловское. *(Франц.)*

163

чтобы разбудить спящего кота. *(Франц.)*

164

всеми прочими. *(Итал.)*
Прощай, духовный сын мой. *(Латин.)*

165

Увы, Постум, Постум, уносятся быстролетные годы. *(Латин.)*
Ротру. *(Франц.)*
записки. *(Франц.)*
Прощай, поэт, до свиданья, но когда? *(Итал.)*

166

последним доводом в пользу освобождения. *(Латин.)*
Выводы. *(Франц.)*
Сталь (.....) — Г-жа Сталь.

167

Необдуманные речи, сатирические стихи обратили на меня внимание в обществе, распространились сплетни, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен.

До меня позже всех дошли эти сплетни, сделавшиеся общим достоянием, я почувствовал себя опозоренным в общественном мнении, я впал в отчаяние, дрался на дуэли — мне было 20 лет в 1820 (году) — я размышлял, не следует ли мне покончить с собой или убить — В.

В первом случае я только подтвердил бы сплетни, меня бесчестившие, во втором — я не отомстил бы за себя, потому что оскорбления не было, я совершил бы преступление, я принес бы в жертву мнению света, которое я презираю, человека, от которого зависело всё и дарования которого невольно внушали мне почтение.

Таковы были мои размышления. Я поделился ими с одним другом, и он вполне согласился со мной. — Он посоветовал мне предпринять шаги перед властями в целях реабилитации — я чувствовал бесполезность этого.

Я решил тогда вкладывать в свои речи и писания столько неприличия, столько дерзости, что власть вынуждена была бы наконец отнестись ко мне, как к преступнику; я надеялся на Сибирь или на крепость, как на средство к восстановлению чести.

Великодушный и мягкий образ действий власти глубоко тронул меня и с корнем вырвал смешную клевету. С тех пор, вплоть до самой моей ссылки, если иной раз и вырывались у меня жалобы на установленный порядок, если иногда и предавался я юношеским разглагольствованиям, всё же могу утверждать, что, как в моих писаниях, так и в разговорах, я всегда проявлял уважение к особе вашего величества.

Государь, меня обвиняли в том, что я рассчитываю на великодушие вашего характера; я сказал вам всю правду с такой откровенностью, которая была бы немыслима по отношению к какому-либо другому монарху.

Ныне я прибегаю к этому великодушию. Здоровье мое было сильно подорвано в мои молодые годы; аневризм сердца требует немедленной операции или продолжительного лечения. Жизнь в Пскове, городе, который мне назначен, не может принести мне никакой помощи. Я умоляю ваше величество разрешить мне пребывание в одной из наших столиц или же назначить мне какую-нибудь местность в Европе, где я (мог бы) позаботиться о своем здоровье. *(Франц.)*

168

Ради бога не отсылайте г-же Осиповой того письма, которое вы нашли в вашем пакете. Разве вы не видите, что оно было на-

писано только для вашего собственного назидания? Оставьте его у себя или вы нас поссорите. Я пытался помирить вас, но после ваших последних выходок отчаялся в этом... Кстати, вы клянетесь мне всеми святыми, что ни с кем не кокетничаете, а между тем вы на «ты» со своим кузеном, вы говорите ему: *я презираю твою мать.* Это ужасно; следовало сказать: *вашу мать,* а еще лучше — ничего не говорить, потому что фраза эта произвела дьявольский эффект. Ревность в сторону,— я советую вам прекратить эту переписку, советую как друг, поистине вам преданный без громких слов и кривляний. Не понимаю, ради чего вы кокетничаете с юным студентом (при том же не поэтом) на таком почтительном расстоянии. Когда он был подле вас, вы знаете, что я находил это совершенно естественным, ибо надо же быть рассудительным. Решено, не правда ли? Бросьте переписку,— ручаюсь вам, что он от этого будет не менее влюблен в вас. Всерьез ли говорите вы, уверяя, будто одобряете мой проект? У Анеты от этого мороз пробежал по коже, а у меня голова закружилась от радости. Но я не верю в счастье, и это вполне простительно. Захотите ли вы, ангел любви, заставить уверовать мою неверующую и увядшую душу? Но приезжайте по крайней мере в Псков; это вам легко устроить. При одной мысли об этом сердце у меня бьется, в глазах темнеет и истома овладевает мною. Ужели и эта тщетная надежда, как столько других?.. Перейдем к делу; прежде всего, нужен предлог: болезнь Анеты — что вы об этом скажете? Или не съездить ли вам в Петербург? Вы дадите мне знать об этом, не правда ли? — Не обманите меня, милый ангел. Пусть вам буду обязан я тем, что познал счастье, прежде чем расстался с жизнью! — Не говорите мне о восхищении: это не то чувство, какое мне нужно. Говорите мне о любви: вот чего я жажду. А самое главное, не говорите мне о стихах... Ваш совет написать его величеству тронул меня, как доказательство того, что вы обо мне думали — на коленях благодарю тебя за него, но не могу ему последовать. Пусть судьба решит мою участь; я не хочу в это вмешиваться... Надежда увидеть вас еще юною и прекрасною — единственное, что мне дорого. Еще раз, не обманите меня.

22 сент. Михайловское.

Завтра день рождения вашей тетушки; стало быть, я буду в Тригорском; ваша мысль выдать Анету замуж, чтобы иметь пристанище, восхитительна, но я не сообщил ей об этом. Ответьте, умоляю вас, на самое главное в моем письме и я поверю, что сто́ит еще жить на свете. *(Франц.)*

169

Вариант. *(Франц.)*

174

шедевр. *(Франц.)*
Здесь кое-что было. *(Франц.)*

Записки. *(Франц.)*
бросать вызов, презирать. *(Франц.)*

178

Каламбур! узнаешь ли ты кровь? *(Франц.)*

180

Никак не ожидал, чародейка, что вы вспомните обо мне, от всей души благодарю вас за это. Байрон получил в моих глазах новую прелесть — все его героини примут в моем воображении черты, забыть которые невозможно. Вас буду видеть я в образах и Гюльнары и Леилы — идеал самого Байрона не мог быть божественнее. Вас, именно вас посылает мне всякий раз судьба, дабы усладить мое уединение! Вы — ангел-утешитель, а я — неблагодарный, потому что смею еще роптать... Вы *едете* в Петербург, и мое изгнание тяготит меня более, чем когда-либо. Быть может, перемена, только что происшедшая, приблизит меня к вам, не смею на это надеяться. Не стоит верить надежде, она — лишь хорошенькая женщина, которая обращается с нами как со старым мужем. Что поделывает ваш муж, мой нежный гений? Знаете ли вы, что в его образе я представляю себе врагов Байрона, в том числе и его жену.

8 дек.

Снова берусь за перо, чтобы сказать вам, что я у ваших ног, что я по-прежнему люблю вас, что иногда вас ненавижу, что третьего дня говорил о вас гадости, что я целую ваши прелестные ручки и снова перецеловываю их, в ожидании лучшего, что больше сил моих нет, что вы божественны и т. д. *(Франц.)*

187

Сударыня,

Вот новая поэма Баратынского, только что присланная мне Дельвигом; это образец грации, изящества и чувства. Вы будете от нее в восторге.

Полагаю, сударыня, что вы теперь в Твери; желаю вам приятно проводить время, но не настолько, чтобы совсем забыть Тригорское, где, погрустив о вас, мы начинаем уже вас поджидать.

Примите, сударыня, уверение в моем глубоком уважении и совершенной преданности.

20 февр.

Будьте добры, сударыня, передать мой поклон м-ль вашей дочери, равно как и м-ль Нетти. *(Франц.)*

193

Вы пристроили своих детей,— это превосходно. Но пристроили ли вы мужа? а ведь он много стеснительнее. *(Франц.)*

195

Лансело. *(Франц.)*
г-жой де Сталь. *(Франц.)*

200

Полагаю, сударыня, что мой внезапный отъезд с фельдъегерем удивил вас столько же, сколько и меня. Дело в том, что без фельдъегеря у нас грешных ничего не делается; мне также дали его для большей безопасности. Впрочем, судя по весьма любезному письму барона Дибича,— мне остается только гордиться этим. Я еду прямо в Москву, где рассчитываю быть 8-го числа текущего месяца; лишь только буду свободен, тотчас же поспешу вернуться в Тригорское, к которому отныне навсегда привязано мое сердце.

Псков, 4-го сент. *(Франц.)*

201

Вот уже 8 дней, что я в Москве, и не имел еще времени написать вам, это доказывает вам, сударыня, насколько я занят. Государь принял меня самым любезным образом. Москва шумна и занята празднествами до такой степени, что я уже устал от них и начинаю вздыхать по Михайловскому, т. е. по Тригорскому; я рассчитываю выехать отсюда самое позднее через две недели.— Сегодня, 15-го сент., у нас большой народный праздник; версты на три расставлено столов на Девичьем Поле; пироги заготовлены саженями, как дрова; так как пироги эти испечены уже несколько недель назад, то будет трудно их съесть и переварить их, но у почтенной публики будут фонтаны вина, чтобы их смочить; вот — злоба дня. Завтра бал у графини Орловой; огромный манеж превращен в зал; она взяла напрокат бронзы на 40 000 рублей и пригласила тысячу человек. Много говорят о новых, очень строгих, постановлениях относительно дуэлей и о новом цензурном уставе; но, поскольку я его не видал, ничего не могу сказать о нем.— Простите нескладицу моего письма,— оно в точности отражает вам нескладицу моего теперешнего образа жизни. Полагаю, что обе м-ль Анеты уже в Тригорском. Приветствую их издалека от всего сердца, равно как и всё ваше прелестное семейство.— Примите, сударыня, уверение в моем глубоком уважении и неизменной привязанности, которые я буду питать к вам всю жизнь.

Москва, Пушкин.
15 сент. *(Франц.)*

203

Здравствуй; приходи ко мне завтра вечером в 8 ч.— Будем читать «Годунова». *(Франц.)*

205

Я надеялся увидеть тебя и еще поговорить с тобой до моего отъезда; но злой рок мой преследует меня во всем том, чего мне хочется. Прощай же, дорогой друг,— еду похоронить себя в деревне до первого января,— уезжаю со смертью в сердце. *(Франц.)*

206

Спешу, княгиня, послать вам поясы. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать вам мадригал по поводу пояса Венеры и т. п.— но мадригал и чувство сделались одинаково смешны. Что сказать вам о моем путешествии? оно продолжается при самых счастливых предзнаменованиях, за исключением отвратительной дороги и несносных ямщиков. Толчки, удары локтями и проч. очень беспокоят двух моих спутников,— я прошу у них извинения за вольность обращения, но когда приходится путешествовать совместно, необходимо кое-что прощать друг другу. С. П. *— мой добрый ангел, но *другая* — мой демон; это как нельзя более некстати смущает меня в моих поэтических и любовных размышлениях.

Прощайте, княгиня,— еду похоронить себя среди моих соседей. Молитесь богу за упокой моей души. Если вы удостоите прислать мне в Опочку небольшое письмо страницы в 4,— это будет с вашей стороны очень милым кокетством.— Вы, умеющая смастерить записочку лучше, чем покойная моя тетушка,— неужели же вы не проявите такой доброты? (NB: *записка* впредь будет синонимом *музыки*). Итак, прощайте. Я у ваших ног и трясу вам руку на английский манер, поскольку вы ни за что не хотите, чтобы я вам ее целовал.

Торжок, 3 ноября.

Достаточно ли обиняков? Ради бога не давайте ключа к ним вашему супругу. Решительно восстаю против этого. *(Франц.)*

207

Путеводитель. *(Франц.)*

213

Прощайте, чета, с виду столь легкомысленная, прощайте. *(Франц.)*

214

Дорогой Зубков, ты не получил письма от меня,— и вот этому объяснение: я хотел сам явиться к вам, как бомба, 1 дек., т. е. се-

* Это, само собою разумеется, не Сергей Пушкин. *(Франц.)*

годня, и потому выехал 5—6 дней тому назад из моей проклятой деревушки на перекладной, из-за отвратительных дорог. Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня; у меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать; от бешенства я играю и проигрываю. Довольно об этом; жду, чтобы мне стало хоть немного лучше, дабы пуститься дальше на почтовых.

Оба твои письма прелестны: мой приезд был бы лучшим ответом на размышления, возражения и т. д. Но раз уж я застрял в псковском трактире вместо того, чтобы быть у ног Софи,— поболтаем, т. е. поразмыслим.

Мне 27 лет, дорогой друг. Пора жить, т. е. познать счастье. Ты говоришь мне, что оно не может быть вечным: хороша новость! Не личное мое счастье заботит меня, могу ли я возле нее не быть счастливейшим из людей,— но я содрогаюсь при мысли о судьбе, которая, быть может, ее ожидает — содрогаюсь при мысли, что не смогу сделать ее столь счастливой, как мне хотелось бы. Жизнь моя, доселе такая кочующая, такая бурная, характер мой — неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно— вот что иногда наводит на меня тягостные раздумья.— Следует ли мне связать с судьбой столь печальной, с таким несчастным характером — судьбу существа, такого нежного, такого прекрасного?.. Бог мой, как она хороша! и как смешно было мое поведение с ней! Дорогой друг, постарайся изгладить дурное впечатление, которое оно могло на нее произвести,— скажи ей, что я благоразумнее, чем выгляжу, а доказательство тому — (что тебе в голову придет...). Если она находит, что Панин прав, она должна считать, что я сумасшедший, не правда ли? — объясни же ей, что прав я, что, увидав ее хоть раз, уже нельзя колебаться, что у меня не может быть притязаний увлечь ее, что я, следовательно, прекрасно сделал, пойдя прямо к развязке, что, раз полюбив ее, невозможно любить ее еще больше, как невозможно с течением времени найти ее еще более прекрасной, потому что прекраснее быть невозможно...

А. П.

В Москве я расскажу тебе кое-что. Я дорожу моей бирюзой, как она ни гнусна. Поздравляю графа Самойлова. *(Франц.)*

222

Андрие. *(Франц.)*

224

Немедленно, если вы этого желаете, приезжайте вместе с секундантом.

А. П.

15 апр. *(Франц.)*

227

Пришли мне план Петербурга. Когда мы увидимся?

А. П.

Ты болен? Сегодня вечером буду у тебя. *(Франц.)*

228

как говорится. *(Франц.)*

229

Я очень виноват перед вами, но не настолько, как вам может это казаться. Приехав в Москву, я тотчас написал вам, адресуя мои письма (на ваше имя в почтамт). Оказывается, вы их не получили. Это меня обескуражило, и я не брал больше пера в руки. Так как вы изволите еще мною интересоваться, что же мне вам сказать, сударыня, о пребывании моем в Москве и о моем приезде в Петербург — пошлость и глупость обеих наших столиц равны, хотя и различны, и так как я притязаю на беспристрастие, то скажу, что, если бы мне дали выбирать между обеими, я выбрал бы Тригорское,— почти как Арлекин, который на вопрос, что он предпочитает: быть колесованным или повешенным? — ответил: я предпочитаю молочный суп.— Я уже накануне отъезда и непременно рассчитываю провести несколько дней в Михайловском; покамест же от всего сердца приветствую вас и всех ваших. *(Франц.)*

230

Силлери.

233

Не знаю, сударыня, как выразить вам всю свою благодарность за участие, которое вам угодно было проявить к моему здоровью; мне почти совестно чувствовать себя так хорошо. Одно крайне досадное обстоятельство лишает меня сегодня счастья быть у вас. Прошу принять мои сожаления и извинения, равно как и выражение моего глубокого уважения.

18 июля. *(Франц.)* Пушкин.

237

Прощайте. *(Латин.)*

238

и ты, Брут!! *(Латин.)*
Что дозволено Урании, дозволено (.....) *(Латин.)*
(не только) дозволено, (но) подобает. *(Латин.)*

239

Прощайте, прекрасная дама. *(Франц.)*

243

Передай Раевскому, чтобы он писал мне на батюшкин адрес. Тебе следовало бы делать то же самое. *(Франц.)*

244

буквально. *(Франц.)*

247

Мне ужасно совестно, сударыня, что я так долго не писал вам: я едва осмеливаюсь взяться за перо; и сейчас мне еще придают смелость лишь воспоминание о вашей дружбе, которое вечно будет для меня сладостным, и уверенность в вашей снисходительной доброте. Дельвиг, который покидает свои Цветы ради дипломатических терниев, расскажет вам о нашей жизни в Петербурге. Жизнь эта, признаться, довольно пустая, и я горю желанием так или иначе изменить ее. Не знаю, приеду ли я еще в (Михайловское). Однако мне бы хотелось этого. Признаюсь, сударыня, шум и сутолока Петербурга мне стали совершенно чужды — я с трудом переношу их. Я предпочитаю ваш чудный сад и прелестные берега Сороти. Вы видите, сударыня, что, несмотря на отвратительную прозу нынешнего моего существования, у меня всё же сохранились поэтические вкусы. Правда, мудрено писать вам и не быть поэтом.

Примите, сударыня, уверение в моем уважении и совершенной преданности. От всего сердца приветствую всё ваше милое семейство. Довольна ли м-ль Евпраксия своим пребыванием в Торжке? И много ли она одерживает там побед?

24 января. *(Франц.)*

А. П.

248

Как это мило с вашей стороны, что вы захотели рассеять скуку моего заточения своим вниманием! Разные заботы, огорчения, неприятности и т. д. более чем когда-либо удерживали меня вдали от света, и я узнал о несчастном случае с графиней, только уже будучи болен сам. Арендт был так добр, что дал мне сведения о ней и сообщил, что ей гораздо лучше.— Как только позволит состояние моего здоровья, я надеюсь, сударыня, иметь счастье немедленно засвидетельствовать вам свое почтение. А покамест я скучаю, лишенный даже такого развлечения, как физическое страдание.

Понедельник. Пушкин.

Беру на себя смелость, сударыня, послать вам только что вышедшие 4 и 5 части Онегина. От всего сердца желаю, чтобы они вызвали у вас улыбку. *(Франц.)*

249

Такой скучный больной, как я, вовсе не заслуживает столь любезной сиделки, как вы, сударыня. Но я весьма признателен вам за это чисто христианское и поистине очаровательное милосердие. Я в восхищении, что вы покровительствуете моему другу Онегину; ваше критическое замечание столь же справедливо, как и тонко, как всё, что вы говорите; я поспешил бы прийти и выслушать все остальные, если бы не хромал еще немного и не боялся лестниц. Пока что я разрешаю себе бывать только в нижних этажах.

Благоволите принять, сударыня, выражение моей благодарности и совершенного уважения.

Пятница. *(Франц.)* Пушкин.

252

г-же Керн. *(Франц.)*

254

Беру на себя смелость послать вам три последние песни Онегина; надеюсь, что они заслужат ваше одобрение. Прилагаю еще один экземпляр для м-ль Евпраксии, принося ей большую благодарность за лаконический ответ, которым она удостоила мой вопрос. Не знаю, сударыня, буду ли я иметь счастье видеть вас в нынешнем году; говорят, что вы хотели приехать в Петербург. Правда ли это? Между тем я по-прежнему рассчитываю на соседство Тригорского и Зуева.— На зло судьбе мы в конце концов всё же соберемся под рябинами Сороти. Примите, сударыня, выражение моего уважения, привязанности, сожалений и совершенной преданности вам и всему вашему семейству. *(Франц.)*

258

Во-вторых, благодарю вас за прелестное письмо, которым вы меня удостоили. В эту минуту его нет у моего сердца (т. е. в моем кармане), почему я и откладываю до другого раза удовольствие поболтать с вами и принести вам полную и всестороннюю исповедь, которую вы у меня требуете. Будьте здоровы.

А. П. *(Франц.)*

263

Когда-нибудь она оплачет любовника, обманутого ею. Сердце, потерянное ею, сердце, терзаемое ею. *(Франц.)*

Младший. *(Латин.)*
Прощай, кумир мой. *(Итал.)*

264

Боже мой, сударыня, бросая слова на ветер, я был далек от мысли вкладывать в них какие-нибудь неподобающие намеки. Но все вы таковы, и вот почему я больше всего на свете боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств. Да здравствуют гризетки! С ними гораздо проще и удобнее. Я не прихожу к вам потому, что очень занят, могу выходить из дому лишь поздно вечером и мне надо повидать тысячу людей, которых я всё же не вижу.

Хотите, я буду совершенно откровенен? Может быть, я изящен и благовоспитан в моих писаниях, но сердце мое совершенно вульгарно, и наклонности у меня вполне мещанские. Я по горло сыт интригами, чувствами, перепиской и т. д. и т. д. Я имею несчастье состоять в связи с остроумной, болезненной и страстной особой, которая доводит меня до бешенства, хоть я и люблю ее всем сердцем. Всего этого слишком достаточно для моих забот, а главное — для моего темперамента.

Вы не будете на меня сердиться за откровенность? не правда ли? Простите же мне слова, лишенные смысла, а главное — не имеющие к вам никакого отношения. *(Франц.)*

265

Откуда, чёрт возьми, вы взяли, что я сержусь? У меня хлопот выше головы. Простите мой лаконизм и якобинский слог.

Среда. *(Франц.)*

266

Вчера, когда я подошел к одной даме, разговаривавшей с г-ном де Лагренэ, последний сказал ей достаточно громко, чтобы я его услышал: прогоните его. Поставленный в необходимость потребовать у него объяснений по поводу этих слов, прошу вас, милостивый государь, не отказать посетить г-на Лагренэ для соответственных с ним переговоров.

Ответьте пожалуйста. *(Франц.)* Пушкин.

268

Тысяча благодарностей, сударыня, за внимание, которым вы удостаиваете вашего преданного слугу. Я бы непременно пришел к вам — но ночь внезапно застала меня среди моих мечтаний. Здоровье мое удовлетворительно, насколько это возможно.

Итак, до завтра, сударыня, и благоволите еще раз принять мою нежную благодарность.

3 ноября. *(Франц.)*

269

Будь здоров и благосклонен ко мне. *(Латин.)*

270

эти холодные и гладенькие стишки. *(Франц.)*

272

маленького поощрения (*непереводимая игра слов*). *(Франц.)*
как большой сапожник. *(Франц.)*
немного навеселе. *(Франц.)*

273

людям, которых они касаются. Но так как в сущности это честный и достойный человек, слишком беспечный для того, чтобы быть злопамятным, и слишком благородный, чтобы стараться повредить тебе, не допускай в себе враждебных чувств и постарайся поговорить с ним откровенно. *(Франц.)*

Усатая княгиня. *(Франц.)*

274

С большой готовностью принимаю ваше очаровательное приглашение. Я получил стороною сведения о князе Вяземском; в настоящее время он должен находиться у княгини.

Примите, милостивая государыня, уверение в моем совершенном уважении.

А. Пушкин. *(Франц.)*

275

Конечно, сударыня, тот час, который для вас удобен, всегда будет удобен и для меня. Итак, до завтра, и пусть 7-я песнь Онегина заслужит... *(Франц.)*

278

джентльменскую деликатность. *(Англ.)*

279

На коленях, проливая слезы благодарности, должен был бы я писать вам теперь, после того как граф Толстой передал мне ваш ответ: этот ответ — не отказ, вы позволяете мне надеяться. Не обвиняйте меня в неблагодарности, если я всё еще ропщу, если к чувству счастья примешиваются еще печаль и горечь; мне понятна

осторожность и нежная заботливость матери! — Но извините нетерпение сердца больного, которому недоступно счастье. Я сейчас уезжаю и в глубине своей души увожу образ небесного существа, обязанного вам жизнью.— Если у вас есть для меня какие-либо приказания, благоволите обратиться к графу Толстому, он передаст их мне.

Удостойте, милостивая государыня, принять дань моего глубокого уважения.

Пушкин.

1 мая 1829. *(Франц.)*

283

Нетти. *(Франц.)*

284

Генерал,

С глубочайшим прискорбием я только что узнал, что его величество недоволен моим путешествием в Арзрум. Снисходительная и просвещенная доброта вашего превосходительства и участие, которое вы всегда изволили мне оказывать, внушает мне смелость вновь обратиться к вам и объясниться откровенно.

По прибытии на Кавказ я не мог устоять против желания повидаться с братом, который служит в Нижегородском драгунском полку и с которым я был разлучен в течение 5 лет. Я подумал, что имею право съездить в Тифлис. Приехав, я уже не застал там армии. Я написал Николаю Раевскому, другу детства, с просьбой выхлопотать для меня разрешение на приезд в лагерь. Я прибыл туда в самый день перехода через Саган-лу и, раз я уже был там, мне показалось неудобным уклониться от участия в делах, которые должны были последовать; вот почему я проделал кампанию в качестве не то солдата, не то путешественника.

Я понимаю теперь, насколько положение мое было ложно, а поведение опрометчиво; но, по крайней мере, здесь нет ничего, кроме опрометчивости. Мне была бы невыносима мысль, что моему поступку могут приписать иные побуждения. Я бы предпочел подвергнуться самой суровой немилости, чем прослыть неблагодарным в глазах того, кому я всем обязан, кому готов пожертвовать жизнью, и это не пустые слова.

Я покорнейше прошу ваше превосходительство быть в этом случае моим провидением и остаюсь с глубочайшим почтением, генерал, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга.

Александр Пушкин.

10 ноября 1829 г. СПб. *(Франц.)*

285

гостиницу «Англия». *(Франц.)*

287

Напишите Ольге, не помня зла. Она вас очень любит и будет тронута этим знаком памяти с вашей стороны. *(Франц.)*

288

Само собой разумеется, графиня, что вы будете настоящим циклопом. Примите этот плоский комплимент как доказательство моей полной покорности вашим приказаниям. Будь у меня сто голов и сто сердец, они все были бы к вашим услугам.

Примите уверение в моем совершенном уважении.

1 января. *(Франц.)* *Пушкин.*

289

Андрие. (*Франц.)*

290

Генерал,

Явившись к вашему превосходительству и не имев счастья застать вас, я приемлю смелость изложить вам письменно просьбу, с которой вы разрешили к вам обратиться.

Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же, если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством.

Осмелюсь ли еще утруждать вас? В мое отсутствие г-н Жуковский хотел напечатать мою трагедию, но не получил на то формального разрешения. Ввиду отсутствия у меня состояния, мне было бы затруднительно лишиться полутора десятков тысяч рублей, которые может мне доставить моя трагедия, и было бы прискорбно отказаться от напечатания сочинения, которое я долго обдумывал и которым наиболее удовлетворен.

Всецело полагаясь на вашу благосклонность, остаюсь, генерал, вашего превосходительства нижайший и всепокорнейший слуга.

Александр Пушкин.

7 января 1830. *(Франц.)*

292

Вы должны считать меня очень неблагодарным, очень дурным человеком. Но заклинаю вас не судить по внешности. Мне невоз-

можно сегодня предоставить себя в ваше распоряжение — хотя, не говоря уже о счастье быть у вас, одного любопытства было бы достаточно для того, чтобы привлечь меня. Стихи христианина, русского епископа, в ответ на скептические куплеты! — это, право, большая удача. *(Франц.)*

А. П.

293

Генерал,

Я только что получил письмо, которое ваше превосходительство соблаговолили мне написать. Боже меня сохрани единым словом возразить против воли того, кто осыпал меня столькими благодеяниями. Я бы даже подчинился ей с радостью, будь я только уверен, что не навлек на себя его неудовольствия.

Весьма не вовремя приходится мне прибегнуть к благосклонности вашего превосходительства, но меня обязывает к тому священный долг. Узами дружбы и благодарности связан я с семейством, которое ныне находится в очень несчастном положении: вдова генерала Раевского обратилась ко мне с просьбой замолвить за нее слово перед теми, кто может донести ее голос до царского престола. То, что выбор ее пал на меня, само по себе уже свидетельствует, до какой степени она лишена друзей, всяких надежд и помощи. Половина семейства находится в изгнании, другая — накануне полного разорения. Доходов едва хватает на уплату процентов по громадному долгу. Г-жа Раевская ходатайствует о назначении ей пенсии в размере полного жалованья покойного мужа, с тем чтобы пенсия эта перешла дочерям в случае ее смерти. Этого будет достаточно, чтобы спасти ее от нищеты. Прибегая к вашему превосходительству, я надеюсь судьбой вдовы героя 1812 года — великого человека, жизнь которого была столь блестяща, а кончина так печальна, — заинтересовать скорее воина, чем министра, и доброго и отзывчивого человека скорее, чем государственного мужа.

Благоволите принять, ваше превосходительство, уверение в моем совершенном уважении. Имею честь быть вашим нижайшим и покорнейшим слугою.

Александр Пушкин.

1830. 18 января. СПб. *(Франц.)*

294

Милый Судиенко, если деньги тебе до сих пор не уплачены, то виноват в этом мой поверенный, который утерял адрес твоего поверенного. Я же совершенно запамятовал его имя, и твои 4000 ожидали тебя в запечатанном конверте более полугода.

Приехав в Петербург, я написал тебе в (Чернигов), чтобы узнать твой точный адрес, поздравить тебя с женитьбой и предло-

жить тебе взять 50 руб. Ты пишешь, что потерял аппетит и не завтракаешь так, как бывало. Это жаль, делай больше физических упражнений, приезжай на почтовых в Петербург, и аппетит вернется к тебе. *(Франц.)*

296

Сегодня 9-я годовщина дня, когда я вас увидел в первый раз. Этот день был решающим в моей жизни.

Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с вашим; я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами — всякая другая забота с моей стороны — заблуждение или безрассудство; вдали от вас меня лишь грызет мысль о счастье, которым я не сумел насытиться. Рано или поздно мне придется всё бросить и пасть к вашим ногам. Среди моих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет одна лишь мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в Крыму (?). Там смогу я совершать паломничества, бродить вокруг вашего дома, встречать вас, мельком вас видеть... *(Франц.)*

297

Вы смеетесь над моим нетерпением, вам как будто доставляет удовольствие обманывать мои ожидания; итак, я увижу вас только завтра — пусть так. Между тем я могу думать только о вас.

Хотя видеть и слышать вас составляет для меня счастье, я предпочитаю не говорить, а писать вам. В вас есть ирония, лукавство, которые раздражают и повергают в отчаяние. Ощущения становятся мучительными, а искренние слова в вашем присутствии превращаются в пустые шутки. Вы — демон, то есть *тот, кто сомневается и отрицает,* как говорится в Писании.

В последний раз вы говорили о прошлом жестоко. Вы сказали мне то, чему я старался не верить — в течение целых 7 лет. Зачем?

Счастье так мало создано для меня, что я не признал его, когда оно было передо мною. Не говорите же мне больше о нем, ради Христа. — В угрызениях совести, если бы я мог испытать их, — в угрызениях совести было бы какое-то наслаждение — а подобного рода сожаление вызывает в душе лишь яростные и богохульные мысли.

Дорогая Элленора, позвольте мне называть вас этим именем, напоминающим мне и жгучие чтения моих юных лет, и нежный призрак, прельщавший меня тогда, и ваше собственное существование, такое жестокое и бурное, такое отличное от того, каким оно должно было быть. — Дорогая Элленора, вы знаете, я испытал на себе всё ваше могущество. Вам обязан я тем, что познал всё, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, и всё, что есть в нем самого ошеломляющего. От всего этого у меня

осталась лишь слабость выздоравливающего, одна привязанность, очень нежная, очень искренняя, — и немного робости, которую я не могу побороть.

Я прекрасно знаю, что́ вы подумаете, если когда-нибудь это прочтете — как он неловок — он стыдится прошлого — вот и всё. Он заслуживает, чтобы я снова посмеялась над ним. Он полон самомнения, как его повелитель — сатана. Не правда ли?

Однако, взявшись за перо, я хотел о чем-то просить вас — уж не помню о чем — ах, да — о дружбе. Эта просьба очень банальная, очень... Это как если бы нищий попросил хлеба — но дело в том, что мне необходима ваша близость.

А вы, между тем, по-прежнему прекрасны, так же, как и в день переправы или же на крестинах, когда ваши пальцы коснулись моего лба. Это прикосновение я чувствую до сих пор — прохладное, влажное. Оно обратило меня в католика.— Но вы увянете; эта красота когда-нибудь покатится вниз, как лавина. Ваша душа некоторое время еще продержится среди стольких опавших прелестей — а затем исчезнет, и никогда, быть может, моя душа, ее боязливая рабыня, не встретит ее в беспредельной вечности.

Но что такое душа? У нее нет ни взора, ни мелодии — мелодия быть может... *(Франц.)*

299

Ты написал мне, милый Судиенко, до такой степени церемонное письмо, что я совершенно им огорошен. Эти 4000 ждали тебя в запечатанном конверте с июля месяца; но я потерял адрес твоего поверенного, а твоего адреса у меня не было. Месяц тому назад г-н Лерх пришел за этими деньгами и немедленно получил их. Я хотел переслать тебе оставленную им расписку, но не знаю, куда дел ее. Еще раз извини и прими мою благодарность за то, что имел любезность так долго ждать.

На днях я уезжаю из Петербурга; лето, вероятно, проведу в деревне. Быть может, заеду и в ваши края. Ты разрешишь мне, надеюсь, постучаться в твою дверь? Если до тех пор захочешь мне написать, адресуй письма (. . . . .) Addio, a rivederla.[1]

А. Пушкин.

12 февраля 1830 г. *(Франц.)*

301

Что касается г-жи Карцовой, то всё, что бы она ни говорила, она словно поет. *(Франц.)*

Вы могли бы заметить, генерал, что она фальшивит. *(Франц.)*

Раз уж мы стали откровенничать, позвольте, генерал, повто-

---

[1] Прощай, до свидания. *(Итал.)*.

рить вам просьбу графини Потемкиной о восстановлении доброго имени моего мужа. *(Франц.)*

303

что вы вечно на больших дорогах. *(Франц.)*

304

Генерал,

Письмо, которое я удостоился получить от вас, причинило мне истинное огорчение; я покорнейше прошу уделить мне одну минуту снисходительности и внимания. Несмотря на четыре года уравновешенного поведения, я не приобрел доверия власти. С горестью вижу, что малейшие мои поступки вызывают подозрения и недоброжелательство. Простите, генерал, вольность моих сетований, но ради бога благоволите хоть на минуту войти в мое положение и оценить, насколько оно тягостно. Оно до такой степени неустойчиво, что я ежеминутно чувствую себя накануне несчастья, которого не могу ни предвидеть, ни избежать. Если до настоящего времени я не впал в немилость, то обязан этим не знанию своих прав и обязанностей, но единственно вашей личной ко мне благосклонности. Но если вы завтра не будете больше министром, послезавтра меня упрячут. Г-н Булгарин, утверждающий, что он пользуется некоторым влиянием на вас, превратился в одного из моих самых яростных врагов из-за одного приписанного им мне критического отзыва. После той гнусной статьи, которую напечатал он обо мне, я считаю его способным на всё. Я не могу не предупредить вас о моих отношениях с этим человеком, так как он может причинить мне бесконечно много зла.

Я предполагал проехать из Москвы в свою псковскую деревню, однако, если Николай Раевский приедет в Полтаву, убедительно прошу ваше превосходительство разрешить мне съездить туда с ним повидаться.

Примите, генерал, свидетельство моего высокого уважения и совершенной преданности. Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

24 марта 1830 г. Москва. *(Франц.)*

306

указатель содержания. *(Франц.)*

307

После того, милостивая государыня, как вы дали мне разрешение писать к вам, я, взявшись за перо, столь же взволнован, как если бы был в вашем присутствии. Мне так много надо вы-

сказать, и чем больше я об этом думаю, тем более грустные и безнадежные мысли приходят мне в голову. Я изложу их вам — вполне чистосердечно и подробно, умоляя вас проявить терпение и особенно снисходительность.

Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение, ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение свел меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию; вы спросите меня — зачем? клянусь вам, не знаю, но какая-то непроизвольная тоска гнала меня из Москвы; я бы не мог там вынести ни вашего, ни ее присутствия. Я вам писал, надеялся, ждал ответа — он не приходил. Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастию, широко распространилась. Вы могли ей поверить; я не смел жаловаться на это, но приходил в отчаяние.

Сколько мук ожидало меня по возвращении! Ваше молчание, ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с какими приняла меня м-ль Натали... У меня не хватило мужества объясниться,— я уехал в Петербург в полном отчаянии. Я чувствовал, что сыграл очень смешную роль, первый раз в жизни я был робок, а робость в человеке моих лет никак не может понравиться молодой девушке в возрасте вашей дочери. Один из моих друзей едет в Москву, привозит мне оттуда одно благосклонное слово, которое возвращает меня к жизни,— а теперь, когда несколько милостивых слов, с которыми вы соблаговолили обратиться ко мне, должны были бы исполнить меня радостью, я чувствую себя более несчастным, чем когда-либо. Постараюсь объясниться.

Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться возбудить со временем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца. Но, будучи всегда окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли сохранит она это спокойствие? Ей станут говорить, что лишь несчастная судьба помешала ей заключить другой, более равный, более блестящий, более достойный ее союз;— может быть, эти мнения и будут искренни, но уж ей они безусловно покажутся таковыми. Не возникнут ли у нее сожаления? Не будет ли она тогда смотреть на меня как на помеху, как на коварного похитителя? Не почувствует ли она ко мне отвращения? Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа,— эта мысль для меня — ад.

Перейдем к вопросу о денежных средствах; я придаю этому мало значения. До сих пор мне хватало моего состояния. Хватит ли его после моей женитьбы? Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения, чтобы она не быва-

ла там, где она призвана блистать, развлекаться. Она вправе этого требовать. Чтобы угодить ей, я согласен принести в жертву свои вкусы, всё, чем я увлекался в жизни, мое вольное, полное случайностей существование. И всё же не станет ли она роптать, если положение ее в свете не будет столь блестящим, как она заслуживает и как я того хотел бы?

Вот в чем отчасти заключаются мои опасения. Трепещу при мысли, что вы найдете их слишком справедливыми. Есть у меня еще одна тревога, которую я не могу решиться доверить бумаге...

Благоволите, милостивая государыня, принять уверение в моей совершенной преданности и высоком уважении.

Суббота. *(Франц.)* А. Пушкин.

308

Мои горячо любимые родители, обращаюсь к вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю остальную жизнь.

Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год,— м-ль Натали Гончаровой. Я получил ее согласие, а также и согласие ее матери. Прошу вашего благословения, не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия — и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость.

Состояние г-жи Гончаровой сильно расстроено и находится отчасти в зависимости от состояния ее свекра. Это является единственным препятствием моему счастию. У меня нет сил даже и помыслить от него отказаться. Мне гораздо легче надеяться на то, что вы придете мне на помощь. Заклинаю вас, напишите мне, что вы можете сделать для... *(Франц.)*

309

Генерал,

С крайним смущением обращаюсь я к власти по совершенно личному обстоятельству, но мое положение и внимание, которое вы до сего времени изволили мне оказывать, меня к тому обязывают.

Я женюсь на м-ль Гончаровой, которую вы, вероятно, видели в Москве. Я получил ее согласие и согласие ее матери; два возражения были мне высказаны при этом: мое имущественное состояние и мое положение относительно правительства. Что касается состояния, то я мог ответить, что оно достаточно, благодаря его величеству, который дал мне возможность достойно жить своим трудом. Относительно же моего положения я не мог скрыть, что оно ложно и сомнительно. Я исключен из службы в 1824 году, и это клеймо на мне осталось. Окончив Лицей в 1817 году с чином 10-го класса, я так и не получил двух чинов, следуемых мне по

праву, так как начальники мои обходили меня при представлениях, я же не считал нужным напоминать о себе. Ныне, несмотря на всё мое доброе желание, мне было бы тягостно вернуться на службу. Мне не может подойти подчиненная должность, какую только я могу занять по своему чину. Такая служба отвлекла бы меня от литературных занятий, которые дают мне средства к жизни, и доставила бы мне лишь бесцельные и бесполезные неприятности. Итак, мне нечего об этом и думать. Г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у государя... Счастье мое зависит от одного благосклонного слова того, к кому я и так уже питаю искреннюю и безграничную преданность и благодарность.

Прошу еще об одной милости: в 1826 году я привез в Москву написанную в ссылке трагедию о Годунове. Я послал ее в том виде, как она была, на ваше рассмотрение только для того, чтобы оправдать себя. Государь, соблаговолив прочесть ее, сделал мне несколько замечаний о местах слишком вольных, и я должен признать, что его величество был как нельзя более прав. Его внимание привлекли также два или три места, потому что они, казалось, являлись намеками на события, в то время еще недавние; перечитывая теперь эти места, я сомневаюсь, чтобы их можно было бы истолковать в таком смысле. Все смуты похожи одна на другую. Драматический писатель не может нести ответственности за слова, которые он влагает в уста исторических личностей. Он должен заставить их говорить в соответствии с установленным их характером. Поэтому надлежит обращать внимание лишь *на дух, в каком задумано всё сочинение,* на то впечатление, которое оно должно произвести. Моя трагедия — произведение вполне искреннее, и я по совести не могу вычеркнуть того, что мне представляется существенным. Я умоляю его величество простить мне смелость моих возражений; я понимаю, что такое сопротивление поэта может показаться смешным; но до сих пор я упорно отказывался от всех предложений издателей; я почитал за счастье приносить эту молчаливую жертву высочайшей воле. Но нынешними обстоятельствами я вынужден умолять его величество развязать мне руки и дозволить мне напечатать трагедию в том виде, как я считаю нужным.

Еще раз повторяю, мне очень совестно так долго занимать вас собой. Но ваша снисходительность избаловала меня, и хотя я ничем не мог заслужить благодеяний государя, я всё же надеюсь на него и не перестаю в него верить.

С величайшим уважением остаюсь вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

16 апреля 1830. Москва.

Покорнейше прошу ваше превосходительство сохранить мое обращение к вам в тайне *(Франц.)*

310

Дорогая княгиня, вот ваши книги,— возвращаю их вам со слезами на глазах. Что за фантазия пришла вам уезжать сегодня (. . . . .) Я тотчас приеду к вам. *(Франц.)*

311

Прошу у вас, сударыня, миллион раз прощения за то, что был так бесстыдно ленив. Ничего не поделаешь, это сильнее меня — почта для меня просто пытка. Позвольте мне представить вам моего брата и соблаговолите уделить ему частицу той благосклонности, которой вы меня удостаиваете.

Примите, сударыня, уверение в моем совершенном уважении.

А. Пушкин. *(Франц.)*

312

Графиня,

С вашей стороны очень жестоко быть столь обаятельной и заставлять столь живо ощущать горесть оставаться вдали от вашего салона. Ради бога, графиня, не думайте, однако, что потребовалось неожиданное счастье получить от вас письмо, чтоб сожалеть о местах, которые вы украшаете. Я надеюсь, что нездоровье вашей матушки не имело последствий и больше не причиняет вам беспокойства. Я хотел бы уже быть у ваших ног и благодарить вас за ваше любезное воспоминание, но сроки моего возвращения еще очень неопределенны.

Разрешите ли вы мне сказать вам, графиня, что ваши упреки настолько же несправедливы, насколько ваше письмо обольстительно. Поверьте, что я останусь всегда самым искренним поклонником вашего очарования, столь простого, вашего разговора, столь приветливого и столь увлекательного, хотя вы имеете несчастье быть самой блестящей из наших светских дам.

Примите еще раз, графиня, дань моей благодарности и моего глубокого почтения.

А. Пушкин. *(Франц.)*

25 апреля 1830.
Москва.

314

Вы правы, находя, что «Осел» прелестен. Это одно из самых замечательных сочинений настоящего времени. Его приписывают В. Гюго — по-моему, в нем больше таланта, чем в «Последнем дне», который, однако, талантливо написан. Относительно смутившей вас фразы я прежде всего скажу, что не надо принимать всерьез всего того, что говорит автор. Все превозносили первую любовь, он счел более занятным рассказать о второй. Может быть, он и

прав. Первая любовь всегда является делом чувствительности: чем она глупее, тем больше оставляет по себе чудесных воспоминаний. Вторая, видите ли,— дело чувственности. Параллель можно было бы провести гораздо дальше. Но у меня на это совершенно нет времени. Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена. Отец мой дает мне 200 душ крестьян, которых я заложу в ломбард, а вас, дорогая княгиня, прошу быть моей посаженой матерью.[1]

У ног ваших, А. П.

Поправка, вариант: после *200 крестьян:*

Я закладываю их в ломбард, а вас, божественная княгиня, прошу быть моей посаженой матерью. *(Франц.)*

317

Дорогие родители, я получил еще два ваших письма. Могу вам сказать лишь то, что вы уже знаете: что всё улажено, что я счастливейший из людей и что я всей душой люблю вас.

Его величество всемилостивейше выразил мне свое благосклонное удовлетворение заключаемым мною браком. Он дозволил мне напечатать мою трагедию в том виде, как я сочту нужным. Скажите это моему брату с тем, чтобы он передал о том Плетневу, который, кстати сказать, забыл меня, так же как и Дельвиг.

Я передал ваше письмо г-же Гончаровой; полагаю, что она будет отвечать вам сегодня. Дядя мой Матвей Михайлович был у нее с визитом третьего дня; он и тетушка приняли самое близкое участие *в моем счастье* (я совсем ошеломлен тем, что могу употреблять такое выражение). Я уже несколько дней не видел дядюшку Василия Львовича. Знаю, что он чувствует себя лучше.

Спасибо, милая Ольга, за дружбу и поздравления. Я прочел твое письмо Натали — она много смеялась, читая его, и обнимает тебя.

Я тоже обнимаю вас, дорогие родители. На днях, быть может, съезжу в Калугу к деду Натали. Мне бы очень хотелось сыграть свадьбу до наступления поста. Еще раз, прощайте.

3 мая. *(Франц.)*

319

«Что же касается трагедии вашей о Годунове, то его величество разрешает вам напечатать ее за вашей личной ответственностью». *(Франц.)*

320

Генерал,

Лишь представительству вашего превосходительства обязан я новой милостью, дарованной мне государем; благоволите при-

---

[1] *Непереводимая игра слов* engager *значит* «закладывать» и «просить», «приглашать».

нять выражение моей глубокой признательности. В глубине души я всегда в должной мере ценил благожелательность, смею сказать, чисто отеческую, которую проявлял ко мне его величество; я никогда не истолковывал в дурную сторону внимания, которое вам угодно было всегда мне оказывать; моя просьба была высказана с единственной целью успокоить мать, находившуюся в тревоге и еще более взволнованную клеветой.

Благоволите принять, генерал, выражение моего высокого уважения. Ваш нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

7 мая 1830. Москва. *(Франц.)*

321

Не знаю еще, приеду ли я в Петербург — покровительницы, которых вы так любезно мне обещаете, слишком блестящи для моей бедняжки Натали. Припадаю к их стопам и к вашим, сударыня.

18 мая. *(Франц.)*

323

Прежде всего позвольте, сударыня, поблагодарить вас за «Эрнани». Это одно из современных произведений, которое я прочел с наибольшим удовольствием. Гюго и Сент-Бёв — бесспорно единственные французские поэты нашего времени, в особенности Сент-Бёв,— и, к слову сказать, если в Петербурге возможно достать его «Утешения», сделайте доброе дело и, ради бога, пришлите их мне.

Что касается моей женитьбы, то ваши соображения по этому поводу были бы совершенно справедливыми, если бы вы менее поэтически судили обо мне самом. Дело в том, что я человек средней руки и ничего не имею против того, чтобы прибавлять жиру и быть счастливым,— первое легче второго. (Извините, сударыня: я заметил, что начал писать на разорванном листе, у меня нет мужества начать сызнова.)

С вашей стороны очень любезно, сударыня, принимать участие в моем положении по отношению к хозяину. Но какое же место, по-вашему, я могу занять при нем? Не вижу ни одного подходящего. Я питаю отвращение к делам и к *бумагам*, как выражается граф Ланжерон. Быть камер-юнкером мне уже не по возрасту, да и что стал бы я делать при дворе? Мне не позволяют этого ни мои средства, ни занятия. Родным моей жены очень мало дела и до нее и до меня. Я от всего сердца плачу им тем же. Такие отношения очень приятны, и я никогда не изменю их. *(Франц.)*

326

Генерал,

Покорнейше прошу ваше превосходительство еще раз простить мне мою докучливость.

Прадед моей невесты некогда получил разрешение поставить в своем имении *Полотняный завод* памятник императрице Екатерине II. Колоссальная статуя, отлитая по его заказу из бронзы в Берлине, совершенно не удалась и так и не могла быть воздвигнута. Уже более 35 лет погребена она в подвалах усадьбы. Торговцы медью предлагали за нее 40 000 рублей, но нынешний ее владелец, г-н Гончаров, ни за что на это не соглашался. Несмотря на уродливость этой статуи, он ею дорожил, как памятью о благодеяниях великой государыни. Он боялся, уничтожив ее, лишиться также и права на сооружение памятника. Неожиданно решенный брак его внучки застал его врасплох без всяких средств, и, кроме государя, разве только его покойная августейшая бабка могла бы вывести нас из затруднения. Г-н Гончаров, хоть и неохотно, соглашается на продажу статуи, но опасается потерять право, которым дорожит. Поэтому я покорнейше прошу ваше превосходительство не отказать исходатайствовать для меня, во-первых, разрешение на переплавку названной статуи, а во-вторых — милостивое согласие на сохранение за г-ном Гончаровым права воздвигнуть,— когда он будет в состоянии это сделать,— памятник благодетельнице его семейства.

Примите, генерал, уверение в моей совершенной преданности и высоком уважении. Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

29 мая 1830. Москва. *(Франц.)*

328

Вот моя трагедия. Я хотел принести ее вам лично, но вс
дни я вел себя, как юнец, т. е. спал целыми днями. *(Фр*

329

Итак, я в Москве,— такой печальной и скучной, когда вас там нет. У меня не хватило духу проехать по Никитской, еще менее — пойти узнать новости у Аграфены (?). Вы не можете себе представить, какую тоску вызывает во мне ваше отсутствие. Я раскаиваюсь в том, что покинул Завод — все мои страхи возобновляются, еще более сильные и мрачные. Мне хотелось бы надеяться, что это письмо уже не застанет вас в Заводе.— Я отсчитываю минуты, которые отделяют меня от вас. *(Франц.)*

331

Приписка и нота-бене (.....) фрисландские кобылки *(военное приспособление)*. *(Франц.)*

343

Честь имею представить вам моего брата (который находит вас такой хорошенькой в своих собственных интересах и которого, несмотря на это, я умоляю вас принять благосклонно). Мое путешествие было скучно до смерти. Никита Андреевич купил мне бричку, сломавшуюся на первой же станции,— я кое-как починил ее при помощи булавок,— на следующей станции пришлось повторить то же самое — и так далее. Наконец, за несколько верст до Новгорода я нагнал вашего Всеволожского, у которого сломалось колесо. Мы закончили путь вместе, подробно обсуждая картины князя Голицына. Петербург уже кажется мне страшно скучным, и я хочу сократить насколько возможно мое пребывание в нем.— Завтра начну делать визиты вашим родным. Наталья Кирилловна на даче, Катерина Ивановна в Парголове (чухонской деревушке, где живет графиня Полье).— Из очень хорошеньких женщин я видел лишь м-м и м-ль Малиновских, с которыми, к удивлению своему, неожиданно вчера обедал.

Тороплюсь — целую ручки Наталье Ивановне, которую я не осмеливаюсь еще называть маменькой, и вам также, мой ангел, раз вы не позволяете мне обнять вас. Поклоны вашим сестрицам.

20 июля *(Франц.)* А. П.

344

Передал ли вам брат мое письмо, и почему вы не присылаете мне расписку в получении, как обещали? Я жду ее с нетерпением, и минута, когда я ее получу, вознаградит меня за скуку моего пребывания здесь. Надо вам рассказать о моем визите к Наталье Кирилловне. Приезжаю, обо мне докладывают, она принимает меня за своим туалетом, как очень хорошенькая женщина прошлого столетия.— Это вы женитесь на моей внучатной племяннице? — Да, сударыня.— Вот как. Меня это очень удивляет, меня не известили, Наташа ничего мне об этом не писала. (Она имела в виду не вас, а маменьку). На это я сказал ей, что брак наш решен был совсем недавно, что расстроенные дела Афанасия Николаевича и Натальи Ивановны и т. д. и т. д. Она не приняла моих доводов; Наташа знает, как я ее люблю, Наташа всегда писала мне во всех обстоятельствах своей жизни, Наташа напишет мне,— а теперь, когда мы породнились, надеюсь, сударь, что вы часто будете навещать меня.

Затем она долго расспрашивала о маменьке, о Николае Афанасьевиче, о вас; повторила мне комплименты государя на ваш счет — и мы расстались очень добрыми друзьями.— Не правда ли, Наталья Ивановна ей напишет?

Я еще не видел Ивана Николаевича. Он был на маневрах и только вчера вернулся в Стрельну. Я поеду с ним в Парголово,

так как ехать туда одному у меня нет ни желания, ни мужества.

На этих днях отец по моей просьбе написал Афанасию Николаевичу, но, может быть, он и сам приедет в Петербург. Что поделывает заводская Бабушка — бронзовая, разумеется? Не заставит ли вас хоть этот вопрос написать мне? Что вы поделываете? Кого видите? Где гуляете? Поедете ли в Ростов? Напишете ли мне? Впрочем, не пугайтесь всех этих вопросов, вы отлично можете не отвечать на них,— потому что вы всегда смотрите на меня как на сочинителя.— На этих днях я ездил к своей египтянке. Она очень заинтересовалась вами. Заставила меня нарисовать ваш профиль, выразила желание с вами познакомиться,— я беру на себя смелость поручить ее вашему вниманию. (. . . . .) За сим кланяюсь вам. Мое почтение и поклоны маменьке и вашим сестрицам. До свидания. *(Франц.)*

345

Вот письмо от Афанасия Николаевича, которое мне только что переслал Иван Николаевич. Вы не можете себе представить, в какое оно ставит меня затруднительное положение. Он получит разрешение, которого так добивается. Но что касается Завода, то у меня нет ни влияния, которое он мне приписывает, ни желания действовать против воли Натальи Ивановны и без ведома вашего старшего брата. Хуже всего то, что я предвижу новые отсрочки, это поистине может вывести из терпения. Я еще не видел Катерины Ивановны, она в Парголове у графини Полье, которая почти сумасшедшая — спит до 6 часов вечера и никого не принимает. Вчера г-жа Багреева, дочь Сперанского, присылала за мной, чтобы намылить мне голову за то, что я не выполнил еще формальностей,— но, право, у меня почти нет на это сил. Я мало бываю в свете. Вас ждут там с нетерпением. Прекрасные дамы просят меня показать ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40 000 рублей. Афанасию Николаевичу следовало бы выменять на нее негодную Бабушку, раз до сих пор ему не удалось ее перелить. Серьезно, я опасаюсь, что это задержит нашу свадьбу, если только Наталья Ивановна не согласится поручить мне заботы о вашем приданом. Ангел мой, постарайтесь, пожалуйста.

Я ветреник, мой ангел: перечитывая письмо Афанасия Николаевича, вижу, что он не собирается больше закладывать свое Заводское имение, а хочет, по моему совету, просить о единовременном пособии. Это другое дело. В таком случае я сейчас же отправлюсь к своему кузену Канкрину просить у него приема.— Я еще не видался с Бенкендорфом, и это к лучшему, постараюсь устроить всё во время одного приема.

Прощайте, (мой ангел). Поклоны всему вашему семейству, которое я осмеливаюсь считать своим.

30 июля.

Пришлете ли вы мне расписку? *(Франц.)*

346

мне так много надо было сказать вам. К стыду своему признаюсь, что мне весело в Петербурге, и я совершенно не знаю, как и когда вернусь. (. . . . .) во всяком случае до свиданья.

А. П. *(Франц.)*

350

Как я должен благодарить вас, сударыня, за любезность, с которой вы уведомляете меня хоть немного о том, что происходит в Европе! Здесь никто не получает французских газет, а что касается политических суждений обо всем происшедшем, то Английский клуб решил, что князь Дмитрий Голицын был неправ, издав ордонанс о запрещении игры в экарте. И среди этих-то орангутангов я осужден жить в самое интересное время нашего века! В довершение всех бед и неприятностей только что скончался мой бедный дядюшка Василий Львович. Надо признаться, никогда еще ни один дядя не умирал так некстати. Итак, женитьба моя откладывается еще на полтора месяца, и бог знает, когда я смогу вернуться в Петербург.

«Парижанка» не сто́ит «Марсельезы». Это водевильные куплеты. Мне до смерти хочется прочесть речь Шатобриана в защиту прав герцога Бордоского. Он еще раз блеснул. Во всяком случае теперь он снова попал в оппозицию. В чем сущность оппозиции газеты «Время»? Стремится ли она к республике? Те, кто еще недавно хотели ее, ускорили коронацию Луи-Филиппа; он обязан пожаловать их камергерами и назначить им пенсии. Брак г-жи де Жанлис с Лафайетом был бы вполне уместен; а венчать их должен был бы епископ Талейран. Так была бы завершена революция.

Покорнейше прошу вас, сударыня, повергнуть меня к стопам графинь, ваших дочерей. Благоволите принять уверение в моей преданности и высоком уважении.

Пушкин.

21 августа. Москва. *(Франц.)*

352

Я уезжаю в *Нижний,* не зная, что меня ждет в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей,— я подпишусь под всеми предлогами, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же

основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать.

Быть может, она права, а неправ был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь.

А. П. *(Франц.)*

353

Я уезжаю, рассорившись с г-жой Гончаровой. На следующий день после бала она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно себе представить. Она мне наговорила вещей, которых я по чести не мог стерпеть. Не знаю еще, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настежь. Мне не хотелось говорить об этом с князем, скажите ему сами, и оба сохраните это втайне. Ах, что за проклятая штука счастье! Addio,[1] милая княгиня. Напишите мне словечко в (. . . . . .). *(Франц.)*

355

Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна, я у ваших ног, чтобы поблагодарить вас и просить прощения за причиненное вам беспокойство.

Ваше письмо прелестно, оно вполне меня успокоило. Мое пребывание здесь может затянуться вследствие одного совершенно непредвиденного обстоятельства. Я думал, что земля, которую отец дал мне, составляет отдельное имение, но, оказывается, это — часть деревни из 500 душ, и нужно будет произвести раздел. Я постараюсь это устроить возможно скорее. Еще более опасаюсь я карантинов, которые начинают здесь устанавливать. У нас в окрестностях — Cholera morbus[2] (очень миленькая особа). И она может задержать меня еще дней на двадцать! Вот сколько для меня причин торопиться! Почтительный поклон Наталье Ивановне, очень покорно и очень нежно целую ей ручки. Сейчас же напишу Афанасию Николаевичу. Он, с вашего позволения, может вывести из терпения. Очень поблагодарите м-ль Катрин и Александрин за их любезную память; еще раз простите меня и верьте, что я счастлив, только будучи с вами вместе.

9 сент. Болдино. *(Франц.)*

357

с боевым кличем на устах! *(Франц.)*

---

[1] Прощайте. *(Итал.)*.

[2] Холера. *(Латин.)*.

359

Я уже почти готов сесть в экипаж, хотя дела мои еще не закончены и я совершенно пал духом. Вы очень добры, предсказывая мне задержку в Богородске лишь на 6 дней. Мне только что сказали, что отсюда до Москвы устроено пять карантинов и в каждом из них мне придется провести две недели,— подсчитайте-ка, а затем представьте себе, в каком я должен быть собачьем настроении. В довершение благополучия полил дождь и, разумеется, теперь не прекратится до санного пути. Если что и может меня утешить, то это мудрость, с которой проложены дороги отсюда до Москвы; представьте себе, насыпи с обеих сторон,— ни канавы, ни стока для воды, отчего дорога становится ящиком с грязью,— зато пешеходы идут со всеми удобствами по совершенно сухим дорожкам и смеются над увязшими экипажами. Будь проклят час, когда я решился расстаться с вами, чтобы ехать в эту чудную страну грязи, чумы и пожаров,— потому что другого мы здесь не видим.

А вы что сейчас поделываете? Как идут дела и что говорит дедушка? Знаете ли, что́ он мне написал? За Бабушку, по его словам, дают лишь 7000 рублей, и ничего из-за этого тревожить ее уединение. Стоило подымать столько шума! Не смейтесь надо мной, я в бешенстве. Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с ее карантинами — не отвратительнейшая ли эта насмешка, какую только могла придумать судьба? (Мой ангел,) ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка (где, замечу в скобках, мой дед повесил француза-учителя, аббата Николя, которым был недоволен). Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней всё мое счастье. Позволяете ли вы обнять вас? Это не имеет никакого значения на расстоянии 500 верст и сквозь 5 карантинов. Карантины эти не выходят у меня из головы. Прощайте же, мой ангел.— Сердечный поклон Наталье Ивановне; от души приветствую ваших сестриц и Сергея. Имеете ли вы известия об остальных?

30 сент. *(Франц.)*

360

Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине. Во имя неба, дорогая Наталья Николаевна, напишите мне, несмотря на то, что вам этого не хочется. Скажите мне, где вы? Уехали ли вы из Москвы? нет ли окольного пути, который привел бы меня к вашим ногам? Я совершенно пал духом и право не знаю, что предпринять. Ясно, что в этом году (будь он проклят) нашей свадьбе не бывать. Но не правда ли, вы уехали из Москвы? Добровольно подвергать себя опасности заразы было бы непростительно. Я знаю, что всегда преувеличивают картину опустоше-

ний и число жертв; одна молодая женщина из Константинополя говорила мне когда-то, что от чумы умирает только простонародье — всё это прекрасно, но всё же порядочные люди тоже должны принимать меры предосторожности, так как именно это спасает их, а не их изящество и хороший тон. Итак, вы в деревне, в безопасности от холеры, не правда ли? Пришлите же мне ваш адрес и сведения о вашем здоровье. Что до нас, то мы оцеплены карантинами, но зараза к нам еще не проникла. Болдино имеет вид острова, окруженного скалами. Ни соседей, ни книг. Погода ужасная. Я провожу время в том, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что делается на белом свете и как поживает мой друг Полиньяк. Напишите мне о нем, потому что здесь я газет не читаю. Я так глупею, что это просто прелесть. (. . . . .). Вот поистине плохие шутки. Я смеюсь «и желтею», как говорят рыночные торговки (т. е. «кисло усмехаюсь»). Прощайте, повергните меня к стопам вашей матушки; сердечные поклоны всему семейству. Прощайте, прелестный ангел. Целую кончики ваших крыльев, как говаривал Вольтер людям, которые вас не стоили.

11 октября. *(Франц.)*

363

9-го вы еще были в Москве! Об этом пишет мне отец; он пишет мне также, что моя свадьба расстроилась. Не достаточно ли этого, чтобы повеситься? Добавлю еще, что от Лукоянова до Москвы 14 карантинов. Приятно? Теперь расскажу вам одну историю. Один из моих друзей ухаживал за хорошенькой женщиной. Однажды, придя к ней, он видит на столе незнакомый ему альбом — хочет посмотреть его — дама бросается к альбому и вырывает его. Но мы иногда бываем так же любопытны, как и вы, прекрасные дамы. Друг мой пускает в ход всё свое красноречие, всю изобретательность своего ума, чтобы заставить ее отдать альбом. Дама твердо стоит на своем; он принужден уступить. Немного времени спустя бедняжка умирает. Друг присутствует на похоронах и приходит утешать несчастного мужа. Они вместе роются в ящиках покойной. Друг мой видит таинственный альбом — хватает его, раскрывает; альбом оказывается весь чистый за исключением одного листа, на котором написаны следующие 4 плохих стиха из Кавказского пленника:

(. . . . . .)

и т. д. ...Теперь поговорим о другом. Этим я хочу сказать: вернемся к делу. Как вам не стыдно было оставаться на Никитской во время эпидемии? Так мог поступать ваш сосед Адриян, который обделывает выгодные дела. Но Наталья Ивановна, но вы! — право, я вас не понимаю. Не знаю, как добраться до вас. Мне кажется, что Вятка еще свободна. В таком случае поеду на Вятку. Между тем пишите мне в (. . . . .) — ваши письма всегда дойдут до меня.

Прощайте, да хранит вас бог. Повергните меня к стопам вашей матушки.

4 ноября.

Поклон всему семейству. *(Франц.)*

366

«Время» (и) «Земной шар». *(Франц.)*

367

В болдинском уединении получил я сразу, сударыня, оба ваших письма. Надо было, подобно мне, познать совершенное одиночество, чтобы вполне оценить дружеский голос и несколько строк, начертанных дорогим нам существом. Очень рад, что благодаря вам отец мой легко перенес известие о смерти Василия Львовича. Я очень, признаться, боялся за его здоровье и ослабевшие нервы. Он прислал мне несколько писем, из которых видно, что страх перед холерой заслонил в нем скорбь. Проклятая холера! Ну, как не сказать, что это злая шутка судьбы? Несмотря на все усилия, я не могу попасть в Москву; я окружен целою цепью карантинов, и притом со всех сторон, так как Нижегородская губерния — самый центр заразы. Тем не менее, послезавтра я выезжаю, и бог знает, сколько месяцев мне потребуется, чтобы проехать эти 500 верст, на которые обыкновенно я трачу двое суток.

Вы спрашиваете меня, сударыня, что значит слово «всегда», употребленное в одной из фраз моего письма. Я не припомню этой фразы, сударыня. Во всяком случае это слово может быть лишь выражением и девизом моих чувств к вам и ко всему вашему семейству. Меня огорчает, если фраза эта может быть истолкована в каком-нибудь недружелюбном смысле — и я умоляю вас исправить ее. Сказанное вами о симпатии совершенно справедливо и очень тонко. Мы сочувствуем несчастным из своеобразного эгоизма: мы видим, что, в сущности, не мы одни несчастны. Сочувствовать счастью может только весьма благородная и бескорыстная душа. Но счастье... это великое «быть может», как говорил Рабле о рае или о вечности. В вопросе счастья я атеист; я не верю в него и лишь в обществе старых друзей я начинаю немного сомневаться.

Немедленно по приезде в Петербург пришлю вам, сударыня, всё, что я напечатал. Отсюда же я не имею возможности ничего вам послать. От всего сердца приветствую вас, сударыня, и всё ваше семейство. Прощайте, до свидания. Верьте моей совершенной преданности.

А. Пушкин. *(Франц.)*

368

Болдино, 18 ноября.

В Болдине, всё еще в Болдине! Узнав, что вы не уехали из Москвы, я нанял почтовых лошадей и отправился в путь. Выехав на большую дорогу, я увидел, что вы правы: 14 карантинов являются только аванпостами — а настоящих карантинов всего три.— Я храбро явился в первый (в Сиваслейке Владимирской губ.); смотритель требует подорожную и заявляет, что меня задержат лишь на 6 дней. Потом заглядывает в подорожную. (. . . . .) Вот каким образом проездил я 400 верст, не двинувшись из своей берлоги.

Это еще не всё: вернувшись сюда, я надеялся, по крайней мере, найти письмо от вас. Но надо же было пьянице-почтмейстеру в Муроме перепутать пакеты, и вот Арзамас получает почту Казани, Нижний — Лукоянова, а ваше письмо (если только есть письмо) гуляет теперь не знаю где и придет ко мне, когда богу будет угодно. Я совершенно пал духом и так как наступил пост (скажите маменьке, что этого поста я долго не забуду), я не стану больше торопиться; пусть всё идет своим чередом, я буду сидеть сложа руки. Отец продолжает писать мне, что свадьба моя расстроилась. На днях он мне, может быть, сообщит, что вы вышли замуж... Есть от чего потерять голову. Спасибо кн. Шаликову, который наконец известил меня, что холера затихает. Вот первое хорошее известие, дошедшее до меня за три последних месяца. Прощайте, (мой ангел), будьте здоровы, не выходите замуж за г-на Давыдова и извините мое скверное настроение. Повергните меня к стопам маменьки, всего хорошего всем. Прощайте. *(Франц.)*

369

Из вашего письма от 19 ноября вижу, что мне надо объясниться. Я должен был выехать из Болдина 1-го октября. Накануне я отправился верст за 30 отсюда к кн. Голицыной, чтобы точнее узнать количество карантинов, кратчайшую дорогу и пр. Так как имение княгини расположено на большой дороге, она взялась разузнать всё доподлинно.

На следующий день, 1-го октября, возвратившись домой, получаю известие, что холера добралась до Москвы, что государь там, а *все жители покинули ее*. Это последнее известие меня несколько успокаивает. Узнав между тем, что выдают свидетельства на свободный проезд или, по крайней мере, на сокращенный срок карантина, пишу на этот предмет в Нижний. Мне отвечают, что свидетельство будет мне выдано в Лукоянове (поскольку Болдино не заражено), в то же время меня извещают, что *въезд и выезд из Москвы запрещены*. Эта последняя новость, особенно же неизвестность вашего местопребывания (я не получал писем ни от кого, даже от брата, который думает обо мне, как о прошлогоднем сне-

ге) задерживают меня в Болдине. Я боялся или, вернее, надеялся по прибытии в Москву *вас там не застать* и был уверен, что если даже меня туда и впустят, то *уж наверное не выпустят*. Между тем слух, что Москва опустела, подтверждался и успокаивал меня.

Вдруг я получаю от вас маленькую записку, в которой вы сообщаете, что и не думали об отъезде.— Беру почтовых лошадей; приезжаю в Лукоянов, где мне отказывают в выдаче свидетельства на проезд под предлогом, что меня выбрали для надзора за карантинами моего округа. Послав жалобу в Нижний, решаю продолжать путь. Переехав во Владимирскую губернию, узнаю, что проезд по большой дороге запрещен — и никто об этом не уведомлен, такой здесь во всем порядок. Я вернулся в Болдино, где останусь до получения паспорта и свидетельства, другими словами, до тех пор, пока будет угодно богу.

Итак, вы видите (если только вы соблаговолите мне поверить), что мое пребывание здесь вынужденное, что я не живу у княгини Голицыной, хотя и посетил ее однажды; что брат мой старается оправдать себя, уверяя, что писал мне с самого начала холеры, и что вы несправедливо смеетесь надо мной.

За сим кланяюсь вам. 26 ноября.

Абрамово вовсе не деревня княгини Голицыной, как вы полагаете, а станция в 12-ти верстах от Болдина, Лукоянов от него в 50-ти верстах.

Так как вы, по-видимому, не расположены верить мне на слово, посылаю вам два документа о своем вынужденном заточении.

Я не перечислил вам и половины всех неприятностей, которые мне пришлось вытерпеть. Но я недаром забрался сюда. Не будь я в дурном расположении духа, когда ехал в деревню, я бы вернулся в Москву со второй же станции, где узнал, что холера опустошает Нижний. Но в то время мне и в голову не приходило поворачивать вспять, и я не желал ничего лучшего, как заразы. *(Франц.)*

370

задний проход. *(Латин.)*

372

Вот еще один документ — извольте перевернуть страницу.

Я задержан в карантине в Платаве: меня не пропускают, потому что я еду на *перекладной;* ибо карета моя сломалась. Умоляю вас сообщить о моем печальном положении князю Дмитрию Голицыну — и просить его употребить всё свое влияние для разрешения мне въезда в Москву. От всего сердца приветствую вас, также маменьку и всё ваше семейство. На днях я написал вам немного резкое письмо,— но это потому, что я потерял голову. Простите мне его, ибо я раскаиваюсь. Я в 75 верстах от вас, и бог знает, увижу ли я вас через 75 дней.

P. S. Или же пришлите мне карету, или коляску в Платавский карантин на мое имя. *(Франц.)*

373

Бесполезно высылать за мной коляску, меня плохо осведомили. Я в карантине с перспективой оставаться в плену две недели — после чего надеюсь быть у ваших ног.

Напишите мне, умоляю вас, в Платавский карантин. Я боюсь, что рассердил вас. Вы бы простили меня, если бы знали все неприятности, которые мне пришлось испытать из-за этой эпидемии. В ту минуту, когда я хотел выехать, в начале октября, меня назначают окружным надзирателем — должность, которую я обязательно принял бы, если бы не узнал в то же время, что холера в Москве. Мне стоило великих трудов избавиться от этого назначения. Затем приходит известие, что Москва оцеплена и въезд в нее запрещен. Затем следуют мои несчастные попытки вырваться, затем — известие, что вы не уезжали из Москвы — наконец ваше последнее письмо, повергшее меня в отчаяние. Как у вас хватило духу написать его? Как могли вы подумать, что я застрял в Нижнем из-за этой проклятой княгини Голицыной? Знаете ли вы эту кн. Голицыну? Она одна толста так, как всё ваше семейство вместе взятое, включая и меня. Право же, я готов снова наговорить резкостей. Но вот я наконец в карантине и в эту минуту ничего лучшего не желаю. (. . . . .)

Нижний больше не оцеплен — во Владимире карантины были сняты накануне моего отъезда. Это не помешало тому, что меня задержали в Сиваслейке, так как губернатор не позаботился дать знать смотрителю о снятии карантина. Если бы вы могли себе представить хотя бы четвертую часть беспорядков, которые произвели эти карантины,— вы не могли бы понять, как можно через них прорваться. Прощайте. Мой почтительный поклон маменьке. Приветствую от всего сердца ваших сестер и Сергея.

Платава. 2 дек. *(Франц.)*

375

Возвратившись в Москву, сударыня, я нашел у кн. Долгорукой пакет от вас — французские газеты и трагедию Дюма,— всё это было новостью для меня, несчастного зачумленного нижегородца. Какой год! Какие события! Известие о польском восстании меня совершенно потрясло. Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены, и таким образом ничего из того, что сделал Александр, не останется, так как ничто не основано на действительных интересах России и опирается лишь на соображения личного тщеславия, театрального эффекта и т. д. ... Известны ли вам бичующие слова фельдмаршала, вашего батюшки? При его вступ-

лении в Вильну поляки бросились к его ногам. (Встаньте), сказал он им, (помните, что вы русские). Мы можем только жалеть поляков. Мы слишком сильны для того, чтобы ненавидеть их, начинающаяся война будет войной до истребления — или по крайней мере должна быть таковой. Любовь к отечеству в душе поляка всегда была чувством безнадежно мрачным. Вспомните их поэта Мицкевича.— Всё это очень печалит меня. Россия нуждается в покое. Я только что проехал по ней. Великодушное посещение государя воодушевило Москву, но он не мог быть одновременно во всех 16-ти зараженных губерниях. Народ подавлен и раздражен. 1830-й год — печальный год для нас! Будем надеяться — всегда хорошо питать надежду.

9 декабря. *(Франц.)*

376

Мой отец только что переслал мне письмо, которое вы адресовали мне в деревню. Вы должны быть уверены в моей признательности, так же как я уверен в участии, которое вы изволите принимать в моей судьбе. Поэтому я не буду говорить вам об этом, сударыня. Что до известия о моем разрыве с невестой, то оно ложно и основано лишь на моем долгом отсутствии и на обычном моем молчании по отношению к друзьям. Более всего меня интересует сейчас то, что происходит в Европе. Вы говорите, что выборы во Франции идут в хорошем направлении,— что называете вы хорошим направлением? Я боюсь, как бы победители не увлеклись чрезмерно и как бы Луи-Филипп не оказался королем-чурбаном. Новый избирательный закон посадит на депутатские скамьи молодое, необузданное поколение, не устрашенное эксцессами республиканской революции, которую оно знает только по мемуарам и которую само не переживало. Я еще не читал газет, так как не имел времени оглядеться. Что же касается русских газет, то, признаюсь, меня очень удивило запрещение «Литературной газеты». Издатель, без сомнения, сделал ошибку, напечатав конфектный билетец Казимира Ла-Виня,— но эта газета так безобидна, так скучна в своей важности, что ее читают только литераторы, и она совершенно чужда даже намеков на политику. Мне обидно за Дельвига, человека спокойного, весьма достойного отца семейства, которому, тем не менее, минутная глупость или оплошность могут повредить в глазах правительства,— и как раз в тот момент, когда он ходатайствует перед его величеством о пенсии для своей матери, вдовы генерала Дельвига.

Будьте добры, сударыня, повергнуть меня к стопам графинь, ваших дочерей, благосклонность которых я высоко ценю, и разрешите мне сделать то же по отношению к вам.

11 дек. *(Франц.)*

381

Вот, друг мой, мое любимое сочинение. Вы прочтете его, так как оно написано мною,— и скажете свое мнение о нем. Покамест обнимаю вас и поздравляю с новым годом.

2 января. *(Франц.)*

382

смело приступить к этому вопросу. *(Франц.)*

есть основание надеяться, что всё обойдется без войны *(Франц.)*

V. C. P., *то есть* Veuve Cliquot Ponsardin— Вдова Клико Понсарден *(марка шампанского). (Франц.)*

похвальное слово. *(Франц.)*

Прощай. *(Итал.)*

385

В разговоре это был второй Бомарше. (Франц.)

острот. *(Франц)*.

390

Вы совершенно правы, сударыня, упрекая меня за то, что я задержался в Москве. Не поглупеть в ней невозможно. Вы знаете эпиграмму на общество скучного человека:

Я не один, и нас не двое.

Это эпиграф к моему существованию. Ваши письма — единственный луч, проникающий ко мне из Европы.

Помните ли вы то хорошее время, когда газеты были скучны? Мы жаловались на это. Право же, если мы и теперь недовольны, то на нас трудно угодить.

Вопрос о Польше решается легко. Ее может спасти лишь чудо, а чудес не бывает. Ее спасение в отчаянии *una salus nullam sperare salutem*,[1] а это бессмыслица. Только судорожный и всеобщий подъем мог бы дать полякам какую-либо надежду. Стало быть, молодежь права, но одержат верх умеренные, и мы получим Варшавскую губернию, что следовало осуществить уже 33 года тому назад. Из всех поляков меня интересует один Мицкевич. В начале восстания он был в Риме, боюсь, не приехал ли он в Варшаву, чтобы присутствовать при последних судорогах своего отечества.

Я недоволен нашими официальными статьями. В них господствует иронический тон, не приличествующий могуществу. Всё

[1] единственное спасение в том, чтобы перестать надеяться на спасение. *(Латин.)*.

хорошее в них, то есть чистосердечие, исходит от государя, всё плохое, то есть самохвальство и вызывающий тон,— от его секретаря. Совершенно излишне возбуждать русских против Польши. Наше мнение вполне определилось 18 лет тому назад.

Французы почти перестали меня интересовать. Революция должна бы уже быть окончена, а ежедневно бросаются новые ее семена. Их король с зонтиком под мышкой чересчур уж мещанин. Они хотят республики и добьются ее — но что скажет Европа и где найдут они Наполеона?

Смерть Дельвига нагоняет на меня тоску. Помимо прекрасного таланта, то была отлично устроенная голова и душа незаурядного закала. Он был лучшим из нас. Наши ряды начинают редеть.

Грустно кланяюсь вам, сударыня.

21 января. *(Франц.)*

391

Довольно, господи, довольно. *(Латин.)*

Сен-Флорану. *(Франц.)*

392

Как вы счастливы, сударыня, что обладаете душой, способной всё понять и всем интересоваться. Волнение, проявляемое вами по поводу смерти поэта в то время, как вся Европа содрогается, есть лучшее доказательство этой всеобъемлемости чувства. Будь вдова моего друга в бедственном положении, поверьте, сударыня, я обратился бы за помощью только к вам. Но Дельвиг оставил двух братьев, для которых он был единственной опорой: нельзя ли определить их в Пажеский корпус?..

Мы ждем решения судьбы — последний манифест государя превосходен. По-видимому, Европа предоставит нам свободу действий. Из недр революций 1830 г. возник великий принцип — принцип невмешательства, который заменит принцип легитимизма, нарушенный от одного конца Европы до другого. Не такова была система Каннинга.

Итак, г-н Мортемар в Петербурге, и в вашем обществе одним приятным и историческим лицом стало больше. Как мне не терпится очутиться среди вас — я по горло сыт Москвой и ее татарским убожеством!

Вы говорите об успехе «Бориса Годунова»: право, я не могу этому поверить. Когда я писал его, я меньше всего думал об успехе. Это было в 1825 году — и потребовалась смерть Александра, неожиданная милость нынешнего императора, его великодушие, его широкий и свободный взгляд на вещи, чтобы моя трагедия могла увидеть свет. Впрочем, всё хорошее в ней до такой степени мало пригодно для того, чтобы поразить почтенную публику (то есть ту чернь, которая нас судит), и так легко осмысленно крити-

ковать меня, что я думал доставить удовольствие лишь дуракам, которые могли бы поострить на мой счет. Но на этом свете всё зависит от случая и *delenda est Varsovia.*[1] *(Франц.)*

393

Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах. *(Франц.)*
тоска. *(Англ.)*

394

по-мещански. *(Франц.)*

396

Прощай. *(Итал.)*
февраля. *(Франц.)*

398

Суматоха и хлопоты этого месяца, который отнюдь не мог бы быть назван у нас медовым, до сих пор мешали мне вам написать. Мои письма к вам должны были бы быть полны извинений и выражения благодарности, но вы настолько выше того и другого, что я себе этого не позволю. Итак, брат мой будет обязан вам всей свой будущей карьерой; он уехал, исполненный признательности. Я с минуты на минуту жду решения Бенкендорфа, чтобы сообщить о нем брату.

Надеюсь, сударыня, через месяц, самое большее через два, быть у ваших ног. Я живу этой надеждой. Москва — город ничтожества. На ее заставе написано: оставьте всякое разумение, о вы, входящие сюда. Политические новости доходят до нас с опозданием или в искаженном виде. Вот уже около двух недель, как мы ничего не знаем о Польше,— и никто не проявляет тревоги и нетерпения! Если бы еще мы были очень беспечны, легкомысленны, сумасбродны,— ничуть не бывало. Обнищавшие и унылые, мы тупо подсчитываем сокращение наших доходов.

Вы говорите о г-не де Ламене, я знаю, что это Боссюэт журналистики. Но его газета до нас не доходит. Пусть пророчествует вволю; не знаю, является ли для него Ниневией Париж, но мы-то уж несомненно тыквы.

Скарятин только что сообщил мне, что видел вас перед отъездом, и вы были так добры, что вновь вспомнили обо мне, хотели даже послать мне книги — я вынужден непременно благодарить вас, хотя бы должен был вас этим рассердить.

Благоволите принять уверение в моем почтительном уважении и засвидетельствовать его графиням, вашим дочерям.

26 марта.

Мой адрес: (. . . . .) *(Франц.)*

---

[1] Варшава должна быть разрушена. *(Латин.)*

399

Крабба, Вордсворта, Соути (и) *Шекспира. (Англ.)*

401

неблагоприятный отзыв. *(Франц.)*

402

я предпочитаю скучать иным образом. *(Франц.)*

405

Посылаю вам, сударыня, «Странника», которого вы у меня просили. В этой немного вычурной болтовне чувствуется настоящий талант. Самое замечательное то, что автору уже 35 лет, а это его первое произведение. Роман Загоскина еще не вышел. Он был вынужден переделать несколько глав, где шла речь о поляках 1812 г. С поляками 1831 г. куда больше хлопот, и их роман еще не окончен. Здесь распространяют слухи о сражении, якобы имевшем место 20 апреля. Они, должно быть, ложны, по крайней мере что касается числа.

Переезд мой задерживается на несколько дней из-за дел, которые меня мало касаются. Надеюсь справиться с ними к концу месяца.

Брат мой ветрогон и лентяй. Вы слишком добры, слишком любезны, принимая в нем участие. Я уже написал ему отеческое письмо, в котором, не знаю собственно за что, намылил ему голову. В настоящее время он должен быть в Грузии. Не знаю, следует ли переслать ему ваше письмо; я предпочел бы оставить его у себя.

Не прощаюсь с вами, сударыня, и не приписываю учтивых фраз.

8 мая. *(Франц.)*

407

Возвращаю вам, сударыня, ваши книги, и покорнейше прошу прислать мне второй том «Красного и черного». Я от него в восторге, «Плок и Плик» — дрянь. Это нагромождение нелепостей и чепухи, не имеющее даже достоинства оригинальности. Можно ли уже получить «Собор Богоматери»? До свиданья, сударыня. *(Франц.)*

А. Пушкин.

408

Я сейчас уезжаю в Царское Село и искренне сожалею, что не могу провести у вас вечер. Будь что будет с самолюбием Селли-

вана. Вы так находчивы — придумайте что-нибудь такое, что могло бы его успокоить. Всего лучшего, сударыня, и главное — до свиданья. *(Франц.)*

410

невмешательства. *(Франц.)*

411

Мне очень досадно, что я не могу провести вечер у вас. Вещь очень скучная, то есть обязанность заставляет меня идти зевать сам не знаю куда. Вот, сударыня, книги, которые вы были так добры одолжить мне. Легко понять ваше восхищение «Собором Богоматери». Во всем этом вымысле очень много изящества. Но, но... я не смею высказать всего, что о ней думаю. Во всяком случае, падение священника со всех точек зрения великолепно, от него дух захватывает. «Красное и черное» хороший роман, несмотря на фальшивую риторику в некоторых местах и на несколько замечаний дурного вкуса.

Вторник. *(Франц.)*

414

портфель. *(Франц.)*

Коня, коня! Престол мой за коня! *(Англ.)*

415

Свистунов сказал мне, что увидит вас сегодня вечером; пользуюсь случаем, сударыня, чтобы просить вас об одном одолжении; я предпринял исследование французской революции; покорнейше прошу вас, если возможно, прислать мне Тьера и Минье. Оба эти сочинения запрещены. У меня здесь есть только «Мемуары, относящиеся к революции». На днях я рассчитываю на несколько часов приехать в Петербург. Я воспользуюсь этим, чтобы явиться на Черную речку. *(Франц.)*

416

Спасибо, сударыня, за «Революцию» Минье, я получил ее через Новосильцева.— Правда ли, что Тургенев покидает нас и притом так внезапно?

Итак, у вас появилась холера; впрочем, не бойтесь. Это та же история, что и с чумой; порядочные люди от нее не умирают, как говорила маленькая гречанка. Надо надеяться, что эпидемия окажется не слишком сильной, даже среди простого народа. В Петербурге много воздуха, да притом и море...

Я исполнил ваше поручение,— вернее, не исполнил его — ибо

что за мысль явилась у вас заставить меня переводить русские стихи французской прозой, меня, не знающего даже орфографии? Кроме того, и стихи посредственные. Я написал на ту же тему другие, не лучше этих, и перешлю их вам, как только представится случай.

Будьте здоровы, сударыня, это сейчас самое неотложное, что я имею сказать вам. *(Франц.)*

417

с глазу на глаз. *(Франц.)*

419

Милостивая государыня,

Я вижу из письма, написанного вами Натали, что вы очень недовольны мною вследствие того, что я сообщил Афанасию Николаевичу о намерениях г-на Поливанова. Мне кажется, я сперва говорил об этом с вами. Не мое дело выдавать девиц замуж, и мне совершенно безразлично, будет ли предложение г-на Поливанова принято или нет, но вы добавили, что мое поведение делает мне мало чести. Это выражение оскорбительно и, осмеливаюсь сказать, я никоим образом его не заслужил.

Я был вынужден уехать из Москвы во избежание неприятностей, которые под конец могли лишить меня не только покоя; меня расписывали моей жене как человека гнусного, алчного, как презренного ростовщика, ей говорили: ты глупа, позволяя мужу и т. д. Согласитесь, что это значило проповедовать развод. Жена не может, сохраняя приличие, позволить говорить себе, что муж ее бесчестный человек, а обязанность моей жены — подчиняться тому, что я себе позволю. Не восемнадцатилетней женщине управлять мужчиной, которому 32 года. Я проявил большое терпение и мягкость, но, по-видимому, и то и другое было напрасно. Я ценю свой покой и сумею его себе обеспечить.

Когда я уезжал из Москвы, вы не сочли нужным поговорить со мной о делах; вы предпочли пошутить по поводу возможности развода, или что-то в этом роде. Между тем мне необходимо окончательно выяснить ваше решение относительно меня. Я не говорю о том, что предполагалось сделать для Натали; это меня не касается, и я никогда не думал об этом, несмотря на мою алчность. Я имею в виду 11 тысяч рублей, данные мною взаймы. Я не требую их возврата и никоим образом не тороплю вас. Я только хочу в точности знать, как вы намерены поступить, чтобы я мог сообразно этому действовать.

С глубочайшим уважением остаюсь, милостивая государыня, вашим покорнейшим и послушным слугой.

Александр Пушкин.

26 июня 1831 г. Царское Село. *(Франц.)*

420

Я всё откладывал письмо к вам, с минуты на минуту ожидая вашего приезда: но обстоятельства не позволяют мне более на это надеяться. Поэтому, сударыня, я поздравляю вас письменно и желаю м-ль Евпраксии всего доступного на земле счастья, которого столь достойно такое благородное и нежное существо.

Времена стоят печальные. В Петербурге свирепствует эпидемия. Народ несколько раз начинал бунтовать. Ходили нелепые слухи. Утверждали, что лекаря отравляют население. Двое из них были убиты рассвирепевшей чернью. Государь явился среди бунтовщиков. Мне пишут: (. . . . .). Нельзя отказать ему ни в мужестве, ни в умении говорить, на этот раз возмущение было подавлено; но через некоторое время беспорядки возобновились. Возможно, что будут вынуждены прибегнуть к картечи. Мы ожидаем двор в Царское Село, куда зараза еще не проникла; но думаю, что это не замедлит случиться. Да сохранит бог Тригорское от семи казней египетских; живите счастливо и спокойно, и да настанет день, когда я снова окажусь в вашем соседстве! К слову сказать, если бы я не боялся быть навязчивым, я попросил бы вас, как добрую соседку и дорогого друга, сообщить мне, не могу ли я приобрести Савкино, и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году. Что скажете вы, сударыня, о моих воздушных замках, иначе говоря о моей хижине в Савкине? — меня этот проект приводит в восхищение, и я постоянно к нему возвращаюсь. Примите, милостивая государыня, уверение в моем высоком уважении и совершенной преданности. Кланяюсь всему вашему семейству; примите также поклон от моей жены, в ожидании случая, когда я буду иметь удовольствие представить ее вам.

Царское Село. 29 июня 1831. *(Франц.)*

422

Ответьте пожалуйста. *(Франц.)*

424

Друг мой, я буду говорить с вами на языке Европы, он мне привычнее нашего, и мы продолжим беседы, начатые в свое время в Царском Селе и так часто с тех пор прерывавшиеся.

Вам известно, что́ у нас происходит: в Петербурге народ вообразил, что его отравляют. Газеты изощряются в увещаниях и торжественных заверениях, но, к сожалению, народ неграмотен, и кровавые сцены готовы возобновиться. Мы оцеплены в Царском Селе и в Павловске и не имеем никакого сообщения с Петербургом. Вот почему я не видел ни Блудова, ни Беллизара. Ваша рукопись

всё еще у меня; вы хотите, чтобы я вам ее вернул? Но что будете вы с ней делать в Некрополе? Оставьте ее мне еще на некоторое время. Я только что перечел ее. Мне кажется, что начало слишком связано с предшествовавшими беседами, с мыслями, ранее развитыми, очень ясными и несомненными для вас, но о которых читатель не осведомлен. Вследствие этого мало понятны первые страницы, и я думаю, что вы бы хорошо сделали, заменив их простым вступлением или же сделав из них извлечение. Я хотел было также обратить ваше внимание на отсутствие плана и системы во всем сочинении, однако рассудил, что это — письмо и что форма эта дает право на такую небрежность и непринужденность. Всё, что вы говорите о Моисее, Риме, Аристотеле, об идее истинного бога, о древнем искусстве, о протестантизме, изумительно по силе, истинности или красноречию. Всё, что является портретом или картиной, сделано широко, блестяще, величественно. Ваше понимание истории для меня совершенно ново, и я не всегда могу согласиться с вами: например, для меня непостижимы ваша неприязнь к Марку Аврелию и пристрастие к Давиду (псалмами которого, если только они действительно принадлежат ему, я восхищаюсь). Не понимаю, почему яркое и наивное изображение политеизма возмущает вас в Гомере. Помимо его поэтических достоинств, это, по вашему собственному признанию, великий исторический памятник. Разве то, что есть кровавого в Илиаде, не встречается также и в Библии? Вы видите единство христианства в католицизме, то есть в папе. Не заключается ли оно в идее Христа которую мы находим также и в протестантизме? Первоначально эта идея была монархической, потом она стала республиканской. Я плохо излагаю свои мысли, но вы поймете меня. Пишите мне, друг мой, даже если бы вам пришлось бранить меня. Лучше, говорит Экклезиаст, внимать наставлениям мудрого, чем песням безумца.

6 июля. Царское Село. *(Франц.)*

429

Раз он женат и небогат, надо дать ему средства к жизни (буквально: заправить его кастрюлю). *(Франц.)*

431

Ваше молчание начало уже меня тревожить, дорогая и добрая Прасковья Александровна; письмо ваше, пришедшее очень кстати, меня успокоило. Еще раз поздравляю вас и от глубины души желаю всем благополучия, спокойствия и здоровья. Я сам доставил ваши письма в Павловск, умирая от желания знать их содержание; но матери моей не оказалось дома. Вы знаете о том, что́ у них произошло, о выходке Ольги, о карантине и т. д. Теперь, слава богу, всё кончено. Родители мои уже не под арестом. Холеры боль-

ше бояться нечего — она кончится в Петербурге. Знаете ли вы, что в Новгороде, в военных поселениях, произошли волнения? Солдаты взбунтовались всё под тем же бессмысленным предлогом, что их отравляют. Генералы, офицеры и лекаря были все перебиты с утонченной жестокостью. Император отправился туда и усмирил бунт с поразительным мужеством и хладнокровием. Но нельзя допускать, чтобы народ привыкал к бунтам, а бунтовщики — к появлению государя. Кажется, теперь всё кончено. Вы судите о болезни гораздо вернее, чем врачи и правительство (. . . . . .) Если бы эту истину знали раньше, мы избежали бы множества бед. Теперь лечат холеру как всякое отравление — *постным маслом и горячим молоком,* не пренебрегая и паровыми банями. Дай бог, чтобы вам не пришлось воспользоваться этим рецептом в Тригорском.

Отдаю в ваши руки свои интересы и планы. Не важно, будет ли это *Савкино* или какое-нибудь другое место; я только хочу быть вашим соседом и владельцем красивого уголка. Благоволите сообщить мне стоимость такого или иного имения. Обстоятельства, повидимому, задержат меня в Петербурге дольше, чем я того желал бы, но это нисколько не меняет моих намерений и надежд.

Примите уверение в моей преданности и совершенном уважении. Кланяюсь всему вашему семейству.

29 июля. Царское Село *(Франц.)*

436

то есть на известное проявление христианского духа. Насколько христианство потеряло при этом в отношении своего единства, настолько же оно выиграло в отношении своей народности. *(Франц.)*

438

Quarterly (Review) — «Трехмесячное обозрение». *(Англ.)*

— верьте нежности той, которая будет любить вас и за гробом. *(Франц.)*

Морнея. *(Англ.)*

О женщина, женщина! созданье слабое и обманчивое... *(Франц.)*

443

ни время, ни разлука, ни дальность расстояния. *(Франц.)*

инкогнито, анонимно. *(Латин.)*

444

Соль. *(Исп.)*

и обвиняет тебя в фатовстве. *(Франц.)*

446

Благодарю вас, сударыня, за труд, который вы взяли на себя, вести переговоры с владетелями Савкина. Если один из них упорствует, то нельзя ли уладить дело с двумя остальными, махнув на него рукой? Впрочем, спешить некуда: новые занятия удержат меня в Петербурге по крайней мере еще на 2 или на 3 года. Я огорчен этим: я надеялся провести их вблизи Тригорского.

Моя жена очень благодарна вам за несколько строк, с которыми вы изволили к ней обратиться. Она предобрая и готова всем сердцем полюбить вас.

Не буду говорить вам о взятии Варшавы. Вы представляете себе, с каким восторгом мы приняли это известие после 9-месячных тяжелых неудач. Что скажет Европа? вот вопрос, который нас занимает.

Холера перестала свирепствовать в Петербурге, но теперь она пойдет гулять по провинции. Берегите себя, сударыня. Ваши желудочные боли меня пугают. Не забывайте, что холеру лечат, как обычное отравление: молоком и постным маслом — и еще: остерегайтесь холодного.

Прощайте, сударыня, прошу верить моему уважению и искренней привязанности. Приветствую всё ваше семейство.

11 сент. Царское Село. *(Франц.)*

447

Хотя вам уже знакомы эти стихи, но ввиду того, что сейчас я послал экземпляр их графине Ламберт, справедливо, чтобы и у вас был такой же.

(. . . . .)

Вы получите второй стих, как только я подберу его для вас. *(Франц.)*

448

Стихи эти были написаны в такую минуту, когда позволительно было пасть духом — слава богу, это время миновало. Мы опять заняли положение, которое не должны были терять. Это, правда, не то положение, каким мы были обязаны руке князя, вашего батюшки, но всё же оно достаточно хорошо. У нас нет слова для выражения понятия *безропотной покорности*, хотя это душевное состояние, или, если вам больше нравится, эта добродетель чрезвычайно свойственна русским. Слово *(столбняк)*, пожалуй, передает его с наибольшей точностью.

Хотя я и не докучал вам своими письмами в эти бедственные дни, я всё же не упускал случая получать о вас известия, я знал, что вы здоровы и развлекаетесь, это, конечно, вполне достойно «Декамерона». Вы читали во время чумы вместо того, чтобы слушать рассказы, это тоже очень философично.

Полагаю, что мой брат участвовал в штурме Варшавы; я не имею от него известий. Однако насколько пора было взять Варшаву! Вы, полагаю, читали стихи Жуковского и мои: ради бога, исправьте стих

Святыню всех твоих *градов*

Поставьте: (гробов). Речь идет о могилах Ярослава и печерских угодников; это поучительно и имеет какой-то смысл, *(градов)* ничего не означает.

Надеюсь явиться к вам в конце этого месяца. Царское Село может свести с ума; в Петербурге гораздо легче уединиться. *(Франц.)*

451

Спасибо, сударыня, за изящный перевод оды — я заметил в нем две неточности и одну описку переписчика. *(Иссякнуть)*, означает *tarir; (скрижали)* — tables, chroniques. *(Измаильский штык)* — la bayonette d'Ismaél, а не d'Ismailof.[1]

В Петербурге есть для вас письмо; это ответ на первое полученное мною от вас. Велите его вам доставить — я приложил к нему оду, посвященную покойному князю, вашему батюшке.

Г-н Опочинин оказал мне честь зайти ко мне — это очень достойный молодой человек — благодарю вас за это знакомство.

На этих днях буду у ваших ног. *(Франц.)*

453

«Мармион». *(Франц.)*

459

рассчитанной на эффект. *(Франц.)*

462

Генерал,

Неотложные дела требуют моего присутствия в Москве, и я, не будучи еще окончательно зачислен на службу, принужден отлучиться на две-три недели, не имея иного разрешения, как от одного лишь квартального. Считаю своим долгом поставить о том в известность ваше превосходительство.

Пользуюсь этим случаем, чтобы обратиться к вам по одному чисто личному делу. Внимание, которое вы всегда изволили мне оказывать, дает мне смелость говорить с вами обстоятельно и с полным доверием.

Около года тому назад в одной из наших газет была напечатана сатирическая статья, в которой говорилось о некоем литераторе,

---

[1] Штык Измаила, а не Измайлова.

претендующем на благородное происхождение, в то время как он лишь мещанин в дворянстве. К этому было прибавлено, что мать его — мулатка, отец которой, бедный негритенок, был куплен матросом за бутылку рома. Хотя Петр Великий вовсе не похож на пьяного матроса, это достаточно ясно указывало на меня, ибо среди русских литераторов один я имею в числе своих предков негра. Ввиду того, что вышеупомянутая статья была напечатана в официальной газете и непристойность зашла так далеко, что о моей матери говорилось в фельетоне, который должен был бы носить чисто литературный характер, и так как журналисты наши не дерутся на дуэли, я счел своим долгом ответить *анонимному* сатирику, что и сделал в стихах, и притом очень круто. Я послал свой ответ покойному Дельвигу с просьбой поместить в его газете. Дельвиг посоветовал мне не печатать его, указав на то, что было бы смешно защищаться пером против подобного нападения и выставлять напоказ аристократические чувства, будучи самому, в сущности говоря, если не мещанином в дворянстве, то дворянином в мещанстве. Я уступил, и тем дело и кончилось; однако несколько списков моего ответа пошло по рукам, о чем я не жалею, так как не отказываюсь ни от одного его слова. Признаюсь, я дорожу тем, что называют предрассудками; дорожу тем, чтобы быть столь же хорошим дворянином, как и всякий другой, хотя от этого мне выгоды мало; наконец, я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них.

Однако ввиду того, что стихи мои могут быть приняты за косвенную сатиру на происхождение некоторых известных фамилий, если не знать, что это очень сдержанный ответ на заслуживающий крайнего порицания вызов, я счел своим долгом откровенно объяснить вам, в чем дело, и приложить при сем стихотворение, о котором идет речь.

Примите, генерал, уверение в моем высоком уважении. Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

24 ноября. СПб. *(Франц.)*

463

Очень вам благодарен за «Мясника». В этой вещи чувствуется подлинный талант — но «Барнав»... «Барнав»; вот и Мандзони, принадлежащий графу Литте,— прошу вас отослать ему и не обращайте внимания на мои пророчества. *(Франц.)*

464

Я буквально без гроша. Прошу вас подождать день или два.

Весь ваш А. П. *(Франц.)*

466

маршрут, дневник путешествия. *(Франц.)*

«Иван Выжигин» (совершенно очаровательно!). *(Немецк.* и *франц.)*

469

вообще сменить всю прислугу *(буквально:* очистить дом). *(Франц.)*

470

головокружение. *(Франц.)*

471

Примите, сударыня, мою искреннюю благодарность за ваши любезные хлопоты с моими книгами. Я злоупотребляю вашей добротой и вашим временем, но прошу вас оказать мне последнюю милость — велите спросить наших людей в Михайловском, нет ли там еще сундука, посланного в деревню вместе с ящиками моих книг. Подозреваю, что Архип или кто-либо другой утаивает его по просьбе Никиты, моего слуги (ныне слуги Льва). Он должен заключать (я разумею сундук, а не Никиту) его платье и пожитки, а также и мои вещи и еще несколько книг, которых я не могу отыскать. Еще раз умоляю вас простить мою назойливость, но ваша дружба и снисходительность меня совершенно избаловали.

Посылаю вам, сударыня, «Северные цветы», коих я — недостойный издатель. Это последний год этого альманаха и дань памяти нашего друга, утрата которого будет для нас еще очень долго чувствительна. Прилагаю вздорные сказки, желаю, чтобы это вас хоть немного развлекло.

Мы узнали здесь о беременности вашей дочери. Дай бог, чтобы она закончилась счастливо и чтобы ее здоровье совершенно поправилось. Говорят, что после первых родов молодые женщины хорошеют; дай бог, чтобы они благоприятно отразились и на ее здоровье.

Благоволите принять, сударыня, уверение в моем высоком уважении и неизменной привязанности. *(Франц.)*

А. П.

473

ультиматум. *(Латин.)*

«Парижское обозрение». *(Франц.)*

За сим. *(Франц.)*

474

В сущности из числа крупных собственников. *(Франц.)*
легкий завтрак. *(Франц.)*

478

Конечно, я не забуду про бал у посланницы и прошу вашего разрешения представить на нем моего шурина Гончарова. Я очень рад, что («Онегин») вам понравился. Я дорожу вашим мнением.
Воскресенье. *(Франц.)*

483

намеки. *(Франц.)*

487

Генерал,

Его величество, удостив меня вниманием к моей судьбе, назначил мне жалованье. Но так как я не знаю, *откуда и считая с какого дня* я должен получать его, то осмеливаюсь обратиться к Вашему превосходительству с просьбой вывести меня из неизвестности. Благоволите простить мою докучливость и отнестись к ней со свойственной Вам снисходительностью.

Остаюсь с уважением, генерал, Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

3 мая 1832. *(Франц.)*

488

Господин (Алымов) сегодня в ночь уезжает во Псков и в Тригорское; он любезно согласился взять письмо к вам, милая, добрая и почтенная (Прасковья Александровна). Я еще не поздравил вас с рождением внука. Дай бог ему и его матери доброго здоровья, а нам всем — побывать на его свадьбе, если не пришлось быть на его крестинах. Кстати о крестинах: они будут скоро у меня (на Фурштатской в доме Алымова). Не забудьте этого адреса, если захотите написать мне письмецо. Я не сообщаю вам ни политических, ни литературных новостей,— думаю, что они вам надоели так же, как и всем нам. Нет ничего более мудрого, как сидеть у себя в деревне и поливать капусту. Старая истина, которую я ежедневно применяю к себе, посреди своей светской и суматошной жизни.— Не знаю, увидимся ли мы этим летом — это одно из моих сладостных желаний; если б только оно сбылось!

Прощайте, сударыня, нежно приветствую вас и всё ваше семейство. *(Франц.)*

489

Генерал,

Девица Кюхельбекер просила узнать у меня, не возьму ли я на себя издание нескольких рукописных поэм, оставленных ей ее братом. Я подумал, что дозволения цензуры для этого недостаточно, а необходимо разрешение вашего превосходительства. Осмеливаюсь выразить надежду, что разрешение, о котором я ходатайствую, не может повредить мне: я был школьным товарищем Кюхельбекера, и вполне естественно, что его сестра в этом случае обратилась ко мне, а не к кому-либо другому.

Теперь позвольте мне обеспокоить вас по некоторому личному делу. До сих пор я сильно пренебрегал своими денежными средствами. Ныне, когда я не могу оставаться беспечным, не нарушая долга перед семьей, я должен думать о способах увеличения своих средств и прошу на то разрешения его величества. Служба, к которой он соблаговолил меня причислить, и мои литературные занятия заставляют меня жить в Петербурге, доходы же мои ограничены тем, что доставляет мне мой труд. Мое положение может обеспечить литературное предприятие, о разрешении которого я ходатайствую,— а именно: стать во главе газеты, о которой господин Жуковский, как он мне сказал, говорил с вами.

Остаюсь с уважением, генерал, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

27 мая. *(Франц.)* Александр Пушкин.

490

Она как нельзя более взволнована состоянием Батюшкова. Она с самоотверженностью, поистине изумительной, предлагает сама явиться к нему, чтобы испробовать последнее средство. Кстати о самоотверженности: представьте себе, что жена моя имела неловкость разрешиться маленькой литографией с моей особы. Я в отчаянии, несмотря на всё свое самомнение. *(Франц.)*

491

Генерал,

Два или три года тому назад господин Гончаров, дед моей жены, сильно нуждаясь в деньгах, собирался расплавить колоссальную статую Екатерины II, и именно к вашему превосходительству я обращался по этому поводу за разрешением. Предполагая, что речь идет просто об уродливой бронзовой глыбе, я ни о чем другом и не просил. Но статуя оказалась прекрасным произведением искусства, и я посовестился и пожалел уничтожить ее ради нескольких тысяч рублей. Ваше превосходительство с обычной своей добротой подали мне надежду, что ее могло бы купить у меня правительство; поэтому я велел привезти ее сюда. Средства частных лиц не позволяют ни купить, ни хранить ее у себя, однако эта прекрасная статуя могла бы занять подобающее ей место либо в одном из

учреждений, основанных императрицей, либо в Царском Селе, где ее статуи недостает среди памятников, воздвигнутых ею в честь великих людей, которые ей служили. Я хотел бы получить за нее 25 000 р., что составляет четвертую часть того, что она стоила (этот памятник был отлит в Пруссии берлинским скульптором).

В настоящее время статуя находится у меня (Фурштатская улица, дом Алымова).

Остаюсь, генерал, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

8 июня 1832. СПб. *(Франц.)*

495

Ламартин. *(Франц.)*
Беранже. *(Франц.)*
В. Гюго. *(Франц.)*
А. Виньи. *(Франц.)*

496

кокю (cocu) — рогоносец. *(Франц.)*

498

«Мемуары» Дидро. *(Франц.)*
красавца Безобразова. *(Франц.)*

499

Аврора. *(Франц.)*
Наталия. *(Франц.)*
само собой понятно. *(Франц.)*

500

на манер Нинон. *(Франц.)*

501

За сим. *(Франц.)*

502

Честное слово — милый братец очень плох, вчера я привез его к себе. Он между сумасшествием и смертью, через час мы ждем кризиса — и вы получите о нем известия.

Как вам не совестно было так пренебрежительно отозваться о *Карре*. В его романе чувствуется талант, и он сто́ит вычурности вашего Бальзака. Прощайте, прекрасная и добрая. *(Франц.)*

503

Я так виноват перед вами и должен казаться таким неблагодарным, что мне совестно вам писать. Г-н Казасси доставил мне очень любезное письмо от вас; вы в нем просили у меня стихов для альманаха, который намеревались выпустить к этому году. Я задержал свой ответ по весьма уважительной причине: мне нечего было вам послать, и я всё ждал, как говорится, минуты вдохновения, то есть припадка бумагомарания. Но вдохновение так и не пришло, в течение последних двух лет я не написал ни одного стиха — и вот почему мое доброе намерение преподнести вам свои несчастные стишки отправилось мостить ад. Ради бога, не сердитесь, а лучше пожалейте меня за то, что мне никогда не удается поступать так, как мне следовало бы или хотелось бы.

Я поручил Ширяеву доставить вам всё напечатанное мною по возвращении из Тифлиса — не знаю, выполнил ли он это. Я же обязан вам большой благодарностью за присылку Тифлисских ведомостей — единственной из русских газет, которая имеет свое лицо и в которой встречаются статьи, представляющие действительный, в европейском смысле, интерес. Если вы видаете А. Бестужева, передайте ему поклон от меня. Мы повстречались с ним на Гут-горе, не узнавши друг друга, и с тех пор я имею о нем сведения лишь из журналов, в которых он печатает свои прелестные повести. Здесь распространился слух о его смерти, мы искренно оплакивали его и очень обрадовались его воскрешению (. . . . .).

Письмо это передаст вам г-н Россети, весьма достойный молодой человек, который покидает блестящий свет и ветреное и рассеянное существование для сурового ремесла грузинского солдата. Мы рекомендуем его вам и уверены, что вы поблагодарите нас за это знакомство.

Примите, милостивый государь, уверение в моем высоком уважении.

Александр Пушкин.

3 января 1833. СПб. *(Франц.)*

504

Судите о моем отчаянии, когда какой-то пьяница принес мне сегодня обратно ответ, посланный мною вчера на любезную записку, которую вы изволили мне написать. *(Франц.)*

513

Простите, тысячу раз простите, милая (...), что я не сразу поблагодарил вас за ваше любезное письмо и за его прелестную виньетку. Мне мешали всевозможные заботы. Не знаю, когда буду иметь счастье явиться в Тригорское, но мне дó смерти этого хочется. Петербург совершенно не по мне, ни мои вкусы, ни мои

средства не могут к нему приспособиться. Но придется потерпеть года два или три. Жена моя передает вам и Анне Николаевне тысячу приветствий. Моя дочь в течение последних пяти-шести дней заставила нас поволноваться. Думаю, что у нее режутся зубы. У нее до сих пор нет ни одного. Хоть и стараешься успокоить себя мыслью, что все это претерпели, но созданьица эти так хрупки, что невозможно без содрогания смотреть на их страданья. Родители мои только что приехали из Москвы. Они собираются к июлю быть в Михайловском. Мне очень хотелось бы поехать вместе с ними. *(Франц.)*

516а

Дорогой (Дмитрий Николаевич),

Ваше письмо пришло как раз в то время, когда я собирался Вам писать, чтобы поговорить с Вами о моих затруднениях в связи с предстоящими родами Наташи и о деньгах, которые мне будут крайне нужны. Таким образом, наши с Вами просьбы скрестились. Между тем мне удалось кое-что сделать. Князь Владимир Сергеевич Голицын сейчас находится здесь, и я с ним говорил о Вас и Вашем деле. Он мне показался расположенным оказать Вам услугу и сказал, что в конце месяца будет в Москве, где Вы сможете с ним переговорить. Если Вы устроите этот заем, я Вас попросил бы *одолжить мне на шесть месяцев* 6000 рублей, в которых я очень нуждаюсь и которые не знаю где взять; так как князю Голицыну совершенно все равно одолжить 35 или 40 000, и даже больше, это тот источник, из которого Вы будете так добры почерпнуть, если возможно. — Я не могу сделать этого сам, потому что не могу дать ему иной гарантии, кроме моего слова, и не хочу подвергать себя возможности получить отказ. Так как Вы глава семейства, в которое я имел счастье войти, и являетесь для нас настоящим добрым братом, я решаюсь надоедать Вам, чтобы поговорить о моих делах. Семья моя увеличивается, мои занятия вынуждают меня жить в Петербурге, расходы идут своим чередом, и так как я не считал возможным ограничить их в первый год своей женитьбы, долги также увеличились. Я знаю, что в настоящее время Вы не можете ничего сделать для нас, имея на руках сильно расстроенное состояние, долги и поддерживая семейство, но если бы Наталья Ивановна была так добра сделать что-либо для Наташи, как бы мало то ни было, это было бы для нас большой помощью. Вам известно, что, зная о ее постоянно стесненных обстоятельствах, я никогда не докучал ей просьбами, но необходимость и даже долг меня к тому вынуждают, так как, конечно, это не для себя, а только для Наташи и наших детей я думаю о будущем. Я не богат, а мои теперешние занятия мешают мне посвятить себя литературным трудам, которые давали мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Все это печально и приводит меня в уныние. Вы знаете,

что Наташа должна была получить 300 душ от своего деда; Наталья Ивановна мне сказала сначала, что она дает ей 200. Ваш дед не смог этого сделать, да я даже и не рассчитывал на это; Наталья Ивановна опасалась, как бы я не продал землю и не дал ей неприятного соседа; этого легко можно было бы избежать, достаточно было бы включить оговорку в дарственную, по которой Наташа не имела бы права продать землю. Мне чрезвычайно неприятно поднимать этот разговор, так как я же ведь не скряга и не ростовщик, хотя меня в этом и упрекали, но что поделаешь? Если Вы полагаете, что в этом письме нет ничего такого, что могло бы огорчить Наталью Ивановну, покажите его ей, в противном случае поговорите с ней об этом, но оставьте разговор, как только Вы увидите, что он ей неприятен.

Прощайте. *(Франц.)*

518

по стольку-то за лист. *(Франц.)*

520

Генерал,

Обстоятельства принуждают меня вскоре уехать на 2—3 месяца в мое нижегородское имение — мне хотелось бы воспользоваться этим и съездить в Оренбург и Казань, которых я еще не видел. Прошу его величество позволить мне ознакомиться с архивами этих двух губерний. *(Франц.)*

524

м-ль Пожарская. *(Франц.)*
мадам Жорж. *(Франц.)*

525

прелестной и божественной графини. *(Франц.)*
и что *ее прелестный образ* и т. д. *(Франц.)*
прелестную и божественную графиню. *(Франц.)*
божественную и прелестную. *(Франц.)*
божественную и прелестную графиню. *(Франц.)*
ее сердца и руки. *(Франц.)*
что он не в своей тарелке. *(Франц.)*
инкогнито. *(Латин.)*
джентльмен. *(Англ.)*

527

улицы, широкие и хорошо мощеные, дома построены основательно. *(Франц.)*

мадам Зихлер и т. д. *(Франц.)*

528

рогоносца. *(Франц.)*

Собачий сын, (. . . . .), почему ты не зашел ко мне? — Скотина,— (. . . . .), что ты сделал с моей малороссийской рукописью? *(Франц.)*

Прощай, красавица моя, кумир мой, прекрасное мое сокровище, когда же я тебя опять увижу?.. *(Итал.)*

531

синему чулку. *(Англ.)*

534

удачу. *(Франц.)*

537

паштетов из гусиной печенки. *(Франц.)*

538

на манер Нинон. *(Франц.)*

(что) отзывается невоспитанностью. *(Франц.)*

вульгарно. *(Англ.)*

540

Нинон. *(Франц.)*

На сердце каждого мужчины написано: *самой податливой.* *(Франц.)*

и т. д., и т. д.

положение рогоносца. *(Франц.)*

Луи-Филипп. *(Франц.)*

541

Стрюйса.

Степан Разин, Донской казак-бунтовщик, к публичным допросам привлеченный под председательством Шурцфлейша, при ответчике Иоганне Юсте Марции. *(Латин.)*

542

Сатирикон. *(Латин.)*

543

Ты, по преимуществу, человек страстный. *(Франц.)*

546

Вот «Анжель», граф. Моя жена одолжила ее госпоже Хитрово — прошу вас извинить меня и очень вас благодарю.

Шлю вам привет от всего сердца.

30 января. *(Франц.)* А. Пушкин.

547

Представляя его величеству том II Пугачева, приемлю смелость обратиться к вашему сиятельству по поводу обстоятельств, меня касающихся, и прибегнуть к вашей обычной благосклонности.

Разрешая напечатание этого труда, его величество обеспечил мое благосостояние. Сумма, которую я могу за него выручить, даст мне возможность принять наследство, от которого я вынужден был отказаться за отсутствием сорока тысяч рублей, недостававших мне. Этот труд мне их доставит, если я сам буду его издателем, не прибегая к услугам книгопродавца. 15 000 было бы мне достаточно.

У меня две просьбы: первая — чтобы мне разрешили отпечатать мое сочинение за мой счет в той типографии, которая подведомственна г-ну Сперанскому,— единственной, где, я уверен, меня не обманут; вторая — получить в виде займа на два года 15 000 — сумму, которая даст мне возможность посвятить изданию всё необходимое время и старание.

У меня нет другого права на испрашиваемую мною милость, кроме тех благодеяний, которые я уже получил и которые придают мне смелость и уверенность снова к ним прибегнуть. Покровительству вашего сиятельства вверяю я мою покорнейшую просьбу.

Остаюсь, граф, вашего сиятельства нижайший *(Франц.)*

551

Прошу вас, милая (Анна Петровна), прислать ко мне Арндта, но только не говорите об этом моим родителям. *(Франц.)*

552

Графиня,

Вот несколько сцен из трагедии, которую я имел намерение написать. Я хотел положить к вашим ногам что-либо менее несовершенное; к несчастью, я уже распорядился всеми моими рукопи-

сями, но предпочел провиниться перед публикой, чем ослушаться ваших приказаний.

Осмелюсь ли, графиня, сказать вам о том мгновении счастья, которое я испытал, получив ваше письмо, при одной мысли, что вы не совсем забыли самого преданного из ваших рабов?

Остаюсь с уважением, графиня,
вашим нижайшим и покорнейшим слугой
Александр Пушкин.

5 марта 1834.
Петербург. *(Франц.)*

563

Граф,

Весьма печально искупаю я заблуждения моей молодости. Лобзание Лелевеля представляется мне горше ссылки в Сибирь. Благодарю вас, однако ж, за то, что вы соблаговолили сообщить мне данную статью: она послужит мне текстом для проповеди.

Прошу вас, граф, повергнуть меня к стопам супруги вашей и принять изъявление моего высокого уважения.

Александр Пушкин. *(Франц.)*

566

Однако ж для придворных кавалеров существуют определенные правила, определенные правила. (. . . . .). Вы ошибаетесь: это для фрейлин. [1] *(Франц.)*

Пусть уж лучше меня высекут перед всеми, (как говорит) г-н Журден. *(Франц.)*

бифштекс. *(Англ.)*

570

Скажи мне, что ты пьешь, и я скажу тебе, кто ты. *(Франц.)*

отвар из апельсиновых листьев. *(Франц.)*

крепкую шутку. (. . . . .) До свиданья. *(Франц. и итал.)*

571

мадмуазель Зонтаг. *(Франц.)*

572

Софья Карамзина. *(Франц.)*

575

уже слишком. *(Франц.)*

---

[1] Игра слов les règles *значит* и «правила» и «регулы».

576

Софья Карамзина. (...) Софья. *(Франц.)*

581

Соллогуб. *(Франц.)*
чревовещатель. *(Франц.)*

582

буквально. *(Франц.)*
неприкосновенность семьи. *(Франц.)*
Софья. *(Франц.)*

Вас, вероятно, очень утомляет обязанность читать всё, что появляется. — Да, ваше императорское высочество, (. . . .) тем более, что в том, что теперь пишут, нет здравого смысла. *(Франц.)*

583

Энциклопедическом словаре. *(Немецк.)*

585

Я не думала, (. . . . .) что смерть Кочубея так огорчит меня. *(Франц.)*

Вчера на балу госпожа такая-то была решительно красивее всех и была одета лучше всех. (Прощай), госпожа такая-то. *(Франц.)*

в сущности говоря. *(Франц.)*
джентльмен. *(Англ.)*

587

Граф,

Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вижу себя вынужденным оставить службу и покорнейше прошу ваше сиятельство исходатайствовать мне соответствующее разрешение.

В качестве последней милости я просил бы, чтобы дозволение посещать архивы, которое соизволил мне даровать его величество, не было взято обратно.

Остаюсь с уважением, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

15 июня. С.-Петербург. *(Франц.)*

588

Термин карточной игры в бостон. (Франц.)
Прощай, жизнь моя; люблю тебя. *(Итал.)*

590

не иначе. *(Франц.)*
Сергей. *(Франц.)*

592

Граф,

Несколько дней тому назад я имел честь обратиться к вашему сиятельству с просьбой о разрешении оставить службу. Так как поступок этот неблаговиден, покорнейше прошу вас, граф, не давать хода моему прошению. Я предпочитаю казаться легкомысленным, чем быть неблагодарным.

Со всем тем отпуск на несколько месяцев был бы мне необходим.

Остаюсь с уважением, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

3 июля. *(Франц.)*

593

так как мой поступок неосмотрителен: (и сказал,) *что я предпочитаю казаться скорее легкомыслённым, чем неблагодарным. (Франц.)*

597

Граф,

Позвольте мне говорить с вами вполне откровенно. Подавая в отставку, я думал лишь о семейных делах, затруднительных и тягостных. Я имел в виду лишь неудобство быть вынужденным предпринимать частые поездки, находясь в то же время на службе. Богом и душою моею клянусь, — это была моя единственная мысль; с глубокой печалью вижу, как ужасно она была истолкована. Государь осыпал меня милостями с той первой минуты, когда монаршая мысль обратилась ко мне. Среди них есть такие, о которых я не могу думать без глубокого волнения, столько он вложил в них прямоты и великодушия. Он всегда был для меня провидением, и если в течение этих восьми лет мне случалось роптать, то никогда, клянусь, чувство горечи не примешивалось к тем чувствам, которые я питал к нему. И в эту минуту не мысль потерять всемогущего покровителя вызывает во мне печаль, но боязнь

оставить в его душе впечатление, которое, к счастью, мною не заслужено.

Повторяю, граф, мою покорнейшую просьбу не давать хода прошению, поданному мною столь легкомысленно.

Поручая себя вашему могущественному покровительству, осмеливаюсь изъявить вам мое высокое уважение.

Остаюсь с почтением, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

6 июля. С.-П. *(Франц.)*

600

От всего сердца благодарю вас, дорогая, милая и любезная (Прасковья Александровна), за письмо, которое вы были добры мне написать. Вижу, что вы по-прежнему сохраняете ко мне былую дружбу и участие. Отвечу вам откровенно на то, что касается Рейхмана. Я знаю его за честного человека, а в данную минуту это всё, что мне нужно. Я не могу довериться ни Михайле, ни Пеньковскому, ибо знаю первого и не знаю второго. Не имея намерения поселиться в Болдине, я не могу и помышлять о том, чтобы восстановить имение, которое, между нами говоря, близко к полному разорению: я хочу лишь одного — не быть обворованным и платить проценты в ломбард. Улучшения придут впоследствии. Но будьте покойны: Рейхман только что написал мне, что крестьяне так обнищали и дела идут так худо, что он не мог взять на себя управление Болдином и что в настоящую минуту он в Малинниках.

Вы не можете себе представить, до чего управление этим имением мне в тягость. Нет сомнения, Болдино заслуживает того, чтобы его спасти, хотя бы ради Ольги и Льва, которым в будущем грозит нищенство или по меньшей мере бедность. Но я не богат, у меня самого есть семья, которая зависит от меня и без меня впадет в нищету. Я принял имение, которое не принесет мне ничего, кроме забот и неприятностей. Родители мои не знают, что они на волос от полного разорения. Если б только они решились прожить несколько лет в Михайловском, дела могли бы поправиться; но этого никогда не будет.

Рассчитываю повидаться с вами нынешним летом и, разумеется, остановиться в Тригорском. Будьте добры передать мое почтение всему вашему семейству и примите еще раз мою благодарность и выражение чувств моего уважения и неизменной дружбы.

29 июня. СПб. А. П.

13 июля. Вот письмо, которое должно было быть у вас уже две недели тому назад. Не знаю, как случилось, что оно до сих пор не отослано. Дела мои задержат меня еще на некоторое время в Петербурге. Но я по-прежнему надеюсь появиться у ваших дверей. *(Франц.)*

605

есть животное, по природе своей слабое и болезненное. *(Франц.)*

Животное, по природе своей слабое и болезненное. *(Франц.)*

607

Милостивый государь,

Ответ г-на Загоскина еще не дошел до меня. Как только получу его письмо, буду иметь честь передать его вам.

А. Пушкин. *(Франц.)*

608

Мария. *(Франц.)*

чтобы сделать тебе ребенка. *(Франц.)*

(Ах), мосье, вы доставите мне большое удовольствие. *(Франц.)*

Господи, да мы все потеряли наших мужей и однако же утешились. *(Франц.)*

Сергей. *(Франц.)*

615

наш друг ростовщик. *(Франц.)*

617

это очень любезно с его стороны. *(Франц.)*

«Завоевание Англии норманнами». *(Франц.)*

626

Граф,

Я в отчаянии от необходимости вновь докучать вашему сиятельству, но г. Сперанский только что сообщил мне, что так как история Пугачевского бунта отпечатана в его отделении по повелению его величества государя императора, то ему невозможно выдать издание *(без высочайшего на то соизволения)*. Умоляю ваше сиятельство извинить меня и устранить это затруднение.

Остаюсь с глубочайшим уважением, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

17 декабря 1834. *(Франц.)*

628

Мы получили следующее приглашение от имени графини Бобринской: г-н и г-жа Пушкины и *ее сестра* и т. д. Отсюда страшное

волнение среди моего бабья (как выражается Антикварий В. Скотта): *которая?* Преполагая, что это попросту ошибка, беру на себя смелость обратиться к вам, чтобы вывести нас из затруднения и водворить мир в моем доме.

Остаюсь с уважением, граф, Ваш нижайший и покорнейший слуга

6 января 1835. *(Франц.)* А. Пушкин.

630

мадам Зихлер. *(Франц.)*

так как г-жа Нащокина брюнетка и так как у нее прекрасный цвет лица. *(Франц.)*

633

Графиня,

Вот книга, о которой шла речь. Умоляю вас не показывать ее решительно никому. Если я не имел счастья лично принести ее вам,— вы позволите мне по крайней мере зайти за нею. *(Франц.)*

638

Я медлил с ответом тебе, потому что не мог сообщить ничего существенного. С тех пор, как я имел слабость взять в свои руки дела отца, я не получил и 500 р. дохода; что же до займа в 13 000, то он уже истрачен. Вот счет, который тебя касается:

Энгельгардту	1330	
в ресторацию	260	
Дюме	220	(за вино)
Павлищеву	837	
портному	390	
Плещееву	1500	
Сверх того ты получил: ассигнациями	280	
(в августе 1834 г.) золотом	950	
	5767	

Твое заемное письмо (10 000) было выкуплено. Следовательно. не считая квартиры, стола и портного, которые тебе ничего не стоили, ты получил 1230 р.

Так как матери было очень худо, я всё еще веду дела, несмотря на сильнейшее отвращение. Рассчитываю сдать их при первом удобном случае. Постараюсь тогда, чтобы ты получил свою долю земли и крестьян. Надо надеяться, что тогда ты займешься собственными делами и потеряешь свою беспечность и ту легкость, с

которой ты позволял себе жить изо дня в день. С этого времени обращайся к родителям. Я не уплатил твоих мелких карточных долгов, потому что не трудился разыскивать твоих приятелей — это им следовало обратиться ко мне. *(Франц.)*

646

Очень прошу вас извинить меня. Мне невозможно будет пообедать у вас. Жена вдруг почувствовала себя очень плохо. Будьте добры сообщите мне адрес господина Сиркура.

Весь ваш Пушкин.

25 мая. *(Франц.)*

648

Осмеливаюсь представить на решение вашего сиятельства.

В 1832 г. его величество соизволил разрешить мне быть издателем политической и литературной газеты.

Ремесло это не мое и неприятно мне во многих отношениях, но обстоятельства заставляют меня прибегнуть к средству, без которого я до сего времени надеялся обойтись. Я проживаю в Петербурге, где благодаря его величеству могу предаваться занятиям более важным и более отвечающим моему вкусу, но жизнь, которую я веду, вызывающая расходы, и дела семьи, крайне расстроенные, ставят меня в необходимость либо оставить исторические труды, которые стали мне дороги, либо прибегнуть к щедротам государя, на которые я не имею никаких других прав, кроме тех благодеяний, коими он меня уже осыпал.

Газета мне дает возможность жить в Петербурге и выполнять священные обязательства. Итак, я хотел бы быть издателем газеты, во всем сходной с «Северной пчелой»; что же касается статей чисто литературных (как-то: пространных критик, повестей, рассказов, поэм и т. п.), которые не могут найти место в фельетоне, то я хотел бы издавать их особо (по тому каждые 3 месяца, по образцу английских Reviews[1]).

Прошу извинения, но я обязан сказать вам всё. Я имел несчастье навлечь на себя неприязнь г. министра народного просвещения, так же как князя Дондукова, урожденного Корсакова. Оба уже дали мне ее почувствовать довольно неприятным образом. Вступая на поприще, где я буду вполне от них зависеть, я пропаду без вашего непосредственного покровительства. Поэтому осмеливаюсь умолять вас назначить моей газете цензора из вашей канцелярии; это мне тем более необходимо, что моя газета должна выходить одновременно с «Северной пчелой» и я должен иметь время для перевода тех же сообщений — иначе я буду принужден перепечатывать новости, опубликованные накануне; этого одного будет довольно, чтобы погубить всё предприятие. *(Франц.)*

---

1 Обозрений.

649

Испрашивая разрешение стать издателем литературной и политической газеты, я сам чувствовал все неудобства этого предприятия. Я был к тому вынужден печальными обстоятельствами. Ни у меня, ни у жены моей нет еще состояния; дела моего отца так расстроены, что я вынужден был взять на себя управление ими, дабы обеспечить будущность хотя бы моей семьи. Я хотел стать журналистом для того лишь, чтобы не упрекать себя в том, что пренебрегаю средством, которое давало мне 40 000 дохода и избавляло меня от затруднений. Теперь, когда проект мой не получил одобрения его величества, я признаюсь, что с меня снято тяжелое бремя. Но зато я вижу себя вынужденным прибегнуть к щедротам государя, который теперь является моей единственной надеждой. Я прошу у вас позволения, граф, описать вам мое положение и поручить мое ходатайство вашему покровительству.

Чтобы уплатить все мои долги и иметь возможность жить, устроить дела моей семьи и наконец без помех и хлопот предаться своим историческим работам и своим занятиям, мне было бы достаточно получить взаймы 100 000 р. Но в России это невозможно.

Государь, который до сих пор не переставал осыпать меня милостями, но к которому мне тягостно . . . . . соизволив принять меня на службу, милостиво назначил мне 5 000 р. жалованья. Эта сумма представляет собой проценты с капитала в 125 000. Если бы вместо жалованья его величество соблаговолил дать мне этот капитал в виде *займа* на 10 лет и без процентов, — я был бы совершенно счастлив и спокоен. *(Франц.)*

650

Граф,

Мне совестно постоянно надоедать вашему сиятельству, но снисходительность и участие, которые вы всегда ко мне проявляли, послужат извинением моей нескромности.

У меня нет состояния; ни я, ни моя жена не получили еще той части, которая должна нам достаться. До сих пор я жил только своим трудом. Мой постоянный доход — это жалованье, которое государь соизволил мне назначить. В работе ради хлеба насущного, конечно, нет ничего для меня унизительного; но, привыкнув к независимости, я совершенно не умею писать ради денег; и одна мысль об этом приводит меня в полное бездействие. Жизнь в Петербурге ужасающе дорога. До сих пор я довольно равнодушно смотрел на расходы, которые я вынужден был делать, так как политическая и литературная газета — предприятие чисто торговое — сразу дала бы мне средство получить от 30 до 40 тысяч дохода. Однако дело это причиняло мне такое отвращение, что я намеревался взяться за него лишь при последней крайности.

Ныне я поставлен в необходимость покончить с расходами,

которые вовлекают меня в долги и готовят мне в будущем только беспокойство и хлопоты, а может быть — нищету и отчаяние. Три или четыре года уединенной жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия, которыми я пока еще обязан милостям его величества.

Я был осыпан благодеяниями государя, я был бы в отчаянье, если бы его величество заподозрил в моем желании удалиться из Петербурга какое-либо другое побуждение, кроме совершенной необходимости. Малейшего признака неудовольствия или подозрения было бы достаточно, чтобы удержать меня в теперешнем моем положении, ибо, в конце концов, я предпочитаю быть стесненным в моих делах, чем потерять во мнении того, кто был моим благодетелем, не как монарх, не по долгу и справедливости, но по свободному чувству благожелательности возвышенной и великодушной.

Вручая судьбу мою в ваши руки, честь имею быть с глубочайшим уважением, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

1 июня. СПб. *(Франц.)*

654

Соблаговолите, сударь, принять мою самую искреннюю благодарность за вашу любезную контрабанду. Простите ли вы мне, что я вам докучаю снова?

Мне было бы весьма необходимо иметь книгу о Германии этого негодника Гейне.

Смею ли я надеяться, что вы будете добры достать также и ее?

Примите, сударь, уверение в моем высоком уважении.

А. Пушкин. *(Франц.)*

655

Ваш доход равняется 22 000.

(. . . . .)

в дом	11 800
Льву	1500
Ольге	1500
управляющему	600
долг равняется —	15 400
недоимки	

итак, вы должны платить еще

Вы выручили 1600

22 000	16 000 уплачено
15 400	2 500 от . . . . .
6 600	2 000 должно платить. *(Франц.)*

658

Граф,

Я имел честь явиться к вашему сиятельству, но, к несчастью, не застал вас дома.

Осыпанный милостями его величества, к вам, граф, должен я обратиться, чтобы поблагодарить за участие, которое вам было угодно проявлять ко мне, и чтобы откровенно объяснить мое положение.

В течение последних пяти лет моего проживания в Петербурге я задолжал около шестидесяти тысяч рублей. Кроме того, я был вынужден взять в свои руки дела моей семьи: это вовлекло меня в такие затруднения, что я был принужден отказаться от наследства и что единственными средствами привести в порядок мои дела были: либо удалиться в деревню, либо единовременно занять крупную сумму денег. Но последний исход почти невозможен в России, где закон предоставляет слишком слабое обеспечение заимодавцу и где займы суть почти всегда долги между друзьями и на слово.

Благодарность для меня чувство не тягостное; и, конечно, моя преданность особе государя не смущена никакой задней мыслью стыда или угрызений совести; но не могу скрыть от себя, что я не имею решительно никакого права на благодеяния его величества и что мне невозможно просить чего-либо.

Итак, вам, граф, еще раз вверяю решение моей участи и, прося вас принять уверение в моем высоком уважении, имею честь быть с почтением и признательностью вашего сиятельства, граф, нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

22 июля 1835. С.-Петербург. *(Франц.)*

660

Граф,

Мне тяжело в ту минуту, когда я получаю неожиданную милость, просить еще о двух других, но я решаюсь прибегнуть со всей откровенностью к тому, кто удостоил быть моим провидением.

Из 60 000 моих долгов половина — долги чести. Чтобы расплатиться с ними, я вижу себя вынужденным занимать у ростовщиков, что усугубит мои затруднения или же поставит меня в необходимость вновь прибегнуть к великодушию государя.

Итак, я умоляю его величество оказать мне милость полную и совершенную: во-первых, дав мне возможность уплатить эти 30 000 рублей и, во-вторых, соизволив разрешить мне смотреть на эту сумму как на заем и приказав, следовательно, приостановить выплату мне жалованья впредь до погашения этого долга.

Поручая себя вашей снисходительности, имею честь быть с глубочайшим уважением и живейшей благодарностью вашего сиятельства, граф, нижайший и покорнейший слуга.

Александр Пушкин.

26 июля 1835. С.-Петербург. *(Франц.)*

668

«Опыты» г. Монтэня. *(Франц.)*

669

и т. п. *(Франц.)*

670

бюллетень.
г-жи Керн.
г-жи Занд.
Благодарю ваших сестер. *(Франц.)*

671

мадам Катрин. *(Франц.)*

675

Вот я, сударыня, и прибыл в Петербург. Представьте себе, что молчание моей жены объяснялось тем, что ей взбрело на ум адресовать письма в Опочку. Бог знает откуда она это взяла. Во всяком случае умоляю вас послать туда кого-нибудь из наших людей сказать почтмейстеру, что меня нет больше в деревне и чтобы он переслал всё у него находящееся обратно в Петербург.

Бедную мать мою я застал почти при смерти, она приехала из Павловска искать квартиру и вдруг почувствовала себя дурно у госпожи Княжниной, где остановилась. Раух и Спасский потеряли всякую надежду. В этом печальном положении я еще с огорчением вижу, что бедная моя Натали стала мишенью для ненависти света. Повсюду говорят: это ужасно, что она так наряжается, в то время как ее свекру и свекрови есть нечего и ее свекровь умирает у чужих людей. Вы знаете, как обстоит дело. Нельзя, конечно, сказать, чтобы человек, имеющий 1200 крестьян, был нищим. Стало быть, у отца моего кое-что есть, а у меня нет ничего. Во всяком случае Натали тут ни при чем, и отвечать за нее должен я. Если бы мать моя решила поселиться у нас, Натали, разумеется, ее бы приняла. Но холодный дом, полный детворы и набитый гостями, едва ли годится для больной. Матери моей лучше у себя. Я застал ее уже перебравшейся. Отец мой в положении, всячески достойном жалости. Что до меня, я исхожу желчью и совершенно ошеломлен.

Поверьте мне, дорогая госпожа Осипова, хотя жизнь и süsse Gewohnheit,[1] однако в ней есть горечь, делающая ее в конце концов отвратительной, а свет — мерзкая куча грязи. Тригорское мне милее. Кланяюсь вам от всего сердца. *(Франц.)*

678

Наконец, сударыня, я был утешен получением вашего письма от 27 ноября. Оно было около 4 недель в дороге. Мы не знали, что думать о вашем молчании. Не знаю, но полагаю, что вы в Пскове, и туда адресую это письмо. Матери моей лучше, но до выздоровления еще далеко. Она слаба, однако ж болезнь утихла. Отец всячески достоин жалости. Жена моя благодарит вас за память и поручает себя вашей дружбе. (. . . . .). Желаю вам здоровья и хороших праздников; ничего не говорю о моей неизменной преданности.

Государь только что оказал свою милость большей части заговорщиков 1825 г., между прочим и моему бедному Кюхельбекеру. (. . . . .). Край прекрасный, но мне бы хотелось, чтобы он был поближе к нам; и, может быть, ему позволят поселиться в деревне его сестры, г-жи Глинки. Правительство всегда относилось к нему с кротостью и снисходительностью.

Как подумаю, что уже 10 лет протекло со времени этого несчастного возмущения, мне кажется, что всё я видел во сне. Сколько событий, сколько перемен во всем, начиная с моих собственных мнений, моего положения и проч., и проч. Право, только дружбу мою к вам и вашему семейству я нахожу в душе моей всё тою же, всегда полной и нераздельной.

26 дек.

Ваше заемное письмо готово, и я вышлю его вам в следующий раз. *(Франц.)*

679

Обозрений. *(Англ.)*

682

Умоляю вас простить мне мою настойчивость, но так как вчера я не мог оправдаться перед министром —

Моя ода была послана в Москву без всякого объяснения. Мои друзья совсем не знали о ней. Всякого рода намеки тщательно удалены оттуда. Сатирическая часть направлена против гнусной жадности наследника, который во время болезни своего родственника приказывает уже наложить печати на имущество, которого

---

[1] сладкая привычка. *(Немецк.)*

он жаждет. Признаюсь, что подобный анекдот получил огласку и что я воспользовался поэтическим выражением, проскользнувшим на этот счет.

Невозможно написать сатирическую оду без того, чтобы злоязычие тотчас не нашло в ней намека. Державин в своем «Вельможе» нарисовал сибарита, утопающего в сластолюбии, глухого к воплям народа и восклицающего:

Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки.

Эти стихи применяли к Потемкину и к другим, между тем все эти выражения были общими местами, которые повторялись тысячу раз. Другими словами, в сатире наиболее низменные и наиболее распространенные пороки, описанные...

В сущности то были пороки знатного вельможи, и трудно сказать, насколько Державин был неповинен в каких-либо личных нападках.

В образе низкого скупца, пройдохи, ворующего казенные дрова, подающего жене фальшивые счета, подхалима, ставшего нянькой в домах знатных вельмож, и т. д. — публика, говорят, узнала вельможу, человека богатого, человека, удостоенного важной должности.

Тем хуже для публики — мне же довольно того, что я (не только не назвал), но даже не намекнул кому бы то ни было, что моя ода...

Я прошу только, чтобы мне доказали, что я его назвал,— какая черта моей оды может быть к нему применена, или же, что я намекал.

Всё это очень неопределенно; все эти обвинения суть общие места.

Мне неважно, права ли публика или не права. Что для меня очень важно, это — доказать, что никогда и ничем я не *намекал* решительно никому на то, что моя ода направлена против кого бы то ни было. *(Франц.)*

683

Милостивый государь,

Позвольте мне восстановить истину в отношении некоторых пунктов, где вы, кажется мне, находитесь в заблуждении. Я не припоминаю, чтобы вы цитировали что-либо из статьи, о которой идет речь. Заставило же меня выразиться с излишней, быть может, горячностью сделанное вами замечание о том, что я был неправ накануне, принимая близко к сердцу слова Сенковского.

Я вам ответил: (.....) Отождествлять вас с (свиньями и мерзавцами) — конечно, нелепость, которая не могла ни прийти мне в голову, ни даже сорваться с языка в пылу спора.

К великому моему изумлению, вы возразили мне, что вы всецело принимаете на свой счет оскорбительную статью Сенковского и в особенности выражение («обманывать публику»).

Я тем менее был подготовлен к такому заявлению с вашей стороны, что *ни накануне, ни при нашей последней встрече вы мне решительно ничего не сказали такого, что имело бы отношение к статье журнала.* Мне показалось, что я вас не понял, и я просил вас не отказать объясниться, что вы и сделали в тех же выражениях.

Тогда я имел честь вам заметить, что всё только что высказанное вами совершенно меняет дело, и замолчал. Расставаясь с вами, я сказал, что так оставить это не могу. Это можно рассматривать как вызов, но не как угрозу. Ибо, в конце концов, я вынужден повторить: я могу оставить без последствий слова какого-нибудь Сенковского, но не могу пренебрегать ими, как только такой человек, как вы, присваивает их себе. Вследствие этого я поручил г-ну Соболевскому просить вас от моего имени не отказать просто-напросто взять ваши слова обратно или же дать мне обычное удовлетворение. Доказательством того, насколько последний исход был мне неприятен, служит именно то, что я сказал Соболевскому, что не требую извинений. Мне очень жаль, что г-н Соболевский отнесся ко всему этому со свойственной ему небрежностью.

Что касается невежливости, состоявшей будто бы в том, что я не поклонился вам, когда вы от меня уходили, то прошу вас верить, что то была рассеянность совсем невольная, в которой я от всего сердца прошу у вас извинения.

Имею честь быть, милостивый государь, ваш нижайший и покорнейший слуга

4 февраля. *(Франц.)* А. Пушкин.

684

Князь,

С сожалением вижу себя вынужденным беспокоить ваше сиятельство; но, как дворянин и отец семейства, я должен блюсти мою честь и имя, которое оставлю моим детям.

Я не имею чести быть лично известен вашему сиятельству. Я не только никогда не оскорблял вас, но по причинам, мне известным, до сих пор питал к вам искреннее чувство уважения и признательности.

Однако же некто г-н Боголюбов публично повторял оскорбительные для меня отзывы, якобы исходящие от вас. Прошу ваше сиятельство не отказать сообщить мне, как я должен поступить.

Лучше нежели кто-либо я знаю расстояние, отделяющее меня от вас; но вы не только знатный вельможа, но и представитель нашего древнего и подлинного дворянства, к которому и я принадлежу, вы поймете, надеюсь, без труда настоятельную необходимость, заставившую меня поступить таким образом.

С уважением остаюсь вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга.

5 февраля 1836. *(Франц.)* Александр Пушкин.

685

Вы взяли на себя напрасный труд, давая мне объяснение, которого я у вас не требовал. Вы позволили себе обратиться к моей жене с неприличными замечаниями и хвалились, *что наговорили ей дерзостей.*

Обстоятельства не позволяют мне отправиться в Тверь раньше конца марта месяца. Прошу меня извинить. *(Франц.)*

688

Тысячу извинений, милый Каверин, за то что я не сдержу слова — непредвиденное обстоятельство заставляет меня удалиться немедленно. *(Франц.)*

697

Милостивый государь.

С истинным удовольствием получил я ваш прелестный перевод оды к Лукуллу и столь лестное письмо, ее сопровождающее. Ваши стихи столько же милы, сколько язвительны, а этим многое сказано. Если правда, как вы говорите в вашем письме, что хотели законным порядком признать вас потерявшим рассудок, то нужно согласиться, что с тех пор вы его чертовски приобрели.

Расположение, которое вы, по-видимому, ко мне питаете и которым я горжусь, дает мне право говорить с полным доверием. В вашем письме к г-ну министру народного просвещения вы, кажется, высказываете намерение напечатать ваш перевод в Бельгии, присоединив к нему несколько примечаний, необходимых, говорите вы, для понимания текста; осмеливаюсь умолять вас, милостивый государь, отнюдь этого не делать. Мне самому досадно, что я напечатал пьесу, написанную в минуту дурного расположения духа. Ее опубликование навлекло на меня неудовольствие кое-кого, мнением которого я дорожу и пренебречь которым не могу, не оказавшись неблагодарным и безрассудным. Будьте настолько добры пожертвовать удовольствием гласности ради мысли оказать услугу собрату. Не воскрешайте с помощью вашего таланта произведения, которое без этого впадет в заслуженное им забвение. Смею надеяться, что вы не откажете мне в любезности, о которой я прошу; вместе с тем покорно прошу вас принять уверения в моем совершенном уважении.

Имею честь быть, милостивый государь, ваш покорнейший и нижайший слуга

А. Пушкин.

24 марта 1836. С.-Петербург. *(Франц.)*

708

Квартира у него щегольская. *(Франц.)*
тринадцать. *(Франц.)*
Марии Вяземской. *(Франц.)*

709

Идалия. *(Франц.)*
к красавице-брюнетке. *(Франц.)*

712

по-родственному. *(Франц.)*

714

не красавица, (но) хорошенькая фигурка. *(Искаженный франц. яз.)*

715

в интересах мсье Дюрье и мадам Сихлер. *(Франц.)*
вы не оправдали (обманули). *(Франц.)*

716

в общем. *(Франц.)*

727

Погрешности, опечатки. *(Латин.)*

740

19 окт.

Благодарю за брошюру, которую вы мне прислали. Я с удовольствием перечел ее, хотя очень удивился, что она переведена и напечатана. Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что схизма (разделение церквей) отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством

энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и всё. Оно не принадлежит к хорошему обществу. Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре,— как, неужели всё это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблен,— но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал.

Вышло предлинное письмо. Поспорив с вами, я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, что равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью и истиной, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши исторические воззрения вам не повредили... Наконец, мне досадно, что я не был подле вас, когда вы передали вашу рукопись журналистам. Я нигде не бываю и не могу вам сказать, производит ли статья впечатление. Надеюсь, что ее не будут раздувать. Читали ли вы 3-й № «Современника»? Статья «Вальтер» и «Джон Теннер» — мои, Козловский

стал бы моим провидением, если бы захотел раз навсегда сделаться литератором. Прощайте, мой друг. Если увидите Орлова и Раевского, передайте им поклон. Что говорят они о вашем письме, они, столь посредственные христиане? *(Франц.)*

741

Дорогой отец, прежде всего — вот мой адрес: (. . . . .). Я вынужден был покинуть дом Баташева, управляющий которого негодяй.

Вы спрашиваете у меня новостей о Натали и о детворе. Слава богу, все здоровы. Не получаю известий о сестре, которая уехала из деревни больною. Ее муж, выводивший меня из терпения совершенно никчемными письмами, не подает признаков жизни теперь, когда нужно устроить его дела. Пошлите ему, пожалуйста, (доверенность) на ту часть, которую вы выделили Ольге; это необходимо. Лев поступил на службу и просит у меня денег; но я не в состоянии содержать всех: я сам в очень расстроенных обстоятельствах, обременен многочисленной семьей, содержу ее своим трудом и не смею заглядывать в будущее. Павлищев упрекает меня за то, что я трачу деньги, хотя я не живу ни на чей счет и не обязан отчетом никому, кроме моих детей. Он утверждает, что они всё равно будут богаче его сына; не знаю, но я не могу и не хочу быть щедрым за их счет.

Я рассчитывал побывать в Михайловском — и не мог. Это расстроит мои дела по меньшей мере еще на год. В деревне я бы много работал; здесь я ничего не делаю, а только исхожу желчью.

Прощайте, дорогой отец, целую ваши руки и обнимаю вас от всего сердца.

20 окт. 1836. *(Франц.)*

745

С.-Петербург, 10 ноября 1836.

Тысячу раз благодарю вас, милый князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недругов нашей страны. Я видел уже три перевода, из которых один сделан высокопоставленным лицом из числа *моих друзей,* но ни один не сто́ит вашего. Отчего вы не перевели этой пьесы в свое время, — я бы послал ее во Францию, чтобы щелкнуть по носу всех крикунов из Палаты депутатов.

Как я завидую вашему прекрасному крымскому климату: письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода. Там колыбель моего «Онегина», и вы, конечно, узнали некоторых лиц.

Вы обещаете перевод в стихах моего («Бахчисарайского фонтана»). Уверен, что он вам удастся, как всё, что выходит из-под вашего пера, хотя тот род литературы, которому вы предаетесь, самый трудный и неблагодарный из всех, какие я знаю. По-моему,

нет ничего труднее, как переводить русские стихи французскими, ибо, при сжатости нашего языка, никогда нельзя быть столь же кратким. Итак, честь и слава тому, кто справляется с этим так удачно, как вы.

Прощайте, я еще не отчаялся скоро увидеть вас в нашей столице, ибо знаю, как вы легки на подъем.

Весь ваш А. Пушкин. *(Франц.)*

746

Я не колеблюсь написать то, что могу заявить словесно. Я вызвал г-на Ж. Геккерена на дуэль, и он принял вызов, не входя ни в какие объяснения. И я же прошу теперь господ свидетелей этого дела соблаговолить считать этот вызов как бы не имевшим места, узнав из толков в обществе, что г-н Жорж Геккерен решил объявить о своем намерении жениться на мадемуазель Гончаровой после дуэли. У меня нет никаких оснований приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека.

Прошу вас, граф, воспользоваться этим письмом так, как вы сочтете уместным.

Примите уверение в моем совершенном уважении.

17 ноября 1836. (Франц.) А. Пушкин.

748

Барон,

Прежде всего позвольте мне подвести итог всему тому, что произошло недавно.— Поведение вашего сына было мне полностью известно уже давно и не могло быть для меня безразличным; но так как оно не выходило из границ светских приличий и так как я притом знал, *насколько* в этом отношении жена моя заслуживает мое доверие и мое уважение, я довольствовался ролью наблюдателя, с тем чтобы вмешаться, когда сочту это своевременным. Я хорошо знал, что красивая внешность, несчастная страсть и двухлетнее постоянство всегда в конце концов производят некоторое впечатление на сердце молодой женщины и что тогда муж, если только он не дурак, совершенно естественно делается поверенным своей жены и господином ее поведения. Признаюсь вам, я был не совсем спокоен. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь гротескную и жалкую, что моя жена, удивленная такой пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в отвращении самом спокойном и вполне заслуженном.

Но вы, барон,— вы мне позволите заметить, что ваша роль во всей этой истории была не очень прилична. Вы, представитель ко-

рованной особы, вы *отечески* сводничали вашему незаконнорожденному или так называемому сыну; всем поведением этого юнца руководили вы. Это вы диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и нелепости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о вашем сыне, а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома из-за лекарств, вы говорили, бесчестный вы человек, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына. Это еще не всё.

Вы видите, что я об этом хорошо осведомлен, но погодите, это не всё: я говорил вам, что дело осложнилось. Вернемся к анонимным письмам. Вы хорошо догадываетесь, что они вас интересуют.

2 ноября вы от вашего сына узнали новость, которая доставила вам много удовольствия. Он вам сказал, что я в бешенстве, что моя жена боится... что она теряет голову. Вы решили нанести удар, который казался окончательным. Вами было составлено анонимное письмо.

Я получил три экземпляра из десятка, который был разослан. Письмо это было сфабриковано с такой неосторожностью, что с первого взгляда я напал на следы автора. Я больше об этом не беспокоился и был уверен, что найду пройдоху. В самом деле, после менее чем трехдневных розысков я уже знал положительно, как мне поступить.

Если дипломатия есть лишь искусство узнавать, что делается у других, и расстраивать их планы, вы отдадите мне справедливость и признаете, что были побиты по всем пунктам.

Теперь я подхожу к цели моего письма: может быть, вы хотите знать, что помешало мне до сих пор обесчестить вас в глазах нашего и вашего двора. Я вам скажу это.

Я, как видите, добр, бесхитростен, но сердце мое чувствительно. Дуэли мне уже недостаточно, и каков бы ни был ее исход, я не сочту себя достаточно отмщенным ни смертью вашего сына, ни его женитьбой, которая совсем походила бы на веселый фарс (что, впрочем, меня весьма мало смущает), ни, наконец, письмом, которое я имею честь писать вам и которого копию сохраняю для моего личного употребления. Я хочу, чтобы вы дали себе труд и сами нашли основания, которые были бы достаточны для того, чтобы побудить меня не плюнуть вам в лицо, и чтобы уничтожить самый след этого жалкого дела, из которого мне легко будет сделать отличную главу в моей истории рогоносцев.

Имею честь быть, барон, ваш нижайший и покорнейший слуга

А. Пушкин. *(Франц.)*

749

Граф! Считаю себя вправе и даже обязанным сообщить вашему сиятельству о том, что недавно произошло в моем семействе. Утром 4 ноября я получил три экземпляра анонимного письма,

оскорбительного для моей чести и чести моей жены. По виду бумаги, по слогу письма, по тому, как оно было составлено, я с первой же минуты понял, что оно исходит от иностранца, от человека высшего общества, от дипломата. Я занялся розысками. Я узнал, что семь или восемь человек получили в один и тот же день по экземпляру того же письма, запечатанного и адресованного на мое имя под двойным конвертом. Большинство лиц, получивших письма, подозревая гнусность, их ко мне не переслали.

В общем, все были возмущены таким подлым и беспричинным оскорблением; но, твердя, что поведение моей жены было безупречно, говорили, что поводом к этой низости было настойчивое ухаживание за нею г-на Дантеса.

Мне не подобало видеть, чтобы имя моей жены было в данном случае связано с чьим бы то ни было именем. Я поручил сказать это г-ну Дантесу. Барон Геккерен приехал ко мне и принял вызов от имени г-на Дантеса, прося у меня отсрочки на две недели.

Оказывается, что в этот промежуток времени г-н Дантес влюбился в мою свояченицу, мадемуазель Гончарову, и сделал ей предложение. Узнав об этом из толков в обществе, я поручил просить г-на д'Аршиака (секунданта г-на Дантеса), чтобы мой вызов рассматривался как не имевший места. Тем временем я убедился, что анонимное письмо исходило от г-на Геккерена, о чем считаю своим долгом довести до сведения правительства и общества.

Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены и не требуя вследствие этого ни правосудия, ни мщения, я не могу и не хочу представлять кому бы то ни было доказательства того, что утверждаю.

Во всяком случае надеюсь, граф, что это письмо служит доказательством уважения и доверия, которые я к вам питаю.

С этими чувствами имею честь быть, граф, ваш нижайший и покорнейший слуга.

21 ноября 1836. *(Франц.)* А. Пушкин.

752

Барон,

Спешу сообщить вашему превосходительству сведения, которые вы желали иметь относительно правил, определяющих литературную собственность в России.

Литература стала у нас значительной отраслью промышленности лишь за последние двадцать лет или около того. До тех пор на нее смотрели только как на изящное аристократическое занятие. Г-жа де Сталь говорила в 1811 г.: *в России несколько дворян занялись литературой* (10 лет изгнания). Никто не думал извлекать из своих произведений других выгод, кроме успехов в обществе, авторы сами поощряли их перепечатку и тщеславились этим, между тем как наши академии со спокойной совестью и ничего не опасаясь подавали пример этого правонарушения. Первая

жалоба на перепечатку была подана в 1824 г. Оказалось, что подобный случай не был предусмотрен законодателем. Литературная собственность была признана нынешним монархом. Вот собственные выражения закона:

Всякий автор или переводчик книги имеет право ее издать и продать как собственность приобретенную (не наследственную).

Его законные наследники имеют право издавать и продавать его произведения (в случае, если право собственности не было отчуждено) в течение 25 лет.

По истечении 25 лет, считая со дня его смерти, его произведения становятся общественным достоянием. *Закон 22 апреля 1828 г.*

Приложение от 28 апреля того же года объясняет и дополняет эти правила. Вот его главные статьи:

Литературное произведение, напечатанное или находящееся в рукописи, не может быть продано ни при жизни автора, ни после его смерти для удовлетворения его кредиторов, если только он сам того не потребует.

Автор имеет право, невзирая на все прежние обязательства, выпустить новое издание своего произведения, если две трети в нем заменены или же совершенно переделаны.

Будет считаться виновным в контрафакции (незаконном перепечатывании): 1) тот, кто, перепечатывая книгу, не соблюдает формальностей, требуемых законом, 2) тот, кто продает рукопись или право ее напечатания двум или нескольким лицам одновременно, не имея на то согласия, *3) тот, кто издаст перевод произведения, напечатанного в России (или же с одобрения русской цензуры), присоединив к нему текст подлинника, 4) кто перепечатает за границей произведение, изданное в России или ж с одобрения русской цензуры, и будет продавать экземпляры в России.*

Эти правила далеко не разрешают всех вопросов, которые могут возникнуть в будущем. В законе нет никаких условий относительно посмертных произведений. Законные наследники должны были бы обладать полным правом собственности на них, со всеми преимуществами самого автора. Автор произведения, изданного под псевдонимом или же приписываемого известному писателю, теряет ли свое право собственности, и какому правилу следовать в таком случае? Закон ничего не говорит об этом.

Перепечатывание иностранных книг не запрещается и не может быть запрещено. Русские книгопродавцы всегда сумеют получать большие барыши, перепечатывая иностранные книги, сбыт которых всегда будет им обеспечен даже без вывоза, тогда как иностранец не сможет перепечатывать русские произведения из-за отсутствия читателей. Срок давности по делам о перепечатывании определен в два года.

Вопрос о литературной собственности очень упрощен в России, где никто не может представить свою рукопись в цензуру, не назвав автора и не поставив его тем самым под непосредственную охрану со стороны правительства.

Остаюсь с уважением, барон, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

16 декабря 1836. СПб. *(Франц.)*

755

24 декабря.

Вы не поверите, дорогая (Прасковья Александровна), сколько удовольствия доставило мне ваше письмо. Я не имел от вас известий больше четырех месяцев; и только позавчера г-н Львов сообщил мне их; в тот же день я получил ваше письмо. Я надеялся повидаться с вами осенью, но мне помешали отчасти мои дела, отчасти Павлищев, который привел меня в плохое настроение, так что я не захотел, чтобы казалось, будто я приехал в Михайловское для раздела.

Лишь с большим сожалением вынужден я был отказаться от того, чтобы быть вашим соседом, и я всё еще надеюсь не потерять этого места, которое предпочитаю многим другим. (Вот в чем дело:) сначала я предложил взять всё имение на себя одного, обязуясь выплачивать причитающиеся им части, из расчета по 500 р. за душу (. . . . .) Я послал его к чёрту, заявив, что если имение стоит вдвое дороже, я не хочу наживаться за счет брата и сестры. На этом дело остановилось. Хотите знать, чего бы я хотел? Я желал бы, чтобы вы были владелицей Михайловского, а я — я оставил бы за собой усадьбу с садом и десятком дворовых. У меня большое желание приехать этой зимой ненадолго в Тригорское. Мы переговорим обо всем этом. А тем временем шлю вам привет от всего сердца. Жена благодарит вас за память. (. . . . .) Передайте от меня поклон всему семейству; Евпраксии Николаевне в особенности. *(Франц.)*

757

Милостивый государь,

Я совершенно согласен на все условия, которые вы были добры мне предложить относительно издания тома моих стихотворений (в вашем письме от 23 декабря 1836 г.). Итак, решено, что вы распорядитесь отпечатать его в 2500 экземплярах, на бумаге, которую сами выберете, что вам одному будет поручена продажа издания с предоставлением 15% скидки и что доход с первых проданных томов пойдет на возмещение всех издержек по изданию, а также и 1500 рублей ассигнациями, которые вы любезно выдали мне вперед.

Благоволите принять, милостивый государь, уверение в моем совершенном уважении.

А. Пушкин.

29 декабря 1836. С.-Петербург. *(Франц.)*

762

У меня такое скверное перо, что госпожа Хитрова не может им пользоваться, и именно мне выпала удача быть ее секретарем. *(Франц.)*

763

Вот ответ Шереметева. Желаю, чтобы он был вам благоприятен — г-жа Хитрова сделала всё, что могла. Прощайте, прекрасная дама. Будьте покойны и довольны, и верьте моей преданности. *(Франц.)*

764

Раз вы не могли ничего добиться, вы, хорошенькая женщина, то что уж делать мне — ведь я даже и не красивый малый... Всё, что могу посоветовать, это снова обратиться к посредничеству... *(Франц.)*

765

(от *harap*, возглас охотника, чтобы отнять у собак добычу. *Рейф).* NB. *harap*, происходит от Herab.[1]

766

Барон,

Жена моя и свояченицы не преминут явиться на приглашение вашего сиятельства.

Спешу воспользоваться этим случаем, чтобы заверить вас в моем уважении. *(Франц.)*

768

Вы заставили меня найти красоту в моих стихах, милостивый государь. Вы облекли их в ту благородную одежду, в которой поэзия становится поистине богиней, vera in cessu patuit dea.[2] Благодарю вас за вашу драгоценную посылку.

Вы поэт и вы обучаете юношество; призываю на вас двойное благословение.

А. Пушкин. *(Франц.)*

770

во что бы то ни стало. *(Латин.)*

1 Вниз. *(Немецк.)*
2 в поступи явно сказалась богиня. *(Латин.)*

772

глупо (действовать). *(Франц.)*

773

Уже довольно давно не получал я от вас известий. Веневитинов сказал мне, что вы показались ему грустным и встревоженным и что вы собирались приехать в Петербург. Так ли это? мне нужно съездить в Москву, во всяком случае я надеюсь вскоре повидаться с вами. Вот уж наступает новый год — дай бог, чтоб он был для нас счастливее, чем тот, который истекает. Я не имею никаких известий ни от сестры, ни от Льва. Последний, вероятно, участвовал в экспедиции, и одно несомненно — что он ни убит, ни ранен. То, что он писал о генерале Розене, оказалось ни на чем не основанным. Лев обидчив и избалован фамильярностью прежних своих начальников. Генерал Розен никогда не обращался с ним, как с собакой, как он говорил, но как с штабс-капитаном, что совсем другое дело. У нас свадьба. Моя свояченица Екатерина выходит за барона Геккерена, племянника и приемного сына посланника короля голландского. Это очень красивый и добрый малый, он в большой моде и 4 годами моложе своей нареченной. Шитье приданого сильно занимает и забавляет мою жену и ее сестру, но приводит меня в бешенство. Ибо мой дом имеет вид модной и бельевой мастерской. Веневитинов представил доклад о состоянии Курской губернии. Государь был им поражен и много расспрашивал о Веневитинове; он сказал уже не помню кому: познакомьте меня с ним в первый же раз, что мы будем вместе. Вот готовая карьера. Я получил письмо от Пещуровского повара, который предлагает взять назад своего ученика. Я ему ответил, что подожду на этот счет ваших приказаний. Хотите вы его оставить? и каковы были условия ученичества? Я очень занят. Мой журнал и мой Петр Великий отнимают у меня много времени; в этом году я довольно плохо устроил свои дела, следующий год будет лучше, надеюсь. Прощайте, мой дорогой отец. Моя жена и всё мое семейство обнимают вас и целуют ваши руки. Мое почтение и поклоны тетушке и ее семейству. *(Франц.)*

778

Барри Корнуолла. *(Англ.)*

781

Я хотел бы задать вам один вопрос, но не будет ли он напрасен?

К счастью, нет. *(Франц.)*

782

Барон!

Позвольте мне подвести итог тому, что произошло недавно. Поведение вашего сына было мне известно уже давно и не могло быть для меня безразличным. Я довольствовался ролью наблюдателя, готовый вмешаться, когда сочту это своевременным. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивленная такой трусостью и пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном.

Я вынужден признать, барон, что ваша собственная роль была не совсем прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему сыну. По-видимому, всем его поведением (впрочем, в достаточной степени неловким) руководили вы. Это вы, вероятно, диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и нелепости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына.

Вы хорошо понимаете, барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы моя семья имела какие бы то ни было сношения с вашей. Только на этом условии согласился я не давать хода этому грязному делу и не обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, к чему я имел и возможность и намерение. Я не желаю, чтобы моя жена выслушивала впредь ваши отеческие увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын, после своего мерзкого поведения, смел разговаривать с моей женой, и еще того менее — чтобы он отпускал ей казарменные каламбуры и разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он просто плут и подлец. Итак, я вынужден обратиться к вам, чтобы просить вас положить конец всем этим проискам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым, конечно, я не остановлюсь.

Имею честь быть, барон, ваш нижайший и покорнейший слуга

26 января 1837. *(Франц.)* Александр Пушкин.

785

Виконт,

Я не имею ни малейшего желания посвящать петербургских зевак в мои семейные дела; поэтому я не согласен ни на какие переговоры между секундантами. Я привезу моего лишь на место

встречи. Так как вызывает меня и является оскорбленным г-н Геккерен, то он может, если ему угодно, выбрать мне секунданта; я заранее его принимаю, будь то хотя бы его егерь. Что же касается часа и места, то я всецело к его услугам. По нашим, по русским, обычаям этого достаточно. Прошу вас поверить, виконт, что это мое последнее слово и что более мне нечего ответить относительно этого дела; и что я тронусь из дому лишь для того, чтобы ехать на место.

Благоволите принять уверение в моем совершенном уважении.

27 января. *(Франц.)* А. Пушкин

786

Барри Корнуолла. *(Англ.)*

ПРИПИСЫВАЕМОЕ ПУШКИНУ

4

Образ, промелькнувший перед нами, который мы видели и который не увидим больше никогда! *(Франц.)*

5

Что делает ваш грубиян-супруг? *(Франц.)*

7

Хотите знать, что за женщина г-жа Керн? она податлива, всё понимает; легко огорчается и утешается так же легко; она робка в обращении и смела в поступках; но она чрезвычайно привлекательна. *(Франц.)*

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

2

буквально — игра в мяч. *(Франц.)*
скажите вашему господину и т. д. *(Франц.)*

5

Адам Мицкевич, профессор университета в Ковно, принадлежа, в возрасте 17 лет, к литературному обществу, которое существовало только в течение нескольких месяцев, был арестован следственной комиссией г. Вильно (1823). Мицкевич сознался, что ему было известно существование другого литературного общества, причем он не знал о его цели, которая состояла в пропаганде польского национализма. Впрочем, это общество существовало очень

недолго и было распущено перед указом. В конце семи месяцев Мицкевич был освобожден и отправлен в русские области, до тех пор, пока его величеству не будет угодно разрешить ему вернуться. Он служил под командой генерала Витта и генерал-губернатора Москвы. Он надеется, что если их отзывы будут благоприятны, власти разрешат ему вернуться в Польшу, куда его призывают домашние обстоятельства. *(Франц.)*

ИЗ ЧЕРНОВИКОВ

56

Это подражатель, мудрый и вдохновенный. *(Франц.)*
Изощренная игра словами и понятиями. *(Итал.)*
антитез
Мильвуа
Лавинь
поэт нашей цивилизации
цивилизация. *(Франц.)*

93

каламбур. *(Франц.)*
что со мной станется, если тебя посадят в крепость? *(Франц.)*

149

Правдоподобие положений и правдивость диалога — вот истинное правило трагедии. Шекспир понял страсти; Гёте — нравы... Каждый человек любит, ненавидит, печалится, радуется — но каждый на свой лад — почитайте-ка Шекспира... Вспомните Озлобленного у Байрона *(La pagato)* — это однообразие, этот подчеркнутый лаконизм... Отсюда эта принужденность и робость диалога. Читайте Шекспира — это мой постоянный припев... *(Франц.)*

684

Говорят, что князь Репнин позволил себе оскорбительные отзывы. Оскорбленное лицо просит князя Репнина соблаговолить не вмешиваться в дело, которое его никак не касается. Это обращение продиктовано не чувством страха или даже осторожности, но единственно чувством расположения и преданности, которое оскорбленное лицо питает к князю Репнину по известным ему причинам. *(Франц.)*

740

Петр Великий укротил дворянство, опубликовав *Табель о рангах,* духовенство — отменив патриаршество (NB: Наполеон сказал

Александру: Вы сами у себя *поп;* это совсем не так глупо). Но одно дело произвести революцию, другое дело это закрепить ее результаты. До Екатерины II продолжали у нас революцию Петра, вместо того, чтобы ее упрочить. Екатерина II еще боялась аристократии; Александр сам был якобинцем. Вот уже 140 лет как (.....) сметает дворянство; и нынешний император первый воздвиг плотину (очень слабую еще) против наводнения демократией, худшей, чем в Америке (читали ли вы Токвиля? Я еще под горячим впечатлением от его книги и совсем напуган ею).

Что касается духовенства, оно вне общества, оно еще носит бороду. Его нигде не видно, ни в наших гостиных, ни в литературе, ни в... Оно не принадлежит к хорошему обществу. Оно не хочет быть народом. Наши государи сочли удобным оставить его там, где они его нашли. Точно у евнухов — у него одна только страсть к власти. Потому его боятся. И, я знаю, некто, несмотря на всё свое упорство, согнулся перед ним в трудных обстоятельствах — что в свое время меня взбесило.

Религия чужда нашим мыслям и нашим привычкам, к счастью, но не следовало этого говорить.

Ваша брошюра произвела, кажется, большую сенсацию. Я не говорю о ней в обществе, в котором нахожусь.

Что надо было сказать и что вы сказали, это то, что наше современное общество столь же презренно, сколь глупо; что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью, правом и истиной, ко всему, что не является необходимостью. Это циничное презрение к мысли и к достоинству человека. Надо было прибавить (не в качестве уступки, но как правду), что правительство все еще единственный европеец в России. И сколь бы грубо и цинично оно ни было, от него зависело бы стать сто крат хуже. Никто не обратил бы на это ни малейшего внимания. *(Франц.)*

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО ИМЕНАМ ПОЛУЧАТЕЛЕЙ

(Цифры обозначают номера писем)

Алфавитный указатель произведений А. С. Пушкина помещен в IX томе.

Там же см. «Дополнения к томам I и II» (стр. 350).

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Текст проверен и примечания составлены
проф. *Л. Б. Модзалевским* и *И. М. Семенко*
под редакцией проф. *Б. В. Томашевского*

*

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

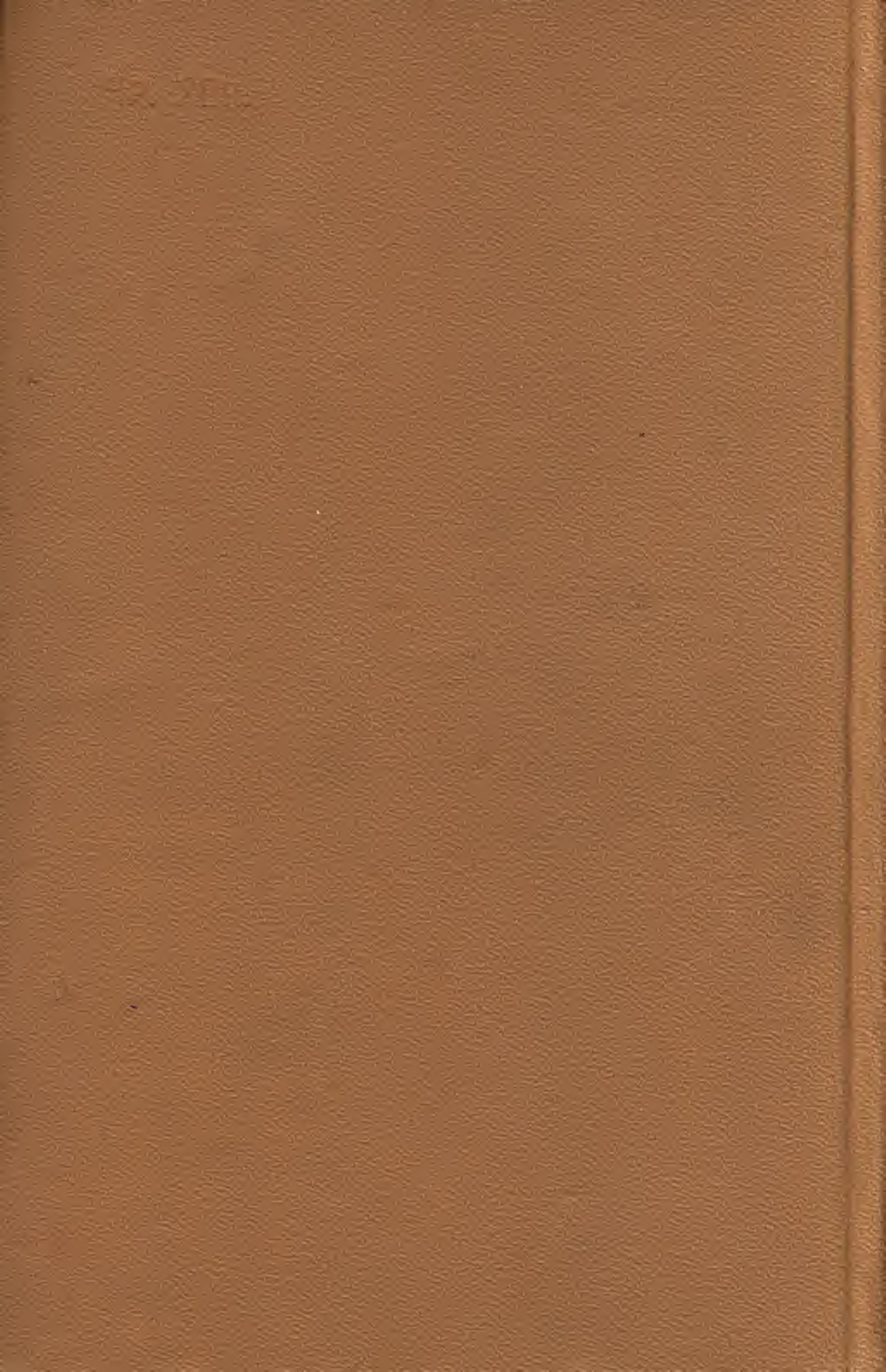
Том X

Редактор издательства *К. Н. Феноменов*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *Г. М. Алымова, О. И. Буркова,*
Р. Г. Гершинская и *А. И. Кац*

Сдано в набор 9/I 1979 г. Подписано к печати 4/VII 1979 г. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Бумага № 1. Печ. л. 22 $^{1}/_{4}$+1 вкл. ($^{1}/_{16}$печ. л.)=37.49 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 42.98. Тираж 300 000 (1-й завод 1—200 000). Изд. № 7029. Тип. зак. № 50. *Цена 4 р. 70 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука». 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Киевская книжная фабрика Республиканского производственного объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, ул. Воровского, 24.

X
А.С. ПУШКИН